

В. М. МАССОН, В. А. РОМОДИН

ИСТОРИЯ
АФГАНИСТАНА

I

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

В. М. МАССОН, В. А. РОМОДИН

ИСТОРИЯ АФГАНИСТАНА

· В ДВУХ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА 1964

В. М. МАССОН, В. А. РОМОДИН

ИСТОРИЯ АФГАНИСТАНА

ТОМ I

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАЧАЛА XVI ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА 1964

Ответственные редакторы:

Р. Т. АХРАМОВИЧ, Ю. В. ГАНКОВСКИЙ,
В. А. ЛИВШИЦ

*Вадим Михайлович Массон,
Вадим Александрович Ромодин*

ИСТОРИЯ АФГАНИСТАНА

ТОМ I

С древнейших времен до начала XVI века

*Утверждено к печати Ленинградской секцией Ученого совета
Института народов Азии Академии наук СССР*

Редактор *С. В. Полтавская*
Художник *А. Г. Кобрин*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Л. Т. Михлина*
Корректоры *Е. А. Мамиконян и Г. А. Невелева*

Сдано в набор 29/VI 1964 г. Подписано к печати 17/XII 1964 г. А-10878. Формат 60×90^{1/16}.
Печ. л. 29. Уч.-изд. л. 30.95. Тираж 2100 экз. Изд. № 1113. Темплан 1964 г. № 29.
Зак. 1567. Цена 2 руб.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука» -
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука»
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

ВВЕДЕНИЕ

В этой книге изложены основные события истории Афганистана с древнейших времен до начала XX в. В I том включены главы, посвященные древней и средневековой истории Афганистана, а во II — истории этой страны в новое время.

В главе «Афганцы и Афганистан на рубеже нового времени» изложены события XVI—XVII вв. Эта глава помещена в начале II тома. Она может послужить введением к последующим главам, поскольку в ней содержится материал, помогающий лучше понять развитие социально-экономических отношений у афганцев в новое время и историю афганского государства, созданного в XVIII в. Книга заканчивается главой о завоевании афганским государством независимости в 1919 г., явившемся важнейшим переломным моментом в его истории.

Сводных трудов, содержащих общий обзор многовековой истории Афганистана, нет ни в дореволюционной русской, ни в советской исторической литературе. Это прежде всего и побудило авторов попытаться заполнить пробел книгой, рассчитанной не только на специалистов-востоковедов, но также и на более широкие круги читателей.

Авторы видели свою главную задачу в том, чтобы дать сводку результатов изучения истории Афганистана, достигнутых современной наукой, основываясь на исследованиях и материалах, имеющихся в русской и советской специальной литературе, а также используя возможно более широкий круг работ зарубежных ученых. Вместе с тем авторы опирались также на результаты собственных исследований.

История народов Афганистана до сих пор во многих ее разделах еще мало исследована. Степень изученности отдельных периодов и проблем и обеспеченность источниками не могли не сказаться на полноте и характере изложения. Так, в главах по древней истории особое внимание уделялось археологическим и нумизматическим материалам, поскольку для этого периода они часто являются основными или даже единственными источниками.

Афганистан — страна гор и пустынь. Площадь современного афганского государства равна примерно 650 тыс. кв. км¹; $\frac{4}{5}$ ее занято горами и высокими плоскогорьями².

В северо-восточной части страны смыкаются высочайшие горные системы мира, образуя мощные массивы Памиро-Гиндукушского горного узла. Отсюда в различных направлениях расходятся горные цепи и хребты. По большей части они веерообразно устремляются на юго-запад. Там, у границ Ирана и Пакистана, раскинулись каменистые и песчаные пустыни: Дашти-Марго («Пустыня смерти»), Регистан («Страна песка») и др.

К сравнительно низменным областям относятся земли Систана и Балха (древняя левобережная Бактрия), но и они расположены на несколько сот метров выше уровня моря³.

Многие города Афганистана расположены очень высоко над уровнем моря: Кабул — 1760 м, Газни — 2360 м.

Высота отдельных вершин Гиндукуша — более чем 7 тыс. м. Один из хребтов Гиндукуша отходит на запад, постепенно понижаясь к перевалам Бамиан и Дандан-Шикан. На крайнем северо-западе Афганистана находится хребет, за которым на некоторых картах сохранилось античное название Паропамиз, употреблявшееся древними авторами для обозначения всей западной части Гиндукуша и даже в еще более широком смысле — применительно к горной системе Гиндукуша в целом.

Протянувшиеся от вершин Гиндукуша до Паропамиза горные хребты делят страну на две части (северную и южную) и служат водоразделом между бассейнами рек Аму-Дарья, Инда и Гильменда.

На восточных границах Афганистана хребет Хиндураджд отделяет долину Кунара от горных областей Баджаур и Дир (в Пакистане). Далее к югу до Кветто-Пишинского нагорья простираются Сулеймановы горы, по которым проходит афгано-пакистанская граница. Эти горы не очень высоки (в центральной части несколько более 3 тыс. м), но весьма круты, суровы и почти повсюду безлесны, обнажены и пустыньны.

Через Сулеймановы горы имеется ряд проходов к Инду: из Кабула по руслу р. Кабул через Хайбарское ущелье; из Газни через горный проход Точи и Гомальский проход;

¹ Согласно данным, публикуемым в статистических ежегодниках ООН и принятым в советской географической и справочной литературе. По подсчетам датского географа Хумлума, площадь Афганистана составляет 635 тыс. кв. км, а по некоторым другим подсчетам — до 691 тыс. кв. км (Humlum, *La géographie*, p. 16).

² По подсчетам Хумлума, 89,9% поверхности Афганистана выше 600 м над уровнем моря, а 43,6% — выше 1800 м (Humlum, *La géographie*, p. 17, table 17).

³ Бактрия не ниже 250 м, а Систанская котловина — от 200 до 500 м.

из Кандагара к Кветте по ущелью Ходжаки, а затем через Чаман и Боланский горный проход.

В центральной части Афганистана находится нагорье Хазараджат, пересеченное многочисленными хребтами, отдельные вершины которых поднимаются более чем на 4 тыс. м над уровнем моря. В юго-восточной части страны расположено обширное Газни-Кандагарское плоскогорье, высота которого на востоке достигает 3,3 тыс. м. На юго-запад оно понижается уступами, постепенно сливаясь с полосой пустынь. Крайний северо-запад страны представляет собой область холмистых предгорий Паропамиза, переходящую на территорию Туркменской ССР и известную уже в источниках IX—X вв. под названием Бадгис (Бадхиз). Это название сохранилось за ней до наших дней.

Афганистан отличается большим разнообразием климатических условий, что связано прежде всего с рельефом страны. В целом Афганистан находится в субтропических широтах, однако климат его довольно суров, что связано с континентальным положением страны. Муссоны, несущие влагу с Индийского океана, лишь изредка проникают на территорию Афганистана. Для климата страны в целом характерны: сухость воздуха и малая облачность, незначительность осадков и высокий расход влаги на испарение, резкость колебаний годовых, среднемесячных и суточных температур⁴.

Большая часть осадков выпадает зимой в виде снега и меньшая часть — в виде весенних дождей. Летом и осенью дожди крайне редки (за исключением некоторых долин восточной части страны), а в Кандагаре, Гиришке, Фарахе и Герате в эти времена года их обычно совсем не бывает.

Сухость климата характеризуется высокой испаряемостью и низкой цифрой среднегодового количества осадков, в основных земледельческих районах не превышающей 350 мм. Поэтому во всех основных земледельческих районах Афганистана с древних времен распространено орошаемое земледелие. Для орошения используются воды рек, ручьев и в некоторых случаях грунтовые воды, которые подводятся на поля по подземным каналам («кяризам»).

Воды крупнейших рек Афганистана — Аму-Дарья, Гильменда, Кабула, Герируда и Мургаба — далеко не в одинаковой степени используются для орошения. Вследствие трудности проведения каналов из Аму-Дарьи эта самая многоводная река Средней Азии непосредственно для ирригации на территории Афганистана до последнего времени не использовалась. Только в наши дни в независимом Афганистане стало возможным приступить к решению проблемы освоения

⁴ См. Вавилов — Букнинч, *Земледельческий Афганистан*, стр. 19, 20.

ее вод для сельского хозяйства. В прошлом же на левобережье Аму-Дарьи воду для орошения полей брали только из ее притоков.

Со стороны Афганистана в Аму-Дарью впадают Кокча (в Бадахшане), Кундуз (другое ее название Баглан), Балх (Балх-аб, иное ее название — Банди-Амир) и др.

Река Герируд, орошающая Гератский оазис, также относится к бассейну Аму-Дарьи, но не доходит до нее, теряясь в песках в пределах Туркменской ССР⁵. Река Мургаб пересекает советско-афганскую границу около Бала-Мургаба и, так же как Герируд, до Аму-Дарьи не доходит, пересыхая у Марыйского (Мервского) оазиса Туркменской ССР.

Крупнейшая река внутреннего бессточного бассейна Афганистана — Гильменд. Она начинается в горах между г. Кабулом и Бамианом. В верхнем течении, направляясь на запад, Гильменд пересекает Хазараджат. Стекая с гор на равнину Заминдавара, река орошает юго-западный Афганистан, теряясь в солончаках Систана.

Река Кабул в своем верхнем течении орошает земли южных склонов Гиндукуша и долину г. Кабула, а оттуда прорывается через несколько ущелий и течет по Лагманской долине (в древности Лампака); далее пересекает Джалалабадскую низменность и через Хайбарский проход выносит свои воды в Пешаварскую долину в Пакистане, где около Атока впадает в Инд.

Афганистан — страна чрезвычайного разнообразия ландшафтов. Контрастные различия наблюдаются не только между отдаленными, но даже между соседними районами⁶.

Сулеймановы горы являются границей крупных географических областей, различающихся климатом, растительным и животным миром. Особенно ярки контрасты между природными условиями Афганистана и Индостана при переезде от г. Кабула до г. Пешавара, расстояние между которыми не более 300 км. В Кабуле и в окрестных долинах пирамидальные тополя и белые акации (а в сравнительно бедных водою местах — саксаул и тамариск) — это еще очень близко напоминает картины природы Средней Азии, тогда как в Пешаваре — пальмы Индии, могучая южная растительность и не бывает зимних холодов (температура в ноль градусов воспринимается жителями Пешавара как на редкость суровый мороз).

Однако путешественник, едущий по р. Кабул от афганской столицы в сторону Пешавара, попадает в новый мир, еще не успев перевалить через Сулеймановы горы. В районе Джалалабада на расстоянии всего лишь около 150 км от

⁵ Река Герируд в пределах Туркменской ССР называется Тедженом.

⁶ См. Мухаммед Али, *Афганистан*, стр. 24, 25.

Кабула, влияние Индийского океана и тропического юга сказывается сильнее, чем где бы то ни было в других крупных оазисах Афганистана, и здесь в эту суровую горную страну по-настоящему вторгаются субтропики⁷.

В описании Кабульского вилайета — по точности, полноте сведений и меткости наблюдений, имеющем мало равных в литературе восточного средневековья, — Бабур так характеризовал резкую разницу между районами Кабула и Джалалабада: «Жаркую полосу от холодной полосы отделяет перевал Бадам Чашме. На кабульской стороне этого перевала выпадает снег, на курук-сайской и лагманатской сторонах снег не идет. Миновав этот перевал, человек видит другой мир: деревья — другие, травы — другие, животные — другие, нравы и обычаи у жителей — другие»⁸.

В Джалалабадском оазисе — аллеи пирамидальных кипарисов, много прекрасных рощ апельсиновых и лимонных деревьев, цветет магнолия и дает плоды финиковая пальма. На полях возделывается сахарный тростник и вызревают другие южные субтропические культуры. Оазис славится исключительным плодородием, а отсутствие зимы позволяет заниматься земледелием круглый год⁹. В наши дни в Джалалабадском оазисе ведется большое ирригационное строительство с помощью Советского Союза.

В районе Газни и во многих других горных районах Афганистана пригодной под посев земли мало и крестьянам приходится затрачивать большой труд не только на очистку полевых участков от камней, но и для наращивания слоя почвы, доставляя на поля землю¹⁰. Значительная часть территории Афганистана еще мало используется для земледелия; расширение обрабатываемых площадей тормозится недостаточным развитием ирригации.

Основой хозяйства Афганистана остаются и ныне, как в течение многих предшествующих веков, земледелие и скотоводство. Оседлое население сосредоточено главным образом в оазисах Кандагара, Джалалабада, Герата, по левобережью Аму-Дарьи и в горных долинах Кабула, Бадахшана и других. Значительную часть населения страны составляют скотоводы-кочевники (не менее 2 млн. человек). Часть их ежегодно совершает сезонные перекочевки на большие расстояния, передвигаясь летом со своими стадами на север страны, а зимою возвращаясь в южные области.

---

⁷ К субтропическому приближается климат и в некоторых местностях горной области Хост.

⁸ *Бабур-наме*, пер. Салье, 156.

⁹ См. Вавилов — Букинич, *Земледельческий Афганистан*, стр. 32, 48.

¹⁰ О работах по созданию искусственного слоя почвы в районе Газни писал уже Бабур (см.: *Бабур-наме*, л. 138-а).

Численность населения Афганистана, по приближенным оценкам, определяется в 13 млн. человек¹¹. Средняя плотность — около 20 человек на 1 кв. км. В районах пустынь и многих горных местностях на 1 кв. км приходится от одного до шести человек, а в высокогорных областях Гиндукуша — даже менее одного человека.

Население Афганистана отличается этнической пестротой. Самый многочисленный из народов этой страны (около 7 млн.) — афганцы, живут они в основном в южной и восточной частях страны. Язык афганцев — пушту (пашто, пахто) — относится к восточной группе иранских языков.

В быту и в общественной жизни афганцев до сих пор сохранились пережитки родо-племенных отношений, в частности деление на племена и роды. Самые крупные афганские племена (точнее, группы племен) — дурани и гильзаи; численность каждого из них около 1,5—2 млн. Дурани делятся на две ветви: зирак и панджпао. К ветви зирак относятся баракзаи, попользаи, алькозаи и ацакзаи; к ветви панджпао — нурзаи, исхакзаи, ализаи, хугиани, маку. Гильзаи также делятся на две ветви: гуран и буран (ибрахим-хель). В состав ветви гуран (западные гильзаи) входят хотаки, тохн, андар, а ветвь буран (восточные гильзаи) объединяет племена сулейман-хель, али-хель и др.

Из остальных афганских племен наиболее многочисленны вардаки (около 125 тыс. человек) и сафи (примерно 120 тыс. человек). Горную область Хост населяют три племена — дзадзи, дзадран и мангал, известные под общим (территориальным) названием хоствал. Общая численность этих трех племен составляет около 300 тыс.

Свыше 5 млн. афганцев населяет северо-западные районы Пакистана. В XIX в. эти земли были захвачены Англией и стали частью колониальной Британской Индии. В 1947 г. они были включены в состав созданного в том же году нового государства — Пакистан. В Пакистане оказались полностью или в подавляющем большинстве такие крупные афганские племена, с которыми связаны многие события истории афганского народа, как юсуфзаи, вазиры, афридии, хаттаки, какары и др.

Вторая по численности народность Афганистана — таджики — всего (включая близкие к ним мелкие этнические группы) около 3 млн.

Хазарейцев в Афганистане более миллиона человек. Это народность монгольского или тюрко-монгольского происхож-

¹¹ Эта цифра, как и приведенные ниже подсчеты, основана на ориентировочных данных. Всеобщих переписей населения в Афганистане не проводилось, и сколько-нибудь полных демографических данных пока опубликовано не было (ср. Коляко, *Организация статистики в Афганистане*).

дения, представители которой говорят на иранских диалектах. Узбеков, населяющих север страны, насчитывается также более миллиона. В Афганистане живут также туркмены, киргизы, казахи и каракалпаки.

В пределах Гератской провинции живет ряд народностей и племен, различных по своему происхождению, но говорящих ныне на языке фарси. Это таймени, хазара (или дех-и зейнат), джемшиды и фирузкухи, известные под собирательным названием чараймаков. Происхождение этих племен точно не выяснено, но признается, что во всяком случае значительная их часть отличается весьма смешанным этническим составом¹². В общей сложности численность их превышает 250 тыс.

Кроме того, в Афганистане живут белуджи, нуристанцы («кафиры»), теймури и другие этнические группы.

Земли Афганистана издавна отличались многоплеменным и многоязычным составом населения. Описывая в начале XVI в. Кабульский вилайет, Бабур сообщал, что в нем живут аймаки, тюрки и арабы, «в городе и в некоторых деревнях есть сарты, в некоторых других деревнях и в области — пашаи, парачи, таджики, бараки и афганцы». Отметив далее, что в западных горах вилайета находятся племена хазаре и никудери, причем некоторые среди этих племен говорят на монгольском языке (моголи), а также, что в горах к северо-востоку расположен Кафиристан, а на юге — Афганиста, Бабур перечисляет следующие языки населения Кабульского вилайета: арабский, фарси, тюрки, моголи, хинди, афгани, пашаи, парачи, гебри, бараки, ламгани¹³.

Далее, как бы подводя итог сказанному и сравнивая состав населения Кабульского вилайета с другими странами и областями, Бабур отмечает, что «такого разнообразия племен и различия языков неизвестно ни в одном другом вилайете»¹⁴.

Пестрота этнического состава населения характерна и для современного Афганистана, что объясняется событиями многовековой истории и связано с географическим положением страны. Через территорию Афганистана, лежащую на путях из Средней Азии и Ирана в Индию, неоднократно передвигались различные народы и племена, проходили войска завоевателей. Сюда попадали самые разнообразные народности и этнические группы, а часть их задерживалась и оседала здесь.

Пестрота этнического состава была свойственна уже крупным политическим объединениям древности, существовавшим на территории современного Афганистана. Учитывая это, авторы «Истории Афганистана» стремились, насколько позволяет имеющийся материал, равномерно освещать прошлое

¹² Ferdinand, *Preliminary notes*, p. 8.

¹³ *Бабур-наме*, л. 131-а — 131-б; изд. Ильминского, 161.

¹⁴ *Бабур-наме*, л. 131-б; изд. Ильминского, 161.

различных областей страны и населяющих ее народностей, особенно при изложении событий ранних периодов, когда очень трудно (а в ряде случаев пока и невозможно) выделить и разграничить сведения, относящиеся непосредственно к предполагаемым предкам самих афганцев и других народов. Поэтому в главах, посвященных древней истории, в равной мере уделяется внимание как Бактрии, основная территория которой в настоящее время населена главным образом таджиками и узбеками, так и Арахосии и Дрангиане (южные области современного Афганистана), ныне населенным афганскими племенами.

По мере приближения к нашему времени, а особенно в разделах, посвященных событиям XVI—XVII и последующих веков, все большее место уделяется как истории отдельных афганских племен, так и афганской народности в целом, о которых появляется все больше сведений в источниках.

Термин «Афганистан» появляется, по-видимому, не ранее чем в VI—VII вв. н. э., но регулярно встречается в письменных источниках лишь с XIII — начала XIV в. Однако вплоть до образования в XVIII в. афганского государства этот термин применялся в источниках в этнико-географическом смысле, обозначая области, населенные непосредственно афганскими племенами¹⁵.

Сколько-нибудь полное изложение истории афганцев невозможно без учета ее связей с историей соседних народов. Судьбы народов Афганистана, а в их числе и самих афганцев (и их предков), с древнейших времен были тесно связаны с историей народов Средней Азии, Ирана, Пакистана и Северной Индии. Следует постоянно иметь в виду, что политические, да и этнические границы, существовавшие в прошлом, как правило, значительно отличались от нынешних.

При отборе материала авторами были приняты два главных критерия: отношение излагаемых событий и фактов к истории народов, населяющих современный Афганистан; связь этих событий и фактов с территорией Афганистана (в нынешних его границах).

В соответствии с первым критерием авторы стремились в равной мере уделять место событиям истории афганцев, происходившим по обе стороны Сулеймановых гор, т. е. в областях, разделенных ныне афгано-пакистанской границей.

Принимая во внимание оба принятых критерия и опираясь на реальных фактах, определявших в течение многих веков судьбы Систана, рассматривается как целое древняя

¹⁵ Именно поэтому термин «Афганистан» значил тогда буквально «страна афганцев», так же как на основании того же признака название «Сакастан» (Систан) понималось как «страна саков», «Туркестан» — «страна турок» и т. п.

и средневековая история этой области, часть которой сейчас находится в пределах Ирана, и т. д.

В общей и специальной литературе часто можно встретить стремление ограничить хронологически историю Афганистана средними веками и новым временем, начиная ее с первых упоминаний этнонима «афганцы» в письменных источниках и полностью опуская тысячелетия древнейшего прошлого. Такой подход нельзя признать правильным.

Между историей народа и историей его современного наименования нельзя ставить знака равенства. История народов, как правило, древнее истории их современных названий. Поэтому и историю афганцев и Афганистана следует начинать не со времени образования государства Ахмед-шаха в XVIII в. и даже не с VI—VII или X—XI вв. н. э., когда в письменных источниках начинает встречаться термин «афганцы», а с древнейших периодов истории человеческого общества на данной территории.

Может быть поставлен вопрос: не будет ли модернизацией перенесение в древность и средние века тех политических границ, которые сложились в конкретных условиях нового времени? Но авторы и не предлагают такого механического переноса. На территории, ныне занимаемой Афганистаном, уже в древности сложился ряд конкретных историко-культурных общностей, как, например, Арея и Бактрия, Арахосия и Дрангиана. Их судьбы были различны и политические границы изменялись. Иногда одна из этих областей становилась центром могущественного объединения (греко-бактрийское царство, газневидское государство), иногда они входили в состав держав, чьи политические центры находились далеко от них (ахеменидская империя, селевкидская держава, государства Моголов и Сефевидов). Каждый раз события соответствующих периодов рассматриваются в конкретно-исторической обстановке. Полагая, что одним из путей для избежания ошибок, связанных с модернизацией, является борьба с анахронизмами в терминологии, авторы пользовались историко-географическими и государственно-политическими названиями, применявшимися в греческих, персидских и других важнейших источниках рассматриваемого времени, такими, как Арахосия, Дрангиана, Сакастан (позднее Систан), Бактрия (позднее Тохаристан), Хорасан и т. п. Для обозначения территорий северо-западной части полуострова Индостан, вошедших в XIX в. в состав Британской Индии, а с 1947 г. в состав республик Пакистан и Индия, авторы употребляют историко-географический термин «Северо-Западная Индия».

Исходя из основных задач исследования истории народов, авторы стремились уделять особое внимание проблемам развития производительных сил и социально-экономических от-

ношений, а также осветить, насколько позволяют данные, ряд вопросов истории материальной и духовной культуры.

История Афганистана дает материал, анализ которого позволяет поставить ряд методологических вопросов и выявить некоторые подробности, уточняющие и дополняющие имеющиеся в науке представления о социологических закономерностях. Прежде всего это относится к периоду позднего средневековья и нового времени, поскольку развитие феодализма, происходившее у многих афганских племен еще в XVIII—XIX вв., сравнительно детально освещается в письменных источниках. История афганцев дает возможность проследить этапы процесса возникновения частной собственности на землю, сменяющей при развитии феодальных отношений общую собственность на землю племен и их подразделений. Изучение развития феодализма у афганцев позволяет также осветить на конкретном материале переход родовой общины в соседскую, возникновение личной (феодальной) зависимости, изменение сущности родовых обычаев (при сохранении их формы) и ряд других проблем, в анализе которых многое было сделано И. М. Рейснером, впервые исследовавшим историю афганских племен и афганского государства с позиций исторического материализма¹⁶.

Опираясь на труды И. М. Рейснера и других советских историков Афганистана, авторы стремились критически их использовать, обобщить основные положения, проверяя их на материале источников, а также внести дополнения и уточнения по отдельным вопросам. В некоторых случаях представилось возможным наметить более общее социологическое значение проблем, связанных с исследованием особенностей развития феодализма у афганских племен. Так, у афганских племен наблюдаются факты коллективной зависимости одних общин и племен от других (вассальные племена, а кроме того, общины, получающие совместно землю у коллективного собственника — племени — и вносящие подати не отдельному лицу, а этому собственнику). Эти факты позволяют предположить, что первоначальной формой (или во всяком случае одной из ранних форм) феодальной зависимости у тех племен, которые переходили к классовому (феодальному) строю от первобытнообщинного строя (минуя рабовладельческую формацию), была зависимость одних общин от других.

В средние века многие области Афганистана неоднократно бывали очагами народных движений и восстаний, участники которых выступали под знаменами «еретических» рели-

---

¹⁶ Более подробные сведения о работах И. М. Рейснера и других упомянутых во Введении авторов см. в Обзоре источников и литературы, помещенном во II томе наст. изд., а библиографическое их описание см. в Библиографиях к I и II томам.

гиозных толков и сект: карматов, исмаилитов и др. Как известно, в средние века повсюду антифеодальные выступления трудящихся проходили под лозунгами «еретических» учений. В формы религиозной идеологии облекалась классовая борьба, которая, являясь главной движущей силой истории общества (за исключением первобытных времен), охватывает как сферу экономики, так и сферу политики и область идеологических отношений¹⁷.

Несмотря на то, что в источниках феодальной эпохи, как правило, замалчивались или сильно искажались события классовой борьбы, имеющиеся в них сведения о крупнейших народных движениях, восстаниях позволили советским историкам средневекового Востока в той или иной мере восстановить их историю. Мы приводим сведения о таких движениях, связанных с историей Афганистана, уделяя особое внимание движению «рошани», охватившему в XVI — начале XVII в. области афганских племен. В советской историографии начало изучению истории рошани было положено М. Г. Аслановым, консультациями которого мы пользовались при освещении вопросов, связанных с движением рошани¹⁸.

В главах по новой истории большое внимание уделено проблемам истории борьбы народов Афганистана за независимость и истории возникновения и развития Афганского государства. Освещение этих вопросов значительно облегчалось наличием исследований советских историков, из которых наибольшее значение имеют труды И. М. Рейснера, а также Ю. В. Ганковского, посвященные Афганскому государству в XVIII в., и Л. Р. Гордон-Полонской о социально-экономических отношениях у афганских племен во второй половине XIX в.

Обратившись к проблемам экономической и политической истории Афганистана конца XIX — начала XX в., пришлось убедиться, что этот период сравнительно недавнего прошлого остается еще очень мало изученным (хотя изучение многих проблем этого периода, например движения младоафганцев и его корней в социально-экономической и политической истории страны, важно для понимания событий новейшего времени). Это обстоятельство вызвало необходимость, прежде чем написать IX главу II тома, предварительно исследовать ряд частных вопросов и ознакомиться с источниками, позво-

---

¹⁷ О методологическом значении исследования истории классовой борьбы во всех ее аспектах в связи с задачами изучения исторического процесса во всей его сложности и противоречивости см. Федосеев — Фрагцев, *О разработке методологических вопросов истории*, стр. 5—7.

¹⁸ М. Г. Асланов любезно согласился прочесть в рукописи первую главу II тома нашей книги и сделал ценные замечания, позволившие уточнить ряд изложенных в ней вопросов.

для уточнить имеющиеся в советской литературе характеристики идеологии младоафганцев, прежде всего с афганским периодическим печатным органом «Сирадж ал-Ахбар».

И при работе над другими главами книги авторам пришлось столкнуться с тем обстоятельством, что некоторые периоды и отдельные проблемы сравнительно хорошо освещены в специальных исследованиях, тогда как многие другие остаются малоизученными. Причины этого кроются в недостаточном внимании исследователей и в отсутствии необходимых источников — письменных и вещественных.

При написании глав, посвященных древней и средневековой истории Афганистана, значительные трудности возникали в связи с тем, что по ряду периодов далеко не полностью приведен в известность и систематизирован материал, представляемый такими вспомогательными историческими дисциплинами, как нумизматика, хронология и генеалогия, топонимика и т. п. В связи с этим значительное место в книге уделено вопросам династической, а также политической истории в более широком смысле слова (которая, конечно, отнюдь не сводится к вопросам генеалогии и хронологии правивших династий).

Заканчивая краткую характеристику поставленных в книге общих проблем и некоторых вопросов более частного характера, связанных с отдельными главами и освещением отдельных периодов, авторы считают нужным более подробно остановиться на двух проблемах. Во-первых, это проблема общественного строя у народов Афганистана в древности и в средние века в связи с неравномерностью их социально-экономического развития. У одних из этих народов уже в древнее время существовали классовые общества, у других, в частности у афганских племен, становление феодализма произошло в более поздний исторический период. Во-вторых, это проблема этногенеза афганского народа.

Рассматривая во Введении и далее в книге эти и ряд других проблем истории афганцев и Афганистана, авторы ставили своей задачей уечь основные теории, гипотезы и предположения, имеющиеся в исторической литературе. При этом они стремились определить степень их обоснованности и разграничить положения, твердо установленные в науке как истинные, и гипотезы, требующие дальнейшей разработки и подкрепления новыми доказательствами, не смешивая с последними догадок, более или менее остроумных и правдоподобных, но не обеспеченных достаточно вескими доводами, чтобы признать их полноправными научными гипотезами.

В социально-экономической истории древнего Афганистана много неясного в вопросе о характере общественных отношений в Бактрии, Арее и соседних с ними областях и странах

в период с VI в. до н. э. до IV в. н. э. Этот вопрос теснейшим образом связан с проблемами древней истории Средней Азии, и на результаты работ советских ученых приходится в первую очередь опираться и при изучении прошлого Афганистана. Вплоть до самого последнего времени исследователи периода VI в. до н. э.— IV в. н. э., оперируя скудными данными письменных источников и нумизматических коллекций, уделяли основное внимание преимущественно политической истории греко-бактрийского царства и кушанской империи, индо-сакских и индо-парфянских правителей. Советские историки, введя в научный обиход большой археологический материал, поставили вопросы изучения древней экономики и подошли к правильному разрешению проблемы развития общественных отношений¹⁹. Была вскрыта несостоятельность теории извечного феодализма, пропагандируемой буржуазными историками, и рассматриваемое время было определено как период развития рабовладельческих отношений в Средней Азии.

Рассматривая данные, характеризующие прошлое Афганистана, следует сказать, что в целом в основных земледельческих оазисах древнего периода отмечаются те же закономерности общественного развития, что и на территории Средней Азии. В IX—VII вв. до н. э. в этих оазисах Афганистана происходил интенсивный процесс разложения первобытно-общинного строя и развития классовых отношений. С VI в. до н. э. по IV в. н. э. в Бактрии, Арее, Арахосии и Дрангиане существовало развитое классовое общество. В этих странах процветали крупные города, развивались торговля и денежное обращение. В конце этого периода происходил определенный перелом, проявлявшийся и в области хозяйства, и в культуре, и, видимо, в общественных отношениях. Этот перелом является как бы рубежом, отделяющим рассматриваемый период от эпохи возникновения феодальных отношений. Все это дает основания считать вслед за советскими историками Средней Азии, что время с VI в. до н. э. по IV в. н. э. и для Афганистана было периодом рабовладельческого общества.

Вместе с тем имеющийся в распоряжении исследователей фактический материал пока еще недостаточен для конкретной характеристики расстановки социальных сил внутри древних обществ Средней Азии и Афганистана. Реальные возможности для частичного восполнения этого пробела открывает исследование древних архивов, добытых из земли усилиями археологов: парфянского архива из Нисы, хорезмийского из Топрак-Калы, согдийского с горы Муг. Но разработка их еще не завершена. Не менее важно продолжение широких архео-

---

¹⁹ Библиографические данные об основных работах советских авторов по этому вопросу см. во II томе в «Обзоре источников и литературы».

логических изысканий, и в первую очередь систематических раскопок городских и сельских поселений, особенно на территории Афганистана, где до сих пор еще мало обращалось внимания на археологический материал, необходимый для исследования этой проблематики.

Обращаясь к истории социально-экономических отношений в средние века и к проблеме генезиса феодализма в Афганистане, следует отметить, что для этого времени характерна весьма значительная неравномерность социально-экономического развития населявших территорию Афганистана народностей и племен (вероятно, эта черта проявлялась и ранее, со времен древности).

Такая неравномерность объясняется отчасти географическими условиями горной страны — ее сильно изрезанным рельефом и множеством труднодоступных и изолированных районов, а также связанными с географическим положением Афганистана, как ворот в Индию, историческими событиями — вторжениями завоевателей и передвижениями племен и народов, в результате которых на территории Афганистана, как уже отмечалось выше, создавалась характерная для этой страны пестрота этнического состава населения.

У скотоводческих племен, а также у земледельцев в горных районах (Гур, Сулеймановы горы, долина р. Кунар и др.) большую стойкость проявляли родо-племенные отношения. В этих местах развитие феодализма происходило гораздо медленнее и завершилось намного позднее, чем в долинных оазисах и областях городской культуры.

Неразвитость феодальных отношений у кочевников и горцев-земледельцев и сохранение у них патриархально-родовых пережитков во многих случаях были источником военной силы их ополчений, часто обнаруживавших свое превосходство над наемными войсками феодальных правителей.

Из знати горных племен неоднократно выдвигались государи, основывавшие династии самостоятельных феодальных правителей и совершавшие походы в соседние страны.

Из таких племен в эпоху феодализма наиболее видную роль в истории Афганистана (и отчасти соседних с ним стран) играли в XII—XIV вв. гурцы, а в позднее средневековье и новое время — афганцы²⁰.

Может быть поставлен вопрос: почему в сравнительно близком соседстве с такими областями древних цивилизаций с развитым классовым строем рабовладельческой, а затем феодальной эпох, как Бактрия (Балх), Гандхара и сазисы

---

²⁰ Это важное для политической, да и не только политической, истории Афганистана обобщение было сделано В. В. Бартольд, отметившим роль гурцев в средние века и афганцев в новое время (см. Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*, стр. 36—37, 54).

Систана, долго сохраняли черты архаических отношений племени гурцев, афганцев, нуристанцев? Для сколько-нибудь полного ответа на этот вопрос еще нет достаточного материала. Можно предполагать, что горные районы, населенные кочевыми и полукочевыми племенами, и в древности, и в средние века играли в какой-то мере роль периферии долинных областей земледельческой и городской культуры. Однако не исключено, что иногда одни и те же народности и родственные группы племен занимали и соседние долины и горы.

Сам по себе факт большой неравномерности развития и сохранения, в частности у афганцев, сильных пережитков родового строя вплоть до нового времени не столь поразителен, как кажется с первого взгляда. Более или менее сходные явления неравномерности развития встречаются в новое время не только, например, на Кавказе, но, не менее контрастные, и в некоторых районах Западной Европы, как, например, еще в XVIII в. в Шотландии.

Много неясного остается в вопросе о том, каковы были формы общественных отношений у афганцев, предшествовавшие переходу их к феодализму.

Большое значение имеет вопрос о том, какие конкретно-исторические условия способствовали консервации родо-племенных отношений у афганцев, какие обстоятельства содействовали организации афганского хеля (рода) на военный лад.

Очень трудной и ответственной является проблема этногенеза афганского народа. Для ее разрешения необходим целый комплекс источников — лингвистических, археологических, антропологических и т. п. Однако далеко не все виды источников представлены с достаточной полнотой. Так, почти полностью отсутствуют палеоантропологические материалы. Досадным недостатком является отстранение археологов, работавших на территории Афганистана, от вопроса этногенеза афганцев; например, изучение памятников кочевых племен южного Афганистана несомненно могло бы иметь очень большое значение для решения всей проблемы в целом.

Хотя до окончательного выяснения этногенеза афганского народа еще далеко, уже сейчас можно высказать соображения, связанные с исследованием отдельных сторон этой проблемы. Главная задача историков заключается в определении тех компонентов, которые вошли в состав афганской народности, и путей этногенеза. Уже антропологический состав афганских племен свидетельствует о многообразии вошедших в них компонентов. Значительная часть, может быть основная масса, афганцев принадлежит к долихоцефальной европеоидной расе и близка закаспийской долихоцефальной расе, представленной современными туркменами и длинноголовыми племенами Северо-западной Индии. Видимо, долихоцефальное

европеоидное население издревле населяло области Южного Афганистана. Именно этот антропологический тип встречается в погребениях эпохи бронзового века, обнаруженных в Систане. Таджики, населяющие Афганистан, так же как и таджики Средней Азии, относятся к брахицефальной европеоидной расе Среднеазиатского междуречья. К этой расе принадлежало население северной Бактрии первых веков до нашей эры (палеоантропологический материал для южной Бактрии пока, к сожалению, отсутствует).

Вместе с тем брахицефалия отмечается и у некоторых южных афганских племен (какары из Зхоба, тарины и др.), близких по некоторым признакам антропологическому типу, распространенному у белуджей. У многих восточноафганских племен явно видны следы смешения с североиндийскими народностями и племенами. В то же время у гильзаев заметны монголоидные черты. Таким образом, даже немногие имеющиеся антропологические данные свидетельствуют о значительном разнообразии физического типа у афганских племен.

Первые упоминания этнонима «афганцы» появляются в источниках не позднее VI—VII вв. н. э. и связаны с областями Сулеймановых гор и Газни-Кандагарского нагорья. Видимо, области Южного Афганистана и Северо-Западной Индии можно считать основной территорией формирования афганской народности. Древнее население этих областей, говорившее на языках восточноиранской группы, к которым принадлежит и современный афганский язык (пушту), явилось, по-видимому, одним из важнейших составных компонентов афганской народности на ранних этапах ее сложения, и племена, населявшие эти области, были предками афганцев.

Вместе с тем, как отмечают лингвисты, в афганском глоттогенезе известную роль сыграли сакские языки. Судя по данным источников, оседлое население центральных районов Афганистана уже в VI—V вв. до н. э. входило в контакты с сакскими племенами.

Ко II в. до н. э. относится инфильтрация сакских племен в среду восточноиранского населения Арахосии и Дрангианы, имевшая важное значение для афганского этногенеза.

Можно предполагать, что важным компонентом афганской народности были и эфталитские племена, политическим центром которых были области Бактрии и Кабулистана. Не исключено, что собственное имя эфталитов сохранилось в названии крупнейшего племенного объединения афганцев — абдали, переименованного в XVIII в. в дурани, под которым именем оно известно и в наши дни. К сожалению, пока нет возможности дать конкретную лингвистическую характеристику эфталитских племен, язык которых скорее всего принадлежал к числу диалектов восточноиранской группы.

Все изложенные выше данные и соображения позволяют считать, что для правильного понимания путей афганского этногенеза важнейшее значение имеет изучение местного оседлого и кочевого населения не только Сулеймановых гор и Газни-Кандагарского нагорья, но также Систана и Кветто-Пишинского нагорья, в состав которого вошли сакские, а затем и эфталтские племена. Вместе с тем нет оснований ограничивать изучение афганского этногенеза исключительно южными областями современного Афганистана и северо-западными районами Пакистана. Весьма примечательно, что недавно открытая в Афганистане (Сурх-Котал) надпись кушанского времени показывает, что бактрийский язык II в. н. э. по историко-фонетическим признакам занимал промежуточное положение между согдийским и хорезмийским, с одной стороны, и современным афганским — с другой. Эти новые лингвистические данные несомненно имеют очень важное значение и свидетельствуют по меньшей мере в пользу предположения об участии бактрийцев в афганском этногенезе. Возможно, впрочем, что язык жителей Бактрии был близок диалектам Арахосии и Дрангианы (пока нам неизвестным), если только жителей этих областей не следует именовать бактрийцами в широком смысле этого слова.

Таким образом, в основном восточноиранское ядро на ранних этапах этногенеза афганцев, по-видимому, вошли бактрийцы и саки (впоследствии, возможно, и эфталиты).

Однако время окончательного сложения афганской народности еще трудно определить. Есть основания полагать, что очень важным этапом в этногенезе афганцев были XI—XII века. К этому времени восходят традиционные генеалогии афганских племен в этот период, по-видимому, закончилась ассимиляция афганцами части тюрок-халаджей.

В дальнейшем в связи с расселением афганских племен в их состав вошли более или менее значительные группы из других народностей и племен. Так, с распространением власти афганцев на земли, прилегающие к р. Инд, часть местных индийских племен была с течением времени ассимилирована афганцами. Например, после завоеваний, совершенных юсуф-заямн в Пешаварской области и в примыкающих к ней с севера горных местностях, ассимиляция подверглась часть гуджаров.

Будучи потомками родственных между собой восточноиранских племен, афганцы и таджики в течение длительного времени жили рядом друг с другом, что обычно приводит к смешению и ассимиляции. Сообщения письменных источников дают основания считать, что процесс ассимиляции был двусторонним: не только таджики входили в состав афганских племен, но и некоторые афганские племена в большей или

меньшей степени были ассимилированы таджиками²¹. В связи с этим целесообразно вкратце остановиться на этногенезе таджиков — второй по численности народности современного Афганистана. Термин «таджик», подобно собственному имени афганцев, сравнительно поздно появляется в источниках (как отмечал В. В. Бартольд, примерно с XI в.)²². Однако, подобно тому как было отмечено выше в отношении афганцев, это отнюдь не означает, что таджики как народность впервые появляются лишь в XI в. Исследования советских историков показали, что предком таджикской народности было древнее население Согда и Бактрии, переход которого в VIII—X вв. н. э. на таджикский язык, именовавшийся тогда фарси²³, знаменует завершение процесса образования таджикской народности²⁴. Население Согда и Бактрии в течение многих столетий говорило на языках восточноиранской языковой группы и, видимо, лишь в VIII—X вв. перешло на язык фарси, относящийся к числу языков западноиранской группы.

Несомненно, что кроме уже упомянутых народностей и племен в сложном и многовековом процессе сложения афганского народа в его состав в разное время вливались и еще некоторые, сравнительно малочисленные племенные и этнические группы. Этнографические данные и сообщения письменных источников показывают, что, в частности, среди различных племенных и этнических групп, ассимилированных афганцами, были и арабы. Но нет оснований считать, что арабский элемент, вошедший в афганскую народность в сравнительно позднее время и, по-видимому, относительно немногочисленный, сколько-нибудь сильно изменил ее состав.

В афганской исторической литературе XVI—XVII вв. зафиксированы предания о происхождении афганцев от древних израильтян, распространенные в Афганистане и в настоящее время. Имеющихся данных недостаточно для признания какой-либо степени достоверности этих легенд, которая могла бы оправдать их использование как материала для объяснения вопросов этногенеза афганцев. Не отвергая вероятности связей между наличием с давних пор еврейских посе-

---

²¹ О племени зирани, ведущем свое происхождение от Гури, сына Шархбуна, Ахунд Дарвеза (лл. 70а — 70б) сообщал следующее: «Зирани, так же [как и чамкани], отделились от братьев. [Зирани] проживали между таджиками Нингхара, так что многие люди, не зная [их происхождения], зовут их таджиками».

²² Бартольд, *Таджики*, стр. 456; Мандельштам, *О некоторых вопросах*, стр. 58 и прим. 1—2.

²³ Для средних веков термины «таджикский язык» и «персидский язык» по существу равнозначны. Разделение языка фарси на две ветви — таджикскую и персидскую — относится к периоду позднего средневековья.

²⁴ Гафуров, *История*, стр. 203, 204; Мандельштам, *О некоторых вопросах*, стр. 55—59.

лений в Афганистане и возникновением этих легенд, можно полагать, что раскрытие таких связей больше поможет исследованию происхождения и распространения легенд, нежели освещению вопросов этногенеза афганцев (см. т. II, гл. I).

В этнографической литературе отмечается, что еще в XIX в. термин «афган» мало применялся самими афганцами для обозначения этнической принадлежности. Так их называли соседние с ними народы, прежде всего в Средней Азии и в Иране. Самоназванием афганцев, принятым ими самими для обозначения своей этнической принадлежности, служило и чаще всего служит и сейчас слово «паштун» (в диалектах восточной ветви языка пушту — «пахтун»).

Этимология этнических названий «афган» и «паштун» не выяснена. Лингвисты предполагают, что древней формой этнического имени паштунов могло быть слово, восходящее к *paṅsu* «край», «окраина»²⁵. Существуют и другие предположения; согласно одному из них, слово «паштун» произошло от названия хребта Кох-и Сиях-Пашт в Сулеймановых горах.

Из ранних афганских авторов Ахунд Дарвеза (XVI—XVII вв.) употребляет в «Тазкират ал-Абрар» только название «афган», а великий поэт Хушхаль-хан (XVII в.) называет свой народ в различных своих произведениях и «афган» и «паштун», употребляя эти слова как однозначные. В средневековых среднеазиатских и иранских письменных источниках встречается только «афган» или «авган» (Худуд ал-Алам, Утби, Бируни, Гардези, Джувейни, Джузджани, Сейфи ал-Харави, Хамдаллах Казвини и т. п.). Бабур, прекрасно знавший различные афганские племена, также именовал их только афганцами (авган), нигде не употребляя слово «паштун». Естественно, что и в первых упоминаниях в русских источниках об этом народе, относящихся к XVII в., встречается только «авган», поскольку информация доставлялась послами московских царей из Средней Азии и Ирана.

К названию «паштун», вероятно, восходит и употребительное в Индии по отношению к афганцам этническое имя «патан». В XIX в. термин «патан» вошел в английскую литературу, а затем и в работы на других европейских языках прежде всего для обозначения «афганцев Индии», т. е. тех племен, которые в XIX в. подпали под власть британских завоевателей или оказались под их политическим контролем.

В Индии в прошлом, если не в письменных источниках (в них обычно применялся термин «афган»), то в устной речи широко употреблялся термин «патан» (а также «рохила», т. е. «горец») в отношении афганцев, о чем говорят, в частности, самые ранние упоминания об этом народе у европей-

²⁵ См. Morgenstierne, *Afghan*, p. 257.

ских авторов, слышавших о нем в Индии или проезжавших оттуда через афганские земли. Так, Ричард Стил, проехавший в 1616 г. на своем пути из Индии в Иран через афганские земли и г. Кандагар, сообщает сведения о населявших «кандагарские горы» афганцев, называя их народом, именуемым «агваны» или «патаны»²⁶. Упоминаний терминов «паштун» или «патан» в раинесредневековых письменных источниках не обнаружено, и, уже в силу громадного разрыва во времени между сообщениями о пактиях у Геродота или «пу-ду» («пу-ту») китайских хроник династии Восточных Хань (125—221 гг. н. э.) и паштунами (патанами) позднего средневековья и нового времени, остаются с научной точки зрения весьма сомнительными попытки выводить из приближенного сходства между этими терминами непосредственную преемственность этнического имени. Вопрос о том, какое из двух этнических названий — «афган» или «паштун» — является более древним, следует пока считать открытым.

* * *

Работа над рукописью «История Афганистана» была закончена авторами в 1960—1961 гг. Материал из новых исследований и изданий источников, поступивших в библиотеки Ленинграда и Москвы после 1961 г., использован лишь частично. Главы I—VII в I томе написаны В. М. Массоном. Ему же принадлежит текст разделов главы IX этого тома, посвященных памятникам материальной культуры, и разделов об археологических исследованиях и об историографии древнего периода в обзоре источников и литературы во II томе.

В. А. Ромодиным написаны в I томе главы VIII—X и все главы II тома. Глава XI в I томе и Введение написаны В. М. Массоном и В. А. Ромодиным совместно.

В транскрипции собственных имен и историко-географических названий авторы в основном следовали сложившейся в советской исторической литературе традиции.

Авторы приносят глубокую благодарность А. К. Арендсу, М. Р. Аруновой, М. Г. Асланову, Д. Е. Бертельсу, О. Г. Большакову, Н. М. Гуревичу, С. Г. Кляшторному, А. П. Окладникову и К. В. Тревер, читавшим работу в рукописи и сделавшим ряд ценных замечаний. В связи с привлечением некоторых данных, содержащихся в источниках на китайском, санскритском и различных иранских языках, авторы пользовались консультациями М. В. Воробьева, Е. И. Кычанова, Б. И. Панкратова, В. А. Лившица и В. Г. Эрмана, которым выражают искреннюю признательность.

²⁶ Steel-Crowtler, *A journall of the journey*, p. 272.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДРЕВНОСТЬ

Глава I

ДРЕВНЕЙШИЙ АФГАНИСТАН

Древнейшая история районов и областей, которые ныне входят в состав афганского государства, еще в значительной мере представляется в виде далеко не полной картины. Только с 50-х годов XX в. начались археологические исследования памятников каменного и бронзового веков, что позволило поставить изучение древнейшей истории этих районов и областей на реальную почву конкретных фактов. То была эпоха первобытнообщинного строя, когда жизнь людей находилась почти в полной зависимости от природных условий.

Палеолитические охотники

Соответствующий период геологической истории земли носит название четвертичного. Наиболее яркими событиями этого времени были последовательные этапы резкого похолодания и наступления ледников в северных районах Европы, Азии и Америки. Имеется ряд данных, свидетельствующих о ледниковой деятельности на величественных отрогах Гиндукуша, перерезающих Афганистан. На территории Кашмира и Тибета установлено наличие четырех оледенений, из которых максимальным было второе, возможно соответствующее по времени рисскому оледенению Европы¹. Сходным образом, по-видимому, протекало развитие ледников в горах на территории Афганистана. Однако развитие ледников, судя по имеющимся данным, не было здесь особенно значительным и в отличие от приледниковой Европы не приводило к резким похолоданиям в соседних с высокогорными областями районах. В более низменных районах фазам оледенения соответствовали периоды интенсивной деятельности рек. Так, озера

---

¹ Wadia, *Geology of India*, pp. 378—381; de Terra-Paterson, *Studies*. Высказывались также мнения, что после второго максимального оледенения в Индии было еще не два, а три ледниковых периода (Piggott, *Prehistoric India*, p. 26).

Систана, принимая в себя воды бурно вздымавшихся рек, занимали площадь, в несколько раз превышающую современное зеркало их вод².

Однако в целом климат этих территорий в четвертичный период не столь уж значительно отличался от современного; сухой, континентальный, он лишь в незначительной степени смягчался развитием ледников в высокогорных районах Гиндукуша.

Весьма возможно, что территории современного Афганистана входили в зону, где произошел процесс становления человека. Об этом косвенно свидетельствуют находки орудий нижнего палеолита в соседних с Афганистаном областях — в различных районах Средней Азии и Кашмире.

На территории Среднего Востока особенно хорошо изучена мустьерская культура или так называемый средний палеолит, соответствующий по времени второму, или максимальному, оледенению и следующему за ним межледниковому периоду.

В мустьерское время (100—40 тыс. лет до н. э.) в Средней Азии были освоены как великие аллювиальные равнины, где, видимо, располагались временные охотничьи стоянки, так и предгорья, в которых первобытные люди находили приют в многочисленных гротах, под скальными навесами и в пещерах.

На юге Узбекистана в непосредственной близости от границ Афганистана (Мачай, Амир-Темир, Тешик-Таш)³ и под Самаркандом (Оман-Кутан) исследован целый ряд пещер мустьерского времени. Главным занятием обитателей Тешик-Таша была охота на горных козлов и баранов. Жили здесь предки современных людей — неандертальцы, о чем свидетельствует найденное в пещере Тешик-Таш погребение неандертальского мальчика в возрасте семи-восьми лет. Особенно интересно, что, судя по обнаруженной в пещере флоре и фауне, природные условия этого района уже в мустьерский период были весьма близки к современным.

Культура мустьерских охотников была широко распространена и на территории Ирана. Наиболее яркий материал по этому времени дали раскопки пещеры в ущелье Бисутун. В этой пещере в мустьерский период находили приют охотники на джейранов, быков и оленей. В Южном Хорасане, у селения Хуник, недалеко от ирано-афганской границы, обнаружен скальный навес, также служивший убежищем палеолитическим охотникам⁴.

² Huntington, *Eastern Persia and Sistan*; Furon, *Geologie*, pp. 405, 406.

³ «Тешик-таш. Палеолитический человек», М., 1949.

⁴ Coon, *Cave explorations*, pp. 3—5, 20, 66, 67; pl. IV, V.

Палеолитические памятники известны и на территории к востоку от Афганистана. Таковы многочисленные орудия, находимые на речных террасах Северо-западной Индии. Все эти данные позволяли считать, что территория Афганистана в какой-то мере была обжита уже в пору палеолита. Действительно, одно орудие мустьерского времени найдено в окрестностях Балха в поздних аллювиальных слоях⁵. Наиболее успешными оказались исследования северных отрогов Гиндукуша, где древние охотники, подобно своим современникам, обитавшим в южных районах нынешнего Узбекистана, могли укрываться в многочисленных гротах и скальных навесах. Всего здесь обследовано около 100 памятников этого типа, причем в ряде из них обнаружены каменные орудия⁶. Выразительная коллекция изделий мустьерского периода была собрана в районе Хазар-Сума⁷. Однако лишь в одном случае сохранился культурный слой, позволявший провести раскопки, — это навес Кара-Камар, расположенный на высоте около 1100 м над уровнем моря около селения Хейбек по дороге из Пули-Хумри в Таш-Курган. Как и в Тешик-Таше, здесь находили убежище палеолитические охотники на горного барана, но наряду с баранами добычей им служили также дикие лошади и олени.

В Кара-Камаре обнаружено несколько культурных слоев; самые нижние из них, возможно, близки мустьерскому периоду, хотя орудий, несомненно относящихся к этому типу кремневой индустрии, не найдено. Наличие же в Кара-Камаре слоев позднего, или так называемого верхнего, палеолита не вызывает сомнений⁸.

Свои орудия жители Кара-Камара изготавливали из кремня белого цвета, но, к сожалению, при раскопках не было найдено сколько-нибудь законченных и совершенных образцов (рис. 1). Находки представлены главным образом нуклеусами (ядрищами), с которых скалывались пластины для орудий, или отщепами, иногда обработанными с одного конца ретушью. Были обнаружены также грубые скребки.

Верхний слой Кара-Камара относится уже к мезолиту (среднекаменному веку) и датируется IX тысячелетием (8630 г. до н. э. ± 720). Судя по обнаруженным при раскопках

---

⁵ Allchin, *A Flake-tool*, p. 227. Поиски палеолита на юге Афганистана пока не дали результатов (см. Fairservis, *Research*, p. 137; idem, *Future research*, p. 145).

⁶ Dupree — Howe, *Results*, pp. 1—15.

⁷ Puglisi, *Italian archaeological mission*, p. 5.

⁸ Coon — Coulter, *Excavation*, pp. 14, 15; Coon, *Seven caves*, p. 231 sq.; Ранов, *Раскопки*, стр. 145—150. Радиоуглеродный анализ позволяет отнести верхнепалеолитические слои ко времени более раннему, чем 25 тыс. лет тому назад (Coon — Ralph, *Radiocarbon dates*, pp. 921, 922).

Рис. 1. Кремневые орудия из пещеры Кара-Камар.
 а — из верхнего слоя; б — из нижнего слоя

костям баранов, газелей, лисиц, а также птиц, обитатели Кара-Камара в это время занимались охотой. Кроме того, в этом слое в изобилии встречаются тонкие, тщательно отделанные пластинки, иногда имеющие ретушь. В гроте Гари-Мар (в 100 км к югу от Мазари-Шарифа) также открыты мезолитические слои, восходящие в поздней фазе к началу VI тысячелетия до н. э.

Таковы сравнительно ограниченные материалы, характеризующие каменный век Афганистана. За эту эпоху, охватывающую несколько сот тысяч лет, человечество прошло в своем развитии путь от первобытного стада до родовой организации, складывающейся, как показывают исследования советских археологов, в пору верхнего палеолита. На всем протяжении каменного века хозяйство, представленное охотой, рыболовством и собирательством, не выходило за рамки присвояющей экономики.

Переход к земледелию и скотоводству

Сложение хозяйства производящего типа знаменовало собой начало новой эпохи в истории человечества. Новейшие археологические открытия показывают, что районы юго-западной Азии от Палестины до Туркмено-Хорасанских гор — родина древнейших в мире земледельческих культур. Уже в X—VIII тысячелетиях до н. э. обитавшие там мезолитические племена собирали кремневыми серпами дикорастущие злаки и начинали приручать коз. В VII—V тысячелетиях до н. э. в той же зоне происходит переход к земледелию, появляются оседлые поселения с глинобитной архитектурой.

Благоприятные условия для раннего развития собирательства представляла и территория Афганистана, на которой, как установили советские ботаники, издревле произрастало очень много разновидностей мягкой и карликовой пшеницы. Акад. Н. И. Вавилов на основании геоботанических наблюдений пришел даже к выводу, что горные районы Афганистана и примыкающая к ним территория Северо-западной Индии были одним из центров происхождения культурных растений⁹. Однако выводы из данных геоботанических исследований пока не подтверждаются археологическим материалом. Ни в Афганистане, ни в Северо-западной Индии не обнаружено мезолитических культур, для которых характерны сезонные сборы дикорастущих злаков. Обитатели Кара-Камера и Гари-Мара еще в IX—VII тысячелетиях до н. э. занимались исключительно охотой, тогда как у племен Палестины и Ирака именно в это время зарождались новые формы хозяйства. Правда, в конце VI тысячелетия до н. э. обитатели гиндукушских ущелий уже пользуются кремневыми серпами. Но наиболее ранние собственно земледельческие поселения, обнаруженные на территории Афганистана и Северо-западной Индии, относятся лишь к IV тысячелетию до н. э., а их расположение вдоль восточных окраин Иранского плато наводит на мысль о влияниях, идущих с запада.

Еще Н. И. Вавилов писал, что именно такие районы, как Герат, Кандагар и юго-восточный Афганистан, должны обратить на себя внимание при изучении древнейшего земледелия. На территории Афганистана остатки земледельческих поселений встречаются лишь на юге страны. Несмотря на специальные поиски, ни одного такого поселения не обнаружено в Афганском Туркестане.

Одним из наиболее древних земледельческих поселков является Кили-Гхул-Мохаммад в районе г. Кветты. В пшених

⁹ Вавилов, *Центры происхождения*, стр. 25, 27, 134; Вавилов — Букинич, *Земледельческий Афганистан*. В Афганистане насчитывается до 60 разновидностей мягкой пшеницы и до 50 — пшеницы карликовой.

слоях (Кили I) этого поселения найдены черепки глиняной посуды, сделанной без гончарного круга, кости домашних животных и остатки жилищ, построенных из сырцового кирпича. Показательно распространение кремневых орудий — ножевидных пластин и грубых концевых скребков. Карбоновым анализом эти слои датируются 3350 г. до н. э. (± 200)¹⁰. Видимо, во второй половине или к концу IV тысячелетия до н. э. стали возникать земледельческие поселения в районе Кандагара (нижние слои Саид-Калы)¹¹. При археологических раскопках этих поселений находят глинобитные постройки и лепленную от руки керамику, не покрытую росписью.

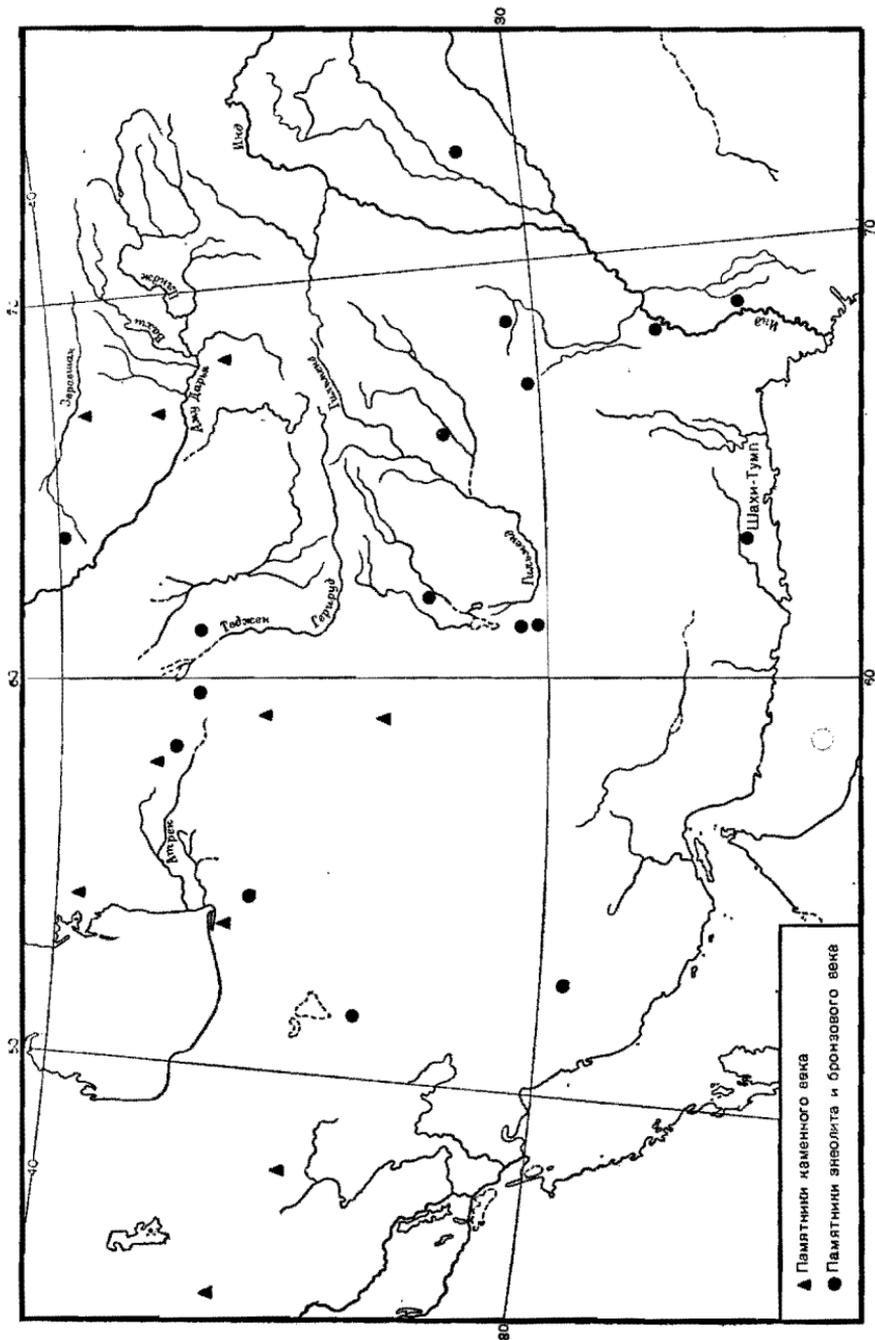
Пока трудно судить о происхождении наиболее ранней земледельческой культуры в рассматриваемых районах. Ее сравнительно поздняя (относительно соседних стран) датировка, казалось бы, подсказывает вывод, что появление земледельческих поселений в районе Кандагара и Кветты — результат переселения племен из каких-то соседних районов. Однако керамика древнейших поселений Кветты и Кандагара весьма архаична по своему виду, и ей не найдено до сих пор прямых параллелей в синхронных культурах Ирана и юго-запада Средней Азии. Это обстоятельство свидетельствует о местном происхождении комплексов нижних слоев Кили, сложившихся в результате перехода местных племен к оседлости и интенсивному земледелию. Вместе с тем можно считать установленным, что по крайней мере один из земледельческих поселков в районе Кандагара возник в конце IV тысячелетия до н. э. в результате расселения земледельческих племен из более западных областей. Это — древнейшее поселение в Мундигаке. Оно состоит из глинобитных домов, обитатели его изготовляли с помощью гончарного круга совершенную глиняную посуду, роспись которой находит себе прямые параллели в Иране¹². Вероятно, именно в IV тысячелетии до н. э. в Южном Афганистане и Северо-западной Индии происходил сложный процесс перехода к новым формам хозяйства, стимулированный переселением земледельческих племен из Ирана и, быть может, с юго-запада Средней Азии.

Развитию новой экономики способствовал значительный прогресс орудий труда. Примерно в конце IV тысячелетия до н. э. каменные и костяные орудия сменяются орудиями, сделанными из меди. Судя по археологическим материалам, Аф-

¹⁰ Fairservis, *Excavations*, pp. 222—235, 335, 356. В. Фэрсервис несколько арханизирует комплекс Кили I, в связи с чем его удивляет незначительное количество костей диких животных (*ibid.*, p. 382). В действительности Кили I — вполне сложившееся поселение оседлых земледельцев-скотоводов, и естественно, что охота имела в их хозяйстве ничтожное значение.

¹¹ Fairservis, *Preliminary report*, p. 24.

¹² Casal, *Fouilles de Mundigak*, pp. 111, 118.

ганистан уступает по древности возникновения земледелия таким странам, как Ирак и Иран. Тем не менее в III—II тысячелетиях до н. э. его территория становится центром весьма своеобразных оседло-земледельческих культур, мало в чем уступающих своим современникам на соседних территориях. В эту эпоху с образованием в долинах крупных рек первых классовых обществ и государств усилилась неравномерность исторического развития отдельных районов и областей.

Основными очагами культуры стали долины таких крупных рек, как Тигр и Евфрат, Нил и Инд. Здесь рано возникли города, зародилась письменность, процветала монументальная архитектура. В Междуречье это можно проследить по истории Шумера, Элама и Вавилонии, а на Индийском субконтиненте — на примере городских цивилизаций Харалпы и Мохенджо-Даро.

К такого типа городским цивилизациям примыкал обширный пояс земледельческих общин, протянувшийся от Балкан через Малую Азию, Иран и Закавказье до Южного Афганистана и Белуджистана. К северу от этих земледельческих поселений обитали многочисленные племена, занимавшиеся охотой, рыболовством и собирательством. Так, в Средней Азии земледельческие общины занимали лишь узкую полосу на юго-западе, а на севере и северо-востоке от них обитали неолитические племена с архаическими формами хозяйства. Возможно, что подобная неравномерность в развитии племен наблюдалась и в пределах Афганистана, поскольку поселения оседлых земледельцев встречаются лишь на юге и юго-западе страны: в долине Гильменда, в Систане и к северу от Фараха. Возможно, в IV—III тысячелетиях до н. э. интенсивное земледелие еще не было распространено в северных, хотя уже и освоенных человеком районах страны.

Часть многочисленных наскальных изображений в ущельях Гиндукуша, вероятно, относится именно к этому времени¹³. Отдельные неолитические кремневые орудия найдены в Хазар-Суме¹⁴. Еще одним косвенным доказательством освоения северных районов Афганистана в IV—III тысячелетиях до н. э. является распространение с этого времени на Древнем Востоке лазурита, единственное месторождение которого находится в Бадахшане. Этому красивому синему минералу в древности приписывали целебные свойства, и он высоко ценился ювелирами древности. В Месопотамии и

¹³ Вавилов — Бужиняч, *Земледельческий Афганистан*, стр. 111, рис. 83; Fairservis, *Exploring the «Desert of Death»*, p. 246. Большая часть этих наскальных рисунков несомненно относится к более позднему времени, но вполне вероятно, что среди них есть образцы, восходящие к эпохе бронзы, а быть может, к еще более ранним периодам.

¹⁴ Puglisi, *Italian archaeological mission*, p. 6.

Эламе лазурит известен со второй половины IV тысячелетия до н. э.¹⁵. Приблизительно к этому же времени относятся лазуритовые украшения, найденные в Египте¹⁶. В знаменитых царских гробницах Ура в Шумере, датированных XXVI в. до н. э., много самых различных изделий из лазурита. В одном из шумерских героических сказаний, восходящих к началу III тысячелетия до н. э., рассказывается о сношениях царя Урука с племенами, жившими к востоку от Шумера за семью хребтами, т. е., вероятно, в центральном Иране. От этих племен владетель Урука в обмен на караван с зерном получил халцедон и лазурит¹⁷. На юго-западе Средней Азии лазуритовые бусы были сравнительно широко распространены уже в середине IV тысячелетия до н. э. Довольно часто встречается лазурит и в памятниках Хараппы и Белуджистанских комплексах (Наль и Зхоб), которые датируются второй половиной III — началом II тысячелетия до н. э. Несомненно, что лазурит попадал в столь отдаленные пункты лишь в результате многостепенного обмена, но остается не вполне ясным, кто именно добывал его в Бадахшане в IV—III тысячелетиях до н. э.

Земледельческие поселения III—II тысячелетий до н. э. на юге Афганистана в отличие от памятников этого времени на севере страны характеризуются довольно значительными материалами. Эти материалы позволяют говорить о существовании на юге по крайней мере трех групп раннеземледельческих племен, поддерживавших тесные контакты как между собой, так и с более отдаленными соседями.

Земледельческая культура Систана

Сравнительно рано, а именно в III — начале II тысячелетия до н. э., был освоен земледельческими племенами Систан¹⁸. Дельта Гильменда состояла из бесчисленных протоков, впадающих в беспрестанно меняющиеся в своих размерах озера (хамуны). Эти условия благоприятствовали развитию орошаемого земледелия.

Большинство древних поселений этого района расположено в иранской части Систана, в древней дельте Гильменда, лежащей к югу от современной¹⁹. В этом районе обнаружено

¹⁵ Лазурит известен в Эламе со времени Сузы I (А), в Месопотамии — с периодов Урука и Джемдет-Насра (Perkins, *Comparative archaeology*, pp. 146, 147, 188). В Тепе-Гавра (Северная Месопотамия) лазурит встречается начиная со слоя XIII (Tobler, *Excavations*, p. 192).

¹⁶ Чайлд, *Древнейший Восток*, стр. 112.

¹⁷ Kramer, *Enmerkar*, p. 31 sq.

¹⁸ О дате древнейших систанских поселений см. Массон, *Древнейший Афганистан*, стр. 257, прим. 22.

¹⁹ Stein, *Innermost Asia*, vol. II, pp. 949—958; vol. III, pl. CXII—CXIV; Andrews, *Pottery*, pp. 304—308.

Рис. 2. Раннеземледельческая культура Систана

более полутора десятка древних поселений, главным образом небольших по величине — площадью не более 1 га. (Рамруд, Калати-Гирд и др.). Самое крупное из них и скорее всего бывшее центром оазиса известно у исследователей как Шахри-Сохте («сгоревший город»). Оно представляет собой ряд всхолмлений высотой до 12 м и общей площадью около 30 га. Неподалеку от поселения проходит сухое русло Руди-Биябан.

Большое количество обломков глиняной посуды, каменных бус, кремневых наконечников стрел и обломков медных изделий собрано на Шахри-Сохте и в других поселениях Систана. Вся посуда сделана на гончарном круге, что свидетельствует об определенном развитии ремесленного производства. Посуда расписана темно-коричневой краской по кремовому или красному фону главным образом геометрическим орнаментом; встречаются также изображения змеи и козла (рис. 2). По мотивам росписи систанская керамика больше всего напоминает посуду Элама и соседних с ним районов (Сузы, Тали-Бакун). В то же время в орнаментике может быть отмечен и ряд восточных влияний, например культуры Кветты.

Сравнительно густо был заселен в этот период и афганский Систан, где почти в 40 пунктах обнаружена разная расписная керамика²⁰. Поселения этого района невелики по размерам, и культурный слой их уже почти полностью развеян. Крупных центров, подобных Шахри-Сохте, здесь не было. Особенно интересно наличие в культурных слоях этих поселений медных шлаков, что указывает на местное изготовление предметов из меди. Как известно, Афганистан богат месторождениями этой руды, и вполне возможно, что в III—II тысячелетиях до н. э. ее даже вывозили в соседние малорудные районы.

В Афганском Систане, неподалеку от одного из поселений, расчищен древний могильник, в котором погребенные располагались на левом боку, лицом на север. Некоторые могилы, возможно, обкладывались сырцовым кирпичом. Черепа погребенных оказались долихоцефальными, т. е. того антропологического типа, который и в настоящее время широко распространен в этих районах.

Все эти данные свидетельствуют о том, что в III—II тысячелетиях до н. э. Систан был заселен многочисленными земледельческими племенами. Несомненно, что для орошения полей они не только использовали периодические паводки, но и проводили специальные каналы, а возможно даже возводили плотины. Все это способствовало развитию высокой культуры, и не приходится сомневаться в том, что дальнейшие раскопки древнего центра оазиса — поселения Шахри-Сохте — раскроют одну из интереснейших страниц истории раннеземледельческих племен Среднего Востока.

Культура Кветты

Другая группа племен, перешедших к оседлой жизни и занимавшихся земледелием, сосредоточивалась в районе г. Кветты. Хотя поселения этой группы расположены главным образом вне современных границ Афганистана, изучение их культуры существенно дополняет картину древнейшего прошлого страны²¹.

Сохранилось около 20 небольших поселений (сейчас площадь оплывших холмов, содержащих их руины, колеблется от 0,5 до 1,5 га), занимавших во второй половине III — первой половине II тысячелетия до н. э. плодородную Кветтскую долину. Каждое из поселений состояло из нескольких многокомнатных домов, разделявшихся узкими проходами.

²⁰ Fairservis, *Preliminary report*, pp. 25—30; idem, *Studies*, pp. 37—76, 97—100.

²¹ Впервые культура этой группы племен была выделена С. Пигготтом (см. Piggott, *Ceramic*; idem, *Prehistoric India*, pp. 73—75). Новые материалы см. Fairservis, *Excavations*.

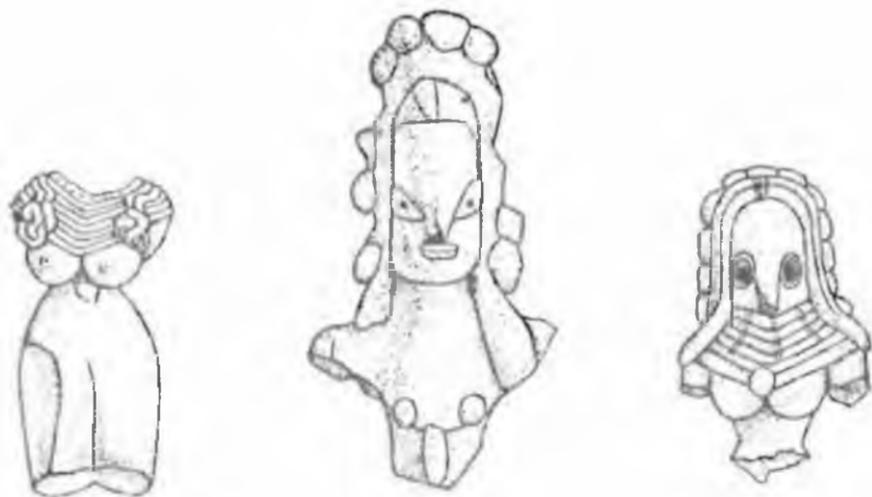

Рис. 3 Женские статуэтки из района Кветты и Кандагара

Основными занятиями обитавших здесь племен были земледелие и скотоводство. Для орошения полей использовались многочисленные небольшие ручьи, сбегаящие с гор, и временные водотоки. Важное достижение культуры кветтских племен — изготовление металлических орудий: медных пожей, кинжалов и пилев. Однако эти изделия плохо сохраняются, и их редко находят при раскопках, поэтому трудно сказать, когда в этом районе впервые вошли в употребление изделия из меди. В незначительной степени сохранялись в быту и кремневые орудия — скребки и грубые лезвия. Наряду с медными проколками употреблялись и костяные.

Своеобразие культуры кветтских племен ярко проявляется в мотивах росписи глиняной посуды. Новые формы сосудов, выделанных на гончарном круге быстрого вращения, полностью вытеснили из употребления грубые сосуды ручной лепки, бытовавшие здесь в конце IV—первой половине III тысячелетия до н. э. Как и на сисанской посуде, на сосудах культуры кветтских племен преобладали геометрические мотивы, но несколько иного характера, чем на керамике, которую находят в древней дельте Гильменда. На сосудах изображались и фигуры животных, птиц и рыб.

О высоких достижениях древнего искусства свидетельствуют и разнообразные терракотовые статуэтки, часто выполненные с большой реалистической экспрессией. Встречаются и фигурки животных (быков, лошадей и др.) и, что особенно интересно, людей. Естественно, что древние скульпторы под-

черкивали в основном именно женские признаки и лишь схематически передавали черты лица. Фигурки людей обычно изображают обнаженную женщину с полной грудью, узкой талией, пышными бедрами, высокой прической, в сложном головном уборе, с украшением на шее вроде ожерелья (рис. 3). Эти статуэтки передают образ женского божества, широко распространенный у всех раннеземледельческих племен и тесно связанный с представлениями о матери-земле, всеобщей прародительнице, от которой зависит урожайность полей.

Культура Кандагара

С цветской культурой тесно были связаны племена, проживавшие в районе современного Кандагара. Из поселений этой группы раннеземледельческих племен наиболее известен Мундигак, который в древности играл, возможно, роль своеобразного местного центра²².

Область Кандагара, так же как Систан, представляла весьма благоприятные условия для развития земледельческой культуры. Конечно, древние земледельцы и не помышляли использовать для орошения воды такой реки, как Гильменд, в ее среднем течении. Но многочисленные мелкие притоки Гильменда и Аргандаба могли быть использованы для орошения полей без особого труда. Неподалеку, в горах, в изобилии находились залежи меди — основного металла, добывавшегося в тот период. Все это способствовало тому, что земледельческие поселения в течение длительного периода существовали на одном и том же месте. Одним из таких поселений и был Мундигак. Исследователи прослеживают в Мундигаке постепенное развитие культуры начиная с конца IV тысячелетия до н. э. (слой Мундигак I), причем медные орудия обнаруживаются начиная с самых нижних слоев. Распространены глиняные пряслица, что указывает на развитие ткачества. В слое Мундигак II обнаружены обугленные зерна пшеницы. В культурных слоях, датированных серединой III тысячелетия до н. э. (Мундигак III)²³, появляются изделия из бронзы, зна-

²² Полная публикация материалов Мундигака: Casal, *Fouilles de Mundigak*, vol. I—II. Некоторые замечания в связи с этими раскопками см. Массон, *Поселение бронзового века*.

²³ Ж. М. Касаль относит Мундигак III к первой трети, а Мундигак IV — ко второй и третьей трети III тысячелетия до н. э. (Casal, *Fouilles de Mundigak*, vol. I, pp. 27, 69, 70, 110—119). В таком случае для комплекса II вообще не остается места. Правильно сближая Мундигак IV с Гисаром III, Ж. М. Касаль, однако, напрасно принимает излишне древнюю дату древнеиранского комплекса. Нам кажется более правильным относить Мундигак III к середине III тысячелетия до н. э. (дата в лаборатории Чикаго — 2625 ± 300 г. до н. э.), а Мундигак IV — к последней четверти III—

меня собой новый этап в развитии орудий труда. Расписная керамика этого времени весьма близка посуде, которую находят в культурных слоях того же периода кветтских поселений. Обнаружены также коллективные погребальные камеры из сырцового кирпича. Вероятно, эти камеры принадлежали большесемейным общинам, из которых состояло общество того времени.

Наивысшего расцвета культура кандагарских племен достигла в конце III — начале II тысячелетия до н. э., в то время когда в долине Инда сложилась городская цивилизация Хараппы. В этот период площадь поселения увеличилась в несколько раз и все оно было обнесено стеной. Центром поселка был высокий холм, образованный остатками строений времени Мундигак I—III. На его вершине была воздвигнута монументальная постройка, сохранившийся фасад которой (длиной 35 м) украшен сомкнутыми полуколоннами. Скорее всего это резиденция богатой патриархальной семьи мундигагского вождя. Несколько в стороне от поселения располагалось другое крупное здание, имевшее замкнутую планировку и, вероятно, являющееся остатками храма. Керамика, сделанная с помощью гончарного круга и обжигавшаяся в специальных печах, бронзовые и каменные печати, видимо отражающие развитие личной собственности, терракотовые фигурки женского божества и различных животных дополняют характеристику культуры этого времени. Среди находок следует также отметить крупную мужскую голову из белого известняка, выполненную с большим мастерством и во многом напоминающую скульптуру Хараппы. Все это указывает на высокий уровень развития культуры и общественных отношений в Мундигаке.

Скорее всего это был небольшой городок — резиденция варварского князька на периферии городской цивилизации Хараппы. Вместе с тем едва ли прав Ж. М. Касаль, преувеличивающий значение и характер происходившего процесса, который он именует урбанизацией²⁴. В Мундигаке не обнаружено никаких признаков письменности и все найденные печати в отличие от глиптики раннеклассовых обществ Шумера, Элама и Индии лишены надписей. По уровню развития кандагарские племена этого времени ближе всего напоминают культуру южного Двуречья последней трети IV тысячелетия до н. э. (так называемый период Урук), когда шумерское общество находилось на грани сложения государства и раннеклассового строя.

началу II тысячелетия до н. э., считая его в целом одновременным Хараппе.

²⁴ Casal, *Fouilles de Mundigak*, vol. I, pp. 27, 118.

Связи со Средней Азией и Ираном и расселение индоиранских племен

Материальная культура этих трех групп племен — систанской, кветтской и кандагарской — во многом имеет сходство с культурой соседних раннеземледельческих племен. Расписная керамика Систана в целом связана с гончарным искусством юго-западного Ирана и совершенно идентична расписной посуде ряда поселений Бампура и Мекрана. Это позволяет считать, что район древней дельты Гильменда в III — начале II тысячелетия до н. э. был освоен главным образом в результате продвижения сюда земледельческих племен с юга и юго-запада.

Несколько иную картину дает нам культура кветтских и кандагарских племен. Здесь можно обнаружить значительные черты сходства с раннеземледельческими культурами Белуджистана и городской цивилизацией Синда и Пенджаба. Это проявляется и в сходстве орнаментов на расписной посуде, и в общности форм некоторых изделий, например, глиняных сосудов в виде птиц. Из областей Афганистана древние города Инда получали лазурит и, видимо, значительную часть медной руды.

Более знаменательно другое, а именно северо-западное направление древних культурных влияний и взаимодействия. Широко распространенные в Мундигаке шаровидные сосуды на высокой ножке отсутствуют среди керамики кветтской группы племен и других белуджистанских поселений, но зато полностью идентичны аналогичным сосудам североиранского Тепе-Гисара²⁵. Это новое подтверждение ранее высказанных гипотез о тесной связи северного Белуджистана с культурой Тепе-Гисара²⁶. Но еще большие аналогии можно найти между культурой кветтско-кандагарских племен и памятниками раннеземледельческих племен юго-западной Средней Азии²⁷. Почти полностью идентичны и мотивы росписи на керамике, и глиняные статуэтки, и орнамент печатей (рис. 4). Весьма существенны и следующие два обстоятельства. Во-первых, все эти элементы на юго-западе Средней Азии восходят к более

²⁵ Schmidt, *Excavations*. Эта одна из основных форм расписной керамики Гисара I В—С продолжает сохраняться в пору Гисара II А—В, когда она скорее всего и послужила прототипом сосудов Мундигака.

²⁶ На основании материалов Рана Гхундай II об этом писал еще Л. Маккауэн (см. JNES, 1946, № 4, pp. 285—289). На основании тех же данных этот вопрос был позднее исследован С. Пигготтом (Piggott, *Prehistoric India*, p. 121 sq.) и Г. Чайлдом (*Древнейший Восток*, стр. 298, 310).

²⁷ Об этих связях, прослеживающихся в расписной керамике геоксюрского типа, см. Массон, СА, 1960, № 3, стр. 350—352; Сариниди, *К стратегическому Анау*, стр. 151, 152.

Рис. 4. Сопоставление памятников культуры Кветты (верхний ряд) и раннеземледельческой культуры Южного Туркменистана (нижний ряд)

раннему времени, чем в Кветте и Кандагаре, и, во-вторых, именно эти элементы не характерны для всей группы белуджистанско-индийских памятников в целом.

Все это позволяет считать, что во второй половине III — начале II тысячелетия до н. э. имело место продвижение (возможно, неоднократное) земледельческих племен из Северо-восточного Ирана и Южной Туркмении в Афганистан и Белуджистан. Видимо, не случайно кветтская группа раннеземледельческих поселений располагается в горной долине перед Боланским проходом — на пути в Индию. Оседлое население, как уже отмечалось, существовало здесь уже в конце IV — начале III тысячелетия до н. э., и последующая культура в значительной степени является результатом преемственного развития. Вместе с тем, однако, наличие и инфильтрация новых этнических элементов с северо-запада.

Путь, по которому могло идти это продвижение новых племен в Южный Афганистан, остается не вполне ясным до проведения археологических исследований в районах Мешхеда и Герата. Где-то здесь произошло соединение двух культурных традиций: североиранской и среднеазиатской, влияние которых весьма ощутимо в Кветте и Мундигаке. Хронологически эти события, видимо, следует относить ко второй половине III тысячелетия до н. э. Возможно, в связи с переселениями ряда племенных групп стоят и те перемены, которые наблюдаются во II тысячелетии до н. э. в целом ряде областей Ирана, Средней Азии, Афганистана и Индии. Старые культурные центры, и в частности города долины Инда, приходят в упадок, в ряде мест появляются новые археологические культуры, отражающие, видимо, этнические передвижения. В Афганистане забрасывается большая часть земледельческих поселков Систана, а в Мундигаке на оплывших руинах дворца появляются грубые лепные черенки, имеющие мало общего с местной посудой предшествующего периода, но находящие анало-

гии в несколько более поздней культуре Ферганы²⁸. Не удивительно, что именно к этому времени относятся и первые свидетельства о расселении племен индоиранской языковой группы, к которой принадлежит и большинство населения современного Афганистана. Этническая принадлежность древнейших обитателей рассматриваемых районов остается не вполне ясной. Судя по косвенным указаниям, можно предполагать, что по крайней мере часть раннеземледельческих племен Белуджистана, так же как, возможно, и создатели городской цивилизации Хараппы, говорили на языках дравидской группы²⁹. Но уже в всяком случае со II тысячелетия до н. э. можно говорить о распространении в Афганистане и северо-западной Индии населения индоиранской (арийской) языковой группы. Это распространение не было каким-то единовременным явлением, а, видимо, происходило в процессе переселения древних племен, осуществлявшегося несколькими волнами. Первое такое переселение произошло в середине II тысячелетия до н. э. К XIV в. до н. э. относится появление на Ближнем Востоке арийских собственных имен и специальных терминов³⁰.

Одновременно происходит и проникновение в Индию индоязычных племен³¹. Эти арийские племена пришли с северо-запада и в середине II тысячелетия до н. э. заселили Пенджаб и соседние районы. Видимо, одновременно или ранее ими были заняты также районы древней земледельческой культуры на юге Афганистана.

По мнению ряда лингвистов, распространению племен, говоривших на древнеиндийских диалектах, предшествовало появление племенных групп, языки которых хотя и были родственны древнеиндийским, но все же отличались от них. Поэтому эти племенные группы считают носителей дардских языков. К ним относятся и жители Кафиристана (ныне Нуристана), сохранившие в культуре и быте ряд глубоко архаич-

---

²⁸ Casal, *Fouilles de Mundigak*, vol. I, pp. 104—109 (комплекс Мундигак V). Следует иметь в виду, что ранний этап чустской культуры в Ферганае, с которой Ж. М. Касаль сопоставляет свои материалы, пока еще неизвестен. Еще более значительно сходство расписной керамики Мундигака VI (конец II — начало I тысячелетия до н. э.) и Яз-Тепе I в дельте Мургаба. Ср. Casal, *Fouilles de Mundigak*, vol. II, fig. 122, 653, 654; Массон, *Древнеземледельческая культура Маргианы*, табл. XVII, 17; XVIII, 1; XIX, 7, 42.

²⁹ На это, в частности, указывают сохранение в районе Келата языка брагун, развивавшегося изолированно от южнодравидских языков, и зламско-дравидские лингвистические связи (см. Воробьев-Десятовский, *О роли субстрата*, стр. 7). Антропологические данные свидетельствуют о некоторой примеси у белуджей негро-австралоидных признаков (см. Дебец, *Заселение*, стр. 364, 367, 368).

³⁰ Дьяконов И., *История Мидии*, стр. 124, 125; Дьяконов, *Очерк истории*, стр. 39—42.

³¹ NSIP, I, pp. 311, 312.

ных элементов. Вслед за индоязычными ариями сюда переселились ираноязычные племена, образовавшие к середине I тысячелетия до н. э. то основное население, с которым мы сталкиваемся при дальнейшем изучении истории страны, а носители дардских языков были оттеснены в горные области.

К IX—VII вв. до н. э. относится продвижение иранских племен в районы Фарса и западной Мидии на западе современного Ирана³². Возможно, к этому или более раннему периоду относится расселение ираноязычных племен и на плодородных равнинах северного и южного Афганистана. Древнейшим памятником иранских языков является «Авеста» — священная книга зороастризма. Наиболее архаические части Авесты — Яшты — восходят по крайней мере к VIII—VII вв. до н. э. Большая часть имеющихся данных свидетельствует, что древнейшие части Авесты, во многом близкие по содержанию Ригведе, сложились на территории Средней Азии и Афганистана³³. Во всяком случае Авеста свидетельствует о распространении в этих районах иранских языков по крайней мере в начале I тысячелетия до н. э.

Поскольку выше все время говорится о передвижениях и перемещениях племен, говорящих на индийских и иранских языках, естественным образом возникает вопрос: откуда же взялись эти народы, расселившиеся во II—I тысячелетиях до н. э. по обширным пространствам северной Индии, Ирана и Афганистана? Лингвистические данные свидетельствуют о значительной близости иранской и индийской языковых групп, что позволяет предполагать существование в древности индоиранского (арийского) языкового единства, входившего в семью индоевропейских языков.

Целые поколения ученых различных специальностей — лингвистов, историков и археологов — делали попытки, пользуясь самыми различными методами, определить место первоначального расселения индоевропейских племен, и многие сотнями томов исчисляются написанные на эту тему исследования. Эта проблема была в сильной степени запутана и извращена расистскими построениями фашиствующих ученых, подменявших конкретное изучение древнего этногенеза тенденциозными рассуждениями об «исторической миссии» индоевропейцев, переделанных в индогерманцев, о мистическом «арийском» или «нордическом» духе. Несмотря на подобные обстоятельства, препятствующие объективному

³² Дьяконов И., *История Мидии*, стр. 151 и сл.

³³ Там же, стр. 46—55. Следует согласиться с К. В. Тревер, пишущей в последнем издании (1955 г.) «Истории Узбекской ССР»: «На данном этапе наших знаний едва ли имело бы значение приурочивать родину Заратустры обязательно к Хорезму, Согду, Фергане или Бактрии» (т. I, кн. I, стр. 53).

научному исследованию, накопленный в настоящее время материал позволяет сделать некоторые выводы в отношении областей первоначального (III тысячелетие до н. э.) обитания одной из групп индоевропейских племен, а именно племен, говоривших на индоиранских языках.

Направление расселения как ираноязычных мидян и персов, так и индоязычных ариев Пенджаба довольно определенно указывает на территорию Средней Азии (возможно, с включением иранского Хорасана) как на наиболее вероятную исходную область этого расселения³⁴.

В свете этих данных весьма большое значение приобретает отмеченное выше продвижение племен Южной Туркмении и Северного Ирана в районы Кандагара и Кветты, происходящее на вторую половину III — начало II тысячелетия до н. э. На основании лингвистических данных делается вывод, что индийские племена отделились от иранских около 2000 г. до н. э.³⁵ Скорее всего отмеченное движение было лишь начальным этапом длительных и сложных процессов, приведших к расселению индоиранских племен на обширной территории. Это не было мгновенным актом «завоевания», как представляют себе некоторые западные историки. Расселение целого ряда земледельческо-скотоводческих и скотоводческо-земледельческих племен в Иране, Афганистане и Индии происходило, видимо, в течение многих столетий и было скорее связано с ассимиляцией, чем с вытеснением местных племен. Недаром в этих странах исследователи находят следы не какой-то единой «арийской» культуры начала I тысячелетия до н. э., а целый ряд локальных культур, обычно характеризующихся расписной керамикой и, видимо, отражающих различную степень этой ассимиляции.

---

³⁴ Из исследователей эту старую теорию поддерживал Э. Херцфельд (Herzfeld, *Iran*, pp. 190—192).

³⁵ НСІР, р. 206.

Глава II

РАЗВИТИЕ РАННЕКЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА

Период сложения раннеклассового общества может быть охарактеризован не только на основании археологических материалов, но и по данным письменных источников. Авеста, сочинения греческих авторов и сведения древнеперсидских наскальных надписей позволяют говорить о существовании к началу I тысячелетия до н. э. конкретных историко-культурных областей на территории современного Афганистана.

Так, область Систана, занятая в III—II тысячелетиях до н. э. одной из групп раннеземледельческих племен, в первой половине I тысячелетия до н. э. уже называлась Дрангианой (древнеперсидское *zraṅka*, греческое *Δραγγιάνη*, *Δραγγήνη* и как название народности *Ζαράγγαι* или *Σαράγγαι*)¹. Как отмечалось выше, вторая группа раннеземледельческих племен обитала в области Кандагара, которая в то время называлась Арахосией (греческое *Ἀραχωσία*, авестийское *Narāhvati*, древнеперсидское *Narāhuvati*). Крупнейшая водная артерия Южного Афганистана уже тогда называлась Хайтумант (греческое *Ἐπίταυδροσ*, авестийское *Haētumant*), откуда современное Гильменд².

В северном Афганистане также существовали две крупные историко-культурные области. Территория современного Гератского оазиса называлась Ареей (греческое *Ἀρεία*, авестийское *Narōiva-*, древнеперсидское *Naraiva*, откуда *Narēv*, затем средневековое и современное *Narāt*, *Herāt* 'Герат'). Районы так называемого Афганского Туркестана и южные области Узбекской и Таджикской ССР занимала Бактрия (греческое *Βάκτρια*, древнеперсидское *Baxtriš*, авестийское *Вахди-*). С Бактрией граничила, а в отдельные периоды времени даже входила в ее состав Маргиана (греческое *Μαργιάνη*, авестийское *Mougi*, древнеперсидское *Marguš*), расположенная в плодородных оазисах в низовьях р. Мургаб.

¹ Греческие формы с Z и Σ отражают местное произношение, с Δ — произношение «персизированное».

² От древнеиранского *haiṭu* «мост». Это слово характерно для восточноиранских языков (см. Morgenstierne, *Vocabulary of Pashto*, p. 30).

В первой половине I тысячелетия до н. э. Вактрия, Арея, Дрангиана и Арахосия начинают играть значительную роль в политической истории Древнего Востока. На этих территориях возникают самостоятельные политические объединения, со временем вошедшие в состав мировых держав, сложившихся под главенством Мидии, а затем ахеменидской Персии.

Мидийская держава и проблема древней Бактрии

В IX—VII вв. до н. э. ираноязычные племена распространились на территории северо-западного Ирана. Ассирийские цари, совершавшие походы в эти районы, сталкивались с небольшими, разрозненными политическими объединениями, во главе которых стояли местные князьки. В первой половине VII в. до н. э. эти княжества были объединены под властью одного правителя. Так возникла одна из сильнейших держав древности — Мидия³.

В правление Киаксара (625—585 гг. до н. э.) Мидия, разгромив Ассирию, становится крупнейшей политической силой на Древнем Востоке. Область собственно мидийских владений на востоке едва ли простиралась дальше района современного Тегерана (древняя Рага — Рагиана, средневековый Рага-Рей), но мидийское влияние, вероятно, распространялось значительно шире, охватывая территории союзных и полузависимых племен. Так, едва ли приходится сомневаться в том, что в мидийское объединение входили Гиркания и Парфия⁴. С меньшим основанием можно говорить о распространении мидийского влияния на другие восточные области. Арриан сообщает, что области между реками Индом и Кофеном (современная Кабул) были подчинены ассирийцами, затем мидянами и персами (Агг., *Indica* I, 1—3). Это сообщение Арриана скорее всего отражает явно фантастическую античную легенду об индийском походе Семирамиды. Однако если предположить, что речь идет о сфере влияния мидийской державы, то вполне возможно, что в правление Киаксара это влияние распространялось и на такие отдаленные районы, как Арахосия и Дрангиана.

И. М. Дьяконовым была выдвинута гипотеза о том, что в списке податных округов ахеменидской империи, приводимом Геродотом (Нер., III, 89—92), начиная с XIII сатрапии перечисляются области, входившие в состав мидийской державы к

³ Cameron, *History of early Iran*, pp. 174, 177, 178; Дьяконов И., *История Мидии*, стр. 266 и сл.

⁴ Cameron, *History of early Iran*, p. 216; Дьяконов И., *История Мидии*, стр. 357.

моменту покорения ее Киром⁵. Если принять эту гипотезу, то можно считать, что в состав Мидии входили Дрангиана (XIV округ по Геродоту) и часть современного Белуджистана (части того же XIV и XVII округов, по Геродоту). Однако в целом гипотеза И. М. Дьяконова имеет несколько искусственный характер⁶.

Как бы ни решался вопрос о восточных границах мидийского влияния, остается несомненным, что вне этого влияния оставалась Бактрия, на территории которой, как можно предполагать, весьма рано сложилось крупное политическое объединение. Об этом свидетельствует в первую очередь вполне определенная традиция античной историографии, восходящая к Ктесию Книдскому (текст последнего сохранился в изложении Диодора). Согласно этой традиции, бактрийское царство существовало уже в VIII в. до н. э., когда оно подверглось нападению ассирийских войск во главе с царем Нином и царицей Семирамидой (Саммурагат), фактически правившей Ассирией с 810 г. до н. э., после смерти Шамши-Адада V. Бактрийское войско было, по сообщению Ктесия, весьма храбро и многочисленно, а страна труднопроходима, поэтому ассирийцы тщательно готовились к походу. В Бактрии был целый ряд городов, а ее столица — город Бактры, — помимо городских стен имела и цитадель (Diod., II, 6, 2). По Диодору, царя Бактрии звали Оксиарт, но у Юстина он носит имя Зороастр (Just., I, 2), что, возможно, соответствует первоначальному тексту Ктесия, до его обработки Диодором. Первое сражение ассирийцев с бактрийцами состоялось у выхода из горных ущелий на равнину и для ассирийцев было неудачно, но впоследствии они одержали верх, захватили ряд городов и осадили Бактры (Diod., II, 6, 4). Овладеть бактрийской столицей, по словам Диодора, удалось лишь благодаря хитрости. В Бактрах было захвачено большое количество золота и серебра. Захватив Бактрию, Семирамида будто бы совершила

⁵ Дьяконов И., *История Мидии*, стр. 343 и сл.

⁶ И. М. Дьяконов считает, что в списке Геродота сначала перечислены сатрапин, присоединенные Киром и Камбисом (I—XII сатрапин), затем мидийские владения (XII—XVIII сатрапин) и, наконец, сатрапии, образованные Дарием I (XIX (?) и XX). Однако в таком случае неясно, почему сатрапин, составившие первоначальную основу ахеменидской державы и доставшиеся Ахеменидам от Мидии, помещены в середине, а не в начале списка. Помещение Египта (VI сатрапия), присоединенного Камбисом, среди областей завоеванных Киром (I—V и VII (или VIII) — XII округа), явно свидетельствует о том, что порядок перечисления округов не отражает последовательности их подчинения Ахеменидами. Что же касается той части гипотезы, которая посвящена «мидийской части» списка, то ее можно было бы принять, если бы были какие-то другие данные, подтверждающие вхождение соответствующих областей в состав Мидии (особенно это относится к XIV, XV и XVII округам). Использовать же в качестве доказательства только список Геродота не представляется возможным.

поход в Индию. Среди народов, покоренных ассирийцами, Диодор называет парфян, гирканцев, дербиков, кадусиев, карманиев и дрангианцев (Diod., II, 2, 3):

Эта традиция, как уже отмечалось, получила довольно широкое распространение в античной историографии. Об осаде Бактр ассирийским царем сообщает в «Киропедии» Ксенофонт, (Хеп., *Cyrop.*, I, 5, 2). Бактрийский поход ассирийцев описывался в не дошедшем до нас источнике, на который ссылался римский историк Помпей Трог, причем, согласно этому источнику, бактрийский царь был убит. Уже соратники Александра Македонского слышали в Белуджистане рассказы об индийском походе Семирамиды (Агг., *Anab.*, VI, 24).

В дальнейшем изложении Ктесия еще несколько раз упоминается бактрийское государство. Так, по Ктесию, во время войны Мидии и Ассирии бактрийцы первоначально выступили на стороне последней, но затем мидянам удалось склонить бактрийцев на свою сторону (Diod., II, 26, 1—2). В другом отрывке из истории Ктесия, сохранившемся у Фотия (Phot., XII, 106), рассказывается о борьбе Кира против Бактрии. Ксенофонт, говоря о событиях этого периода, также упоминает бактрийского царя (Хеп., *Cyrop.*, VI, I, 3).

Исследователи по-разному оценивают эти сообщения античных авторов. Одни, справедливо указывая на легендарный характер описания ассиро-бактрийской войны, отрицали их историческую ценность. Другие, напротив, склонялись к признанию существования политического объединения Бактрии, хотя и делали целый ряд оговорок⁷. Действительно, в сообщениях Ктесия много фантастического. Ассирийцы никогда не совершали походов в Бактрию или Индию. Весь рассказ о завоевании Бактрии имеет явные черты эпических преданий, причем в нем отчетливо проявляется доброжелательное отношение к бактрийцам. В то же время многое в этом повествовании вполне реально, например, описание Бактрии (горные ущелья на западной границе) и самих Бактр как укрепленного города с мощной цитаделью. Археологические работы в соседней с Бактрией Маргиане показали, что здесь в IX—VII вв. до н. э. в крупных поселениях существовали цитадели, возведенные на мощных платформах из сырцового кирпича⁸. Насколько можно судить по раскопкам Нади-али в Систане, сходные сооружения существовали и в Дрангиане⁹. Все это заставляет с большим вниманием отнести к ктесиевому описанию Бактрии.

⁷ Prašek, *Geschichte*, Bd I, S. 50—54; Толстов, *Основные вопросы*, стр. 183.

⁸ Массон, *Проблема древней Бактрии*.

⁹ Ghirshman, *Fouilles de Nad-i-Ali*, pp. 15, 16.

Целый ряд данных указывает на то, что Ктесий, живший при дворе ахеменидского царя Артаксеркса II (404—358), пользовался мидийской исторической традицией, в которую были включены рассказы, восходящие к сакско-бактрийским эпическим преданиям¹⁰. Таково, вероятно, происхождение и легенды о бактрийском походе царей Ассирии. В этой легенде, с одной стороны, нашли отражение воспоминания о походах ассирийцев при Семирамиде и Ададнирари далеко на восток¹¹, в глубь мидийской территории, с другой — вполне определенные представления о былом могуществе политического объединения, существовавшего в Бактрии в глубокой древности¹². Первое, приняв гиперболизированные формы, превратилось в индо-бактрийский поход ассирийцев, а второе, насколько позволяют судить имеющиеся данные, скорее всего соответствовало реальной исторической действительности. Специальные исследования показали, что в Авесте также содержатся сведения о существовании крупного политического объединения, в состав которого входило несколько областей¹³.

¹⁰ Это вполне убедительно было показано уже Т. Нельдеке и В. В. Бартольдом (см. Бартольд, *К истории персидского эпоса*, стр. 258, 259).

¹¹ Дьяконов И., *История Мидии*, стр. 167—169. Сохранился отрывок из донесения ассирийского агента, посланного за лазуритом в некую горную страну. «Но когда я унес лазурит, — сообщает агент, — страна возстала против меня», после чего следует просьба о присылке войск (Дьяконов И., *Ассиро-вавилонские источники*, стр. 335, 336). Как известно, основным поставщиком лазурита на Древнем Востоке была Бактрия и не исключено, что в данном отрывке речь идет именно о ней или о какой-либо сопредельной стране. Интересно отметить, что в вавилонской версии Бисутунской надписи Дария I вместо Гандхары приводится название *Parupagesanna*, явно восходящее к местному названию Гиндукуша, передаваемому греческими авторами как Паропамисады. Эта замена названия свидетельствует о существовании в вавилонской канцелярии собственной традиции наименования этого района, видимо, хорошо известного еще в доахеменидский период как основной источник лазурита.

¹² И. Маркварт, выдвинувший теорию главенства в Средней Азии древнехорезмийского царства, считал, что Ктесий лишь перенес в древность то большое значение, которое Бактрия приобрела в эллинистический и ахеменидский периоды (Markwart, *Wehrot und Arang*, S. 10). Но поскольку Ктесий жил в ахеменидском Иране в конце V в. до н. э., эллинистический период здесь явно ни при чем. Едва ли за то столетие, в течение которого Ахемениды владели Бактрией, ее значение могло настолько возрасти, чтобы затмить какое-то другое могущественное доахеменидское объединение. Насколько можно судить по тексту Геродота о р. Ак (видимо, современный Теджен), политическое влияние Хорезма в первой половине VI в. до н. э. распространялось на какие-то южные территории (Нег., III, 117), но в целом теория И. Маркварта о могущественном хорезмийском государстве едва ли может быть принята. Пытаясь примирить эту теорию с реальной исторической обстановкой, В. Хеннинг создал гипотезу, по которой центром этого «хорезмийского царства» являются Мерв и Герат (см. Henning, *Zoroaster*, p. 43).

¹³ Gershevitch, *The Avestan Hymn*, pp. 83, 295, 298, 299; «История таджикского народа», т. I, стр. 148, 149.

В это время складывается и новое религиозное учение, известное под именем зороастризма.

Возникновение зороастризма

Исследование имеющихся источников, и в первую очередь дошедших до нашего времени частей священной книги зороастризма — «Авесты», позволяет утверждать, что Зороастр был вполне реальным лицом. Его имя может быть этимологизировано как «(обладающий) золотистыми (или старыми) верблюдами»¹⁴. Время жизни Зороастра скорее всего следует датировать концом VII — первой половиной VI в. до н. э.¹⁵. Судя по историко-географическому кругозору Авесты¹⁶, учение Зороастра довольно быстро распространилось на такие территории, населенные восточноиранскими племенами, как Хорезм, Маргиана, Парфия, Арея, Согд, Бактрия, Арахосия и Дрангиана.

По заключению некоторых исследователей, диалекты, на которых написана Авеста, имеют сходство как с западноиранскими, так и с восточноиранскими языками, что заставляет искать родину Авесты в «промежуточных» районах, а именно в Маргиане, Арее или Систане¹⁷. Хотя, согласно средневековой традиции, местом деятельности Зороастра была Бактрия, это, по-видимому, надо считать лишь позднейшим осмыслением биографии Зороастра. В ранних частях Авесты Бактрия не упоминается, что, возможно, объясняется враждой между покровительствовавшим Зороастру правителем Виштаспой и царьками того политического объединения, которое в это время складывалось на территории Бактрии.

Ко времени выступления Зороастра у восточноиранских племен существовал обширный пантеон различных божеств, в той или иной степени связанных с силами природы. Здесь был пскровитель воинов и стад грозный Митра, богиня пло-

¹⁴ Ср. Дьяконов И., *История Мидии*, стр. 385.

¹⁵ Наиболее фреальной датой начала распространения проповеди Зороастра признается 569 г. до н. э. (Абаев, *Скифский быт*, стр. 24; Altheim, *Zarathustra und Alexander der Grosse*, p. 329). В. Хеннинг приводит следующие возможные датировки жизни Зороастра: 630—553, 628—551 и 618—541 гг. до н. э. (Henning, *Zoroaster*, p. 41). Ряд исследователей склонен датировать время жизни Зороастра началом I тысячелетия до н. э.

¹⁶ Струве, *Родина зороастризма*.

¹⁷ Ряд исследователей, в том числе А. Мейе, считал авестийский язык (не нашедший продолжения ни в одном из современных иранских диалектов) представителем северо-западной группы иранских языков (мидийско-парфянская группа). См. Tedesco, *Dialectologie*. Однако последующие работы показали, что по целому ряду признаков авестийский язык сближается с восточноиранскими диалектами (см. Morgenstierne, *Indo-Iranian Frontier Languages*; Фрейман, *Диалектологические отношения; Henning, Zoroaster*, p. 44 sq.).

дородия Анахита — покровительница земледелия, звезда Тиштрия — Сириус, вызывающая благодатный дождь, дух предков Фраварти. Гимны этим божествам, так называемые Яшты, представляют собой древнейшие по содержанию части Авесты.

Зороастр попытался заменить эти древние верования стройной системой дуалистической религии. Центральное место в новой религии было отведено культу светлого божества Ахура-Мазды (буквально «господин мудрый»). Культ этого божества, олицетворявшего добро и все положительные начала, до Зороастра был распространен среди ираноязычных племен. Его антиподом в религии Зороастра выступает «князь тьмы» Ангро-Манью, позднее Ахриман, или Ариман. Приверженец религии Зороастра отнюдь не должен оставаться пассивным созерцателем вечной борьбы двух начал. Зороастр страстно призывает выступать на стороне добрых сил. Доброе слово, добрые помыслы, добрые деяния — таковы три орудия, с помощью которых человек должен обеспечить торжество света и добра над силами тьмы и зла.

Нет сомнений, что в дуализме зороастризма опосредованно отразились реальные противоречия общества, в котором складывалась эта религия.

Для объяснения общественных истоков зороастрийского дуализма были предложены различные толкования. Видимо, наиболее правы те исследователи, которые связывают появление этой религии с развитием межплеменных противоречий в современном Зороастру обществе, и в первую очередь противоречий между оседлыми и кочевыми племенами¹⁸. Действительно, содержание Гат¹⁹ и ряда Яштов (Михр-Яшт и др.) показывает, против кого направлены проповеди Зороастра. Это прежде всего мелкие правители, враждебные Виштаспе, покровителю пророка, и особенно кочевые племена — тура, разоряющие оседлые селения, угоняющие стада скота (ср. специальный термин Ригведы *gaviṣṭī* — 'угон скота'), бывшие в тот период основным мерилом благосостояния²⁰.

Эти кочевые племена, жившие по соседству с оазисами, под различными названиями хорошо известны и из других

¹⁸ Geiger, *Ostiranische Kultur*; Абаев, *Скифский быт*, стр. 34 и сл.

¹⁹ Гаты — поэтические проповеди, созданные, видимо, самим Зороастром.

²⁰ Частое упоминание скота в авестийских текстах заставляло многих исследователей рассматривать общество времени Зороастра прежде всего как общество скотоводческое. Основное сословие производителей в Авесте именуется обычно *vāstrya-īšuyant*, «заботящийся о корме скоту», «крестьянин-скотовод». Археологические данные не оставляют сомнения в том, что в рассматриваемое время основным населением Систана, Арей, Маргианы были оседлые земледельцы-скотоводы.

источников. Так, в конце VII — первой половине VI в. до н. э. приобрел большое значение сакский кочевой союз, легендарная предводительница которого Зарина подчинила целый ряд оазисов с оседлым населением и вела из-за Парфии войну с мидянами (Diod., II, 34). Кочевники, располагавшиеся по границам земледельческих оазисов, были постоянной угрозой для оседлого населения. Недаром позднее, с появлением сильной центральной власти, все основные оазисы Маргианы, Согда и Бактрии были окружены длинными стенами. Нет ничего удивительного в том, что эти события нашли яркое отражение и в зороастрийской религии.

Как можно судить по Гатам, Зороастр, выдвигая на первый план культ Ахура-Мазды, пытался вытеснить культы многих других ранее почитаемых божеств. Может быть, в какой-то мере это ему удалось в начальный период его деятельности²¹. Однако вскоре после его смерти культы древних божеств были восстановлены и посвященные им Яшты вошли в Авесту, которая, таким образом, представляет соединение текстов, связанных со старыми иранскими культами дозороастрийского периода, этико-философского дуализма Зороастра и — в некоторых частях — исторических преданий.

Общественный строй в VIII—VI вв. до н. э.

Исследования археологических памятников позволяют по-новому осмыслить легенды о могущественной Бактрии, сохранные античной исторической традицией, и сведения о жизни древнего общества, имеющиеся в Авесте. Археология вводит исследователей в реальный мир древнейшего прошлого, и то, о чем можно только смутно догадываться на основании письменных источников, выступает в ряде случаев вполне конкретно и осязаемо.

Археологические данные предостерегают против недооценки уровня общественного развития в VIII—VI вв. до н. э. Об этом свидетельствуют как исследования последних лет, проведенные в Средней Азии, так и изучение некоторых памятников, находящихся на территории Афганистана.

Так, довольно хорошо исследованы археологические памятники Маргианы IX—VI вв. до н. э. (современный Марыйский оазис Туркменской ССР). Несколько земледельческих оазисов располагалось вдоль магистральных каналов, выведенных из р. Мургаб. Центрами оазисов были крупные поселения с цитаделями. Цитадель наиболее значительного

---

²¹ Показательно, что, например, в Маргиане в IX—VI вв. до н. э. прерывается древняя традиция изготовления мелкой терракотовой скульптуры, в том числе фигурок, изображавших женское божество.

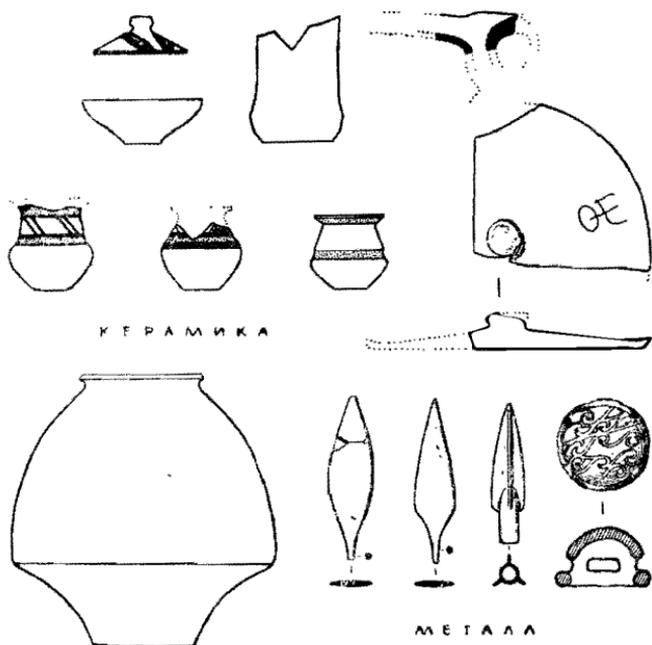

Рис. 5. Предметы материальной культуры из слоя Нади-Али II

поселения древней Маргианы, Яз-Тепе, занимала площадь в 1 га и была возведена на восьмиметровой платформе из сырцового кирпича. Главной постройкой цитадели было монументальное здание, скорее всего дворец местного правителя.

В этот же период крупные ирригационные системы были сооружены и на севере Гиркании²² (юго-западная Туркмения), а поселения с цитаделями обнаружены и на территориях древней Парфии (Елькен-Тепе), Мидии (Тепе-Сиалк у Кашана) и Дрангианы. В последней такой памятник открыт близ современного поселения Нади-Али в афганском Систане. Это развалины некогда обширного поселения²³, центр которого представлен сейчас холмом высотой 31 м. В верхнем слое (Нади-Али I) раскопаны остатки монументального здания ахеменидского времени, а ниже (Нади-Али II) — массивное строение из сырцового и частично обожженного кирпича, датированное VII—VI вв. до н. э. В Нади-Али II были найдены бронзовые наконечники стрел двух типов, глиняная посуда, иногда покрытая многоцветной росписью, обломки украшений из меди и золота (рис. 5). Судя по археологическим данным,

²² Массон, *Памятники культуры архаического Дахистана.*

²³ Ghirshman, *Fouilles de Nad-i-Ali*, pp. 12—14.

центральный холм Нади-Али — остатки древней цитадели, где, так же как и на маргианском Яз-Тепе, мощная платформа служила основанием для дворцового здания — резиденции местного правителя. Видимо, подобные дворцовые здания упоминаются в Авесте в том месте, где речь идет о царских домах (Яшт 17, X, 60).

Значительный интерес для изучения общественного строя в Бактрии, Арахосии и соседних областях VIII—VI вв. до н. э. представляют данные Авесты, особенно ее древнейших по содержанию частей — Яштов. В них, в частности, неоднократно упоминается традиционная для Авесты четырехступенчатая система организации общества²⁴. Низшей единицей была *штāпа* 'дом'; под этим понималось также хозяйство патриархальной семьи (включавшее, видимо, и рабов)²⁵. Во главе такой единицы стоял владыка дома (*штāпорайтīš*). Видимо, те многокомнатные жилые дома, из которых состояли поселения земледельцев и скотоводов Маргианы и соседних стран, и представляли собой *штāпа* Авесты. Иногда развалины подобных многокомнатных жилищ находят в стороне от других поселений²⁶.

Следующей единицей общественной организации, согласно Авесте, был *vis* — род (в Гатах — *vəgəzēpa*, *hakəmə*) в значении также и родового поселения. Род возглавлял *vispaitīš*. Подобные поселения, теоретически принадлежавшие одному роду, объединяли в своем составе несколько патриархальных семей *штāпз*, живших каждая в отдельном многокомнатном доме. Далее, согласно авестийской схеме, идет *zantu* (в Гатах — *airuamān*) — область, населенная племенем, или собственно племя. Наконец, четвертая единица организации общества — это *dahyu* 'страна', 'область', которую возглавляет правитель области *dāhvuhpaitīš*. Не может быть особых сомнений в том, что описанные выше поселения древнемаргианских фазисов объединялись в подобные области и управлялись одним правителем. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что среди терминов Авесты нет такого, который можно было бы приложить к крупному поселению с цитаделью, являвшемуся, как показывают археологические данные, центром области — дахью. Это скорее всего можно объяснить тем, что традиционная четырехступенчатая схема ранней Авесты сложилась еще в тот период, когда роль подобных поселений в жизни общества была невелика.

²⁴ Benveniste, *Les classes sociales*, pp. 117—134; Дьяконов И., *История Мидии*, стр. 180—189; Тюрин, *Социально-экономические термины*, стр. 519.

²⁵ В. А. Лившиц насчитывает три термина, употреблявшихся в Авесте для обозначения рабов («История таджикского народа», т. I, стр. 141—143). Странно, что среди них отсутствует понятие «раб-чужеземец».

²⁶ Массон, *Памятники культуры архайского Дахистана*, стр. 422—424.

Сопоставление всех имеющихся данных позволяет прийти к следующему заключению: VIII—VI вв. до н. э. были периодом интенсивного разложения первобытнообщинного строя и формирования классового общества в Бактрии, Дрангиане и соседних с ними территориях. Территория оседлых оазисов разделялась на мелкие владения, во главе которых стояли местные правители, все более терявшие облик племенных вождей и превращавшиеся в мелких царьков. Резиденциями этих царьков служили крупные поселения с цитаделями, в которых нетрудно угадать прототип будущих городских поселений. Столкновения между этими мелкими царьками и их борьба против кочевников, разорявших оседлые оазисы, ярко отражены в Авесте. В этих условиях вполне вероятно временное возвышение какого-либо одного правителя, сумевшего подчинить своей власти соседей. Подобным объединением и могла быть Бактрия, как она описана в ктесиевой легенде. Историческая закономерность создания подобных объединений прекрасно осознается Зороастром, который выступает в своих проповедях с требованием установления сильной власти²⁷. Однако нет никаких данных о существовании сколько-нибудь крупных государств с деспотической властью царя.

Таковыми представляются общественные отношения в Бактрии и соседних странах в тот период, когда на них распространилась власть новой «мировой державы» древнего Востока — империи Ахеменидов.

Империя Ахеменидов и поход Кира на восток

Владычество Мидии на Древнем Востоке оказалось сравнительно недолговечным. Уже через шестьдесят лет мидийские правители были свергнуты персидской династией Ахеменидов. В 550 г. до н. э. вождь персидских племен Кир взял в плен мидийского царя Астиага, захватил и разграбил столицу Мидии Экбатаны. На исторической арене появилась новая могущественная держава. В 547 г. до н. э. Кир завоевал знаменитое своим богатством государство Малой Азии — Лидию. После покорения Лидии по словам Геродота «на пути Кира лежали Вавилон, бактрийский народ, саки и египтяне; в войне с ними он собирался предводительствовать лично» (Her., I, 153).

О размерах державы Кира можно судить на основании списка подвластных Ахеменидам стран, приводимого в Бисутунской надписи Дария I. Поскольку преемник Кира, Камбис, не совершал военных походов на восток, можно считать, что в Бисутунской надписи указаны границы державы, уста-

²⁷ Абаев, *Скифский быт*, стр. 30 и сл.

повленные еще при Кире²⁸. В списке подвластных Ахеменидам областей перечисляются Парфия, Дрангиана, Арея, Хорезм, Бактрия, Согд, Гандхара, страна саков и Арахосия.

Точно определить время вхождения этих областей в созданную Киром державу весьма трудно. Господствующей можно считать точку зрения Ю. Прашека²⁹, согласно которой все эти области были присоединены к ахеменидским владениям в период между разгромом Мидии в 547 г. и взятием в 539 г. Вавилона³⁰. Другие исследователи, наоборот, полагают, что перечисленные районы были присоединены уже после покорения Вавилона³¹. Ряд фактов как будто свидетельствует в пользу первой точки зрения. Прежде всего это сообщение Геродота о том, что Кир начал наступление на Вавилон, «покорив своей власти все народы материка» (Нер., I, 178). Кроме того, в одном из отрывков Ктесия говорится, что бактрийцы долго сопротивлялись Киру и покорились, лишь узнав о признании Кира мидийским царем Астиагом. Это могло быть только в том случае, если Кир двинулся против Бактрии сразу после разгрома Мидии, когда подробности этого события не были еще известны бактрийцам.

Вместе с тем еще больше оснований утверждать, что Кир совершил поход на восточные области после 539 г. до н. э. Приведенные выше слова Геродота (Нер., I, 153) о дальнейших планах Кира после взятия Вавилона (Бактрия, затем саки и далее Египет) как будто указывают на хронологическую последовательность событий. Кир сначала покорил Бактрию, потом вступил в борьбу с кочевыми племенами, в ходе которой и погиб, не успев осуществить поход против Египта. Гибель Кира в 529 г. на северо-востоке своих владений указывает на районы последних походов основателя ахеменидской державы. Естественно, что после завоевания оседлых областей (Бактрии, Согда и др.) персы столкнулись с крупнейшей политической силой — союзом кочевых племен, подобно тому как мидяне столкнулись с саками в борьбе за Парфию. Таким образом, скорее всего присоединение Бактрии, так же как и война с кочевниками, произошло в какое-то время с 539 по 530 г. до н. э.

Вместе с тем вероятно, что области, на которые распространялось влияние мидийской державы на Востоке, были покорены Киром еще до персо-лидийской войны. Возможно, именно в этот период был заключен союз персов с племенем

---

²⁸ Сомнения С. П. Толстова (*По следам*, стр. 104, 105) в том, что Хорезм был завоеван Киром, едва ли основательны.

²⁹ Prašek, *Geschichte*, Bd I, S. 224, 225.

³⁰ Olmstead, *History*, p. 45 sq.; Ghirshman, *L'Iran*, pp. 111, 112.

³¹ Тураев, *История Древнего Востока*, т. II, стр. 118; Дьяконов, *Мидия и образование державы Ахеменидов*, стр. 182.

ариаспов, обитавшим в районе Дрангианы, о котором упоминают античные авторы, восхваляя благородство ариаспов, получивших прозвище эвергетов (Arr., *Anab.*, III, 27, 4—5; Q. Curt., VII, 3, 2; Diod., XVII, 81, 1; Strabo, XV, 2, 10). Видимо, сопротивление, оказанное племенами Дрангианы ахеменидским завоевателям, было настолько упорным, что нашло отражение не только в легенде об ариаспах-эвергетах, но и в рассказе Ктесия о борьбе Кира с дербиками (Ktes., *Fr.* 37). Согласно Ктесию (повествование которого в данном случае, видимо, связано с сакской эпической традицией), саки царя Аморга (саки-амюргии) помогали Киру в его упорной борьбе с дербиками. Последним будто бы оказывали помощь индийские отряды, которые имели боевых слонов³². Видимо, в рассказе об эвергетах и дербиках отразились одни и те же события, когда Киру в его борьбе с племенами восточного Ирана и южного Афганистана удалось привлечь на свою сторону какую-то племенную группировку³³. Сопротивление недовольных жестоко подавлялось. Так, Киrom была разрушена Каписа, один из центров Паропамисад, отождествленная с современным Беграмом (Pliny, *NH*, VI, 23). Античные авторы сообщают также о подчинении Киrom индийцев, живших между реками Кабулом и Индом (Arr., *Ind.*, 1, 3; *Cyrop.*, I, 1, 4; VI, 2, 1—11). Однако последнее сообщение может вызывать некоторые сомнения³⁴. В покоренных странах возводились укрепления, где размещались персидские гарнизоны³⁵.

³² По Страбону, дербики в III—I вв. до н. э. жили в районах между территориями, заселенными гирканцами и тапирами (Strabo, XI, 9, 1; 11, 9). По Эратосфену, тапиры жили в районе между территориями обитания гирканцев и ивреев, а дербики — к югу от гирканцев (Strabo, XI, 8, 8). См. Tomaschek, *Derbikes*, Sp. 237, 238.

³³ На отождествление ариаспов и саков царя Аморга, помогавших Киру в борьбе против дербиков, указал еще Томас (Thomas, *Sakastana*, p. 463). Он предполагал, что именно в битве с кочевниками Дрангианы в 530 г. и погиб Кир. Однако предпочтение должно быть отдано версии о гибели ахеменидского царя, излагаемой Геродотом. В том, что в Дрангиане в VI в. до н. э. обитали кочевые племена, нет ничего невероятного, поскольку не существовало определенной границы между районами обитания кочевых племен и оседлыми оазисами.

³⁴ Разбор этих сведений см. СНИ, I, pp. 330—333. Рассказы о походе, будто бы совершенном Киrom в Гедросии (Arr., *Anab.*, VI, 24), вызывали сомнение уже у Страбона и Эратосфена (Strabo, XV, 1, 5—6).

³⁵ Широко известны «города», построенные Киrom на Яксарте (Сыр-Дарья), в том числе Кирополь (Strabo, XI, 11, 4; Arr., *Anab.*, IV, 3; Just., XII, 5). В одном из отрывков Гекатея (Hecat., *Fr.* 175) упоминается царская крепость в земле индийского народа опиев (*Ἰπλιας*) — название, обычно сопоставляемое с именем Александрии Оптаны, возможно соответствующей современному Чарикару. Чаще всего постройка этого укрепления относится ко времени индийского похода Дария I, но, поскольку Оптана расположена в пределах вероятных завоеваний Кира, скорее всего оно, так же как и сырдарьинские укрепления, основано самим Киrom,

Геродот называет две главные политические силы, противостоявшие Киру на востоке: это Бактрия и могущественный кочевой союз. Против них и выступили персы после захвата в 539 г. Вавилона. Подробности подчинения Бактрии не сохранились в письменных источниках. Лишь Ктесий сообщает, что эта война была длительной и упорной и завершилась будто бы добровольным признанием бактрийцами власти Ахеменидов.

Однако столкновение со среднеазиатскими кочевниками кончилось для Кира трагически. Смерть могущественного царя и разгром его войск кочевыми племенами произвели сильное впечатление на современников. Это способствовало созданию различных легенд и версий, по-разному описывающих и объясняющих поразившее народы событие. Даже имя кочевых племен — противников Кира — различно в разных источниках. По Геродоту, это были массагеты, по Ктесию — дербики, а согласно Беросу — даи (дахи).

Геродот, прежде чем начать повествование о поражении Кира, пишет: «Относительно смерти Кира существует много рассказов, я привел наиболее правдоподобный» (Нер., I, 214). Этот рассказ признается и современной наукой наиболее правдоподобным. Согласно ему, Кир навел мосты через р. Аракс (в данном случае, видимо, Аму-Дарья) и двинулся в глубь страны массагетов. Жестокое сражение закончилось полным разгромом персидской армии и гибелью самого Кира. Вернее всего, это произошло летом 530 г. до н. э., поскольку уже в сентябре того же года вавилонские документы называют ахеменидским царем сына Кира, Камбиса.

Правление Дария и народные восстания

После смерти Кира «царем царей» ахеменидской державы стал его сын Камбис (530—522 гг. до н. э.). Все свое внимание Камбис сосредоточил на завоевании Египта (совершив, в частности, тяжелый поход на юг этой страны). О положении в восточных сатрапиях в этот период источники ничего не сообщают. Зато события на востоке империи, происходившие в годы правления преемника Камбиса — Дария I, освещены в источниках значительно лучше. В последний год правления Камбиса в империи разразился социально-политический кризис, потрясший до основания ахеменидскую державу. За происходившей в это время династической борьбой можно видеть глубокие внутренние противоречия, раздиравшие державу Кира. В состав империи входили многие страны и народы, ранее пользовавшиеся независимостью. Кроме того, в среде самих мидийских и персидских племен, занимавших в ахеменидской державе привилегированное положение, активизировал-

ся процесс имущественного и социального расслоения, связанный с выделением знати и порабощением рядовых общинников. Сходные процессы классовой дифференциации усиливались и в восточных сатрапиях Ахеменидов, где местная знать в ряде случаев встала на сторону иноземных завоевателей, выступая против собственного народа.

Политическая сторона событий этого времени выглядит следующим образом. Камбис, стремясь обеспечить единовластие, тайно убил своего брата Бардию³⁶. Во время египетского похода Камбиса один жрец (маг), по имени Гаумата, воспользовавшись тем обстоятельством, что убийство Бардии сохранилось в тайне, объявил себя сыном Кира. Этому Лжебардин удалось захватить власть в Персии. Камбис, узнав о случившемся, срочно выехал на родину, но умер в пути от случайной раны, полученной при не вполне ясных обстоятельствах. 11 марта 522 г. до н. э.³⁷ Гаумата принял титул «царя царей» и обширная держава оказалась во власти самозванца. Однако внутреннее положение государства было весьма непрочным. На основании сообщений Геродота и Бисутунской надписи известно, что эти волнения начались еще в конце правления Камбиса. «Когда Камбис отправился в Египет, народ возмущился и стало много лжи в стране — и в Персии, и в Мидии, и в других странах» (Beh., I, 33—35). В. В. Струве в результате специального исследования источников показал, что в короткий период правления Гауматы началось крупное народное движение и в Маргиане³⁸. Непокойное было и в Вавилонии (Her., III, 150). Стараясь удержаться на троне, Гаумата прибег к крайним мерам. Так, он, как сообщает Геродот, отменил на три года налоги с покоренных стран и поставку ими воинских отрядов в персидскую армию. Однако против Гауматы возник заговор в среде персидской аристократии, и 29 сентября 522 г. Гаумата и его брат были убиты заговорщиками в одной из мидийских крепостей. «Царем царей» стал один из участников заговора, представитель младшей линии Ахеменидов, Дарий I (522—486 гг. до н. э.).

Новый дворцовый переворот еще более накалил политическую обстановку в ахеменидской державе, и Дарий I сразу же вынужден был бросить основные силы на подавление вос-

---

³⁶ По сообщению Ктесия, Бардия после смерти Кира был назначен правителем бактрийцев, хорезмийцев, парфян и карманиев. Однако сатрапом Бактрии в это время скорее всего был уже Дадаршиш, и следует отдать предпочтение сообщению Ксенофонта о том, что Бардия был правителем Мидии, Армении и Кадусии (см. Струве, *Восстание в Маргиане*, стр. 26; Olmstead, *History*, p. 92).

³⁷ Такова дата Бисутунской надписи (см. Kent, *Old Persian*, p. 161). Известен клинописный документ из Вавилона (в котором приведено имя царя Бардии), датированный 14 апреля 522 г. до н. э.

³⁸ Струве, *Восстание в Маргиане*, стр. 25.

станий, охвативших многие районы империи, в том числе и восточные сатрапии.

Дарий и его сподвижники, опираясь на немногочисленное, но закаленное в боях войско, действовали решительно и беспощадно.

Среди многочисленных событий, описанных в Бисутунской надписи, наибольший интерес для рассматриваемой темы представляют народные движения в восточных сатрапиях ахеменидской державы.

Прежде всего следует упомянуть движение, охватившее Маргиану. Восставшие избрали своим вождем маргианца по имени Фрада. Сам Дарий, боровшийся в это время с оппозицией в центре ахеменидской державы — в Вавилонии, не мог направить сколько-нибудь значительные силы в Маргиану и поручил подавление восстания бактрийскому сатрапу Дадаршишу (бактрийская сатрапия в это время включала в свой состав и Маргиану)³⁹. Дадаршиш двинулся во главе своих войск в Маргиану. В сражении 10 декабря 522 г. до н. э. маргианцы потерпели жестокое поражение. Было убито 55 тыс. и взято в плен 6,5 тыс. человек. Обращает на себя внимание, во-первых, ранняя дата разгрома восстания (даже подавление восстания в Вавилонии относится к более позднему времени — 13 декабря 522 г. до н. э.) и, во-вторых, огромное число убитых. Даже с учетом несомненного преувеличения следует признать, что восстание в Маргиане было особенно массовым. Эти обстоятельства позволили В. В. Струве считать, что маргианское восстание представляло собой движение широких народных масс, таившее в себе особую опасность для социальной базы ахеменидской державы. Именно этим обстоятельством и была обусловлена быстрота и беспощадность подавления восстания. Сатрап Бактрии начал готовиться к подавлению маргианского движения, даже не дожидаясь распоряжений центрального правительства.

Восстание Фрады в Маргиане представляло едва ли не наибольшую социальную угрозу для правящей верхушки ахеменидской державы среди других волнений первого года правления Дария. Однако в это же время не менее опасное для Дария восстание охватило район Персиды и ряд других областей ахеменидской империи.

Это движение возглавил некий Вахьяздата, объявивший себя Бардией, сыном Кира. Этот второй Лжебардия добился значительного успеха: вся Персида перешла на его сторону.

---

³⁹ В конце описания событий в Маргиане Дарий I говорит: «Вот, что мной сделано в Бактрии». В. В. Струве полагает, что Маргиана была присоединена к сатрапии Дадаршиша лишь после 522 г. до н. э. в качестве награды за успешную расправу с народным движением (Струве, *Восстание в Маргиане*, стр. 28).

Очень скоро восстание захватило и другие области ⁴⁰. «Вахъяздата, — сообщается в Бисутунской надписи. — послал войско в Арахосию против сатрапа, моего подчиненного, перса Виваны и одного человека сделал его (войска) начальником» (Beh., III, 54—57).

На восточных окраинах ахеменидской державы первое сражение со сторонниками Вахъяздаты произошло 29 декабря 522 г. до н. э. у крепости Капишканиш ⁴¹. Против восставших выступил арахосийский сатрап Вивана. По Бисутунской надписи, мятежники были наголову разбиты, однако следует иметь в виду, что в ней нигде не говорится о поражении правительственных войск, неизменно оказывающихся победоносными. Судя по тому, что в следующем сражении инициатива опять принадлежала не Виване, а его противникам, следует считать, что исход битвы у Капишканиша был по крайней мере неопределенным. «Снова мятежники собрались, двинулись против Виваны, чтобы сразиться» (Beh., III, 64—66). Второе сражение произошло 21 февраля 521 г. до н. э. в местности Гандутава ⁴². Возможно, Вивана получил подкрепление из Бактрии, где к этому времени движение Фрады было уже разгромлено. Во всяком случае на этот раз восставшие потерпели поражение, и глава сторонников Вахъяздаты бежал с небольшим отрядом всадников в крепость Аршада, где был захвачен Виваной и умерщвлен вместе со своими виднейшими приверженцами.

В арахосийском движении обращают на себя внимание следующие обстоятельства. Во-первых, весьма ранняя дата подавления восстания. Уже в феврале сторонники Дария одержали здесь решительную победу, тогда как сам Вахъяздата был разбит лишь пять месяцев спустя (в сражениях 25 мая и 16 июля 521 г. до н. э.). Это указывает на известную разобщенность двух очагов движения Вахъяздаты и на то, что персидские правители восточных сатрапий приложили все

⁴⁰ В Бисутунской надписи при перечислении восставших провинций первоначально называется не Арахосия, а Саттагидия. Однако в дальнейшем о событиях в Саттагидии ничего не сообщается, а описывается движение в Арахосии. Можно предположить, что Саттагидия входила в состав той сатрапии, которая в персидских надписях Ахеменидов обычно именуется Арахосией (см. Дьяконов И., *История Мидии*, стр. 436, прим. 2).

⁴¹ Обычно название крепости — Kāpisakanis — сопоставляют с Каписой (СНБ, I, 332). Насколько известно, впервые это предположение было высказано и аргументировано В. В. Григорьевым (*Кабулистан и Кафирстан*, стр. 730, прим. 89). Каписа II в. до н. э. — III в. н. э. соответствует современному городищу Беграм. Археологических памятников, относящихся к более раннему времени, в районе Беграма пока не обнаружено.

⁴² Местоположение этой области (Gandutava) неизвестно. Возможно, она соответствует району Куч-Гандава — одному из небольших владений северо-западного Белуджистана XIX в. (см. Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*, стр. 51, 52).

Рис. 6. Дарий I и пленные вожди. Рельеф на Бисутунской скале. Под ногами Дария, Гаумата, далее следуют пленные Ассина, Нидинту-Бел—Фравартини, Мэртни, Чиссатахма, Вахьяздата, Араха, Фрада и сакский вождь Скухля

усилия, чтобы как можно скорее расправиться с волнениями как в Маргиане, так и в Арахосии. Во-вторых, хотя движение в Арахосии было в какой-то мере инспирировано посылкой Вахьяздаты своего эмиосара, имя которого в Бисутунской надписи упорно не называется⁴³, оно несомненно нашло широкую поддержку у местного населения⁴⁴. Есть основание полагать, что движение Вахьяздаты в Персиде поддержали широкие круги персидских общинников⁴⁵. Социальная программа борьбы с усиливающейся знатью, естественно, нашла широкий отклик у населения Арахосии, и вполне возможно,

⁴³ Составители надписи прибегают к довольно сложной конструкции: «человек, который был начальником того войска, которое Вахьяздата послал против Виваны» (Beh., III, 70, 71), лишь бы избежать упоминания его имени. Возможно, это объясняется тем, что в надписи поименно называются лишь сторонники Дария или восставшие «цари». Руководитель арахосийского движения был не «царем», а всего лишь сторонником Вахьяздаты, почему его имя и не было упомянуто в надписи.

⁴⁴ Бисутунская надпись сообщает о том, что после битвы у Капишканиша мятежники «снова собрались» (patiy huāragam hamēciya hangmatā), а отнюдь не получили помощь от Вахьяздаты. Это, видимо, свидетельствует об участии в движении именно местного населения, объединившегося вокруг группы лиц, посланных Вахьяздатой.

⁴⁵ Дандмаев, *Восстание Вахьяздаты*, стр. 11—20; Дандамаев, *Иран*, стр. 203. В Персиде Вахьяздата опирался на «народ-войско, находившееся по общинам» (kāra Pārsa hva viāratīy — Beh., III, 26); Дьяконов И., *История Мидии*, стр. 436, прим. 1. Едва ли убедительно мнение Кента, видящего здесь дворцовое войско (Kent, *Old Persian*, p. 127).

что арахосийскому сатрапу Виване противостояли те же силы, что и его бактрийскому коллеге, расправлявшемуся с маргианским движением.

Вопрос о расстановке социальных сил в династийных междоусобицах во времена правления Камбиса, Гауматы и Дария I продолжает дискутироваться в советской исторической науке⁴⁶. Однако независимо от окончательного решения этих сложных вопросов не оставляет сомнений общая линия развития внутренней истории ахеменидской державы: все большее расслоение общины и порабощение рядовых общинников племенной знатью усиливали процесс классовой дифференциации как в Персии и Мидии, так и на востоке ахеменидских владений, в том числе в Бактрии, Дрангиане и Арахосии. Движение Фрады в Маргиане было одним из тех восстаний угнетаемых членов родовых общин, которые неизменно сопровождают становление раннеклассового общества.

Одержав победу в напряженной борьбе, Дарий I укрепил свою социальную базу, усилив экономическое положение знати⁴⁷. В годы его правления (522—486 гг. до н. э.) ахеменидская империя бесспорно достигла своего наивысшего расцвета. Дарий I совершил поход против кочевых племен на восточных границах своей империи, в борьбе с которыми погиб Кир⁴⁸. Он значительно расширил границы ахеменидской державы и на юго-востоке. Видимо, между 517—513 гг. до н. э. персидские войска присоединили области вдоль р. Инд⁴⁹, и в персепольской надписи Дария появляется новая сатрапия — Индия. Вскоре по Инду была отправлена флотилия для изучения устья реки⁵⁰.

Административная структура империи Ахеменидов

Обширная держава, созданная Киrom, разделялась на сатрапии. Геродот (Нег., III, 89) сообщает, что Дарий I учре-

---

⁴⁶ Струве, *Восстание в Маргиане*; Тюрин, *Социальное положение кирташ*; Дьяконов И., *История Мидии*, стр. 427—435; Тюрин, *Социально-экономические термины*; Дандамаев, *Иран*, стр. 204—233.

⁴⁷ Сущность социальной политики Дария определена в знаменитом § 14 Бисутунокой надписи, в котором говорится, что Дарий вернул «народу-войску» пастбища, домашнюю челядь и движимое имущество. Каковы бы ни были разногласия исследователей по поводу трактовки отдельных терминов, бесспорно одно — речь идет не о рядовых общинниках, а об имущественно обособленном слое в «народе-войске» (см. Дьяконов И., *История Мидии*, стр. 433, 434).

⁴⁸ Струве, *Поход Дария I на саков-массагетов*.

⁴⁹ СН I, 335; Olmstead, *History*, p. 145.

⁵⁰ Геродот пишет, что Дарий покорил индийцев после путешествия Скилака (Нег., III, 44), но скорее следует ожидать, что эта большая экспедиция была предпринята сразу вслед за установлением ахеменидской власти в Индии (см. НСIP, II, 41).

дил в Персии 20 округов, называемых у персов сатрапиями. Однако более вероятно, что Дарием проведены лишь некоторые реформы в этой области, а деление на сатрапии имело место еще при Кире, видимо наследовавшем ассирийско-мидийскую административную систему. Во главе сатрапии стоял правитель — сатрап, располагавший административно-фискальным аппаратом и вооруженными силами. Для усиления централизации Дарий создал систему негласного надзора за сатрапами, но эта мера не могла ограничить постоянные сепаратистские стремления правителей крупных областей.

Судить о числе и размерах ахеменидских сатрапий можно на основании двух видов источников — традиционных списков стран, приводимых в надписях Ахеменидов, а также списка податных округов, т. е. тех же сатрапий у Геродота в его «Истории». Между этими источниками существуют известные противоречия, которые не всегда удается убедительно объяснить. Приходится учитывать и то, что границы сатрапий не были постоянными, а динамику их изменений, которую отражают источники, не всегда можно в полной мере уловить.

Факт существования бактрийской сатрапии, важное значение которой при Ахеменидах подчеркивалось назначением бактрийским сатрапом кого-либо из членов правящей династии, безусловно не вызывает сомнений. Согласно сообщению Геродота, Бактрия входила в XII округ, который простирался от Бактрии до эглов и уплачивал 360 талантов в год (Her., III, 92). Кто такие эглы и какие районы они заселяли, остается загадкой, поскольку в других источниках это имя не встречается⁵¹. Вероятнее всего, что в одну сатрапию с Бактрией входил Согд, тесно связанный с ней культурно и экономически. Во всяком случае в IV в. до н. э. Согд, видимо, подчинялся бактрийскому сатрапу Бессу⁵². Однако в списке Геродота Согд включен в податной округ, именуемый шестнадцатым и являющийся очень странным объединением. С этого округа взималось 300 талантов в год, и в его состав входили будто бы Парфия, Хорезм, Согд и Арея (Her., III, 93).

⁵¹ В эглах Геродота пытались видеть аугасиев, которые, по утверждению Птолемея, жили по Сыр-Дарье (*History of Herodotus*, ed. by Rawlinson, London, 1886, vol. II, p. 486), что весьма гипотетично. Ю. Прашек предложил вместо « $\rho\acute{\epsilon}\chi\rho\iota$ Ἐγλῶν» читать: « $\rho\acute{\epsilon}\chi\rho\iota$ Σόγδων» (Prašek, *Geschichte*, S. 57, 58). А. М. Мандельштам предлагает видеть в эглах племя, обитавшее в Бадахшане (см. Мандельштам, *Материалы*, стр. 74).

⁵² Это видно из того, что при Гавгамелах Бесс начальствовал и над согдийцами (Arag., *Anab.*, III, 8, 3). Хотя последующие события в Согде и Бактрии обстоятельно освещены античными источниками, лицо, которое могло быть в это время согдий им сатрапом, не упоминается. Видимо, согдийская знать, в том числе и такой ее видный представитель, как Спитамен, подчинялась непосредственно бактрийскому сатрапу.

Для объяснения включения в один округ географически столь удаленных друг от друга стран были высказаны различные догадки, из которых наиболее вероятна гипотеза о том, что в списке Геродота отразилось положение, временно существовавшее в конкретных исторических условиях. Как известно из Бисутунской надписи, сатрапом Парфии в 20-х годах VI в. до н. э. был отец Дария Виштаспа. Хорезм часто образовывал с Парфией одно административное объединение. Так, в войске Ксеркса парфяне и хорезмийцы имели общего военачальника (Нер., VI, 66). Возможно, что, придя к власти, Дарий расширил сатрапию отца, присоединив к ней Согд, Маргиану⁵³ и Арею⁵⁴. До этого во всяком случае Арея входила в бактрийскую сатрапию Дадаршиша, поскольку в нее же входила и Маргиана. В армии Ксеркса ареи имели отдельного военачальника.

Дрангиана, согласно Геродоту, входила в состав обширной четырнадцатой сатрапии, включавшей Белуджистан, Макран и часть современного юго-восточного Ирана. Подать с этой сатрапии была определена в 600 талантов (Нер., III, 93).

Имя сатрапа Арахосии Виваны упоминается уже в Бисутунской надписи (Beh., III, 56), но, насколько можно судить по сообщениям Геродота, сама Арахосия была объединена в седьмой округ вместе с Гандхарой и некоторыми другими районами⁵⁵. В Бисутунской надписи Гандхара упоминается отдельно от Арахосии, а о Виване говорится, что эи был именно арахосийским сатрапом. Возможно, позднее, с отпадением от Ахеменидов ряда индийских владений, оставшаяся в составе империи часть Гандхары была объединена с арахосийской сатрапией⁵⁶. Несомненно, однако, что вся территория современного Афганистана входила в состав ахеменидской державы.

Система податей, взимавшихся с сатрапий, была введена при Кире и, видимо, упорядочена при Дарии. В состав податей входили в основном натуральные поставки, но, возможно, какую-то их часть составляли и денежные налоги. Известно, что при строительстве Дарием дворца в Сузах из Бактрии

⁵³ Хотя Маргиана в списке Геродота не упоминается, но иначе нельзя себе представить, как Парфия, Арея и Согд могли образовать одно объединение.

⁵⁴ Дьяконов И., *История Мидии*, стр. 438, прим. 1. Широкое распространение имеет также гипотеза И. Маркварта о том, что XVI округ Геродота не что иное, как доахеменидское хорезмийское царство.

⁵⁵ В перечне Геродота арахосийцы не упоминаются, но среди народов, входивших в VII округ, названы саттагидии (Нер., III, 91). Однако, как можно заключить из Бисутунской надписи, Саттагидия считалась частью Арахосии (см. прим. 40 к этой главе), и, видимо, Арахосию следует включать в VII округ списка Геродота.

⁵⁶ Следует отметить, что и при Гавгамелах арахосийский сатрап «привел арахотов и так называемых горных индийцев» (Агг., *Anab.*, III, 8, 3).

доставляли золото, а из Согда — лазурит⁵⁷. Возможно, существовали и какие-то специальные налоги, например за пуск воды на поля, о чем сообщает Геродот (Нег., III, 117).

Выплатой налогов и поставкой воинских контингентов ограничивались связи восточных сатрапий Ахеменидов с центральным правительством. Ахемениды, поставив во главе сатрапий своих наместников, в остальном ничем не затронули власти местной аристократии, стоявшей во главе небольших владений, на которые разделялась та или иная страна.

Вопрос о пактиях Геродота

Списки податных округов ахеменидской державы, дошедшие до нас в «Истории» Геродота, не только дают представление об административном устройстве державы Кира, но и являются ценным этнографическим документом — списком народов, живших в пределах этого государства. Такое же значение имеют и те страницы сочинения Геродота, где подробно и обстоятельно описывается состав армии, которую Ксеркс в 480 г. до н. э. собирался послать для покорения Греции. Среди прочих племен и народностей многоязычной державы Ахеменидов Геродот упоминает пактиев (Πάκτιες), живших где-то на востоке обширных владений Ксеркса (Нег., VII, 67). Еще в первой половине XIX в. некоторые исследователи были склонны считать, что пактии — это самоназвание афганских племен (современное паштун, пахтун), и на основании этого рассматривали сообщение Геродота как древнейший источник, упоминающий об афганском народе. отождествление пактии=паштуны, несмотря на ряд возражений, широко проникло в специальную литературу⁵⁸. Территория, где обитали пактии в VI—V вв. до н. э., может быть намечена с достаточной определенностью по сообщениям Геродота и Гекатея. Дело в том, что именно из страны пактиев началось путешествие речной флотилии, которая должна была по приказу Дария исследовать течение Инда. Есть основание считать, что к записям, составленным греком Скилаком, участником этого плавания, восходит ряд сведений о восточных странах, в том числе и об Индии, сообщаемых Геродотом и Гекатеем. На основании этого можно считать достоверным и сообщения обоих авторов о начале экспедиции Скилака.

Флотилия начала свое плавание от г. Каспатура (по Геродоту), или Каспапура (по Гекатею), и спустилась по Инду

⁵⁷ Абаев, *Надпись Дария I*, стр. 130. Упоминание Согда как источника лазурита требует какого-то специального объяснения, поскольку основным источником лазурита на Древнем Востоке всегда была Бактрия.

⁵⁸ Аристов, *Об Афганистане и его населении*, стр. 275.

к его устью. Каспатур находился в земле пактиев (Нерг., IV. 44). По Гекатею, этот город находился на границе Гандхары и скифов (Нес., Фг. 178). Возможно, что пактии — одно из племен, населявших территорию, объединяемую под названием Гандхары. Очень важно указание на то, что пактии граничили со скифами, т. е. со среднеазиатскими кочевыми племенами. Это могли быть скорее всего саки Памира, где недавно были открыты богатые сакские погребения⁵⁹. С другой стороны, то обстоятельство, что из страны пактиев начала свое плавание речная флотилия⁶⁰, не позволяет отодвигать территорию их обитания далеко на север. Вероятнее было бы предполагать, что пактии обитали в горных районах к северу от р. Кабул, т. е. где-либо в пределах северного Афганистана⁶¹. Однако пока нет достаточных научных оснований для безоговорочного отождествления пактиев, упоминаемых Геродотом и Гекатеем, с той народностью, которая много столетий спустя выступила на исторической арене под именем афганцев (паштунов). Имя пактиев, случайно промелькнув в рассмотренных отрывках двух древнегреческих авторов, позднее не встречается в сочинениях древних историков и географов. Лингвистически это сближение не подтверждается. Интересная гипотеза была недавно выдвинута Э. А. Грантовским. Он предложил видеть в имени Paçava, упоминаемом не позднее второй половины IV в. до н. э., название народности paçsu, к которому, по мнению лингвистов, восходит самоназвание афганцев (paštün)⁶². Однако сами по себе поиски древнейших истоков того или иного этнонима не могут быть главным путем, по которому должно идти изучение этногенеза.

⁵⁹ Бернштам, *Историко-археологические очерки*, стр. 288—317. В этой связи интересно сообщение Арриана о том, что горный хребет Паропамисады, названный греками Кавказом, соединяется со скифским Кавказом (Агг., *Анаб.*, IV, 5, 4).

⁶⁰ Э. Херцфельд считал, что Каспатур находился в районе Аттока или Пешавара (Herzfeld, *Zoroaster*, vol. II, p. 661). Точка зрения Уильсона о том, что этот город находился где-то в Кашмире, поскольку он не упоминается при описании похода Александра Македонского (Wilson, *Ariana Antiqua*, p. 137), едва ли приемлема. Во-первых, Квинт Курций и Арриан описывают (и то, видимо, неполно) лишь походы греко-македонских войск, а не географию страны, так что отсутствие в этом описании какого-либо названия еще ничего не означает. Во-вторых, указание Гекатея на соседство этого города со скифами едва ли позволяет отодвигать его далеко на восток. На это же указывает и следующее место из Геродота: «...другие индийцы живут на границах с городом Каспатуром и с Пактийской страной, на север от прочих индийцев; образ жизни их такой же, как у бактриев» (Нерг., III, 102). Скилак, к которому несомненно восходит данный текст Геродота, как будто отличает пактиев от индийцев.

⁶¹ Rawlinson, *India and the Western World*, p. 16; CHI, I, 339.

⁶² Грантовский, *Племенное объединение*, стр. 80, 81. К сожалению, Э. А. Грантовский не учитывает в должной мере того обстоятельства, что одним из ведущих процессов этногенеза является ассимиляция.

Как показывает топонимика Бактрии, Арахосии, Дрангианы и других областей, ныне входящих полностью или частично в состав Афганистана, на этих территориях в середине I тысячелетия до н. э. жило население, говорившее преимущественно на диалектах восточной группы иранских языков. На это указывает, в частности, широкое распространение элемента *asra* «конь» (авестийское *asra*, древнеперсидское *asa*, санскритское *aśva*) в названиях племен и поселений (Зариаспа — прозвище Бактр; ариаспы, аспасии). Название столицы Арей — Артакаваны ('Артакаван) — может быть объяснено как «артовское (светлое) поселение» (*arta* + *āvahana*). Сурагона (*Σοῦράγωνα*) в первой части имеет, видимо, древнеиранское *sūra* 'сильный' (авестийское *sūra*, древнеперсидское *šūra*). На распространение в Арахосии в IV—III вв. до н. э. восточноиранского языка, близкого языку Авесты, указывают и эпиграфические памятники. Видимо, существовал ряд местных диалектов (бактрийский, дрангианский и т. п.), но различия между ними были весьма незначительны⁶³. Эти древние восточноиранские племена и составляли ту основу, на которой происходило развитие ираноязычных народов, населяющих современный Афганистан. Весьма показательно, например, что по историко-фонетическим признакам бактрийский язык занимает место между согдийским, хорезмийским и парфянским, с одной стороны, и современным афганским — с другой. Однако это развитие было длительным и сложным процессом, и племена, обитавшие в середине I тысячелетия до н. э. в Бактрии, Арахосии, Дрангиане, были лишь отдаленными предками современного населения.

Как показывают лингвистические данные, в афганском глоттогенезе значительную роль сыграли сакские языки. В этом отношении интересно отметить, что уже в VI—IV вв. до н. э. оседлое население Паропамисад и западной Гандхары входило в контакты с миром сакских племен и, возможно, к этому периоду, если не к более раннему, относится первое проникновение саков на территорию Афганистана⁶⁴. В этом отношении весьма интересно наличие в V—IV вв. до н. э. на территории Афганистана и соседних с ним областей топонимов, оканчивающихся на *kanθā* — *kanθā* (ср. Ташкент, Яркенд и др.), которые могут быть связаны именно с сакской языковой группой⁶⁵.

⁶³ Henning, *Zoroaster*, p. 44; Абаев, *Скифский быт*, стр. 50.

⁶⁴ Ф. Томас (Thomas, *Sakastana*), а позднее некоторые индийские историки полагали, что саки в ахеменидское время обитали и на территории Дрангианы — позднейшего Сакастана. В этом нет ничего невероятного, но, видимо, до археологических работ это предположение останется малоаргументированным.

⁶⁵ Agrawala, *India*, pp. 67—69, 71, 78; Грантовский, *Племенное объединение*, стр. 93, 94.

Рост самостоятельности восточных сатрапий

Уже со второй половины правления Дария I основные силы ахеменидской Персии были вовлечены в длительную борьбу с греческими государствами. Эта борьба укрепляла тенденции к обособленности отдельных сатрапий, и прежде всего тех, которые объединяли страны, наиболее развитые в экономическом и политическом отношении. На крайнем востоке такой сатрапией была прежде всего Бактрия. Подтверждением этого значения Бактрии являются сообщения источников о том, что сатрапами Бактрии обычно назначались члены правящей династии.

После смерти Дария I ему наследовал один из его сыновей — Ксеркс (486—465 гг. до н. э.). Уже в самом начале его правления началась борьба за престол. Ряд источников, сведения которых, видимо, восходят к Ктесию, сообщает, что соперником Ксеркса выступил его брат Ариамен, бывший правителем Бактрии. Однако между братьями вскоре было заключено соглашение, по которому Ариамен стал вторым лицом в государстве⁶⁶. Скорее всего об этих же событиях сообщает и сам Ксеркс в известной надписи, получившей название Антидэзовской: «Когда я царем стал, была среди стран... [такая, где было] волнение. Потом мне Аурамазда помощь подал. По воле Аурамазды эту страну я сокрушил и ее на [прежнее] место поставил» (Хегхес, Рерс., II, 29—35). Возможно, что после соглашения между братьями в Бактрии происходили какие-то волнения, вызванные началом междоусобной борьбы и вскоре подавленные Ксерксом.

При описании правления Ксеркса Геродот упоминает крупного военачальника Масисту, также сына Дария, бывшего правителем Бактрии (Нег., IX, 113)⁶⁷. Около 479 г. до н. э. Масиста, оскорбленный Ксерксом, отправился в Бактрию «с намерением взбунтовать бактрийский округ и причинить царю величайшие беды» (Нег., IX, 113). Ксерксу, однако, удалось убить Масисту еще по дороге в Бактры и предотвратить таким образом неминуемое, по мнению Геродота, отпадение бактрийцев и соседних с ними саков. Дело, разумеется, не в любви, которую, по словам Геродота, саки и бактрийцы якобы питали к Масисте. Сепаратистские стремления

⁶⁶ Olmstead, *History*, pp. 231, 232.

⁶⁷ В списке армии Ксеркса, относящемся к 480 г. до н. э., упоминается глава бактрийцев Гистасп, а также глава согдийцев Азан (Нег., VII, 64). В то же время Геродот говорит, что Масиста был бактрийским наместником. Возможно, что этот вельможа стоял во главе нескольких областей, которыми в свою очередь управляли лица, ему подчиненные. Как отмечалось выше, Согд обычно входил в одну сатрапию с Бактрией.

могущественной сатрапии делали ее удобной базой для выступлений против центральной власти.

Сепаратистские тенденции Бактрии проявились и при вступлении на престол Артаксеркса I (465—423 гг. до н. э.), занявшего трон после смерти своего отца Ксеркса (убитого в результате дворцового заговора). Брат Артаксеркса, правитель Бактрии Гистасп, также выступил с притязаниями на трон отца, что послужило причиной довольно длительной междоусобной войны. Согласно Ктесию, к которому восходят наши сведения об этих событиях, первое сражение с бактрийцами не дало решающего результата и лишь во втором они были разбиты якобы только потому, что во время битвы ветер дул им в лицо⁶⁸.

Последние сто лет существования ахеменидской державы были периодом ее постепенного ослабления. Неудачные греческие походы, непрерывные дворцовые перевороты ослабляли государство, что приводило ко все большей самостоятельности отдельных сатрапий; некоторые из них отпали от Ахеменидов. Так, в начале IV в. до н. э. становится независимым Хорезм; видимо, отпала и часть индийских владений, присоединенных при Дарии I⁶⁹. В 30-х годах IV в. до н. э., в период, относительно хорошо освещенный источниками, Бактрией правил Бесс, родственник последнего Ахеменида — Дария III. Его влияние, по сообщениям источников, не ограничивалось собственно Бактрией. Он властвовал также и над согдийцами и индийцами, жившими на границе с Бактрией (вероятно, жителями западной части Гандхары), а саки выступали в качестве его союзников⁷⁰. Как и многие его предшественники, Бесс, последний ахеменидский сатрап Бактрии, пытался создать независимое владение в период, когда могущество центральной власти было окончательно сокрушено македонскими фалангами.

---

⁶⁸ В этой литературной детали исследователи справедливо видят одно из указаний на пробактрийскую тенденцию Ктесия (см. Бартольд, *К истории персидского эпоса*, стр. 259).

⁶⁹ Среди отрядов, сражавшихся на стороне Дария III у Гавгамел, не упоминаются индийцы, руководимые самостоятельным сатрапом. Лишь небольшие контингенты индийских народностей входили в состав войск, возглавлявшихся сатрапами Бактрии и Арахосии (Агг., *Anab.*, III, 8, 3). Следует согласиться с индийскими историками, видящими в этом указание на отпадение индийских владений Ахеменидов (см. НСР, II, 43).

⁷⁰ «На помощь Дарию пришли индийцы, пограничные с бактрийцами, сами бактрийцы и согдийцы; над всеми ними начальствовал Бесс, сатрап бактрийской земли. Их сопровождали саки, одно из живших в Азии скифских племен. Они не были подданными Бесса, а только союзниками Дария» (Агг., *Anab.*, III, 8, 3). Показательно, что Арриан говорит о жителях стран, подчиненных Бессу, как о его подданных, а не Дария, противопоставляя им в этом отношении саков.

Хозяйство восточных сатрапий

Стремление к политической независимости восточных сатрапий ахеменидской державы во многом обуславливалось развитой экономикой этих стран, и в первую очередь Бактрии. Основу экономики Бактрии в это время составляло ирригационное земледелие, связанное уже со строительством плотин и крупных водохранилищ.

Только строительством крупного водохранилища на р. Мургаб можно объяснить расширение орошаемых площадей Маргианы и строительство здесь нового городского центра, позднее известного под именем Антиохии Маргианской⁷¹. О подобном строительстве свидетельствует и сообщение Геродота о р. Ак, протекающей по ущелью, у выхода из которого при Ахеменидах была поставлена плотина со шлюзами, регулирующая выход воды (Нер., III, 117). Несмотря на то, что в целом это сообщение Геродота не поддается объяснению, можно считать установленным, что в данном случае имеется в виду р. Теджен (Герируд)⁷². Подобное строительство могло быть и в других областях. К середине I тысячелетия до н. э. восходят первые сообщения и о существовании кяризной системы орошения, т. е. подземных водосборных галерей, постепенно выводящих воду на поверхность. По словам Полибия, при Ахеменидах человек, соорудивший кяриз, освобождался на известный срок от уплаты податей (Polyb., X, 28). Вполне вероятно, что появление первых кяризов в ряде районов Афганистана (район Фараха — Гиришка и др.) восходит к этому времени.

На орошаемых полях возделывались зерновые культуры, а также кунжут (Нер., III, 117) и, видимо, хлопок. Пользовались известностью вина, изготовлявшиеся в Каписе и в Арахосии⁷³.

Значительного подъема в рассматриваемое время достигают и ремесла. Археологические памятники свидетельствуют о развитии керамического и железодельного производства⁷⁴. Глиняную посуду изготовляли на гончарном круге и обжигали в специальных печах, остатки которых найдены при раскопках многих поселений этого времени⁷⁵. В индий-

⁷¹ Массон, *Древнеземледельческая культура Маргианы*, стр. 91, 92.

⁷² Markwart, *Wehrot und Arang*, S. 9 sq. Подобная плотина скорее всего могла быть построена выше г. Серакса, где и в настоящее время находятся головные сооружения каналов, орошающих серахский оазис.

⁷³ Было известно два сорта вина, изготовлявшегося в Каписе (kāriśayapa) из зеленого винограда, а также один сорт, изготовлявшийся в Арахосии (hārahūgaka) из черного (см. Buddhaprakash, *The Northern itinerary of Raghu*, p. 250).

⁷⁴ Дьяконов, *Сложение классового общества*, стр. 136 и сл.

⁷⁵ Сарияниди, *Керамические печи*.

ских источниках упоминаются керамисты, плотники, ткачи, изготовители шерстяных одеял, кожевники и ювелиры⁷⁶. Об искусстве последних можно судить по вещам из так называемого Аму-Дарьинского клада, найденного на территории северной Бактрии.

В связи с развитием в середине I тысячелетия до н. э. ремесел складываются поселения городского типа, являвшиеся не только центрами земледельческой округи и резиденциями местных правителей, но и пунктами сосредоточения ремесел и торговли.

Письменные источники свидетельствуют о существовании в этот период в Бактрии, Арее и соседних странах поселений двух типов. Первый тип — небольшие сельские поселения — *хога* как называют их греческие авторы. Эти поселения часто имели укрепления, а некоторые из них были обнесены глинобитной стеной (Агг., *Anab.*, III, 32, 2). Недаром их называют также просто укреплениями (древнеперсидское *didā*). Такие укрепления имелись в большом числе в Согде (Агг., *Anab.*, IV, 17, 7; 16, 3). В них скрывалось население горных областей во время похода Александра Македонского в страну аспасиев и гуреев (Агг., *Anab.*, IV, 23, 3). Видимо, это общинно-родовые поселения, которые в Авесте обозначаются термином *vis* 'род' 'редовое поселение'.

Второй тип — крупные поселения, которые греческие авторы с полным правом называют городами. Таковы столица Бактрии — Бактры (Агг., *Anab.*, III, 29, 1; Q. Curt., VII, 6, 20) и другой крупнейший бактрийский город — Аорн (Агг., *Anab.*, III, 29, 1). Оба они имели цитадели и городские стены. В стране горных племен — аспасиев, гуреев и ассакенов⁷⁷ — помимо «укреплений» также имелись крупные города. Некоторые из них имели двойные стены (Агг., *Anab.*, IV, 23—26). Крупным городом, обнесённым стеной и имеющим цитадель (арк), была и столица Согда — Мараканда (Агг., *Anab.*, IV, 3, 6—7; 5, 1; IV, 6, 4—5; Q. Curt., VII, 6, 10).

Археологические данные свидетельствуют также о том, что в Бактрии и в соседних странах в середине I тысячелетия до н. э. складываются крупные поселения городского типа⁷⁸. Согласно этим данным, согдийская столица занимала площадь более 200 га⁷⁹. Проведенные в 1946 г. исследования показывают, что не меньших размеров достигали и Бактры — ныне балхское городище в Мазари-Шарифской провинции⁸⁰.

⁷⁶ Agrawala, *India*, pp. 230—234.

⁷⁷ Об их локализации см. стр. 89 I тома настоящей работы.

⁷⁸ Дьяконов, *Сложение классового общества*, стр. 187.

⁷⁹ Тереножкин, *Согд и Чач*, стр. 156.

⁸⁰ Мы имеем в виду работы французской миссии (Schlumberger, *La prospection archéologique*). Однако из-за неверной методики миссия не смогла выделить древнейший слой Бактр. Несколько позднее это сделал

В середине I тысячелетия до н. э. центр Бактр находился на территории городища Бала-Хисар, занимающего около 120 га. Городище было окружено широким рвом, усиливавшим неприступность стен. Археологические материалы середины I тысячелетия до н. э. встречаются также и к югу от Бала-Хисара, на территории Нового Балха, что подтверждает появление крупных пригородов уже в VI—IV вв. до н. э.

Менее значительным поселением в этот период была Таксила — один из центров области Гандхара, занимавшая городище Бихр-Маунд площадью около 20 га.

Развитие поселений городского типа вроде Бактр и Таксилы составляет одну из характерных черт рассматриваемого периода.

Одновременно с подъемом городской жизни хозяйство оседлых оазисов стало приобретать черты товарного производства. Данные письменных источников свидетельствуют о существовании в Гандхаре нескольких категорий купцов и торговцев, причем среди них уже намечается известная специализация⁸¹. Особенное развитие получила внешняя торговля: в Гандхару приходили караваны из восточной Индии. Ахемениды уделяли большое внимание организации торговли и строительству дорог. В источниках упоминается дорога из малоазиатского Эфеса в Бактрию и далее в Индию⁸². Вполне возможно, что она повторяла маршрут, описанный в парфянское время Исидором Харакским⁸³.

Исследование индийских источников позволяет составить обширный список предметов торговли этого времени: это различные ткани, в том числе гандхарские шерстяные одеяла, пользовавшиеся особым спросом, железные орудия (серпы, лопаты, сошники плугов), глиняная посуда⁸⁴, золотые и серебряные украшения, оружие, а также лодки, повозки, колесницы. Показательно, однако, что основную массу предметов торговли составляли ремесленные изделия.

Земледелие еще почти не было затронуто товарными отношениями. Из продуктов земледелия среди предметов торговли упоминаются лишь различные сорта вин, в том числе вино из Каписы. Скот, представлявший в то время едва ли

на основании стратиграфии Кобадияна М. М. Дьяконов (*Сложение классового общества*, стр. 134, 135, 138). Наша характеристика основана на анализе полной публикации материалов этих раскопок (Gardin, *Céramiques*).

⁸¹ Agrawala, *India*, p. 238. Анализируя древние термины, автор в известной мере модернизирует их, особенно в разделах, посвященных торговле и денежному обращению.

⁸² Видно, описание этой дороги было у Ктесия (см. Olmstead, *History*, p. 301; САН, IV, 203).

⁸³ Тураев, *История Древнего Востока*, т. II, стр. 140. О дорожнике Исидора Харакского см. гл. V.

⁸⁴ Agrawala, *India*, p. 246.

не наиболее значительную ценность из движимого имущества, также продавался и покупался, хотя судить о масштабах этой торговли трудно.

Развитие товарных отношений и выход за рамки натурального хозяйства нашли свое отражение и в возникновении денежного обращения. Геродот сообщает о налогах, взимаемых «царем царей» с восточных сатрапий (Her., III, 91—94). Вероятно, приводимые им цифры являются счетным исчислением многочисленных натуральных поставок. Однако вполне допустимо, что какая-то часть этих налогов поступала в виде денег. О распространении денег в монетной форме свидетельствуют и индийские источники⁸⁵ и античные авторы⁸⁶.

При археологических раскопках на территории Бактрии, Гандхары, Арахосии и соседних стран встречаются самые различные монеты, относящиеся к середине I тысячелетия до н. э., и сравнительно редко монеты собственно ахеменидского чекана — золотые дарики (8,4 г) и серебряные сикли (5,5 г)⁸⁷. Возможно, что эти монеты представляют собой не общеимперский, а локальный чекан в империи Ахеменидов⁸⁸. Широко распространены в перечисленных районах и монеты греческих городов, в первую очередь Афин, чьи характерные тетрадрахмы с изображением совы на реверсе вызвали ряд местных подражаний в Гандхаре или соседних странах⁸⁹.

О том, что ахеменидские сикли и афинские тетрадрахмы попадали в Гандхару и Бактрию не как вид сокровища, а как денежная единица, свидетельствует помимо наличия местных подражаний и развитие оригинального индийского чекана так называемых штампованных монет. Самые ранние из этих монет представляют собой продолговатые или квадратные се-

⁸⁵ Ibid., pp. 258—268. Подробно все эти сведения рассмотрены в работе: Bhandarkar, *Lectures*.

⁸⁶ Q. Curt., VII, 11, 29 и особенно VIII, 12, 42.

⁸⁷ Ахеменидские монеты входили в состав Аму-Дарьинского и Кабульского кладов (об этих кладах см. ниже). Две монеты Дария I были найдены в районе Кандагара (Fairservis, *Future research*, p. 144). По мнению ряда исследователей, некоторые ахеменидские сикли имеют индийские надчеканы (Rapson, *Indian coins*, p. 4), хотя это положение вызывает ряд сомнений (Hill, *Catalogue*, p. CXXXVIII sq.).

⁸⁸ Schlumberger, *L'argent Grec*, pp. 14, 15.

⁸⁹ Место выпуска этих подражаний точно не установлено. Подражания образуют ряд серий, постепенно отдаляющихся от типа афинских монет. В частности, изображение совы заменяется орлом. Завершают эти серии монеты Софита — мелкого правителя в Гандхаре в конце IV в. до н. э. (см. гл. III настоящей работы), что позволяет предполагать гандхарское происхождение всех серий. На одной группе подражаний легенда на реверсе АΘΕ сменяется ΑΙΓ, в чем одни исследователи предлагали видеть название эглов Геродота (Her., III, 92), другие — начало имени местного сатрапа.

Рис. 7. Монеты V—IV вв. до н. э. из Кабульского клада

ребряные слитки двух весовых единиц — 11,7 и 5,9 г — и относятся к V—IV вв. до н. э.⁹⁰ На них вычеканены изображения многолучевой розетки, возможно изображающей солнечный диск. Этот вполне самостоятельный тип денежных знаков⁹¹ оказал затем влияние на греко-индийскую эмиссию. Публикация Кабульского клада⁹² позволяет выделить еще один локальный чекан вполне самостоятельного облика.

Этот клад состоит из нескольких сот монет. Найден он был при случайных обстоятельствах, и в собрание Кабульского музея попала только часть монет; среди них 64 монеты греческого чекана, в том числе 34 афинские тетрадрахмы и подражания им; семь ахеменидских сиклей, 14 древнеиндийских монет и 29 монет своеобразного вида⁹³. Эти последние, вогнутые с одной стороны и выпуклые с другой, имеют овальную форму и этими особенностями более сближаются с греческой и близкой к ней ахеменидской эмиссией, чем с древнеиндийскими каршапанами. По весу же они, наоборот, соответствуют древнеиндийским монетам и представляют

⁹⁰ Allan, *Catalogue*, pp. XV—XVII. Находки этих монет в составе Кабульского клада позволяют вполне уверенно датировать их V в. до н. э.

⁹¹ Было высказано предположение (Allan, *Catalogue*, p. LXXI) о возникновении древнеиндийского чекана под ахеменидским влиянием. Однако монеты в 11,7 г весом — не двойной сикль, как полагает Аллан, а древнеиндийская весовая (resp. монетная) единица каршапана. Если бы раннеиндийская эмиссия исходила из ахеменидского чекана, то основной единицей стал бы не двойной, а простой сикль. Совершенно оригинальна и форма древнеиндийских монет, имеющая прямоугольные очертания.

⁹² Материалы этого интереснейшего клада были опубликованы в 1953 г. Д. Шламберже (Schlumberger, *L'argent Grec*, p. 31 sq.).

⁹³ Кроме перечисленных видов монет в кладах был также небольшой серебряный слиток с эламской клинописью. Попытка объявить его монетой (Figulla, *A «Coin» of Cyrus*, p. 173) успеха не имела. Скорее всего он представляет собой часть более крупной пластинки с надписью (см. Henning, *The «Coin»*, pp. 327, 328).

несколько номиналов (11,5 г; 5,8 г; 2,15 г; т. е. 1 : 2 : 4)⁸⁴. Некоторые изображения на кабульских монетах связываются с индийскими образцами, но в большинстве своем они оригинальны и, что весьма существенно, крайне разнообразны. Наряду с геометрическими мотивами на монетах довольно часто изображали животных [гиена (?), голова слона (?), птица, спаренные протомы баранов (?)] (рис. 7). Подобное разнообразие типов изображения на монетах указывает на то, что этот чекан был весьма обширен, поскольку с каждого штампа сошла не одна монета.

Где же могли выпускаться монеты этой оригинальной нумизматической группы? Монеты как бы соединяют в себе черты влияния древнегреческого (форма) и древнеиндийского (стандарт) монетного дела. Чекан Гандхары, во всяком случае ее восточной части, столицей которой была Таксила, хорошо известен исследователям — это продолговатые и квадратные древнеиндийские монеты, описанные выше. Местом выпуска кабульских монет могла быть область Каписы или Бактрия⁸⁵. Но не следует ни в коей мере преувеличивать развитие денежного хозяйства в Бактрии и Гандхаре в V—IV вв. до н. э. В своей основе хозяйство оставалось натуральным, и товарное обращение, находящее свое выражение в появлении местных монетных эмиссий, захватывало лишь сравнительно ограниченную область ремесленного производства. Самовоспроизводящее хозяйство сельской общины едва ли было затронуто денежным обращением, истоки которого можно проследить по нумизматическим материалам.

Общественный строй в V—IV вв. до н. э.

В VIII—VI вв. до н. э. в Бактрии происходил процесс становления классового общества. В рассматриваемый период этот процесс завершился. Развитие ремесел и городских поселений, товарного обращения и зарождение денежного

⁸⁴ Вскоре после публикации Кабульского клада А. Биваром была выдвинута теория о том, что номиналы монет местного чекана следуют шести греческим номиналам (эгинской дидрахме, милетскому тетроболу, ранним статерам Фазелиса, пэонийской драхме и дидрахме). См. Bivar, *The Chaman huzuri hoard*, pp. 163—172. Но едва ли эта теория о чисто подражательном характере кабульского и древнеиндийского чекана может быть принята. Уже оригинальная форма монет в виде квадрата или прямоугольника свидетельствует о местных истоках. Нельзя не видеть, насколько натянуто предлагаемое А. Биваром объяснение кабульских номиналов через самые различные весовые системы, в том числе через такой крайне редкий в самой Греции номинал, как дидрахма.

⁸⁵ О распространении в Бактрии индийского стандарта свидетельствует его появление в бактрийском чекане Селевкидов (см. Head, *The earliest coins*, pp. 12—16).

хозяйства — все это свидетельствует о сложившемся классовом обществе. На его развитие несомненно повлияло включение рассматриваемых стран в состав ахеменидской державы.

Империя Ахеменидов была рабовладельческим государством, в котором социальную опору правящей династии составляли крупные рабовладельцы. Завоевательные войны, сопутствовавшие созданию ахеменидского государства, способствовали значительному увеличению численности рабов из числа военнопленных. В экономически наиболее развитых областях государства происходил интенсивный процесс обнищания общинников, положение которых практически было близко к положению рабов. В личном владении ахеменидской династии находились обширные земельные угодья и различные мастерские, в которых работали, видимо, рабы или беднейшие общинники, низведенные до положения рабов. Все это позволяет полагать, что в VI—IV вв. до н. э. рабовладельческое общество сложилось также и в Бактрии, Арее, Дрангиане и Арахосии, хотя общественные отношения здесь носили, видимо, более архаичный характер, чем в передовых странах Древнего Востока (Месопотамия и др.). Ограниченность источников в значительной степени затрудняет воссоздание конкретной картины социально-экономических отношений в рассматриваемых областях.

Верхушку местного общества составляла аристократия. Имена ее представителей неоднократно встречаются в описаниях походов Александра Македонского. Это прежде всего согдиец Спитамен и бактриец Оксиарт, имевшие каждый свою свиту и приближенных (Агг., *Anab.*, III, 28, 10). К их числу принадлежали также Аримаз (Q. Curt., VII, 11, 28), Хориен (Агг., *Anab.*, IV, 21, 8), Катан и Австан (Агг., *Anab.*, IV, 22, 1). Это были, видимо, наиболее знатные представители аристократии, управлявшие отдельными областями и жившие в укрепленных поселениях, называвшихся в греческих источниках скалами. Возможно, что в ряде случаев резиденцией этих представителей аристократии были цитадели городских поселений. Арриан упоминает о созыве в Зариаспе съезда бактрийской аристократии (*οἱ ὑπάρχοι τῆς χωρᾶς*—Агг., *Anab.*, IV, 1, 5). Неоднократно согдийскую знать и согдийские знатные семьи упоминает Квинт Курций (Q. Curt., VII, 10, 4; 11, 29; VIII, 4, 23). Представителями местной аристократии, возможно, являлись и вожди горных племен — ассакенов, аспасиев и гуреев.

Основное население земледельческих оазисов составляли рядовые общинники. Среди них вербовали воинов в пехие и конные ополчения, включавшиеся в армию Ахеменидов. Наиболее зажиточные общинники, вероятно, шли в конные отряды, в то время как их менее состоятельные соплеменники

пополняли ряды пехотинцев. Содержание коня и вооружение конного воина, уже тогда носившего панцирь, стоило много дороже вооружения пехотинца.

Как отмечалось выше, анализ бурных событий первых лет правления Дария I показывает, что в ахеменидской державе нарастал процесс имущественного расслоения общины. Народные движения в Маргиане и Арахосии отразили широкие волнения, вызванные этим процессом.

Наиболее сложным является вопрос о рабовладельческом укладе в Бактрии и соседних странах. Включение их в состав империи Ахеменидов и особенно многочисленных волнения и восстания, жестоко подавлявшиеся персами, способствовали, надо полагать, увеличению числа рабов. Александр Македонский при завоевании Бактрии и Согда нередко обращал в рабство местных жителей, оказывавших сопротивление иноземцам. Подобные действия практиковались еще и при Ахеменидах. Согласно вавилонской хронике, Кир, захватив Экбатаны, обратил в рабство часть населения города⁹⁶. Рабы, происходившие из Бактрии, попадали и в другие сатрапии ахеменидской империи. Так, согласно источникам, в 512 г. до н. э. в Вавилоне продавали бактрийских рабынь⁹⁷. Скудость подобных сообщений в источниках наталкивает на мысль о том, что, видимо, в Бактрии, Арее, Арахосии и соседних с ними странах преобладали неразвитые формы патриархального рабства.

Культура и искусство VI—IV вв. до н. э.

Археологические раскопки в северной (Кобадиян)⁹⁸ и южной (Балх)⁹⁹ Бактрии показали, что в середине I тысячелетия до н. э. бактрийская культура имела целый ряд общих черт с культурой Парфии, Маргианы, Согда и Хорезма¹⁰⁰. Видимо, в известной мере эта культурная общность распространялась и на территорию Дрангианы (Нади-Али I)¹⁰¹ и Арахосии (верхние слои Мундигака)¹⁰², но не на восточную Гаудхару,

⁹⁶ Дьяконов И., *История Мидии*, стр. 421, прим. 3.

⁹⁷ Weissbach, *Die Keilschriften*, S. 144.

⁹⁸ Дьяконов, *Археологические работы*, стр. 279—282.

⁹⁹ Дьяконов, *Сложение классового общества*, стр. 134, 135; Gardin, *Céramiques*, pp. 93, 107, 108.

¹⁰⁰ Массон, *Древнеземледельческая культура Маргианы*, стр. 61, 62.

¹⁰¹ Ghirshman, *Fouilles de Nad-i-Ali*, p. 16. Судя по отдельным находкам, опубликованным А. Стейном (Stein, *Innermost Asia*, vol. III, pl. CXVI, наконечники стрел — K. G. 0207 R. R. XVIII), в Систане целый ряд поселений относится к середине I тысячелетия до н. э.

¹⁰² J. M. Casal, *Quatre campagnes de fouilles Mundigak*. — «Arts Asiatiques». t. I, f. 3, Paris, 1955, pp. 176—178; см. также CA, 1957, № 2, стр. 270.

где в VI—IV вв. до н. э., как можно судить по находкам из Таксилы, посуда украшалась сюжетной росписью¹⁰³.

К этому периоду относится значительное развитие монументальной архитектуры, выразившееся в строительстве дворцов и храмов. Остатки строения, обнаруженные в верхнем слое Нади-Али, — несомненно развалины одного из подобных дворцов. Его стены были украшены многоцветной росписью, от которой сохранились лишь ничтожные фрагменты. В 1960 г. в Систане были обнаружены остатки монументального здания с колоннадой, напоминающего по планировке дворцовые залы Ахеменидов¹⁰⁴.

Развивалась и скульптура, которая к этому времени прошла путь от схематичных фигурок женского божества, вылепленных земледельцами бронзового века, до произведений с тонкой пластической характеристикой, эмоционально насыщенных и экспрессивных. Можно выражать сомнения в том, что знаменитый Ардвисур-Яшт дает нам описание древней статуи Анахиты, стоявшей в одном из центральных храмов¹⁰⁵. Во всяком случае в конце V в. до н. э. статуи Анахиты были установлены в крупнейших центрах ахеменидской империи, в том числе и в Бактрах¹⁰⁶. Основные материалы для изучения бактрийского искусства середины I тысячелетия до н. э. дает Аму-Дарьинский клад, найденный в 1877 г. при случайных обстоятельствах в долине р. Кафирниган, т. е. на территории северной Бактрии, и хранящийся ныне в Британском музее в Лондоне¹⁰⁷.

Клад представляет собой, вероятно, фамильные сокровища, передаваемые северобактрийскими правителями в течение ряда столетий из рода в род. Более 500 золотых и серебряных монет, серебряные и золотые статуэтки, сосуды, браслеты, медальоны и плакетки, великолепные геммы — далеко не полный перечень содержимого этого интереснейшего клада. Самые поздние монеты Аму-Дарьинского клада датируются 200 г. до н. э., но большая часть вещей несомненно более древнего происхождения — IV, а может быть и V в. до н. э.

Хотя в составе клада имеется некоторое количество привозных вещей, но большая часть предметов несомненно изготовлена местными скульпторами и ювелирами. Они были знакомы с придворным искусством ахеменидского Ирана, из-

¹⁰³ Marshall, *Taxila*, v. II, p. 430.

¹⁰⁴ Scerrato, *A probable Achaemenid zone*, pp. 187—201. Находки керамики типа Нади-Али и трехперого бронзового наконечника стрелы вполне допускают датировку этого памятника серединой I тысячелетия до н. э.

¹⁰⁵ Эти сомнения, например, высказал А. D. Nock (*The Problem*, p. 281).

¹⁰⁶ Prašek, *Geschichte*, Bd II, S. 218; Olmstead, *History*, p. 471.

¹⁰⁷ Dalton, *The treasure*.

вестным нам прежде всего по великолепным дворцам Персеполя и Суз. Сцены охоты на львов, воспроизведенные на золотой обкладке ножен, фигуры львов, стоящих на золотой патере, свидетельствуют о влиянии традиции школы мастеров знаменитых ассирийских рельефов, в которых одним из излюбленных сюжетов была царская охота на львов.

Но более яркой и животворной была в древнебактрийском искусстве другая школа, роднящая его с искусством обширного мира кочевых племен. Это искусство отличается особенно выразительная, полная жизни и экспрессии манера изображения животных не в статичном положении, а в стремительном движении, необычных позах и разворотах. Черты этого стиля прослеживаются и на вещах из Аму-Дарьинского клада. Таковы миниатюрные фигурки оленей, серебряная скульптура козла, напрягшегося в энергичном движении (табл. 3), сцена всадников, охотящихся на козлов и зайцев. Из источников известно, что согдийская знать IV в. до н. э. имела охотничьи парки¹⁰⁸, и вполне естественно, что сцены охоты так популярны в искусстве древней Бактрии. Поэтому при изучении проблемы искусства «звериного стиля» необходимо учитывать роль художественных школ Бактрии и других оседлых оазисов.

Среди статуэток и плакеток Аму-Дарьинского клада, изображающих владетелей, жрецов или просто воинов, обращает на себя внимание золотая маска безбородого мужчины с правильными чертами лица, но с каким-то застывшим выражением, полным вместе с тем внутренней силы (табл. 4). Манера, в которой выполнена эта маска, не имеет параллелей ни в искусстве ахеменидского Ирана, ни в античных памятниках. Золотая маска из Аму-Дарьинского клада — несомненно образец местной скульптурной традиции, своеобразный реализм которой предвосхищает расцвет искусства греко-бактрийского и кушанского периодов.

Рассмотренный в настоящей главе период имеет важнейшее значение в истории Бактрии, Ареи, Арахосии и соседних стран. В первой половине I тысячелетия до н. э. здесь происходил процесс сложения раннеклассового общества, возникла его религиозная система — зороастризм. Однако независимый характер этого процесса вскоре был нарушен включением рассматриваемых областей в «мировую державу» Ахеменидов. Тем самым было задержано сложение установившихся форм местной государственности. Вместе с тем вхождение в состав ахеменидской империи, включавшей в себя наиболее развитые области Переднего Востока (Вавилон, Египет и др.), способствовало расширению внешней торговли, развитию то-

---

¹⁰⁸ Массон М., *О былых охотничьих парках.*

варного и денежного обращения в Бактрии, Арее, Арахосии и соседних странах. Местная знать, вынужденная делиться своими доходами с иноземными завоевателями, стремилась к достижению политической независимости, что способствовало развитию сепаратистских тенденций, в первую очередь в Бактрии как наиболее развитой из стран, образовавших восточные сатрапии Ахеменидов. Но свое практическое осуществление эти тенденции нашли в более поздний период, в сложных исторических условиях, после того как ахеменидская держава, переживавшая внутренний кризис, пала под напором армий Александра Македонского.

Глава III

ПОД ВЛАСТЬЮ ГРЕКО-МАКЕДОНСКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

В IV в. до н. э. ахеменидская империя переживала глубокий упадок. Центральная власть, ослабляемая беспрестанными дворцовыми переворотами, наталкивалась на сепаратистские тенденции отдельных сатрапий. Окончательный удар, сразивший державу Ахеменидов, был нанесен греко-македонской армией. Начавшаяся еще при Дарии I борьба Греции и ахеменидского Ирана за мировое господство закончилась полным поражением персов.

Поход Александра Македонского

В трех решающих сражениях Александр Македонский уничтожил военные силы последнего Ахеменида — Дария III. Заключительная битва произошла 1 октября 331 г. до н. э. у селения Гавгамелы в Месопотамии. Полностью разгромив персидскую армию, Александр Македонский победоносно вступил в Вавилон, Элам и Персиду. Столица Ахеменидов — величественный Персеполь — была разграблена торжествующими победителями, а великолепный царский дворец предан огню. Дарий III с небольшим числом приближенных, греческих наемников и бактрийских всадников бежал на восток своих обширных владений, не помышляя более об активном сопротивлении. Он решил выжидать дальнейших действий со стороны Александра и в случае, если македонский полководец продолжит свое наступление, отходить вплоть до Бактрии, опустошая земли на пути греко-македонской армии.

Александр немедленно двинулся по пятам бежавшего «царя царей». Тем временем среди приближенных Дария III возник заговор против последнего Ахеменида. Заговорщики во главе с бактрийским сатрапом Бессом объявили Дария III низложенным, а затем убили его. Правители восточных сатрапий во главе с влиятельным бактрийским наместником, по-видимому, рассчитывали, что грозный Александр, узнав о смерти «законного монарха», займет его место в Персеполе и не будет пытаться подчинить далекие сатрапии востока. В связи с этим

Бесс и его группировка в дальнейшем не стремились к активной борьбе против Александра¹.

Вернувшись в Бактрию, Бесс провозгласил себя «царем Азии» и принял тронное имя Артаксеркс (Агг., *Anab.*, III, 25, 3). Уже в битве при Гавгамелах Бесс возглавлял отряды бактрийцев, согдийцев, индийцев из районов, пограничных с Бактрией (западная часть Гандхары?), и саков (последние выступали в качестве союзников Дария III, Агг., *Anab.*, III 8, 3). Провозгласив себя «царем Азии», Бесс распространил свою власть, во всяком случае номинально, на Арею, где наместником был Сатибарзан, и, видимо, на Дрангиану, сатрапом которой был Барзаент — один из участников заговора против Дария III. Бесс пытался утвердить свою власть и в Парфии, назначив туда сатрапом одного из своих ставленников (Агг., *Anab.*, IV, 7, 1).

Образовав независимое царство, Бесс мог бы укрепить его положение, опираясь на местную знать, давно стремившуюся к политической независимости Бактрии. Этого, однако, не произошло. Бесс оказался недалеким политиком и робким военачальником. Он вскоре лишился поддержки местной знати, а выжидательная позиция в период, когда греко-македонские армии стремительно продвигались вперед, привела Бесса к поражению. Бесс не сумел, а скорее и не хотел использовать против завоевателей те могучие народные силы, которые впоследствии противостояли Александру в течение трех лет в Согде и северной Бактрии.

Александр, узнав о смерти Дария, отнюдь не прекратил своего наступления, как, видимо, надеялись некоторые участники заговора. Более того, считая себя законным преемником Ахеменидов, Александр вовсе не собирался принимать их наследство в урезанном виде и в 330 г. до н. э. двинулся на Арею. В пограничном городке Сусии² его с почетом встретил арейский сатрап Сатибарзан. Заверив Александра в своих верноподданнических чувствах, Сатибарзан сохранил должность (Агг., *Anab.*, III, 25, 1). Здесь же Александр узнал о том, что Бесс провозгласил себя царем, и немедленно двинулся против нового противника. Однако подчинение Сатибарзана

---

¹ В дальнейшем Бесс действовал весьма пассивно и, как отмечал еще В. В. Григорьев, «показал себя более искусным заговорщиком, чем способным военачальником или честным патриотом» (см. Григорьев, *Поход Александра*, стр. 38).

² Все исследователи, начиная с Дройзена (*История эллинизма*, т. I, прим. 5 на стр. 65, стр. 223), отождествляют этот пункт с Тусом, располагавшимся недалеко от Мешхеда (см. Тагл, *Alexander the Great*, vol. I, p. 61). Если это верно, то политические границы Ареи проходили далеко на западе от основного центра страны — Гератского оазиса. Арриан совершенно определенно называет Сусию городом Ареи (Агг., *Anab.*, III, 25, 1).

было лишь политическим шагом и, видимо, являлось частью плана, разработанного Бессом и его сторонниками, ставившими своей основной целью всеми способами задержать продвижение греко-македонских войск в Бактрию, где организовывались главные силы сопротивления.

Едва Александр отошел от Ареи на значительное расстояние, Сатибарзан поднял восстание в столице Ареи — Артакаване³, перебил греко-македонский гарнизон и открыто объявил о своем присоединении к государству Бесса. Восстание в Арее задержало дальнейшее продвижение греко-македонской армии. Сам Александр с ударными отрядами стремительным броском прошел за два дня около 600 стадий (110 км) и неожиданно для восставших появился под стенами Артакаваны. Сатибарзану удалось бежать с небольшим отрядом всадников. Александр жестоко расправился с участниками восстания. По словам Арриана, одних он умертвил, других обратил в рабство (Агг., *Anab.*, III, 25, 7). Новым сатрапом Ареи Александр назначил Арсама, которого источники называют персом.

Однако поход Александра на Бактрию был сорван. Еще известный русский востоковед В. В. Григорьев обратил внимание на то, что после подавления движения Сатибарзана Александр направился не прямо в Бактрию, где находился Бесс с главными силами, а повернул на юг, в Дрангиану и Арахосию⁴. Между тем первоначально греко-македонская армия направилась из Ареи прямо в Бактрию, (Агг., *Anab.*, III, 25, 2). По-видимому, события в Арее вынудили Александра изменить маршрут. Желая обезопасить свои тылы, он направился в Дрангиану, сатрап которой, Барзаент, был одним из активных участников заговора Бесса против Дария III. Возможно, Александр рассчитывал предупредить выступление дрангианцев, подготовляемое Барзаентом.

Завоевание Дрангианы, Арахосии и Бактрии

Столица Дрангианы, по-видимому, сдалась греко-македонской армии без сопротивления⁵. Барзаент бежал к индийцам,

³ Точное местоположение этого города неизвестно. Судя по описанию Квинта Курция, сообщающего, что у Артакаваны речная долина была открыта на север (Q. Curt., VI, 6, 23), древняя столица Ареи находилась к западу от Герата. Окончательно решить этот вопрос может лишь археологическое исследование памятников Гератского оазиса.

⁴ Григорьев, *Поход Александра*, стр. 35.

⁵ Обычно столицу Дрангианы отождествляют с современным Фарахом (см. Sykes, *A history of Afghanistan*, vol. I, p. 64), но В. Тарн на основании скрупулезного анализа источников пришел к выводу, что она находилась южнее, возможно у современного Нади-Али (Tarn, *Alexander the Great*, vol. I, p. 64; vol. II, p. 236; idem, *The Greeks*, p. 14, n. 4).

«жившим по эту сторону Инда», но был выдан Александру и казнен. Несколько позднее в столице Дрангианы был раскрыт заговор против Александра. По обвинению в причастности к этому заговору был схвачен и казнен один из ближайших друзей македонского царя Филота, сын Пармениона, командовавший конницей гетеров, этой своеобразной лейб-гвардией Александра Македонского. По приказу Александра был убит и находившийся в Экбатанах престарелый Парменион, видный соратник Филиппа и Александра. Оппозиция ориентальной политике Александра во имя эллинской программы покорения Востока была подорвана этой суровой расправой⁶.

После подавления заговора Филота Александр подчинил ариаспов, Арахосию и лежащую дальше на юг Гедросию. «Затем он, — сообщает Арриан, — напал на пограничных с арахотами индийцев» (*Anab.*, III, 28, 1). Подробности завоевания этих территорий неизвестны. Подчинив Арахосию, победители основали здесь город, который был назван Александрией. Скорее всего этот город находился на месте современного Газни⁷.

Бесс видел, что вокруг его владений постепенно смыкается железное кольцо македонских фаланг. Пытаясь предотвратить поход Александра в Бактрию, он вторично послал Сатибарзана в Арею с 2 тыс. всадников. На этот раз Александр не принял сам участия в походе, а направил против Сатибарзана войска под командованием перса Артабаза и двух македонских военачальников. Сражение было выиграно греко-македонской стороной лишь после того, как Сатибарзан был убит ударом копья. То, что Александр придавал большое значение подавлению движения Сатибарзана, видно и из его приказа парфянскому сатрапу Фратаферну также выступить против ареев (*Агг.*, *Anab.*, III, 28, 2).

Таким образом потерпели крах все попытки Бесса избежать решительного столкновения с армией Александра. Он получил лишь отсрочку, но и ее не смог использовать должным образом. Подготовить сильное боеспособное войско Бесс не сумел и ограничился лишь опустошением районов, прилегающих к северным отрогам Гиндукуша, по которым должно было пройти македонское войско. Но это не остановило наступление Александра. Он подошел к Гиндукушу (именуемому греками Кавказским хребтом), основал здесь Александрию Кав-

---

⁶ Ковалев, *Александр, Филота и Парменион*. Вероятно, в память об этих событиях столица Дрангианы получила в античной литературе прозвание Профтасия («предупреждение»).

⁷ Tarn, *Alexander the Great*, vol. II, p. 238; idem, *The Greeks*, p. 470. Чаще в литературе можно встретить отождествление Александрии в Арахосии с Кандагаром. Строительство Александрии Арахосийской могло относиться и к более позднему времени, чем 330 г. до н. э.

казскую⁸ и, пройдя одним из западных перевалов (возможно, перевалом Харак), спустился на плодородную равнину южной Бактрии.

Тяжелые условия зимы 330/29 г. до н. э. также не приостановили продвижения македонцев. Бесс бежал за Амударью и сжег служившие для переправы суда. Греко-македонские войска заняли крупнейший город Бактрии — Аорн (по мнению ряда исследователей, находившийся в районе Таш-Кургана) и столицу страны — Бактры. Согдийская знать впоследствии выдала Бесса Александру, который казнил незадачливого «царя Азии».

Непокоренными оставались лишь заамударьинская Бактрия и плодородная Согдиана, включавшая в себя земли по течению Зеравшана и Кашка-Дарьи. В эти районах, однако, завоеватели встретили неожиданное для них упорное и длительное сопротивление под руководством согдийца Спитамена⁹.

Поводом для восстания в Бактрии послужил приказ Александра собрать на съезд в столицу страны представителей знати (Агг., *Anab.*, IV, 1, 5). Ход этого восстания, однако, нам неизвестен. Возможно, к этому периоду относится разрушение Александром бактрийского города Кариаты (Strabo, XI, 11, 4). Восстание было подавлено, и зиму 329/28 г. до н. э. главные силы греко-македонской армии провели в Бактрах. В эту зиму Александр принял сакских послов и хорезмийское посольство во главе с царем Хорезма Фарасманом. Из Греции прибыло подкрепление, и, видимо, в эту же зиму началось формирование военных отрядов из местного населения. Во всяком случае весной 328 г. до н. э. в составе греко-македонской армии уже были отряды согдийских и бактрийских всадников¹⁰.

Восстания в Согде и Бактрии, видимо, получили какой-то отзвук и в Арее. Во всяком случае Арсам, сатрап Арен, был привезен в Бактры закованным в цепи, так же как и назначенный Бессом парфянский сатрап Барзан.

Зиму 328/27 г. до н. э. Александр после разгрома и гибели Спитамена провел уже в Согде, а весной 327 г. выступил против горных крепостей, в которых укрылось много представителей местной знати. Эти крепости находились, видимо, в долинах Сурхан-Дарьи и Вахша, т. е. в районах, которые мог-

⁸ Этот город следует искать в районе Чарикара. Считается, что именно эту Александрию упоминает Стефан Византийский, говоря об Александрии Опиане (см. Риттер — Григорьев, *Кабулистан и Кафиристан*, стр. 738, 739; Tarn, *Alexander the Great*, vol. II, pp. 236—241).

⁹ Подробное рассмотрение этого движения см. Тревер, *Александр в Согде*; «История Узбекской ССР», т. I, кн. I, стр. 58—69; «История таджикского народа», т. I, стр. 250—267.

¹⁰ Tarn, *Alexander the Great*, vol. I, p. 72.

ли относиться и к Бактрии, и к Согду. Греческие авторы называют их скалами. При завоевании горных районов, служивших убежищем местной знати, Александр постарался заручиться поддержкой согдийской и бактрийской аристократии. В одной из крепостей находилась семья знатного бактрийца Оксиарта. После захвата укрепления Александр, плененный красотой Роксаны, дочери Оксиарта¹¹, женился на прекрасной бактрийке. Нельзя недооценивать чисто политических причин и последствий этого брака. В дальнейшем отец Роксаны, которого Александр назначил сатрапом Паропамисад, стал одним из наиболее доверенных лиц македонского царя. При взятии второй крепости — «Скалы Хориена» — Александр сохранил власть ее владельца, представителя местной знати.

Покорение горных племен и индийский поход Александра

Весной того же 327 г. до н. э. Александр выступил в трудный индийский поход. В Бактрии он оставил Аминту с 35 тыс. всадников и 10 тыс. пехоты. На этот раз греко-македонцы перевалили Гиндукуш по наиболее легкому пути — через горный поход Бамиан. После остановки в Александрии Кавказской армия достигла района Кабула, где разделилась на две части. Гефестион с Пердиккой и перешедшим на сторону завоевателей правителем Таксилы направились к Инду для сооружения переправы. Сам Александр повернул на северо-восток, где обитали в основном горные племена¹². Насколько можно судить по сведениям, сообщаемым письменными источниками, греко-македонская армия из района нынешнего Джалалабада поднялась по р. Кунар и, переправившись через нее, вступила в район Баджаура, заселенный племенами аспасиев, гуреев и ассакенов (Агг., *Anab.*, IV, 23, 1). Племя аспасиев, обитавшее на крайнем западе Баджаура, судя по названию, было ираноязычным. В битве за один из городов Александр был ранен, и в отместку за это войска разрушили город до основания, а жителей почти всех перебили (Агг., *Anab.*, IV, 23, 4). В ожесточенных штурмах были захвачены и другие города, в том числе Андак и Аригей, причем на стороне местных племен сражались и отряды индийских воинов. Аригей, брошенный и сожженный самим населением, Александр решил превратить в опорный пункт завоеванной страны и приказал заселить его наряду с местными жителями своими солдатами, непригодными к несению строевой службы. В оже-

¹¹ Греч. Роксана является передачей бактрийского имени *Roḥṣānā* «светлая, лучезарная» (ср. Рушан — совр. название области в Западном Памире).

¹² Блестящий разбор этого похода дал В. В. Григорьев (*Кабулистан и Кафиристан*, стр. 753—763). См. также Stein, *On Alexander's tracks*.

сточенных боях с горцами было захвачено, по словам Арриана, 40 тыс. пленных и более 230 тыс. голов крупного рогатого скота (Агг., *Anab.*, IV, 25, 4).

Пройдя затем землю гуреев, Александр вступил в область ассакиенов (санскритское *Āśvākaṇapas*), осадил и захватил крупнейший город страны — Массагу. Область обитания ассакиенов следует скорее всего искать на территории современного Свата. Весной 326 г. до н. э. Александр закончил свой горный поход и соединился на берегу Инда с отрядом Гепестиона и Пердикки. Переправившись через Инд, греко-македонская армия начала один из своих труднейших походов. Решительное сопротивление иноземцам оказал индийский царь Пор. Битва с его армией на р. Гидасп (Джелам) была самым кровопролитным сражением Александра. В этой битве в составе отряда Кратера участвовали арахосийские и паропамисадские всадники (Агг., *Anab.*, V, 11, 3). Несмотря на одержанную победу, греко-македонская армия была сильно ослаблена, и вскоре войско, измученное бесконечными боями, походами и тропическими ливнями, решительно отказалось идти дальше и потребовало возвращения на родину.

Александр был вынужден уступить требованию армии. Он и сам, возможно, понимал, что силы его войск на исходе и продолжать наступление в глубь густонаселенной страны довольно рискованно. Было решено прекратить наступление, и греко-македонская армия двинулась в обратный путь. Основная ее часть по Гидаспу и Инду на кораблях спустилась к морю. Кратер с частью войск со слонами и обозами двинулся в Вавилонию через Арахосию, Дрангиану и далее через южные области современного Ирана. Неарх с флотилией отправился туда же морским путем, а сам Александр с наиболее боеспособной частью армии совершил тяжелый марш через пустыни южного Белуджистана. Когда изможденные этим походом войска отдыхали в Кармании, туда прибыл Стасанор, сатрап Ареи и Дрангианы, приведший с собой обоз вьючных животных — многочисленное стадо верблюдов (Агг., *Anab.*, VI, 28, 3—6). В начале 324 г. до н. э. отряды греко-македонской армии достигли Вавилонии. По словам Плутарха, лишь около четверти войска вернулось из индийского похода (Alex., 66).

Значение похода Александра Македонского. «Борьба за наследство»

Поход Александра, обстоятельно описанный в сочинениях античных авторов, неоднократно привлекал внимание и современных историков. В его оценке особенно ярко определилась тенденциозная точка зрения буржуазной историографии, утверждающая, что Александр принес в страны «азиатских

варваров» светлый факел эллинской цивилизации. Одни всячески расхваливают справедливость и великодушие македонского царя и его соратников, другие изо всех сил стараются преувеличить ведущую роль и значение эллинистической колонизации.

Армии Александра принесли в Согд и Бактрию не высшие достижения духовной и материальной культуры эллинизма, а кровопролитие и пожары. Грубая солдатчина подвергала разграблению цветущие города, жители которых истреблялись или обращались в рабство. Не может быть сомнений в том, что бурные события 329—327 гг. до н. э. в значительной мере подорвали производительные силы Согда. Видимо, в известной мере это можно сказать и о Бактрии и Арее.

Поход Александра Македонского привел лишь к смене одной чужеземной власти властью других иноземных завоевателей. Место ахеменидского «царя царей» занял царь Маке-

донии, считавший себя прямым преемником Ахеменидов. Но в Согде и Бактрии, в Арее и в горных долинах Гандхары жили свободолюбивые племена, которые отнюдь не желали признавать власть греко-македонской военищины. Это почувствовал уже сам Александр в упорной борьбе с непокорными «варварами». Изгнание иноземных правителей и их гарнизонов и достижение независимости стало ближайшей задачей для Бактрии и соседних стран. Таковы были первые конкретные результаты походов Александра в восточные сатрапии.

Но это была лишь одна сторона последствий похода Александра Македонского. Победа Греции и Македонии над ахеменидским Ираном явилась в значительной мере победой более развитых форм рабовладельческого хозяйства над более отсталыми. Позднеахеменидское государство переживало глубокий внутренний кризис. Политическая организация деспотической монархии Ахеменидов более не отвечала интересам правящих классов ближневосточных стран, заинтересованных в дальнейшем развитии рабовладельческого хозяйства, особенно торговли и товарного обращения, и соответственно в политике развернутого градостроительства, поддерживаемого центральной властью.

Все эти причины обусловили историческую закономерность крушения ахеменидской державы под ударами войск Александра. На развалинах опрокинутой державы выросло новое государство. Александр понимал внутреннюю разнородность монархии, объединившей области, стоящие на разном уровне развития, и своей политикой привлечения восточной знати к управлению страной, основанием городов и поселений¹³ со смешанным населением пытался смягчить эту внутреннюю разнородность. Создание «мировой державы» Александра способствовало усилению культурных и торговых связей между странами, вошедшими в ее состав. За македонскими фалавгами шли греческие и финикийские купцы. Уже многочисленные находки греческих монет свидетельствуют о развитии

¹³ На территории Афганистана могут быть отмечены: Александрия в Арее, видимо на месте современного Герата, Александрия в Дрангиане, имевшая прозвание Профтасия, Александрия в Арахосии (видимо, Газни), Александрия Кавказская. Кроме того, имя Александрии, по-видимому, получили Бактры, а В. Тарн полагает, что под Александрией в Согде следует понимать Термез (Tagh, *Alexander the Great*, vol. II, p. 241). В ряде случаев «основание Александрии» сводилось к простому переименованию ранее существовавшего города (Бактры, столица Дрангианы). Кроме городов «Александрий» были построены просто укрепленные воинские посты. Именно таковы, надо полагать, город в одном дне пути от Александрии Кавказской, о котором сообщает Диодор (XVIII, 83, 2), шесть городов в Маргиане Квинта Курция (VII, 10, 92) и те двенадцать (Strabo, XI, 9, 4) или семь (Just., XII, 5, 13) городов, которые будто бы Александр основал в Согде и Бактрии. По мнению В. Тарна, к такой воинской колонии восходит Александрополь в Арахосии (Кандагар), о котором мы узнаем из дорожника Исидора Харакского (Tagh, *The Greeks*, p. 471).

в этих областях в V—IV вв. до н. э. торговых связей. С вхождением Бактрии и Ареи в состав государства Александра Македонского возможности развития торговли значительно возросли.

Однако все эти явления в 20-х годах IV в. до н. э. представляли собой не более как потенциальную возможность. Дальнейшее политическое развитие этих областей шло по линии неуклонного стремления к политической независимости Бактрии и соседних стран. Уже ближайшие наследники Александра — первые Селевкиды — были вынуждены в какой-то мере идти на компромиссы с местной аристократией.

Тяжелый индийский поход был последним крупным походом Александра. Вернувшись в Вавилон, центр своей грандиозной империи, Александр в самый разгар бурной деятельности по организации государства и разработки планов новых походов и экспедиций заболел и 13 июня 323 г. до н. э. умер в возрасте 33 лет. С его смертью вырвались на поверхность могущественные силы, раздиравшие на части вновь образованную мировую державу. Покоренные силой оружия народы стремились к свободе и независимости; сподвижники Александра, свидетели и участники его головокружительных успехов, начали междоусобную борьбу, стараясь занять трон своего великого вождя или по крайней мере урвать свою долю власти и богатств. В течение ряда лет сподвижники Александра не прекращали ожесточенной междоусобной борьбы. Но за пестрой картиной походов, битв, заговоров и убийств можно проследить контуры новых крупных государств, складывавшихся на обломках империи великого македонца.

Все эти моменты определили дальнейшую историю и восточных сатрапий. Значительно повлияло на развитие событий в этих областях империи Александра Македонского и массовое недовольство греко-македонских гарнизонов, которые устали от бесконечных войн и жизни в чужой стране и требовали возвращения на родину. В результате греко-македонские гарнизоны подняли восстание. Разгром повстанцев правительственными войсками несомненно сильно ослабил греко-македонские силы на востоке.

В равной мере ослабление центральной власти в восточных сатрапиях обуславливалось и активным участием правителей этих сатрапий в ожесточенной междоусобной борьбе претендентов на трон Александра. Этими правителями в большинстве своем были лица, поставленные еще самим Александром¹⁴.

---

¹⁴ Арахосней управлял Сибиртий (Арг., *Anab.*, VI, 21, 7; Diod., XVIII, 3, 3; XIX, 14, 6), Паропамисадами — отец Роксаны Оксиарт (Diod., XVIII, 3, 3; XVIII, 32, 2—6; XIX, 48, 1). В Бактрии и Арее, однако, произошла смена правителей. Так, если в 323 г. Ареей и Дрангианой владел Стасанор Солийский, а Согдом и Бактрией — некий Филипп, то в 321 г. мы находим

Данные источников свидетельствуют о том, что правители восточных сатрапий практически были не зависимы от центральной власти, переходившей из рук в руки. В этом отношении особенно показательно сообщение Диодора о том, что Антигон, захвативший Вавилон в 316 г. до н. э., оставил Оксиарта сатрапом Паропамисад, так как для проведения в жизнь приказа о низложении Оксиарта ему пришлось бы послать в эту отдаленную страну сильную армию (Diod., XIX, 48, 1). По той же причине при заключении мира в Трипарадайсе (321 г. до н. э.) сатрапами Индии были оставлены Пор и Таксил (Diod., XVIII, 39, 6).

Образование державы Селевкидов

После десяти лет войн на развалинах македонской державы наметились контуры трех крупных политических объединений — Птолемея в Египте, Антигона в Греции и Македонии и Селевка в Вавилонии. В 312 г. до н. э. Селевк, бывший тогда одним из военачальников Птолемея, с отрядом в тысячу человек вступил в Вавилон и окончательно утвердился как его правитель. Энергичный полководец и государственный деятель, Селевк вскоре расширил границы своей державы до Средиземного моря на западе и Индии на востоке. «Постоянно устраивая ловушки соседним народам,— пишет про него Аппиан,— способный и силой заставить их подчиниться и уговорить убедительными речами, он захватил власть над Месопотамией, Арменией и Каппадокией, называемой Селевкидой, над Персией, Парфией и Бактрией, над арабами и тапирами, над Согдианой Арахосией и Гирканией и над всеми другими соседними племенами до реки Инда, которые силою оружия были завоеваны Александром, так что границы его царства в Азии достигли наибольших после Александра размеров» (App. Syr., 55).

В источниках подробно описываются войны Селевкидов на западе, но ничего не сообщается относительно восточного похода Селевка. Лишь на основании сообщения Юстина (Just., XV, 4, 11) можно судить о том, что, например, Бактрию Селевк присоединил к своей империи силой оружия. Дата завоевания Бактрии Селевком неясна; скорее всего это было в 306 или 305 г. до н. э.¹⁵ Подчинив Бактрию, Селевк двинулся на юг,

---

Стасанора на месте Филиппа, а Ареей и Дрангианой владеет Стасандр, активно участвовавший в военных столкновениях на западе и командующий помимо вооруженных сил своей сатрапии, отрядами, пришедшими из Бактрии (Diod., XIX, 14, 6). Оксиарт лично не принимал участия в этих столкновениях, ограничившись посылкой небольшого отряда во главе с Андробазом (Diod., XIX, 14, 6).

¹⁵ См. СНИ, I, 430; Rawlinson, *Bactria*, p. 52.

вероятно намереваясь покорить области, входившие в состав империи Ахеменидов и Александра. Здесь он столкнулся с новой могущественной политической силой — индийской империей Маурьев и ее основателем Чандрагуптой. В свое время Александр оставил Таксилу и Пору их владения, потребовав от них вассальной зависимости, подкреплявшейся наличием в этих областях греко-македонских гарнизонов и военачальников. Это было формально подтверждено соглашениями его наследников в Вавилоне (323 г. до н. э.) и Трипарадайсе (321 г. до н. э.). Позднее греко-македонский военачальник Евдам убил индийского царя (Пора?). Однако сам он не остался в этом районе, поскольку, судя по сообщению Диодора, он принял участие в борьбе диадохов (Diod., XIX, 14, 6). Покинутые Евдамом районы в течение некоторого времени распались на мелкие независимые владения, во главе которых стояли местные правители или греко-македонские полководцы. Одним из них был Софит (или Софейт), имя которого известно по монетам¹⁶ и сообщениям Арриана и Страбона (Arr., *Anab.*, VI, 2, 2; Strabo, XV, 30, 6). Вскоре все мелкие владения были подчинены Чандрагуптой, который, по словам Юстина (Just., XV, 4, 19), вел войну с наместниками Александра. По сообщениям индийских источников, Чандрагупта выступал в союзе с гималайским государем Парватакой и в его армии были саки, яваны (греки) и бактрийцы¹⁷.

Границы района первоначальных военных действий основателя империи Маурьев неизвестны, но можно предполагать, что Арахосия не вошла в состав государства Чандрагупты и управлялась Сибиртием, который признал после бактрийского похода власть Селевка¹⁸.

В источниках нет сообщений о подробностях войны между этими могущественными правителями. Видимо, Селевк перешел Инд (Arr., *Syr.*, 55) и проник в глубь Индии (Pliny, *NH*, VI, 63), но в целом война была для него неудачной. Античные источники сообщают лишь о том, что Селевк установил с Чандрагуптой «дружбу и брачный союз» (Arr., *Syr.*, 55; Just.,

¹⁶ Монеты Софита имеют на аверсе портрет правителя в шлеме и на реверсе — изображение петуха с легендой: « ΣΟΦΙΤΟΥ ». Отсутствие царского титула указывает на то, что перед нами мелкий правитель. Монеты Софита генетически связаны с обращавшимися в этих районах афинскими тетрадрахмами и их подражаниями (см. Gardner, *The Coins of the Greek and Scythic kings*, pp. XIX, XX; Head, *The earliest coins*, p. 13; Nagain, *The Indo-Greeks*, pp. 4, 5). Предположение Г. Макдональда (CHI, I, 388) об отнесении чекана Софита ко времени похода Селевка маловероятно.

¹⁷ NSIP, II, 57.

¹⁸ Это предположение подтверждается сообщением Аппиана (Arr. *Syr.*, 55) о подчинении Селевком Арахосии еще до войны с Чандрагуптой. При дворе арахосийского сатрапа Сибиртия находился и часто посещавший Индию Мегасфен; позднее он был официальным послом Селевка в Индии (Arr., *Anab.*, V, 6, 2).

XV, 4, 21). Только Страбон, описывая области обитания паропамисадов, арахотов и гедросиев, упоминает о том, что «некоторыми из этих областей... владеют индийцы... Селевк Никатор подарил их Сандракотту (Чандрагупте) при вступлении с ним в родственные связи, получив в обмен пятьсот слонов» (Strabo, XV, 2, 9).

Разделяются мнения исследователей и о том, каковы были территориальные уступки Селевка в пользу индийской державы. В исторической литературе распространена версия, согласно которой Чандрагупта получил Арахосию, Паропамисады, часть Гедросии и даже Ареи¹⁹. Последнее маловероятно, поскольку Бактрия несомненно осталась во владении Селевкидов, так же как, видимо, и Дрангиана. Следует отметить, что у Страбона, являющегося в этом случае основным источником, речь скорее всего идет о Паропамисадах, части Арахосии и Гедросии²⁰. Гипотеза о том, что Арахосия входила в состав империи Маурья, блестяще подтвердилась находкой в районе Кандагара греко-арамейской надписи Ашоки²¹. Что касается Гедросии, нынешнего Белуджистана, то нумизматические данные свидетельствуют о наличии в этом районе каких-то мелких владений, независимых от своих могущественных соседей²².

В обширной державе Селевкидов отчетливо наблюдается возрождение местных традиций в различных областях политической и культурной жизни. Новое государство пыталось опереться на верхушку населения завоеванных ими стран, способствуя развитию местной культуры. Так, весьма показательно возрождение вавилонской культуры при Селевкидах, расцвет клинописной литературы, а также восстановление древних храмов, в том числе храма Бела в Вавилоне. Жрец этого храма Берос даже посвятил селевкидскому государю свое сочинение по вавилонской истории²³.

На востоке селевкидских владений эта политика связана с именем Антиоха — сына Селевка. В 293 г. до н. э. отец назначил его своим соправителем, передав ему управление сатрапий, лежащих к востоку от Евфрата (App., *Syr.*, 59, 62). В 280 г. после смерти Селевка он стал под именем Антиоха I (280—262/61 гг. до н. э.) полновластным царем всей империи. Восточной столицей Селевкидов были скорее всего Бактры,

¹⁹ СНИ, I; 431; НСР, II, 60; Осипов, *Краткий очерк*, стр. 42.

²⁰ Tarn, *The Greeks*, p. 100.

²¹ Schlumberger — Robert et les autres, *Une bilingue*, pp. 1—48.

²² Имеются в виду подражания селевкидскому монетному чекану (Rapson, *Ancient silver coins*). Выпуск подобных монет на протяжении во всяком случае второй половины III в. до н. э. (поскольку есть подражания монетам Антиоха I и Антиоха III) свидетельствует о существовании здесь независимой местной власти, выпускавшей эти севин.

²³ Тарн, *Эллинистическая цивилизация*, стр. 132.

и историки отмечают, что назначение наследника престола наместником Бактрии продолжает традиции Ахеменидов²⁴, при которых бактрийским сатрапом обычно был член правящей династии. В Бактрах выпускалась монета от имени обоих государей — Селевка и Антиоха²⁵.

За период своего правления на Востоке Антиох предпринял ряд военных походов. Так, Плиний сообщает о походе его полководца Демодама за Яксарт (Pliny, NH, VI, 16 49), где по его приказу были поставлены алтари в честь Аполлона и, возможно, основан город, названный Антиохией²⁶. Но более важной была несомненно деятельность Антиоха, способствовавшая подъему хозяйства и культуры стран, сильно пострадавших в период македонского завоевания и в период политических смут после смерти Александра.

Еще при Селевке была проведена административная реформа, в результате которой вместо крупных сатрапий возникли более мелкие административные единицы. Это видно уже из слов Аппиана о существовании под властью Селевка 72 сатрапий, причем большая их часть находилась к востоку от Евфрата (App., Syr., 62). В. Тарн считает, что в данном случае имелись в виду не сатрапии, а гипархии, на которые, по его мнению, делились сатрапии²⁷. Страбон (Strabo, XI, 11, 2) указывает, что эллины, владевшие Бактрией, разделили ее на сатрапии, что, учитывая сообщение Аппиана, вполне может быть отнесено к правлению в Бактрии Селевкидов. Во всяком случае показательна тенденция облегчить управление завоеванными странами и ликвидировать опасность сепаратизма со стороны крупных сатрапий, образующих обычно экономическое и культурно-этническое целое. Усовершенствовав таким образом административную систему, Селевкиды провели ряд экономических мероприятий по строительству городов, развитию торговли и денежного обращения.

²⁴ САН, VII, р. 93.

²⁵ На этих монетах встречаются три основных варианта легенд: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ ΑΝΤΙΟΧΟΥ (I), ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΣΕΛΕΥΚΟΥ (II), ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ ΚΑΙ ΑΝΤΙΟΧΟΥ (III). Последний вариант вполне согласуется с сообщением Аппиана. Во втором варианте, вероятно, как предполагал еще П. Гарднер, следует добавить слово «сын» и читать: «Царя Антиоха [сына] Селевка». Первую легенду, быть может, следует понимать так: «Царя Селевка [и] Антиоха [не царя?]». В таком случае монеты с этой легендой наиболее ранние во всей серии.

²⁶ «История Узбекской ССР», т. I, кн. I, стр. 72. Судя по сообщению Плиния, называющего Демодама полководцем «Селевка и Антиоха», этот поход был совершен в период между 293 и 280 гг. до н. э.

²⁷ Tarn, *Seleucid-parthian studies*, pp. 126—134, Тарн подчеркивает, что, в то время как названия крупных сатрапий, как правило, оканчивались на -ια (Бактрия, Парфия и т. п.), новые названия имеют окончания на -τη ή -την (Дрангиана, Сузана, Асгавена, Парфияна, Аповарктикена и т. п.). См. также Тарн, *Эллинистическая цивилизация*, стр. 134.

Подъем хозяйства в восточных сатрапиях Селевкидов

Как отмечалось выше, многие города и поселения восточных областей были разрушены еще в годы завоеваний Александра Македонского. Особенно пострадал в этом отношении Согд, где, в частности, была разрушена столица Мараканда. Пострадали и некоторые города в Бактрии (Strabo, XI, 11, 4). В последующий за смертью Александра смутный период подверглась разрушению Александрия в Маргиане (Pliny, *NH*, XVI, 46—47) и, возможно, некоторые другие города.

Селевкидским правительством был проведен ряд мероприятий по восстановлению городской жизни²⁸. В Маргиане заново была отстроена (или только обведена стеной) древняя столица страны, а весь земледельческий оазис был окружен стеной протяженностью 250 км (Strabo, XI, 10, 2), остатки которой открыты советскими археологами²⁹.

Антиох укрепил и древнюю столицу Ареи — Артакавану (Pliny, *NH*, VI, 23). В той же Арее основанный Александром город Гераклея был заново отстроен и получил название Ахеиды (возможно, по имени поселившихся в нем греческих колонистов)³⁰. По распоряжению Антиоха, видимо, были произведены строительные работы и в северобактрийском городе, находившемся на месте современного Термеза³¹.

Расширение градостроительства при Селевкидах западно-европейские историки склонны объяснять влиянием греко-македонской культуры, и в первую очередь переселением на восток колонистов. В этом отношении весьма характерно следующее утверждение В. Тарна при описании похода Александра Македонского в Среднюю Азию: «Александр вступил в ту часть мира, в которой доселе не было городов... Если Александр желал иметь здесь города, то он должен был их построить»³².

Разумеется, нет никаких оснований отрицать роль греко-македонских поселенцев (точнее, поселенцев, происходящих из эллинизированных областей) в жизни восточных сатрапий Селевкидов. Этот частично стихийный процесс инфильтрации западных элементов регламентировался правительством при

²⁸ Ранович, *Эллинизм*, стр. 109. О градостроительной деятельности Селевкидов см. «История Узбекской ССР», т. I, кн. I, стр. 72; Тарн, *Эллинистическая цивилизация*, стр. 144, 145.

²⁹ Вязигян, *Стена Антиоха Сотера*.

³⁰ В. Тарн пишет, что этот город находился в восточном Хорасане (*Эллинистическая цивилизация*, стр. 145). Но скорее всего Ахеида Плиния и есть та Ахая в Арее, которую упоминает Страбон в числе городов, названных по именам своих основателей (Strabo, XI, 10, 1, см. также Pliny, *NH*, VI, 48).

³¹ Тарн, *Two Seleucid studies: II. Tarmia*, p. 89.

³² Тарн, *Alexander the Great*, vol. II, p. 60.

Александр Македонском и, видимо, еще в более широких масштабах при Селевкидах³³. Так, по сообщениям источников, в конце III в. до н. э. в сравнительно малоизвестном гирканском городке Сириксе существовал квартал, населенный греческими купцами (Polyb., XV, 30, 6), а индийский император Ашока обращался к своим подданным, живущим в Арахосии, с двуязычной надписью — на арамейском и греческом языках. Однако, как уже отмечалось выше, еще Александр оставлял в основанных им военных поселениях не только негодных к несению строевой службы солдат, но и местных жителей. При Александре же начался процесс эллинизации бактрийцев и согдийцев, а также жителей Арахосии и Дрангианы, сражавшихся в рядах греко-македонской армии. Еще в большей степени этот процесс мог коснуться знати, перешедшей, подобно Оксиарту и его окружению, на сторону завоевателей³⁴.

В. Тарн считает, что мощная эллинистическая прослойка в Бактрии, на которую опирались греко-бактрийские государи, могла возникнуть лишь в результате селевкидской колонизации, понимая под этим греко-македонскую иммиграцию. Необходимо, однако, иметь в виду, что бактрийское население отнюдь не покинуло эти районы, а местная знать несомненно нашла общий язык с иноземными правителями. Во всяком случае показательно, что до сих пор археологические исследования памятников III—II вв. до н. э. (подобные исследования проведены советскими археологами в Маргиане и северной Бактрии)³⁵ не обнаружили какого-либо материала, свидетельствующего о появлении значительных групп населения с иными этнографическими чертами, нежели основной массив местных жителей. Отдельные эллинистические предметы роскоши, находящиеся здесь, указывают лишь на некоторую эллинизацию знати.

Наконец, вопрос о генезисе городских поселений при Селевкидах не может решаться в отрыве от истории этих поселений в предшествующий период. Городские поселения на территории Маргианы, Дрангианы и Бактрии в VI—IV вв. до н. э. достигли значительного развития в связи с успехами торговли, развитием ремесел и товарно-денежного обращения. Подъем городской жизни в III—II вв. до н. э. объяснялся теми же причинами, хотя происходил в иных политических усло-

---

³³ Большой материал по этому вопросу собран В. Тарном (Tarn, *The Greeks*, pp. 1—33).

³⁴ Селевкиды назначали представителей местной знати также и на административные посты (см. Тарн, *Эллинистическая цивилизация*, стр. 315).

³⁵ Дьяконов, *Археологические работы*; Массон М., *Новые археологические данные*; Рутковская, *Парфянская керамика*.

виях. Интересно отметить, что, например, в Месопотамии уже в позднеассирийский период (IX—VII вв. до н. э.) складывается специфическая форма городского самоуправления³⁶, получившая в селевкидский период дальнейшее развитие наряду с греческим полисом, который она внешне повторяла³⁷. Следует ожидать, что успехи археологических работ в Средней Азии и Афганистане позволят в недалеком будущем в какой-то мере осветить этот вопрос на местном материале, хотя несомненно роль городов здесь была менее значительна, чем в Ассирии и Вавилоне с их древнейшей городской цивилизацией.

О развитии товарно-денежных отношений в восточных сатрапиях Селевкидов свидетельствует нумизматический материал. Известно значительное количество монет, выпущенных на востоке селевкидских владений — в Бактрии, Согде и, возможно, в некоторых других областях³⁸.

Монетный двор, по-видимому, находился в Бактрах, хотя не исключена возможность, что эпизодически монеты чеканились и в других пунктах. Время Селевка I представлено главным образом монетами крупного достоинства (тетрадрахмы; драхмы и хемидрахмы) с изображением на аверсе головы Зевса и на реверсе Афины на колеснице, запряженной четырьмя или двумя слонами (табл. 7, 1). Помещаемая на реверсе монет монограмма рассматривалась ранее как название города, что привело к поискам места выпуска этих монет в Дионисополисе в Паропамисадах³⁹, а затем в парфянской Нисе⁴⁰. Однако последние исследования установили, что эти монограммы не связаны с названием пункта, где выпускались эти монеты, хотя их подлинное значение остается неясным.

Значительный интерес для понимания внутренней политики Селевкидов представляет весовой стандарт этих монет. Большинство из них следует аттическому образцу (драхма—4,27 г), но одна серия с именами Селевка и Антиоха чеканена, как показал Б. Хэд⁴¹, в полном соответствии с так называемым древнеиндийским стандартом, наиболее распространенная единица которого — каршапана — имеет теоретически исчисленный вес 3,78 г, но практически не достигает 3 г. Именно по этому стандарту были чеканены древнеиндийские монеты

³⁶ Дьяконов И., *Развитие земельных отношений в Ассирии*, стр. 149.

³⁷ Саркисян, *Самоуправляющийся город*.

³⁸ Селевкидский чекан в Бактрии был исследован П. Гарднером (Gardner, *New coins of Bactria*; idem, *On some coins*; idem, *Coins from Central Asia*) и Б. Хэдом (Head, *The earliest coins*). Последней сводкой является работа: Newell, *The coinage*, pp. 228—249.

³⁹ Gardner, *New coins of Bactria*, p. 12.

⁴⁰ Howorth, *The eastern capital*, pp. 298, 299.

⁴¹ Head, *The earliest coins*, pp. 12—15.

и та группа монет V—IV вв. до н. э., которую, как отмечалось в предшествующей главе, скорее всего следует считать местной эмиссией Кабулистана, если не собственно Бактрии. Поэтому несомненно, что в выпуске Антиохом этой серии монет следует видеть попытку при помощи денежной реформы привлечь на свою сторону верхушку местного общества, связанную, в частности, с торговлей.

Правда, эти монеты выпускались сравнительно короткий период времени; уже бактрийская эмиссия Антиоха как единоличного правителя (280—261 гг. до н. э.) снова имела аттический стандарт: как правило, монеты крупного достоинства — статеры, тетрадрахмы и драхмы (табл. 7, 4—6). На их лицевой стороне помещено изображение самого Антиоха, на оборотной — головы рогатой лошади⁴²; на реверсе монограммы Δ | или B . Видимо, более полной расшифровкой последней монограммы является слово $\text{AB}\Delta$ (табл. 7, 5). Возможно, оно представляет собой часть имени ($\text{A}\beta\text{i}\delta\beta\text{t}\lambda\text{o}\varsigma$) сатрапа или полунезависимого правителя, как полагает П. Гарднер⁴³. По мнению Э. Ньюэлла, это имя носил монетный магистрат или более высокий сановник⁴⁴.

Среди других видов монет, относящихся, возможно, к восточному чекану Селевкидов, следует назвать крупные бронзовые монеты с изображением головы Диоскура на аверсе и протомы рогатой лошади на реверсе, а также тетрадрахмы с изображением на лицевой стороне головы Геракла и на оборотной — сидящего на троне Зевса с орлом в руке (табл. 7, 2). Э. Ньюэлл полагал, что эти монеты выпущены в Арее или Дрангиане. Однако больше оснований считать их согдийскими⁴⁵.

Таким образом, регулярный чекан Селевкидов в Бактрии свидетельствует о значительном расширении товарного обращения. Правда, золотые (статеры) и серебряные (тетрадрахмы и драхмы) монеты предназначались скорее всего для крупных торговых сделок. Однако известное значение приобретают и мелкие номиналы, связанные уже с розничной торговлей. Э. Ньюэлл, по-видимому, прав, считая, что отсут-

⁴² Большинство исследователей считает, что на этих монетах изображен конь Александра. Однако в данном случае, возможно, имело место слияние образа Буцефала, прославленного коня македонского полководца, с какими-то местными образами. Во всяком случае именно эти монеты послужили основой для ряда позднейших эмиссий (см. Массон, *Денежное хозяйство*, стр. 42, 43).

⁴³ Gardner, *On some coins*, p. 190.

⁴⁴ Newell, *The coinage*, pp. 240, 241.

⁴⁵ На образцы этой эмиссии похожи монеты с легендой арамейским письмом (скорее всего на согдийском языке). На аверсе этих монет изображен стоящий Геракл, а на реверсе — Зевс, сидящий на троне (Якуничков, *Древнегреческие монеты*, стр. 56, 57).

стве в бактрийской эмиссии Антиоха I мелких номиналов серебра свидетельствует о наличии разменной медной монеты⁴⁶. На территории Бактрии селевкидские монеты находят в районе Таш-Кургана⁴⁷, а в XIX в. они были обнаружены в заамударьинской Бактрии, в том числе и в составе известного Аму-Дарьинского клада. Возможно, что в государстве Селевкидов часть налогов взималась в денежной форме⁴⁸.

Вскоре после правления Антиоха основное внимание Селевкидов было обращено на запад, где они вели затяжную войну с полемеевским Египтом за господство в Восточном Средиземноморье. О положении в восточных сатрапиях источники почти ничего не сообщают. Известно только, что в 275 г. до н. э. Антиох получил из Бактрии боевых слонов, а около 250 г. до н. э. бактрийский сатрап Диодот объявил себя независимым правителем⁴⁹. На месте селевкидской сатрапии возникло независимое греко-бактрийское царство.

Так закончился полувековой период селевкидского господства в Бактрии. Это было время подъема экономики страны. Рост торговли, расширение товарно-денежных отношений, развитие городской жизни способствовали усилению борьбы за политическую независимость. Образование греко-бактрийского царства явилось закономерным результатом развития тенденций, наметившихся уже в начале селевкидского периода, конкретным проявлением тех центробежных устремлений, которые появились в Бактрии еще во время ее вхождения в состав ахеменидской монархии.

---

⁴⁶ Newell, *The coinage*, p. 243.

⁴⁷ Hackin, *Répartition des monnaies*.

⁴⁸ Тарн, *Эллинистическая цивилизация*, стр. 143.

⁴⁹ Насколько можно судить по нумизматическим данным, это отпадение подготовлялось исподволь за ширмой внешнего признания власти Селевкидов. На монетах с легендой «Царя Антиоха» чеканился портрет не селевкидского государя, а бактрийского сатрапа Диодота (см. Newell, *The coinage*, pp. 246—249).

Глава IV

РАСЦВЕТ И ПАДЕНИЕ ГРЕКО-БАКТРИЙСКОГО ЦАРСТВА

Античные авторы недаром называли Бактрию украшением всей Арианы (в древности так назывались территории, ныне в основном входящие в состав Афганистана). Страна с развитой экономикой, древней и высокой культурой, Бактрия вскоре после отпадения ее от селевкидской державы стала центром независимого политического объединения, которое известно в истории как Греко-Бактрия. Короткая, но яркая история греко-бактрийского царства неоднократно привлекала внимание исследователей. Детальнейшим образом изучалась политическая история, восстанавливаемая на основании сообщений античных авторов и великолепных серий греко-бактрийских монет, по праву считающихся украшением нумизматических собраний¹. К сожалению, остатки греко-бактрийских городов еще почти не тронуты лопатой археолога, так что исследователи имеют возможность освещать главным образом лишь политическую историю Греко-Бактрии.

Отпадение Бактрии и Парфии от Селевкидов

Дата образования независимого греко-бактрийского царства может быть установлена лишь приблизительно.

Уже выпускавшиеся в Бактрии монеты с именем Антиоха II (261—247 гг. до н. э.) чеканились в полном соответствии с общеселевкидским стандартом, но на лицевой стороне этих монет вместо изображения селевкидского монарха помещен портрет Диодота². Появление на монетах портрета

¹ Наиболее полный фактический материал по истории этой страны собран В. Тарном (см. Тагп, *The Greeks*). Однако работа этого крупного английского эллиниста написана с непримлемых методических позиций и содержит ряд поспешных заключений. Ценной сводкой является труд: Тревер, *Памятники греко-бактрийского искусства*. Новейшие нумизматические открытия учтены в книге: Narain, *The Indo-Greeks* (см. рецензию В. М. Массона в ВДИ, 1959, № 4, стр. 184—190). Как сводка материала сохраняет значение и работа: Gardner, *The coins of the Greek and Scythic kings*.

² С точки зрения иконографии этот вопрос наиболее подробно рассмотрен Э. Ньюэллом (Newell, *The coinage*, pp. 248, 249).

местного правителя можно рассматривать как свидетельство полной автономии Бактрии. Вскоре независимость была официально провозглашена бактрийским наместником. Во время Первой Пунической войны в консульство Луция Манилия Вульсона и Марка Аттилия Регула, сообщает Юстин, против Селевкидов восстали парфяне. «Тогда же отложился и Диодот, правитель тысячи бактрийских городов, и приказал именовать себя царем; следуя этому примеру, от македонян отпали народы всего Востока» (Just., XLI, 4, 3—5). Бывшему селевкидскому сатрапу теперь уже было незачем скрывать свои намерения, и он чеканил монету от собственного имени с надписью: «царя Диодота».

Названные Юстином Луций Манилий Вульсон и Марк Аттилий Регул были римскими консулами в 256 г. до н. э. Однако ряд других данных свидетельствует о том, что отпадение Парфии от Селевкидов произошло в 250 г. до н. э., и поэтому большинство исследователей полагает, что Юстин ошибочно назвал Марка Аттилия вместо Кая Аттилия, который в 250 г. до н. э. был консулом вместе с Луцием Манилием Вульсоном³. Возможно, однако, что никакой ошибки у Юстина нет и что именно в 256 г. до н. э. следует относить отпадение от Селевкидов Бактрии и «всех народов Востока», в том числе Парфии с наместником Андрагором, Согда и т. д.⁴ Но селевкидский наместник Парфии не смог удержаться у власти и вскоре был свергнут вождем парфянских кочевников Аршаком, положившим начало династии Аршакидов. Вероятно, это произошло около 250 г. до н. э. Именно этот год ряд авторов (Евсевий, Моисей Хоренский) считает датой отпадения Парфии от Селевкидов⁵.

Таким образом, уже с первых дней существования прослеживается известная связь между двумя новыми государствами — Греко-Бактрией и Парфией. И с первых же дней между этими двумя государствами возникают противоречия. Страбон сообщает, что не все писавшие об этих событиях авторы согласны с версией о том, что Аршак происходил из рода парфянских кочевников. «Другие, — пишет он, — считают его бактрийцем, который, желая избежать господства Диодота, поднял Парфию к восстанию» (Strabo, XI, 9, 3). Видимо, правы те исследователи, которые видят в этих противоречивых сообщениях не две различные версии происхождения династии Аршакидов, а лишь два аспекта в освещении одного и того же факта⁶. Политика отложившегося от Селевкидов

³ Rawlinson, *The sixth great oriental monarchy*, p. 44; idem, *Bactria*, v. 56.

⁴ Narain, *The Indo-Greeks*, p. 14.

⁵ САН, IX, 576.

⁶ Толстов, *Древний Хорезм*, стр. 233.

парфянского наместника Андрагора, склонявшегося, возможно, к признанию верховной власти новоявленного бактрийского царя Диодота, вызвала в Парфии восстание, в результате которого к власти пришла местная династия.

Естественно, что парфяно-бактрийские отношения в первые годы правления Диодота были довольно напряженными. Власть Диодота, возможно, распространялась и на Согд, наместником которого в это время был Евтидем, впоследствии занявший место Диодота на бактрийском престоле⁷. Вероятнее всего, в состав Греко-Бактрии входила Арея, а возможно и Маргиана.

Владения Аршакидов также не ограничивались собственно Парфией: вскоре к Парфии была присоединена соседняя Гиокания. Основатель Аршакидской династии к этому времени уже умер и Парфией правил его брат Тиридат, принявший тронное имя Аршака (в античных источниках Арсак). «Став таким образом владыкой двух государств, — сообщает Юстин, — Арсак, опасаясь как Селевка, так и Диодота, царя бактрийского, собрал огромное войско. Но вскоре, когда умер Диодот, Арсак, избавившись от страха, заключил с его сыном, тоже Диодотом, мирный договор. Через краткое время Арсак сразился с царем Селевком, пришедшим наказать отложившихся парфян, и победил его» (Just., XLI, 4, 8—10).

Хотя этот короткий отрывок — единственное сообщение источников о первых годах существования греко-бактрийского царства⁸, тем не менее он дает основания говорить об острых противоречиях и взаимной борьбе между Парфией и Греко-Бактрией. Когда после заключения мира с птолемеевским Египтом Селевк II (247—226 гг. до н. э.) перебросил свои главные военные силы на восток, Греко-Бактрия перед лицом надвигающейся опасности сочла необходимым предложить Парфии союз и не ошиблась в своих расчетах: парфяне отра-

---

⁷ Говоря об отпадении от Селевкидов восточных сатрапий, Страбон пишет: «Наместники взбунтовали прежде всего Бактриану, а друзья Евтидема — всю окрестную область» (Strabo, IX, 9, 2). Если только в данном случае у Страбона имя Евтидем не поставлено ошибочно вместо Диодот, то этот текст может свидетельствовать о том, что Евтидем был наместником Согда еще при Селевкидах (о различных вариантах перевода соответствующего места Страбона см. Григорьев, *Греко-бактрийское царство*, стр. 323). Поскольку события в этой неназванной области Страбон противопоставляет отпадению Бактрии, вряд ли он имел в виду Диодота. Правление Евтидема в Согде косвенно подтверждается значительной ролью его чекана в согдийской нумизматике (см. Массон, *Денежное хозяйство*, стр. 41—43).

⁸ Реконструируемая В. Тарном серия династических браков и женских политических интриг при дворе Диодота (Tarn, *The Greeks*, pp. 73, 74), сколь бы правдоподобными они ни казались самому автору, более уместна для исторического романа, чем для научного труда (см. Массон М., *Происхождение*, стр. 12, 13).

зили селевкидское наступление⁹, война не коснулась греко-бактрийских территорий.

Много неясного и во внутренней истории Греко-Бактрии. Из приведенного выше отрывка Юстина видно, что было два греко-бактрийских государя, носивших имя Диодот. Однако на всех греко-бактрийских монетах с именем Диодота изображено одно лицо (табл. 14, 5), и они выпущены явно одним правителем¹⁰. Вероятнее всего, на монетах изображен Диодот I, а Диодот II продолжал выпуск монет с портретом отца¹¹.

Евтидем и восточный поход Антиоха

Около 230 г. до н. э. греко-бактрийский трон занял Евтидем, происходивший из малоазиатского города Магнесии. Он пришел к власти вскоре после смерти основателя греко-бактрийского царства, свергнув его наследника и истребив семейство Диодота.

Подобные перевороты были обычным явлением в эллинистических монархиях. Династийная история Селевкидов и Птолемеев изобилует заговорами и кровопролитными междоусобными войнами. Не составляла в этом отношении исключения и Греко-Бактрия, тем более что здесь не было прочно установившейся династии с твердым порядком наследования. Уже более полутораста лет нумизматы не могут до конца разобраться в последовательности и взаимосвязях тех трех десятков греко-бактрийских и греко-индийских правителей, которые оставили потомкам серебряные и бронзовые монеты со своими портретами и претенциозными титулами.

⁹ Массон М., *Народы и области*, стр. 10.

¹⁰ Одна из последних попыток различить портреты Диодота I и II сделана А. Нарайном (Narain, *The Indo-Greeks*, pp. 16, 17) и, как и все предшествующие, оказалась малоудачной. На основании данных иконографии А. Нарайн пришел к выводу, что уже на монетах с именем Антиоха II имеются портреты двух правителей: Диодота I и Диодота II. Оба они, по мнению А. Нарайна, выпускали монеты и от своего имени. Поскольку монеты с именем Антиоха старше собственно греко-бактрийского чекана, противоречивость подобных заключений несомненна. Пытаясь различить двух Диодотов, исследователи обычно принимают за признаки, указывающие на это различие, разную степень совершенства, с которой вырезан штамп тех или иных монет.

¹¹ Некоторые исследователи считают, что монеты с именем Диодота — чекан Диодота II (Тагн, *The Greeks*, p. 73). Еще П. Гарднер, отмечая, что монеты с именем Диодота — несомненно чекан одного лица, указывал на три возможных разрешения возникающих противоречий: 1) Юстин не прав, различая двух Диодотов; 2) Диодот II продолжал чекан отца; 3) к Диодоту I относятся лишь монеты с именем Антиоха II, а монеты с именем Диодота выпущены Диодотом II (Gardner, *The coins of the Greek and Scythic kings*, p. XX). Нам кажется, что сходство портретов на монетах с именем Диодота позволяет склоняться ко второй гипотезе.

Переворот Евтидема лишь положил начало этой бурной полосе политической неурядицы, но само правление Евтидема характеризует этап известной политической стабилизации греко-бактрийского царства. В отличие от монет Диодота, которые сравнительно редко встречаются при раскопках, монеты с именем Евтидема известны в большом количестве, хотя находят их преимущественно в Бактрии. Особенно многочисленны полновесные тетрадрахмы, чеканенные этим правителем. На их оборотной стороне помещено изображение отдыхающего Геракла, а на лицевой — портрет самого Евтидема: упрямое, волевое лицо с твердыми складками у губ (табл. 14, б).

Нумизматические данные свидетельствуют о том, что Евтидем был одним из самых могущественных правителей Греко-Бактрии. На севере его власть распространялась на Согд. Едва ли, однако, в состав его владений входила Фергана, как это предполагают некоторые исследователи¹². Во всяком случае греко-бактрийские монеты почти не встречаются на местах древних поселений в Ферганской долине.

Евтидем, по-видимому, установил мирные отношения с Парфией, правители которой в это время пытались расширить свои владения за счет слабеющей монархии Селевкидов¹³. Однако внутренние силы основанной Селевком державы еще не были исчерпаны. Антиох III, вступивший на трон около 223 г. до н. э., приложил отчаянные усилия к восстановлению могущества селевкидского государства. К числу самых значительных его военно-дипломатических мероприятий относится поход на Восток, который он начал в 209 г. до н. э. Первые удары Антиоха III обрушились на Парфию. Одержав победу над парфянами, Антиох III тем не менее сохранил власть Артабана I над Парфией (признавшей, возможно, в какой-то мере сюзеренитет Селевкидов), рассчитывая, видимо, на ее поддержку в предстоящем столкновении с Греко-Бактрией.

Могущественный противник стоял теперь у самых ворот греко-бактрийского царства, и Евтидему пришлось мобилизовать все силы для отражения нависшей угрозы. Первое столкновение произошло на р. Арие (Герируд). На переправе селевкидские войска подверглись жестоким атакам бактрийской конницы. Антиох вынужден был лично принять участие в сражении, и лишь когда под прикрытием передовых отрядов

¹² Тагп, *The Greeks*, pp. 83, 84.

¹³ Несостоятельность предположения В. Тарна о том, что Евтидем отнял у парфян две сатрапии (Тагп, *The Greeks*, pp. 87, 88), отметил А. Нарайн (Narain, *The Indo-Greeks*, p. 23). В описании Бактрии Страбоном, являющемся единственным источником по этому вопросу, говорится следующее: «Эллины, овладевшие этой областью, разделили ее на сатрапии; две из них — Аспион и Турвиу — парфяне отняли у Евкратида» (Strabo, XI, 11, 2). У Страбона нет ни слова о том, что эти две сатрапии когда-либо ранее принадлежали парфянам, напротив, речь идет о парфянской агрессии.

переправились и построились в боевые порядки основные силы селевкидской армии, бактрийская конница была отброшена. «В этом сражении лошадь под Антиохом пала от раны, сам царь был ранен в рот и потерял несколько зубов, зато больше всего этому сражению он обязан славой храброго воина», — сообщает Полибий (Polyb., I, 14; X, 49).

Потерпев поражение, Евтидем с главными силами отступил к столице, видимо заблаговременно укрепленной и подготовленной к долгой осаде. Началась двухлетняя осада Бактр (207—206 гг. до н. э.). Весь ход войны поразительно напоминает легендарные рассказы Ктесия о вторжении в Бактрию ассирийцев. К сожалению, те части сочинения Полибия, в которых обстоятельно описывалась осада Бактр Антиохом III, не сохранились, так что мы знаем лишь о ходе мирных переговоров между Евтидемом и утомленным тяжелой осадой Антиохом III. От имени Антиоха переговоры с Евтидемом вел некто Телей. Ярко и образно передает Полибий доводы греко-бактрийского правителя, пользуясь, видимо, в данном случае каким-либо официальным источником о происходивших переговорах. «Не он первый, — продолжал Евтидем, — восстал на царя; напротив, он достиг владычества над Бактрианою тем, что истребил потомство нескольких других изменников. Долго говорил так Евтидем и наконец просил Телю оказать ему услугу в мирном посредничестве и убедить Антиоха оставить за ним царское имя и сан; если Антиох не исполнит его просьбы, то положение их становится небезопасным. На границе, — продолжал он, — стоят огромные полчища кочевников, угрожающие им обоим, и если только варвары перейдут границу, то страна наверное будет завоевана ими» (Polyb., XI, 34, 2—5).

Хотя подобные аргументы сами по себе были достаточно убедительны, не они, разумеется, сыграли решающую роль в политике Антиоха III. Уже то обстоятельство, что Евтидем мог вести переговоры с представителем Антиоха III, свидетельствует о том, что селевкидский правитель стремился найти достойный выход из тяжелого положения, в которое его поставила затянувшаяся осада Бактр. Стороны вскоре пришли к взаимному соглашению, закрепленному отправкой сына Евтидема, Деметрия, в лагерь Антиоха. Здесь и был заключен мирный договор, по которому царская власть осталась за Евтидемом, а его сын получил руку селевкидской принцессы. Союз был заключен, но трудно судить, признал ли Евтидем в какой-либо форме селевкидский сюзеренитет. Если подобное условие и содержалось в тексте письменного договора, о котором упоминает Полибий, оно имело чисто формальный характер.

После заключения мира Антиох III, получив от Евтидема запасы провианта, а также боевых слонов, отправился на юг.

Заклучив «дружественный союз с царем индийцев Софага-сеном», Антиох III вышел к побережью Персидского залива и южным путем вернулся в Вавилонию. Внешний успех восточного похода укрепил политические позиции Селевкидов на западе, но реальные достижения Антиоха III были незначительны. И Парфия, и Греко-Бактрия сохранили свою независимость, а вскоре усилили свою внешнеполитическую активность. При этом основное внимание Греко-Бактрии было устремлено на юг, где за Гиндукушем лежали богатые страны, вышедшие из-под власти распадающейся индийской империи Маурья.

Деметрий и «завоевание Индии»

Приблизительно в то время, когда Евтидем укрепил свою власть в Бактрии, начался закат империи Маурья, могущественные правители которой некогда принимали послов Селевкидов и Птолемеев. Гандхара и прилегающие к ней районы играли важную роль — в Таксилу обычно наместником назначался наследник престола. Так, при Биндусаре (преемник Чандрагупты) здесь правил его сын Ашока, а когда Ашока взшел на трон, он в свою очередь назначил наместником своего сына Кунала¹⁴.

Правление Ашоки (273—236 гг. до н. э.), власть которого распространялась и на Арахосию, было одним из блестящих периодов в истории империи Маурья. Государственной религией стал буддизм; под покровительством Ашоки в 253 г. до н. э. в Паталипутре состоялся буддийский собор, канонизировавший основные догматы вероучения. В широких масштабах разворачивается строительство культовых зданий (по преданию, Ашока построил 84 тыс. ступ). Возможно, к этому периоду относится первое проникновение буддизма в Кабулистан, но сохранившиеся на его территории буддийские ступы относятся как будто к более позднему времени. В разных местах своего обширного государства Ашока приказал высечь на скальные надписи дидактического содержания. Одна из таких надписей найдена во второй половине 50-х годов в районе Кандагара¹⁵. Она состоит из двух текстов сходного содержания: один из них написан по-гречески, а другой — на арамейском языке, введенном в употребление как канцеляр-

¹⁴ Г. Ф. Ильин считает, что, коль скоро при раскопках Таксилы IV—III вв. до н. э. не обнаружено первоклассных памятников искусства и архитектуры, едва ли этот город мог быть столицей северо-западных провинций империи Маурья (Ильин, *Таксила*, стр. 25). Однако следует иметь в виду, что обнаружение подобных памятников при раскопках — дело случая, если только они вообще не погибли при чрезвычайных обстоятельствах. На большую экономическую роль Таксилы в империи Маурья указывает прежде всего обильный чекан в самой Таксиле.

¹⁵ Schlumberger — Robert et les autres, *Une bilingue*, pp. 1—43.

ский язык еще при Ахеменидах. Наличие в наскальных надписях текстов на греческом языке свидетельствует о том, что значительная часть населения Арахосии, к которому обращается в своей надписи Ашока, была эллинизирована. Эта часть населения несомненно состояла не только из пришельцев — греков, но и из местных жителей, затронутых эллинизацией, и упоминается в индийских источниках под названием яванов (греков)¹⁶. Арамейская версия надписи могла быть понятна только для небольшой части местного ираноязычного населения (прежде всего чиновников административно-фискального аппарата), хранившего, видимо, традиции ахеменидского времени.

После Ашоки держава Маурьев начинает постепенно приходить в упадок. Отделяются и становятся независимыми некоторые области, в том числе и Гандхара (так, в Таксиле чеканилась своя монета). Возможно, одним из таких независимых правителей, владевших Кабулистаном, был Софагасен, с которым, как указывалось выше, Антиох III заключил «дружественный союз»¹⁷. Сюда и направил свои экспансионистские устремления Евтидем, благополучно избежавший опасности поглощения селевкидской державой.

Одним из основных источников, повествующих о завоевании северо-западной Индии, является восторженный панегирик правителям Греко-Бактрии, составленный Аполлодором из Артемиды и известный исследователям по «Географии» Страбона. «Бактрия, — сообщает Страбон, — обширна и производит все, кроме оливок. Эллы, отделившие эту страну, достигли такого могущества благодаря плодородности почвы, что подчинили себе даже Ариану и индийцев, как утверждает Аполлодор Артемиден, и покорили большее число народов, чем сам Александр. Отличился больше всех Менандр, который на востоке перешел Гипанис и дошел до Имая; одни завоевания он совершил сам, другие же — сын бактрийского царя Евтидема, Деметрий. Они овладели не только Паталеной, но также так называемым царством Сараостра и Сигердиды на остальной части морского берега» (Strabo, XI, 11, 1). Поскольку Паталеной в древности называли низовье Инда, а Сараостром (Surāshtra) — Катхивар, то, судя по источнику, греко-бактрийцы действительно захватили на юге громадные территории.

Не может быть сомнений в том, что упоминаемый Страбоном Деметрий, сын Евтидема, — тот самый юноша, который, как известно из текста Полибия, получил в жены селев-

¹⁶ NSIP, II, 102 (о наличии среди подданных Ашоки греков-яванов).

¹⁷ Исследователи отвергают предположение о том, что софагасен — титул одного из сыновей Ашоки (см. Rawlinson, *Bactria*, p. 71).

кидскую принцессу. Труднее определить время продвижения греко-бактрийцев за Гиндукуш. На основании сообщения источников о том, что правители Кабулистана были связаны какими-то договорными отношениями с Антиохом III, естественно предположить, что аннексия этой области Греко-Бактрией относится к тому времени, когда Антиох III, разбитый римскими легионами при Магнесии (190 г. до н. э.), лишился возможности реально влиять на положение, складывавшееся на крайнем востоке его владений. В. Тарн полагает, что наиболее вероятной датой начала похода Деметрия является 187 г. до н. э.¹⁸

Весьма трудно выяснить, какие именно территории удалось покорить Деметрию. В. Тарн готов видеть в Деметрии величайшего полководца, покорившего все страны, упоминаемые в приведенном отрывке Страбона¹⁹. В то же время А. Нарайн утверждает, что Деметрий, сын Евтидема, никакого отношения к завоеванию Индии не имел и был правителем только Бактрии. Согласно его теории, Деметрий завоевал лишь одну Гандхару, причем это был не сын Евтидема, а другое лицо (А. Нарайн называет его Деметрием II)²⁰. Имеющиеся данные, как бы скудны они ни были, заставляют склониться к мнению, что обе эти гипотезы защищают крайние точки зрения, в то время как истина где-то посередине.

Нет оснований утверждать, что Деметрий присоединил все территории, перечисленные Страбоном, но в равной мере нельзя отрицать и того, что ряд завоеваний в Индии совершил именно Деметрий. В Арахосии существовал город Деметрия, что несомненно свидетельствует о присоединении этой области к владениям наследника Евтидема. Возможно, город с подобным названием существовал и в верхней долине Инда, но это оспаривается некоторыми исследователями²¹. Сравнительно незначительное количество монет Деметрия и ограниченная территория их распространения свидетельствуют о том, что при этом правителе были сделаны лишь первые шаги к созданию обширного греко-индо-бактрийского государства²². Выделяется группа монет с легендой на лицевой стороне вокруг портрета Деметрия на греческом языке: «ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ» («царя Деметрия непобедимого») и

¹⁸ Tarn, *The Greeks*, p. 132. Впрочем, упорная дипломатическая борьба с Римом, начатая Антиохом после 197 г. до н. э., прочно приковала его внимание к восточному Средиземноморью еще до решающей битвы при Магнесии.

¹⁹ Ibid., pp. 131—132.

²⁰ Narain, *The Indo-Greeks*, pp. 24, 45.

²¹ Tarn, *The Greeks*, p. 142.

²² Монеты Деметрия встречаются главным образом в Бактрии, известны их находки также в Беграме, Бухаре, Сисстане, а одна медная монета Деметрия обнаружена в Таксиле.

с надписью письмом хароштки — на оборотной. Последнее свидетельствует о том, что они явно предназначались для индоязычного населения²³. Некоторые исследователи пытались отнести эти монеты к чекану Деметрия II, о существовании которого не упоминается в письменных источниках. Более вероятно предположение, что это монеты того же Деметрия, сына Евтидема. Завоевав ряд областей с индоязычным населением, он присвоил себе претенциозный титул и начал выпускать монеты с индоязычной легендой для обращения во вновь присоединенных областях: вероятнее всего, это были районы Гандхары, а возможно даже и Таксила²⁴. Подобное объяснение подтверждается и вышеприведенными словами Страбона, свидетельствующими о военных успехах Деметрия. Но еще в период правления Деметрия на политическом горизонте появляется новое лицо, оставившее яркий след в истории греко-бактрийского царства.

«Великий царь Евкратид»

Вот как повествует Юстин о правлении Евкратида: «Почти в одно и то же время стали царями Митридат в Парфии и Евкратид в Бактрии, оба великие мужн. Но судьба, более благосклонная к парфянам, довела их под водительством это-

²³ Медные монеты с легендой на аверсе «ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΙΚΗΤΟΥ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ» и на реверсе «maharajasa aradajitasa Dime...» известны сравнительно давно (см. Gardner, *The coins of the Greek and Scythic kings*, p. 163; pl. III, 3; Whitehead, *Catalogue of coins*, p. 14; pl. I, 26). В 1923 г. Р. Уайтхэд издал остающуюся до сих пор уникальную серебряную монету с аналогичной легендой на аверсе и надписью «Maharajasa aradajitasa Dimetriyasa» на реверсе (Whitehead, *Notes*, p. 317; pl. XIV, 2). Нет оснований приписывать этот чекан некоему Деметрию II, сыну Евтидема (по В. Тарну) или сыну Деметрия I (по А. Нарайну). Попытки доказать существование двух бактрийских правителей с именем Деметрий на основании одного «бактрийского» чекана монет государя, носившего это имя (СНГ, I, 448; Тагн, *The Greeks*, p. 77), малоубедительны, поскольку они исходят исключительно из несущественных различий в портрете изображаемого лица, могущих быть результатом разного качества штампов. Несколько своеобразен портрет на уникальной серебряной монете с двуязычной надписью. Но вполне возможно, что это изображение того же Деметрия в пожилом возрасте. Титул «ΑΝΙΚΗΤΟΥ» — «непобедимый» Деметрию дан и на монетепосвятельной серии Агафокла (Αγαπ, *Indian coins*, pl. III, 1). См. также Массон, *Деметрий Бактрийский и завоевание Индии*.

²⁴ А. Нарайн неоднократно и справедливо подчеркивает, что лишь у Агафокла мы находим монеты бесспорно таксильского чекана (Narain, *The Indo-Greeks*, pp. 32, 53). Но совершенно необязательно, чтобы овладевший Таксилой правитель немедленно перестроил свой чекан по таксильскому типу. Судя по малочисленности двуязычных монет Деметрия, его правление в Кабулистане и Гандхаре (или его чекан для Кабулистана и Гандхары) было весьма кратковременно. Разумеется, нет никаких оснований утверждать (особенно в свете передатировки слоев городища Сиркап), как это делает В. Тарн (Тагн, *The Greeks*, p. 137), что именно Деметрий построил в Таксиле новый город (Narain, *The Indo-Greeks*, p. 31, п. 8).

го правителя до вершины могущества. Бактрийцы же, ведя непрерывные войны, потеряли не только царство, но и свободу; измученные войнами с согдийцами, арахотами, дрангами, арями, они, в конце концов как бы обескровленные, были покорены более слабыми парфянами. И все же Евкратид вел многочисленные войны с величайшей храбростью; так, уже обессиленный ими, когда ему пришлось выдерживать осаду войск царя индов Деметрия, он постоянными вылазками с отрядом в 300 воинов победил 60 тыс. врагов. Во время обратного похода Евкратид был в пути убит своим сыном, которого перед тем сделал соправителем» (Just., XLI, 6, 1—5). Этот эмоциональный рассказ является как бы кратким конспектом истории правления Евкратида.

Поскольку парфянский царь Митридат вступил на престол около 171 г. до н. э., то, если верить упомянутому источнику, примерно в то же время в Бактрии захватил власть Евкратид, который воспользовался длительным отсутствием Деметрия (последний был в индийском походе). По вопросу о происхождении Евкратида существует два противоположных мнения. Ряд исследователей видит в нем полководца, честолюбивым устремлениям которого благоприятствовала сложившаяся в Бактрии обстановка. Другие высказывают предположение о возможной связи Евкратида с Селевкидами и, исходя из этого, готовы видеть в восстании Евкратида чуть ли не попытку Селевкидов подорвать греко-бактрийское могущество²⁵. Согласно этой версии, Евкратид был наместником одной из восточных сатрапий Селевкидов. Северным берегом Персидского залива он совершил трудный поход в Систан, нанес там поражение Деметрию и после этого утвердился в Бактрии. В качестве доказательства сторонники этой гипотезы ссылаются на монеты Евкратида, где на лицевой стороне помещен портрет самого Евкратида, а на оборотной — портрет пожилого мужчины и женщины с диадемой на голове (признак принадлежности к царскому роду). На лицевой стороне легенда: «Βασίλεὺς Εὐκρατίδης», на оборотной — «Νηλοχλέως καὶ Λαοδίκης». Не вызывает сомнения, что на оборотной стороне этих интереснейших монет изображены родители Евкратида²⁶, причем

²⁵ Tarn, *The Greeks*, p. 196 sq.

²⁶ Некоторые исследователи полагали, что на реверсе этих монет изображены сын Евкратида Гелиокл и невестка Лаодика и что монеты выпущены в честь бракосочетания наследника престола (Sallet, *Die Nachfolger Alexanders des Grossen*, S. 23; Толстов, *Древний Хорезм*, стр. 239). Однако анализ портрета Гелиокла на всех известных монетах этой серии ясно показывает, что он изображен в пожилом возрасте. Еще П. Гарднер отметил, что, поскольку имена Гелиокла и Лаодики стоят в генетиве, перед ними подразумевается скорее всего слово «сын», так что в целом легенду этих монет следует читать: «Царя Евкратида [сына] Гелиокла и Лаодики» (Βασίλεὺς Εὐκρατίδης [υἱοῦ] Ἡλιοκλέως καὶ Λαοδίκης) (Gardner, *The coins of the Greek and Scythic kings*, p. XXIV).

мать его, видимо в отличие от отца, принадлежала к числу членов какой-либо правящей (или свергнутой) династии. Единственно только на том основании, что имя Лаодика носили некоторые представители Селевкидской династии, В. Тарн утверждает, что на монетах изображена селевкидская принцесса. Однако это сравнительно широко распространенное греческое имя в равной мере могло принадлежать и женщине из любой другой эллинистической или эллинизированной династии. Остальные аргументы в пользу этой гипотезы еще менее состоятельны²⁷.

Во второй половине II в. до н. э. ослабевшее государство Селевкидов теснили с запада римские легионы, а с востока Парфия. Эти две опасности представляли главную угрозу селевкидским владениям, и, если бы нашелся энергичный полководец, пожелавший поддержать дряхлеющую монархию, его основное внимание несомненно должно было быть уделено Парфии, а не отдаленной Греко-Бактрии, достичь которой он смог бы лишь в обход парфянских владений²⁸. Скорее всего появление на греко-бактрийском престоле Евкратиды — результат внутривосточной борьбы в Бактрии²⁹.

Нет никаких данных и о том, что Евкратид проник в Бактрию с юга. Напротив, есть все основания считать, что областью его первоначального правления была именно Бактрия. Юстин прямо указывает, что Евкратид пришел к власти в Бактрии (Just., XI, 6, 1), а среди многочисленных монет с именем этого правителя наиболее ранними являются образцы именно бактрийского чекана³⁰. В Бактрии находился и город Евкратидия (Strabo, XI, 11, 3; Ptol., VI, 11). В состав владений

---

²⁷ Narain, *The Indo-Greeks*, pp. 54—56. Связь монетных типов Евкратиды и селевкидской эмиссии отнюдь не столь сильна, чтобы на этом основании можно было бы считать Евкратиды селевкидским генералом. Основной тип монет Евкратиды — скачущие Диоскуры — безусловно оригинален (табл. 9), и в селевкидской нумизматике его нет. В. Тарн считает, что Евкратид мог подражать вавилонской печати, на которой воспроизведены скачущие Диоскуры (Tarn, *The Greeks*, p. 204). Однако установлено, что изображение Диоскуров на реверсе монет Евкратиды с небольшим отличием повторяет известную скульптурную группу Лисиппа (Тревер, *Памятники греко-бактрийского искусства*, стр. 121).

²⁸ Об этом совершенно справедливо пишет А. Нарайн (Narain, *The Indo-Greeks*, pp. 56, 57).

²⁹ Это отмечал уже С. П. Толстов — один из первых рецензентов книги В. Тарна: «Гораздо естественнее по-прежнему видеть в Евкратиде руководителя восстания греческих поселенцев в Бактрии» (Толстов, *Подъем и крушение*, стр. 202, 203).

³⁰ Поскольку монеты Евкратиды с легендой: «царя Евкратиды» датируются более ранним временем чем с легендой: «царя великого Евкратиды», ранний чекан этого правителя представлен монетами с одной лишь греческой легендой. Позднее пышный титул появляется как на монетах с одной только греческой легендой (бактрийский чекан), так и на монетах с двуязычными надписями (индийский чекан).

Евкратиды входили также и заамударьинская Бактрия³¹ и, видимо, южная часть Согда³². Та часть Согда, в которой в наше время расположен Бухарский оазис, скорее всего отпала от Греко-Бактрии, о чем, вероятно, и свидетельствует вышеприведенный текст римского историка, упоминающего о войне Евкратиды с согдийцами³³.

Утвердившись в сердце греко-бактрийского государства, Евкратид выступил в поход на юг, туда, где за хребтами Гиндукуша армия Деметрия одержала блестящие успехи и захватила богатую военную добычу. Один из эпизодов этого похода отражен в сообщении Юстина о подвигах греко-бактрийского государя, осажденного якобы шестидесятитысячной армией. В целом поход был весьма удачен для Евкратиды: он присоединил к своим владениям Паропамисады, Арахосию и западную часть Гандхары³⁴. По словам Страбона, под властью Евкратиды была тысяча городов (Strabo, XV, 1, 3). Гордый своими успехами, Евкратид принял титул «великий». Монеты Евкратиды с этим титулом в таком изобилии представлены в музейных собраниях, что не приходится сомневаться в длительности правления этого государя. Индоязычные легенды этих монет, равно как и квадратная их форма (указывающая на связи с древним гандхарским чеканом), свидетельствуют о выпуске их в областях к югу от Гиндукуша.

Мысль о «незаконности» захвата греко-бактрийского престола, видимо, беспокоила Евкратиды. Именно этим следует объяснять чекан упоминавшейся выше серии тетрадрахм и драхм с изображением родителей Евкратиды. «Великий» царь стремился обратить внимание своих подданных на то обстоятельство, что его мать принадлежала к царскому роду³⁵.

Пока греко-бактрийский престол переходил из рук в руки, рядом с Греко-Бактрией все более крепло государство, став-

³¹ Об этом помимо распространения в указанном районе монет Евкратиды свидетельствует тот факт, что тип оболов Евкратиды послужил образцом для местного чекана монет (см. Дьяконов, *Работы Кафирниганского отряда*, стр. 171).

³² В кашка-дарьинском Согде был найден единственный в Средней Азии клад, содержащий около 100 греко-бактрийских монет, в основном Евкратиды (Массон М., *Монетные находки 1917—1927 гг.*, стр. 284). Монеты Евкратиды чаще, чем монеты каких-либо других греко-бактрийских правителей, встречаются в Средней Азии (см. Массон М., *Находки греко-бактрийских монет*, стр. 43).

³³ Видимо, в период правления Евкратиды в бухарском Согде начали чеканить монеты по образцу тетрадрахм Евтидема (см. Массон, *Денежное хозяйство*, стр. 41, 42). Легенда этих монет содержит титул (идеограмма MR'Y «государь») и, видимо, имя государя.

³⁴ Д. Маршалл отмечает, что нет данных, свидетельствующих о вхождении Таксилы (восточная Гандхара) в состав владений Евкратиды (Marshall, *Taxila*, vol. I, p. 30).

³⁵ Об этом вполне убедительно пишет А. Нарайн (Narain, *The Indo-Greeks*, p. 57).

шее со временем ее грозным противником. В правление Митридата I (171—138 г. до н. э.) Парфия, усилившаяся за счет присоединения к ней ряда селевкидских провинций в Западном Иране и Месопотамии, становится крупной державой. Парфяно-бактрийские противоречия, впервые возникшие еще на заре независимости обзих государств, вспыхнули с новой силой. Видимо, слишком заманчивой добычей казалось Митридату греко-бактрийское царство, ослабляемое бесконечными дворцовыми переворотами. Из сообщений Страбона известно, что Евкратид вынужден был уступить парфянам две сатрапии — Аспион и Туриву (Strabo, XI, 11, 2), расположенные, видимо, на западных границах греко-бактрийского царства³⁶. Тот же автор пишет, что парфяне, победив Евкратид, «присвоили себе часть Бактрианы» (Strabo, XI, 9, 2). Возможно, в данном случае речь идет о тех же двух сатрапиях, и во всяком случае нет никаких оснований утверждать, как это делают некоторые современные исследователи, что Митридат I какое-то время владел всей Бактрией³⁷.

Скорее всего парфяно-бактрийская война происходила еще до «индийского похода» Евкратид, который едва ли решился бы его начать, не имея обеспеченного тыла. Юстин прямо сообщает, что в последние годы своей жизни Евкратид совершил поход в Индию, при возвращении из которого и был убит своим сыном, вероятно Гелиоклом (последний наследовал, судя по нумизматическим данным, власть Евкратид в Бактрии)³⁸. Это событие скорее всего произошло около 155 г. до н. э. Период расцвета греко-бактрийского царства пришел к концу, начался его политический упадок.

Письменные источники почти ничего не сообщают относительно истории греко-бактрийского царства после смерти

³⁶ Местоположение этих сатрапий не установлено. Предположение о том, что Турива равнозначна Тапурии, представляется маловероятным (см. Тап, *The Greeks*, p. 88; Массон М., *О северо-восточных пределах парфянского государства*, стр. 147). См. также выше, стр. 106, прим. 13.

³⁷ В. Тарн полагает, что парфяно-бактрийское столкновение относится к концу правления Евкратид (Тап, *The Greeks*, p. 223). Отдельные находки парфянских монет в южной Бактрии (см., например, Fischer, *Preliminary notes*, fig. 5) могли быть связаны с развитием торговли.

³⁸ Некоторые исследователи пытались подвергнуть сомнению факт гибели Евкратид от руки сына. Предполагалось, что греко-бактрийского государя якобы убил сын Деметрия I (В. Тарн) или что Евкратид погиб в битве с парфянами (А. Каннингем). Но поскольку нет других данных о смерти Евкратид, кроме сообщения Юстина, необходимо следовать тексту этого источника. Некоторых исследователей приводил в смущение титул «справедливый», принятый Гелиоклом. Однако и Юстин сообщает, что сын Евкратид видел в убийстве отца не более как свершение справедливости: «Сын этот даже не старался скрыть отцеубийство, как будто он убил не отца, а врага. Он проехал на колеснице по отцовской крови и приказал бросить труп без погребения» (Just., XLII, 6, 5).

Евкратиды. Нумизматический материал для этого времени, напротив, очень обилен. Можно насчитать по крайней мере двадцать правителей и правительниц, которые, судя по легендам монет, царствовали в Греко-Бактрии или (для большинства из них это будет более справедливым) в греко-индийских сатрапиях. По-видимому, среди этих лиц были прямые потомки Евтидема и Евкратиды, добывавшиеся царской власти по «праву рождения». Но вряд ли приходится сомневаться в том, что многие из правителей были просто удачливыми военачальниками или политическими авантюристами. Исследователи положили немало труда, пытаясь разобраться в этом нумизматическом калейдоскопе имен царей и цариц, но результаты этих попыток весьма невелики. Ни одна из предложенных схем родословных связей, хронологии правлений местных царьков и границ их владений не может быть признана достаточно обоснованной³⁹.

Для суждения о том, какие именно территории могли входить в состав владений отдельных правителей, большое значение имеет топография монетных находок. В этом отношении особенно велика научная ценность коллекции монет, обнаруженных около селения Мир-Заках, к северо-востоку от Гардеза⁴⁰, на северо-восточной окраине Арахосии. Здесь находилось священное озеро, на дно которого бросали различные предметы, в первую очередь монеты. Естественно, что местные жители бросали те монеты, которые были у них в повседневном обращении.

Три монеты этой коллекции датируются второй половиной II в. до н. э. и выпущены правителем, по имени Антимах Теос («бог»), именуемым нумизматами Антимахом I⁴¹. На всех его монетах легенды на греческом языке. Чаще всего их находят на территориях древней Бактрии⁴² и Согды⁴³, что свидетельствует о том, что Антимах правил в какой-то из

---

³⁹ Уже первые попытки, делавшиеся в этом направлении, вызвали резкую, но справедливую критику В. В. Григорьева (см. Григорьев, *Греко-бактрийское царство*, стр. 343).

⁴⁰ Благодаря стараниям интеллигенции Афганистана значительная часть монет этой коллекции попала в Кабульский музей. Всего вместе с монетами древнеиндийского чекана в Кабульский музей из Мир-Закаха поступило около 9 тыс. монет (Curiel — Schlumberger, *Le trésor de Mir Zakah*).

⁴¹ Одна монета представляет собой обычную драхму с легендой: «царя бога Антимаха». Две другие — квадратные медные, с легендой на реверсе: «царя Антимаха». Поскольку Антимах II Никефор выпускал исключительно монеты с двуязычной легендой, прав, видимо, Р. Уайтхэд, относящий данные монеты к чекану Антимаха I (Whitehead, *Notes*, p. 104).

⁴² Так, в Кундузском кладе найдено 14 монет Антимаха I (Narain, *The Indo-Greeks*, p. 48). Гипотеза о правлении Антимаха в Маргиане нумизматически не обоснована.

⁴³ Кастальский, *Тетрадрахма-медаль Антимаха I*.

названных областей (скорее всего в Бактрии). Показательно, что этот правитель принял титул «Теос», возродив традицию обожествления правящих лиц, широко распространенную на Востоке и воспринятую в свое время Александром, но вызвавшую резкую оппозицию греко-македонского окружения Александра.

Желая, видимо, подчеркнуть свое родство с прежними греко-бактрийскими правителями, Антимах выпустил серию монет на лицевой стороне которых помещены портреты Диодота и Евтидема, а на оборотной — легенда с титулом Антимаха. Выпуск Антимахом монет квадратной формы (подражание местному чекану Гандхары) был, видимо, обусловлен его попытками продвинуться на юг от Гиндукуша⁴⁴. Идея Антимаха I о выпуске посвященной серии монет была подхвачена правителем, носившим имя Агафокл и правившим, видимо, где-то в пределах Гандхары. Во всяком случае бесспорно, что монеты Агафокла чеканены в Таксиле⁴⁵.

Одним из эфемерных правителей был некто Платон. Его изображение в боевом шлеме весьма напоминает портрет Евкратиды, современником которого он, видимо, являлся. Уникальная тетрадрахма Платона составляет счастливое исключение в греко-бактрийской нумизматике — на ней представлена дата выпуска по селевкидской эре: 166 г. до н. э. Монеты Платона имеют только греческую легенду, но где они были выпущены — в Бактрии, Дрангиане или Арахосии, сказать трудно.

Ко второй половине II в. до н. э. следует относить правление Архебия, Антиалкиды и Антимаха II Никефора. Все они выпускали монеты с греческими и индийскими легендами. Поскольку в коллекции Мир-Закаха довольно много монет всех трех правителей (97 монет Архебия, 124 — Антиалкиды и 133 — Антимаха II), то можно предположить, что Арахосия входила в сферу их политического влияния. Но особенно много в Мир-Закахе монет Аполлодота Сотера (587 штук) и Менандра (524 штуки). Имена этих правителей упоминаются и в письменных источниках. Так, индийские цари Аполлодот и Менандр упоминаются в оглавлении несохранившейся сорок первой книги истории Помпея Трога. В «Перипле Эритрейского моря», составленном в конце I в. н. э. египетским купцом, сообщается, что в Баригазах — крупной торговой га-

⁴⁴ О монетах квадратной формы, выпускаемых Антимахом I, см. прим. 41. Известна также круглая медная монета Антимаха I с изображением на аверсе идущего слона (Gardner, *The coins of the Greek and Scythic kings*, p. 164), что обычно считается характерной особенностью гандхарского, или даже, более узко, таксильского чекана. Обол Антимаха I найден в Белуджистане (Rapson, *Ancient silver coins*, p. 320).

⁴⁵ Едва ли во владения Агафокла входила какая-либо часть Арахосии — в Мир-Закахе найдено всего семь монет этого правителя.

вани в низовьях Инда — еще были в обращении «драхмы с вычеканенными греческими буквами именами царствовавших после Александра Аполлодота и Менандра» (Pergl., § 47). Наконец, как отмечалось выше, и Страбон, цитирующий в данном случае Аполлодора, считает Менандра правителем, совершившим наибольшие завоевания в Индии.

На основании того, что в источниках Аполлодот и Менандр упоминаются только вместе, В. Тарн предположил, что они были как-то связаны между собой; скорее всего это два полководца царя Деметрия, которые после его смерти создали большие независимые владения. Однако эта гипотеза не подтверждена какими-либо материалами.

Источники ничего не сообщают о первых этапах деятельности Аполлодота и Менандра. Судя по многочисленности монет с именами этих правителей, территории их владений и время пребывания у власти были достаточно велики. Трудно что-либо сказать о государстве Аполлодота, кроме того что в него, видимо, входили Гандхара и Арахосия. Не установленные также и хронологические рамки его правления⁴⁶.

Несколько больше сведений сохранилось о Менандре. Согласно буддийской исторической традиции. Менандр родился в селении недалеко от Александрии Кавказской (таким образом, он принадлежал по крайней мере ко второму поколению эллинских колонистов). Менандр был дальновидным политиком. Объединив под своей властью значительную территорию, он попытался укрепить социальную базу нового государства, опираясь не только на греко-бактрийские вооруженные силы, но и на определенные слои населения покоренных им стран. С этой целью он, видимо, и принял буддизм⁴⁷, который еще императоры Маурья возвели в ранг государственной религии. Запись его беседы с мудрецом Нагасеной стала одним из классических памятников буддийской литературы. Столицей Менандра был крупный город Сагала, соотвествующий, видимо, современному Сялкоту⁴⁸. Основой его

⁴⁶ Большинство исследователей относит Аполлодота к середине II в. до н. э., о чем свидетельствует как будто и тот факт, что его монеты перечеканивались Евкратидом. А. Нарайн на основании наличия монеты индо-сакского правителя Мауэса, перечеканенной Аполлодотом (Narain, *The Indo-Greeks*, p. 145), предлагает датировать его правление концом II в. до н. э. Возможно, что эта перечеканка относится к последним годам царствования Аполлодота.

⁴⁷ Некоторые исследователи ставят под сомнение сообщение источников о принятии Менандром буддизма, поскольку на его монетах помимо буддийских символов встречаются и другие изображения, в частности Афины Паллады. Но эти сомнения едва ли основательны. Достаточно вспомнить широкую веротерпимость Канишки. Реверс его монет — своеобразная галерея божеств различных религий.

⁴⁸ Различные точки зрения о локализации Сагалы см. у А. Нарайна (Narain, *The Indo-Greeks*, pp. 172, 173).

владений была Гандхара, но вероятно, что его власть распространялась и на Арахосию, а также далеко на юг, вплоть до низовий Инда ⁴⁹.

Правление Менандра скорее всего следует относить к середине II в. до н. э. Буддийская традиция повествует о том, что Менандр в конце своей жизни удалился от дел и передал власть своему сыну. Большого доверия заслуживает сообщение Плутарха о смерти Менандра в походе. Менандр как греко-индийский правитель и Евкратид как греко-бактрийский государь знаменовали период наибольшего политического подъема Греко-Бактрии рассматриваемого времени. Впоследствии на развалинах крупных, но непрочных политических объединений возникает целый ряд владений различной величины, знаменующих закат былой мощи державы.

Организация греко-бактрийского царства

Уже при Селевкидах вместо громоздких, во многих случаях этнически разнородных сатрапий были созданы административные округа, также называвшиеся сатрапиями, но занимавшие значительно меньшие территории. Такие новые сатрапии были образованы и на территории Бактрии. Названия двух из них — Аспион и Турива — упоминает Страбон (Strabo, XI, 11, 1), хотя и не сообщает их точного местоположения. Видимо, третьей сатрапией, также входившей в состав греко-бактрийского царства, была Траксиана. Это название вычеканено на монетах: местоположение Траксианы также точно не установлено ⁵⁰. По данным дорожника Исидора Харакского, сведения которого восходят скорее всего ко второй половине II в. до н. э., Арея состояла из двух сатрапий: собственно Арен и области Анабон, расположенной на границе с Дрангианой.

Во главе сатрапии находились должностные лица с титулом стратега. Этот титул встречается в легендах монет индо-

---

⁴⁹ Исследователи отмечают отсутствие индо-греческих монет в низовьях Инда (Whitehead, *Notes*, p. 101), на основании чего А. Нарайн склонен ограничивать индо-греческие владения в Индии чуть ли не одной Гандхарой (Narain, *The Indo-Greeks*, pp. 68, 69, 93). Но едва ли есть основания игнорировать прямое сообщение Страбона о границах завоеваний Деметрия и Менандра (Strabo, XI, 11, 1).

⁵⁰ На парфянских монетах конца II в. до н. э., выпущенных, видимо, в связи с походом на восток одного из парфянских государей, выбиты названия: «Маргиана, Арея, Траксиана». А. К. Марков полагал, что последнее слово — это название города *Tarxiána* в Кармании (Марков, *Арсакидские монеты*, стр. 17), но скорее это место должно находиться около Арен и Маргианы (ср. Tarn, *The Greeks*, pp. 88, 89). Возможно, что эти монеты выпущены Готарзом I (см. Newell, *The coinage of the Parthians*, pp. 480, 481).

сакских правителей, которые сохранили административную систему греко-индийских владений. Вероятно, многие из тех лиц, которые на монетах именуют себя царями, в действительности были именно стратегами небольших сатрапий.

Государственный строй Греко-Бактрии скорее всего напоминал организацию селевкидской державы с ее верховной властью монарха и совещательным органом из так называемых друзей царя — ближайших родственников и приближенных⁵¹. Во всяком случае едва ли царская власть в Греко-Бактрии была сильно ограничена родовой аристократией, подобно тому как это было в Парфии, где у власти находилась местная династия, лишь недавно сама вышедшая из среды этой аристократии.

Значительную роль в политической жизни страны играла армия. Недаром многие правители изображают себя на монетах в боевых шлемах, подчеркивая тем самым тесную связь с армией, проложившей им путь к трону. Армия состояла из отрядов воинов на боевых слонах, конницы и пехоты. В индийских источниках упоминаются еще боевые колесницы, а также лучники⁵². Кроме того, правитель, подобно другим эллинистическим монархам, имел личную гвардию. Так, В. Тарн отмечал, что Евкратид вступил в сражение с Деметрием, имея отряд из 300 воинов — традиционная численность придворной гвардии эллинистических правителей⁵³.

Так же как и в других эллинистических государствах, в Греко-Бактрии обожествлялись правящие лица, что несомненно тесным образом связано с усилением единоличной царской власти. Антимах I, правивший, судя по выпуску его монет, в первой половине II в. до н. э., был первым из эллинистических правителей, запечатлевших на монетах свой божественный титул. В государстве Селевкидов подобный титул впервые присвоил Антиох IV Эпифан (175—163 гг. до н. э.)⁵⁴.

Политический характер этого божественного культа царской власти вполне очевиден. Показательно, что первым из греко-бактрийских государей, принявшим титул «Бог», был не основатель царства Диодот и не могущественный Евтидем, а Антимах I, сравнительно незначительное лицо, политические претензии которого должно было подкреплять это громкое прозвище. Антимах, видимо, стремился обосновать традици-

⁵¹ Birkman, *Institutions des Séleucides*, pp. 40—50; Ранович, *Эллинизм*, стр. 141.

⁵² Бактрийская конница участвовала в пограничной битве с Антиохом III. Последнему Евтидем передал, согласно мирному договору, своих боевых слонов. О лучниках и колесницах см. Rhys Davids, *The questions of King Milinda*, pp. 7, 57, 60, 62.

⁵³ Tarn, *The Greeks*, p. 200.

⁵⁴ Тарн, *Эллинистическая цивилизация*, стр. 69.

онную преемственность своей божественной власти и выпустил памятную серию монет с портретами Диодота и Евтидема, также получивших культовые имена «освободителя» и «бога». Подобную серию вскоре выпустил и Агафокл, сам довольствовавшийся более скромным титулом «справедливого»⁵⁵.

Страна тысячи городов

Античная историческая традиция именует Греко-Бактрию страной тысячи городов. О тысяче городов, подвластных Евкратиду, пишет Страбон (Strabo, XV, 1, 3), а согласно Юстину, уже Диодот правил тысячью бактрийских городов (Just., XLI, 4, 5). Хотя это гиперболическое выражение было не более как литературным приемом, оно тем не менее в какой-то мере отражало и подлинное положение вещей: период существования греко-бактрийского царства был временем интенсивного развития городской жизни. Об этом прежде всего свидетельствуют данные письменных источников. Исидор Харакский в своем дорожнике приводит довольно обширный список городов-полисов, через которые проходили описываемые им маршруты. Он перечисляет 21 город в Арее, Дрангиане и Арахосии, причем нужно иметь в виду, что он не упоминает городов, находившихся в стороне от описываемых им маршрутов⁵⁶. Наряду с городами-полисами в дорожнике Исидора упоминаются и деревни.

К сожалению, этот источник не касается собственно Бактрии, и приходится ограничиваться предположением, что многие из 18 городов, которые Птолемей помещает в Бактрии (Ptol., VI, 11), уже существовали в греко-бактрийский период. Во всяком случае посетивший Бактрию в 129—128 гг. до н. э. Чжан Цянь сообщает о существовании там значительного числа городов, укрепленных стенами⁵⁷. Столица Бактрии, согласно его сообщению, именовалась Ланьши⁵⁸.

⁵⁵ На памятной серии Агафокла мы находим Александра, сына Филиппа, Антиоха Никатора («победителя»), Диодота Сотера («освободителя»), Евтидема Теоса и Деметрия Анякета («непобедимого»). Возможно, что столь же полной была памятная серия Антимаха и что монеты этого правителя с портретами Александра и Антиоха еще будут обнаружены.

⁵⁶ Едва ли правы исследователи, считающие, что у Исидора Харакского упоминаются все поселения, существовавшие в той или иной области. Если придерживаться этой точки зрения, то, согласно дорожнику, в Марчиане вообще не было деревень. Однако археологические исследования вскрыли в этом районе не одно поселение сельского типа (см. Массон М., *Народы и области*, стр. 25). Парфянские документы из Нисы I в. до н. э. упоминают целый ряд селений (QRYT'), отличаемых от городов-крепостей (BYRT').

⁵⁷ Бичурин, *Собрание сведений*, т. II, стр. 152; см. также перевод К. Еноки в кн.: Nagai, *The Indo-Greeks*, p. 129.

⁵⁸ По мнению ряда исследователей, Ланьши — китайская передача названия «Александрия». Это тем более непонятно, что во всех античных

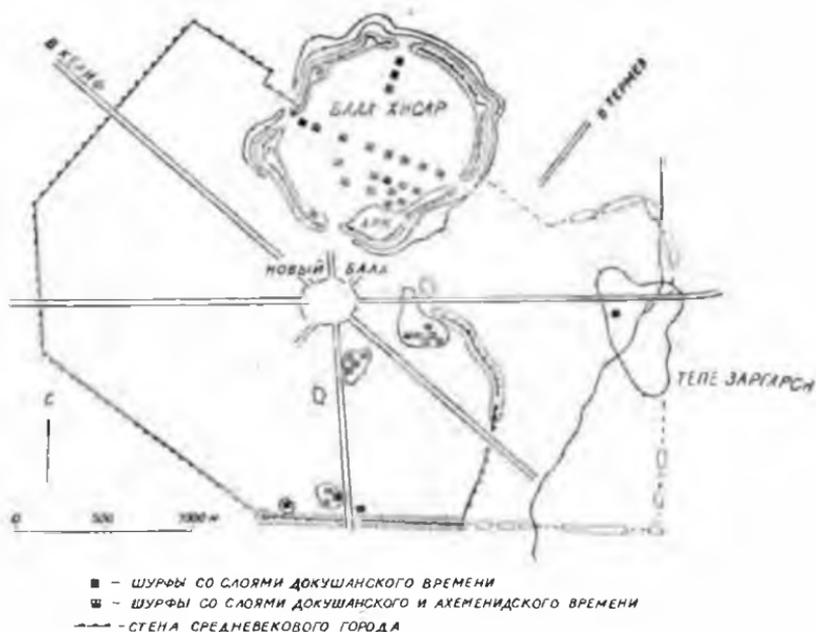

Рис. 8. План городища древних Бактр

Особенно тщательно была укреплена столица страны. Ее округа была обнесена стеной протяженностью около 75 км. Сооружение этой стены, остатки которой отмечают арабские авторы IX—X вв., возможно, относится еще к греко-бактрийскому периоду⁵⁹.

Археологические данные позволяют в известной мере составить представление о Бактрах III—I вв. до н. э. (рис. 8). Как и в середине I тысячелетия до н. э., центром города являлся район, называемый в наши дни Бала-Хисар, — огромное городище площадью около 120 га, хорошо укрепленное стенами и широким рвом. Ров наполнялся водой из р. Бактры, проходившей, согласно Страбону (Strabo, XI, 11, 2), через город (в настоящее время древнее русло этой реки трудно установить). Пригороды Бактр также занимали обширную

источниках столица страны называется ее древним именем — Бактры. Прозванием Бактр было и Зарнаспа. Хотя некоторые авторы называют Бактры и Зарнаспу отдельно (Птолемей), но, видимо, прав Страбон, писавший, что «Бактра называется также Зарнаспою» (Strabo, XI, 11, 2).

⁵⁹ Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*, стр. 8; Tarn, *The Greeks*, p. 118. В 1-й главе Видэвдата (часть Авесты, созданная сравнительно поздно, возможно, в парфяnsкое время) о Бактрии говорится как о стране (или городе) «с поднятыми знаменами». Сходное выражение отмечается и много позже в арабо-персидских источниках.

территорию. Раскопки, проведенные к югу от Бала-Хисара, в так называемом Новом Балхе, установили наличие здесь значительных слоев докушанского времени⁶⁰. Скорее всего этот растущий пригород также имел свои укрепления, но, судя по проведенным исследованиям, стена там была сооружена в период после падения греко-бактрийского государства⁶¹.

Хотя в III—I вв. до н. э. столица Бактрии значительно расширялась, ее облик в своих основных чертах сложился еще в предшествующий период. То же можно сказать и о Таксиле. Там город III—II вв. до н. э. занимал территорию городища Бхир-Маунд площадью 20 га, возникшего еще в ахеменидский период⁶². В северной Бактрии продолжалась жизнь на городище Калаи-Мир⁶³.

В греко-бактрийский период наряду с развитием ранее существовавших городов возникают и новые. Например, античные источники сообщают о существовании городов: Деметрии в Арахосии и Евкратидии в Бактрии. Возможно, это были заново отстроенные города, хотя часто в подобных случаях дело ограничивалось простым переименованием ранее существовавших поселений. Но, насколько позволяют судить данные археологии, именно в греко-бактрийский период возник тот тип городских поселений, который позднее получил очень широкое распространение. Город нового типа представлял собой правильный прямоугольник, огражденный крепостными стенами, усиленными прямоугольными башнями. Для внутренней планировки характерны пересекающиеся под прямыми углами улицы. Однако представление многих исследователей о том, что наиболее распространены были города с двумя основными магистралями, крестообразно пересекающимися в центре (так называемый гипподамов план), не подтверждается имеющимися материалами⁶⁴.

Новый тип поселений представлен городищем Кей-Кобадшах в северной Бактрии (Южный Таджикистан)⁶⁵, Беграмом

⁶⁰ Gardin, *Ceramiques*, pp. 109—111.

⁶¹ Young, *The south wall of Balkh-Baktra*, p. 276. Следует, однако, отметить, что объем археологических исследований, на основании которых написана статья Р. Юнга, весьма ограничен. Поскольку литенсивное обживание района Тепе-Заргарон и, следовательно, функционирование огибающего его обвода стен относится к кушанскому периоду, можно предположить, что внутренний обвод, исследованный американскими археологами, датируется докушанской эпохой.

⁶² Ильин, *Таксила*, стр. 24, 25.

⁶³ Дьяконов, *Археологические работы*, стр. 276.

⁶⁴ Там же, стр. 261, прим. 1. При раскопках в Таксиле обнаружен целый ряд прямоугольных кварталов, так что о доминировании крестообразной планировки не может быть и речи.

⁶⁵ Там же, стр. 259, 260. Возведение стен Кей-Кобадшаха относится, видимо, ко II в. до н. э. В I в. н. э. крепостные стены уже подвергались ремонту. См. Кузьмина — Певзнер, *Оборонительные сооружения*, стр. 83.

в Паропамисадах (Гиндукуш) ⁶⁶, одним из таксильских городищ — Сиржапом ⁶⁷ и целым рядом других памятников материальной культуры.

Хотя многие из этих городищ относятся уже к кушанскому периоду, сложение самого типа подобных поселений восходит к III—II вв. до н. э. Это заранее спланированные сооружения. Описание строительства такого города с четкой планировкой основных магистралей, заранее намечаемых архитектором, приведено в диалоге Менандра с буддийским мудрецом ⁶⁸. Для новых городов характерно и отсутствие цитадели правителя. Даже в тех случаях, когда, как например, в Таксиле, удается обнаружить остатки дворца правителя, он расположен не за укрепленными стенами цитадели, а в самом городе, по соседству с другими домами. Это обстоятельство свидетельствует о том, что если в середине I тысячелетия до н. э. городские поселения складывались у цитаделей мелких владетелей, то в греко-бактрийский период они возникают прежде всего как торгово-ремесленные центры ⁶⁹.

Подъем городской жизни, естественно, приводил к усилению политического значения городов. Многие исследователи утверждают, что эллинистическое наименование населенных пунктов обязательно должно указывать на наличие полисной организации ⁷⁰. Однако в действительности едва ли в Бактрии и соседних с ней областях самоуправляющиеся городские организации приобрели то выдающееся значение, как, например, в западных сатрапиях селевкидской державы ⁷¹.

Об этом свидетельствует один из наиболее надежных источников по этому периоду — нумизматический материал. Многие города Восточного Средиземноморья обладали правом выпуска собственной монеты и широко это право использовали. Однако в отличие от них в Бактрии и Гандхаре денежная эмиссия была царской монополией. Лишь в одном случае в легенде на оборотной стороне медной монеты Евкратида мож-

⁶⁶ Ghirshman, *Bégram*, pp. 15—17.

⁶⁷ Marshall, *Taxila*, vol. 1, pp. 112—117.

⁶⁸ Rhys Davids, *The questions of king Milinda*, p. 53.

⁶⁹ Не следует считать, что все города этого времени не имели цитаделей (так, цитадель упоминается при описании столицы Менандра Сагалы). Важно отметить самый факт появления нового типа городов, лишенных цитадели.

⁷⁰ Tarn, *The Greeks*, pp. 115, 118, 121.

⁷¹ В. Тарн в качестве доказательства широкого распространения в Бактрии городского самоуправления приводит следующее место из отчета Чжан Цяня о Западном крае (Дахя — Бактрия): жители Дахя «не имеют верховного главы, а почти каждый город составляет верховного правителя». Однако в данном случае ханьский эмиссар скорее всего имеет в виду политическую раздробленность, которая так четко прослеживается по нумизматическим материалам.

но видеть упоминание городского божества Каписы⁷². Изображение персонажа, олицетворяющего, видимо, божество — покровителя города, встречается на монетах Гиппострата и индосакских правителей I в. до н. э.⁷³, но во всех этих случаях в легендах обеих сторон монеты упоминаются лишь царское имя и титул. Отсутствие в Бактрии и Гандхаре монет городского чекана свидетельствует о незначительной политической роли городского самоуправления, подавляемого единоличной властью царя-правителя.

Экономика и общественный строй

Сведения о состоянии хозяйства в греко-бактрийском царстве очень скудны. Так, известно, что среди прочих злаков в Бактрии возделывался рис, о чем упоминает Страбон (Strabo, XV, 1, 18). На основании косвенных данных можно предполагать, что значительного развития достигла ирригация. В частности, широкое освоение области систанских озер и низовий Гильменда (древняя Дрангиана) было невозможно без создания достаточно развитой оросительной системы.

Процветание городских поселений также является свидетельством развития ремесел и торговли. Кроме того, в индийских источниках приводится подробный перечень ремесел, развитых в этих районах⁷⁴, а также упоминаются царские прядильно-ткацкие мастерские⁷⁵.

Письменные источники, как китайские, так и индийские, сообщают о значительном развитии торговли в Греко-Бактрии. Вещественным доказательством расцвета торговли является обилие монет этого периода. Монетный чекан ранних греко-бактрийских правителей (Диодота, Евтидема) во многом продолжает традиции селевкидского чекана Бактрии. Это преимущественно серебро аттического стандарта — тетрадрахмы (теоретический вес — 17,1 г) и драхмы (теоретический

⁷² Gardner, *The coins of the Greek and Scythic kings*, p. 19; pl. VI, 8. На аверсе этой и до сих пор уникальной медной монеты помещен портрет Евкратида в шлеме и легенда: «царя великого Евкратида», на реверсе — Зевс, сидящий на троне, и перед ним протом слона. Легенду реверса можно читать как: «Kavišīye paḡara-devata» (Rapson, *Notes*, pp. 783, 784). Уникальной остается и золотая монета без имени царя, на аверсе которой надпись: «ΤΑΥΡΟΣ», а на реверсе, по реконструкции Е. Рапсона, — «городское божество Пушкаравати» (Rapson, *Notes*, p. 787). Судя по палеографии, эта монета выпущена не раньше I в. до н. э. Если это действительно образец городского чекана, то странно, что он представлен золотом, а не медью. Показательно, что при раскопках Таксилы не обнаружено выпусков, которые можно было бы признать за городскую эмиссию, хотя здесь в изобилии найдены монеты местного чекана.

⁷³ Whitehead, *Notes*, pp. 29—31.

⁷⁴ Тревер, *Памятники греко-бактрийского искусства*, стр. 14.

⁷⁵ Ильин, *Особенности рабства в древней Индии*, стр. 43.

вес — 4,27 г). Выпускались также золотые статеры (8,55 г) и разменная медная монета, но последняя встречается редко).

С распространением власти греко-бактрийских правителей на Гандхару наряду с аттическим широкое распространение получает древний местный стандарт с весом: тетрадрахмы — 10,36 г и драхмы — 2,59 г. Первым монету этого стандарта стал выпускать, видимо, Деметрий, а при Евкратиде и его современниках монеты местного стандарта получают все более широкое распространение. Судя по нумизматическим материалам, со второй половины II в. до н. э. значительно сократился чекан монет аттического стандарта⁷⁶ и прекратился выпуск золотой монеты⁷⁷, зато заметно увеличился выпуск медной монеты, особенно тех типов, которые принадлежат скорее всего к гандхарскому чекану. Видимо, это свидетельствует о проникновении денежных отношений в сферу розничного товарооборота⁷⁸.

Отсутствие источников затрудняет и конкретную характеристику общественных отношений в греко-бактрийском царстве. Несомненно, что многочисленные войны способствовали увеличению числа рабов, подобно тому как это имело место в период походов Александра. Однако есть основания полагать, что рабовладельческий уклад не получил в Гандхаре и, видимо, в Бактрии того значения, какое он приобрел в общественно-строе рабовладельческих обществ Средиземноморья. Рабство в основном имело патриархальный характер⁷⁹, а сохранение земледельческой общины как замкнутой самовоспроизводящейся хозяйственной единицы в определенной степени архаизировало общественные отношения. Вместе с тем развитие торговли, подъем городской жизни, рост денежного

---

⁷⁶ Известны монеты аттического стандарта, выпущенные Антипатром и Менандром, а после обнаружения в 50-х годах Кундузского клада также и Архебием, Филоксеном, Лисием, Гермеем и Теофилом (наличие аттического стандарта — основной признак бактрийского чекана; см. Gardner, *The coins of the Greek and Scythic kings*, p. XXXIV). А. Нарайн даже предполагает, что выпуск Менандром монет аттического стандарта можно рассматривать как доказательство распространения власти этого правителя на север от Гандхары (Narain, *The Indo-Greeks*, p. 78). Однако монету аттического стандарта выпускали и монетные дворы Гандхары. Так, драхма аттического стандарта Аполлодота I по типам аверса (слон) и реверса (зебу) явно принадлежит гандхарскому чекану.

⁷⁷ Кроме Диодота и Евтидема золотую монету выпускал и Евкратид. Его монеты в 20 статеров — крупнейшие золотые монеты античности. Один экземпляр этой монеты хранится в Париже, другой в XIX в. находился в частной коллекции в Бомбее, третий — в сокровищнице эмира бухарского (см. Массон М., *Монетные находки 1917—1927 гг.*, стр. 284, прим. 6).

⁷⁸ Показательно, что в Таксиле найдены главным образом медные монеты, находившиеся в повседневном обращении. Преобладание драхм в коллекции из Мир-Закаха можно объяснить тем, что на дно священного озера было принято бросать именно серебряные монеты.

⁷⁹ Ильин, *Особенности рабства в древней Индии*, стр. 52.

обращения несомненно способствовали «превращению патриархальной системы рабства, направленной на производство непосредственных средств существования, в рабовладельческую систему, направленную на производство прибавочной стоимости»⁸⁰. Однако на основе имеющихся источников невозможно пока определить, как далеко зашел этот процесс в III—I вв. до н. э.

Проблема греко-бактрийского искусства

Следовало бы ожидать, что период греко-бактрийского царства, время политического симбиоза местной и эллинской государственности должно было отразиться и в области искусства, где древние местные традиции были обогащены блестящими достижениями жизнерадостного искусства эллинизма. К сожалению, ограниченность материалов привела некоторых исследователей к отрицанию роли Бактрии в развитии искусства⁸¹. Однако даже имеющиеся памятники отнюдь не позволяют столь пренебрежительно относиться к искусству греко-бактрийского периода.

Замечательным памятником искусства этого периода являются монеты, выпущенные греко-бактрийскими правителями.

Серия выразительных реалистических портретов греко-бактрийских правителей — Евтидема, Евкратида, Антимаха, помещенных на лицевой стороне монет, — один из выдающихся памятников медальерного искусства античности⁸². На оборотной стороне монет запечатлены образы божеств-покровителей царей Греко-Бактрии — Зевса, Геракла, Посейдона, Аполлона, братьев-близнецов Диоскуров (табл. 14, 5—10).

Как показало специальное исследование, проведенное К. В. Тревер, эти изображения копируют широко известные скульптурные группы, главным образом работы гениального греческого ваятеля Лисиппа. Видимо, в бактрийских городах того времени находились копии или повторения статуй работы Лисиппа или его школы. При раскопках в Нисе (под Ашхабадом) сокровищницы парфянских царей обнаружены прекрасные мраморные статуи III—II вв. до н. э., выполненные эллинистическими мастерами⁸³. Широкое распространение в Гре-

⁸⁰ К. Маркс, *Капитал*, т. 3, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 25, ч. 1, стр. 364, 365.

⁸¹ Мандельштам, *О некоторых результатах*, стр. 417. Этот «бактрийский нигилизм» бывший глава французской археологической миссии А. Фуше сохранил до настоящего времени (Foucher, *La civilisation iranienne*, pp. 258—261).

⁸² Тревер, *Памятники греко-бактрийского искусства*, стр. 114—131.

⁸³ Пугаченкова — Елькович. *Очерки*, стр. 20.

ко-Бактрии памятников греческого искусства несомненно способствовало творческому освоению достижений эллинизма. Есть основания полагать, что этот процесс начался уже в греко-бактрийский период, хотя расцвет нового искусства, объединившего лучшие достижения Запада и Востока, относится к значительно более позднему времени. Отдельные черты в изображениях греческих божеств на греко-бактрийских монетах указывают на то, что они выполнены местными мастерами. Возможно, что уже началось слияние образов божеств греческой и зороастрийской мифологии⁸⁴.

Эллинистические черты прослеживаются на некоторых художественных изделиях из драгоценных металлов, видимо относящихся к греко-бактрийскому периоду (табл. 10).

Падение греко-бактрийского царства

Примерно через сто лет после образования Греко-Бактрии появились признаки, свидетельствующие о ее постепенном упадке. Частые дворцовые перевороты, междоусобные войны, политическая раздробленность государства несомненно отрицательно сказывались на экономическом благосостоянии Бактрии, Гандхары, Арахосии и соседних областей. Лишенная внутренней политической устойчивости, Греко-Бактрия подвергалась вместе с тем сильному внешнему давлению: на западе усиливавшаяся парфянская держава захватывала одну область за другой, а на севере перешли в наступление многочисленные племена кочевников.

В таких тяжелых условиях начиналось правление Гелиокла — последнего греко-бактрийского правителя. Вероятно, его власть распространялась лишь на собственно Бактрию, а районы к югу от Гиндукуша уже тяготели к индо-греческой державе Менандра. Согдиана, отделившаяся от греко-бактрийского царства, попала, по-видимому, в сферу политического влияния одного из северных кочевых объединений, называемых в китайских источниках Кангюем. Однако окончательно Греко-Бактрия распалась под ударами кочевников, пришедших из центральных районов Азии.

Усиливающееся гуннское объединение принудило к переселению группу кочевых племен, называемых китайскими источниками юечжами. Юечжи, сообщает китайская историческая хроника, «удалились на запад, пройдя через Давань

⁸⁴ Изображение на реверсе монет Деметрия Артемиды с сиянием вокруг головы (элемент, совершенно нехарактерный для греческого искусства) некоторыми исследователями трактуется как образ Анахиты. Воспроизведение этой монеты см. Gardner, *The coins of the Greek and Scythic kings*, pl. III, 1.

(Фергану), напали на Дахя (Бактрия) и покорили это государство. Столицу основали на северной стороне реки Гуйшуй (Аму-Дарья)»⁸⁵. Одновременно на территорию Греко-Бактрии вторглись и группы среднеазиатских кочевников. Падение Греко-Бактрии условно можно отнести к 140—130 гг. до н. э. Возможно, что после захвата Бактрии кочевниками Гелиокл сохранил небольшое владение в Паропамисадах или Арахосии⁸⁶.

Просуществовав лишь немногим более столетия, греко-бактрийское царство тем не менее оставило яркий след в истории Бактрии и ряда соседних стран. Это был период подъема городской жизни и развития товарного обращения. Распространение власти греко-бактрийских правителей на север Индии и временное объединение под единой властью Бактрии и Гандхары несомненно способствовали развитию межобластной торговли. Эти экономические предпосылки в немалой степени содействовали тому, что объединение двух высокоразвитых областей, не удавшееся потомкам Евтидема и Евкратиды, полтора столетия спустя было осуществлено кушанскими правителями.

Однако греко-бактрийские цари не смогли обеспечить внутриполитической устойчивости объединяемых стран. Попытки установить прочную государственную организацию, имевшие, видимо, место при таких правителях, как Евтидем или Менандр, не привели к сколько-нибудь прочным результатам. Честолюбивые полководцы стремились урвать свою долю добычи и власти, усиливая политическую раздробленность, препятствующую развитию экономики стран, входивших в Греко-Бактрию. Есть все основания полагать, что одним из важнейших источников внутренней слабости Греко-Бактрии были противоречия между греко-македонской верхушкой и местным населением. Греко-бактрийским правителям не удалось устранить эти противоречия.

История греко-бактрийского периода понимается многими буржуазными исследователями чисто механически. Так, все

⁸⁵ Бичурин, *Собрание сведений*, т. II, стр. 183, 184.

⁸⁶ Наряду с монетами Гелиокла аттического стандарта с греческой легендой известны его же монеты местного стандарта и с двуязычной легендой. На основании некоторого различия в портретах, помещаемых на монетах этих двух групп, ряд исследователей полагает, что было два разных правителя по имени Гелиокл (Whitehead, *Notes*, pp. 211—214; Narain, *The Indo-Greeks*, p. 105). Но, скорее, более прав П. Гарднер, предполагавший, что монеты Гелиокла с двуязычной надписью относятся к тому периоду, когда он был вытеснен из Бактрии кочевниками (Gardner, *The coins of the Greek and Scythic kings*, p. XXX). Портрет на этих монетах изображает весьма пожилого человека. Против версии о существовании двух Гелиоклов свидетельствует и то обстоятельство, что титулатура на монетах обеих групп одинакова: «Царя Гелиокла справедливого».

более или менее значительные достижения (развитие городов, денежного обращения, культуры) эти исследователи приписывают чисто внешнему фактору — созданию в Бактрии и соседних странах значительной прослойки греко-македонских колонистов. Попытка объяснить бурный расцвет Греко-Бактрии исключительно эллинской колонизацией противоречит данным источников, которые отнюдь не содержат сведений о грандиозной иммиграции при Селевкидах.

В действительности же подъем городской жизни, наблюдаемый в греко-бактрийский период, восходит к процессам, происходившим в Бактрии и соседних странах еще в середине I тысячелетия до н. э. Распространение эллинистических форм в культуре и политической жизни в значительной мере объясняется не столько притоком колонистов, сколько тем, что эти формы в значительной мере соответствовали развивающейся экономике и складывающимся социальным отношениям в странах эллинистического Востока ⁸⁷.

---

⁸⁷ Дьяконов, *История*, стр. 136.

Глава V

СМУТНЫЙ ПЕРИОД

Падение греко-бактрийского царства явилось началом нового периода в истории Бактрии и соседних стран. То было время, когда на территорию Бактрии и Дрангианы, Арахосии и Гандхары в значительном числе проникали кочевые племена. Их вожди становятся владельцами земледельческих оазисов и продолжают политические традиции греко-бактрийских и греко-индийских правителей. Есть основания считать, что распространение во II—I вв. до н. э. в Бактрии, Дрангиане, Арахосии и Гандхаре кочевых племен, особенно племен сакского происхождения, имело большое значение для этногенеза афганского народа.

Называя этот период смутным, мы исходим не только из того, что отрывочные сведения письменных источников позволяют лишь в самых общих чертах определить происходившие тогда события. Подобная отрывочность сведений источников характерна и для многих других периодов древней истории Афганистана и соседних с ним стран. Но даже те сведения, которыми располагают исследователи, свидетельствуют о том, что после разгрома Греко-Бактрии наступило время политической раздробленности: в одних районах уже господствовали вожди вторгшихся кочевников, в других власть еще сохраняли последние греко-македонские правители, а в третьих в значительной мере проявлялось влияние парфянской державы. Все эти правители и царьки враждовали между собой, границы их владений часто менялись, и только по нумизматическому материалу можно проследить пеструю картину политического калейдоскопа, разобраться в котором удастся далеко не всегда. К числу наиболее неясных событий относится и падение Греко-Бактрии под ударом кочевых племен.

Юечжи-завоеватели

Захват Греко-Бактрии кочевыми племенами освещают три группы источников: сочинения античных историков, китайские

хроники и археологические материалы¹. Страбон, сведения которого об этих событиях, видимо, восходят к Аполлодору, пишет: «Наиболее известны из кочевников те, которые отняли у эллинов Бактриану, именно асии, пасианы, тохары, сакаравалы, вышедшие с того берега Яксарта, что подле саков и согдианов и занят саками» (Strabo, XI, 8, 2). Древний Яксарт (современная Сыр-Дарья) в своем среднем течении служил естественной границей между оазисами с оседлым населением и районами обитания кочевых или полукочевых племен. Помпей Трог также называет две кочевые народности — сарауков и асианов, занявших, по его словам, Бактрию и Согд². Как сообщает греко-римские авторы, движение кочевых племен, опрокинувших царство Гелиокла, не ограничивалось пределами греко-бактрийских владений. Кочевые племена вторглись также и в Парфию, правители которой в это время были заняты борьбой с Селевкидами за западный Иран и Месопотамию. В этой борьбе парфянский царь Фраат II (138—128 гг. до н. э.) рассчитывал, видимо, использовать в качестве союзников кочевые племена, которых источники называют собирательным именем «скифы» (Just., XLII, 1, 1 и сл.). Однако Фраату не удалось наладить отношения с новыми союзниками; кочевники не получили обещанного им вознаграждения, произошло столкновение, в котором Фраат II был убит (128 г. до н. э.). Такова версия, сообщаемая античным историком. Поскольку, однако, двум последующим аршакидским правителям пришлось вести на востоке своих владений тяжелые бои с кочевниками, можно сомневаться в том, добровольно ли Фраат II призвал на помощь скифские отряды. После гибели Фраата II парфянским царем стал дядя убитого, Артабан I. В это время кочевники, опустошив восточную часть страны, уже ушли из пределов парфянского государства, хотя их объединение по-прежнему оставалось главным противником Парфии. Артабан, видимо, пытался захватить в свои руки инициативу в борьбе с кочевниками. Но его действия также окончились неудачей. Как сообщает Юстин, он напал на тохаров (Страбон упоминает их в числе племен, сокрушивших Греко-Бактрию) и погиб в одном из сражений с ними в 124 г. до н. э. (Just., XLII, 2, 2). Лишь сыну Артабана, Митридату II (124—87 гг. до н. э.), подлинному основателю могущественной парфянской империи,

¹ Большое значение для изучения периода падения Греко-Бактрии имеют раскопки курганных могильников в северной Бактрии (см. Мандельштам, *О работах*, стр. 71—74).

² Это сообщение сохранилось не в сокращенном варианте сочинения Трга, которое приводит Юстин, а в оглавлении к 41-й книге самого Трга: «Scythicae gentes Saraucacae et Asiani Bactria occupavere et Sogdianos» (Trogius, *Plog*, XLI). Некоторые исследователи полагают, что сарауки заняли Бактрию, а асианы — Согд (см. Marquart, *Erānsahr*, S. 205; ср. Altheim, *Weltgeschichte Asiens...* I, S. 11).

удалось справиться с опасностью, нависшей над страной: «Несколько раз, — сообщает тот же Юстин, — вел он со скифами удачные войны и отомстил за обиды, нанесенные его предкам» (Just., XLII, 2,5).

Таким образом, античные историки достаточно определенно сообщают о крушении Греко-Бактрии, захваченной кочевыми племенами, и связанных с этими событиями скифо-парфянских войнах 20-х годов II в. до н. э.

Обратимся теперь к другому кругу источников. Китайские хроники следующим образом описывают события в «Западном крае». Кочевые племена юечжиев, жившие в Центральной Азии, подверглись нападению гуннов. После того как правитель юечжиев был убит гуннским вождем Модэ (206—174 гг. до н. э.), сын первого увел свое племя на запад. Однако гунны настigli его и убили. Сын убитого, имя которого, как и двух предшествующих правителей, не сообщается, покорил страну Дахя. Именно в этой стране его застал в 128 г. до н. э. глава китайской миссии Чжан Цянь. В своем отчете Чжан Цянь писал: «Первоначально дом юечжи занимал страну между Дуньхуан и Цилян-шань; когда же хунны поразили его, то удался оттуда, перешел от Давани на запад, ударил на Дахя и покорил сие владение, вследствие чего и утвердил свое местопребывание на северной стороне реки Гуй-шуй»³.

Анализ географических терминов, употребляемых китайскими авторами, показывает, что первоначальным местом обитания юечжей была область Кансу, Давань — это Фергана, Дахя — Бактрия, а Гуй-шуй — Аму-Дарья. Таким образом, несомненно, что китайские источники, как и античные, освещают события, связанные с падением Греко-Бактрии. Однако юечжи не единственная народность, о передвижении которой в это время сообщают китайские источники. Так, в «Истории династии Ранняя Хань» сообщается, что юечжи вытеснили из земель усуней в северной Киргизии живший там народ сэ. Царь сэ удался на юг и занял государство Гибинь, т. е. область Кашмира и соседние с ним территории⁴.

Эти источники позволяют в общих чертах определить хронологию описываемых событий. Движение юечжей из района Кансу в земли усуней произошло не позднее 160 г. до н. э.⁵ Вскоре после этого юечжи завоевали Бактрию (Дахя). Во всяком случае в 128 г. до н. э., когда туда прибыл Чжан Цянь, она уже была подчинена юечжами. Из этого

³ Бичурин, *Собрание сведений*, т. II, стр. 151.

⁴ Там же, т. II, стр. 179, 190, 191.

⁵ Франке, *Zur Kenntnis*, S. 55; Haloun, *Zur Ue-tsi Frgae*. А. Нарайн (Narain, *The Indo-Greeks*, p. 123) приводит следующие варианты этой даты, предлагаемые современными историками, исследовавшими китайские хроники: 174—158, 172—160; 172—161/60 гг. до н. э.

можно сделать вывод, что наступление в этот период кочевников на Парфию было дальнейшим движением кочевых племен. Подчинив своей власти Греко-Бактрию, они в поисках новой добычи вторглись в пределы Парфии. Преобладает точка зрения, что завоевание Греко-Бактрии произошло между 140 и 130 гг. до н. э.⁶, но возможно, что это событие относится и к несколько более раннему времени.

Многие исследователи пытались найти точные филологические соответствия имен кочевых племен, упоминаемых китайскими хрониками и античными историками. Но несомненно доказано только соответствие названий сэ и саки⁷. Таким

⁶ Тагп, *The Greeks*, p. 294. А. Нарайн (Nagain, *The Indo-Greeks*, p. 133) приводит следующие варианты датировок: 158 (Ширагори), 160/61 (Фулзита) и 139 (Кувабара) гг. до н. э. Из них 139 г. до н. э. как нижняя граница не может вызывать особых сомнений. Попытка считать верхней границей этой даты правление Геллиокла (140 г. до н. э.) не имеет оснований, поскольку это правление не может быть точно датировано и его хронология в свою очередь зависит от даты вторжения юечжей. Сообщение о поездке Чжан Цяня как будто позволяет считать, что подчинение юечжами Бактрии произошло незадолго до его прибытия в эту страну. Китайский историк Сыма Цянь, сообщая о поездке Чжан Цяня из Давани к юечжи, пишет: «В то время хунны убили старшего его [правителя юечжей] сына, который, покорив Даха, остался здесь жить» (Бичурин, *Собрание сведений*, т. II, стр. 148; см. также следующее примечание).

⁷ Из вариантов объяснения, почему Бактрия названа Даха, наибольший интерес представляет гипотеза И. Маркварта (Marquart, *Eransahr*, S. 204—210), поддержанная некоторыми другими исследователями. И. Маркварт отождествляет название Даха с именем тохаров и Тохаристаном — позднейшим названием приамударьинских областей. Если данная гипотеза верна, то ее можно рассматривать как свидетельство того, что ко времени Чжан Цяня, доставившего в Китай первые сведения о Дахе, прошел известный период после покорения Бактрии кочевниками, поскольку древнее название страны уже начало вытесняться новым (см., однако, возражения В. Тарна против отождествления Даха и тохаров — *The Greeks*, pp. 296, 297). С большим основанием можно говорить об отождествлении сакараваков (сакараулы Страбона и сарауки Трого) с саками (сэ). Некоторые исследователи считают, что у Страбона приведены названия не четырех, а только трех племен; они читают: «Πασιάνος» (пасианы) вместо «ῥασιάνος» (асианы) (см. Haloun, *Zur ūe-tsi Frage*, S. 244; Bachhofer, *On Greeks and Sakas*, p. 243). Однако подобное утверждение неубедительно. В. Тарн предлагает видеть в пасиак народность по имени «парси», сопоставляя это название с именами двух селений в Паропамиадах (Πασιάνα и Παρσία — Ptol., VI, 18), куда, по его мнению, переселилась часть этого племени (см. Тагп, *The Greeks*, pp. 292, 293). Интересна предложенное сопоставление названий пасианы и патаны (Bailey, *Ariaca*, p. 151). Следует вместе с тем подчеркнуть, что утверждение В. Тарна о проникновении пасианов в район Кабула (Тагп, *The Greeks*, p. 472) не более как труднодоказуемая гипотеза. С возражениями против отождествления пасиев с паштунами выступил Э. А. Грантовский (Грантовский, *Из истории восточноиранских племен*, стр. 12—15). В свою очередь он предложил видеть предков паштунов в парсиетах (Грантовский, *Племенное объединение*, стр. 90). Наконец, в специальной литературе широко распространено убеждение, что название тохары у Страбона и Трого соответствует юечжам китайских хроник или во всяком случае является наименованием одного из юечжийских племен.

образом, можно заключить, что широкое движение кочевых племен, последовавшее за столкновением гуннов и юечжей, сдвинуло с места самые различные племенные группы, в основном говорившие на языках восточноиранской группы. Главенствующую роль среди кочевников, судя по китайским источникам, играли юечжи, занявшие территорию Бактрии. В более южные области (Дрангиану, Арахосию, Гандхару) проникли сакские племена. Это вторжение увеличило и без того большую политическую раздробленность перечисленных стран. Политическая обстановка осложнялась и усиливающимся давлением на эти области со стороны Парфии.

Парфянское проникновение в Сакастену и Арахосию

Парфянскому царю Митридату II, как уже отмечалось выше, удалось отразить нападение кочевников. Достигнутые Митридатом II успехи привели к расширению восточных границ парфянского государства, которому еще в правление Митридата I удалось захватить две греко-бактрийские сатрапии (Strabo, XI, 11, 2). Теперь на востоке парфянам противостояла не централизованная держава Евкратиды, а целый ряд отдельных владений, часть которых подчинилась вторгшимся кочевникам.

Уже Страбон (Strabo, XI, 9,2) сообщает, что парфяне захватили часть Бактрии, одержав победу над скифами. Вероятнее всего, это произошло в годы правления Митридата II, поскольку парфянские драхмы, на которых помещены названия Арея, Маргиана, Траксиана, а также надпись «в походе», датируются концом II — началом I в. до н. э. По-видимому, эти монеты были выпущены в память походов в Арею, Маргиану и еще какие-то смежные с ними районы. Правда, лицо, изображенное на этих монетах, не похоже на самого Митридата II. Возможно, данная серия была выпущена лицом, назначенным Митридатом II своим соправителем на востоке, который и осуществил завоевание названных на монетах областей⁸.

Области, вошедшие в состав парфянского государства, перечислены в дорожнике Исидора Харакского, использовавшего официальные данные, восходящие к рассматриваемому пе-

⁸ Таково предположение, высказанное В. Тарном (САН, IX, 584), и, хотя ему как будто противоречит сообщение Юстина о том, что Митридат II сам воевал со скифами, оно остается наиболее вероятным. А. К. Марков (*Арсакские монеты*, стр. 15, 16) полагает, что это монеты чекана Фраата II. Однако это маловероятно. Ж. де Морган считает их монетами Артабана II, будто бы правившего после Митридата II (de Morgan, *Manuel de numismatique orientale*, p. 155). Э. Ньюэлл относит их к чекану Готарза I, допуская, что выпустившее их лицо было соправителем Митридата на востоке (Newell, *The coinage of the Parthians*, pp. 480, 481). См. также гл. IV, прим. 50.

риоду. Исидор Харакский, описывая путь из Маргианы в Арею, далее через Анабон (названный арейской областью) и Дрангиану, называет после Дрангианы область Сакастену, страну саков-скифов.

Упоминание этой области, в основном соответствующей местоположению современного Сеистана, свидетельствует о значительных изменениях, происшедших в этих районах со времени ахеменидской империи или Александра Македонского. Значительная часть древней Дрангианы⁹ была занята сакскими племенами, по имени которых стала называться вся страна. Вероятнее всего, здесь произошел процесс оседания кочевников и включения их в состав оседлого населения, как это имело место, например, в Согде и северной Бактрии. Вместе с тем значительная часть сакских племен могла сохранить и кочевой образ жизни, занимаясь отгонным скотоводством, которое и в наши дни является основным занятием значительной части населения Сулеймановых гор и ряда районов Кандагарской провинции¹⁰, не говоря уже о такой классической области горного скотоводства, как Хазараджат. В этой связи особенно важное значение имеет изучение памятников кочевых племен в названных областях, и в первую очередь курганных могильников; оно не только прольет свет на вопросы истории хозяйства, но и поможет разрешить проблему ранних этапов этногенеза афганского народа.

Несомненно, что приход саков в район Дрангианы связан с теми передвижениями кочевых племен, которые происходили во второй половине II в. до н. э. Возможно, что, потерпев поражение в борьбе с парфянами, группы сакских племен отступили в Дрангиану¹¹.

---

⁹ Исидор Харакский сообщает, что протяженность Дрангианы — 21 скойна (около 126 км) и на пути два города, а Сакастены — 63 скойны (около 378 км) и на пути шесть городов.

¹⁰ Представление о том, что Дрангиана была занята именно кочевыми племенами, нашло отражение в сообщении Стефана Византийского о том, что г. Арахосия находится неподалеку от массагетов, которых античные авторы считают типичными кочевниками. Арахосия Стефана Византийского, видимо, и есть тот город *Αραχωσία* на востоке провинции Арахосия, который упоминает Исидор Харакский. Стефан Византийский добавляет, что этот город называют также Кофеном (*Κοφήν*). Характер этого названия дает основания предполагать, что этот город был где-то в районе Кабула.

¹¹ Возможно, что некоторые кочевые племена жили в Дрангиане и до II в. до н. э., но бесспорных данных об этом нет. Распространенная датировка оседания в Сакастене сакских племен — 150 г. (Э. Рапсон) или 155 г. (В. Тарн) до н. э. — вполне вероятно, но получена на основании произвольных расчетов (см. прим. 43 к этой главе). Малообоснованно и утверждение о том, что саков в Сакастене поселил Митридат I. Имеющиеся в источниках крайне смутные сообщения о распространении его власти до Индии совершенно недостаточны для того, чтобы сделать такой вывод (см. САН, IX, 579; Herzfeld, *Sakastan*, S. 40).

Следующей за Сакастеной Исидор Харакский называет Арахосию и, заканчивая ее описание, добавляет, что до этого места распространяется власть парфян¹². Таким образом, парфянские Аршакиды стали частично преемниками греко-бактрийских правителей, распространив свою власть на Арею, Дрангиану и Арахосию. Но в известной мере эти страны имели независимое положение в парфянской империи, о чем свидетельствует целый ряд данных. Так, при описании Сакастены Исидор Харакский приводит интересную деталь, отсутствующую в описании других парфянских провинций. Город Сигал в его тексте назван царским городом саков. Это указывает на то, что Сакастена была чем-то вроде вассального царства в системе парфянской империи. Э. Херцфельд, специально занимавшийся этим вопросом, пришел к выводу, что Сакастена была доменом могущественного рода Суренов¹³. Из этого рода происходил полководец, разбивший в 53 г. до н. э. при Каррах римскую армию. Как сообщает Плутарх, Сурена сопровождали 10 тыс. всадников, будто бы его рабы¹⁴. Раннесредневековая традиция указывает, что род Суренов владел Сегистаном, т. е. Сакастеной¹⁵. Лица из рода Суренов занимали важные административные посты в парфянской державе.

Одним из достоверных признаков независимого положения того или иного правителя является выпуск им монеты от собственного имени. Но до сих пор не найдено монет, которые можно было бы отнести к сакастенскому чекану конца II—I в. до н. э. На территории современного Сеистана найдены в значительном числе лишь монеты парфянских царей (Митридата II, Фраата I, Орода I, Фраата IV)¹⁶. Возможно, правители Сакастены не имели права выпуска собственной монеты, а местный монетный двор, если он существовал, чеканил монеты «общеимперского» типа¹⁷.

Вместе с тем имеется интересная группа монет, косвенным образом указывающая на независимое положение Сакастены в рамках парфянского государства. Эти монеты, как правило,

---

¹² Эти слова Исидора Харакского подтверждает и «История династии Поздняя Хэнь», в которой сообщается о распространении власти парфян на район Кабула (см. Бичурин, *Собрание сведений*, т. II, стр. 228; ср. также Strabo. XV. 2, 14).

¹³ Herzfeld, *Sakastan*, S. 70—80.

¹⁴ О «рабах» в парфянских войсках см. Периханян, *К вопросу о рабовладении и землевладении*; ср. М. Массон, *Народы и области*, стр. 37; «История таджикского народа», т. I, стр. 469, 470.

¹⁵ Nöldeke, *Geschichte*, S. 437.

¹⁶ Rapson, *Note on ancient coins*, p. 677.

¹⁷ Установить наличие местного сакастенского чекана можно будет при наличии большой коллекции медных монет из этого района. К сожалению, в топографии монетных находок в Афганистане Сеистан остается белым пятном (см. Hackin, *Répartition des monnaies*, p. 287 sq.).

чеканены от имени двух лиц. На лицевой стороне идет греческая легенда, где упомянут некто Вонон с титулом «великий царь царей», а на оборотной стороне — индийская надпись с именами Спалахора, «брата царя, справедливого», или сына Спалахора — Спалагадама, также с титулом «справедливый»¹⁸.

Судя по типу этих монет, они могут быть датированы I в. до н. э. и скорее всего выпускались на территории Арахосии¹⁹. Среди монет, найденных в Мир-Закахе, есть четыре монеты этой довольно редкой группы с именами Спалахора и Вонона²⁰. Соотношение надписей на лицевой и оборотной сторонах этих монет указывает на существование довольно сложной иерархической системы, в которой лицо с титулом «брат царя» (возможно, и не состоявшее с царем в подлинном родстве) занимало положение, соответствующее правителю какой-либо области. Таким лицом и был Спалахор — правитель Арахосии.

В дорожке Исихора Харакского упоминается и столица Арахосии — город Александрополь, хотя в отличие от Сакастены он и не назван царским городом.

Не совсем ясно, кто же был тот «царь царей» Вонон, братом которого именует себя Спалахор. Возможно, Вонон был сакастенским правителем, которому подчинялась и Арахосия.

---

¹⁸ Эти монеты описывались неоднократно (см. Gardner, *The coins of the Greek and Scythic kings*, pp. 98, 99; Cunningham, *Coins of Sakas*, pp. 136—138; Whitehead, *Catalogue*, pp. 141, 142). Э. Херцфельд ошибочно пишет о наличии монет с именами Вонона и Аза (Herzfeld, *Sakastan*, S. 92). Как объяснил В. Смит, подобное недоразумение явилось следствием неправильного истолкования легенд на плохо сохранившихся монетах Мауэса (индо-сакский правитель Гандхары) См.: Smith, *The Indo-Parthian dynasties*, p. 60. sq.

¹⁹ Предположение В. Смита (Smith, *The Indo-Parthian dynasties*, p. 60) о том, что Спалахор правил в Арахосии, наиболее вероятно. Как сообщает А. Каннинггам, монеты с именем Вонона найдены в основном в Кандагаре, Газни и Систане. Их мало в Кабуле и в Беграме. Монеты этой группы по стандарту, форме и двузачным надписям тяготеют к районам Гандхары. Судя по эпиграфике, они выпущены одновременно с монетами индо-сакских правителей — Мауэса и, видимо, частично Аза I, владевших в это время Гандхарой. Поэтому наиболее вероятно, что Спалахор правил соседней с Гандхарой Арахосией. Тип серебряных монет с именем Вонона также близок монетам Аза I: конный государь с копьем наперевес на лицевой стороне и стоящий Зевс с лучистым нимбом вокруг головы — на оборотной. Однако образ стоящего Зевса не обязательно был заимствован с монет Аза I. Для обеих монетных групп прототипом могло явиться изображение Зевса с лучистым нимбом на реверсе монет Гелиокла. Медные монеты с именем Вонона отличны от типов медных монет индо-сакских правителей, что отметил еще А. Каннинггам (Cunningham, *Coins of Sakas*, p. 107). Если серебряные монеты выпускались с именем Вонона, то на одной группе медных монет Спалахора Вонон вообще не упомянут.

²⁰ Curiel — Schlumberger, *Le trésor de Mir Zakah*, p. 81. Монеты с именем Спалахора найдены также при раскопках Таксилы.

Но в таком случае странно, что до сих пор не обнаружено монет с именем только этого правителя²¹.

Вскоре в районе Арахосии утвердился новый правитель — Спалирис, монеты которого близки монетам с именем Вонона, но, судя по эпиграфическим признакам, относятся к более позднему времени. Эти монеты встречаются весьма редко. Очень ценно то, что они дают несколько вариантов титулатуры Спалириса: возможно, это отражение постепенного роста его независимости от парфянской власти. Сначала Спалирис, как и Спалахор, именуется братом царя, но в отличие от Спалахора имени этого царя не упоминает. Возможно, этим царем был тот же Вонон или выражение «брат царя» следует понимать только как титул. Затем он называет себя «великим царем», причем на реверсе монет с этим титулом упоминается другой великий царь по имени Аз²². Наконец Спалирис принимает громкий титул — «великий царь царей». Поскольку монеты Спалириса встречаются очень редко, можно предположить, что его правление было коротким и что при нем Арахосия перешла во владение индо-сакских правителей.

Ко времени вхождения Сакастены и Арахосии в состав парфянских владений относится выдающийся памятник архитектуры и искусства — развалины дворца Кухи-Ходжа, расположенного на скалистом острове на одном из систанских озер²³. Весь комплекс дворцовых построек, группирующихся вокруг большого внутреннего двора, был возведен в I в. н. э. Во двор с юга вел монументальный сводчатый проход. С восточной и западной сторон двор замыкается крупными сводчатыми помещениями (айваны), с северной стороны — галереей, в которой арочные проемы отделялись друг от друга полуколоннами дорического ордера. В III в. н. э. был произведен ремонт ряда строений.

К северу от галерей внутреннего двора находился храм огня, представляющий собой квадратное помещение, перекрытое куполом на тропках. Вокруг центрального помеще-

---

²¹ Э. Херцфельд предложил видеть в Вононе Аршакида Вонона I, правившего в 8/9 — 11/12 гг. н. э. (см. Herzfeld, *Sakastan*, S. 96). Однако, во-первых, эпиграфические признаки не допускают столь поздней датировки монет с именами Спалахора и Спалазадама. Во-вторых, Вонон I, римский ставленник, правивший всего несколько лет в Месопотамии, едва ли мог оказывать реальное влияние на положение дел на крайнем востоке парфянских владений.

²² Судя по хронологии, этим Азом вполне мог быть индо-сакский правитель Аз I. Может быть, такая легенда на монетах Спалириса явилась попыткой формальным признанием каких-то прав индо-сакского правителя на Арахосию предотвратить его вторжение на ее территорию.

²³ Carre, *Une ville morte*; Stein, *Innermost Asia*, vol. II, pp. 909—921; vol. III, pl. 52—54; Herzfeld, *Iran*, pp. 291—301, pl. XCVI—CIV.

ния храма шел обводной коридор. В святилище возвышался постамент для жертвенника, на котором возжигался священный огонь. Сам жертвенник, высеченный из камня, был найден при раскопках неподалеку от постамента.

Планировка дворцового комплекса Кухи-Ходжа весьма типична для парфянской архитектуры. Большие сводчатые айваны, открывающиеся во двор, характерны для дворцовых сооружений Месопотамии парфянского времени²⁴. Естественно предположить, что распространение на Систан политического влияния парфянской империи привело к известным влияниям и в области архитектуры.

Декоративная отделка дворца Кухи-Ходжа представлена стеной росписью и резьбой по алебастру (штук). Резной штук Кухи-Ходжа отличается сочной глубокой резьбой и изяществом линий (табл. 11). По художественным достоинствам он превосходит резной штук парфянского времени, известный по ряду памятников Месопотамии, что подтверждает правоту исследователей, писавших о восточном (по отношению к Переднему Востоку) происхождении этого вида архитектурного декора²⁵.

Многочасная роспись украшает стены и своды многих помещений Кухи-Ходжа и особенно богато представлена в галерее, замыкающей внутренний двор с севера. Характерны квадратные плафоны, внутри которых помещены или сложные розетки, или фигура крылатого персонажа (видимо, Эрота), едущего в одном случае на лошади, в другом — на каком-то животном кошачьей породы²⁶. Величавого спокойствия полны изображения царя и царицы, стоящих в пышных одеяниях под балдахинном, и трех мужчин²⁷, один из которых в трехкрылом шлеме. Как полагают некоторые исследователи, это — изображение зороастрийского бога Веретрагны²⁸.

Очень своеобразны профильные изображения мужчин с ветвью какого-то растения в руках, флейтиста (табл. 12) и ряда других лиц. Эти изображения, восходящие по манере рисунка к ахеменидскому искусству, свидетельствуют о весьма древних традициях систанской живописи. Церемониальная статичность, ритмическое расположение фигур также указывают на эту связь. Вместе с тем в рисунках лиц с поворотом в три четверти прослеживается влияние греческого искусства. Художественная школа, представленная росписью в Кухи-Ходжа, интересна и тем, что в ней почти незаметно влияние буддизма и индийских художественных традиций.

²⁴ Reuther, *Parthian architecture*, pp. 432—434.

²⁵ Debevoise, *The origin of decorative stucco*.

²⁶ Herzfeld, *Iran*, pl. CI.

²⁷ *Ibid.*, pl. CIV.

²⁸ *Ibid.*, p. 296.

Индо сакская держава Мауэса

В то время как Сакастена и Арахосия попали в сферу парфянского влияния, в более восточных областях утвердилось влияние правителей, получивших наименование индо-сакских. Несколько странный на первый взгляд термин «индо-саки» был введен в науку нумизматами. Индо-сакскими называются монеты, выпущенные царьками сакского происхождения, правившими на территории Северо-западной Индии. В индийских источниках часто упоминаются саки (шаки) как одна из трех народностей, вторгавшихся в древности на территорию Индии (две другие: яваны-греки и пахлавы-парфяне). В индийских источниках упоминается эра Шака, соотношение которой с христианским летосчислением до сих пор окончательно не выяснено. Те же источники сообщают о правителях, которые считали себя потомками саков (они правили в районах нижнего Инда и полуострова Катхивар). Правда, имеющиеся источники не позволяют установить количественное соотношение местного, индийского, и пришлого, сакского, населения, но данные китайских хроник ясно свидетельствуют о том, что саки (сэ) переселялись целыми племенами, сдвинутые с мест первоначального обитания юечжийским нашествием. Поэтому новые государственные образования, в которых под эгидой сакских правителей было объединено местное и пришлое население, можно с известным правом называть индо-сакскими.

Главным источником по истории этих владений являются нумизматические материалы. Они свидетельствуют, что наиболее ранним индо-сакским правителем является Мауэс греческих текстов или Мога индийских. Возможно, оба написания являются передачей сакского имени Мавак²⁹. Судя по целому ряду признаков, эти монеты едва ли могут быть датированы периодом позднее середины I в. до н. э.³⁰ Монеты Мауэса встречаются главным образом в районах Гандхары, которая, видимо, и была основным ядром его владений.

Существуют две противоположные точки зрения о путях проникновения сакских племен в Гандхару. Еще П. Гарднер отмечал, что Мауэс был скорее всего вождем тех кочевых племен, которые проникли в Гандхару через Кашмир и Непал³¹. Другие исследователи отвергали его гипотезу на том основании, что горные перевалы непроходимы для боль-

²⁹ Cunningham, *Coins of Sakas*, p. 102; Thomas, *Sakastana*, p. 208.

³⁰ Gardner, *The coins of the Greek and Scythic kings*, p. XL. К сожалению, это обстоятельство не всегда учитывается исследователями, пытающимися решать вопросы абсолютной хронологии индо-сакских правителей абстрактными рассуждениями о возможном начале той или иной эры.

³¹ *Ibid.*, p. XL.

ших армий. Они предполагали, что после столкновения с Парфией часть саков осела в Сакастене, а значительная группа племен продвинулась в области по среднему течению Инда и лишь затем овладела Гандхарой³². Вторая точка зрения как будто согласуется со сравнительно поздней датировкой монет первого индо-сакского правителя Гандхары, но находится в прямом противоречии со сведениями китайских хроник. В «Истории династии Ранняя Хань» совершенно определенно указывается на то, что обитавшие на территории современной южной северной Киргизии сакские племена (сэ) были разбиты юечжами, после чего их предводитель (сэ-ван) ушел на юг через «Висячий проход» и занял владение Гибинь³³. Последнее скорее всего соответствует современному Кашмиру, возможно со включением известной части Гандхары³⁴. Вместе с тем другая часть сакских племен, видимо, приняла участие в юечжийском завоевании Бактрии, и значительная группа этих племен осела затем в Дрангиане. Как сообщает китайская летопись, «сэские племена рассеянно живут, и более под зависимостью других»³⁵. Возможно, что отдельные сакские племена могли проникнуть на средний Инд и из Дрангианы, но приход сэ-вана в Кашмир и соседние районы с севера не вызывает сомнений.

Хотя китайские хроники и сообщают, что сэ-ван завоевал Гибинь, ряд обсуждений позволяет усомниться в этом. Завоевание должно было приходиться приблизительно на то же время, что и продвижение юечжей в Бактрию, т. е. на 140—130 гг. до н. э. Однако не обнаружено монет, выпущенных сакскими правителями Гандхары или соседних районов в конце II в. до н. э. Судя по имеющимся данным, в этот период здесь выпускали монету греко-индийские правители (Аполлодот, Антиалкид, Антимах II и др.). Вероятно, в это время сакские племена, проникшие в Гибинь с севера, находились в состоянии политической зависимости от местных правителей или не распространили еще свою власть на город-

³² Cunningham, *Coins of Sakas*, p. 104; Tarn, *The Greeks*, pp. 320, 321.

³³ Бичурин, *Собрание сведений*, т. II, стр. 190, 191. Об этом говорится и в описании владения Гибинь: «Когда хунны разбили Большого Юечжи, то Большой Юечжи занял на западе государство Дахя, а сэский владетель занял на юге государство Гибинь» (там же, стр. 179). О возможном пути саков см. Мандельштам, *Материалы*, стр. 52, 78, 79; Narain, *The Indo-Greeks*, pp. 135, 136.

³⁴ Chavannes — Levy, *L'itinéraire d'Ou-K'ong*, p. 371; Marquart, *Erānšahr*. S. 156. Существует и другая точка зрения, высказанная Ширатори, согласно которой под Гибинью китайских источников ханьской эпохи следует понимать исключительно Гандхару (Narain, *The Indo-Greeks*, pp. 135, 136). Этому в значительной мере соответствует и описание монет Гибини (с изображением на лицевой стороне всадника), приводимое в «Истории династии Ранняя Хань».

³⁵ Бичурин, *Собрание сведений*, т. II, стр. 179.

ские поселения, для обеспечения повседневных потребностей которых была необходима регулярная чеканка монет.

В первой половине I в. до н. э. сакские правители, используя обстановку политической междоусобицы, царившей в Гандхаре и соседних областях, выступили уже в качестве претендентов на господство в стране. Монеты Мауэса позволяют проследить процесс постепенного становления индо-сакского государства. Сначала Мауэс выпускал монеты по типам чекана Деметрия со скромным титулом «царя Мауэса». Затем, видимо распространив свою власть на всю Гандхару и, возможно, даже на ряд областей к югу от нее, он выпускает разнообразные монеты с громким титулом «великий царь царей» (табл. 13, 1). Ни один из греко-бактрийских и греко-индийских царей не употреблял подобной титулатуры, и ее появление у Мауэса является результатом подражания титулу Митридата II (124—87 гг. до н. э.), в правление которого границы парфянской империи подошли вплотную к Гандгаре.

Изучение типов монет, чеканенных Мауэсом, позволяет проследить также стремление создать и свои собственные традиции. Чекан Мауэса в основном следует различным типам монет греко-индийских правителей³⁶, однако если последние обычно помещали на аверсе свой портрет, то не известно ни одной монеты Мауэса с изображением головы этого правителя. Даже на серебряных монетах, выпуск которых обычно считался одной из царских прерогатив, помещены изображения различных божеств, а не царский портрет. Попытка установить в этом отношении собственные традиции прослеживается и при изучении медных монет Мауэса: на лицевой стороне их изображен медленно едущий на коне всадник, который держит наперевес тяжелое копьё (или — на другой серии — не вполне ясный предмет), что весьма показательны для государства, в котором у власти стоят недавние кочевники. Впоследствии этот обычай помещения на монетах изображения государя-всадника сохраняется как наследниками Мауэса, так и рядом других правителей, тесно связанных с кочевыми племенами³⁷. Вероятно, этапом, предшествующим сложению традиции изображения на монетах образа конного государя,

³⁶ Marshall, *Taxila*, vol. I, p. 46.

³⁷ На монетах Мауэса появляется и другой тип изображения государя, весьма показательный с точки зрения кочевых традиций. Это изображение Мауэса, сидящего, скрестив ноги, на низкой скамеечке с церемониальным копьём в руках (Gardner, *The coins of the Greek and Scythic kings*, XVII, 5; Cunningham, *Coins of Sakas*, pl. VI, 17; Whitehead, *Catalogue*, pl. X, 31). Эта поза характерна для изображения на кушанских монетах и у наследника Мауэса — Аза. Изображение на монетах Аза ясно показывает несостоятельность точки зрения исследователей, утверждавших, что перед нами не государь, а сидящий Будда (см. Whitehead, *Notes*, pp. 114, 115).

является помещение неоседланного коня на лицевой стороне монет, чеканенных еще от имени «царя Мауэса».

Некоторые сведения о политических событиях в Гандхаре рассматриваемого времени сообщают китайские хроники. В Гибини, согласно этим сообщениям, правил некто Утолао, при котором неоднократно происходили ограбления и убийства китайских посланников. После смерти Утолао на престол вступил его сын Дай, продолжавший политику отца в отношении послов из Китая. Кигагский посланник Вэнь Чжун, по сообщению хроники, «вступил в заговор с князем Иньмофу и, убив владетеля, возвел Иньмофу на гибинский престол и дал ему печать с шнурами»³⁸. Этот Иньмофу был, по сведениям китайской хроники, сыном владетеля Юнг-киу.

Несомненно Вэнь Чжун преувеличил свою роль в происшедших событиях (а на его отчете и основан рассказ китайского летописца). Это видно уже из того, что и Иньмофу, будто бы возведенный на престол Вэнь Чжуном, вскоре начал притеснять посольства, посланные ханьским императором. В 32 г. до н. э. Иньмофу уже упоминается как «покойный владетель»³⁹. Таким образом, события, описанные в хронике, происходили в середине I в. до н. э. Существуют различные предположения относительно того, кому именно из правителей, чьи имена известны по монетам, соответствуют Утолао, Дай и Иньмофу китайских хроник⁴⁰. Поскольку с утверждением правления Иньмофу произошла, видимо, смена династии, описанные события как будто можно связывать с приходом к власти индо-сакских правителей, сменивших последних индо-греческих царьков Гандхары⁴¹.

³⁸ Бичурин, *Собрание сведений*, т. II, стр. 180.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Наиболее распространена в литературе гипотеза А. Гутшмида (Gutschmid, *Geschichte*, S. 109, 110), развитая В. Тарном (Tarn, *The Greeks*, p. 341). Согласно этой теории, Утолао — не кто иной, как Спалирис, чей титул «брат царя» (*ἀδελφός*) был передан в китайских хрониках как Утолао. Имя же отца Иньмофу — Юнг-киу — является китайской передачей «ионака» (термин, применяемый наряду с «явана» индийскими источниками для обозначения греков). Иньмофу в таком случае — греко-индийский правитель Гермей, бывший, по предположению В. Тарна, сыном Аминты, правителя Александрии в Паропамисадах. Поскольку Гибинь, по мнению В. Тарна, область Кабула, сообщения китайской хроники описывающей вытеснение Гермеем из этого района Спалагадама, сына Спалахора. Многие в этой теории вызывают возражения, и прежде всего то, что Гибинью никак нельзя признать район Кабула, известный по китайским хроникам как Гаофу (см. Nagain, *The Indo-Greeks*, pp. 154, 155).

⁴¹ Таково, например, мнение А. Германа (Hermann, *Sakui*, S. 1612), отождествляющего Иньмофу с Мауэсом и Утолао — с царицей Агафоклеей. Последнее отождествление, разумеется, неприемлемо, поскольку китайские источники сообщают о владетеле, а не о владетельнице, да и правление Агафоклеи, судя по нумизматическим данным, относится к более раннему времени.

Возможно, этот вопрос был бы успешно разрешен, если бы удалось уточнить абсолютную хронологию правления Мауэса в результате расшифровки эры, упоминаемой в надписи с его именем. В этой надписи, найденной в Таксиле, упомянут сатрап, по имени Лиакко Козула, и великий царь Мога, видимо тождественный Мауэсу. Надпись датирована 5-м днем македонского месяца панесоса 78 г. неизвестной эры⁴². Существуют различные точки зрения относительно того, какое именно событие легло в основу этой эры, называемой старой сакской, в отличие от эры, введенной при Канишке. Большинство исследователей считает, что летосчисление велось от года образования независимого сакского государства, но объективных данных для определения этой даты нет⁴³. Во всяком случае следует иметь в виду, что, судя по нумизматическим данным, правление Мауэса относится ко времени не позднее середины I в. до н. э.

Судя по разнообразию монет Мауэса, основатель индо-сакской державы царствовал много лет. Если исходить из этого признака, то расцвет государства индо-саков следует отнести ко времени правления Аза, наследника Мауэса, царствовавшего где-то в пределах второй половины I в. до н. э. Его монеты обнаружены в большом количестве. Так, при раскопках Таксилы было найдено около 1,5 тыс. монет с именем Аза, а на дне священного озера Мпр-Закаха — около 4 тыс. На всех монетах Аза к его имени неизменно прибавляется титул «великий царь царей»⁴⁴. На лицевой стороне его монет изображен сам Аз в тяжелых доспехах, с копьем или боевым топором типа клевца в руках, медленно едущий на боевом коне (табл. 13, 3—4). На лицевой стороне медных монет, выпускав-

⁴² СП, pp. 23, 24.

⁴³ Э. Рапсов считал, что началом эры является 150 г. до н. э. — год установления независимого сакского владения в Систане; В. Тари предлагает 155 г. до н. э., когда, по его мнению, саки впервые стали оседать в этой стране. По Э. Херцфельду, начало эры — 110 г. до н. э., поселение саков в Систане Митридатом II. Ряд исследователей считает началом эры год убийства саками Фраата II (129 г. до н. э. — J. E. van Lohuizen de Leeuw) или захват саками и юечжами Бактрии (123 г. до н. э. — M. H. Saha). См. Saha, *Different methods*, pp. 1—18. Как можно видеть, за начало эры берется событие, хронология которых в свою очередь не может быть точно определена. Следует отметить, что отнесение начала эры к 88 г. до н. э. или даже к более позднему времени (С. Конов) едва ли может быть принято, так как при этом правление Мауэса падает на самый конец I в. до н. э. и его наследники должны быть современниками правителя Гондофара. Эти противоречия доведены до крайности отождествлением эры Моги с эрой Викарама, начавшейся в 58 г. до н. э. (см. NSIP, II, 125, p. 1 sq).

⁴⁴ На одной группе монет с именем Аза этот правитель назван также «справедливым» (см. Whitehead, *Catalogue*, p. 122). Возможно, это монеты Аза II, правившего после Азилиса.

шихся в Таксиле⁴⁵, Аз изображен сидящим, скрестив ноги с церемониальным копьём в руках.

В период правления Аза границы индо-сакского царства были несколько расширены: на западе в состав державы была включена Арахосия, во всяком случае ее восточная часть, где был отстранен от власти местный правитель Спалирис⁴⁶. В других случаях местные правители сохранили свои владения, признав верховную власть индо-сакского «царя царей». Так, известны монеты с именем и титулом Аза на лицевой стороне и изображением «победоносного стратега Аспавармы, сына Индравармы» — на оборотной. К тому времени звание стратега, как и сатрапа, видимо, потеряло первоначальное значение лица, стоящего во главе сатрапии, и воспринималось лишь как титул. Известен целый ряд мелких династий, представители которых титуловались «сатрапами». Некоторые из них, видимо, были сакского происхождения⁴⁷. Ряд этих местных династий находился в какой-то зависимости от индо-сакского «царя царей».

Вероятно, уже при жизни Аза его наследник Азилис был назначен соправителем. Во всяком случае имеются монеты, на лицевой стороне которых помещены имя и титул Аза, а на оборотной — имя Азилиса с таким же титулом, как у Аза: «ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΖΟΥ» и «Maharajasa rajarajasa mahatasa Ayilisasa». Вскоре Азилис стал выпускать монеты только от своего имени. Тип монет и титулатура Азилиса в основном повторяют монетный тип и титулатуру Аза, но монет Азилиса значительно меньше, чем Аза (табл. 13, 5). Видимо, к концу его правления относятся монеты, на лицевой стороне которых помещены имя и титул самого Азилиса, а на оборотной вновь появляется портрет с подписью Аз. Скорее всего это был второй правитель с этим именем — Аз II, которого Азилис сделал своим соправителем.

К чекану самого Аза II нумизматы относят монеты с грубой, часто искаженной греческой легендой (табл. 13, 6) в отличие от более тщательно сделанных монет Аза I⁴⁸. Правление Азилиса и Аза II, видимо, относится к первым годам нашей эры. Вскоре индо-сакская династия Мауэса была вынуждена уступить Гандхару правителям из другой фамилии, возможно состоящей в родстве с парфянскими Аршакидами.

⁴⁵ Whitehead, *Rare and unique coins*, p. 837.

⁴⁶ Показательно, что среди находок в Мир-Закахе есть одна монета Мауэса и около 4 тыс. — с именем Аза.

⁴⁷ Cunningham, *Coins of Sakas*, pp. 123—129; Whitehead, *Dynasty of the General Aspavarma*; НСР, II, 132—135.

⁴⁸ Smith, *Catalogue*, pp. 36—38.

Индо-парфянские правители

Первым представителем этой новой династии был Гондофар. На большинстве монет с именем этого правителя он, подобно представителям династии Мауэса, имеет титул «великий царь царей», на лицевой стороне помещено изображение государя, едущего на коне (табл. 14, 2). Вместе с тем Гондофар выпускал монеты, на лицевой стороне которых помещен его портрет, обращенный лицом не только вправо, как это обычно для греко-бактрийской и греко-индийской нумизматической традиции, но и влево, что характерно для парфянского чекана. Кроме того, имеются монеты Гондофара, на которых он изображен как типичный Аршакид в тяжелом боевом шлеме (табл. 14, 1). На оборотной стороне этих монет помещено традиционное изображение парфянского лучника⁴⁹. Все это дало основание именовать Гондофара и его наследников индо-парфянскими правителями в отличие от предшествовавших им индо-саков.

Правление Гондофара можно отнести ко второй четверти I в. н. э.⁵⁰. Видимо, он происходил из семьи владетельных династов, управлявших парфянской Сакастеной и распространивших свою власть на Арахосию и Гандхару⁵¹, потеснив там индо-сакских правителей. Монеты Гондофара часто встречаются на территории Гандхары, Арахосии и Сакастены⁵². При этом они заметно распадаются на две группы: че-

⁴⁹ Впервые одну такую драхму издал А. Салле (*Sallet, Nachfolger Alexanders des Grossen*, S. 225). Четыре монеты этого типа имеются в собрании Государственного Эрмитажа. Три из них опубликованы А. К. Марковым (см. *Аршакидские монеты*, стр. 27—30).

⁵⁰ В надписи из Тахти-бахи упоминается, что к 103 г. некоей эры (скорее всего это эра Викарама, начавшаяся в 58 г. до н. э.) Гондофар находился у власти 26 лет. Тогда первый год правления Гондофара будет соответствовать 20 г. н. э., а 26-й год — 46 г. н. э. Согласно христианской традиции, Гондофара в 29 г. посетил апостол Фома, поэтому догадка А. Каннигама, что эра надписи из Тахти-бахи не что иное, как эра Викарама, несомненно правильна.

⁵¹ «История династии Поздняя Хань» сообщает относительно владения Гаофу, локализуемого в районе Кабула: «Его покоряли Индия, Гибинь и Аньси, когда усиливались, а когда ослабевали, то теряли... юечжи приобрел Гаофу с покорением Аньси» (Бичурин, *Собрание сведений*, т. II, стр. 228). Видимо, здесь имеется в виду вхождение этого района в состав греко-индийских владений, затем в состав индо-сакских, потом в Парфию — Аньси, т. е. под власть династии Гондофара, и (с вытеснением последней юечжами) в состав кушанской империи. Э. Херцфельд полагает, что имя Гондофара сохранилось в названии г. Кандагара (*Herzfeld, Sakastan*, S. 107), что, однако, совершенно невероятно.

⁵² Whitehead, *Catalogue*, p. 94; Rapson, *Note on ancient coins*, p. 676; Mackin, *Répartition des monnaies*, p. 288. В Мир-Закахе обнаружено всего восемь монет Гондофара, что, видимо, объясняется падением к началу нашей эры значения священного озера. Монеты более позднего времени в этой коллекции единичны.

как гандхарско-арахосийский и более западный, скорее всего сакастенский. Первый представлен серебряными и бронзовыми монетами установившихся местных номиналов (для серебра 10,36 и 2,59 г) с греческой легендой на лицевой стороне и индийской — на оборотной (табл. 14, 2). Вторая группа объединяет монеты, являющиеся типичными аршакидскими драхмами аттического стандарта пониженного веса, с греческой легендой на оборотной стороне. Совершенно ясно, что под властью Гондофара были области с различными традициями в денежном обращении, которым и следует чекан этого правителя⁵³.

В первой половине I в. н. э. сама Парфия была охвачена внутренними смутами (утверждение на престоле основателя младшей линии Аршакидов Артабана III, междоусобная война Готарза и Вардана в 47 г. н. э. и последующие события). Гондофар, видимо, попытался вмешаться в происходившие в Парфии события, предъявив требования если не на парфянский престол, то во всяком случае на часть восточных владений Аршакидов⁵⁴. Этими устремлениями и мог объясняться выпуск драхм аршакидского типа. В Гандхаре Гондофар как будто в основном наследовал организационную структуру индо-сакской державы. Во всяком случае при нем сохранил свою власть стратег Аспаварма, выпускавший монеты, на лицевой стороне которых имя Аза было заменено именем Гондофар.

Гондофар — лицо, хорошо известное христианской традиции, согласно которой именно к этому царю в Индию совершил поездку апостол Фома⁵⁵. Фома будто бы выехал в Индию вместе с индийским купцом, носящим семитическое имя Наббан. В описании деяний Фомы помимо Гондофара упоминает-

⁵³ Монеты аршакидского типа, видимо, выпускались в Сакастене или Арее. Одновременно в этих областях, надо полагать, обращались и монеты Орода I (57—38 гг. до н. э.) и Артабана III (10—40 гг. н. э.) с надчеканом Гондофара.

⁵⁴ Интересно отметить, что Тацит (*Тас., Ann., XI, 10*), описывая поход Вардана в 47 г. против Готарза, отмечает, что он дошел до реки, разделяющей земли дахов и ареев, где и поставил памятники, якобы свидетельствовавшие о том, что ни один из Аршакидов не доходил до этих районов. Отсюда можно сделать вывод, что Арея в это время уже не подчинялась парфянским Аршакидам.

⁵⁵ Phillips, *The connection*. Имя царя, к которому отправился Фома, в сирийской версии передается как Gundaphar (Gudnaphar), в латинской — Gundaforus (Gundoforus) и в греческой — Γουνδαφορος (Γουνδαφορος). На монетах Гондофар назван ΥΝΔΟΦΕΡΡ и Gudaphana (что может указывать на диалект, в котором группа -rn- перешла в -(n)n- — явление, известное в восточноиранских языках, например в согдийском и хорезмийском, но чуждое парфянскому). Интересно отметить, что в различных версиях говорится то о поездке Фомы в Индию, то о том, что он проповедовал среди парфян (Phillips, *The connection*, p. 15). Это лишний раз свидетельствует о парфянском происхождении династии Гондофара.

ся его брат, по имени Гад. Трудно судить, насколько достоверно сообщение об успехах миссионерской деятельности Фомы при дворе Гондофара и в соседних странах. Возможно, к периоду правления Гондофара относится путешествие в Индию греческого философа Аполлония Тианского, описанное в III в. н. э. Филостратом⁵⁶. Аполлоний посетил Таксилу, где был принят царем Фраатом. Вполне вероятно, что Таксила была столицей индо-сакских правителей, а затем и Гондофара. Вызывало недоумение имя царя, упоминаемое Аполлонием, но Э. Херцфельд высказал предположение, что это не что иное, как искаженная передача одного из титулов Гондофара⁵⁷.

Трудно судить, как долго Гондофар находился у власти. Некоторые исследователи допускают, что он правил до 50 г. н. э. и, возможно, несколько позднее⁵⁸. Наследовавшие ему лица, видимо, уже не обладали таким могуществом, как сам Гондофар. Их монеты представлены незначительным числом типов и встречаются сравнительно редко. В анонимном «Перипле Эритрейского моря», относящемся к последней трети I в. н. э., относительно областей к северу от низовий Инда сообщается: «Властвуют над этой страной парфянские (цари), которые постоянно друг друга изгоняют» (Peripl., § 38).

О политической неурядице в этих областях свидетельствует и нумизматический материал. Правителем Гандхары стал, видимо, Абдагас, именующий себя на монетах сыном брата Гондофара, вероятно того самого Гада, который упоминается в житии апостола Фомы⁵⁹. В Арахосии и Сакастене в это время правил, по-видимому, Пакор (табл. 14, 3), возможно, сын самого Гондофара⁶⁰. Имена Гондофара и Гада

⁵⁶ Charpentier, *The Indian travels of Apollonius*.

⁵⁷ На некоторых монетах имя Гондофара сопровождается титулом «непобедимый» (argatihata). По мнению Э. Херцфельда, искажением этого титула и является Фраотс у Аполлония (Herzfeld, *Sakastan*, S. 113). Против этой догадки, однако, возражает van Lohuizen de Leeuw (*The «Scythian» period*, p. 351). Фраот (Frawat) — хорошо этимологизируемое иранское (в частности, и парфянское) имя собственное.

⁵⁸ Аллот де ла Фюй высказал предположение, что среди монет с надчеканом Гондофара, изданных А. К. Марковым, одна принадлежит Вологезу II, правившему с 51 по 77/8 г. н. э. (de la Fuye, *Monnaies incertaines*, pp. 32, 33).

⁵⁹ Большинство монет Абдагаса с изображением конного государя и стоящего Зевса представляет собой типы, обычные для Гандхары. В Систане и районе Кандатара находки монет Абдагаса не зарегистрированы.

⁶⁰ Монеты Пакора представлены лишь одним типом (на аверсе бюст государя с поворотом головы влево; на реверсе изображение парящей богини Ники). Прямая связь этого типа монет с нумизматикой Парфии позволяет предполагать, что владения Пакора были ограничены Арахосией, Сакастеной и, возможно, Ареей. Действительно, очень много монет Пакора находят в Систане, а в районе Кандатара они, по наблюдениям Ж. Акэна, составляют около половины всех обнаруженных здесь монет индо-парфянских правителей.

упоминаются на оборотной стороне монет (табл. 14, 4) правителя, по имени Ортагн (греческая передача имени Веретрагна). Другой правитель именуется себя Арсаком, как бы приняв тронное имя всех парфянских правителей. Монеты с именами этих лиц сравнительно редки, и надо полагать, что под их властью были незначительные территории и правили они очень короткий промежуток времени ⁶¹.

Надвигающаяся с севера новая политическая сила постепенно вытесняла мелких индо-парфянских правителей. Уже в рассказе о путешествии Аполлония Тианского говорится о постоянных ссорах правителя Таксилы с пограничными варварами, а автор «Перипла Эритрейского моря» сообщает, что на севере «живет очень воинственный народ бактрианов, находящийся под управлением своего собственного царя» (Perrin., § 47). Упомянутое сообщение несомненно свидетельствует о растущем могуществе кушанской державы, чья экспансия на юг положила конец независимости индо-парфянских династий. Последний из представителей династии Гондофара, некто Санабар, управлял Маргианой, куда его в последней трети I в. н. э., видимо, вытеснили основатели кушанской империи ⁶². Эта новая политическая сила коренным образом изменила положение в Гандхаре, Арахосии и соседних странах.

Юечжийская Бактрия

Возвышение новой империи было тесным образом связано с Бактрией, которая второй раз на протяжении нескольких столетий стала центром могущественной державы. Падение греко-бактрийского царства под ударами кочевых племен на первых порах привело к политической раздробленности в Бактрии. Во время путешествия Чжан Цяня в 128 г. до н. э. юечжи занимали территорию к северу от Аму-Дарьи, хотя Чжан Цянь и отмечает, что юечжи покорили всю Бактрию (Дахя). Видимо, основным районом пребывания передвинувшихся с севера кочевых племен была северная Бактрия, а районы к югу от Аму-Дарьи в известной мере сохранили независимость, признавая верховную власть вторгшихся заво-

---

⁶¹ Монеты Ортагна, как и Пакора, представлены одним типом — с изображением богини Ники на реверсе. Монеты с именем Арсака, напротив, продолжают тип гандхарского чекана (изображение всадника на аверсе и Зевса на реверсе). Возможно, Ортагн наследовал Пакору в Сакхастене и Арахосии, а Арсак — в более восточных областях. На монетах Арсак имеет прозвище «ΔΙΚΑΙΟΥΣ». Монеты с легендой «ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΘΕΟΥΣ ΑΡΣΑΚΟΥ» как будто принадлежат другому правителю с тем же именем.

⁶² Массон, *Правитель Санабар*.

евателей. Здесь, видимо, правили мелкие владетели, одному из которых, по имени Гермей, удалось в середине или второй половине I в. до н. э. в известной мере возродить былое могущество греко-бактрийских царей. Наиболее вероятна точка зрения о том, что основой владений Гермея были Паропами-сады, хотя в отдельных случаях его власть могла распространяться к югу и северу от этой области⁶³.

Однако в «Истории династии Ранняя Хань», составленной в I в. до н. э., но отражающей, видимо, сведения более раннего времени, Дахя-Бактрия уже не упоминается. Китайский летописец сообщает лишь о владетельном Доме Большой Юечжи, смежном на юге с Гибинью, т. е. с владениями индо-сакских правителей. При этом он называет пять владений хи-хэу, находящихся в зависимости от юечжей. Это следующие владения: Хюми, Шуанми, Гуйшуань, Ситунь и Гаофу⁶⁴. Несколько иной список владений приведен в «Истории династии Поздняя Хань»: «Когда дом Юечжи был уничтожен хуннами, то он переселился в Дахя, разделился на пять княжеских домов: Хюми, Шуанми, Гуйшуань, Хисийе и Думи»⁶⁵.

Уже в конце XIX в. было установлено, что термин «хи-хэу» является транскрипцией титула «ябгу», широко распространенного у ряда кочевых племен. Среди исследователей неоднократно дискутировался вопрос: какой из династийных хроник следует отдать предпочтение, той, в которой сообщается, что пять владений были в зависимости от юечжей, или более поздней, утверждающей, что сами юечжи разделились на пять княжеств. Следует, однако, иметь в виду, что в I в. до н. э., о событиях которого в данном случае идет речь, уже в какой-то мере начала стираться грань между пришедшими с севера кочевниками и местным оседлым населением. Ряд новых черт в материальной культуре Согда и северной Бактрии позволяет утверждать, что часть кочевых племен осела к этому времени в завоеванных областях и была ассимилирована местным оседлым населением⁶⁶. Этот процесс должен был в первую

⁶³ Из других правителей с Бактрией был связан, возможно, Аминта. Известны также монеты правителя по имени Сападбиз (?), портрет которого напоминает портрет Евкратиды в шлеме. На реверсе монет Сападбиза помещено изображение льва и надпись: «NANAIA» (см. Gardner, *The coins of the Greek and Scythic kings*, p. 119; pl. XXIV, 14, 15). Судя по эпиграфическим признакам, Сападбиз правил позднее Гермея. Монеты этого правителя найдены в северной Бактрии. Хронологически им, видимо, близки монеты другого мелкого правителя по имени (?) ΦΣΓΑ ΧΑΡΙΣ (см. Gardner, *The coins of the Greek and Scythic kings*, p. 119; pl. XXIV, 16; Whitehead, *Catalogue*, p. 166; pl. XVI, 129). На монетах имена этих двух правителей не имели даже царского титула.

⁶⁴ Бичурий, *Собрание сведений*, т. II, стр. 184.

⁶⁵ Там же, стр. 227.

⁶⁶ Советскими археологами отмечено распространение в материальной культуре Согда и северной Бактрии в I в. до н. э. — I в. н. э. элементов

очередь затронуть правящую верхушку, и поэтому можно считать, что в сообщении обеих династийных хроник нет особых противоречий: был ряд областей, где юечжи, составляя часть населения, являлись политически господствующей группой. Противоречия остаются в том, какие именно юечжийские княжества существовали в I в. до н. э. Исследования показали, что Ситунь и Хисийе — различные передачи названия одного и того же владения, и, таким образом, расхождение между двумя китайскими летописями сводится к вопросу о том, распространялась ли власть юечжей на Гаофу (район Кабула) или нет. «История династии Поздняя Хань» категорически отрицает подчинение Гаофу юечжам⁶⁷, и, судя по нумизматическим данным, ее автор Фань Е прав. Район Кабула в основном входил в состав владений индо-саков и индо-парфян.

Вопрос о том, где следует помещать пять юечжийских владений, занимал уже китайских летописцев. Именно они, по видимому еще в V в. н. э., сделали первое отождествление, на основе которого И. Маркварт предложил размещение всех пяти владений в пределах Вахана, Читрала, Бадахшана и соседних горных районов⁶⁸. Однако есть основания полагать, что уже китайский автор V в. н. э. допустил некоторые неточности, сопоставляя сведения, почерпнутые из летописей, с данными современной ему политической географии, а современные исследователи, занимавшиеся теми же вопросами после него, повторили эти ошибки⁶⁹. В частности, вполне вероятно, что, например, княжество Гуйшуань, владетель которого позднее покорил остальные четыре княжества и тем положил начало основанию кушанской империи, находилось не в захолустном горном районе, а в плодородной долине Кашка-Дарьи, как это предполагал еще Н. А. Аристов⁷⁰.

Во всяком случае несомненно одно — области, завоеванные кочевыми племенами, не образовывали в политическом отношении единого целого. Они распадались на ряд отдель-

---

приташкентской культуры Каунчи, что несомненно указывает на включение в состав оседлого населения южных районов пришельцев с севера. Имеются сведения о наличии могильников кочевых племен в Северном Афганистане (см. Fischer, *Preliminary notes*, p. 191).

⁶⁷ «История династии Ранняя Хань» уверяет, что Гаофу находилось под зависимостью пяти юечжийских князей. Это несправедливо. Оно было под зависимостью Аньси, а Юечжи приобрел Гаофу с покорением Аньси», т. е. индо-парфянских наследников Гондофара (Бичурин, *Собрание сведений*, т. II, стр. 228).

⁶⁸ Marquart, *Erānšahr*, S. 225—246; Мандельштам, *Материалы*, стр. 60—64.

⁶⁹ А. М. Мандельштам допускает, что были отождествлены пять кидаритских владений с пятью юечжийскими ввиду совпадения названий: двух из них (Мандельштам, *Материалы*, стр. 64, 98).

⁷⁰ Аристов, *Этнические отношения*, стр. 10; Мандельштам, *Материалы*, стр. 64.

ных владений, возможно соответствующих по занимаемой территории одному или нескольким оседлым оазисам. Об этом свидетельствует и имеющийся нумизматический материал.

Хозяйство оседлого населения оазисов, завоеванных юечжами, не могло существовать без регулярной денежной эмиссии. Ко времени падения греко-бактрийского царства здесь сложился денежный рынок с устойчивыми монетными типами различных номиналов. При выпуске монет юечжийские князьки в качестве образцов брали монеты последних греко-бактрийских правителей — Евкратида и Гелиокла. Так, известны подражания великолепным тетрадрахам Евкратида (табл. 13, 8), причем на новых монетах иногда изображались добавочные знаки, вероятнее всего родовые знаки кочевников — так называемые тамги⁷¹. Более широко были распространены монеты мелких номиналов, чеканенные по типу оболвов того же Евкратида⁷².

Значительный интерес представляет группа монет, продолжающих тип тетрадрахм Гелиокла. На этой группе монет заметны начальные черты новой традиции⁷³. Первые монеты, выпущенные по типу тетрадрахм Гелиокла, не что иное, как, огрубленное подражание монетному чекану этого правителя. Затем, однако, искаженный образ Гелиокла на аверсе монеты заменяется портретом какого-то местного правителя, неизвестного по имени, поскольку легенда, помещаемая на оборотной стороне монет, является лишь подражанием монетам самого Гелиокла. Несколько позднее меняется и реверс монеты: изображение стоящего Зевса заменяется изображением идущей лошади (табл. 13, 9). Выпуск монет, чеканенных по типу тетрадрахм Гелиокла, можно отнести к концу II — первой половине I в. до н. э. Они находились в обращении в Бактрии, во всяком случае в ее северных районах.

Монеты правителя Герая, выпущенные в Бактрии около середины I в. до н. э., свидетельствуют об окончательном утверждении собственной нумизматической традиции юечжийских правителей⁷⁴. Тип тетрадрахм и оболвов, выпущенных этим правителем (табл. 13, 10), несомненно сложился под влиянием монетного чекана Евкратида⁷⁵. В целом же моне-

⁷¹ Массон, *Редкая среднеазиатская монета*.

⁷² Дьяконов, *Работы Кафирниганского оряда*, стр. 171—174.

⁷³ Массон, *Древнебактрийские монеты*.

⁷⁴ Подробнее см. Зограф, *Монеты «Герая»*.

⁷⁵ Предположение С. П. Толстова о том, что монеты с искаженной греческой легендой так называемого хорезмийского безымянного царя явились промежуточным типом между тетрадрахмами Евкратида и монетами Герая (*Древний Хорезм*, стр. 177 и сл.), едва ли имеет основания. Общий характер монет этого хорезмийского правителя свидетельствует скорее об обратном — о влиянии монетного чекана Герая на этот эпизодический выпуск монет в Хорезме.

ты Герая достаточно индивидуальны. На лицевой стороне их — портрет самого Герая, одетого в кафтан с отворотами; у него усы и короткая борода. На оборотной стороне тот же правитель изображен едущим на коне, а за спиной его парит богиня Ника с венком в руках. Легенда, помещенная на этих монетах, гласит «ΤΥΡΑΝΝΟΥΝΤΟΣ ΗΡΑΟΥ ΣΑΝΑΒΟΥ ΚΟΡΡΑΝΟΥ». Первое слово — титул, греческое *τύραννος*, обозначающее лицо, стоящее ниже царя. Второе — имя правителя, читаемое большинством исследователей как Герай. Третье слово, помещенное, кстати говоря, отдельно от других, под ногами коня, наиболее неясное. Возможно, оно передает какой-либо титул или прозвище⁷⁶. Наконец, последнее слово свидетельствует о приспособлении греческого алфавита для кушанского или, как его иногда называют, бактрийского языка, где «ро» передает ж и все слово означает Кушан (Гуйшуань китайских источников). Можно считать, что эти монеты выпущены одним из юечжийских ябгу, а именно ябгу владения Гуйшуань. Поскольку по ряду черт монеты Герая схожи с монетами, чеканенными по типу тетрадрахм Гелиокла⁷⁷, то можно предположить, что последние выпущены в этом же юечжийском княжестве. В таком случае возможно, что это владение объединяло не только горные долины с кочевым населением, но и оседлые оазисы с развитым денежным обращением.

Таким образом, нумизматические данные свидетельствуют о постепенном усилении одного из юечжийских владений, а именно гуйшуаньского, или кушанского. Видимо, уже при Гераяе значение кушанского владения возросло по сравнению с другими юечжийскими княжествами. Вскоре «гуйшуаньский князь Киодзюкю покорил прочих четырех князей и объявил

⁷⁶ Большинство исследователей склонно видеть в ΣΑΝΑΒΟΥ передачу китайского шаньюй — титула правителя кочевых племен, распространенного, правда, более у гуннов, чем у юечжей. А. Н. Зограф допускал, что здесь может быть название столицы юечжийского владения Sang-bi (Зограф, *Монеты «Герая»*, стр. 31, прим. 1). в транскрипции Н. Я. Бичурина — Шуанми, но столица Гуйшуань, согласно тем же источникам, называлась Хоцзо (Толстов, *Древний Хорезм*, стр. 179). Наконец, предполагали, что это слово не что иное как написание имени правителя — Санаб, и тогда в слове ΗΡΑΟΥ следует искать часть титулатуры. Если исходить из практики преко-бактрийского монетного чекана, традиции которого продолжает чекан Герая, то следовало бы ожидать, что после титула должно быть написано собственное имя, а затем различные прозвища («ΣΑΝΑΒΟΥ», «ΚΟΡΡΑΝΟΥ»). Возможно, третье слово легенды найдёт себе объяснение в бактрийском языке. Р. Гиршман предложил считать слово ΣΑΝΑΒΟΥ позднейшим надчеканом, читая его ΣΑΚΑΡΟΥ, т. е. в известной мере восстанавливая чтение П. Гарднера, предложенное еще в 1874 г. (см. Ghirshman, *Bégram*, p. 110). Однако как чтение в целом, особенно третьего знака, так и утверждение, что это надчекан, малообоснованны.

⁷⁷ Зограф, *Монеты «Герая»*, стр. 26. 27.

себя государем под названием Гуйшуаньского»⁷⁸. Этими событиями начинаются первые страницы истории нового могущественного государства — кушанской империи.

Таковы события, происходившие в период между падением Греко-Бактрии и сложением новой могущественной империи на территориях, вошедших впоследствии в состав Афганистана. Политическая карта этого времени отличается значительной пестротой. Бактрия была разделена между правителями, происходящими из аристократической верхушки завоевавших страну кочевых племен, и мелкими владетелями, возможно потомками греко-бактрийских царей. В середине I в. до н. э. в Гандхаре, после падения власти греко-индийских владетелей, складывается индо-сакское царство, правящую верхушку которого опять-таки составляла аристократия сакских кочевых племен⁷⁹. Арея, Дрангиана и Арахосия попали под власть парфянской державы, удачно воспользовавшейся крушением греко-бактрийского царства. Однако в эти области проникали кочевые племена, частью оседавшие здесь, и древнее имя одной из областей постепенно было вытеснено новым названием, заключающим этноним пришельцев — Систан (Сакастена античных источников).

Восточные районы аршакидской Парфии были в значительной степени независимы от центрального правительства. Вскоре сакастенские владетели распространили свою власть на Гандхару, потеснив индо-саков. В результате этого возникло новое политическое образование — индо-парфянское царство. Таким образом, можно наметить две характерные черты политической истории рассмотренного периода: выдвижение на первый план кочевых племен, перешедших к оседлому образу жизни и захватывающих политическую власть, и стремление к созданию крупных политических объединений. Наиболее значительным из них было царство Гондофара,

---

⁷⁸ Бичурин, *Собрание сведений*, т. II, стр. 227. В оглавлении 42-й книги Помпея Трога сохранилась следующая загадочная фраза: «Прибавлены скифские дела. Асианы цари тохаров, уничтожение сарауков» («Reges Thogarorum Asiani interitusque Saraucorum»). Совершенно ясно, что в этом тексте идет речь о каких-то междуособицах среди племен, опрокинувших преко-бактрийское царство, причем одно из этих племен покорило соседей. Скорее всего данный текст представляет собой западную параллель рассказу китайской хроники о возвышении владения Гуйшуань. Пытаясь более уверенно сопоставлять оба источника, ряд исследователей предложил в тексте Помпея Трога вместо «Asiani» читать «Cusani». Эта конъектура объяснила бы многое, если бы асси-асианы не упоминались также в других местах у Помпея Трога и Страбона.

⁷⁹ В этой связи весьма показательным обнаружение в Таксиле ювелирных изделий, имеющих несомненные общие черты с сарматским искусством (см. Marshall, *Taxila*, vol. II, pp. 616, 635, 636). О «сарматских» элементах в материальной культуре Северной Бактрии I в. до н. э. см. Дьяконов, *Работы Кафирниганского отряда*, стр. 169—171.

объединявшее Гандхару, Арахосию, Арею, Сакастону, а также, возможно, Паропамисады и некоторые другие области. Но вне его границ оставалась Бактрия, в которой у власти утвердились сильные юечжийские ябгу. Создание государства, объединившего и Бактрию и Гандхару, было осуществлено позднее кушанской династией.

Можно предположить, что проникновение в пределы оазисов значительных масс кочевников на первых порах привело к определенному регрессу в хозяйстве и культуре оседлого населения этих районов. Но оседание кочевых племен и их ассимиляция местным населением вскоре изменили положение. Период политической неустойчивости в конце II в. до н. э. — начале I в. н. э. был вместе с тем в целом периодом дальнейшего роста городов, развития ремесел и торговли. Материалы раскопок Таксилы, Беграма и Кей-Кобад-шаха подтверждают это⁸⁰.

Все большее значение приобретает и международная торговля, особенно возросшая с установлением связей с империей Хань. Все эти явления в значительной мере предопределили сложение кушанской империи, создавшей атмосферу политической устойчивости, благоприятствующей развитию внутренней и внешней торговли, подъему городской жизни и ремесел. Как и три века назад, в пору образования греко-бактрийского царства, и сейчас центром нового политического объединения становится Бактрия.

---

⁸⁰ Рассмотрение соответствующих археологических данных перенесено в следующую главу, ввиду того, что археологический материал не всегда позволяет производить разделение между I в. до н. э. и I в. н. э.

Глава VI

КУШАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Многие данные самых различных источников свидетельствуют о том, что кушанский период был временем наибольшего за всю древнюю историю подъема хозяйства и культуры народов, населявших Афганистан и соседние с ним страны. В кушанское время наивысшего расцвета достигает городская жизнь. Именно к этому периоду относится огромное количество великолепных памятников искусства; кушанские монеты занимают выдающееся место в музейных собраниях, отражая рост торговли и денежного обращения в то время.

Вместе с тем политическая история могущественной кушанской империи известна лишь в самых общих чертах. В сводных сочинениях римских историков, неплохо осведомленных об истории извечного врага Рима — парфянской державы, ничего не говорится о государстве кушанов. Даже когда появляются сообщения о прибытии послов из Бактрии или Индии, далеко не всегда можно с уверенностью сказать, какие правители направляли эти посольства.

Другой источник сведений о кушанской империи — китайские хроники. Они превосходны по ценности сообщаемых материалов, но исключительно лапидарны. Собственно кушанские письменные источники пока практически отсутствуют. В Бактрии, правда, найдена кушанская многострочная надпись, связанная с постройкой храма. В Индии известно много надписей, в которых упоминаются кушанские правители и указываются года составления надписей, отсчитываемые по особой эре. Однако, несмотря на обширную литературу об этих надписях, до сих пор нет достаточных данных для определения соотношения этой эры с современным летоисчислением. Изучение кушанских монет позволяет наметить последовательность смены правителей, но ни одна из монет не имеет даты. Поэтому политическую историю этой державы можно охарактеризовать лишь в самых общих чертах¹.

¹ Наиболее новыми сводками по истории кушан являются работы: Ghirshman, *Bégram*; van Lohuizen de Leeuw, *The «Scythian» period*. Обе работы содержат целый ряд сугубо субъективных выводов. Наиболее полная классификация монет: Göbl, *Die Münzprägung der Kušan*.

Образование государства Кушан

В I в. до н. э. среди пяти мелких юечжийских владений выделяется Гуйшуань, т. е. Кушанское². Под его эгидой и происходит объединение разрозненной Бактрии в единое политическое целое. В «Истории династии Поздняя Хань» после описания юечжийского завоевания Бактрии сообщается: «По прошествии с небольшим ста лет Гуйшуаньский князь Киоцзюю покорил прочих четырех князей и объявил себя государем под названием Гуйшуанского. Он начал воевать с Аньси, покорил Гаофу, уничтожил Пуду и Гибинь и овладел землями их. Киоцзюю жил более 80 лет»³. Столицей нового государства называется город Ланьши, т. е., видимо, Александрия — Бактры.

Нумизматические материалы позволяют в известной мере проследить ступени последовательного возвышения победоносного гуйшуанского правителя. Так, известны монеты, выпущенные от имени кушанского ябгу Кудзулы Кадфиза⁴. Исследования показали, что этот Кудзула Кадфиз, или, как его чаще называют, Кадфиз I, и был тем гуйшуанским правителем Киоцзюю, о котором сообщает китайская хроника. Но наиболее ранние монеты, на которых упоминается имя этого владетеля, выпущены не от одного, а двух лиц. Наряду с кушанским правителем здесь упомянут один из поздних индо-греческих царьков Гермей. На лицевой стороне этих монет — портрет самого Гермея с обычной для этого правителя легендой: «Царя Гермея, освободителя»⁵. На оборотной стороне изображен стоящий Геракл и надпись: «Куджулы Кадфиза, ябгу Кушан, стойкого в вере». Сам факт наличия монет совместного чекана не представляет ничего необычного и хорошо известен по практике индо-сакских правителей или правителей Арахосии. Поскольку имя Кадфиза помещено на

² Бичурин, *Собрание сведений*, т. II, стр. 183, 184.

³ Там же, стр. 227.

⁴ Хотя в каталогах обычно различают чекан Кудзулы Кадфиза и Кадафеса, скорее всего это одно и то же лицо. Еще А. Каннинггам справедливо отметил, что, видимо, в разных монетных дворах существовала различная выше транскрипция имени нового повелителя (см. Cunningham, *Coins of the Kushans*, p. 47).

⁵ «ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΤΗΡΟΣ ΣΥ ΕΡΜΑΙΟΥ». На монетах самого Гермея обычна более правильная с точки зрения греческого языка легенда: «ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΩΤΗΡΟΣ ΕΡΜΑΙΟΥ» («Царя-спасителя Гермея»), но приведенный выше вариант также встречается на монетах самого Гермея. Различно толковалось исследователями сочетание *σφ*. А. Каннинггам допускал, что это — начало слова *σφύγγης* «родственник», подчеркивающее будто бы имевшие место родственные связи Герая и Кадфиза I. В. Тарн предполагает, что это передача иранского «шах». Все эти догадки весьма гипотетичны.

оборотной стороне монет, ясно, что он занимал подчиненное положение, о чем свидетельствует и его титул ябгу, соответствующий титулу *σβραυός* на монетах Герая. Вероятно, эти монеты отражают определенный этап в истории гуйшуанского владения, когда его правители в силу каких-то обстоятельств были вынуждены (или считали возможным) признать верховный авторитет правителя Паропамисад⁶.

Вскоре, однако, Кадфиз I освободился от призрачного сюзеренитета, видимо полностью подчинив владения Гермея. Он чеканил монету от своего имени, и изменения в титулатуре и типах выпускаемых монет рисуют картину усиливающейся политической самостоятельности. После присоединения Паропамисад Кадфиз I двинулся дальше на юг и подчинил, во всяком случае частично, разрозненные владения наследников Гондофара. Об этом сообщает китайская хроника и свидетельствуют многочисленные находки монет Кадфиза I в Кабулистане и Западном Пенджабе⁷.

Первоначально Кадфиз I довольствовался скромным титулом кушанского ябгу, но, расширив свои владения, он принял громкий титул «царь царей» (обычно его принимали индосакские и индо-парфянские правители Гандхары). Количество известных медных монет, надписи на которых отразили новую титулатуру Кадфиза I, весьма невелико. Однако известен обширный чекан некоего правителя, который, к досаде нумизматов, проставил в легендах монет только пышный титул, но не свое имя. Есть основания считать, что этот безымянный царь был не кто иной, как сам Кадфиз I⁸. Если это:

---

⁶ Такова наиболее распространенная и наиболее правдоподобная точка зрения. В. Тарн, относящий правление Гермея к середине I в. до н. э., считает, что монеты Кадфиза с именем Гермея являются своеобразным памятным выпуском, подобно известным сериям Агафокла и Антимаха. Согласно этой гипотезе, дед Кадфиза Герай был женат на сестре или дочери Гермея (обычная для В. Тарна стремление к устройству династических браков). Упоминание на монетах имя Гермея, Кадфиз I будто бы прокламировал свои связи с эллинизированным населением Бактрии и Паропамисад (Тарн, *The Greeks*, pp. 502—504). Однако нет оснований считать, что монеты, где Гермей назван «царем царей» (тип с пикой на реверсе можно рассматривать как свидетельство экспансии Гермея в сторону индо-парфянских владений), не принадлежат этому правителю, а якобы, как думает В. Тарн, выпущены после его смерти (Ghîrshman, *Bégram*, p. 121, 122?). Во всем построении В. Тарна сказалось обычное для него преувеличение политической роли греческого населения.

⁷ Выражение китайской хроники «воевал с Аньси», возможно, следует понимать как указание на столкновение с Парфией. Тацит сообщает, что в 40-х годах I в. н. э. Вардан во время междоусобной борьбы с Готарзом перенес лагерь на «поля Бактрии» (Тас., *Ann.* XII, 8). Может быть, это — глухое свидетельство о парфяно-кушанских столкновениях. Под Аньси могла подразумеваться и индо-парфянская династия Гондофара.

⁸ Массон М., *Происхождение*. Обычно считается, что «безымянный царь» был полководцем Кадфиза II и его соправителем в Индии (НСИР, II,

так (а в пользу этой точки зрения есть ряд серьезных аргументов), то исследователи получают представление о вполне устойчивом нумизматическом типе монет Кадфиза I. На лицевой стороне помещается бюст самого Кадфиза I, а на оборотной — изображение всадника на медленно идущем коне (похожее на изображение на монетах Герая). Видимо, этот чекан относится к тому периоду, когда под эгидой Кадфиза I была создана могущественная империя, объединявшая Бактрию, Паропамисады, Арахосию, Гандхару, а, возможно, также и ряд других областей.

Трудности в установлении хронологии кушанских государств начинаются уже с правления Кадфиза I, которое некоторые исследователи, и в частности Р. Гиршман⁹, относят ко второй половине I в. н. э. Однако эта точка зрения не имеет достаточно убедительного обоснования. Как указывалось выше, китайский летописец пишет, что возвышение Кушан началось через сто с небольшим лет после юечжийского завоевания Бактрии. Сколь поздним временем ни датировать это последнее событие, начало карьеры Кадфиза I едва ли можно относить ко времени много позднее начала нашей эры. Нумизматические данные также свидетельствуют о том, что он правил в первой половине I в. н. э.¹⁰

Новая империя неуклонно стремилась расширять границы своих владений. Однако на западе ей мешала парфянская держава, несколько окрепнувшая с приходом к власти младших Аршакидов. Поэтому основное внимание кушаны направили на юго-восток, где политическая раздробленность Северо-западной Индии сулила особенно богатые перспективы. Китайская хроника сообщает, что после смерти Кадфиза I «его сын Яньгаочжень получил престол, и еще покорил Индию, управление которой вручил одному из своих полководцев. С сего времени Юечжи сделался сильнейшим и богатейшим домом. Соседние государства называли его гуй-

---

pp. 140, 141). Исследователей в данном случае смущает сходство его титулатуры с титулатурой Кадфиза II. Но эта титулатура вполне могла быть заимствована Кадфизом II у Кадфиза I. Кроме того, весьма показательно, что у «безымянного царя» есть бактрыйский чекан (с греческой легендой на реверсе), так что он никак не может быть лишь индийским соправителем. Между тем все монеты с именем Кудзулы Кадфиза имеют лишь двузачную легенду. Создается весьма странное положение, когда у основателя кушанской империи отсутствует чекан, предназначавшийся для той страны, которая послужила ему опорной базой для всех завоеваний.

⁹ Ghirshman, *Bégram*, pp. 124—131 sq.

¹⁰ Уже давно было отмечено, что портрет на одной группе монет Кадфиза I, где он назван кушанским ябгу, является копией портретов римских императоров первой половины I в. н. э. и особенно близко напоминает портрет Августа. О широком распространении римских монет в Индии см. Basham, *A new study*, p. 81.

шуанским государем, но китайский двор удержал прежнее его название — Большой Юечжы»¹¹.

Судя по нумизматическим данным, наследником Кадфиза I был правитель по имени Вима Кадфиз (вероятно, сын Кадфиза I и Яньгаочжень китайской хроники).

Обычно исследователи, основываясь на приведенном выше сообщении китайской хроники, считают, что лишь при Кадфизе II к владениям Кушан были присоединены такие области, как Гандхара и Пенджаб. Однако китайские источники совершенно определенно указывают, что Гибинь, т. е. Кашмир и часть Гандхары, была покорена еще Кадфизом I. Поэтому завоевание Индии Кадфизом II следует понимать в том смысле, что при нем границы кушанской империи проходили в низовьях Инда и у Бенареса¹². Государство Кушан стало мировой державой и включало в свой состав всю территорию современного Афганистана, значительную часть Средней Азии и всю Северо-западную Индию.

Кадфиз II провел ряд мероприятий по укреплению новой государственности. Одним из них была реформа денежного обращения, подорванного при индо-сакских и индо-парфянских правителях¹³. После упорядочения денежного хозяйства был принят и новый монетный тип, сохраненный всеми позднейшими кушанскими императорами. На лицевой стороне монет стали помещать изображение Кадфиза II в восточных одеждах, сидящего на низком сидении или стоящего перед небольшим жертвенником, к которому он протягивает руку¹⁴. Изображения на оборотной стороне монет Кадфиза II свидетельствуют о его попытках прочнее связать с новой империей включенные в ее состав народы. Здесь, как правило, изображено индуистское божество Шива, иногда вместе с быком Нанди. В пышной титулатуре Кадфиза II встречается также одно из имен Шивы — Махишвара¹⁵. Декларируя свою склонность к индуизму, Кадфиз II, видимо, рассчитывал тем

¹¹ Бичурин, *Собрание сведений*, т. II, стр. 228.

¹² Д. Маршалл полагает, что завоевание Гандхары было осуществлено Кадфизом II, действовавшим еще в качестве полководца и соправителя отца. Многочисленные монеты из Таксилы с легендой: «Maharajasa gajaratirajasa Kujula Karakaphasa sacadhramathidasa» он предлагает относить не к Кадфизу I, а к Кадфизу II, считая, что кага может означать кага «принц» (Marshall, *Taxila*, vol. I, pp. 67, 68). Однако такое толкование легенды на монетах весьма надуманное, и едва ли есть основания сомневаться в принадлежности монет к чекану Кудзулы Кадфиза, который, по сообщению китайской хроники, и завоевал Гибинь.

¹³ Об этой реформе см. стр. 181.

¹⁴ Встречаются также монеты Кадфиза II, где помещен его бюст с поворотом головы вправо или где он изображен едущим на колеснице.

¹⁵ Полная титулатура Кадфиза II выглядит так: «царь царей, повелитель мира, Махишвара, спаситель» или: «царь царей, великий спаситель».

самым укрепить положение кушанской династии в индийских областях державы.

Канишка и его наследники

Наиболее известен из кушанских императоров Канишка. Датировка его правления остается предметом дискуссий. В целом ряде надписей с именем Канишки приведены даты от 2 до 23 года некоей эры. В установлении исходной даты этой эры по нашему летосчислению мнения исследователей существенно расходятся. Видимо, более правы те из них, которые предполагают, что правление Канишки относится к 78—101 г. н. э.¹⁶

Если придерживаться подобной хронологии, то к правлению Канишки следует относить столкновение, происшедшее между Кушанами и ханьским Китаем в Восточном Туркестане. Через этот район пролегали важнейшие торговые пути, и обе державы стремились овладеть им.

Западная экспансия ханьского Китая во второй половине I в. н. э. связана с именем полководца Бань Чао¹⁷. Усиление Китая в непосредственной близости от кушанских границ¹⁸ сильно беспокоило кушанов, стремившихся к установлению политического влияния в этих районах. В 88 г. н. э. в Китай было направлено кушанское посольство, но Бань Чао, считавший сложившуюся ситуацию благоприятной для военного столкновения, вернул его с полпути. Это послужило поводом для начала войны, и в 90 г. н. э. в Восточный Туркестан вторглась 70-тысячная кушанская армия во главе с полководцем Сэ.

По сообщениям китайских источников, Бань Чао опустошил области, через которые проходило его войско. Это вызвало большие трудности в снабжении кушанской армии продовольствием¹⁹. Кушаны, осадившие Бань Чао в одном из

¹⁶ Эта датировка принимается большинством индийских авторов и Лухайзен де Лев в ее сводной работе. Ряд западноевропейских исследователей относит начало правления Канишки к 122 г. н. э., некоторые индийские ученые — к 278 г. н. э. Р. Гиришман предлагает 144 г. н. э. Соответственным образом сдвигается вся хронология Кушанской империи. Следует отметить, что попытки Р. Гиришмана в одной из последних статей обосновать позднюю датировку правления Канишки археологическими материалами из Средней Азии неосновательны (см. Ghirshman, *Le problème de la chronologie*).

¹⁷ Васильев, *Бань Чао в Западном крае*.

¹⁸ Судя по ряду косвенных данных, Согд входил в состав кушанской империи. Скорее всего подчинение Согда произошло при Кадфизе I, поскольку его преемники основное внимание уделяют Индии (см. Трэвер, *Кушанская империя*, стр. 94, 95; ср., однако, Ставицкий, *О северных границах*, стр. 112, 113).

¹⁹ Кушанская армия скорее всего продвигалась через Памир (см. Мандельштам, *Материалы*, стр. 81).

городов, были вынуждены вступить с ним в переговоры и заключить мир.

Значение успеха Бань Чао явно преувеличено китайскими источниками, видимо следующими в этом отношении за победными реляциями, присланными самим Бань Чао. Едва ли, в частности, можно серьезно говорить о подчинении кушанской империи ханьскому Китаю. Речь идет лишь о столкновении интересов двух держав в Восточном Туркестане, причем на данном этапе это столкновение кончилось неудачей кушанов.

В начале II в. н. э., после смерти полководца Бань Чао, кушаны стали активно вмешиваться в дела восточнотуркестанских владений, поддерживая военной силой своих ставленников²⁰.

Но в исторической традиции Канишка известен в большей мере не как полководец, а как покровитель буддизма, под эгидой которого состоялся большой буддийский собор, где были установлены основы догматики северного буддизма — так называемая махаяна. Сам Канишка стал одной из популярнейших личностей буддийской литературы. Ему приписывается строительство религиозных сооружений, покровительство монастырям и буддийским философам. Однако нумизматический материал показывает, что в правление Канишки кушанская верхушка, придавая большое значение буддийскому вероучению, стремилась вместе с тем опираться на представителей других религий своей многоплеменной державы. На оборотной стороне монет, выпущенных от имени Канишки, изображен стоящий (реже сидящий) Будда и дана надпись «Будда» или «Будда-Сакьямуни»²¹.

Однако эти изображения сравнительно редки, и наряду с ними известна целая галерея изображений на монетах божеств самых различных религий, причем древние медалиеры старательно сопровождали эти изображения подписями, не вызывающими сомнений в характере помещаемых персонажей. Здесь и боги античной мифологии — Гелиос, Селена и Гефест, и авестийские божества — Митра, Веретрагна и, видимо, Анахита, чей культ слился с культом переднеазиатской Нанайи, под именем которой она и выступает. Видимо, соответствующие культы получили широкое распространение в различных частях обширной кушанской империи, и именно ко всем своим подданным обращался Канишка, декларируя выпуском подобных монет самую широкую веротерпимость.

²⁰ Бичурин, *Собрание сведений*, т. II, стр. 234; Мандельштам, *Медальеры*, стр. 83.

²¹ Cunningham, *Coins of the Kushans*, pp. 80—81; pl. VIII, 7—14; Gardner, *The coins of the Greek and Scythic kings*, p. 130.

К правлению Канишки относится и еще одно важное нововведение, также получившее отражение на выпускаемых им монетах. До него почти все правители, владевшие Бактрией или Гандхарой после похода Александра Македонского, по крайней мере на одной стороне монет помещали свое имя и титул, написанные по-гречески. Лишь одна, сравнительно небольшая группа монет с именем Канишки следует этой традиции²². На подавляющем же большинстве монет Канишки легенда на лицевой стороне написана на бактрийском языке, известном теперь по большой надписи из Сурх-Котала. Для этого языка был использован несколько видоизмененный греческий алфавит, впервые примененный еще на монетах кушанского ябгу Герая. «Царь царей Канишка Кушан» — гласит эта новая легенда. Вероятно, при Канишке бактрийский язык, принятый кушанами-юечжами, был объявлен одним из официальных языков правительственных канцелярий. Во всяком случае, начиная с этого времени легенды на всех кушанских монетах даны на бактрийском, а не на греческом и индийских языках.

Если судить по именам кушанских правителей, упоминаемым в индийских надписях, то наследником Канишки следует считать лицо по имени Васишка, которое правило в 102—106 гг. н. э., если считать 78 г. н. э. первым годом правления Канишки. Преемником Васишки, согласно надписям, был Хувишка, и время его правления приходится на 28—60 гг. (106—138 гг. н. э.). Эта последовательность, намечаемая на основании элиграфических памятников, несколько противоречит данным нумизматики. Судя по этим данным, наследником Канишки было лицо по имени Хоэрко (OONPKIKO). Исследователи отождествляют это лицо с Хувишкой. Никаких монет, выпущенных от имени Васишки, нет. Возможно, известный по надписям Васишка был в действительности лишь соправителем Хувишки и не имел права выпускать собственную монету²³. Монеты Хувишки встречаются в таком же изобилии, как и чекан Канишки, и также имеют на оборотной стороне изображения самых различных божеств. В этом отношении Хувишка продолжал политику своего предшественника.

Дальнейшая династийная история Кушан крайне трудна для исследования. Индийские надписи и нумизматические

---

²² Показательно, что именно в этой группе монет на реверсе изображены античные божества (Гефест, Селена, Гелиос), к которым добавлено изображение Нанайи, культ которой, видимо, был широко распространен в среде эллинизированного населения. В Согде и в Парфии, насколько можно судить по теофорным именам собственным и по названиям храмов, Нанайя, как и в Бактрии, была отождествлена с богиней Анахитой.

²³ ИСР, II, 150.

данные свидетельствуют о существовании правителя по имени Васудева, правившего, согласно принимаемой в данном изложении хронологии, в 152—176 гг. н. э. Его монеты по типу оборотной стороны как бы возрождают традиции Кадфиза II: на большинстве из них помещено изображение стоящего Шивы. Относительно наследников Васудевы трудно сказать что-либо определенное. Видимо, среди них были лица, носившие имена Канишка и Васудева, но их число и хронологическая последовательность их правлений остаются предметом дискуссий²⁴. Во всяком случае данные китайских хроник позволяют заключить, что в III в. н. э. в состав кушанской империи входили Бактрия, Кабулистан, Гандхара и Северо-западная Индия. Однако пора наивысшего расцвета этой державы уже прошла. Об этом свидетельствуют поражения, нанесенные кушанам сасанидской монархией, приведшей на смену аршакидской Парфии.

Средневековая историческая традиция сообщает, что основатель сасанидской державы Ардашир I завоевал Систан, потом Мерв, Балх и Хорезм. С «изъявлением покорности» к нему явились цари Турана и Мекрана²⁵. Та же историческая традиция повествует о будто бы имевшем место походе Ардашира в Пенджаб²⁶.

Однако целый ряд данных заставляет сомневаться в реальности столь грандиозных успехов первого Сасанида. В надписи Шапура I (241—272) на «Каабе Зороастра» перечисляются области, входившие в состав сасанидского государства, но ни Хорезма, ни Балха в этом перечне нет. Сам по себе факт столкновения Ардашира I с Кушанами во время его восточных походов не представляет ничего невероятного, и о нем сообщается и в армянских источниках²⁷. Вероятнее всего, что какое-то столкновение между Сасанидами и Кушанами действительно имело место, причем последние потерпели поражение и вынуждены были покинуть Систан. Однако, как бы далеко в действительности ни заходили войска Ардашира I, в целом кушанская держава сохранила и независимость, и основное территориальное ядро.

Следующее столкновение Кушан с державой Сасанидов относится к правлению Шапура I. На востоке своих владений Шапур I, продолжал, видимо, политику своего предшественника. В источниках нет подробностей об этих столкновениях, но, судя по нумизматическим данным, Сасанидам удалось на

---

²⁴ См. Ghirshman, *Bégram*, pp. 107—161; van Lohuizen de Leeuw, *The Scythian period*, p. 388.

²⁵ Nöldeke, *Geschichte*, S. 17.

²⁶ Smith, *Invasion*.

²⁷ См. Тревер, *Кушаны, хиониты и эфталиты*, стр. 139.

время утвердиться в Бактрии, в которой, как и при Ахеменидах, наместником был член правящей династии²⁸.

Не приходится сомневаться в том, что борьба с Сасанидами была одним из факторов, способствовавших ослаблению Кушанской державы. Потеря Бактрии явилась для нее непоправимым уроном. С другой стороны, в северо-западной Индии все большее число областей, ранее подчинявшихся Кушанам, становится независимым. Этому способствовало сложение сильного индийского государства — империи Гупта. В этой сложной обстановке проходил кратковременный подъем кушанского государства, связанный с именем правителя Кидары (Цидоло китайских источников).

Государство поздних кушан и кидариты

В «Истории северных дворов» сообщается, что «юечжи под давлением жужаней перенесли свою столицу из г. Юньланьши в г. Боло. После сего храбрый юечжийский государь Цидоло перешел со своими войсками через большие горы, напал на северную Индию и покорила пять государств, лежащих от Гантоло (Гандхары) к северу»²⁹. Хронологию описанных в этом отрывке событий помогают установить нумизматические данные. Монеты с именем Кидары-Цидоло относятся ко второй половине IV в. н. э.³⁰. Поэтому можно считать, что указанные события также происходили в этот период³¹. В это время Бактрия находилась под властью Сасанидов. В ее столице Бахле (Балх) правил сасанидский наместник с титулом кушан-шах. Но уже в правление Шапура II (309—379) сасанидское владычество в Бактрии было поколеблено. Из сообщения византийского историка известно, что Шапур II

²⁸ Herzfeld, *Kushano-Sasanian coins*, p. 32 sq. Примечательно упоминание «границы Кушанской страны» в манихейских сочинениях, повествующих о распространении манихейства в восточных областях Сасанидской державы во второй половине III в. н. э.

²⁹ Бичурин, *Собрание сведений*, т. II, стр. 264.

³⁰ Martin, *Coins of Kidāra*, pp. 23—50; Ghirshman, *Les Chionites-Hephthalites*, pp. 74—80; Мандельштам, *К вопросу о кидаритах*, стр. 68, 69. В последнее время были выдвинуты возражения против отнесения монет Кидары к IV в. н. э. Но и предлагаемая попытка датировать их V в. н. э. малоубедительна (см. Curiel, *Le trésor du Tepe Marenjan*).

³¹ Многие исследователи датируют эти события серединой V в. н. э. (см. Marquart, *Erānšahr*, S. 55, 211). Эта датировка основана на том, что Приск Панийский упоминает о войне Пероза в 454—468 гг. с гуннами-кидаритами. Однако описанные византийским историком события имели место в восточном Прикаспии и связаны с борьбой против эфталитского объединения. Нумизматические данные определенно указывают на IV в. н. э. как на время правления кушанского правителя Кидары. Существует предположение, что племена, бывшие противниками Пероза, в IV в. н. э. были союзниками Кидары, откуда и происходит приведенное у Приска их название — гунны-кидариты.

вел кровопролитную войну с племенами хионитов, евсенов и геланов в крайних пределах своего царства (Апт. Магс., XIV, 3, 1; XVI, 9, 3—4). В 357/58 г. Шапур II заключил с ними договор, и в 359 г. царь хионитов Грумбат появился под Амидой как союзник Сасанидов (Апт. Магс., XVII, 5, 1; XIX, 1).

Упомянутые в этих сообщениях хиониты были, видимо, одним из тех кочевых племен, которые в IV в. н. э. вторглись в Среднюю Азию из засырдарьинских районов, как бы повторяя движение юечжийских и сакских племен во II в. до н. э. Как уже отмечалось, китайская хроника сообщает, что юечжи (кушаны) были потеснены жужанями. В другом месте того же источника сообщается, что кушан потеснили племена гуннов³². Видимо, в обоих случаях имеются в виду какие-то кочевые племена, которые скорее всего следует отождествлять с хионитами Аммиана Марцеллина.

Однако движение хионитов в конечном итоге способствовало усилению позднекушанского правителя Кидары. Свой главный удар кочевые племена направили против Шапура II, что, видимо, привело к потере им Бактрии. Возможно, в борьбе против Сасанидов кушаны и хиониты выступали как союзники³³. Во всяком случае Бактрия (Боло китайских источников скорее всего соответствует Балху)³⁴ перешла во владение Кидары. Продвинувшись на юг за Гиндукуш, Кидара распространил свою власть на Гандхару. Сын его был правителем в Пешаваре.

Рассмотрение описанных событий позволяет прийти к выводу, что в IV в. н. э. произошел определенный подъем распадающегося кушанского государства. Один из мелких кушанских правителей, Кидара, сумел использовать сложившуюся политическую ситуацию и, отобрав у Сасанидов

³² Бичурин, *Собрание сведений*, т. II, стр. 266.

³³ Ряд исследователей предлагает в тексте Аммиана Марцеллина (Апт. Магс., XVI, 3, 1) вместо *eusepoi* читать *cisepoi* «кушаны». Исторически совместная борьба хионитов и кушан против Шапура II вполне вероятна, но едва ли данная конъектура может служить в качестве доказательства существования подобного союза.

³⁴ Эта старая идентификация, предложенная А. Гутшмидом и Т. Нёльдеке, представляется наиболее вероятной. Предложение И. Маркварта помещать Боло в прикаспийских Балханах (Marquart, *Eränshahr*, S. 56) совершенно неприемлемо. Как показывают археологические данные, в районе Балхан никогда не было крупных оседлых поселений. С. К. Кабанов (*К вопросу о столице; Археологические данные*) предлагает идентифицировать Боло с Нашеболо (средневековый Нашхеб, телерешнее Карши), отождествляя со столицей Кидары городище Ер-Курган. Однако аргументация С. К. Кабанова не вполне убедительна. См. Мандельштам, *О некоторых вопросах*, стр. 79, 80. Совершенно фантастично построение Д. Маршалла, когда он, принимая марквартовскую локализацию Боло, пишет, что Кидара после завоевания Гандхары оставил в Пешаваре сына, а сам переселился на Балханы (Marshall, *Taxila*, vol. I, p. 74).

Бактрию, создал объединение в границах, близких государству Кадфиза I. В литературе это объединение иногда называют государством малых Кушан. Как свидетельствуют данные армянских источников, государство Кидары с успехом выдержало натиск Шапура II во второй половине IV в. н. э. Фавстос Бузанд сообщает, что в 368—374 гг. против Шапура II выступил царь кушан, правивший в Балхе. Шапур II собрал значительную армию и направился навстречу кушанам, но потерпел поражение в битве с ними. Вторичное столкновение, по словам того же историка, произошло в период между 374 и 377 гг. н. э. и также окончилось поражением Сасанидов³⁵. Разумеется, в описаниях Фавстоса Бузанда, симпатизирующего всем противникам сасанидского Ирана, имеется известная доля преувеличения, когда он, например, говорит, что все персидское войско было уничтожено кушанами. Но вместе с тем не приходится сомневаться, что положение Шапура II на востоке своих владений было тяжелым. Поскольку армянские историки употребляют термин «кушаны» в очень широком значении, трудно с уверенностью утверждать, что противником Шапура II во второй половине IV в. н. э. был именно Кидара, хотя такое предположение кажется весьма вероятным³⁶.

Известны монеты, оставленные наследником Кидары, но убедительного чтения его имени пока не дано. Возможно, его владения сосредоточивались главным образом к югу от Гиндукуша. На севере серьезным соперником малых Кушан становится новое политическое объединение в Средней Азии, а именно эфталитское. Вторжение эфталитов привело к окончательному распаду кушанской державы, усиление которой в правление Кидары было непрочным и кратковременным. Таковы основные события политической истории кушанской державы.

Расцвет городов

О развитии хозяйства в странах, входивших в ее состав, достаточно яркое представление дают археологические данные. Таковы прежде всего материалы, свидетельствующие о развитии поселений городского типа.

Как уже отмечалось, за греко-бактрийским царством в ан-

---

³⁵ [Фавстос Бузанд], *История Армении Фавстоса Бузанда*, пер. М. А. Геворгяна, Ереван, 1953, кн. V, гл. VII, XXXVII; Тревер, *Кушаны, хиониты и эфталиты*, стр. 133—135.

³⁶ Ghirshman, *Les Chionites-Nephthalites*, p. 79; Мандельштам, *К вопросу о кидаритах*, стр. 70. Однако К. В. Тревер считает, что в данном случае под кушанами имелись в виду хиониты (*Кушаны, хиониты и эфталиты*, стр. 135).

тичной исторической традиции сохранилась слава страны тысячи городов. Этого не говорится о державе Кушан, которая вообще была плохо известна античному миру. Но ряд данных, и прежде всего археологические исследования, показывает, что именно кушанский период был временем подлинного расцвета городской жизни в Бактрии, Гандхаре, Систане и соседних областях.

К середине II в. н. э. относится составленная Клавдием Птолемеем сводка географических сведений, известных античному миру. В Арее он называет 35 городов и деревень, в Паропамисадах — 16, в Дрангиане — 11, в Арахосии — 12. Арея, через которую проходила основная торговая магистраль, была лучше известна античному миру, поэтому Птолемей и располагал о ней значительно более полной информацией. Особенного расцвета достигают города в Бактрии, столица которой недаром сохранила в средневековой традиции прозвище «матери городов». В Бактрии Птолемей называет 18 населенных пунктов, причем все они, по его словам, были городами. По сообщениям источников, население Бактрии во II в. до н. э. достигало одного миллиона.

Центр страны, древние Бактры (Бахл, Балх), видимо, в какой-то период играл роль столицы кушанской державы³⁷. Центр Бактр в это время окончательно переместился к югу от Бала-Хисара и занимал территорию Нового Балха³⁸. По сравнению с греко-бактрийским периодом произошел заметный рост обжитой территории. Особенно густо был населен район Теле-Заргаран. Вокруг города была возведена новая стена, которая не ограничивала всей площади города: целый ряд строений находился и за ее пределами, образуя пригород. В частности, там была построена из сырцового кирпича грандиозная ступа (буддийский культовый памятник), остатки которой ныне известны под названием Топи-Рустам. Видимо, в густо застроенном городе внутри крепостных стен трудно было выбрать место для значительного культового сооружения.

В результате работ советских исследователей был изучен ряд городских поселений в северной Бактрии. Установлено, что важным центром северной Бактрии был Термез. На кушанский период приходится пора расцвета этого крупнейшего городского поселения³⁹. Культурные слои Термеза этого вре-

³⁷ «История династии Поздняя Хань» сообщает, что владетель Большого Юечжи имеет пребывание в г. Ланьши, т. е. в том же городе, который, по отчету Чжан Цяня, является столицей Даха и скорее всего соответствует Бактрам.

³⁸ Gardin, *Céramiques*, pp. 107, 108.

³⁹ Массон М., *Термезская экспедиция*; «Труды Термезской археологической комплексной экспедиции», Ташкент, т. I — 1940 (1941); т. II — 1945.

мени достигают шести метров. В пригородах располагались керамические и железоделательные мастерские. Там же находились два крупных буддийских монастыря — ныне развалины Чингиз-Тепе и Кара-Тепе.

Возможно, остатками буддийской ступы, построенной, так же как и ступа в Бактрах, из сырцового кирпича, являются развалины, известные под названием Зурмала. Кроме Термеза в северной Бактрии существовал и ряд других, менее значительных городов. Наибольшего расцвета они достигли в первые века нашей эры. Особый интерес представляют остатки небольшого города кушанского периода — ныне городище Кей-Кобад-шах в низовьях р. Кафирниган⁴⁰. Этот город был построен во II—I вв. до н. э. В отличие от Термеза или Бактр, где стихийно разраставшиеся кварталы обводились крепостной стеной, Кей-Кобад-шах был построен по заранее продуманному плану. Прямоугольник крепостных стен окружал пространство в 12 га. Стена была усилена выступавшими прямоугольными башнями, расположенными на расстоянии 20—22 м одна от другой.

Большое число развалин кушанских городов известно и в южной Бактрии. Таково, например, городище Шахри-Бану к северу от Хульма⁴¹. К сожалению, систематического исследования кушанских поселений в южной Бактрии не производилось, так что сейчас невозможно еще установить местонахождение тех 18 бактрийских городов, названия которых приводятся у Птолема.

Одним из сравнительно немногих археологических памятников, чье древнее название можно считать установленным, является Беграм. Это городище, в 60 км к северу от Кабула, у подножия величественных отрогов Гиндукуша, в древности носило имя Каписы и было одним из центров горной области, столь часто упоминавшейся в предыдущем изложении, — Паропамсад.

Центр города, видимо, несколько раз перемещался по мере накопления в одном месте культурных остатков за счет разрушенных строений из сырцового кирпича. Лучше других изучено городище, являвшееся городским центром в I в. до н. э. — IV в. н. э.⁴²

Регулярная планировка Беграма указывает на наблюдение за его строительством со стороны центральных властей.

⁴⁰ Дьяконов, *Археологические работы*; Кузьмина — Певзнер, *Оборонительные сооружения*; Мандельштам — Певзнер, *Работы с 1952—1953 гг.*

⁴¹ Alichin, *The cultural sequence*, p. 137. См. также Barger, *Explorations*. О древностях района Кундуза: Fischer, *Preliminary notes*.

⁴² Hackin J. — Hackin R., *Recherches*; Ghirshman, *Begram*; Hackin J. — Hackin R. et al., *Nouvelles recherches*; Гиршман, *Раскопки в Беграме*. Обзор работ в Беграме: Мандельштам, *О некоторых результатах*, стр. 425—429.

Рис. 9. Комплекс Беграм I

Прямоугольник городских стен охватывает площадь не менее чем 25 га.

Фортификация Беграма почти идентична крепостным укреплениям Кей-Кобад-шаха, что свидетельствует о наличии определенных стандартов крепостного строительства. Как и в Кей-Кобад-шахе, городские стены укреплены прямоугольными башнями, и даже расстояния между ними такие же, как и на северобактрийском городище (от 18 до 21 м).

В ходе раскопок городища Беграм выделены три основных культурных слоя, материалы которых позволяют проследить эволюцию городской культуры Паропамисад. Первый слой — Беграм I (рис. 9) — самый нижний, относится ко времени основания нового города и датируется, видимо, I в. до н. э.⁴³ Центральная магистраль разделяла город на две ча-

⁴³ Р. Гиршман, выделивший этот комплекс, был склонен датировать его II в. до н. э. — I в. н. э. Однако нет никаких данных, свидетельствующих в пользу датировки его II в. до н. э.

Рис. 10. Комплекс Беграм II

сти⁴¹. Керамика этого периода отличается высоким качеством. Многочисленны фрагменты чаш серо-черного цвета, но преобладает посуда с красным цветом черепка, изредка украшаемая процарапанным орнаментом. Среди терракотовых статуэток можно отметить фигурку богини, сидящей на троне.

Следующий период истории Беграма (Беграм II, рис. 10) датируется, по мнению Р. Гиришмана, концом I — началом III в. н. э. В этом слое исчезает серая посуда, но зато появляются кубки, украшенные черно-фиолетовой росписью. Среди сосудов различных видов особенно интересно появление

⁴¹ Р. Гиришман с уверенностью явняет о том, что Беграм имел крестообразную планировку — так называемый гипподамов план. Однако, поскольку северная часть городища осталась неисследованной, это является не более чем предположением. Крестообразной планировки не оказалось ни в Кей-Кобад-шахе — этой северобактринской реплике Беграма, ни в ряде других городов.

вьючных флаг специфической формы, характерной для материальной культуры кочевых племен. Подобные флаги встречаются среди погребального инвентаря среднеазиатских кочевников, и вполне возможно, что их появление в Беграме связано с притоком в состав оседлого населения представителей кочевых племен, из среды которых вышла сама правящая династия Кушап. На подобные связи указывает и характер некоторых украшений, найденных в слое Беграм II: золотого кольца, браслета и подвески со вставками из драгоценных камней. Эти украшения, так же как и ряд подобных изделий из Таксилы, находят прямые параллели в ювелирном искусстве сарматских кочевых племен Нижнего Поволжья и Причерноморья⁴⁵. В этом же слое обнаружены различные изделия из железа (наконечники стрел и дротиков, ножницы и т. п.).

При раскопках Беграма не было обнаружено остатков ремесленных мастерских. Но, как показало изучение древнего Термеза, ремесленные центры обычно располагались в пригородах, тогда как раскапывавшееся французскими археологами городище, несомненно, было центром Каписы. Там, в частности, находился и дворец правителя. Дворец этот раскопан лишь частично, поэтому трудно составить представление об особенностях его планировки. Примечательно, что строительная техника его та же, что и в обычных домах городища, — стены из сырцового кирпича, возведенные на каменном фундаменте. Между прочим, также довольно скромной архитектурой отличался и дворец таксильского правителя, раскопанный на городище Сиркан. Но невзрачные на первый взгляд руины беграмского дворца таили в своих недрах неожиданные сокровища. На полах двух помещений лежали ценнейшие произведения древнего искусства, причем их состав как бы иллюстрировал широкие культурные и торговые связи империи Кушап. Из ханьского Китая были доставлены миниатюрные чернолаковые коробочки. Стеклянные сосуды, украшенные сюжетной росписью, ведут свое происхождение из восточных провинций Римской империи. Оттуда же происходят великолепные бронзовые скульптуры, изображающие Гиппократ, Геракла, всадника и выполенного в манере гротеска философа-стоика. Особое место занимают гипсовые медальоны диаметром 15—20 см с рельефным изображением различных мифологических сцен и персонажей (Минерва, Амур и Психея, Гарпии). Эти медальоны скорее всего служили моделями для различных художественных изделий.

Особенно богатой и разнообразной явилась коллекция предметов из резной слоновой кости. Это были главным обра-

⁴⁵ Ghiesbreght, *Begram*, pp. 38, 59.

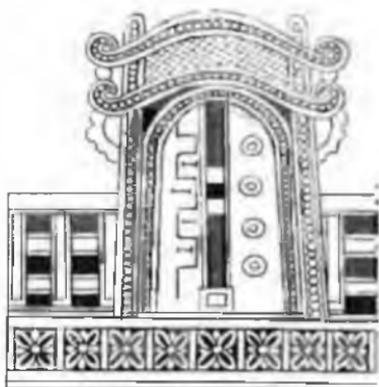

Рисунок 11. Архитектура кушанского времени. Прорисовка деталей с резьбой слоновой кости из Беграма

зом плакетки и накладки на деревянную основу различных шкатулок и, видимо, даже на мебель. Тончайшая ажурная резьба покрывала кружевной плетенкой спинки кресел.

Значительное место среди сюжетов отведено танцовщицам, изображенным в изысканно манерном стиле (табл. 16). По стилю выполнения фигуры танцовщиц особенно близки произведениям матхурской школы северной Индии, и, возможно, часть из них привезена в Беграм именно оттуда. Вместе с тем исследователи отмечают в орнаментальных мотивах ряд специфических особенностей, несвойственных матхурскому стилю, что, возможно, свидетельствует о местном производстве некоторых из этих изделий. Возможно, местного происхождения также и часть стеклянных сосудов.

Рис. 12. Комплекс Беграм III

Великолепная коллекция предметов из резной слоновой кости, обнаруженная при раскопках беграмского дворца, находит близкие параллели в предметах из римского города Помпеи, погибшего в 79 г. н. э. при извержении Везувия. Здесь найдена женская статуэтка из слоновой кости, являющаяся как бы двойником статуэтки из Беграма⁴⁶.

Предметы из беграмского клада (а есть все основания так называть эту замечательную находку), судя по стилистическим данным, относятся к различному времени. Было высказано предположение, что это какая-то часть вещей, поступавших беграмскому правителю в виде пошлины с проходивших через Капису торговых караванов⁴⁷. В этом предполо-

⁴⁶ d'Ancona, *An Indian statuette*, pp. 166—180.

⁴⁷ Wheeler, *Rome*, p. 164.

ложении нет ничего невероятного — в письменных источниках имеются сообщения о существовании особых царских таможен.

Следующий слой Беграма (Беграм III) датируется серединой III — началом IV в. н. э. и характеризует последний период жизни города (рис. 12). Среди развалин помещений, относящихся к этому периоду, легко можно выделить отдельные жилые комплексы, нечто вроде квартир, состоящих из двух, трех или более комнат и особого культового помещения. В таких помещениях обычно встречаются терракотовые или каменные статуэтки. Особенно интересна терракотовая фигурка слона, к спине которого приделана чашечка. Часто встречаются и статуэтки конных воинов. Скорее всего подобные помещения предназначались для отправления домашних культов.

Старый дворец правителя, где были обнаружены описанные выше предметы искусства, в конце III — начале IV в. н. э. пришел в запустение, и на его руинах выстроено новое здание. Это прямоугольный в плане замок с массивными круглыми башнями по углам. Его мощные стены, возведенные чередующейся кладкой сырцового кирпича и глинобитных блоков, скрывали обитателей замка от жителей города.

Керамическое производство слоя Беграм III во многом продолжает старые традиции. Изменения наблюдаются лишь в характере украшения глиняной посуды. Роспись исчезает совершенно, и все шире распространяется штампованный орнамент. Начало IV в. н. э. было последним этапом жизни Беграма. Вероятно, уже в середине III в. н. э. начались какие-то разрушения городских построек. Р. Гиршман склонен связывать их с походом Шапура I. В середине IV в. н. э. Беграм, так же как и северобактрийское городище Кей-Кобад-шах, был уже полностью заброшен.

Развитие торговли

Уже Чжан Цянь, посетивший во второй половине II в. до н. э. Бактрию, отмечал, что ее «жители искусны в торговле», а в столице страны имелся рынок. В том же отчете, представленном ханьскому императору, Чжан Цянь пишет и о парфянских купцах и торговцах, которые «и сухим путем и водою развозят свои товары по соседним владениям — даже за несколько тысяч ли» (ли — около 0,5 км)⁴⁸. Эта внешняя торговля — за несколько тысяч ли — приобрела в кушанский период особенно большой размах и значение.

На первом месте стояли торговые связи с западными

⁴⁸ Вичурин, *Собрание сведений*, т. II, стр. 151.

странами — с Римской империей, в первую очередь с ее восточными провинциями. Еще при Ахеменидах сложился сухопутный торговый путь из Индии и Бактрии в страны Восточного Средиземноморья. Парфянские и греко-бактрийские правители уделяли этому пути значительное внимание; расстояния между отдельными пунктами были тщательно вымерены, составлены специальные дорожники, отмечавшие места остановок торговых караванов. Из Парфии торговый путь шел в Александрию Аррейскую, где дорога разветвлялась: одна шла на восток и, минуя столицу Бактрии, поворачивала на юг. Пройдя горные ущелья и спустившись к Каписе-Беграму, этот путь достигал Ортоспаны, приблизительно соответствующей современному Кабулу, откуда шел уже прямо в цветущие города Гандхары. Другая дорога из Александрии Аррейской поворачивала прямо на юг, проходила через столицу Дрангианы, называемую эллинистическими авторами Профтазией⁴⁹, далее шла через столицу Арахосии⁵⁰ к Ортоспане, где скрещивалась с дорогой, идущей из Бактрии (Strabo, XI, 8, 9; XV, 2, 8). Южный путь, который, по словам Страбона, был длиннее идущего через Бактрию, описан и в дорожнике Исидора Харакского.

Наряду с этим традиционным путем сухопутной торговли с I в. н. э. все большее значение начинает приобретать южный морской путь из Египта через Красное море, вдоль Аравийского полуострова и далее к западным портам Индостана. Развитию торговли по этому морскому пути способствовало начавшееся в первой половине I в. н. э. использование для плавания периодических ветров, господствующих в этом районе, — муссонов⁵¹. Сохранился и морской дорожник этого южного торгового пути, «Перипл Эритрейского моря», составленный в последней трети I в. н. э. египетским купцом. Крупнейшими торговыми портами северо-западной Индии в то время были Барбарикон и Баригазы. Первый из них находился в устье Инда, а второй — юго-восточнее, в низовьях р. Нарбады, как полагают, на месте современного Броаха. Из Баригаз шел сухопутный путь на север, в Бактрию, по нему в гавани Индии доставлялись китайские товары (Peripl., § 64). Впрочем, китайский шелк и кожи можно было приобрести и в Барбариконе.

Дальше на юг на побережье Индостанского полуострова имелся ряд торговых факторий; некоторые из них были основаны купцами. Остатки такой фактории были раскопаны

⁴⁹ В дорожнике Исидора Харакского этого названия нет. Он говорит лишь о двух городах, носящих имя Александра, — Александрии и Александрополе.

⁵⁰ Страбон говорит о городе араховтов. Город *Αραχωτος* есть и у Исидора Харакского, но столицей Арахосии он называет Александрополь.

⁵¹ Хвостов, *История восточной торговли*, стр. 294, 367.

в Арикамеду, неподалеку от Пондишери⁵². В портах северо-западной Индии западные торговцы встречались с местными купцами. Регулирование торговли государственной властью ограничивалось взиманием с купцов таможенных пошлин⁵³. В отдельных случаях бактрийские и гандхарские купцы, видимо, сами совершали путешествия на далекий Запад. Так, бактрийцы достигали Александрии Египетской, этого центра восточной торговли Римской империи⁵⁴.

В индийских портах и факториях приезжие купцы закупали пряности, благовония, драгоценные камни, дерево ценных пород, слоновую кость, растительные краски, сахар. Большое значение имела также торговля рисом и особенно хлопчатобумажными изделиями. Автор «Перипла Эритрейского моря» особенно подчеркивает, что в соседних с Баригазами странами производится много хлопка и что изделия из него в большом количестве доставляются в этот торговый пункт (Peripl., § 41). Вывозили из Индии также и живой товар — рабов-евнухов⁵⁵.

В обмен римские купцы привозили ткани одежды, рассчитанные на местные вкусы, стеклянные сосуды, золотые и серебряные изделия, различные мази и притирания, вино из Сирии и Италии. В Баригазах особым спросом пользовались товары, привозимые специально для царского двора, — серебряные сосуды, отборные вина и одежды, мальчишки-музыканты, красивые девушки для гарема, а также скульптура.

Согласно «Периплу», в Баригазах можно было с выгодой обменять золотые и серебряные динары на местную монету (Peripl., § 49). Действительно, в Индии в виде кладов или отдельных находок в значительном числе встречаются римские монеты. Подобные находки отмечены и в районах Чарикара, Джалалабада и Кабула⁵⁶. Видимо, правы нумизматы, считающие, что римские монеты ввозили через Баригазы и

---

⁵² Casal, *Fouilles de Virampinma-Arikamedu*; Wheeler, *Rome*, pp. 129. 145—150. Видимо, с существованием подобной фактории связано помещение на так называемой левтингеровой карте в районе Мадраса храма Августа. См. Rawlinson, *India and Western world*, p. 121.

⁵³ В «Перипле Эритрейского моря» отмечается, что в Барбариконе все товары не продаются на месте, а перевозятся вверх по Инду к царю (Peripl., § 38). Еще в беседах Менандра с буддийским мудрецом Нагасеной упоминается, что царь является владыкой всех гаваней, рудников, городов и таможен. Ряд сведений, приводимых в этом источнике, скорее всего относится не ко времени Менандра, а к более позднему периоду, в частности к I в. н. э. (см. Wheeler, *Rome*, p. 123).

⁵⁴ Хвостов, *История восточной торговли*, стр. 395.

⁵⁵ Spadones indici упоминаются в таможенном указе Марка Аврелия и Коммода (см. Хвостов, *История восточной торговли*, стр. 115).

⁵⁶ Cunningham, *Coins of Tochari*, p. 275, 278; Хвостов, *История восточной торговли*, стр. 220—222; Scerrato, *On a silver coin*, p. 17.

Барбарикон в основном для перчеканки на кушанских монетных дворах⁵⁷.

Археологический материал полностью подтверждает сообщения письменных источников о развитии торговли со странами римского запада. Фрагменты стеклянных сосудов, скульптурные изделия из бронзы и серебра, геммы средиземноморского круга обнаружены в Таксиле⁵⁸. Среди упоминавшихся выше сокровищ, найденных в беграмском дворце, много художественных изделий из бронзы, стеклянных сосудов и гипсовых медальонов, вывезенных из различных восточноримских провинций, главным образом из Александрии Египетской.

Привозные вещи римского времени найдены и в Северной Бактрии⁵⁹, а также в Согде. Судя по обилию этих находок, импортные предметы роскоши были широко распространены в быту верхушки общества. Это подтверждается и сообщением китайской хроники о том, что в Индии много дорогих вещей из Дациня (Рима)⁶⁰. Вместе с тем торговля с Римом затрагивала и ряд хозяйственных отраслей, в частности способствовала развитию хлопководства и хлопчатобумажного производства.

Объем торговли со странами Римской империи был весьма значителен. В доказательство часто приводят слова Плиния о том, что «по самому низкому расчету Индия, Сери (Китай) и этот полуостров Аравия каждый год отнимают у нашей империи по 100 миллионов сестерций» (Pliny, *NH*, XII, 84). В другом месте тот же автор с озабоченностью пишет: «Индия ежегодно поглощает из нашего государства не менее 55 миллионов сестерций, а посылает она к нам такие товары, которые у нас продаются в 100 раз дороже» (Pliny, *NH*, VI, 101). Несомненно значительная часть из этих 55 млн. приходилась на долю кушанской империи, о распространении в пределах которой римских изделий вполне определенно свидетельствует археологический материал.

Меньше сохранилось сведений о торговле между кушанской державой и ханьским Китаем. Уже в конце II в. до н. э. из Китая ежегодно отправлялось на запад несколько торго-

⁵⁷ Cunningham, *Coins of the Indo-Scythians*, p. 200. См. также Wheeler, *Rome*, pp. 140—142.

⁵⁸ Wheeler, *Rome*, pp. 158—161.

⁵⁹ Пугаченкова, *Сосуд из Термеза*. Автор приходит к выводу, что публикуемый сосуд относится к началу нашей эры и является импортным, но сюжеты его оформления рассчитаны на вкусы восточного общества. Автор «Перипла» прямо указывает, что римские купцы как ткани и одежды, так и металлические изделия приспособляли к вкусам своих покупателей (Peripl., § 6). О привозных вещах см. также Ставиский, *Средняя Азия, Индия, Рим*.

⁶⁰ Бичурин, *Собрание сведений*, т. II, стр. 228.

вых караванов. Во многих случаях подобными караванами являлись и те «посольства» из западных стран, о прибытии которых в Китай регулярно сообщают династийные хроники империи Хань. Так, в конце I в. до н. э. китайский чиновник донесил об одном посольстве из Гибини: «...в числе представивших дары нет ни одного из его (царя Гибини) родственников или вельмож, а все суть низкие торговые люди, которые, под предлогом представления даров, ищут только производить торговлю»⁶¹. Приведя это донесение, автор «Истории династии Ранняя Хань» добавляет: «Гибиньцы и в самом деле имели в виду только награды и торговлю, и посольство их приезжало один раз в несколько лет»⁶².

Насколько можно судить по имеющимся источникам, из Китая вывозились шелк, меха, лаковые изделия и, возможно, мелкие железные изделия. Наибольшее значение из этих предметов несомненно имел шелк, и недаром античные авторы, описывая путь торговых караванов в Китай, именуют его «шелковым путем». За возможность контролировать этот торговый путь развернулась даже политическая борьба.

Первоначально этот путь полностью контролировала Парфия. В руках парфян находился конечный участок «шелкового пути», и они всеми силами старались сохранить свое монопольное положение в торговле с Китаем. Китайская хроника сообщает, что парфяне всячески препятствовали римским купцам проникнуть в Китай. Не пропустили в Рим парфяне и китайского посланника, направленного в 97 г. н. э. полководцем Бань Чао. Для китайцев не оставалось никаких сомнений в истинных мотивах подобного поведения парфянских властей. «Владелец [Дациня] давно искал случая открыть сообщение с Китаем,— сообщает китайская хроника,— но аньсийцы [парфяне], желая одни снабжать Дацинь китайскими шелковыми тканями, не пропускали дациньцев через свои пределы в Китай»⁶³.

В конце II—I в. до н. э., когда Бактрия была разгромлена, у парфян не могло быть серьезных соперников в борьбе за монопольное положение на торговых путях между Китаем и Средиземноморьем. Эти пути были сухопутными, и главный из них шел от переправы через Евфрат в Бактрию и далее горными долинами Каратегина и Алая в Восточный Туркестан.

Возможно, существовал и другой путь — через Маргиану и Чарджуу, где находилось крупное поселение парфянского времени, в Согд и Давань (Фергану)⁶⁴. Вероятно, с движе-

⁶¹ Там же, стр. 181.

⁶² Там же, стр. 182.

⁶³ Там же, стр. 226, 227.

⁶⁴ Массон М., *Народы и области*, стр. 35.

нием караванов по этому пути связаны находки драхм Орода I (57—38 гг. до н. э.) в Фергане⁶⁵ и Митридата II (124—87 гг. до н. э.) в Восточном Туркестане⁶⁶.

С образованием кушанской державы, распространившей свою власть на среднеазиатское междуречье и Восточный Туркестан, Парфия частично потеряла свое монопольное положение на «шелковом пути». Возможно, именно в связи с кушано-парфянскими торговыми противоречиями часть китайских товаров в конце I в. н. э. направлялась из Бактр на юг, в гавани Северо-западной Индии. Однако сухопутный путь от Евфрата в Бактры и далее через Каратегин и Восточный Туркестан в Китай сохранял свое значение. Именно он описан в качестве «шелкового пути» в середине II в. н. э. Птолемеем. Однако этот путь, видимо, в основном был закрыт для римских купцов. Когда наиболее предприимчивым из них удалось все-таки достигнуть родины шелка, они проникли сюда не по маршруту, описанному Птолемеем, а круглым морским путем, обогнув полуостров Индо-Китай.

Реформа денежного обращения

Всячески способствуя развитию внутренней и внешней торговли, кушанские правители стремились также наладить и денежное обращение.

Ряд признаков свидетельствует о расстройстве в I в. до н. э. — начале I в. н. э. денежного обращения в Гандхаре и, видимо, в Бактрии, т. е. в двух экономически наиболее развитых областях кушанской империи. Индо-сакские и индо-парфянские правители, так же как и их греко-бактрийские предшественники, чеканили серебряную монету по местному стандарту с весом основных номиналов в 10,36 и 2,59 г. Выпускали они и медь, номиналы которой почти не изучены. Основой обращения, видимо, была серебряная монета⁶⁷, но со временем она становилась все более неполноценной, так как в нее добавлялось все больше лигатуры. При последних индо-сакских правителях — Азилесе и Азе II — серебряная монета почти полностью заменяется монетой, чеканенной из биллона или потина. Монеты таких индо-парфянских правителей, как Гондофар и Абдагас, чеканены из столь низкопробного серебра, что есть все основания считать их биллонными⁶⁸. Возможно, аналогичное явление имело место и в

⁶⁵ Массон М., *Монетные находки 1930 и 1931 гг.*, стр. 8.

⁶⁶ A. Stein, *Serindia*, vol. III, Oxford, 1921, p. 1340.

⁶⁷ После Евкратида золото чеканил, видимо, только Менандр.

⁶⁸ Возможно, что медные монеты Пакора и Ортагна в древности были посеребрены и официально считались серебряной монетой. Их вес вполне допускает такое предположение.

Бактрии⁶⁹. Подобные мероприятия правительства приводили, как известно из истории монетного дела Рима, к падению курса денег и к серьезному денежному кризису. Видимо, экономическое положение правителей, именовавших себя «царями царей», было крайне непрочным, что вынуждало их к стремлению получить дополнительные доходы путем выпуска недоброкачественной монеты с принудительным курсом⁷⁰. Как свидетельствуют нумизматические данные, вся первая половина I в. н. э. в Гандхаре прошла под знаком углубляющегося кризиса денежного обращения.

В таком положении застали денежное хозяйство основатели кушанской империи. Поскольку сами возможности создания этой империи в известной мере обуславливались ростом городов и развитием товарного хозяйства, естественно, что Кушаны уделили значительное внимание упорядочению денежного обращения. Правда, первый из великих Кушан, Кадфиз I, не сделал в этом отношении сколько-нибудь значительных шагов. При нем выпускалась главным образом медная монета прежних номиналов и, если отнести к чекану Кадфиза I монеты «безымянного царя», в незначительном количестве — серебряная⁷¹.

Но уже при его преемнике Кадфизе II была проведена кардинальная реформа всего монетного дела. Монетная система стала основываться не на серебре, а на золоте. Величина нового золотого номинала была определена на основании веса римских ауреусов, которые, как отмечалось выше, в большом количестве вывозились из Римской империи. Новые золотые монеты, условно называемые статерами, весили 8,03 г. Иногда выпускались двойные статеры в 16,07 г, реже — четверть статера в 2,01 г⁷². Соответственным образом были изменены и номиналы медных монет. Вместо медных монет Кадфиза I весом около 10 г появились крупные монеты весом 16—17 г. Названия этих номиналов неизвестны, но, судя по имеющимся экземплярам, медные монеты относились друг к другу, как 8 : 4 : 2 : 1 (приблизительно 17 : 8,61 : 4,21 :

---

⁶⁹ Монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла, хотя по величине и весу ближе всего стоят к тетрадрахмам и драхмам убывающего азиатического стандарта (ср. стандарт Герая), тем не менее являются медными. Возможно, что известные в настоящее время экземпляры потеряли то незначительное посеребрение, которое они имели в древности (см. Массон, *Древнебактрийские монеты*, стр. 73).

⁷⁰ Наивной является попытка объяснить замену серебра биллоном и потином сношениями индо-саков с империей Андхра, где подобный чекан получил широкое распространение (см. Marshall, *Taxila*, vol. I, pp. 53, 773). Напротив, это «совпадение» свидетельствует о широком распространении кризисных явлений.

⁷¹ Массон М., *Происхождение*, стр. 23—26.

⁷² Gardner, *The coins of the Greek and Scythic kings*, p. LXIX.

2) ⁷³. Если основная золотая единица кушанской монетной системы почти точно повторяла римский ауреус, то номиналы медных монет совершенно отличны от римских, что указывает и на иные счетные традиции и, возможно, на иное соотношение стоимости металлов.

Монетная реформа, проведенная Кадфизом II, несомненно укрепила финансовое положение молодого государства Кушанские статеры, число которых в музейных собраниях весьма велико, чеканены из высокопробного металла и, видимо, представляли собой вполне устойчивую валюту.

Однако отнюдь не золото было основной монетой повседневного обращения. Раскопки Таксилы ясно показали, что наиболее ходовой монетой второй половины I в. до н. э.— I в. н. э. была именно медная монета. Основную массу кушанских монет, находимых на городищах Бактрии и соседних стран, также составляет медь. Превращение медной монеты в основную единицу денежного обращения свидетельствует о проникновении денег в сферу мелкого, в какой-то степени, вероятно, даже розничного оборота. Денежные отношения развиваются «в тех областях товарного обращения, где монета циркулирует наиболее быстро... т. е. там, где акты купли и продажи постоянно возобновляются в самом мелком масштабе» ⁷⁴. Расширение сферы денежного обращения в первых веках нашей эры несомненно свидетельствует о развитии внутренней торговли и товарного производства.

Общественный строй

Образование могущественной империи было тесным образом связано с внутренними процессами в Бактрии, Арахосии, Гандхаре и других странах. Из-за недостатка источников отражение этих процессов в сфере общественных отношений может быть охарактеризовано лишь в самых общих чертах. Быстрый прогресс, наблюдаемый в ремесленных производствах, городской жизни и денежном обращении, свидетельствует о том, что система производственных отношений рабовладельческого общества, сложившаяся в рассматриваемых районах еще в середине I тысячелетия до н. э., продолжала развиваться. Создание сильной государственной власти, укрепившей внутреннее и внешнее положение страны, отвечало интересам рабовладельческой верхушки общества и торгового капитала Гандхары и Бактрии. На примере соседней с кушан-

⁷³ Следует иметь в виду, что из-за плохой сохранности медных монет вес их весьма изменчив, поэтому ряд нумизматов, в частности П. Гарднер, даже не указывает веса монет, чеканенных из этого металла.

⁷⁴ К. Маркс, *Капитал*, т. I, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 23, стр. 136.

ской империей Парфии известно, что в этот период существовали две категории рабов: так называемые бандаки, труд которых первоначально использовался в домашнем хозяйстве, в обширных хозяйствах храмов, на рудниках, и чужеродные (аншахрики), состоявшие главным образом из военнопленных⁷⁵. Изучение хозяйственных документов из парфянской Нисы показало, что в I в. до н. э. в Парфии наряду с царскими именами существовали мелкие участки арендаторов, возможно рабов, посаженных на эти земли⁷⁶.

Можно предполагать, что сходные общественные отношения были и в Бактрии, городская культура и денежное хозяйство которой имеют так много общего с Парфией, хотя окончательно ответить на этот вопрос можно будет лишь после открытия соответствующего архива в каком-либо из бактрийских или гандхарских городов. Так, в Бактрии в местности Сурх-Котал уже раскопаны остатки большого комплекса храмовых построек. В числе прочих строений здесь есть своеобразные сокровищницы, в которых содержались храмовые богатства. Возможно, подобные храмы владели и значительным числом рабов и земельных угодий, подобно тому как это имело место на эллинистическом Ближнем Востоке.

Вместе с тем для кушанской империи, как об этом свидетельствуют данные индийских источников, характерно сохранение большой роли общины как замкнутой и самовоспроизводящей экономической единицы, эксплуатируемой государством как единое целое. Хотя положение рядовых общинников в ряде случаев практически приближалось к положению рабов, сам факт сохранения общины оказывал существенное влияние на характер общественных отношений в кушанской империи.

В первых веках нашей эры, несмотря на сохранение рабовладельческих отношений, повсеместно начинают появляться признаки изменения в общественном строе. Так, например, в Парфии рабы-аншахрики получили право распоряжаться определенной долей своего труда, что отразило стремление повысить их заинтересованность в производительности труда. Это уже не что иное, как зародыши новой, феодальной формы эксплуатации. Данные индийских источников свидетельствуют о развитии в первых веках нашей эры института земельных пожалований отдельным лицам. О повышении политической роли земледельческой аристократии свидетельствует и археологический материал. Как показывают работы, прове-

---

⁷⁵ Периханян, *К вопросу о рабовладении и землевладении: «История таджикского народа»*, т. I, стр. 473.

⁷⁶ Дьяконов — Лившиц, *Документы из Нисы*, стр. 17—22.

денные советскими археологами в Хорезме⁷⁷ и Согде⁷⁸, там в этот период намечалась тенденция к выделению отдельных усадеб, принадлежащих, видимо, мелкой аристократии. Позднее, в V—VII вв. н. э., эти усадьбы превратились в грозные укрепленные замки, а их хозяева — в феодалов.

Видимо, с этими процессами смены старых, рабовладельческих, отношений новыми, феодальными, связан и целый ряд других явлений в жизни стран, входивших в состав кушанской державы

Прежде всего в IV—V вв. н. э. пришли в упадок крупные городские центры. Так, IV в. н. э. был последним периодом жизни Беграма. В Таксиле, где к кушанскому периоду относится огромное (более 1 кв. км), но мало раскопанное городище Сирских, упадок города датируется V в. н. э. В V—VI вв. н. э. заметно сократилась обжитая площадь крупнейшего центра северной Бактрии — Термеза, а целый ряд других поселений вообще пришел в запустение⁷⁹. На городище Кей-Кобадшах последние слои, свидетельствующие о жизни города, так же как и в Беграме, относятся к IV в. н. э.⁸⁰ Не случайно китайский путешественник начала VII в., посетивший эти районы, отмечает, что города находятся в запустении и заросли дикой травой. Подобная картина установлена исследованиями советских археологов и для многих районов Средней Азии⁸¹. Все это позволяет считать, что подобные явления не случайные, а закономерные проявления каких-то внутренних процессов, происходящих в жизни общества.

Одновременно с упадком крупных городских поселений на первый план выдвигались укрепленные замки. Таков, например, замок Балалык-Тепе в Северной Бактрии. Его основанием служила глинобитная платформа шестиметровой высоты. На этой платформе был расположен сам замок, состоящий из нескольких помещений, расположенных вокруг внутреннего дворика. Время возведения замка можно отнести к V в. н. э.⁸² В Северной Бактрии известны и другие замки V—VI вв. н. э. Выше уже упоминалось, что в самом Беграме дворец правителя в III—IV вв. н. э. был сменен укрепленной постройкой типа замка. Как и упадок городских поселений,

⁷⁷ Толстов, *Древний Хорезм*, стр. 102—108.

⁷⁸ Небольшие укрепленные усадьбы к югу от Самарканда возникают именно в первых веках нашей эры (Тали-Барзу и целый ряд других памятников). См. Тереножкин, *Согд и Чач*, стр. 157.

⁷⁹ Массон М., *Термезская экспедиция*, стр. 114.

⁸⁰ Дьяконов, *Археологические работы*, стр. 292.

⁸¹ Толстов, *Древний Хорезм*, стр. 49, 50; Массон М., *Новые археологические данные*, стр. 159. С кризисом рабовладельческого строя наступает упадок городов и в других областях, например в Армении (см. Саркисян, *Тигранакерт*, стр. 132 и сл.).

⁸² Альбаум, *Балалык-тепе*, стр. 125.

все эти явления имели место и в Средней Азии. Повсюду развивалась замковая архитектура, становящаяся в VII—VIII вв. н. э. наиболее характерной особенностью оседлых оазисов.

Наиболее вероятной представляется точка зрения о том, что все эти явления связаны с начальными этапами становления раннефеодального общества, когда на первый план все более выдвигается могущественная земельная аристократия. Запустение же городских поселений, так же как и ряд других явлений, указывающих на упадок различных ремесел (в частности, керамического), наблюдаемый в IV—V вв. н. э., скорее всего обусловлено кризисом рабовладельческого общества.

Культура кушанского периода

Кушанская империя объединила в своем составе целый ряд стран с различными культурными традициями, пестрым этническим составом и, наконец, с разнообразными религиозными верованиями. Все это в значительной мере оставило отпечаток на культуре кушанского периода. По сути дела нет какой-либо однородной и единой кушанской культуры, а существует целый ряд местных вариантов, не все из которых еще выявлены во всем конкретном своеобразии.

Весьма значительным было влияние буддизма на все страны, вошедшие в состав кушанской державы. Покровительствуя буддийскому вероучению, кушанские правители несомненно способствовали проникновению буддизма далеко на север своих владений. Нам известен целый ряд буддийских памятников, расположенных на территории Кабулистана, Паропамисад и Бактрии. Многие из буддийских монастырей, расположенных в районах Кабула и Джалалабада, стали известны впервые еще по описаниям путешественников первой половины XIX в.⁸³ Несколько буддийских ступ имеется в районе Беграма, из которых наиболее известны памятники Шотарак⁸⁴. Видимо, в кушанский период начал складываться грандиозный комплекс Бамиана с его пещерными храмами и монастырями, расположенными около высеченных в скале гигантских статуй Будды.

Выше уже упоминались развалины ступы, находившейся в предместьях бактрийской столицы. Остатки буддийского монастыря открыты в районе Кундуза⁸⁵. Наконец, значитель-

⁸³ Сводку этих описаний дал Уилсон (H. H. Wilson, *Ariana antiqua*).

⁸⁴ Meshîé, *Shotarak*.

⁸⁵ Hackin, *L'Art. bouddhique*. Буддийские памятники в районе Кундуза были открыты в 1955 и 1960 гг. К. Фишером (Fischer, *Preliminary notes*, pp. 16, 17; idem, *Gandhāran sculpture*). Повторные раскопки в Кундузе, проведенные экспедицией Пенсильванского университета, оказались безрезультатными (см. Young, *Afghanistan reconnaissance*, pp. 51, 52).

ное число буддийских памятников обнаружено в Термезе и ряде других пунктов Северной Бактрии (Айртам⁸⁶ и др.).

Наряду с широким распространением буддизма и вызванных им к жизни культовых памятников (ступы, монастыри, святилища, реликварии, тематические барельефы и т. п.) повсюду в кушанской империи большое значение сохраняли различные местные культы и религиозные верования. В особенности это относится к Бактрии, где уже много столетий существования насчитывала такая религиозная система как зороастризм. Даже различные сооружения, связанные с буддизмом, иногда, видимо, испытывали влияние местных художественных и архитектурных традиций.

На монетах Канишки и Хувишки изображены различные божества зороастрийского круга или связанные с другими древнебактрийскими культами⁸⁷. Археологические памятники в весьма яркой форме отражают эти две особенности культуры кушанского периода — сильное влияние буддизма и сохранение древних местных культов. С миром буддизма теснейшим образом связано и так называемое гандхарское искусство, представленное в основном рельефами и круглой скульптурой.

Оно несомненно является одним из выдающихся достижений культуры кушанского периода. Начиная с 30-х годов XIX в., когда первые образцы гандхарских скульптур были найдены в районе Кабула, и до настоящего времени, когда только раскопки Хадды доставили около 23 тыс. объектов древней скульптуры, число памятников, относимых к этой художественной школе, возросло до многих тысяч. Само понятие «гандхарское искусство», терминологически связываемое лишь с одной из областей, входивших в состав кушанского государства, значительно шире первоначально вкладывавшегося в него содержания. Памятники гандхарской скульптуры обнаружены и на территории Бактрии. При этом своеобразие штуковой скульптуры из развалин буддийского монастыря около Кундуза⁸⁸ или Айртамского фриза из Северной Бактрии⁸⁹ настолько заметно, что позволяет ставить вопрос о различных территориальных школах в том большом художественном направлении, которое условно называется гандхарским искусством⁹⁰.

⁸⁶ Массон М., *Находка фрагмента скульптурного карниза*; его же, *Скульптура Айртама*.

⁸⁷ Stein, *Zoroastrian deities*; Тревер, *Золотая статуэтка*.

⁸⁸ Hackin, *L'Art bouddhique*.

⁸⁹ Массон М., *Находка фрагмента скульптурного карниза*; его же, *Скульптура Айртама*.

⁹⁰ Пугаченкова, *Древние связи*, стр. 412. На обширном материале эта проблема поставлена Д. Шлюмберже (Schlumberger, *Descendants non-méditerranéens de l'art grec*, pp. 131—166).

Несмотря на исключительное изобилие памятников гандхарской скульптуры, их внутренняя хронология остается предметом значительных дискуссий. Лишь отдельные статуи и рельефы имеют определенно установленные абсолютные датировки, а в основной же своей массе эти памятники датируются на основании стилистических данных, в известной мере определяемых субъективным отношением различных исследователей к рассматриваемому материалу⁹¹.

Наиболее ранние памятники гандхарского искусства относятся, видимо, ко второй половине I в. до н. э. — I в. н. э. Это главным образом каменные скульптуры, в том числе статуи Будды и рельефы различных реликвариев. Видимо, воспроизведением сложившихся скульптурных образов сидящего или стоящего Будды является изображение Будды на оборотной стороне монет Канишки. Со II в. н. э. все в большем числе начинают появляться терракотовые и штукковые статуи и рельефы. Особенно велико число изделий из штука и терракоты, относящихся к III—V вв. н. э. Так, при раскопках Беграма в слое Беграм III было найдено несколько образцов терракотовой скульптуры, в том числе, что очень показательно для изучения местных культов, фигура сидящей на троне богини изобилия — Ордохшо. Видимо, к III—IV вв. н. э. относится часть рельефа, обнаруженного в Беграме в 20-х годах XX в. Д. Д. Букиничем⁹² (табл. 17) и являющегося довольно типичным для произведений гандхарского искусства.

Гандхарские барельефы были как бы скульптурной иллюстрацией к буддийским рассказам и легендам. Их композиционным центром служит фигура Будды, первенствующее положение которой подчеркивалось и ее величиной, намного превосходящей фигуры остальных персонажей. Зачастую на одном рельефе помещалось несколько сцен, развивающих один и тот же сюжет, что приводило к предельному насыщению композиции. Нагромождение действующих лиц — так в первую очередь воспринимаются гандхарские барельефы. Но за этой внешней перегруженностью скрываются и умелое композиционное решение, и глубокая психологическая характеристика действующих лиц. Фигура Будды обычно изображается в каноничной схеме отрешенного от мира спокойствия. Однако в изображениях других персонажей часто выступает гамма чувств и переживаний, переданных со значительным реализмом.

⁹¹ Foucher, *L'art gréco-bouddhique*; Coomaraswamy, *History of art*; Deyder, *L'art du Gandhara*; Ingholt, *Gandarian art*.

⁹² Чайковская, *Гандхарская скульптура*; Пугаченкова, *Памятник гандхарской скульптуры*.

Подлинной сокровищницей гандхарского искусства оказались древности района Хадды, расположенной неподалеку от Джалалабада. Здесь исследовались остатки многочисленных буддийских ступ и ряда других сооружений⁹³. Скульптура Хадды дошла до нас в сильно фрагментированном виде и представляет собой не целые, сюжетно законченные композиции, а отдельные фигуры и головы различных персонажей.

В коллекции скульптуры из Хадды значительное место занимают головы статуй, изображавших Будду или бодисатв. В соответствии с основными положениями буддизма скульпторы стремились создать абстрактный образ, законченный во внутреннем самоуглублении, идеально прекрасный и вместе с тем чуждый всему земному. Различные ваятели придают создаваемым им образам и некоторую индивидуальную характеристику: иногда это персонаж с тонкими, женственными чертами, в других случаях человек с волевым подбородком. Полна глубокой внутренней горечи застывшая на губах улыбка одной из статуй, воспроизводящих бодисатву (табл. 18).

С особенной силой глубокий реализм скульпторов Хадды проявился в изображениях лиц, образ которых не был связан с консервативными рамками предвзятых канонов. Таковы головы воинов, так называемых варваров (табл. 18), молодых людей и многие другие. Несомненно, что в этих скульптурах нашли отражение конкретные черты древних обитателей этого района, и вполне возможно, что статуи, изображающие мужчин с волевыми чертами лиц, с густыми усами и в легких туниках, передают портреты тех юечжей и саков, чье продвижение на юг из заяксартских прэсторов в столь сильной степени повлияло на историю рассматриваемых областей. Полна эмоционального портретного психологизма голова юноши, выполненная в смелом повороте в три четверти. Большой внутренней силой отличается «голова аскета» — пожилого, изможденного человека с резкими складками у рта и с упрямо сдвинутыми бровями (табл. 19).

Скульптура Хадды с ее глубоким реализмом, вниманием к индивидуализации персонажей и проникновением в психологию изображаемых лиц является одним из блестящих достижений гандхарского искусства. Основным материалом для ваятелей Хадды служил шток. Это обстоятельство, а также ряд других данных склоняют исследователей к датировке основной массы скульптуры Хадды III—V вв. н. э., хотя в этом обширном собрании, видимо, имеются и более ранние произведения.

⁹³ Bartoux, *Les fouilles*.

Вопрос о происхождении гандхарского искусства вызвал множество противоречивых гипотез. Одни исследователи придавали исключительное значение греко-римским влияниям, усилившимся в результате расширения торговли с Римом в I в. до н. э. — I в. н. э.⁹⁴ Другие авторы пытались объявить гандхарское искусство эклектичным в отличие от античной пластики, с одной стороны, и матхурской скульптурной школой Индии — с другой.

Разумеется, ни о каком эклектизме гандхарского искусства говорить не приходится. Памятники этого искусства выдержаны в одном стиле и представляют собой вполне совершенное и законченное явление. Здесь нет механического соединения западных и восточных образцов, они слиты в неразрывном единстве, образуя неповторимое своеобразие гандхарских памятников. Говоря о местных корнях гандхарского искусства, следует иметь в виду, что речь должна идти не только о скульптурных традициях Северо-западной Индии. Есть основания полагать, что значительную роль в этом отношении сыграла Бактрия, чьи ранние достижения в области пластики известны нам по Аму-Дарьинскому кладу⁹⁵. Об этом свидетельствует и значительное своеобразие штуковой скульптуры из упоминавшихся выше буддийских монастырей близ Кундуза. Можно предполагать, что именно Бактрия явилась одним из центров, где в греко-бактрийский период происходило творческое освоение лучших достижений эллинистического искусства.

Вместе с тем нельзя забывать и роль торговли, процветавшей, как мы видели, в первых веках нашей эры. Известно, что вместе с предметами искусства, о которых прямо упоминается в перечне ввозимых в Индию товаров, сюда попадали и сами скульпторы.

Святынища Сурх-Котала

О большом своеобразии бактрийской культуры кушанского периода свидетельствует открытие культового центра в 15 км к югу от Пули-Хумри, неподалеку от дороги, идущей из Хайбака в Мазари-Шериф⁹⁶. Здесь над окружающей равниной возвышается «Красный холм» — Сурх-Котал. Как установили произведенные раскопки, этот холм, укрепленный

⁹⁴ Подробно тезис о римских влияниях (вернее, о влияниях восточноримских провинций) развит Уилером (Wheeler, *An old problem; idem, Rome beyond frontier*, pp. 167—171).

⁹⁵ На большую роль Бактрии справедливо указывает Д. Шлюмберже (Schulmberger, *Désendants non-méditerranéens de l'art grec*, 152; idem, *The Excavations at Surkh Kotal*, p. 93).

⁹⁶ D. Schlumberger, *The excavations at Surkh Kotal*.

стеной с башнями, представлял собой своеобразный акрополь. Внутри обводной стены располагался целый ряд сооружений, существовавших в течение длительного времени и подвергавшихся неоднократным перестройкам.

Первоначально здесь было построено здание, названное археологами главным храмом. Центральной частью храма являлось квадратное в плане помещение с невысоким возвышением в центре. С трех сторон его окружали узкие коридорообразные комнаты. Этот главный храм, фасад которого имел 35 м в длину, являлся центром большого архитектурного ансамбля. Храм располагался на невысокой платформе посередине обширного двора, окруженного стеной, сложенной из сырцового кирпича и облицованной каменными блоками. Стена была укреплена выступающими прямоугольными башнями с внутренними помещениями. Сами стены двора с внутренней стороны имели ниши, в которых располагались монументальные статуи из необожженной раскрашенной глины и из известняка. Первые дошли до нас в виде груды мелких обломков, а от вторых сохранились нижние части нескольких статуй в богатых одеждах, ниспадающих тяжелыми складками.

Три входа, ведущие в храм (один — в центральное помещение и два — в боковые комнаты), открывались на восток. Как установили раскопки последних лет, с этой стороны холма находилась монументальная трехпролетная лестница, ведущая к подножию храма, расположенного на холме 35-метровой высоты. Легко можно представить, с каким эффектом проходили здесь религиозные церемонии, когда процессии священнослужителей и верующих медленно подымались к гордо возвышающейся над окружающей равниной «святая святых».

Позднее был возведен второй, так называемый малый храм, являющийся почти точной копией главного святилища. Находившаяся в центре храма платформа служила постаментом для алтаря огня.

Из сохранившихся деталей архитектурного декора храмов большой интерес представляют штукковые зубцы со стреловидными прорезями, украшавшие стены главного храма. Эта архитектурная деталь, восходящая к зубцам крепостной архитектуры, является одним из основных декоративных элементов и персепольских дворцов Ахеменидов, и сооружений парфянской Нисы, и среднеазиатских замков раннего средневековья. К числу элементов архитектурного убранства принадлежат: фриз, на котором изображена растительная гирлянда, поддерживаемая персонажем, напоминающим Эроса; акантовые листья от капителей; каменные пилястры, дробившие гладкую поверхность стен интерьера, и др. Видимо, сурх-

котальские храмы обладали значительными богатствами, остатки которых обнаружены в ряде помещений внутри башен. Это золотые украшения, бронзовые ножки от мебели, выполненные в виде лап животных, остатки железной кирасы.

Однако два храма, расположенные на вершине холма, не были единственными сооружениями в этом районе. В 2 км к югу от холма открыты остатки платформы высотой около полутора метров, облицованной каменными плитами и украшенной пилястрами с капителями. На платформу вела небольшая лестница. На самой платформе в древности находились статуи, сделанные из глины, покрытой алебастром. Сохранились от статуй лишь незначительные остатки, указывающие, что некоторые из них достигали пятиметровой высоты.

Два основных вопроса возникают перед исследователями, обращающимися к сурх-котальскому комплексу. Первый из них, вопрос о дате, решается сравнительно легко. При раскопках было обнаружено 14 кушанских монет, среди которых удалось определить две монеты «безымянного царя» — Кадфиза I, семь монет чекана Канишки и две — с именем Хувишки. Показательно, что уже монеты Васудевы отсутствуют среди этих находок.

На этом основании был сделан вывод, что главный храм возведен Канишкой, а последующие перестройки, и в частности появление малого храма, относятся уже к правлению Хувишки. Эти выводы, сделанные на археологическом материале, получили известное подтверждение после открытия и дешифровки многострочной надписи (табл. 21), высеченной на каменной плите, находившейся около основания монументальной лестницы, ведущей к святилищу⁹⁷. Перевод этой надписи, предложенный В. А. Лившицем, гласит: «Этот акрополь — храм [называемый] Канишка Победитель, которым господин царь⁹⁸ почтил Канишку. И вот, когда первоначаль-

---

⁹⁷ Помимо этой главной надписи (Marieq, *Le grande inscription*) обнаружены также части двух других надписей, отличающиеся от главной лишь небольшими сокращениями в последних строках (так называемые версии А и В — см. о них: Benveniste, *Inscriptions de Bactriane*). Язык надписей — восточноиранский. Видимо, его следует именовать бактрийским, причем показательно его близость афганскому (пушту), с одной стороны, и согдийскому и хорезмийскому — с другой. Для чтения надписи наиболее важны работы В. Хеннинга (Henning, *The Bactrian inscription*) и И. Гершевича (Gershevitch, BSOAS, vol. XXVI, 1963).

⁹⁸ То есть Хувишка. Здесь В. А. Лившиц расходится с большинством исследователей, считающих, что храм был возведен Канишкой. Несколько странно, что храм, возведенный Хувишкой (т. е. не ранее 28 г. по эре Канишки), уже в 31 г. этой эры потребовал ремонта, которому и посвящена надпись.

но было закончено [сооружение] акрополя, тогда высохли внутри [акрополя] находящиеся [вместо источника] воды, в результате чего акрополь остался без воды. И когда от сильного летнего зноя наступила засуха, тогда боги из [их] гнезда (=храма) были унесены — и изображения [богов], и скульптуры [богов]. И акрополь опустел — до тех пор, пока в 31 году правления, в месяце нисане, пришел сюда к храму наместник (канаранг) Ноконзок, любимый царем, наиболее дружественный к царю, сиятельный («сын бога»), старающийся (?), делающий добро, полный добродетелей, чистый помыслами по отношению ко всем существам. Затем он акрополь обнес стеной, вырыл колодец, провел воду, выложил [колодец] камнем — так, чтобы люди, находящиеся в акрополе, не испытывали бы недостатка в воде⁹⁹ и чтобы в случае засухи, возникающей от сильного летнего зноя, боги не были бы унесены из [их] гнезда, чтобы акрополь не опустевал. А над колодцем был устроен подъемник для воды (?)¹⁰⁰, было сооружено также водохранилище. И благодаря этому колодцу, и благодаря этому водоподъемнику (?) весь акрополь стал процветающим. И этот колодец и этот...¹⁰¹ сделали Хиргоман, Бурзмихр, сын Кузгашки, Астилганциг и Ноконзок, наместники, послушные приказу царя. И написал Евман вместе с Михраманом, Бурзмихр-пухром [и] Амихраманом».

Упомянутые в надписи ремонтные работы относятся к 31 г. эры Канишки, или, по принятой в настоящем изложении хронологии, к 109 г. н. э. Едва ли следует придавать большое значение словам составителей надписи о полном отсутствии воды в акрополе и о прекращении в связи с этим деятельности храма. Тем не менее несомненно, что кушанским наместником в 109 г. н. э. были проведены значительные работы по реконструкции всего архитектурного комплекса и во всяком случае часть этих работ может быть отмечена и по данным раскопок.

К деятельности Ноконзока следует отнести архитектурное оформление четвертой террасы, служившей основанием всего комплекса, и, судя по надписи, постройку крупного колодца. Этот колодец, облицованный каменными блоками, с ведущей к нему лестницей в 27 ступеней, был обнаружен при

---

⁹⁹ Или: «чтобы акрополь не испытывал недостатка в чистой воде».

¹⁰⁰ В тексте *axštriγ*. И. Гершевич предложил понимать этот термин как приспособление для вытаскивания воды из колодца (Gershevitch, BSOAS, vol. XXVI, 1963, p. 193).

¹⁰¹ Здесь следует слово *mašt(o)*, перевод которого неясен. Э. Бенвенист сопоставляет его с авестийским *mišta*, которое переводилось предположительно то как «окно», то как «башня». В Авесте упоминается «дом со ста колоннами и десятью тысячами *mišta*» (Benveniste, *Inscriptions de Bactriane*, p. 148).

раскопках Сурх-Котала в 1958 г.¹⁰². После произведенных усовершенствований храмовый комплекс существовал еще в течение почти 100 лет. Где-то в пределах конца II — начала III в. Сурх-Котал подвергся разрушению и, видимо, разграблению¹⁰³.

Значительно сложнее обстоит дело с вопросом о характере культа или культов, с которыми были связаны святилища Сурх-Котала. О значении этого района как древнейшего религиозного центра свидетельствует средневековая топонимика. Область, в которой находились описанные святилища, в X в. носила название Баглан — имя, упоминаемое в надписях Сурх-Котала в форме ВАГОΔ АГГО¹⁰⁴, что, по мнению В. Хеннинга, восходит к древнеиранскому *bagadānaka* «храм, алтарь, святилище»¹⁰⁵. Несомненно, что в обоих святилищах, и малом, и большом, находились алтари огня и что с большими основаниями оба сооружения можно именовать храмами огня. Однако нельзя исключать и того, что в действительности это мог быть сложный комплекс религиозных церемоний с участием различных божеств зороастрийского пантеона, упоминаемых на монетах Канишки. Наконец, уже Д. Шлюмберже отметил, что найденные при раскопках статуи весьма близки известной статуе матхурской школы, изображающей Канишку (табл. 15). Вполне вероятно, что некоторые статуи Сурх-Котала воспроизводили каких-либо кушанских правителей, может быть, того же Канишку, и тогда будет вполне уместной постановка вопроса о наличии в Сурх-Котале памятников династийного культа Кушан¹⁰⁶.

Этот вывод тоже как будто находит подтверждение в многострочной надписи, где сообщается, что все сооружение носило название «храм Канишка Победитель».

Раскопки Сурх-Котала приоткрывают завесу над той бактрийской культурой кушанского периода, о существовании которой мы могли догадываться по наличию изображений

¹⁰² Д. Шлюмберже склонен относить сооружение этого колодца к «третьему периоду» на том основании, что при выкладке лестницы здесь были использованы плиты с надписями (версии А и В — Schlumberger, *The excavations at Surkh Kotal*, p. 85). В этом, однако, нет ничего удивительного, поскольку был признан официальным и соответственным образом распложен лишь наиболее полный текст.

¹⁰³ Д. Шлюмберже считает, что разрушение храма связано с походом Ардашира I, что вполне вероятно.

¹⁰⁴ Curiel R., *Inscriptions de Surkh Kotal*, — JA, 1954, pp. 194—196. Надпись эта состоит из трех строчек. Вторая, как отметил В. Хеннинг, содержит имя Баглан. В третьей строчке, возможно, упомянут один из строителей: *diá palactiḡdoḡ*. Интересно наличие чисто греческого имени — Паламед. См. также J. Harmatta, *Cusanica*, pp. 191—220.

¹⁰⁵ Henning, «*Surkh Kotal*», pp. 366, 367.

¹⁰⁶ Schlumberger D., *Le temple de Surkh Kotal en Bactriane* (II), p. 187. См. также K. Jettmar, *Zum Heiligtum von Surkh-Kotal*.

зороастрийских и других божеств на реверсах кушанских монет. Эта, почти не затронутая буддийским влиянием, культура продолжала развивать старые местные традиции, и не случайно архитектурный тип сурх-котальских святилищ получил широкое распространение¹⁰⁷. Все это заставляет еще раз подчеркнуть важность рассмотрения возможного участия Бактрии в сложении гандхарского искусства, о чем уже упоминалось несколько выше.

Мы пришли к концу описания, посвященного истории империи великих Кушан. Совершенно несомненно, что образование этой могущественной державы и последующий расцвет ее экономики, торговли и культуры были не случайными явлениями. Сложение государства Кадфиза I отнюдь не было результатом лишь военных и политических успехов одного из сравнительно мелких государственных образований северной Бактрии. Возможность и необходимость образования государства с прочной политической властью вытекала в значительной мере и из развития хозяйства Бактрии, Гандхары и соседних стран в I в. до н. э. — I в. н. э. Как мы видели, это был период интенсивного развития внутренней и внешней торговли, подъема городской жизни. Установление связей с ханьским Китаем и начало движения товаров по великому «шелковому пути» открыли новые возможности обогащения для торгового капитала Бактрии и Гандхары. Однако политические условия, сложившиеся в этих странах в I в. до н. э., препятствовали развитию этих прогрессивных для своего времени тенденций. Если аршакидская Парфия проводила политику государственного патронирования торговли с Китаем, то политическая раздробленность Бактрии, Гандхары и Арахосии, наоборот, в значительной мере препятствовала развитию торговых отношений. Мелкие индо-сакские и индо-парфянские владетели, погрязшие в междоусобной борьбе, изыскивали дополнительные источники дохода, в связи с чем находится и все возрастающая добавка лигатуры в серебряную монету, что приводило к расстройству денежного хозяйства. Все это в значительной мере предопределило успех кушанских правителей, одним из первых мероприятий которых была, кстати говоря, реформа денежного обращения. Можно полагать, что необходимость установления сильной централизованной власти диктовалась и развитием социальных противоречий, конкретный материал для характеристики которых, к сожалению, отсутствует в имеющихся источниках.

В равной мере падение кушанской империи не может счи-

---

¹⁰⁷ Святилища III—V вв. н. э. с возвышением в центральной части, носящим следы длительного воздействия огня, известны и в северной Бактрии (Балалык-Тепе, Мунчак-Тепе).

таться следствием одних только внешних неудач, и в частности столкновения с персидской монархией Сасанидов. Косвенные данные, содержащиеся в археологических материалах, указывают на возрастающее в поздний период кушанской империи значение землевладельческой аристократии, чьи укрепленные замки все в большем числе появляются в разных местах обширной державы. Борьба этой аристократии против центральной государственной власти явилась, надо полагать, одним из источников внутренней слабости государства поздних Кушан. Не случайно характерной чертой последующего периода является наличие огромного числа мельчайших владений, количество которых для одной Бактрии VII в. н. э. достигало 27. Это позволяет предполагать, что крушение империи великих Кушан было в значительной мере крушением того производственного уклада, с которым она была связана, и становлением новых, раннефеодальных отношений.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СРЕДНИЕ ВЕКА

Глава VII

ЭФТАЛИТСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ И ПЕРИОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

Уже в IV в. н. э. одновременно с подъемом позднекушанского государства крепнет новая политическая сила — племена, называемые в западных источниках хионитами или эфталитами. Видимо, именно эти племена сыграли решающую роль в окончательном ниспровержении власти Кушан.

Сложение эфталитского объединения

Целый ряд данных свидетельствует об известной преемственности хионитов и эфталитов. И те и другие держали под постоянной угрозой вторжения северо-восточные области сасанидской империи — от Каспийского моря на западе до долин Мургаба и Герируда на востоке. Это указывает на явную территориальную общность обеих групп. Письменные источники, повествующие о борьбе сасанидского Ирана с его северо-восточными соседями, не отмечают какого-либо перерыва в ходе этой борьбы, который мог быть связан со сменой хионитов эфталитами. Часто различные авторы, описывая одни и те же события, именуют участвующие в них племена то хионитами, то эфталитами. Так, согласно сообщениям византийских историков и хронике Табари, противниками Сасанида Пероза были эфталиты¹, а сирийская хроника называет их хионайе, т. е. хионитами². Поэтому, рассматривая события V в. н. э., можно с известной степенью условности применять название хиониты-эфталиты³.

¹ Табари, пер. Нёльдеке, 115.

² Пигулевская, *Сирийские источники*, стр. 53.

³ Это название предложено Р. Гиршманом, работа которого является одной из наиболее полных сводок, посвященных данной проблеме (см. Ghirshman, *Les Chionites-Hephthalites*). Вместе с тем нельзя согласиться с предложением Р. Гиршмана читать легенды на эфталитских монетах как «Хэфтал — царь хионитов». Подобный перевод Р. Гиршман рассматривает как доказательство преемственности эфталитов и хионитов. Эпиграфический чтения легенд Р. Гиршманом не обоснованы. С большим доверием следует относиться к попыткам интерпретации легенд на эфталитских монетах, предложенным Г. Юнкером (Junker, *Die hephthalitischen Münzinschriften*).

Происхождение хионитских и эфталитских племен, несмотря на обширную литературу, посвященную этому вопросу, — одна из наиболее неясных проблем раннесредневековой истории Афганистана и соседних стран. Поскольку хиониты и эфталиты наступали на принадлежащий Сасанидам Хорасан с севера, можно считать, что они скорее всего являлись одной из групп тех кочевников (занимавших обширные степные пространства от Аральского моря до Восточного Туркестана), чье вторжение еще во II в. до н. э. сыграло столь значительную роль в истории Бактрии и соседних с ней стран⁴. Недаром византийские авторы и индийские источники называют эфталитов гуннами, а китайские летописцы пишут о них как о кочевом народе, живущем в войлочных кибитках. Некоторые из тех же китайских летописцев прямо указывают, что эфталиты происходят от даюечжи, т. е. от племен, опрокинувших Греко-Бактрию, хотя в других источниках встречаются иные объяснения происхождения эфталитов⁵.

В 1959 г. было высказано мнение, что эфталиты являются одним из племен, обитавших на территории Бадахшана, внезапно усилившимся в V в. н. э. и создавшим могущественную державу⁶. Однако по сравнению с другими теориями это предположение наиболее гипотетично.

Хотя хионитско-эфталитское объединение распространило свою власть на обширную территорию, отнюдь не следует полагать, что оно представляло собой мощное централизованное государственное образование. Из китайских источников известно, что эфталитам подчинялось до тридцати мелких владений. Например, китайское посольство, посетившее в 437 г. «Западный край», сообщает о независимых владениях — Турфане, Согде, Ташкенте, Фергане, Тохаристане и т. д. — и ни разу не упоминает ни хионитов, ни эфталитов⁷. Можно считать, что многие области с оседлым населением,

⁴ Впервые отождествил названия эфталиты и юечжи Вивьен С. Мартин (*Vivien de Saint-Martin, Les Huns Blancs*). Эта теория была принята целым рядом исследователей, в частности С. П. Толстовым, который предлагает видеть в эфталитах потомков приаральских сако-массагетских племен, смешавшихся с проникшими в эти районы с востока гуннами. Вполне вероятно, что культура этих протоэфталитских племен представлена памятниками Джеты-Асара в низовьях Сыр-Дарьи (см. Толстов, *Работы ХАЭ 1949—1953*, стр. 235—252).

⁵ Разбор соответствующих сообщений китайских источников см. Епоки, *On the nationality of the Ephthalites*, pp. 1—13.

⁶ Епоки, *On the nationality of the Ephthalites*; Гумилев, *Эфталиты и их соседи*.

⁷ К. Энoki на основании этого делает вывод, что эфталитского объединения тогда еще не существовало (Епоки, *On the nationality of the Ephthalites*, p. 24). Но в таком случае неясно, куда делись могущественные противники Варахрана V, с которыми он столкнулся в районе Мерва (независимо от того, как именовать этих противников — хионитами или эфталитами).

подчиненные хионитами-эфталитами, признавали лишь их политическую гегемонию и в значительной степени сохраняли самостоятельность.

В хионитско-эфталитском объединении политическая власть принадлежала группе кочевых племен, испытывавших все усиливавшееся влияние оседлой культуры. В состав этого объединения входили и земледельческие области с многочисленным городским населением. Этим, надо полагать, объясняется кажущееся противоречие в сообщениях источников, то называющих эфталитов кочевниками, то утверждающих, что они жители городов.

Вместе с тем хионитско-эфталитское объединение представляло большую силу в военно-политическом отношении. Это в первую очередь испытал на себе сасанидский Иран, столкновения с которыми представляют наиболее яркую страницу в политической истории хионитов-эфталитов.

Борьба с сасанидским Ираном

Подчинив, надо полагать без особого труда, часть разрозненных владений, возникших на развалинах кушанской империи, новое политическое образование столкнулось с могущественным противником — сасанидским Ираном.

Первоначально хионитско-эфталитская сторона терпела поражение в этой борьбе. В правление Варахрана V (421—438), известного в эпической традиции под именем Бахрам Гура, хионитский вождь, или, как именуют его восточные авторы, «хакан тюрок», с многочисленной армией перешел Аму-Дарью и расположился в районе Мерва. Варахран V, находившийся в то время в Закавказье, принял меры, чтобы усыпить бдительность противника, а затем стремительным маршем вышел к вражескому лагерю. Неожиданное нападение закончилось полным разгромом «тюрок». Согласно Динавери, битва произошла у Кушмехана, одного из городов в районе Мерва⁸. Корона убитого «царя тюрков» и его жена, взятая в плен, были помещены в храм огня в Ганзаке. Некоторые сообщения источников позволяют уточнить северо-восточные границы сасанидских владений этого периода. Поскольку с именем Варахрана V связывалась постройка пограничной каменной башни у Талькана, можно считать, что Бактрия оставалась вне границ империи Сасанидов⁹.

Однако восточные авторы, чьи сведения восходят к официальной сасанидской историографии, склонны преувеличи-

⁸ Marquart, *Erānšahr*, S. 52.

⁹ Интересно отметить, что Варахрану приписывалась постройка и Мерверуда, видимо ставшего одним из пограничных городков, разделявших обе державы (Marquart, *A Catalogue*, p. 11).

вать значение победы Варахрана V. Так, согласно этим сообщениям, один из сасанидских полководцев был послан преследовать врагов за Аму-Дарью в пределах Мавераннахра, что едва ли могло быть в действительности. В равной мере сомнительно сообщение о том, что назначенный правителем Хорасана брат Варахрана V — Нарсе — имел резиденцию в Балхе¹⁰.

Во всяком случае в результате столкновения с сасанидским Ираном хионитско-эфталитское объединение¹¹ потерпело поражение и Варахрану V удалось сохранить прежние границы на северо-востоке его державы. Борьба с хионитско-эфталитским объединением за эти границы была основной задачей преемников Варахрана V, в частности Йездигерда II (430—457), сына и наследника Варахрана.

С 442 по 449 г. Йездигерд II, по словам Егише, был вынужден ежегодно совершать походы против «кушан». Неподалеку от границы ему даже пришлось построить временную резиденцию¹². Согласно сообщениям сирийской хроники, Йездигерд II в 446—447 гг. совершил поход в прикаспийскую область к северу от р. Атрек (позднее получившую название Дихистган)¹³, а в 450 г. — в страну Итагакан. Правитель «кушан» уклонился от сражения и бежал в необозримые степи. Йездигерд будто бы опустошил враждебные провинции, взял много крепостей и городов, захватил добычу и пленных¹⁴.

Есть основания считать, что Йездигерд совершал походы не только в прикаспийские степи, но и в сторону Гератского оазиса. Так, Лазарь Парбский сообщает, что в войнах Йездигерда особенной храбростью славился один армянский полководец¹⁵. В крупном походе, предпринятом Йездигердом в

¹⁰ Бал'ами, пер. Зотенберга, II, 121. Большинство исследователей с полным основанием относится с недоверием к этому сообщению (см. Табари, пер. Нёльдеке, 103, Опн. I; Пигулевская, *Сирийские источники*, стр. 43).

¹¹ Одни исследователи считают, что противниками Варахрана V были хиониты (Marquart, *Eränšahr*, S. 52; Тревер, *Эфталитское государство*, стр. 105), другие называют их эфталитами (Droin, *Mémoire sur les Huns*, p. 154; Mc Govern, *The early empires*, p. 140).

¹² Егише Вардапет, *История*, стр. 18, 19; Elisée, *Histoire de Vartan*, pp. 185, 186.

¹³ Hoffman, *Auszüge*, S. 50; Пигулевская, *Сирийские источники*, стр. 43, 44.

¹⁴ Егише Вардапет, *История*, стр. 30, 31; Elisée, *Histoire de Vartan*, p. 188. Ряд исследователей предполагал, что в названии страны Idaghagan — Italagan мы имеем одно из ранних упоминаний собственного имени эфталитов (Vivien de St. Martin, *Les Huns Blancs*, p. 15; Пигулевская, *Сирийские источники*, стр. 44, 45; Тревер, *Кушаны, хиониты и эфталиты*, стр. 136). И. Маркварт предлагал видеть здесь название г. Талькан (Marquart, *Eränšahr*, S. 56, Anm. 1).

¹⁵ Lazar de Pharbe, *History d'Arménie*, p. 302. На это место обратил внимание уже Друэн (Droin, *Mémoire sur les Huns*, p. 160).

454 г., опорной базой сасанидской армии служил Нишапур¹⁶. Столкновения происходили в горных ущельях, причем противники Йездигерда тревожили его армию беспрестанными нападениями на тылы. В результате персидское войско отступило к Нишапуру. Давление на персидскую державу все усиливалось, что указывает на возросшую мощь хионитов-эфталитов. Вершиной их военных успехов был разгром войска сасанидского царя Пероза (459—484), сына Йездигерда. В царствование отца Пероза как наследник престола был правителем Сакастана и, видимо, носил титул «саканшах», подобно сасанидским принцам III в. н. э. Согласно традиции, в последовавшей за смертью Йездигерда междоусобной борьбе Пероз был поддержан эфталитами и благодаря этой поддержке утвердился на троне.

Собственно говоря, к правлению Пероза и относятся первые упоминания имени эфталитов в известных нам источниках. Возможно, что в этот период первенствующая роль в политическом объединении, противостоящем Ирану, перешла от хионитов к эфталитам. В этот же период становится известным и имя эфталитского правителя. Восточные историки сообщают, что в годы правления Пероза эфталитский царь Ахшунвар (буквально «защищающий царство» — такова, видимо, правильная расшифровка имени)¹⁷ занял Чаганиан, Тохаристан и Бадахшан. Если доверять этому сообщению, то можно допустить, что ранее Бактрия лишь номинально входила в состав хионитско-эфталитского объединения, фактически оставаясь под управлением местных позднекушанских правителей¹⁸.

Пероз, считая эфталитское объединение основным противником своей монархии, трижды выступал в поход против него, и трижды сасанидская армия терпела поражение. После провала первого похода Сасаниды уступили противнику Талькан и обязались не переходить установленных мирным договором границ. Поэтому, как сообщает предание, Пероз, выступив во второй поход против эфталитов, велел передвигать перед войском при помощи слонов пограничную башню. Потерпев поражение и в этом походе, Пероз был вынужден оставить победителям в качестве заложника малолетнего сына Кавада, а страну свою обложить тяжелой подушной по-

¹⁶ Египше Вардапет, *История*, стр. 235; Elisée, *Histoire de Vartan*, pp. 229; Lazar de Pharbe, *History d'Arménie*, p. 306.

¹⁷ Чтение Ахшунвар из согдийского xš'wn «царство» + w'g «защищать» предложено В. А. Лившицем. В. Хеннинг предлагал читать Ахšōndār (согдийское xšwndār) со значением «Machthaber», «Machträger» (ZDMG, 1936, S. 17, Anm. 2).

¹⁸ Видимо, отражением роста могущества эфталитского объединения является появление в 456/57 г. при китайском дворе первого посольства эфталитов, прибывшего для установления связи с отдаленной державой.

дателью для выплаты дани. Интересно отметить, что драхмы Пероза особенно часто встречаются при находках монет в Средней Азии¹⁹ и что по их типу выпускались монеты с эфталитской надписью.

Но наиболее сокрушительным для Сасанидов оказалось поражение, которое они потерпели в 484 г., когда Пероз предпринял свой третий поход. Сражение произошло в восточном Прикаспии, персидская армия была наголову разбита, а сам Пероз погиб²⁰.

Таким образом, эфталиты победоносно завершили многолетнюю войну с сасанидской державой. Иран обязался уплачивать им ежегодную дань, и скорее всего именно этим объясняется выпуск сасанидских монет с легендой на языке эфталитов. Поскольку такие монеты выпускались в годы правления Балаша (484—488), Кавада (488—531) и в начале правления Хосрова I (531—579), можно утверждать, что Иран платил дань с 484 по 545 г. н. э.²¹

Вторжение в Индию и подчинение Восточного Туркестана

Сокрушив сасанидский Иран, эфталитские правители во второй половине V в. н. э. начали военное наступление на юг, повторяя в основном пути политической экспансии греко-бактрийских и кушанских правителей. Индийские источники сообщают о столкновении с гуннами последних правителей империи Гупта. Видимо, около 460 г. н. э. эфталиты заняли Гандхару²². Вторжение эфталитов сопровождалось большими

¹⁹ Массон М., *К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии*, стр. 95, 96.

²⁰ Персидские и арабские авторы считали, что Пероз погиб в восточном Хорасане, но в данном случае предпочтение несомненно следует отдать армянским и византийским историкам, бывшим современниками описываемых событий.

²¹ Wesendonk, *Kušan, Chioniten und Hephtaliten*, S. 346; Christensen, *L'Iran*, p. 297, п. 2. Помимо эфталитских подражаний монетам Пероза в настоящее время известны также монеты Пероза с согдийскими надчеканами (в том числе с титулами «каган» — 𐰽𐰺𐰍 и «тегин» — tk'un; чтение В. А. Лившица).

²² Китайский паломник, побывавший в Гандхаре в 520 г., пишет, что прошло два поколения с тех пор, как Гандхару разрушили эфталиты. На основании этого Д. Маршалл предполагает, что эфталиты вторглись в Гандхару около 460 г. (Marshall, *Taxila*, vol. I, p. 75). Эта дата соответствует первым упоминаниям о столкновениях с гуннами в индийских источниках. Сюань-Цзянь сообщает, что царь Тохаристана Ni-ma-to-lo (т. е. эфталит, как отметил И. Маркварт: *Erānšahr*, S. 212, App. 3—4) завоевал Кашмир двести лет спустя после Канишки. Однако в данном случае едва ли можно принимать в расчет, как это делает Р. Гиришман (Ghirshman, *Les Chionites-Hephtalites*, p. 107), сообщаемую цифру лет, так как при самой поздней датировке правления Канишки дата эфталитского вторжения получается необычайно ранней, что не находит подтверждения в других источниках.

ми разрушениями. В частности, буддийские монастыри в окрестностях Таксилы — крупнейшего центра Гандхары — были разграблены скорее всего именно в этот период.

В конце V в. н. э. эфталитский правитель Торамана (490—515), сломив сопротивление ослабевшей империи Гупта, захватил Синд, Раджастан и Джамна-Гангскую долину. Видимо, в это время эфталитские племена, возглавляемые Тораманой, заняли территорию к югу от Гиндукуша и обособились от северной группы, образовав независимое владение. Во всяком случае их монетный чекан отличается от денежной эмиссии эфталитов Бактрии, и на их монетах, так же как в свое время на монетах греко-бактрийских правителей, вторгшихся в Гандхару, появляются индийские надписи²³.

После смерти Тораманы ему наследовал его сын Михиракула (515—544), который сделал столицей своей державы Сагала-Сналкот, древний центр империи Менандра. Вскоре оправившиеся государства северной Индии стали теснить эфталитских завоевателей. Около 533 г. войска коалиции индийских правителей нанесли решающее поражение Михиракуле, который, однако, сохранил в своих руках Гандхару и некоторые соседние территории.

Одновременно с военными походами в Индию эфталитское объединение распространило свою власть и на Восточный Туркестан. В период между 493—508 гг. эфталиты подчинили Турфан и Карашар. Один из вождей племен центральноазиатских кочевников в 522 г. просил у эфталитов покровительства, а его три сестры вышли замуж за царя эфталитов²⁴. Это был период наивысшего могущества эфталитского объединения, власть которого в это время распространялась от Хотана и Раджастана до границ сасанидского Ирана. Столицей эфталитов, по сообщениям китайских источников, был г. Бадиянь, расположенный, видимо, в западном Бадахшане. Возможно, само название эфталитов происходит от собственного имени, принятого в правящей династии. Ряд источников приводит имя Эфталан как собственное имя эфталитского правителя²⁵.

Эфталитское объединение не было централизованным государством. Эфталитские монеты, чеканившиеся главным образом по образцу сасанидских, встречаются в основном на

²³ Cunningham, *Later Indo-Scythians*, — NC, 1894, pp. 253—256.

²⁴ Епокi, *On the nationality of the Ephthalites*, pp. 25, 26.

²⁵ Пигулевская, *Сирийские источники*, стр. 48; Епокi, *On the nationality of the Ephthalites*, p. 6. Феофилакт Симокатта победителя Пероза называет Эфталаном; согласно другим источникам, он носил имя Ахшунвар. Возможно, слово «Эфталан» (китайское Yen-tai-i-li-t'o) образовывало нечто вроде тронного имени, прибавлявшегося к собственному имени правителя, подобно тому как парфянские цари именовались Аршаками.

территории Бактрии и Кабулистана, которые, видимо, были главными центрами объединения. Другие области, признав верховную власть эфталитов, в значительной мере сохраняли политическую независимость и выпускали собственную монету.

У самих эфталитов сохранился целый ряд черт архаического общественного уклада. Так, китайские источники сообщали, что престол у эфталитов «не передается по наследству, а получает его способнейший из родственников»²⁶. Эфталитский правитель имел несколько жен.

Весьма показательны архаические пережитки в семейно-брачных отношениях у эфталитов; так, в частности, у них сохранялись брачно-групповые отношения²⁷. Как сообщают китайские авторы, братья имели одну жену. «Жена мужа, не имеющего братьев, т. е. одножужня, носит шляпу с одним углом; многомужня же умножает число углов по числу братьев; на одеянии нашивает такое же число кистей»²⁸.

В погребальных обрядах, однако, уже прослеживается имущественная дифференциация. По описанию письменных источников, покойников из богатых домов хоронили в каменных склепах, тогда как бедных — в выкопанных могилах. В захоронение клали носильные вещи умершего. К сожалению, до сих пор нельзя с уверенностью утверждать, что археологам удалось обнаружить эфталитские захоронения²⁹.

Не вполне ясна этническая принадлежность эфталитов. Различные исследователи считали их гуннами³⁰, монголами или протомонголами³¹ и, наконец, тюрками³². Многие исследователи склонны рассматривать эфталитов как одну из ираноязычных народностей, что, видимо, более всего соответствует действительности³³. Еще китайские летописцы отмечали, что язык эфталитов отличен от языков и тюркских и монгольских племен. Хотя памятники эфталитского языка пока не имеют убедительного чтения, видимо, их окончательная расшифровка может быть дана лишь на основе восточноиран-

---

²⁶ Бичурин, *Собрание сведений*, т. II, стр. 269.

²⁷ Толстов, *Древний Хорезм*, стр. 322.

²⁸ Бичурин, *Собрание сведений*, т. II, стр. 268.

²⁹ Р. Гиршман предполагает, что с эфталитами связаны малознакомые могилы некрополя Сетк-Абад около Кабула (см. Ghirshman, *Les Chionites-Hephtalites*, pp. 1—8).

³⁰ Stein, *White Huns*, pp. 73—87.

³¹ Grousset, *L'empire des steppes*, p. 227; idem, *L'empire mongol*, p. 2.

³² Точка зрения, выдвинутая Клапротом еще в начале XIX в. (Klaproth, *Tableaux historique*, p. 258). В последнее время ее придерживался, например, А. Н. Бернштам (Бернштам, *Некоторые данные*).

³³ Mc Govern, *The early empires*, pp. 404—406; Windekens, *Huns Blanc*, pp. 161—186; Ghirshman, *Les Chionites-Hephtalites*, pp. 61—67; Enoki, *On the nationality of the Ephthalites*, pp. 37—57.

ских диалектов³⁴. Собственные имена, связанные с эфталитами и сохранившиеся в письменных источниках, также имеют восточноиранскую этимологию³⁵. Если считать эфталитов выходцами из засырдарьинских степей, то вполне вероятно относить их к восточноиранской группе кочевых племен, к которой принадлежали сакские и юечжийские племена, проникшие на территорию Афганистана за несколько столетий до эфталитов. Вместе с тем можно допустить, что в состав хионитско-эфталитского объединения вошли и отдельные тюркоязычные племена. Во всяком случае в эфталитской Гандхаре был в употреблении такой тюркский титул как «тегин»³⁶. Как бы то ни было, эфталитские племена, распространившиеся на территории современного Афганистана, видимо, явились одним из компонентов в сложном процессе формирования афганского народа. Некоторые исследователи полагают, что само название эфталитов сохранилось в имени крупнейшей группы афганских племен — абдал³⁷.

Распад эфталитского объединения

Эфталиты оказывали значительное влияние на внутренние дела Ирана. Именно с их помощью после смут, вызванных маздакитским движением, на иранском престоле утвердился Кавад (488—531), женатый на дочери эфталитского царя. В 502—506 гг. эфталитские отряды в качестве союзного войска приняли участие в походе Кавада против Византии, в частности, в осаде Эдессы и Харрана. Как сообщает сирий-

---

³⁴ Помимо надписей на монетах к числу памятников эфталитского языка, видимо, принадлежат еще не расшифрованные рукописи из Восточного Туркестана (Thomas, *A Toxhari (?) MS*, pp. 1—3; Hansen, *Ein neue Hephthaliten-Fragmente*, pp. 361—366; idem, *Die Berliner Hephthaliten-Fragmente*, pp. 41—69) и наскальная надпись в Афганистане (Bivar, *The inscriptions of Uruzgan*, pp. 112—118; сомнение В. Хеннинга в ранней дате этой надписи см. «Handbuch der Orientalistik. Iranistik», Erster Abschnitt. Leiden, 1958, S. 59, Anm. 2). Алфавит этих памятников представляет собой дальнейшее развитие алфавита позднекушанских надписей, созданного на основе преческой графика.

³⁵ Об этимологии имени царя Ахшунвара см. прим. 17. Название эфталитской столицы Бадиян объяснялось Марквартом из новоперсидского *raβīyān*, среднеперсидского *ratikān* (Markwart, *Wehrot and Arang*, S. 43, 44). Имя хионитского царевича IV в. н. э. Грумбата может быть объяснено как «покровительствуемый Бахрамом». Последний эфталитский, правитель носил, согласно сообщениям Табарни, имя *vrg*, т. е., видимо, иранское *va-gāz* — «вепрь» (ср. титул правителей Герата «баразан» или «варазан» в BGA, VI, 39). Наконец само название «эфталиты» (греческое Ἐφθαλίται китайское Yen-tai-i-li-t'o, среднеперсидское Hēftar), возможно, содержит иранское *hapta* — «семь» (см. Menchen-Helfen, *The ethnic name Hun*, pp. 229—231).

³⁶ Chavannes, *Documents*, p. 225, n. 3.

³⁷ Marquart, *Erünsähr*, S. 253.

ский источник, эфталиты, участвовавшие в осаде Эдессы, были вооружены палицами³⁸. Насколько можно судить по нумизматическим данным, Хосров I (531—579) в начале своего правления еще выплачивал дань эфталитам. Но с северо-востока эфталитов все в большей степени теснило новое политическое объединение, сложившееся в Центральной Азии, — Тюркский каганат.

Хосров I воспользовался затруднениями, возникшими у его противников, и в свою очередь перешел в наступление. Последние монеты его чекана с эфталитской надписью относятся к 545 г. Видимо, вскоре после этого сасанидские войска выступили против эфталитов. Под двойным нажимом — с юго-запада и с северо-востока — эфталитское объединение распалось. По исчислению Э. Шаванна³⁹, это произошло между 563 и 567 гг. н. э. Тюрки захватили почти все Среднеазиатское междуречье, а Хосров I занял Тохаристан, как к тому времени стали называть Бактрию, а также, по сообщениям арабских историков, Буст, Кабулистан и якобы даже Синд⁴⁰. В Балхе Хосров I будто бы убил эфталитского царя.

В присоединении Тохаристана к сасанидской державе не приходится сомневаться, поскольку известна монета Хормизда IV (579—590), чеканенная в Балхе⁴¹. Версия же о распространении власти Хосрова I на более южные области вызывает сомнение. Возможно, расположенные там мелкие владения признали в какой-то форме верховную власть сасанидского Ирана, но в целом иранская традиция явно преувеличивает роль Хосрова I в ниспровержении государства эфталитов⁴².

Хотя Хосров I будто бы и женился на дочери тюркского кагана, отношения между победителями эфталитов вскоре испортились. В 588 г. сын кагана Шава со значительными силами вторгся в области Бадгиса и Герата. Против тюрков был направлен полководец Бахрам Чубин. Он нанес тюркам решительное поражение, захватил весь Тохаристан, прошел за Аму-Дарью, где осаждал Пайкенд в Бухарском оазисе⁴³. В ходе этой осады Бахрам Чубин убил тюркского кагана стрелой из лука (деталь, которая приводится и в армянских, и в китайских, и в арабо-персидских сочинениях, представляя

---

³⁸ Пигулевская, *Сирийские источники*, стр. 64.

³⁹ Chavannes, *Documents*, p. 229.

⁴⁰ Обзор сообщений об этом различных авторов см. Манделъштам, *Материалы*, стр. 132, 133.

⁴¹ Unvala, *Some rare coins*, p. 148.

⁴² Сравни сообщения китайской хроники, отводящей главную роль тюркам: Бичурин, *Собрание сведений*, т. II, стр. 169.

⁴³ Chavannes, *Documents*, pp. 242, 243; Пигулевская, *Византия и Иран*, стр. 82, 83.

собой пример поразительного совпадения основных источников, повествующих об этих событиях) ⁴⁴. Армянский историк Себеос, описывая события этого периода, упоминает, что Бахрам Чубин «храбро поражал войска тетальского (т. е. эфталитского) царя и твердою рукою держал Балх и всю страну кушанскую» ⁴⁵. На основании этого сообщения можно считать, что в Тохаристане или в каком-то из его районов сохранились владения эфталитов, признававших, вероятно, верховную власть сначала Хосрова I, а затем тюркского кагана ⁴⁶.

Окрыленный своими успехами, Бахрам Чубин объявил себя шахиншахом Ирана и, по сообщению Динавари, 9 марта 590 г. короновался неподалеку от Термеза. Правил он очень короткий промежуток времени, однако успел выпустить монету от своего имени ⁴⁷.

Еще долгое время велась борьба между сасанидским Ираном и Тюркским каганатом за обладание Тохаристаном ⁴⁸. Вскоре после смерти Бахрама Чубина, в правление Хосрова II (590—627) тюрки вернули себе временно утраченное политическое влияние в этой области и даже совершали набеги на Хорасан, доходя до Нишапура и Рея. В борьбе с ними отличился сасанидский полководец, армянин Смбат Багратуни, деятельность которого подробно описана у Себеоса ⁴⁹. В начале VII в. н. э. Смбат Багратуни победил в одном из сражений «царя кушанов», разорвав ударом копья бывшую на царе «балхскую плетеную кольчугу». Войска Смбата дошли до Балха и разорили весь Тохаристан и Талекан. Показательно, однако, что после удачного похода Смбат все-таки вернулся в Нишапур. Это свидетельствует о том, что его успехи не были столь велики, как их старается представить Себеос. Вскоре после этого Тохаристан окончательно подпал под власть тюрков, и сын кагана — Гардушад, которому было поручено управление Тохаристаном, поместил свою ставку неподалеку от Кундуза.

Уже К. В. Тревер заметила, что Себеос, описывая действия Смбата Багратуни, говорит о кушанских царях во множественном числе ⁵⁰. Действительно китайский паломник Сюань

⁴⁴ Czeglédy, *Bahrām, Čöbin*, p. 24.

⁴⁵ Себеос, *История*, III, 2.

⁴⁶ К. Цегледи полагает, что в данном случае под эфталитами (*t'etalk'*) Себеоса следует понимать западных тюрков (Czeglédy, *Bahrām Čöbin* p. 23, п. 10). Однако исторически вполне вероятно сохранение в Бактрии эфталитского владения, признающего тюркский сюзеренитет.

⁴⁷ Разбор событий, связанных с восстанием Бахрама Чубина, см. Пигулевская, *Византия и Иран*, стр. 84—113; Гумилев, *Бахрам Чубин*, стр. 228—241.

⁴⁸ Marquart, *Erānšahr*, S. 64—67.

⁴⁹ Себеос, *История*, гл. XV—XVII.

⁵⁰ Тревер, *Кушаны, хиониты и эфталиты*, стр. 142.

Цзан, посетивший Тохаристан в 30-х годах VII в., сообщает, что эта область разделяется на 27 владений⁵¹. Несомненно, это свидетельствует о возросшем значении землевладельческой аристократии. Такой процесс не мог не привести к усилению политической раздробленности. Среди мелких правителей Тохаристана и соседних областей были, видимо, и мелкие эфталитские князьки, и потомки кушанских царей, и вновь выдвинувшиеся знатные фамилии. Аналогичное положение сложилось к этому времени и в других областях. Тот же Сюань Цзан сообщает, что правителю Каписы подчинялось свыше десяти мелких владений⁵². Знаменитый китайский паломник, дважды — в 630 и 644 гг. — пересекший территорию современного Афганистана, оставил довольно подробное описание мельчайших политических образований. Так, к северу от Гиндукуша он упоминает владения Ху-линь⁵³ (Хульм), Хо (видимо, Кундуз), Фо-цзя-лан (Баглан — территория, на которой располагались сурх-котальские святилища кушанского периода) и ряд других. Центром крупного владения являлся Балх (Бо-хэла=Бахл). На севере его границы проходили по берегу Аму-Дарьи. Сам Балх Сюань Цзан описывает как густонаселенный и укрепленный город. Гератское владение, хотя и попадавшее иногда в зависимость от сасанидской державы, имело самостоятельных правителей, носивших титул «баразан» или «варазан»⁵⁴.

Станицей небольшого владения был Бамиан (Фань-яна), который к этому времени превратился в крупнейший религиозный центр. По сообщениям арабских авторов, правители Бамиана носили титул «Шири Бамиан»⁵⁵. Как крупное владение описывает Сюань Цзан Капису. К юго-западу от него находилась древняя Арахосия. Здесь, по словам китайского паломника, было два столичных города, оба сильно укрепленных: Хэ-си-на и Хэ-са-на. Первый из них большинством исследователей отождествляется с Газной.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Сюань Цзан не упоминает кабульского владения. Между тем на основании других данных известно, что оно существовало в этот период, а в ряде источников даже приводится титул кабульских правителей — ратбил-шах⁵⁶. Видимо, в период пу-

⁵¹ Сюань Цзан, пер. Жюльена, т. I.

⁵² Сюань Цзан, пер. Била, II, 55; Watters, *On Yuan Chwang's travels*, p. 123.

⁵³ Авторы выражают признательность М. В. Воробьеву за консультацию по транскрибированию китайских наименований.

⁵⁴ Ибн Хордадбех, 39; Christensen, *L'Iran*, p. 501, n. 5.

⁵⁵ Ибн Хордадбех, 39.

⁵⁶ Kohzad, *Les Ratbils Shahs de Kaboul*. Однако, по Ибн Хордадбеху, правители Кабула носили титул «Кабул-шахов», тогда как титул «ратбил»

тешествия китайского пилигрима политическое главенство в этом районе перешло к правителю Каписы, и кабульское владение следует искать среди того десятка «королевств», которые, согласно Сюань Цзану, признавали власть Каписы.

Владение А-бу-цзянь

К этому времени относится первое упоминание собственного имени, в котором ряд исследователей видит одно из древнейших упоминаний названия афганцев и Афганистана. Это А-бу-цзянь, танское чтение a-b'uo-g'ian⁵⁷. Согласно жизнеописанию Сюань Цзана, он и его спутники на обратном пути из Индии в Китай, двигаясь на северо-запад из страны Фа-ла-на, остановились в «королевстве» А-бу-цзянь⁵⁸. Затем, продолжая путь в том же северо-западном направлении, они прибыли в Цао-цзюй-чжа, т. е. в область древней Арахосии. В других китайских источниках просто сообщается, что Сюань Цзан, покинув страну Фа-ла-на, двинулся на северо-запад, пересек высокие горы и широкие долины и прибыл в Арахосию⁵⁹.

Таким образом, конечный пункт движения Сюань Цзана на данном маршруте не вызывает сомнений. Не вполне ясно местоположение страны Фа-ла-на, находившейся к юго-востоку от Арахосии. А. Каннингам полагал, что это район Пишина или Кветты. Однако в таком случае Фа-ла-на должна находиться не к юго-востоку, а к югу от Арахосии, что противоречит указаниям китайских источников. Видимо, более правы исследователи, которые полагают, что Фа-ла-на находилась в долине р. Гомал⁶⁰.

Но в обоих вариантах «королевство» А-бу-цзянь локализуется районом Сулеймановых гор, высокие хребты и широкие долины которых пришлось пересекать Сюань Цзану и его спутникам, прежде чем они попали в Арахосию. В этом же районе помещаются афганские племена и источниками X—XI вв. Индийские ученые считают, что в их стране Афганистан с древних времен был известен под именем «Апага»⁶¹. В «Брихатсамхите», труде по астрологии (VI в. н. э.), в главе, посвященной влиянию планет на различные области и народности,

---

носил владетель Сиджистана и Руххаджа, т. е. Сакастана и Арахосии (Ибн Хордадбех, 39).

⁵⁷ Авторы приносят благодарность Б. И. Панкратову за консультацию по данному вопросу.

⁵⁸ Beal, *The life of Hiuen-Tsiang*, p. 193; Watters, *On Yuan Chwang's travels*, vol. II, pp. 265, 266. С. Бил транскрибирует название этого владения как О-ро-кип, а Уоттерс — как А-ро-кан.

⁵⁹ Сюань Цзан, пер. Била, II, 282.

⁶⁰ Watters, *On Yuan Chawang's travels*, vol. II, p. 263.

⁶¹ Lal Dey Nundo, *The geographical dictionary*.

встречается термин «авагана», употребленный, по-видимому, как этническое название: «...под влиянием Кету [пребываю-]... горные твердыни, пехлевийцы (pahlava), белые гунны (gvetahūṇa), чолы (cola), аваганы (avagāṇa), пустыни, чины (śīpa), [а также] богачи, алчные, решительные и деятельные люди...»⁶². В «Брихатсамхите» народность «авагана» выступает и в другом месте в следующем контексте: «...комета, гребень которой задевает метеором, благоприятна; еще более благоприятна (комета), которая вызывает дождь; однако она неблагоприятна для чола, авагана, белых гуннов и чина (китайцев)»⁶³.

Возможно, что уже к середине VII в. этноним «афганцы» был распространен в указанных местностях, посещенных Сюань Цзаном, и что именно с этим этнонимом связано название владения А-бу-цзянь⁶⁴.

В этой связи интересно отметить ту характеристику населения горных районов, располагавшихся к югу от Арахосии, которую приводит в своем описании путешествия Сюань Цзан. Он сообщает, что к западу от страны Фа-ла-на находится владение Ци-цзян-на. Население здесь живет среди высоких гор и долин отдельными родами, и у него нет общего правителя. Главное богатство жителей составляют стада овец и табуны лошадей⁶⁵.

Общественные отношения в VI—VII вв.

Как уже отмечалось в предыдущей главе, в IV—V вв. н. э. наблюдается несомненный упадок крупных городских цент-

⁶² «Bṛhatsamhitā», гл. XVI, 38 (по изданию Керна. Calcutta, 1865) Русский перевод В. Эрмана, который высказал следующие соображения по поводу контекста употребленного термина «avagāṇa»: «чины (śīpa) — очевидно, китайцы или какие-то горные племена Тибета или Гималаев. Большинство народностей, упомянутых в этой строфе, относится к северным или северо-западным соседям современной Варахамхире Индии. Есть все основания предполагать, что «авагана» Варахамхире обитали на территории современного Афганистана». В. Эрман отметил также, что Керн в своем английском переводе «Брихатсамхиты» (London, 1869) перевел «avagāṇa» как «Afghans». Кету (ketu) — хвост мифического дракона, периодически поглощающего луну и солнце (причина затмений); в традиционной индийской астрономии рассматривается как девятая планета. Слово «ketu» означает также «комета».

⁶³ «Bṛhatsamhitā», XI, 61.

⁶⁴ Высказанное Каруе (Caroe, *The Pathans*, pp. 79, 80) предположение, что в наксирустемской надписи Шапура I упоминаются афганцы в форме «абган», является не убедительным, поскольку, как это, впрочем, отмечает и сам Каруе, в контексте надписи Абган (𐎠𐎡𐎴𐎠, парфянское 'bkn — *Maricq, Res Gestae divi Saporis*, p. 329) — собственное имя одного из сасанидских вельмож.

⁶⁵ Сюань Цзан, пер. Била, II, 282. Это описание невольно заставляет вспомнить относящуюся к более позднему времени характеристику афганских племен, живших в районе Сулеймановых гор.

ров. Приходят в запустение Кей-Кобад-шах в Бактрии, Беграм в Паропамисадах, Таксила в Гандхаре. Одновременно происходит упадок ремесел, в частности гончарного производства. В северной Бактрии при раскопках городища Мунчак-Тепе в слоях VI—VII вв. обнаружено значительное количество грубой лепной посуды⁶⁶. Посуда ручной лепки, относящаяся, видимо, к этому же периоду, была обнаружена и на поселениях южной Бактрии⁶⁷. Наряду с запустением ряда старых городских центров происходит зарождение замковых построек — резиденций землевладельческой аристократии. К VI—VII вв. относится широкое распространение замковой архитектуры в Бактрии, Согде и соседних странах, что является вещественным выражением процесса перемещения экономического центра из городов в деревни.

Повсеместное усиление землевладельческой знати приводило к значительной политической раздробленности. Появляются десятки мелких владетелей и князьков. Только в одном Тохаристане насчитывалось 27 владений. Инфильтрация значительных масс кочевых племен, имевшая место в период эфталитского объединения и в последующий период влияния Тюркского каганата, не могла не стимулировать хозяйственный упадок оседлых оазисов, начавшийся уже при поздних Кушанах. Отсутствие сильной центральной власти в свою очередь приводило к увеличению политической роли мелких владений.

К сожалению, отсутствуют данные, позволяющие дать детальный анализ социальной структуры Тохаристана, Сакастана, Кабула и соседних областей в VI—VII вв. Однако, опираясь на работу, сделанную советскими историками по Средней Азии и сасанидскому Ирану⁶⁸, можно дать следующую характеристику социально-экономических процессов, происходивших во всех этих странах. Верхушку общества составляла богатая землевладельческая аристократия, чьи многочисленные замки хорошо известны археологам. К этой аристократии примыкали и купцы, которые в то время были еще тесно связаны с землевладением. Основная масса земледельческого населения была лично свободной и объединялась в сельские общины, состоявшие, видимо, из больших патриархальных семей. В состав этих семей, возможно, входили и рабы, но рабский труд не играл в земледелии решающей роли.

Вместе с тем намечается расслоение общины: выделение

---

⁶⁶ Мандельштам — Певзнер, *Работы в 1952—1953 гг.*, стр. 315 и сл.

⁶⁷ Allchin, *The cultural sequence*, p. 139.

⁶⁸ Захoder, *Иран при Сасанидах*; Якубовский, *Вопросы периодизации*; Толстов, *Тирания Аброя*; Пигулевская, *Города Ирана*.

из нее категории полузависимых людей — кедиверов, напоминающих по своему положению клиентов. Эксплуатация сельского населения землевладельческой знатью осуществлялась, вероятно, в форме издольных аренд. Усиление этой эксплуатации, выделение категории полузависимых общинников и все большее увеличение их числа определяли путь, по которому развивалась феодализация общества.

В сасанидском Иране в V в. отмечается появление условной феодальной земельной собственности. Наличие долгосрочных аренд, частичное прикрепление производителя к обрабатываемому участку, частичное освобождение раба и запрещение продавать раба, посаженного на землю, отдельно от его участка — все это характеризует процесс становления феодальных отношений⁶⁹. Так на смену рабовладельческим отношениям, господствовавшим, видимо, в пору существования Греко-Бактрии и кушанской империи, приходит новая общественная формация — феодализм.

Памятники искусства

Рассматриваемый период истории Афганистана явился временем определенных изменений в культуре и искусстве. Эфталитская верхушка, вероятно, довольно скоро восприняла высокую культуру покоренных народов. Судя по изображениям на монетах, эфталитские правители носили пышные, богато расшитые одежды, а их прическа и сложные головные уборы напоминают парадное убранство сасанидских царей (табл. 22, 1—5).

Вероятно, эфталитские правители вполне терпимо относились и к различным религиям, что, разумеется, не мешало им грабить богатые буддийские монастыри, как это, видимо, имело место в Таксиле. Во всяком случае комплекс буддийских храмов в Бамианской долине, складывающийся еще в кушанский период, продолжает существовать и в V—VII вв. н. э.

Здесь было сосредоточено значительное количество пещерных храмов и монастырей. В настоящее время известно около 2000 пещер, но они были высечены в различное время. К сожалению, пока хронология бамианских комплексов основана главным образом на данных стилистического анализа, что не во всех случаях является достаточно надежным критерием⁷⁰.

Организуемыми центрами бамианского комплекса являются высеченные в скале гигантские статуи Будды. Сейчас

⁶⁹ Пигулевская, *Города Ирана*, стр. 178, 187—202, 212, 318.

⁷⁰ Godard A. — Godard V. — Hackin, *Les antiquités*; Hackin — Carl, *Nouvelles recherches*.

их две, но в древности, судя по описаниям китайских паломников, было больше. Существовала, в частности, статуя лежащего Будды, достигавшая, согласно этим описаниям, чуть ли не 300 м в длину. Сохранившиеся бамианские статуи Будды высечены в специальных углублениях в скале. Наиболее ранней считается статуя «малого Будды» (высота — 35 м), которая датируется II в. н. э., тогда как статуя «большого Будды» (высота — 53 м) относится исследователями к III—V вв. н. э. Обе статуи, несколько тяжеловатых пропорций, полны величавой отрешенности и даже в настоящее время, несмотря на значительные повреждения, производят сильное впечатление.

Высеченные около статуй пещеры расположены отдельными группами, состоящими из открытого наружу помещения, за которым следует замкнутая cella. Рядом располагаются кельи, соединенные отдельными ходами с предхрамовым помещением. Стены и потолки храмовых, а в отдельных случаях и предхрамовых помещений украшены росписью, а также глиняными рельефами. Иногда внутри храмов имелись небольшие выступы, также украшенные рельефами. Встречаются и ниши, видимо предназначавшиеся для статуй, но сами статуи не сохранились.

На основании стилистического анализа Ж. Акэн считает возможным выделять несколько периодов в развитии живописи Бамиана. Наиболее ранними храмами считаются гроты, расположенные по обе стороны от статуи «малого Будды». Здесь гроты украшались исключительно росписью, носящей, согласно Акэну, черты чисто индийского стиля и датируемой III — началом IV в. н. э.

Далее происходит постепенное увеличение роли местных элементов (которые Акэн не совсем удачно называет сасанидскими). Это проявляется, в частности, в характере одежды изображаемых персонажей.

К этому промежуточному периоду можно отнести роспись в нише «большого Будды», изображающую бодисатву в сопровождении двух полуобнаженных женских фигур (табл. 23). Роспись поздних храмов, к которым Ж. Акэн относит гроты, расположенные неподалеку от ног статуи «большого Будды», представляют уже совершенно новый стиль, характерный, в частности, для монастыря в Фундукистане. Этот монастырь расположен к востоку от Бамиана, на полпути из Бамиана в Кабул. Он состоял из святилища, келий, комнаты для общих собраний и различных надворных построек. По стенам святилища располагалось несколько ниш, в которых помещались раскрашенные статуи из необожженной глины, изображавшие различные буддийские персонажи, в частности самого Будду и бодисатв. Сидящие фигуры даны в изысканно манерных

позах, застывшая условность которых перекликается с живописью на стенах святилища ⁷¹.

Живопись эта по манере исполнения близка фрескам поздних храмов Бамиана. Некоторые из образцов фундукистанской живописи обнаруживают несомненную связь с индийским искусством. Такова, например, фигура Майтрейи, выполненная в канонической манере, с утонченной изысканностью движений и позы. Но значительно больший интерес представляет другая группа росписей, типичными для которой являются фигуры двух божеств в одном из коридоров, ведущих к святилищу (табл. 24). Обе фигуры выполнены несколько схематично, в застывших позах, но прорисовка всех деталей отличается особенной тщательностью. На божествах богато расшитые одежды и, видимо, панцирь с кольчугой. Оба они вооружены длинными мечами и близко напоминают фигуру лунного божества в нише «малого Будды» Бамиана. Уже само по себе появление в буддийском монастыре фигур астральных божеств достаточно показательно для той эволюции, которую претерпевает буддизм в этих районах. Но особенно интересна художественная манера, в которой выполнена эта роспись. Как отметил М. М. Дьяконов, она очень близка живописи Пянджикента и Варахши ⁷². В обоих случаях мы наблюдаем каноничную традиционность поз, стремление подчеркнуть орнаментальное богатство одежды (детали которой, кстати, весьма близки к Пянджикенту), склонность к броской цветовой гамме. Это уже не проникновение в индивидуальную психологию, характерное для скульптуры Хадды, а обобщенная, типизированная трактовка. Здесь все застыло, все в значительной мере условно. Художнику чуждо стремление передать экспрессию и динамизм. Зато он отличается особой любовью к тщательно выписанным деталям и к мелочному украшательству. Вероятно, эти изменения связаны с развитием новых форм общественных отношений, когда изменилось само понятие канона красоты и, как писал А. Ю. Якубовский о живописи Пянджикента, «прекрасное представлялось уже не в изображении характера, не в раскрытии сущности индивидуального, а в создании каких-то канонов или штампов красивого, которое могло доставлять наслаждение тогдашнему зрителю» ⁷³. Эти особенности в значительной мере предопределили дальнейшее развитие живописи, что особенно ярко проявилось в средневековой миниатюре.

На этом мы заканчиваем рассмотрение периода, приходящегося на V—VII вв. н. э. В политическом отношении для него характерна все усиливающаяся раздробленность Бакт-

⁷¹ Hackin, *Les travaux*; idem, *La monastère bouddhique*.

⁷² Дьяконов, *Росписи Пянджикента*, стр. 148—149.

⁷³ Якубовский, *Вопросы изучения*, стр. 19.

рии, Арахосии и других соседних областей. Эфталитское объединение, насколько можно судить по имеющимся данным, во многом носило лишь внешний характер и не остановило, а скорее способствовало усилению процесса децентрализации. Мелкие князьки и владетели, находящиеся во взаимной вражде и иногда распространяющие свое влияние на более слабых соседей.— вот та картина, которую застали здесь в VII в. н. э. арабские завоеватели. Сколь ни скудны наши данные по общественному строю этого периода, можно считать, что эта пестрота политической карты имела глубокие внутренние причины, коренящиеся в изменениях, которые претерпевал сам общественный строй. Политическая раздробленность, усиление значения мелкой аристократии, рост замков, который мы наблюдаем в этот период, явились, надо полагать, следствием развития феодализма. Этот процесс феодализации определил многие стороны истории и культуры рассматриваемых областей в V—VII вв. н. э. Такова была обстановка в Бактрии, Арахосии и соседних странах, когда на их границах появилась новая могущественная военно-политическая сила — войска Арабского халифата.

Глава VIII

ПОД ВЛАСТЬЮ ХАЛИФАТА И МЕСТНЫХ ДИНАСТИЙ

Ко времени арабского завоевания внутреннее положение в Тохаристане, Кабуле и в соседних с ними областях, как было отмечено в предыдущей главе, характеризовалось политической раздробленностью и междоусобной борьбой местных князьков и владетелей.

Внешнеполитическая обстановка для мелких государств (прежде всего в северной части территории нынешнего Афганистана) определялась в начале VII в. соперничеством сасанидского Ирана с Западно-Тюркским каганатом. Верховная власть правителей этого каганата (центр его находился в Семиречье) распространялась на многие области Средней Азии, и ее признавали владетели Тохаристана. Уже в 20-х годах VII в. каган Тон-ябгу (618—630) включил Тохаристан в число своих владений и послал туда своего сына Тарду-шада, ставка которого находилась в Кундузе¹. Однако зависимость местных тохаристанских князей от правителей каганата ограничивалась, по-видимому, лишь уплатой дани². Господство или преобладающее влияние тюркских каганов в какой-то мере сказывалось и на политической жизни областей, расположенных к югу от Гиндукуша.

В 50-х годах VII в. Западно-Тюркский каганат оказался под ударами китайских войск. Расширив в результате походов свои владения до Тянь-Шаня и добившись в конце 50-х годов VII в. признания своей власти правителями этого каганата, китайские императоры династии Тан пытались, но безуспешно, распространить свое влияние и на страны и области, расположенные к юго-западу от склонов Тянь-Шаня, которые в то время находились в зависимости от тюрков.

К югу от Гиндукуша, в Гибини, в начале VIII в. утвердилось тюркская династия, основателем которой, по предположению Шаванна, был правитель Арохаджа (Арахосии).

¹ См. Chavannes, *Documents*, p. 24; Кляшторный, *Памятники*, стр. 143.

² См. Bagchi, *India and Central Asia*, p. 25 sq.

носивший титул «тегин»³. В 711 г. этот тегин овладел Гибинью, а к 719 г. относятся сведения о том, что Китай признал его царем Каписы (и Гибини)⁴. Китайский путешественник Хой Чао, побывавший в этих областях в 726 г., говорит о распространении господства тюрков в Каписе, Гандхаре и Гибини, причем отмечает, что территория Гандхары находилась под влиянием владетелей, зависимых от царя Каписы⁵.

Хорасан вплоть до района Герируда и Мургаба входил в состав сасанидской державы. Он считался одной из главных областей этого государства. Местные наследственные владетели в Хорасане, как и в других частях сасанидской державы, располагали фактической властью в своих землях и проявляли сепаратистские тенденции, стремясь добиться возможно большей степени самостоятельности от центральной власти шахиншахов Ирана. Ко времени арабского завоевания власть центрального правительства в Иране ослабла в результате обострения внутренних противоречий и вследствие неудач в длительной и тяжелой войне с Византией (604—628 гг.).

Завоевания арабов в VII—VIII вв.

В 30—40-х годах VII в. в Иран вторглись арабы, осуществившие свои завоевания под лозунгами распространения религии ислама. И в данном случае, как часто бывало в истории, религиозные лозунги лишь маскировали материальные интересы. В отношении арабских завоеваний периода раннего ислама этот факт в той или иной мере признается и некоторыми исламоведами Запада. Так, отмечается, что походы арабов вызывались не столько целями распространения ислама, сколько желанием овладеть землями и богатствами своих соседей⁶.

Серьезные столкновения арабов с сасанидским Ираном имели место уже в годы правления халифа Абу Бекра (632—634). В конце 30-х годов VII в. арабы в битве при Кадисии разгромили главные силы Сасанидов, после чего захватили и

---

³ Chavannes, *Documents*, p. 161, п. 1. Гибинь (Цзибинь) принято отождествлять с областью Кабула или с Кашмиром (см. Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, стр. 26, прим. 3).

⁴ Chavannes, *Documents*, p. 132, п. 1.

⁵ Хой Чао, извлеч. в изд. Фукса, 444, 445.

⁶ Так, например, у историка ислама Арнольда (см. Arnold, *The preaching of Islam*, p. 46). К этому следует сделать две поправки. Во-первых, завоевания проводились в интересах арабской знати, которая, вовлекая своих соплеменников в походы на соседние страны, сулившие халифам и их военачальникам богатую добычу, вместе с тем усиливала свою власть над рядовыми соплеменниками. Во-вторых, успехи арабских завоевателей облегчались внутренней слабостью таких крупнейших их соседей, как сасанидский Иран и Византия (ср. *Ibid.*, p. 46).

разрушили их столицу Ктесифон. Вторую решительную победу над Сасанидами арабы одержали в сражении, происходившем неподалеку от Хамадана. В течение последующих десятилетий они завоевали все сасанидское государство.

Не получая поддержки со стороны иранской знати, последний сасанидский царь Йездигерд III (632—651) оставлял под натиском завоевателей одну провинцию за другой. В 651 г. он оказался под стенами Мерва, но не был впущен в город местным владетелем, который предпочел договориться с арабами. Потеряв остатки войска в сражении с тюрками Балха, сасанидский царь бежал и был убит неподалеку от Мерва. В том же году арабы без боя вошли в Мерв. Захватив богатую Мервскую область, они использовали ее как базу для своих завоеваний на Востоке.

В 652 г. арабы взяли Герат. Систан был покорен в том же году отрядами Абд ар-Рахмана, которого направил туда наместник Басры. Абд ар-Рахман взял Зарандж и подчинил земли до г. Давара и прилегающей к нему горной местности.

На восточных окраинах государства Сасанидов, как и в других его частях, местная аристократия в ряде случаев покорялась завоевателям без сопротивления, стремясь договориться с ними и сохранить таким путем свои богатства и влияние. Используя это, военачальники арабских халифов в конце 50-х — начале 60-х годов VII в. завершили завоевание Хорасана, а затем предприняли ряд походов из Мерва в Тохаристан и из Систана на Кабул.

Однако при попытках проникнуть в районы Газни и Кабульской долины арабские войска, как и в большинстве других областей к югу от Гиндукуша, натолкнулись на крайне упорное сопротивление. Такое сопротивление частично можно объяснить сильными пережитками общинно-родового строя среди местного населения. Есть основания считать, что община в этих областях тогда еще далеко не полностью разложилась, и завоевателям был оказан гораздо более сильный отпор, чем в Хорасане, где им противостояли в основном феодалы со своими отрядами, а не ополчения воинственных горцев. Такие труднодоступные области, как Гур (в верховьях р. Герируд) и Сулеймановы горы, оставались непокоренными, хотя с юга арабские завоеватели близко подошли к землям афганских племен, овладев Синдом с моря в годы правления халифа Валида (705—715) и распространив свою власть до Мультана.

Неоднократные походы на Кабул через Систан, начатые арабами во время правления халифа Муавии I (661—690), и продолжавшиеся затем с переменным успехом военные действия приводили лишь к эпизодическому признанию Кабулшахом и другими местными владетелями зависимости от

халифов, причем признание вассалитета выражалось только уплатой дани. Арабский историк Балазури рассказывает, что Абд ар-Рахман, выступив из Систана на Кабул, прошел через Забул, после длительной осады овладел Кабулом и достиг Лагмана. В результате этого похода правитель Кабула вынужден был признать себя данником арабского халифа, но затем, воспользовавшись наступившими в халифате смутами, отказался от уплаты дани. Позднее он был убит арабами, и его преемник снова был вынужден подчиниться и платить дань⁷. Энергичный арабский наместник Хорасана Кутейба ибн Муслим (705—715), проводивший широкую завоевательную политику в Средней Азии⁸, столкнулся со значительными затруднениями в горных районах к юго-востоку от Мерва. При продвижении из Мерва вверх по Мургабу арабские войска встретили упорное сопротивление тюркских и эфталитских племен. Борьбу этих племен против завоевателей возглавил Низак Тархан — правитель Бадгиса, который сначала признал власть арабов и принимал в качестве их вассала участие в завоевательных походах, но затем восстал и упорно сражался против арабов в течение довольно долгого времени. В 709 г. он был схвачен арабами и казнен.

Вплоть до начала VIII в. арабам не удавалось укрепить свою власть и в важнейших центрах Тохаристана. Только в 707 г. их войска окончательно подчинили Балх, который до того не один раз переходил из рук в руки и был разрушен.

В Тохаристане борьба местного населения против завоевателей не прекращалась в течение нескольких десятилетий VIII в., причем в этой борьбе тохаристанцы неоднократно получали помощь от тюрок из Семиречья, с которыми население Тохаристана было связано не только политически, но и в религиозном отношении⁹. Однако, преодолевая упорное со-

⁷ Балазури, 396—399.

⁸ Кутейба ибн Муслим использовал противоречия между местными владельцами и довольно широко привлекал в свои отряды хорасанцев и жителей Средней Азии, которые, как считал Гибб, составляли не менее одной шестой части войска этого наместника (см. Gibb, *The Arab conquests*, p. 40).

⁹ В Тохаристане, как и в Семиречье, было распространено манихейство, причем духовный глава манихеев Семиречья еще в первой половине VIII в. имел резиденцию в Тохаристане (см. Кляшторный, *Памятники*, стр. 144). О связях правителей Тохаристана с согдийской и тюркской знатью Мавераннахра в первой четверти VIII в. можно судить по упоминанию «тохарского царя» в одном из согдийских документов с горы Муг. В 737 г. в Тохаристан предпринял поход тюркский хакан, ставка которого находилась около Навиката в Семиречье (о Навикате см. Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, стр. 37 и прим. 12). Когда он подошел к Тохаристану, к нему присоединился со своим войском джабгу карлуков, совместно с которым (а также с другими союзниками) тюркский хакан повел борьбу против арабов (см. Табари, II, 1594, 1596 и сл.; Бартольд, *Туркестан*, стр. 249).

противление, арабы продолжали укрепляться в Тохаристане и распространять здесь ислам. К 725 г. относится восстановление на прежнем месте г. Балха, которое хорасанский наместник Асад ибн ал-Абдаллах поручил местной аристократической семье Бармакидов¹⁰. В 737 г. Бармакиды и многие другие крупные местные землевладельцы приняли ислам, а в 742 г. в Балхе была построена соборная мечеть.

Походы арабов в Кабулистан в конце VIII — начале IX в.

В годы правления аббасидского халифа Харуна ар-Рашида (786—809) в сторону Кабула были посланы войска, которые перешли Гиндукуш, двигаясь, по всей вероятности, через Тохаристан. В результате этого похода к владениям халифов в 792/93 г. были присоединены Панджжир (Панджшер), Парван и Горбанд, отданные впоследствии в управление владельцу Бамиана, принявшему ислам при халифе Мансуре (754—775).

Но Кабул еще в течение довольно долгого времени продолжал оставаться независимым или полузависимым царством. В. В. Бартольд отмечал, что еще в 811 г., в период наместничества Мамуна в Хорасане (809—813), владельцы Кабула враждовали с арабскими правителями¹¹. Однако неиспользованные прежде в специальной литературе эпиграфические данные, содержащиеся в «Хронике города Мекки» Абу-л-Валида Мухаммеда ал-Азраки, дают основания полагать, что уже к концу наместничества Мамуна в Хорасане арабы покорили области Кабула и Кандагара и начали исламизацию населения этих районов¹².

В этом сочинении приведен текст пояснительных надписей к трофеям халифа Мамуна — короне и трону Кабул-шаха, которые были отосланы в сокровищницу Каабы. Согласно этому источнику, в начале надписи на плите, которая находилась внутри Каабы вместе с тронном Кабул-шаха, утверждалось, что Мамун приказал «послать этот трон из Хорасана в священный дом Аллаха в 200 [815/16] году». Далее сообщалось, что это трон испехбеда Кабул-шаха, корона которого после бегства его в 197 г. [812/13] перенесена в Мекку, а трон хранился в государственной казне мусульман на Востоке. Затем о «деле испехбеда» приводились такие подробности: «Была удвоена земельная подать и выкуп с областей Кабула

¹⁰ Бартольд, *Туркестан*, стр. 128 и прим. 2; о нисбе ал-Кушейри см. там же, стр. 247.

¹¹ Бартольд, *Туркестан*, стр. 260.

¹² Михайлова, *Новые эпиграфические данные*, стр. 10, 13. Приведенные ниже отрывки цитируются по переводу, опубликованному в этой работе (стр. 16—17).

и Кандахара и были воздвигнуты там мимбары и построены мечети. И испехбед Кабул-шах оставил этот свой трон, покорный и побежденный, покинул пределы Кабула и земли Тохаристана» и сдался начальнику арабской конницы. Далее в источнике сообщается, что Кабул и Кандагар присоединили к Хорасану, между Кандагаром и Бамианом установили почтовую связь и Кабул-шах вместе со своими войсками подчинили арабскому правителю, «соблюдая законы ислама, действуя согласно его предписаниям в отношении себя и тех, кто принял ислам вместе с ним и остался, согласно договору, в своем государстве».

В Систане, Хорасане, Балхе, как и в других завоеванных областях, халифские наместники, приспосабливая существовавшую здесь прежде податную систему, взимали с покоренного населения подушную подать и поземельный налог. Налоги собирались с чрезвычайной жестокостью, причем нередко по поручению арабских властей их взимали местные феодалы. Подушная подать взималась с иноверцев, а принявшие мусульманство должны были освобождаться от ее уплаты. Однако вскоре арабские власти стали урезывать подобные льготы. Кроме налогов крестьяне были обременены многочисленными натуральными повинностями.

Народные движения VIII—IX вв.

Усиление эксплуатации и гнет завоевателей вызывали ожесточенное сопротивление трудящегося населения в покоренных арабами странах и областях. В Систане, Хорасане и Тохаристане недовольство началось с первых лет после арабского завоевания и вскоре вылилось в крупные беспорядки, нередко перераставшие в вооруженные восстания.

Народные движения в халифате, как и повсюду в средние века, проходили под знаменем религиозных учений, противостоявших господствовавшей религии. На Среднем Востоке распространялись «еретические» учения, явно враждебные или тайно оппозиционные господствовавшему суннитскому направлению в исламе. Одним из них было учение хариджитов¹³. Уже с конца VII в. к сторонникам этой секты стало

¹³ Мусульманская секта хариджитов возникла еще до начала правления династии халифов Омейядов (661—750) среди самих арабов. Взгляды сторонников этой секты отражали недовольство широких слоев арабского населения все более усиливавшимся социальным неравенством, а также политической знати и особенно Омейядских халифов. Обвиняя их в отходе от принципов первоначального ислама, хариджиты полагали, что, согласно этим принципам, халифы должны были избираться всей религиозной общиной из наиболее достойных мусульман вне зависимости от происхождения. Хариджиты стояли за равенство мусульман в правах, осуждали разделение общества на бедных и богатых.

примыкать боровшееся против гнета халифов местное население в Систане и Хорасане, а в VIII—IX вв. Систан стал основным очагом движения хариджитов¹⁴.

Население Тохаристана, Хорасана и Систана приняло активное участие и в начавшемся в восточной части халифата в 747 г. крупнейшем восстании, возглавленном Абу Муслимом. Целью вдохновителей и влиятельных руководителей этого восстания было свержение династии Омейядов и установление власти претендовавших на халифский престол потомков Аббаса (дяди пророка Мухаммеда). Стремясь опереться в династической борьбе на возможно более широкие слои населения, эти претенденты сулили народу уменьшение налогов и повинностей, а местную знать склоняли на свою сторону перспективой привлечь ее к участию в государственных делах халифата.

В 750 г. Аббасиды пришли к власти. Положение народных масс при новой династии не только не улучшилось, но вскоре стало еще более тяжелым. Это вызвало новую волну восстаний, охвативших во второй половине VIII в. почти весь Средний Восток. В ряде случаев эти восстания имели гораздо более ясно выраженный классовый характер, нежели антиомейядские движения. Крестьяне, составлявшие основную массу повстанцев, выступали не только против Аббасидов, но и против местной знати.

В Хорасане массовые вооруженные выступления против Аббасидов начались уже в первые годы после прихода их к власти. В 767 г. вспыхнуло восстание в окрестностях Герата. В Систане, где не прекращалось движение хариджитов, в 798 г. под знаменем их учения поднялись с оружием в руках крестьяне и ремесленники, которыми руководил Хамза ибн Атрак. В результате успехов восставших Систан на многие годы вышел из-под власти халифов.

В начале IX в. народные волнения продолжались во многих местах восточной части халифата, и хотя аббасидским правителям удалось подавить крупнейшие восстания, они убедились в том, что им трудно сохранить свое господство над восточными окраинами государства только силой оружия.

Тахириды, Саффариды, Саманиды

Аббасидские халифы стали в значительно большей степени привлекать к управлению местную знать. Ее позиции усилились при Тахиридах (821—873), происходивших из знатной хорасанской семьи, которая владела г. Бушенгом в Гератской

---

¹⁴ Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*, стр. 48.

области. Имѣя резиденцию в Нишапуре, Тахириды управляли Хорасаном, Систаном, Мавераннахром и другими восточными областями владений халифов в качестве их наместников. Одним из самых крупных городов во владениях этих наместников был Балх. Оставаясь в вассальной зависимости от Аббасидов и внося в их казну часть налоговых поступлений, Тахириды стремились не допускать вмешательства халифов во внутренние дела Хорасана и, по-видимому, это им в основном удавалось. Во всяком случае в описаниях историков Тахириды представляются фактически самостоятельными, могущественными государями.

Вероятно, Тахириды сумели в какой-то мере распространить свою власть или влияние и на Кабул (где по-прежнему у власти находилась местная династия), вынуждая Кабулшахов к уплате дани. Приводя сведения о суммах поземельного налога (хараджа), которые Абу-л-Аббас Абдаллах ибн Тахир должен был собирать халифу с Хорасана и присоединенных к нему округов, географ Ибн Хордадбех сообщает, что с Кабула должно было поступать более 2 млн. дирхемов и 2 тыс. пленных, ценой 600 тыс. дирхемов¹⁵.

Абу-л-Аббас Абдаллах ибн Тахир (828—844) был наиболее выдающимся правителем из династии Тахиридов. При нем были проведены большие ирригационные работы, улучшено водопользование, кодифицировано право на воду, упорядочена налоговая система.

Классовый характер политики Тахиридов проявлялся в том, что они защищали прежде всего интересы землевладельческой знати и, обеспечивая ее господство над эксплуатируемыми массами трудящихся, беспощадно подавляли восстания крестьян и ремесленников. В течение многих лет Тахириды вели напряженную борьбу с хариджитскими движениями в Систане и Хорасане.

Для борьбы с народными волнениями в подвластных Тахиридам землях, как и в других частях халифата, использовались пограничные отряды «борцов за веру» — «газиев» или «мутаави» (добровольцев), вербовавшихся из деклассированных элементов городского населения и обезземеленных крестьян. Такие отряды нередко выходили из повиновения властям. В середине IX в. в Систане выдвинулся Якуб ибн Лейс, сражавшийся против хариджитов в одном из таких отрядов. В 861 г. газиинцы восстали против властей, захватили Систан и провозгласили эмиром Якуба ибн Лейса. Этот правитель и его брат Амр известны в истории под именем Саффаринов, которое происходит от арабского слова «саффар» («медник»); согласно преданию, Якуб в юности работал под-

¹⁵ Ибн Хордадбех, текст, 37.

мастерем у медника. В 868 г. Якуб захватил Герат, в начале 70-х годов — Балх, Бушенг, Газни, в 871 г. его власть признал владетель Кабула. В 873 г. Якуб сверг династию Тахиридов и подчинил весь Хорасан. На время ему удалось захватить не только Керман, но и Фарс, однако, когда Якуб попытался завоевать и Багдад, столицу халифов, его войска потерпели тяжелое поражение; он отступил в Иран и вскоре умер. Якубу наследовал его брат Амр ибн Лейс (890—900), который формально примирился с халифом Мутамидом (870—892) и был утвержден наместником, но не посылал в Багдад собираемых в его владениях налогов и действовал как независимый правитель; так, в частности, Саффариды чеканили свою монету.

В конце IX в. произошло столкновение между Амром ибн Лейсом и эмиром Мавераннахра Исмаилом (892—907) из династии Саманидов¹⁶. Располагая большим и хорошо вооруженным войском, Амр ибн Лейс покорил Мерв и Гузган и начал поход на Мавераннахр. Исмаил выступил ему навстречу с сильным войском, включавшим народное ополчение Бухары — столицы Саманидов. Противники сошлись на берегу Аму-Дарьи. Решающая битва произошла в 900 г. близ Балха. Амр ибн Лейс потерпел полное поражение, попал в плен и впоследствии был отвезен в Багдад, где по велению халифа его казнили¹⁷.

Победив Амра, эмир Исмаил Саманид включил Хорасан в состав своего государства, а через некоторое время распространил свою власть и на Систан¹⁸. Исмаил не лишил власти представителей местной династии в Систане, считавшихся потомками Саффаридов, но эти владетели в дальнейшем управляли уже в качестве вассалов государей Бухары. Хорасан почти в течение столетия (до 999 г.) входил в состав государства Саманидов. Должность хорасанского наместника, носившего титул «сипах-салар», считалась первой военной должностью в государстве. Этот наместник управлял из Нишапура всеми владениями Саманидов к югу от Аму-Дарьи.

Даже во время наибольшего могущества Саманидов, когда их государство простиралось от северных склонов Тянь-Шаня до Сулеймановых гор и от степей за Сыр-Дарьей до Персидского залива, центральная власть в окраинных областях никогда не была особенно сильной. Многие из владетелей этих областей только номинально подчинялись эмирам

---

¹⁶ Династия Саманидов, предки которых жили в районе Термеза, была, видимо, местного, согдийского происхождения. Новые данные об этом см. Семенов, *Происхождение Саманидов*.

¹⁷ Нершахи, пер. Лыкошина, 108—112.

¹⁸ Подчинение Систана далось Саманидам нелегко и потребовало много времени (см. Нершахи, пер. Фрая, 153, прим. 315).

Бухары, не вносили в их казну ничего из налоговых поступлений, а лишь посылали подарки, имевшие в ряде случаев только символический характер признания верховной власти. В частности, только подарки, а не подати отправляли в сто-

Рис. 13. Бронзовая чаша с надписью «Абу Наср ибн Ахмед Систанец»

лицу Саманидов правившие в Балхе и Андараве владельцы династий Абу-Давудидов и Симджуридов, Саффариды Систана, местные правители Гарджистана и Газни, а также Ферчгуниды Гузгана ¹⁹.

¹⁹ Бартольд, *Туркестан*, стр. 292.

В какой мере власть Саманидов распространялась на долину Кабула, неясно. По-видимому, Кабул находился лишь под известным влиянием государей Бухары. Во всяком случае до усиления Газневидов в конце X в. население областей по течению р. Кабул-Дарьи было еще далеко не полностью обращено в ислам²⁰. Ислам не был тогда распространен и среди населения северо-восточной части территории нынешнего Афганистана. Так, Джирм в Бадахшане считался в IX в. крайним пунктом мусульманских владений на пути в Тибет, а Вахан, Шугнан и прилегающие к ним области еще и в X в. были населены язычниками²¹.

В первой половине X в. в государстве Саманидов широко распространялась карматская «ересь», что было связано с усилением антифеодальных настроений среди крестьян и ремесленников. Идеология религиозно-философской секты карматов отражала интересы различных социальных слоев²². Карматство нередко пытались использовать и представители аристократии, а иногда даже государи. Саманидский эмир Наср ибн Ахмед (Наср II) сблизился с карматами и решил принять их веру, рассчитывая при их поддержке укрепить свою власть и обуздать своевольных феодалов. Однако эта попытка стоила ему трона, а его сын и преемник Нух II (943—954) начал кровавые гонения на карматов и других «еретиков».

С 40-х годов X в. государство Саманидов вступило в полосу тяжелых внутренних потрясений, связанных с ростом феодального сепаратизма. В Хорасане в 945 г. в связи с выступлением эмира Абу Али Чагани, которого Нух II попытался сместить с поста наместника, началась смута, которая продолжалась до падения власти Саманидов в Бухаре.

К концу X в. Саманиды сохраняли власть лишь над Мавераннахром, а окраинные их владения были в большинстве своем самостоятельными. В частности, в Газни в 963 г. возникло фактически независимое владение Алп-тегина, при одном из его преемников — Себук-тегине (977—997) превратившееся в обширное государство. Примерно к 80-м годам X в. (а может быть, и к более раннему времени) относится сообщение географа и путешественника Мукаддаси, отмечающего, что правление и хутба в Хорасане и Мавераннахре принадлежат роду Самана и что этому роду платят харадж все,

---

²⁰ О Кабуле см. ниже, стр. 237.

²¹ Бартольд, *Туркестан*, стр. 115, 116.

²² Среди карматов были течения, сторонники которых осуждали феодальное закабаление крестьянства, проповедовали возврат к свободной крестьянской общине и призывали к борьбе за социальное равенство (но при сохранении рабства), а некоторые из них выступали и с призывами к общности имущества.

«кроме эмиров Сиджистана, Хорезма, Гарч аш-Шара, Джузджана, Буста, Газни и Хутгаля, которые только посылают подарки, а пользуются хараджем [сами]»²³.

Основные черты социально-экономического развития

Период с VII до конца X в. в истории рассматриваемых областей характеризуется развитием феодальных отношений. В таких областях, как Балх, оазисы Герируда и Систана, арабское завоевание привело к перераспределению земельного фонда, значительная часть которого, включая и земли сельских общин, была признана собственностью государства, а часть перешла к арабским знатым фамилиям. Однако и многие местные аристократические семьи, признавшие власть халифата, а затем принявшие ислам, сохранили свои владения. Особую категорию представляли собой так называемые вакфные земли, т. е. переданные в пользование мусульманским религиозным учреждениям.

Преобладающей формой земельной собственности в рассматриваемое время оставалась государственная. Наряду с ней была распространена и частная собственность (мулька). Крестьяне на правах мулька имели, как правило, мелкие земельные участки. Обладателем мулька мог быть и ремесленник и купец. Однако значительно большая часть земель этой категории принадлежала уцелевшим семьям местной знати (дикханов) и потомкам арабских аристократических фамилий. Сохранялось и общинное землевладение, в первую очередь в труднодоступных горных районах.

В X в. происходило развитие форм феодальной собственности на землю, сопровождавшееся распространением феодальной зависимости на широкие массы крестьянства. Основной формой эксплуатации крестьян была издольная аренда, которая в X в., по-видимому, получила большее, чем раньше, распространение. В производстве сократилась роль рабского труда, который, однако, продолжал применяться в некоторых отраслях хозяйства (например, в горном деле).

Хозяйственный подъем в IX—X вв. происходил в новых политических условиях, создавшихся в результате обособления восточных частей халифата под властью местных династий. Однако при этом сохранялись и развивались торговые связи Балха, Герата и Систана и с отдаленными странами Ближнего Востока и Средиземноморья, и с соседними странами и областями Среднего Востока, в особенности с Мавераннахром.

Многие историки характеризуют X в. (а для некоторых

²³ Мукалдаси, 337.

местностей и XI—XII вв.) как время наибольшего хозяйственного подъема Хорасана и соседних областей Ирана и Средней Азии в эпоху феодализма, отмечая весьма значительное развитие земледелия, рост ремесленного производства и прогресс техники ремесла²⁴.

Важнейшей отраслью хозяйства по-прежнему оставалось поливное земледелие. В результате крупных ирригационных работ, проводившихся в IX—X вв., значительно расширились обрабатываемые площади. Из рек Гильменд и Герируд было выведено много новых каналов. Создавались системы кяризов, строились водохранилища.

В тех районах, где было возможно, развивалось и неполивное земледелие. Перечисляя самые плодородные места в Хорасане, Мас'уди называл земли между Гератом и Мерверудом, где были неполивные посевы²⁵.

О возросшей производительности сельского хозяйства и развитии техники обработки его продуктов в оазисах Систана, Герируда и Балха в X в. свидетельствует широкое применение в них, как и в соседних областях Ирана и Средней Азии, водяных мельниц. Мас'уди сообщал, что в Балхе река приводит в движение 70 мельниц, добавляя, что ворота города окружены садами и виноградниками²⁶. К Систану относится одно из самых ранних упоминаний о ветряных мельницах (Мас'уди)²⁷. В этой области сила ветра использовалась также для приведения в движение водоподъемных колес в колодезных оросительных системах. Отмечая особое значение колодезного орошения посевов в годы маловодья, автор «Тарих-и Систан» писал о том, как много пользы приносит его родной стране сила ветра²⁸.

Кроме пшеницы, ячменя и многих других сельскохозяйственных культур, в Систане, как и в Балхе, возделывался рис²⁹. Большую роль в сельском хозяйстве играли огородничество, бахчеводство и садоводство, во многих местах — виноградарство. Перечисляя достопримечательности городов Хорасана, Мукаддаси упоминал виноград Герата³⁰. В Систане и Балхе, как сообщают источники X в., выращивались и некоторые субтропические культуры, например в Систане финиковые пальмы, в Балхском оазисе сахарный тростник³¹.

²⁴ Пигулевская, и др., *История Ирана*, стр. 213—220 и 256—260; «История Туркменской ССР», т. I, стр. 213, 219, 223, 256—261.

²⁵ МИТТ, I, стр. 177.

²⁶ Там же, стр. 176.

²⁷ Sarton, *Introduction*, p. 638; ср. Ferdinand, *Windmills*, pp. 71, 82.

²⁸ *Тарих-и Систан*, 12.

²⁹ Мукаддаси, 324.

³⁰ Там же, 326.

³¹ *Худуд ал-Алам*, лл. 21-а, 22-а; подробнее см. Петрушевский, *Земледелие*, стр. 221.

Об увеличении товарности производства в Хорасане в IX—X вв. свидетельствует тот факт, что в сельском хозяйстве все большее значение приобретали технические культуры, в частности хлопок и шелк.

Некоторые районы предгорий, в частности степи Гузгана и Бадгиса, были преимущественно скотоводческими. В Гузгане разводили верблюдов и баранов. Скотоводы-арабы Гузгана считались самыми богатыми «из всех арабов, рассеянных повсюду в Хорасане»³². Жители горных районов Гура занимались и земледелием, и скотоводством. В источниках X в. Гарчистан характеризуется как местность, изобилующая зерновыми культурами, а население его — как скотоводы и земледельцы³³.

На городские рынки скотоводы доставляли шерсть, войлок, кожи и т. д. В Анбире, главном городе Гузгана (Гузганана), выделывали кожи, которые развозились «по всему миру»³⁴. Для торговли с кочевым и полукочевым населением из земледельческих районов доставлялся хлеб, а из городов — текстильные изделия, сушеные фрукты, посуда, оружие (в частности, луки) и т. д. Изготовлением оружия и воинских доспехов славился Гур.

Значительное развитие ремесел в Хорасане сопровождалось ростом торговли между городами и сельскими местностями. Обследование советскими археологами селений Северного Хорасана показало, что в сельские местности «проникали как высокосортная, так и массовая дешевая городская керамика, изделия из стекла, из металла»³⁵.

В Тохаристане и оазисах Систана и Герируда было много городских поселений с развитым ремесленным производством. В них вырабатывались различные ткани, гончарная и металлическая посуда, а также много других изделий из металла (в частности, оружие). Одним из показателей развития ремесел в Хорасане в IX—X вв. может служить широкое распространение в это время хорошей глазурированной керамики городского производства.

Из Герата в конце X в. вывозилось много тканей, в их числе шелковые (парча); по сообщению Саалиби, этот город был знаменит изделиями из бронзы³⁶. Представление о степени развития хозяйства, прежде всего ремесел, дают имеющиеся в источниках перечни вывозившихся из того или иного города (или области) товаров. Эти перечни, отличающиеся,

---

³² Худуд ал-Алам, л. 21-а. Этих арабов в Гузгане насчитывалось 20 тыс. чел.

³³ Там же, л. 20-а.

³⁴ Там же, л. 21-а.

³⁵ «История Туркменской ССР». т. I; стр. 222, 223.

³⁶ Саалиби, Латаиф, 119.

как правило, большим разнообразием номенклатуры, в известной мере отражают характер ремесленного производства данного населенного пункта и его округа. Так, Мукаддаси при перечислении товаров, вывозимых из Балха, называет мыло, кунжут, рис, орехи, миндаль, изюм, масло, «солнечный мед из винограда», инжир, гранаты, купорос, серу, олово (или свинец), «асбарак» («желтый имбирь» — трава, использовавшаяся в качестве красителя), мышьяк, благовония, женские покрывала, а также одежды и кожи³⁷.

Высокого для своего времени уровня развития достигло горное дело. В «Худуд ал-Алам» указывается, что в горах Гузгана добывали золото и серебро, а также железо и медь, сурьму и различные сорта купороса³⁸. В Гуре добывалось железо и медь, в Тохаристане — свинец, сера и другие металлы и минералы, в Бадахшане — драгоценные камни³⁹. В числе товаров, вывозившихся из Гарчистана, Мукаддаси называл золото и кованое железо. Добыча серебра производилась в районах Парвана и Панджшера. Серебряные рудники Панджшера славились по всему Востоку⁴⁰.

Развитие ремесел способствовало росту караванной торговли; важными ремесленными и торговыми центрами становились города, расположенные на караванных путях. Местные купцы совершали далекие поездки в страны Средиземноморья, Индию и Китай. Мас'уди утверждает, что он видел в Хорасане много людей, проходивших в землю Тибета и Китая из страны Согда, а упоминаемая о встрече в Балхе со стариком, который много раз хаживал в Китай, подчеркивает, что этот старик никогда не ездил по морю⁴¹.

Во времена Тахиридов и Саманидов Балх был одним из самых больших городов в их владениях. Есть сведения, что в X в. он не уступал по величине Бухаре, столице Саманидов⁴². Через Балх проходил важный караванный путь из Средней Азии в Индию, связывавший через Кабул Индию с Китаем. По данным некоторых источников, важнейшим центром торговли с Индией был именно Кабул⁴³. Крупным перевалочным пунктом на торговом пути в Индию служил г. Буст в Систане.

³⁷ Мукаддаси, 324.

³⁸ Худуд ал-Алам, л. 21-6 (ср. Бируни, *Минералогия*, 236).

³⁹ О добыче драгоценных камней в Вахане и Шугнани см.: Бируни, *Минералогия*, 74, 77.

⁴⁰ Об этих рудниках см. Массон М., *К истории горной промышленности*, стр. 230, 231.

⁴¹ В то же время морской путь в Китай считался наиболее удобным и им пользовались иногда даже самаркандские купцы (см. Крачковский, *Арабская географическая литература*, стр. 144).

⁴² Бартольд, *Туркестан*, стр. 128.

⁴³ Ибн Хаукал, 328.

Крупным городом считался Талькан. Уже в IX в. он был так обширен, что в нем были две соборные мечети. Широкой известностью пользовались шерстяные ткани, производившиеся в этом городе ⁴⁴. Из Талькана вывозились также вина и кошмы ⁴⁵.

Торговля с дальними странами обслуживала прежде всего феодалов и богатое купечество; значительную часть товаров составляли предметы роскоши. Однако в этой торговле немалую роль играли и такие товары как хлопчатобумажные ткани, красители и т. п. Скот, хлеб и другие продукты питания, а также дешевая посуда вывозились на сравнительно близкие расстояния. Обмен товарами подобного рода нередко происходил лишь между соседними районами. Сушеные фрукты (в частности, изюм) служили и предметом дальней торговли. Саалиби, отмечая, что достопримечательностью Герата был изюм «тайфи», указывал, что гератский кишмиш и изюм «вывозят в ближние и дальние [страны]» ⁴⁶.

Одним из важных результатов социально-экономического развития в IX—X вв. было возникновение в оазисах Тохаристана, Герируда и Систана, как и в соседних областях Средней Азии и Ирана, городов нового, феодального типа. Это сопровождалось изменениями в топографической структуре городов; так, во многих случаях центр хозяйственной жизни перемещался из старинной части города (шахристан), где располагались усадьбы знати, в торгово-ремесленное предместье (рабад). Однако господствующее положение в городах занимали феодалы землевладельцы, связанные с торговлей.

Крупное купечество, как правило, не противопоставляло себя феодалам, городское самоуправление ограничивалось рамками отдельных кварталов, где корпорации купцов и духовных лиц, а иногда и ремесленников имели своих выборных старшин, подчинявшихся городским властям. Корпорации ремесленников в городах Среднего Востока, представлявшие собой цеховые объединения, несколько похожие на средневековые европейские, мало изучены. В рассматриваемое время, как и в последующие столетия (до монгольского нашествия, серьезно нарушившего социально-экономическое развитие), торгово-ремесленное население городов Хорасана «так и не смогло выйти из-под всеобъемлющей опеки землевладельца-феодала» ⁴⁷.

Имеющиеся в источниках сведения о социальном строе и

⁴⁴ Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*, стр. 26, 27.

⁴⁵ Худуд ал-Алам, лл. 20-б, 21-а.

⁴⁶ Саалиби, *Латаиф*, 119; Мукаддаси (324) также упоминал изюм «тайфи» в числе вывозившихся из Герата товаров.

⁴⁷ Заходер, *Хорасан*, стр. 128.

хозяйстве областей нынешнего Афганистана в VII—X вв. относятся главным образом к развитым в экономическом отношении оазисам и городам. О кочевниках и горцах в письменных источниках встречаются лишь отрывочные упоминания. По-видимому, часть крестьянства Хорасана (особенно на его восточных окраинах) и в XI в., хотя и облагалась различными формами дани, не стала еще окончательно зависимой от феодалов и сохраняла личную свободу. Это предположение косвенно подтверждается многочисленными сообщениями источников X—XI вв. о том, что на востоке Хорасана крестьяне носили оружие⁴⁸. Ссылаясь на сочинение «Тарих-и Систан» и приводя затем некоторые из сообщений автора «Худуд ал-Алам», показывающих, что население таких горных местностей, как Сараван (между Гузганом и Гуром), Хутталан и Вахш, было вооружено, А. Е. Бертельс отметил, что «сведения о вооруженном населении относятся больше всего к горным областям, расположенным на северо-востоке Хорасана». Сравнивая далее положение крестьян экономически развитых равнинных частей Хорасана и населения горных областей, этот автор приходит к выводу, что «в окраинных труднодоступных горных местностях... сохранялось местное управление, местная патриархальная знать; крестьянство было свободнее»⁴⁹.

Сопоставление этих данных с источниками более позднего времени⁵⁰ позволяет предполагать, что неравномерность социально-экономического развития народов и племен Афганистана, характерная для всей эпохи феодализма, имела место и в рассматриваемый период. Среди скотоводческих племен и земледельцев в таких районах, как Гур и особенно Сулеймановы горы, очень долго сохранялись общинно-родовые отношения. Там процесс становления феодализма происходил значительно медленнее и завершился гораздо позднее, чем в долинных оазисах и городах.

Первые упоминания об афганцах в арабских и персидских источниках

Из числа горных племен в XII—XIV вв. наиболее видную роль в политической истории Афганистана и соседних стран играли гурцы, а в период позднего средневековья и в новое время — афганцы. Впоследствии по имени афганцев вся страна от Сулеймановых гор до Бадахшана и Герата стала

⁴⁸ Бертельс А., *Насир-и Хосров и исмаилизм*, стр. 37.

⁴⁹ Там же, стр. 38.

⁵⁰ О племенах Гура см. Джузджани (XIII в.), об афганских племенах см. Дарвеза (XVI—XVII вв.).

называться Афганистаном. Но в начале эпохи феодализма, насколько позволяют заглянуть в прошлое данные письменных источников, территория распространения афганцев ограничивалась только (или преимущественно) Северо-западной Индией, и прежде всего районом Сулеймановых гор. У хорошо осведомленных авторов географических и исторических сочинений на арабском языке не встречается ни этнического имени «афганцы», ни территориального названия «Афганистан». Войска арабских халифов, по-видимому, не проникали в область Сулеймановых гор и афганские племена не были еще исламизированы.

Попытка найти в арабских источниках X в. упоминание об афганцах была сделана В. Ф. Минорским⁵¹. Он полагает, что название «айгāн» (ایغان), приводимое Мас'уди в сочинении «Китаб ат-Танбих ва-л-Ишраф» (956 г.), можно читать как «абгāн», т. е. «апгāн» или «афгāн».

Мас'уди при перечислении тюрок, обитавших за работом Бадахшана или соприкасавшихся с этим работом, упоминает народ (или страну) Айгāн ایغان. Под «тюрьками» в данном случае, как это бывало у арабских авторов, вероятно, подразумевались в самом широком смысле различные немусульманские народы, и если только поправка в чтении слова «айгāн», предложенная В. Ф. Минорским, верна, то у Мас'уди действительно впервые в арабских источниках упоминаются афганцы или Афганистан.

Первым несомненным историческим известием об афганцах во введенных в науку источниках X в. пока надо считать упоминания в «Худуд ал-Алам». В этом источнике при перечислении и кратком описании населенных пунктов между Газни и Индией термин «афганцы» (афгāнāн) встречается дважды: в первый раз как название жителей селения Савал, а во второй оно употреблено при упоминании об афганках из числа жен правителя (местности) Банихар.

Порядок, в котором описаны местности, города и селения между Газни и Индией, таков: Гардез, Савал, Хусейнан, Банихар, Хиван, Джалут и Балут, Бируза (в Мультане). Далее говорится об Индии (Хиндустане). Гардез определен как город на границе между Газни и Хиндустаном; указано, что в Гардезе есть цитадель, а жители его — хариджиты. Савал — селение, находящееся на горе; это селение (или гора) охарактеризовано эпитетом «приятное», здесь же сообщается и о жителях (селения Савал): «и в нем афганцы»⁵².

О Банихаре рассказывается следующее: «Банїхār — местность, падишах которой выказывает себя мусульманином

⁵¹ Sykes, *A history of Afghanistan*, vol. I, p. 14.

⁵² *Худуд ал-Алам*, л. 16-а.

и имеет много жен из мусульманок, из афганок (афгānān) и из индусок (хиндўvān) — больше тридцати. А другие люди⁵³ — идолопоклонники. И в этой местности есть три больших идола»⁵⁴.

Для названия местности «Банихар» В. Ф. Минорский предлагает как возможное чтение «Нйнхār», т. е. Нинграхар, впоследствии область Джалалабада⁵⁵. Однако скорее всего следует остановиться на чтении «Банйхār» (как в тексте), так как название это хорошо локализуется в долине Инда, где до нашего времени сохранилось известное со времен средних веков географическое название Банну. В пользу такой локализации говорит не столько сходство названий «Банйхār» и Банну, сколько данные исторической топографии, связанные с местными преданиями.

В «Худуд ал-Алам» при дальнейшем перечислении городов между Банихаром и Бирузой (в Мультане) указаны сначала Хиван, а затем Джалут и Балут.

О Джалуте и Балуте, названных городами, сообщается, что они расположены на вершинах гор, справа и слева от дороги и разделены рекой⁵⁶.

О том, где находился Хиван, пока судить невозможно, но Балут, по всей вероятности, следует отождествить с развалинами крепости на правом берегу р. Инда в округе Дера Исмаил-хан (на пути из Банну к Мультану), еще в XIX в. известными среди местного населения под названием Балут или Балот⁵⁷.

Что же касается поселения Савал, в котором упомянуты жители-афганцы, то П. Сайкс, ссылаясь на авторитетное мнение В. Ф. Минорского, склоняется к тому, чтобы читать вместо Савал «Фармул», сближая его с географическим названием, сохранившимся до наших дней в верхнем течении Точи, к юго-востоку от Газни⁵⁸. С известной долей вероятности Савал можно сблизить с названием местности Шавал в Северном Вазиристане.

---

⁵³ То есть остальные (все или большинство) жители Банихара, кроме самого правителя и его двора.

⁵⁴ *Худуд ал-Алам*, л. 16-а.

⁵⁵ См. *Худуд ал-Алам*, пер. Минорского; в древности область Банну называлась страной Вагг — Вагага (См. Грантовский, *Parçū — Parçava*, стр. 88).

⁵⁶ О Хиване сообщается, что он находится на вершине горы, из которой вытекает река (или ручей), и что там имеются посевы.

⁵⁷ Мухаммед Хаят-хан, упоминая о развалинах городов Талот и Балот, приводит легенду, связанную с этими развалинами: некогда были два брата — цари Тал и Бал, они играли видную роль в политической жизни своего времени, но не смогли противостоять «убивающим коров» мусульманам (см. Мухаммед Хаят-хан, пер. Пристли, 4).

⁵⁸ Sykes, *A history of Afghanistan*, vol. I, p. 14.

Сведения, сообщаемые в «Худуд ал-Алам»⁵⁹, подтверждаются и другими, более поздними источниками: афганцы Сулеймановых гор в X в. не были мусульманами. В областях Сулеймановых гор, а также в Гуре и в ряде других труднодоступных районов современного Афганистана в VII—X вв. сохранялись прежние верования, о характере которых в известных до сих пор источниках прямых данных нет.

Культура

В Систане, Герате и Балхе время утверждения феодализма характеризуется в области идеологии постепенным распространением там после арабского завоевания религии ислама, вытеснявшей прежние верования местного населения: зороастризм, буддизм и др. Несколько дольше сохранялись в этих областях исповедовавшиеся частью жителей христианство и иудаизм.

О Кабуле географ Ибн Хаукал, отмечая, что там был сильно укрепленный кухендиз, писал: «...и к нему ведет единственная дорога. И в нем — мусульмане. Но у него [Кабула] — рабад, в котором кафиры и иудеи»⁶⁰. До начала XI в. Кабул продолжал оставаться под властью династии местных шахов, и вплоть до этого времени ислам не получил там широкого распространения.

Некоторый перерыв в развитии культурных традиций в Систане, Герате и Балхе, наступивший в результате арабского завоевания, сменился в IX—X вв. возрождением этих традиций. Особая роль принадлежала ученым, жившим и работавшим в районах, пограничных с Индией. Через них многие важные достижения индийской науки становились достоянием ученых всего Среднего и Ближнего Востока (где языком научных сочинений был арабский), а через них и Европы.

Во входивших в состав халифата областях и странах арабский язык занимал господствующее положение не только в качестве языка государственного, но и языка господствующей религии. Первоначально только на арабском языке (а с X в. и далее преимущественно на этом языке) создавалась богословская и юридическая литература.

На арабском языке писали свои произведения и многие поэты, по своему происхождению не арабы. Среди сохранившихся отрывков, посвященных городам и областям Хо-

⁵⁹ *Худуд ал-Алам*, л. 16-а (см. выше, стр. 235—236).

⁶⁰ Ибн Хаукал, 328; Истахри (280) сообщал, что в сильно укрепленном кухендизе Кабула живут мусульмане, а рабад принадлежит «индийским кафирам» (см. также Истахри, егип. изд., 156; Истахри, перс. редакция, 219).

расана, есть стихи о Герате, написанные Абу Ахмедом Самии Харави, судя по нисбе, уроженцем этого города (или области) ⁶¹.

Среди поэтов Хорасана, писавших на арабском языке, были панегиристы, восхвалявшие халифских наместников и все арабское. С другой стороны, значительное распространение в арабоязычной поэзии Хорасана получили оппозиционные мотивы шуубитов, противопоставлявших местные традиции политическому и культурному господству арабской знати. Шуубиты отражали в основном интересы местной аристократии.

На арабском языке писали свои стихи и хариджитские поэты. В «Тарих-и Систан» сохранились образцы арабской поэзии хариджитов Систана, выступавших под предводительством Хамзы ибн Атрака. Одно стихотворение посвящено победе восставших над отрядом сына наместника. Стихи хариджитских поэтов, призывающие к борьбе с халифами и прославляющие победы повстанцев, не отличаются высокой техникой, но сильны своей простотой и непосредственностью ⁶².

Арабским языком в восточной части халифата пользовались прежде всего служители религии и чиновники. Среди широких масс местного населения этот язык не был распространен. Постепенно арабский язык стал вытесняться из художественной литературы Систана, Хорасана и Мавераннахра персидским языком («фарси» или «дари», за которым в лингвистике утвердилось название «новоперсидский»).

Развитие литературы на этом языке было связано с борьбой народов восточной части халифата за политическую самостоятельность и возрождение своих культурных традиций; оно поощрялось и использовалось представителями местных династий — Саффаридов, а затем Саманидов — как отвечающее их политическим целям.

Самый ранний из до сих пор известных эпиграфических памятников на новоперсидском языке обнаружен на территории нынешнего Афганистана — надпись в Танг-и Азао, в 200 км к востоку от Герата. Эта надпись выполнена еврейским алфавитом и датируется 752/53 г. ⁶³. Из записанных арабским алфавитом литературных текстов на новоперсидском языке к числу наиболее древних относятся поэтические тексты ⁶⁴. Самым ранним из них считается приведенное в сочинении историка Табари народное четверостишие сатирического характера, сложенное в Балхе об арабском наместнике

⁶¹ См. Османов, *Из истории литературы*, стр. 115.

⁶² Там же, стр. 114, 115.

⁶³ Henning, *The inscriptions of Tang-i-Azao*.

⁶⁴ См. Болдырев, *Из истории персидского языка*, стр. 79, 80.

Асаде ибн Абдаллахе по случаю поражения, нанесенного ему в Хутталане⁶⁵.

После прихода к власти местных династий в восточной части халифата там появились придворные поэты, слагавшие персидские стихи в честь правителей из этих династий. Систанская историческая традиция относит составление первых панегириков на персидском языке ко времени Саффаридов. Своим к месту сказанным (хотя и не очень искусным) персидским стихотворением, восхвалявшим Якуба ибн Лейса, приобрел известность Мухаммед ибн Васиф, служивший у него дабиром⁶⁶.

Согласно приведенному в «Тарих-и Систан» рассказу, Якуб ибн Лейс, который был «неучем» (т. е. человеком, чуждым арабской образованности), так высказался однажды по поводу составленного для него на арабском языке панегирика: «Зачем говорить то, чего я не разумею?» Это и побудило Мухаммеда ибн Васифа приняться за сочинение стихов на персидском языке, причем он будто бы был самым первым из людей «аджамских», слагавших персидские стихи во времена после распространения ислама⁶⁷. После гибели Амра ибн Лейса этот придворный поэт остался верен своим покровителям и оплакал крушение династии Саффаридов в стихах. От Мухаммеда ибн Васифа сохранился также поэтический отрывок, в котором описывается бедственное положение Систана в годы междоусобиц среди потомков саффаридских эмиров.

Как утверждается в «Тарих-и Систан», вторым после Мухаммеда ибн Васифа за персидские стихи взялся Мухаммед ибн Мухаллад, также по происхождению систанец, который был человеком образованным. Затем на персидском языке в Систане конца IX — начала X в. писали стихи и многие другие поэты.

В X в. поэзия на персидском (таджикском) языке достигла блестящего расцвета в государстве Саманидов. В творчестве некоторых выдающихся мастеров слова, творивших в X в. в Хорасане и Мавераннахре, получила развитие философская лирика, в дальнейшем доведенная до высокой степени совершенства Омаром Хайямом (1040—1128) в его всемирно известных четверостишиях. Среди видных поэтов X в.

⁶⁵ Контекст сообщения Табари и характер стихов не оставляют сомнений в том, что эти стихи (или песенка) вышли из народной среды. Таким образом подтверждается, что уже к середине VIII в. разговорным языком населения (или какой-то его части) Балха был персидский (таджикский) (см. Оранский, *Введение*, стр. 232). Однако в сельских местностях продолжали бытовать и другие диалекты и говоры; их имел в виду Бируни (XI в.), упоминавший о языках «балхия» и «тохария».

⁶⁶ Дабирами назывались чиновники, прежде всего секретари.

⁶⁷ *Тарих-и Систан*, 209, 210.

были и уроженцы Балха, Систана и других городов и областей, входящих ныне в состав Афганистана: Шахид Балхи (ум. в 931 г.), Абу Шукур Балхи (род. в 916 г.), Абу-л-Фатх Бусти и др.

В государстве Саманидов новоперсидский литературный язык (фарси) занял важное место в различных областях политической и культурной жизни, а в поэзии стал главенствующим. В X в. на этот язык стали переводить сочинения ученых, а затем и писать на нем оригинальные научные труды. Среди первых прозаических произведений, написанных на фарси, большое место занимают переводы с арабского и переработки трудов авторов, пользовавшихся арабским языком. Самым ранним из дошедших до нас памятников персидско-таджикской прозы считается богословское сочинение Абу-л-Касима Исхака ибн Мухаммеда Самарканди (ум. в 953/54 г.).

По приказанию саманидского эмира Мансура ибн Нуха (961—976) на персидский язык были переведены с арабского обширное историческое сочинение Табари и многотомный тафсир (комментарий к Корану) того же автора. Одним из первых научных сочинений, написанных на новоперсидском языке, является труд по фармакологии, принадлежащий Абу Мансуру Муваффаку ал-Харави (около 970 г.). К саманидскому времени относится и обширный медицинский трактат, составленный Абу Бекром Ахавайни Бухари. Приблизительно к 982—983 гг. относится составление знаменитого географического сочинения «Худуд ал-Алам» — ценнейшего источника, содержащего, в частности, цитированные выше упоминания об афганцах.

Памятники архитектуры VII—X вв. на территории Афганистана почти не исследованы, и обзорную их характеристику дать пока не представляется возможным. IX—X веками датируется значительная часть многочисленных руин крепостей и городов, разбросанных в песчаных пустынях Систана (табл. 26). Изучение средневекового зодчества Систана, начатое описанием Тэта, опубликовавшего собранные им материалы в 1910 г., и изысканиями археологов в последние годы, сулит большие перспективы, в частности для изучения памятников материальной культуры рассматриваемого времени.

Период VII—X вв. в истории Афганистана характеризуется утверждением феодального строя. IX—X вв. ознаменовались значительным подъемом производительных сил в передовых в социально-экономическом отношении областях, ростом ремесла и торговли, крупными изменениями в жизни городов, приобретавших феодальный облик. Народные движения и восстания VIII — начала IX в., расшатавшие господство халифата, были использованы аристократией и подгото-

вили почву для прихода к власти местных династий, добившихся уже в IX в. значительной степени независимости от халифата. Почти весь рассматриваемый в этой главе период прошел в народных волнениях и восстаниях, направленных как против халифских властей, а затем местных династий, так и непосредственно против феодальной эксплуатации.

В области идеологии рассматриваемый период характеризуется распространением ислама, получившего преобладание в большинстве наиболее развитых в хозяйственном отношении городов и районов Систана, Хорасана и Тохаристана. Арабский алфавит, дополненный несколькими буквами, был применен для записи новоперсидского языка, и в IX—X вв. в ряде областей, входящих ныне в Афганистан, успешно развивалась поэзия на этом языке, а в X в. на нем появились и первые научные сочинения. IX—X века в истории Афганистана, как и соседних с ним стран, ознаменовались значительным подъемом культуры.

Глава IX

ГАЗНЕВИДСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ВОЗВЫШЕНИЕ ГУРИДОВ

Алп-тегин, основатель княжества в Газни, был вначале гвардейцем («гуламом») саманидского войска. При эмире Абд ал-Малике он стал одним из самых влиятельных и богатых людей в саманидском государстве и получил назначение управлять Балхом, а затем командовать войсками всего Хорасана. После смерти Абд ал-Малика (961 г.) при саманидском дворе получила преобладание враждебная Алп-тегину группировка. Он поднял мятеж против центральной власти, после чего вынужден был отступить со своим войском в отдаленный район Газни.

Правителем Газни, формально входившей в состав владений Саманидов, был Лавик (или Анук), женатый на дочери правителя Кабула¹. После четырехмесячной осады Газни Алп-тегин 12 января 963 г. овладел крепостью². Утвердив свою власть в этом городе, он создал фактически независимое от Саманидов феодальное владение и сумел отразить натиск войск, посланных против него эмиром Мансуром. Позднее Алп-тегин завоевал Буст и часть земель, подвластных правителям Кабула.

Умер Алп-тегин в сентябре 963 г.³ Основанное им княжество значительно усилилось при одном из его преемников из числа гуламов — Себук-тегине, провозглашенном эмиром в Газни в апреле 977 г. В годы правления (998—1030) Махмуда, сына Себук-тегина, Газнийское княжество превратилось в обширное и могущественное государство.

Используя обстановку, создавшуюся в связи с захватом Мавераннахра в 999 г. тюркскими правителями Караханидами и свержением Саманидов, Махмуд подчинил входившие прежде в состав саманидских владений области к югу от Аму-Дарьи. В 999 г. он направил в Гарчистан послом своего придворного летописца Утби, которому удалось склонить мест-

¹ См. Bosworth, *The Ghaznavids*, pp. 37, 38.

² Nazim, *The life and times*, p. 25.

³ *Ibid.*, p. 26.

ного правителя признать вассальную зависимость от Махмуда⁴. Вскоре Махмуд подчинил весь Хорасан. В 390/999—1000 г. он захватил Нишапур, вторгся в Систан и осадил крепость Так, в которой укрылся местный правитель Халаф ибн Ахмед⁵. По-видимому, между сторонами была достигнута какая-то договоренность, ибо осада была прекращена и Халаф ибн Ахмед признал свою вассальную зависимость от газнийского правителя. По сообщению Гардизи, условиями мира предусматривались уплата Халафом ибн Ахмедом 1000 тыс. динаров и обязательство читать хутбу на имя Махмуда⁶. Разгоревшиеся в Систане в 1002 г. междуусобия позволили Махмуду присоединить этот край к своим владениям.

Большую часть своего длительного правления Махмуд провел в военных походах, основным объектом которых была Индия⁷. Эти походы приносили Махмуду и его военачальникам огромную добычу и сопровождались опустошением целых областей, разорением городов, истреблением и уводом в рабство многих тысяч людей.

К концу царствования Махмуда в состав его государства были включены все территории современного Афганистана. На юге власть газнийского правителя распространялась на часть Северной Индии, на западе — на весь Хорасан, а на севере — на области по течению Аму-Дарьи, до Хорезма включительно. В Иране верховную власть Махмуда признавали правители Табаристана, Рея, Исфагана и др.

Военная и административная система

Своими успехами Махмуд, энергичный и жестокий правитель, один из крупнейших полководцев средневекового Востока, был во многом обязан организации военных сил и умению поддерживать в них дисциплину. В армии Махмуда было много боевых слонов. Для переправ через реки сооружались плавучие понтонные мосты. Для осады крепостей применялись метательные машины («манджаник»)⁸.

Махмуд располагал многочисленным постоянным войском, ядром которого были конные отряды («хель») из хорошо вооруженных и обученных рабов-гвардейцев, купленных еще

⁴ См. ۳۳۱ ص، جلد ۳، تاریخ افغانستان.

⁵ О развалинах этой крепости (разрушенной впоследствии Тимуром) см. Tate, *Seistan*, pp. 146, 224—234. Новое описание см. Haskin, *Recherches archéologiques*, pp. 22, 23.

⁶ Гардизи, 63.

⁷ Наиболее подробно походы Махмуда в Индию изложены в кн.: Nazim, *The life and times*.

⁸ О вооружении и организации войска Газневидов см. Bosworth, *The Ghaznavids*, pp. 98—128.

в детском возрасте и воспитанных с юных лет в отрядах с целью подготовить из них профессиональных воинов. Гвардия гуламов, оторванных от своих родных и близких, не знавших ни родства, ни племени, была в руках деспотических правителей не только надежной силой во внешних войнах, но также и послушным орудием внутренней политики.

В походах в Индию, проводившихся под знаменем «священной войны», Махмуд Газнийский широко использовал в качестве военной силы «борцов за веру» (газиев) — добровольцев из обезземеленных крестьян и из деклассированного городского люда⁹. Махмуд и его преемники привлекали к участию в походах, а вероятно, и к постоянной службе в своих войсках также и ополчения воинственных племен — кочевников и горцев¹⁰.

Внутренняя политика Махмуда определялась стремлением обеспечить неукоснительный сбор налогов и укрепить центральную власть. Опорой этого правителя был разветвленный государственный аппарат. Махмуд умел подбирать способных и преданных ему военачальников и чиновников.

Была развита система осведомительной службы, слежки, шпионажа. От тайных соглядатаев Махмуд узнавал о настроениях народа, с их помощью осуществлял контроль над вельможами и чиновниками. Он приставил шпионов даже к своему сыну Мас'уду, управлявшему Гератом. Впрочем, и у Мас'уда были свои секретные осведомители при дворе отца¹¹.

Махмуд покровительствовал лицам, пользовавшимся религиозным авторитетом у мусульман, оказывая знаки почтения и благоволя известным своей набожностью вероучителям, а видных руководителей в делах веры и шариата из числа казиев, факихов и сейидов привлекал к участию в придворных совещаниях (маджлисах) при решении важных государственных вопросов. Однако, не допуская ограничения своей власти, Махмуд давал духовным особам ясно понять, что его уважение к ним зависит исключительно от их покорности ему, султану¹².

Извлекая из использования знамени религии большие политические выгоды и в своих военных предприятиях и во внутренних делах — при усмирении непокорных и укреплении власти над подданными, Махмуд выступал ревнителем мусульманского правоверия. При этом, стремясь приобрести репутацию истинно благочестивого государя, он постоянно

⁹ Об этом см. Якубовский, *Махмуд Газневи*; ср. Bosworth, *The Ghaznavids*, p. 141.

¹⁰ О составе газневидского войска см. Bosworth, *The Ghaznavids*.

¹¹ См. Бейхаки, 121—125; об осведомителях в государстве Газневидов см. Mez, *Die Renaissance*, S. 70.

¹² Бартольд, *Туркестан*, стр. 352.

подчеркивал, что действует в качестве послушного исполнителя воли багдадского халифа.

Махмуд вел упорную борьбу со всякими отклонениями от ортодоксального ислама, с «ересями», в которых в религиозной форме выражалось недовольство различных слоев населения господствовавшими в газневидском государстве порядками. Выступая сторонником багдадских халифов, он особенно жестоко обрушивался на карматов и исмаилитов, представлявших ему опасными из соображений внешней политики, в силу их связей с могущественными тогда фатимидскими правителями Египта, соперниками и врагами халифов Багдада.

Несмотря на репрессии властей, учения карматов и исмаилитов находили себе приверженцев в газневидском государстве не только среди оппозиционно настроенных аристократов, но широко распространялись и среди крестьян, а недовольство народа Махмуд подавлял беспощадно. Еретиков выслеживали многочисленные шпионы. По их доносам людей хватили, вешали, побивали камнями, а имущество казненных конфисковывалось. Гонения на еретиков носили массовый характер¹³.

В широких масштабах истребление всех отклонявшихся от «праведного пути» проводилось Махмудом во время его завоевательных походов. Он жестоко расправлялся с карматами в Мультане, во время своего первого похода туда в 1006 г. А в 401 г. х. (1010/11 г.), направившись в Мультан во второй раз и овладев не завоеванной еще частью этой страны, он захватил и казнил многих карматов. Оставшимся в живых отрубали руки, сажали в тюрьмы, где их уделом была медленная смерть.

Наука и литература

Махмуд превратил Газни в одну из самых блестящих столиц своего времени. Она была не только административным, но и крупным торговым центром, привлекавшим купеческие караваны из близких и далеких стран. Пышность празднеств при дворе газнийских владык поражала воображение современников. В дни религиозных праздников государь устраивал роскошные пиршества, на которых выступали поэты и искусные музыканты.

Стремясь прослыть меценатом, Махмуд держал при дворе поэтов и историков-летописцев, которые должны были восхвалять его деяния. В Газни проживали также, хотя и не всегда добровольно, некоторые выдающиеся ученые того

¹³ См. Бертельс А., *Насир-и Хосров и исмаилизм*, стр. 88—122.

времени. Усматривая в их присутствии украшение своего двора, Махмуд привлекал их различными средствами, не оставаясь и перед грубым насилием. Так, покорив в 1017 г. Хорезм, Махмуд приказал привести в свою столицу хорезмийских ученых, в числе которых был великий энциклопедист Абу Рейхан Бируни.

Бируни родился в 973 г. в предместье г. Кята (столицы Хорезма), умер в 1050 или 1051 г. в Газни¹⁴. Последние 30 лет жизни он провел при дворе Газневидов, и его сочинения, написанные в эти годы, были так или иначе связаны с военно-политическими событиями в Газни.

Многое тяготило ученого в годы вынужденного пребывания в этом государстве¹⁵. Однако, несмотря на все трудности, в этот период своей жизни Бируни продолжал писать. В числе крупных работ, созданных им в годы правления Махмуда, была «Индия». Относясь отрицательно к разрушительным завоеваниям Махмуда в Индии, великий ученый создал не имеющее себе равных в литературе древности и средних веков исследование о культуре, науке, этнографии и географии этой страны. Оно замечательно своей научной объективностью и проникнуто глубоким уважением к населяющим Индию народам, к их культуре.

Бируни был одним из величайших ученых-энциклопедистов: астрономом, математиком, минералогом, географом, этнографом, историком и филологом. В решении ряда важных проблем науки он шел намного впереди своего времени. Так, будучи знаком со взглядами некоторых индийских астрономов (школа Брахмагупты), утверждавших, что Земля движется вокруг Солнца, Бируни признавал равноправными как господствовавшую в то время теорию Птолемея, так и теорию гелиоцентричности.

Бируни определил радиус Земли (для длины окружности Земли он нашел значение, равное приблизительно 40 тыс. км), занимался проблемой вращения Земли вокруг своей оси, с удивительной для своего времени точностью определил удельный вес многих металлов и минералов.

Фигура Бируни, крупнейшего ученого средневековья, заслонила в глазах последующих поколений имена других ученых, живших в столице Газневидов. Но следует отметить, что, за исключением богословия (и отчасти астрологии), наука не пользовалась большим вниманием правителя Газни.

Меценатство Махмуда распространялось прежде всего на

---

¹⁴ См. Беленицкий, *Краткий очерк*, стр. 288—290.

¹⁵ Крачковский, *Бируни*, стр. 57; Халидов — Эрман, *Предисловие*, стр. 17. Положение ученого улучшилось при Мас'уде (Беленицкий, *Краткий очерк*, стр. 282, 283).

поэзию и при первых Газневидах придворная поэзия достигла значительного, хотя и одностороннего развития. При дворе Махмуда постоянно кормилось несколько десятков поэтов. В творчестве придворных поэтов процветал жанр оды («касыда»). В касыдах всячески восхвалялся государь и превозносились его достоинства и деяния. Главой поэтов при дворе Махмуда стал прославленный одописец Абу-л-Касим Хасан ибн Ахмед Унсури, по преданию первым удостоенный почетного звания «царя поэтов» («малик аш-шуара»). Унсури родился в Балхе (по-видимому, между 970 и 980 гг.; умер в 1039/40 г.). Он принимал участие во многих походах Махмуда. Посвящая свои касыды восхвалению этого правителя и воспеванию его побед, Унсури вводил в них лирические отступления, с большим умением рисуя картины природы.

Произведения Унсури отличались высокой техникой, разнообразием поэтических приемов, богатством языка. В его стихах встречаются превосходные примеры использования различных значений одного и того же слова — искусство, свойственное лучшим мастерам персидско-таджикской поэзии. Одним из примеров применения этого приема в поэзии Унсури служит известное место в одной из его касыд, посвященной походу Махмуда в Сомнат (1025 г.). Превознося победы Махмуда над многими индийскими правителями, Унсури сравнивал войну за царство с шахматной игрой (шатрандж), которую Махмуд вел против тысячи королей;

Когда державный шах на Сомнат свой поход свершал,
В походе том себя делам чудесным посвящал:
Сражался с тысячею шахов в царственный шатрандж
И шаху каждому и шах и мат игрой особой дал¹⁶.

Однако, несмотря на дарование Унсури, от него не осталось крупных произведений, способных пережить века, не утрачивая силы эстетического воздействия на людей новых поколений¹⁷. Его творчество было сковано жанром панегирической касыды, ибо даже лучшие произведения этого жанра отличались монотонностью, вычурностью и внутренней пустотой¹⁸.

Произведения Унсури и других одописцев интересны как исторический источник, поскольку в них содержится много фактов, иногда дополняющих известные из исторических сочинений. Но для одописцев характерны подтасовывание фак-

¹⁶ Джуджани, изд. Нассау-Лиса, 10.

¹⁷ Большой интерес должна была представлять поэма Унсури «Вамик и Азра», от которой, к сожалению, сохранились только отрывки, показывающие, что она была написана по образцу античного романа.

¹⁸ Характеристику этого жанра см. в кн.: Бертельс, *История персидско-таджикской литературы*, стр. 316 и сл.

тов, апологетика и «непомерное превознесение султана, окруженного чуть ли не ореолом святости»¹⁹. В одной из своих од, представляющей собой как бы летопись побед Махмуда, Унсури так пытался обосновать грабительские походы этого султана в Индию, приписывая ему бескорыстие, совершенно не соответствовавшее действительности:

Запрудил он путь неверию, вырвал корень многобожия,
Вместо капища поставил мечеть и мимбар.
Во всей этой стране неверных, которую он разорил,
Не искал он ничего, кроме благоволения бога
и благоволения пророка²⁰.

Из поэтов Газнийского придворного круга большую известность снискали также Абу-л-Хасан Али ибн Джулуг Фаррухи (ум. в 1037/38 г.) и Абу-н-Наджм ибн Каус ибн Ахмед Минучехри (ум. в 1041 г.). Для стихов систанца Фаррухи характерны мелодичность, богатство метафор и сравнений. Он был не только широко образованным человеком и весьма одаренным поэтом, но также искусным певцом и музыкантом.

Воспевая природу, любовь и вино, Фаррухи, как и другие придворные поэты, писал касыды, безудержно восхвалявшие Махмуда, его завоевания, жестокость и кровопролития. Элегия Фаррухи на смерть султана Махмуда считается в персидско-таджикской поэзии одним из лучших образцов этого жанра. В ней есть такие строки:

Стоя и горе! Потому что теперь карматы обрадуются,
Обретут безопасность от побивания камнями и виселицы²¹.

Е. Э. Бертельс, анализируя творчество Фаррухи и подчеркивая, что это был поэт огромного таланта, писал: «...находись он в иных условиях, он мог бы обогатить мировую литературу бессмертными произведениями. Этого не случилось потому, что ему пришлось быть придворным певцом, искусство его было продажно»²².

Не случайно, что величайшее произведение искусства времени политического могущества газнийских владык было создано поэтом, находившимся вне круга газнийских придворных стихотворцев. После 1010 г. закончил вторую редакцию своей поэмы «Шах-наме» Абу-л-Касим Фирдоуси, завершив многолетний труд над памятником, созданным в основном еще в X в. По-видимому, не только сам Махмуд не оце-

¹⁹ Там же, стр. 325.

²⁰ Перевод Е. Э. Бертельса (*История персидско-таджикской литературы*, стр. 325).

²¹ Перевод А. Е. Бертельса (*Насир-и Хосров и исмаилизм*, стр. 118).

²² Бертельс, *История персидско-таджикской литературы*, стр. 351.

нил поэму должным образом, но и его придворные поэты встретили «Шах-наме» неодобрительно. Многие должны были побуждать Махмуда отнестись к «Шах-наме» отрицательно. Не могли привлечь симпатий этого султана ни сочувствие Фирдоуси к труженикам и простолюдинам, ни шуубитские мотивы с идеализацией традиций дихканской знати домусульманского времени при по меньшей мере благожелательном отношении автора к зороастризму²³.

Дворцы Лашкаргаха

Об ослепительной роскоши быта придворной знати газневидского государства теперь можно судить не только по известным уже давно описаниям современников, но и по архитектурным памятникам, исследованным археологами в последние годы. К северу от развалин г. Буста на семь километров в длину тянутся оплывшие руины, замыкая величественный замок, известный у местного населения под названием Лашкар-и Базар. Обследование этих руин французской археологической миссией показало, что в совокупности они представляют собой развалины большой мечети, нескольких дворцовых зданий и различных подсобных построек, располагавшихся среди садов и охотничьих парков²⁴. Этот дворцовый комплекс упоминается и в письменных источниках. Так, у Мукаддаси мы читаем, что в полуфарсахе от Буста находится место Ал-Аскар, откуда происходят султаны²⁵. Описывая деятельность султана Мас'уда I (1030—1041), Бейхаки сообщает, что в Дашт-и Чоуган (или Дашт-и Ланган)²⁶, в Бусте, где был военный лагерь (лашкаргах) Махмуда (около Буста), Мас'уд соорудил разные пристройки²⁷. Лашкаргах ярко характеризует дворцовую архитектуру Газневидов.

Лучше других строений изучен в ходе раскопок южный дворец. Он был воздвигнут на высоком берегу Гильменда, к водам которого от дворца спускалась монументальная каменная лестница.

Перед дворцом простиралась большая площадь, на которую выходил и фасад главной мечети. Дворцовые постройки

²³ См. Османов, *Фирдоуси*.

²⁴ Schlumberger, *Les fouilles*; idem, *La grande mosquée*; idem, *Le palais ghaznévide*; لشکرگاه، کهنزاد، احمد علی کهنزاد، Арунова, *О некоторых общих результатах*.

²⁵ Мукаддаси, 305.

²⁶ Чтение «Дашт-и Ланган» вместо «Дашт-и Чоуган» дается как правильное издателем в публикации: Бейхаки, стр. 731. Однако чтение «Дашт-и Чоуган», хотя и с оговоркой о его сомнительности, принято в русском переводе источника (см. Бейхаки, пер. Арэндса, 155, 634, 635).

²⁷ Бейхаки. 149.

Рис. 14. Фигура воина. Лашкар-и Базар

ставляет открытие в Лашкаргахском дворце монументальной стеной живописи. Ею были покрыты стены одного из парадных залов северной части дворца (археологи не без оснований назвали его «залом для аудиенций»). На панели в нижней части стен яркими красками была изображена процессия идущих воинов в богатой одежде, с оружием в руках (рис. 14). До наших дней сохранилось 44 фигуры, всего их, видимо, бы-

ки были обнесены высокой стеной, укрепленной круглыми в плане башнями.

Эта внешняя стена замыкала прямоугольник площадью около 165×90 м. В центре дворцовых построек был двор, на который с четырех сторон выходили открытые арочные помещения — айваны (прием, известный на примере Кухи-Ходжа — дворца парфянских правителей Сакастана). В виде айвана был оформлен и главный вход в южный дворец.

Для украшения стен внутри дворца широко применялась фигурная кладка жженого кирпича в сочетании с резьбой по алебастру. Сочный узор эпитафических панно, четкий рисунок геометрической орнаментики штука (основные линии рисунка усиливались измельченной резьбой основного фона) — все это подчеркивало изысканность и богатство внутреннего убранства дворца.

Но едва ли не наибольший интерес пред-

ло около шестидесяти. Скорее всего это гвардия, которой окружали себя могущественные газневидские султаны²⁸.

Фигуры даны в застывших, несколько манерных позах, ритмично повторяющих один и тот же канонизированный художественный прием. В этих особенностях лашкаргахской живописи, так же как и в стремлении газневидских мастеров к тщательной прорисовке деталей богатых одежд, в известной мере воскрешаются традиции фундукистанских фресок VII в. Но живопись Лашкаргаха еще более, чем эти фрески, скована канонами, мертвящими реальную действительность жизни. И все же (вопреки этим условиям) высокое умение и тонкий вкус мастеров лашкаргахской живописи ставят росписи Лашкаргаха в ряд выдающихся памятников искусства средневекового Востока.

Неподалеку от южного дворца располагалась соборная мечеть с монументальным порталом, эффектным главным зданием, видимо перекрытым куполом, и большим двором, окруженным легкой галереей²⁹.

Остатки другого дворца газневидского периода были открыты в Газни итальянской археологической экспедицией³⁰. Это сооружение сохранилось хуже, чем Лашкар-и Базар. Весь комплекс строгий был обведен стеной с полукруглыми башнями. Стены дворцовых зданий украшались резной терракотой и резьбой по штукатурке. Сам дворец по размерам (это частично объясняется условиями тесной городской застройки) намного уступает сооружениям Лашкар-и Базара.

Существует предположение, что к какому-либо из газнийских дворцов относятся мраморные рельефы, коллекция которых, составленная из случайных находок на развалинах Газни, хранится в Кабульском музее. Эти рельефы представляют значительный художественный интерес. На них мы видим придворных танцовщиц, застывших в условных позах, таких же газневидских гвардейцев, как на фресках Лашкар-и

²⁸ См. Kohzad, *Uniformes et armes des gardes*.

²⁹ Как видно из сообщения Бенхаки, строительная деятельность газневидских султанов в Лашкаргахе относится еще к началу XI в. или даже к концу X в. Однако ряд перестроек, видимо, производился и в более поздний период. Так, Д. Шлюмберже сообщает, что среди надписей у входа в южный дворец можно разобрать первые две цифры трехзначного числа 55[...] г. х., что соответствует какой-либо из дат в пределах 1155—1164 гг. (Schlumberger, *Le palais ghaznevide*, p. 256). Следует отметить также прямую аналогию резного шtukа «зала для аудиенций» и мавзолея султана Саиджара в Мерве, относящегося к 1156 г. («Архитектурные памятники Туркмении», стр. 30). Видимо, именно в середине XII в. в газневидском дворце Лашкар-и Базара были проведены большие восстановительные работы, которые Д. Шлюмберже склонен связывать уже с деятельностью Гуридов (Schlumberger, *Le palais ghaznevide*, p. 256).

³⁰ Bombaci, *Summary report*, I; Scerrato, *Summary report*, II.

Базара, сцену охоты (всадник отбивается от нападающего на него льва) и фрагмент батальной сцены с участием боевых слонов. По известной схематичности и условности газнийские рельефы близки живописи Лашкар-и Базара. Вместе с тем нельзя отказать создавшим их скульпторам в значительном композиционном мастерстве. Особенно это заметно на примере плиты с изображением слона, где массивная фигура животного, заполняющая почти весь фриз, создает впечатление монументальности и силы.

Исследование комплексов дворцовых построек Газни и Лашкар-и Базара дало большой материал, раскрывающий стиль искусства и многие стороны жизни той эпохи, прежде всего быта военно-административной верхушки Газневидов.

Ослабление и упадок государства Газневидов

Для государства Газневидов были характерны очень резкие социальные контрасты. «С одной стороны, блеск украшенной прекрасными зданиями Газны, пышность двора, где могучего властелина собирались воспевать наиболее известные поэты эпохи, с другой — нищета и голод разоренных войной народных масс»³¹.

Индийские походы Махмуда, приносившие баснословную добычу правящей верхушке, были весьма разорительны для простого населения, и прежде всего для крестьянства, так как для организации этих походов они облагались дополнительными налогами³².

От военной добычи народные массы не получали ничего — ни прямо, ни косвенно. Махмуд тратил часть этой добычи на великолепные постройки, сооружение и содержание которых ложилось новым тяжким бременем на подданных³³.

Основной формой эксплуатации крестьян крупными землевладельцами была издольная аренда. Помимо уплаты доли урожая крестьяне обязаны были выполнять принудительные работы на феодалов, участвовать в строительстве ирригационных каналов, дорог и т. д.³⁴. Бремя поземельного налога («харадж»), особенно усилившееся в годы правления Махмуда, вызывало обнищание и разорение крестьян. Это разорение ущемляло и интересы крупных землевладельцев-дихка-

³¹ Якубовский, *Махмуд Газневи*, стр. 88.

³² См. Бартольд, *Туркестан*, стр. 349.

³³ Там же, стр. 349, 350.

³⁴ Заходер, *Хорасан*, стр. 127, 128; Бертельс А., *Насир-и Хосров и исмаилизм*, стр. 36.

нов, так как многие земельные участки не обрабатывались³⁵. Противоречия между центральной властью и старой дикханской аристократией, существовавшие и в государстве Саманидов, стали при Махмуде более острыми.

В источниках сохранилось немало фактов, отражающих оборотную сторону внешне блестящего правления Махмуда. В них говорится о запустении деревень и целых районов, об упадке оросительных систем. Во время недородов голод уносил тысячи жизней, как было, например, в Хорасане в 1010—1011 гг. Многие тысячи подданных Махмуда гибли по обвинениям в ересь. В памяти последующих поколений Махмуд и его преемники сохранились как деспоты, злейшие тираны и угнетатели. Как справедливо отмечал А. Ю. Якубовский, «положение, при котором власть не имела полной опоры даже в основной группе господствующего класса, когда она могла опираться только на вновь создаваемые слои феодалов из среды выходцев из гвардейцев-гуламов и связанное с ними войско, не сулило ничего кроме катастрофы, которая рано или поздно должна была произойти»³⁶.

Во время походов Махмуда войска его приводили (более всего из Индии) тысячи обращенных в рабство пленников³⁷. Они использовались на самых тяжелых работах. Примечательно, что в таком источнике, отражающем быт феодалов времени первых Газневидов, как «Кабус-наме», в главе «О покупке рабов и ее правилах» индийским рабам посвящена особая характеристика.

В XI в. численность рабов в государстве Газневидов пополнилась за счет привоза их работорговцами-кочевниками.

Несмотря на то, что рабство при первых Газневидах в силу особых условий, в частности многочисленности пленников, играло немалую роль (по-видимому большую, чем в саманидском государстве), оно все же не определяло господствующего способа производства³⁸. Показательно, что в «Кабус-наме» рабство предстает преимущественно в качестве домашнего. Из этого источника видно, что аристократы покупали ра-

³⁵ Бартольд, *Туркестан*, стр. 349.

³⁶ Якубовский, *Махмуд Газневи*, стр. 91.

³⁷ О рабах-индийцах см. Mez, *Die Renaissance*, S. 157.

³⁸ По мнению А. Ю. Якубовского, рабство в халифате при Саманидах и в государстве Махмуда далеко не ограничивалось домашним рабством. Труд рабов применялся на таких важнейших участках хозяйственной жизни, как работы по искусственному орошению, в поле, в садах, на рудниках, в ремесленном производстве и т. п. Однако А. Ю. Якубовский одновременно подчеркивал, что рабство «являлось лишь тормозящим нормальное развитие феодальных отношений укладом», и признавал, что выяснить вопрос о применении рабского труда в хозяйствах дикханской аристократии в государстве Махмуда не представляется возможным, так как необходимых для этого фактов в «нарративных источниках почти нет» (Якубовский, *Махмуд Газневи*, стр. 57, 87, 91).

бов для использования в качестве домашней прислуги, охраны гаремов (из некоторых из них готовили музыкантов) и т. д. Но в источнике стражена важная роль рабов в военном деле³⁹.

В годы правления Мас'уда I (1030—1041), сына Махмуда, уже обнаружилась внутренняя слабость государства Газневидов и начался его упадок. В 1034 г. в Южном Хорасане вспыхнуло крупное восстание, основным очагом которого был Туе. Правда, это восстание было подавлено, но в 1034 г. отложился Хорезм.

Лишь в Индии Мас'уд действовал не без успехов, более или менее прочно подчинил себе Лахор и земли поблизости от Дели. Но на севере газневидскому государству пришлось столкнуться с сильным противником — то были туркмен-сельджуки. Хорасанская феодальная знать, ненавидевшая Газневидов, стремилась к смене династии и вступила в переговоры с вождями сельджуков.

Война Мас'уда с сельджуками продолжалась пять лет (1035—1040). Уже в первые годы войны сельджуки вторглись в Хорасан и летом 1038 г. овладели Нишапуром. После ожесточенных сражений 1038—1039 гг., в которых газневидские войска одержали несколько крупных побед, не решивших, однако, исхода войны, в мае 1040 г. главные силы Мас'уда были наголову разбиты в битве у Данданакана (юго-западнее Мерва). Потеряв свое войско, боевых слонов, казну, знамена и походную канцелярию, Мас'уд, загоняя одного коня за другим, бежал через Гур в Газни. Оттуда он намеревался направиться в Индию, чтобы собрать там войско для продолжения войны, однако был убит заговорщиками, которые посадили на престол его слепого брата Мухаммеда. Маудуд, сын Мас'уда, узнав о гибели отца, прибыл в Газни, объявил себя султаном, разбил войска Мухаммеда и умертвил его.

Маудуд (1041—1048) сумел добиться некоторых успехов в войнах с правителями сельджуков. Однако соотношение сил не давало возможности изменить в целом политические результаты битвы при Данданакане 1040 г., после которой династия Газневидов оказалась не в состоянии восстановить свое владычество над Хорасаном. После Маудуда газневидские правители сохраняли под своей властью в основном лишь Газни с окрестными землями и некоторые владения в Северной Индии.

Борьба с Сельджукидами на северных и западных границах владений Газневидов продолжалась еще более ста лет. В середине XI в. Балх, бывший до этого объектом соперничества между Газневидами и Сельджукидами, надолго попал

---

³⁹ *Кабус-наме*, пер. Бертельса, 134—136.

под власть Сельджукидов. Границей между владениями этих династий стал Гиндукуш.

В 30-х годах XII в. в состав обширного государства сельджукского султана Санджара (1119—1157), ядром которого был Хорасан, входили Балх и Герат, а в качестве вассалов ему подчинялись владетели Систана.

Раздача уделов членами династии Сельджукидов привела к созданию наследственных княжеств, зависимость которых от центральной власти постепенно ослабевала. Гораздо более широкое распространение, чем в предшествующие столетия, получил при Сельджукидах институт условного пожалования за службу (икта). К концу XI в. такие пожалования постепенно превращались в наследственную феодальную собственность на землю, хотя для передачи икта по наследству еще требовалось утверждение султана.

В Хорасане при Сельджукидах характерной особенностью военного лена (икта) было то, что обладатель икта (иктадар) сосредоточивал в своих руках власть как над оседлым, так и над кочевым населением⁴⁰. В XI в. было введено много новых податей и повинностей. Память о тяжелом положении народных масс в государстве Сельджуков надолго сохранялась как в письменных исторических источниках, так и в народных преданиях.

Сильный удар политическому могуществу Санджара был нанесен кара-китаями, которые пришли в 30-х годах XII в. в Среднюю Азию из Северного Китая⁴¹. Борьба с ними за Среднюю Азию решилась в битве при Катване в 1142 г., закончившейся полным поражением султана Санджара. После смерти Санджара его государство распалось.

Племена Гура и возвышение Гуридов

Длительная борьба между Газневидами и Сельджукидами облегчила усиление князей Гура — области, расположенной в верхнем течении р. Герируд, между Гератом и Бамианом. Сведения о Гуре встречаются у арабских и иранских авторов начиная с IX—X вв.⁴² Мукаддаси, говоря о реках, берущих начало в Гуре, так определял его местоположение: «Реки Мерва, Герата, Сиджистана и Балха вытекают с четырех сторон страны Гур, стекают вниз и орошают указанные области»⁴³.

⁴⁰ См. Петрушевский, *Земледелие*, стр. 274.

⁴¹ О вторжении кара-китаев в Среднюю Азию и об их завоеваниях см. Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, стр. 48 и сл.

⁴² Сводку сведений из источников о Гуре этого времени см. Bosworth, *The early Islamic history of Ghur*.

⁴³ Мукаддаси, 23.

По-видимому, основной отраслью хозяйства жителей Гура было земледелие, но наряду с ним жители занимались и скотоводством⁴⁴. В X в. в Гуре довольно высоко по тем временам были развиты горное дело и обработка металлов. Оружие и воинские доспехи из Гура пользовались известностью в соседних странах и служили предметами вывоза⁴⁵. Население Гура разделялось на многие племена. Описывая события, происходившие в IX—X вв., Джужджани говорит о раздорах и постоянных столкновениях племен и родов Гура⁴⁶. Мелкие князьки, управлявшие отдельными областями Гура, оставались до XI в. еще в значительной мере лишь родо-племенными вождями. Их могущество определялось силой племени, а их власть, как правило, ограничивалась пределами расселения этого племени. Приобретая власть над более сильным племенем, вождь получал возможность повелевать мелкими князьками. Но даже самым удачливым и сильным из них не удавалось распространить свою власть на весь Гур.

Первая династия местных правителей, которой удалось сделать это, стала известна впоследствии под именем Гуридов. Она вела свой род от вождя племени шансабани — малика Сури, правившего в области Мандеш (называвшейся также Хазар-чашма — «тысяча источников»).

Согласно преданию, в годы правления первых князей этой династии возник обычай, по которому во главе области стояли два вождя, причем в руках одного из них было управление (امارت), а другой ведал военными делами (پهلوانی).

Гурское предание приписывало установление такого обычая халифу Харуну ар-Рашиду, ко двору которого явились вожди племен шансабани и шисани. Вождь шансабани был будто бы утвержден этим халифом в качестве правителя всего Гура, а вождь шисани — начальником над всеми военными силами страны⁴⁷. В дальнейшем, по словам Джужджани, подобного рода разделение власти в Гуре сохранялось (по традиции) за представителями этих двух племен.

Уже было отмечено, что для понимания происхождения этого обычая важное значение имеет анализ института двух вождей (для мирного и военного времени) у ирокезов в условиях военно-племенной демократии⁴⁸.

Рассматривая наличие двух вождей у ирокезов как явление, характерное для заключительной стадии первобытно-общинного строя, Ф. Энгельс связывал происхождение институ-

⁴⁴ Худуд ал-Алам, л. 21-б.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Джужджани, пер. Раверти, 318.

⁴⁷ См. Джужджани, изд. Нассау-Лиса, текст, 37, 38; Джужджани, пер. Раверти, 315.

⁴⁸ Гафуров, *История*, изд. 2-е, стр. 229.

та двух консулов в республике раннерабовладельческого Рима и двух «царей» у спартанцев с более древним самоуправлением племен, охарактеризованным им на примере ирокезов⁴⁹. Институт двоевластия — двух «царей», вождей и т. п. — был довольно широко распространен в разных странах Востока в эпоху раннего феодализма. Этот институт во многих случаях так или иначе был связан с возникновением и развитием феодальных государств у тех народов и племен, которые в значительной степени сохраняли родо-племенную структуру и организацию.

Так же как в истории раннесредневековой Средней Азии и Хорасана, утверждению феодализма в Гуре предшествовал период классовых битв. Сообщение об одном из восстаний в Гуре и в соседних областях имеется в «Сиасет-наме» Низам ал-Мулька (XI в.). В одном из разделов 48-й главы, называемой «Восстание карматов и маздакитов в округах Герат и Гур», сообщается, что это восстание произошло в 907 г. Низам ал-Мульк пишет, что, отправляя отборный отряд своих гуламов на подавление восстания, саманидский эмир Исмаил обратился к ним будто бы со следующими словами: «Бунтовщики показали у подножия гор Герата, они открыто объявили веру еретиков и карматов, по большей части они пастухи и земледельцы»⁵⁰.

В результате совместных действий войск феодалов Мерва, Герата и эмирских гуламов, которым удалось незаметно проникнуть в горы, где находились повстанцы, и напасть на них врасплох, восстание было подавлено. Эмир Исмаил повелел отобрать из пленников десять вождей и отправить их в разные города, чтобы там повесить для всеобщего устрашения, а руководителя движения Бу Билала приказал заточить в темницу, где тот и умер.

Однако, как явствует из слов Низам ал-Мулька, карматское движение среди племен Гура и Гарчистана не прекратилось и после поражения восстания 907 г. По-видимому, этому автору были известны соответствующие факты, ибо, не приводя дальнейших подробностей, он сообщает о карматах следующее: «в Гуре и Гарджистане на некоторое время был пресечен их корень».

До усиления газневидских правителей племена Гура в своих неприступных теснинах не знали крупных вторжений со стороны соседних больших феодальных государств. Войска арабских завоевателей тоже не проникали в глубь Гура. Малоуспешными оказались и походы одного из саманидских военачальников; он сумел продвинуться только до крепостей

⁴⁹ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, — К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения, изд., 2-е, т. 21, стр. 96, 129.

⁵⁰ Низам ал-Мульк, пер. Заходера, 218.

Хайсар и Тулак⁵¹. Газневидские правители действовали более удачно. Так, в «Табакат-и Насири» сообщается, что будто бы уже Себук-тегин овладел не только Бустом, Заминдаваром, Бамианом и всем Тохаристаном, но и Гуром⁵². О гурском князе Мухаммеде, сыне Сури, сообщается, что он временами признавал власть Махмуда, а иногда выступал против него.

Наконец Махмуд вторгся в Гур с большим войском и увел в плен этого князя. В пути пленник умер; рассказывают, что он покончил с собой. Махмуд вверил управление старшему сыну Мухаммеда эмиру Абу Али. Такова вкратце версия, приведенная в «Табакат-и Насири»⁵³. В исторической литературе поход Махмуда в Гур относят к 1009 или 1010 г., ссылаясь на сообщения Утби и Бейхаки. Согласно Утби, султану Махмуду с отрядом гуламов удалось пробиться к Ахангерану, твердыне гурского малика, сына Сури. Махмуд одержал победу над войском этого малика и взял его в плен. В плену гурский малик кончил жизнь самоубийством. Бейхаки сообщает о нескольких походах Махмуда в Гур. Один из них был совершен в 401 г. (1010/11), когда Махмуд пошел на гузов и в Гур заминдаварской дорогой через Буст⁵⁴. Другой состоялся в 405 г. х. (1014/15), когда Махмуд из Буста вторгся в район Гура, соседний с Заминдаваром. При Махмуде находился его сын Мас'уд, отличившийся в этом походе как меткий стрелок из лука при взятии гурского укрепления⁵⁵. Бейхаки ничего не говорит об Ахангеране и не упоминает гурского малика Мухаммеда, сына Сури. В другом месте в «Тарих-и Бейхаки» сообщается о том, что Махмуд еще «два три раза вторгался в районы Гура заминдаварским путем, но в теснины его (Гура) не проникал»⁵⁶.

Так или иначе, даже если Махмуду, как о том сообщают Утби и некоторые другие историки, действительно удалось более или менее прочно установить свою верховную власть над владениями Мухаммеда, сына Сури, господство газнийского султана на весь Гур не распространялось. Об этом свидетельствует подробный рассказ Бейхаки о гурском походе Мас'уда в 1020 г. Из этого описания видно, что к тому времени в Гуре было еще много мелких владений, не подчинявшихся какому-либо одному правителю.

⁵¹ Бейхаки, 120, 121.

⁵² Джужджани, пер. Раверти, 74. В другом месте этого сочинения (пер. Раверти, 320) со ссылкой на историка Абу-л-Хасана ал-Хайшамы говорится только о нескольких походах Себук-тегина из Буста в горные местности Гура, но не о покорении Гура.

⁵³ Джужджани, пер. Раверти, 321—329.

⁵⁴ Бейхаки, III.

⁵⁵ Там же, 114.

⁵⁶ Там же, 120.

корных районов своего посла с двумя переводчиками (одного выделил Бу-л-Хасан Халаф, а другого — Ширван) ⁶⁴. Из этого видно, что населению Гура, во всяком случае части его, язык фарси был непонятен. Назначение одновременно двух переводчиков, может быть, объясняется наличием в Гуре нескольких языков или диалектов, настолько различных, что даже население смежных районов не понимало друг друга.

После смерти Махмуда Газневида князь Гура лишь время от времени бывали вынуждены подчиняться его преемникам. Но некоторые гурские князья пытались добиться полной самостоятельности. Ожесточенным противником Газневидов оказался гурский малик Аббас ⁶⁵. Его приход к власти совпал с воцарением в Газни Мас'уда ⁶⁶. Аббас был племянником гурского правителя Абу Али, правителя Гура. Собрав группу приверженцев, Аббас захватил власть, заключив дядю в темницу, где тот и умер ⁶⁷.

По сохранным в сочинении Джузджани гурской исторической традиции Аббас характеризуется как злейший тиран и угнетатель. При явной тенденциозности передаваемых о нем рассказов гурских летописцев в них можно подметить весьма интересные подробности. Некоторые факты, по всей вероятности, относятся не только к этому малику, но и к другим гурским правителям его времени, пользовавшимся большей благосклонностью историков. Так, летописцы сообщают, что Аббас, действуя «незаконно», захватывал имущество своих подданных, «как отдельных лиц, так и общее» ⁶⁸. Речь идет, по-видимому, об узурпации общинных земель, характерной для этой эпохи утверждения феодального строя.

Другая подробность при всей своей анекдотичности отражает не только представления местных историков о личности малика Аббаса, но и дух жестокой эпохи феодальных распри. По этому преданию, Аббас держал двух огромных и свирепых цепных собак. Одна из них носила имя хозяина, другую звали Ибрахимом, по имени газневидского султана (1059—1099), современника и врага малика Аббаса. Гурский князь любил сгварливать этих псов и радовался, когда побеждал пес по кличке Аббас. Если же одолевал пес Ибрахим, настроение гурского князя портилось и подданные его должны были быть готовы ко всяческим неприятностям ⁶⁹.

Малик Аббас был свергнут с трона Газневидом Ибрахимом, использовавшим в борьбе против него недовольство в

⁶⁴ Бейхаки, 117.

⁶⁵ Он был сыном Шиса, внуком Мухаммеда и правнуком Сури, родоначальника династии (Джузджани, пер. Раверти, 330).

⁶⁶ Там же, 329.

⁶⁷ Там же, 329, 330.

⁶⁸ Там же, 330.

⁶⁹ Там же.

гурском войске. На место Аббаса Ибрахим посадил его сына, эмира Мухаммеда, который признал вассальную зависимость от газневидского правителя.

На рубеже XI и XII вв. Газневид Мас'уд III (1099—1115) передал управление Гуром малику Изз ад-Дину (внуку Мухаммеда). С этих пор князья Гура из вассалов Газневидов превращаются в независимых правителей. Изз ад-Дина в исторической литературе называют «первым великим князем» Гура⁷⁰. Он поддерживал дружественные отношения с султаном Санджаром и не имел оснований серьезно считаться с ослабевшими Газневидами⁷¹.

В первой половине XII в. правители Гура значительно усилились, а в середине этого же столетия, используя благоприятную обстановку, создавшуюся в связи с упадком Газневидов и ослаблением Сельджукидов, образовали обширное и могущественное государство. Решающий этап длительной борьбы между Гуридами и Газневидами связан с именем Газневид Бахрама (1118—1152). В 1149 г. гурский правитель Сейф ад-Дин, сын Изз ад-Дина, взял Газни, но затем был разбит и умерщвлен Бахрамом.

Мстителем за смерть Сейф ад-Дина выступил его брат Ала ад-дин Хусейн (1149—1156/57). В 1151 г. он захватил Газни и почти целиком сжег и разрушил этот город⁷², пощадив, как гласят предания, лишь гробницы султана Махмуда и его сына Мас'уда. Погром Газни остался в памяти потомков, и Ала ад-Дин получил прозвище «Джехан-суз» («Сжигатель вселенной»).

Бахрам бежал в Лахор, и последние представители династии Газневидов сохраняли до 1186 г. лишь часть индийских владений их предков.

Государство Гуридов во второй половине XII — начале XIII в.

Одержав верх над Газневидами, Гуриды стали повелителями обширного государства, ядром которого был Гур.

В годы правления Гурида Сейф ад-Дина Мухаммеда (1156/57—1162/63) значительная часть балхских гузов и халаджей, во главе которых стоял халаджский вождь Бахтияр, двинулась на юг. Они захватили Газни, а затем проникли в Индию. В 1162/63 г. в битве с огузами Гурид Сейф ад-Дин Мухаммед был убит. В Балхе в это время правила пришедшая к власти после восстания 1153 г. гузская династия Зенгидов.

⁷⁰ Wiet, *Commentaire historique*, p. 33.

⁷¹ Малик Изз ад-Дин ежегодно посылал Санджару в качестве подарков оружие, воинские доспехи и снаряжение, изготовлением которых продолжал славиться Гур (Джужджани, пер. Раверти, 336).

⁷² Пер. рассказа Джужджани см.: Болдырев, *Предисловие*, стр. 9—11.

Газам в течение нескольких лет принадлежал и Газни, но в 1173 г. они были изгнаны из него гуридским султаном Гияс ад-Дином Мухаммедом (1163—1203) и его братом Шихаб ад-Дином Мухаммедом.

В 1175/76 г. Гияс ад-Дин Мухаммед подчинил Герат, а затем верховную власть султанов Гура признал Тадж ад-Дин Харб, малик Систана⁷³. Своей резиденцией Гияс ад-Дин сделал г. Фирузкух в Гуре. Его брат Шихаб ад-Дин (известный также — преимущественно в Индии — как Муызз ад-Дин или Мухаммед Гури) правил в Газни.

Шихаб ад-Дин проявил себя как крупный полководец. Ему удалось завоевать значительную часть Индии. Первый свой поход в Индию Шихаб ад-Дин предпринял в 1175 г.: направившись в Мультан, он овладел городом и покорил «еретиков» — исмаилитов, а сильную крепость Уч взял хитростью. Поход в Гуджарат в 1178 г. окончился для Шихаб ад-Дина неудачно, но затем он покорил Пенджаб и создал там прочную базу для вторжений в глубь Индостана.

В 1179 г. Шихаб ад-Дин разбил войска газневидского правителя Пешавара и занял этот город; в 1181 г. совершил поход на Лахор и построил сильную крепость в Сиалкоте, оставив в ней свой гарнизон. В 1186 г. гуридский султан вновь вторгся в Пенджаб, захватил Лахор и сверг Хусрау-малика, последнего газневидского правителя в Индии. Продолжая завоевания на юге, Шихаб ад-Дин и его полководцы в 90-х годах XII в. подчинили Дели, Бенарес, Гвалиор и многие другие города и области Индии.

В состав владений бамианской ветви династии Гуридов, которыми управлял Фахр ад-Дин, дядя Гияс ад-Дина и Шихаб ад-Дина, входила часть Тохаристана, Шугнан, Вахан и другие горные области отрогов Гиндукуша и Памира.

Обширное государство Гуридов просуществовало сравнительно недолго, что отчасти объясняется наличием у них сильного противника в борьбе за преобладание в Средней Азии и в Хорасане — правителей Хорезма. Однако в борьбе с государями Хорезма ряд военных преимуществ был все же на стороне Гуридов. Так, Гуриды имели первоклассное по тому времени войско, в основном состоявшее из отрядов воинственных горцев. Кроме того, решающие бои за власть над Хорасаном и Тохаристаном происходили главным образом в отдаленных от Хорезма, но близких к Гуру областях.

Гуридам удалось нанести несколько поражений войскам хорезмшахов⁷⁴. Гияс ад-Дин и Шихаб ад-Дин одержали на

⁷³ Там же, 192.

⁷⁴ Подробное изложение хода военной и политической борьбы Гуридов с хорезмшахами см. Бартольд, *Туркестан*, стр. 402—404, 406, 408, 409, 413—417, 425, 437.

р. Мургаб победу над войсками Султан-шаха (брата хорезмского правителя Текеша).

Однако хорезмшах, воспользовавшись борьбой между правителями кара-китаев и Гуридами из-за Балха, привлёк на свою сторону кара-китаев. В 1198 г. хорезмшах выступил к Тусу, намереваясь напасть на Герат; войска кара-китаев в это время переправлялись через Аму-Дарью, но были разбиты гурцами⁷⁵.

В дальнейшем султан Шихаб ад-Дин (1203—1206) попытался решить исход соперничества с хорезмшахами нападением на Хорезм. Однако эта попытка закончилась неудачей.

После смерти Шихаб ад-Дина один из военачальников Гуридов Айбек создал из завоеванных в Индии областей самостоятельное государство — Делийский султанат. В 1206—1207 гг. хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммед II (1200—1220) присоединил к своим владениям Балх и Герат. Городом Газни завладел тюркский эмир Тадж ад-Дин Юлдуз, один из военачальников Шихаб ад-Дина. Только в Бамиане ещё около десяти лет правили Гуриды. Последним правителем бамианской ветви Гуридов был султан Джалал ад-Дин Али⁷⁶. В. Минорский считает, что его правление началось, по-видимому, около 1210 г., и продолжалось до 1217 г.⁷⁷

В 1215 г. хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммед II неожиданно для правителя Газни султана Тадж ад-Дина Юлдуза появившись с большим войском у стен города. Тадж ад-Дин бежал в Индию. Под властью хорезмшаха оказались земли Гура, Газни, Заминдавара и почти все остальные владения на территории нынешнего Афганистана, принадлежавшие до 1206 г. Гуридам. Поручив управление этими землями своему сыну Джалал ад-Дину, хорезмшах вернулся в Мавераннахр. В 1217 г. Ала ад-Дин Мухаммед II, направляясь с войсками в Ирак, внезапно повернул на Бамиан и, захватив врасплох гуридского султана Джалал ад-Дина Али, взял его в плен и умутил⁷⁸.

Из скудных строк нескольких документов начала XIII в. из Бамиана, опубликованных В. Минорским, можно представить картину повседневной жизни в одной из долин Гиндукуша в годы политического упадка государства Гуридов. Беспокойное время перед монгольским нашествием в Бамиане характеризовалось бесконечными придворными интригами,

⁷⁵ Ибн ал-Асир, XII, 89, 90.

⁷⁶ Minorsky, *Some early documents*, pp. 96, 97.

⁷⁷ Ibid., p. 97. В. Ф. Минорский приводит эти даты только как предположительные, а не окончательно установленные, отмечая и принятые в справочной литературе (Стэнли Лэн-Пуль, Цамбаур) даты правления Джалал ад-Дина Али в Бамиане: 1206—1213 гг.

⁷⁸ См. Джузджани, пер. Раверти, 266, 267.

усилением бесконтрольного угнетения народа и упадком хозяйственной жизни в стране⁷⁹.

В государстве Гуридов в период его расцвета довольно успешно развивалась хозяйственная и культурная жизнь, сосредоточенная в богатых оазисах и крупных городах.

Социально-экономические отношения у народов и племен, входивших в состав государства Гуридов, мало исследованы из-за крайней скудости материала.

Судя по сведениям о гурских племенах в «Табакат-и Насири», относящимся ко времени, близкому к эпохе гуридских султанов, у этих племен сохранялись сильные родо-племенные пережитки и феодальные отношения сложились позднее, чем во многих соседних равнинных оазисах.

В том же источнике есть сообщения и о государственном устройстве при султанах Шихаб ад-Дине. Летним местопребыванием его правительства был Газни, зимним — Лахор. Из государственных должностей упоминаются везири и казии. Существовала особая должность войскового казия. Вероятно, что верховным судьей был сановник, именованный «амир-и дад». Царской охотой ведал «амир-и шикар»⁸⁰.

Среди зависимых от султана владетелей автор «Табакат-и Насири» называет прежде всего военачальников, ставших после смерти Шихаб ад-Дина самостоятельными султанами: Тадж ад-Дина Юлдуза (в Газни), Кутб ад-Дина Айбека (в Лахоре) и др.⁸¹.

При перечислении родственников султана и его маликов упоминается султан Баха ад-Дин Сам, правивший в Бамиане, а также малики, происходившие (судя по именам и другим данным) из гурцев, систанцев и тюрок, — малик Насир ад-Дин Али Гази, сын Кызыл Арслан Сельджуки, малик Мубариз ад-Дин Мухаммед Али Атсыз, малик Тадж ад-Дин Харб Систанский, малик Шах Вахшский и др. Отметим, что из трех приведенных в перечне маликов, имевших прозвище (или фамильное имя) Кирмах (или Кармах), во всяком случае один, а именно Хусам ад-Дин Али Кирмах, был афганцем⁸².

Бовыми знаменами в войске Шихаб ад-Дина служили черный штандарт для тюркских маликов и эмиров, выступавших на правом крыле, и красный штандарт для маликов и эмиров Гура, выступавших на левом крыле⁸³. Войско гуридских султанов было многоплеменным. Тюрки играли в нем значительную роль. Из тюркских гуламов выдвинулись многие крупнейшие военачальники Гуридов, а в составе войска

⁷⁹ Minorsky, *Some early documents*, p. 99.

⁸⁰ Джузджани, пер. Раверти, 481, 489, 490.

⁸¹ Там же, 489.

⁸² См. Бадаони, I, 47.

⁸³ Джузджани, пер. Раверти, 489.

находилась многочисленная тюркская конница. В исторической литературе отмечен интересный факт, имевший место в 547 г. х. (1152). В этом году Гурид Ала ад-Дин Хусейн потерпел поражение в битве с сельджуками при Оба, одной из причин которого было массовое дезертирство из гурского лагеря и переход на сторону войск султана Санджара 6 тыс. гузов и халаджских всадников Ала ад-Дина Хусейна.

Столицей Гияс ад-Дина был г. Фирузкух. При его дворе жил и работал Мубарак-шах Марваруди, поэт, писавший стихи на арабском и персидском языках, автор сочинения, посвященного истории и генеалогии. Он возглавлял специальное учреждение, где собирались поэты и ученые, имелись библиотека и зал, в котором ученые работали над книгами, а «простые люди» развлекались игрой в шахматы⁸⁴. Потомком гуридских крупных должностных лиц был Джузджани, автор «Табакат-и Насири», в наши дни основного источника по истории Гура и Гуридов.

Из городов государства Гуридов большое значение имеет Герат, крупным торговым центром был Кабул. Газни и Буст, разрушенные Ала ад-Дином Джехансузом, оставались все же значительными городскими центрами.

Памятники материальной культуры XI—XII вв.

Династическая борьба и частые изменения политических границ владений Газневидов, Сельджукидов и Гуридов в XI—XII вв. отнюдь не приводили к культурному разобщению областей Герата и Балха, с одной стороны, и Газни и Буста — с другой. Напротив, можно сказать, что, несмотря на различные политические судьбы этих областей, в архитектурных памятниках XI—XII вв. обнаруживается больше черт сходства, чем различия.

В столице газневидских султанов Газни почти не сохранилось памятников эпохи ее расцвета. Единственное исключение составляют руины двух минаретов, широко известных под названиями «башни Махмуда» и «башни Мас'уда». В действительности, как показали специальные исследования, первый из этих памятников относится ко времени правления Бахрам-шаха (1117—1153), а второй — к правлению Мас'уда III (1098—1115)⁸⁵.

Оба минарета представляют собой многогранные призмы, все грани которых богато украшены орнаментом, образованным фигурной кладкой жженого кирпича и великолепной резной терракотой. Особенным богатством отличается убран-

⁸⁴ Ср. Бартольд, *Туркестан*, стр. 496.

⁸⁵ *Athar-e Iran*, I, pp. 367—369; II, p. 351; Naimi, *Les mausolées de Ghazni*; Sourdel-Thomine, *Deux minarets*.

ство минарета, построенного при Мас'уде III. Убранство минарета Бахрам-шаха скромнее и проще. Для обоих памятников характерна четкость архитектурных пропорций, восприятию которых способствует монохромный декор. В декоративной отделке в отличие от более поздних памятников нет пестрящей многоцветности. Она выполнена в спокойном тоне желтоватой фактуры жженого кирпича с использованием игры светотени.

Те же особенности присущи и арке соборной мечети, находящейся на городище Буста неподалеку от цитадели. Ушедшая часть портала, так же как и газнийские минареты, декорирована фигурной кладкой кирпича и резной терракотой. Особенно эффектен софит арки с богатой звездчатой орнаментацией, выполненной крупным планом на фоне измельченной ажурной разбы. Дата бустской мечети неясна. Возможно, она относится к XII в.

Тот же круг архитектурных приемов мы встречаем и к северу от Гиндукуша, в областях Балха и Герата. Соборная мечеть Герата в некоторых своих частях сохранила следы отделки, явно относящиеся к домонгольскому периоду. Такова, в частности, декорация главного айвана⁸⁶. Письменные источники сообщают, что строительство соборной мечети в Герате было начато в 1200 г. при гуридском правителе Гиясад-Дине. Исходя из этих данных, можно относить декор главного айвана к началу XIII в.

Неподалеку от Герата находятся руины, носящие название Ходжа-и Чишт и являющиеся скорее всего развалинами мечети⁸⁷. Здесь в орнаментации также применены резной фигурный кирпич и терракота⁸⁸. Четкие линии эпитафических панио в сочетании со скупым геометрическим орнаментом отличаются строгой монументальностью (табл. 28).

Много общих черт с памятниками Герата и Ходжа-и Чишта имеет великолепный минарет Джама (табл. 29) в верховьях Герируда, недавно открытый французской археологической миссией в Афганистане⁸⁹. Этот минарет, овальный в плане,

⁸⁶ Niedermayer, *Afghanistan*, Abb. 153.

⁸⁷ Или какого-либо другого архитектурного комплекса. Утверждение, что перед нами мавзолей Гуридов (*Zestovsky, Esquisses d'architecture Afghane*), не имеет никаких оснований. Р. Фрай пишет, что в Ходжа-и Чиште сохранились руины мечети и медресе (Frye, *An epigraphical journey*, pp. 115, 116). Судя по сохранившейся в одной из надписей титулатуре, эти памятники (так же как и гератская соборная мечеть) могут быть отнесены ко времени гуридского еултана Гияс ад-Дина (Wiet, *Les coupoles de Tshisht*, pp. 69, 70).

⁸⁸ Niedermayer, *Afghanistan*, Abb. 182—184. П. И. Жестовский (*Zestovsky, Esquisses d'architecture Afghane*, p. 15) утверждает, что в декорации Ходжа-и Чишта применен также штурк, что вполне вероятно.

⁸⁹ Maricq — Wiet, *Le minaret de Djam*. К сожалению, в этом издании отсутствует подробное архитектурное описание минарета.

имеет в высоту около 60 м. Его поверхность богато декорирована фигурной кладкой жженого кирпича. Центральный эпиграфический пояс выложен из кирпичиков, покрытых голубой поливой, мягко выделяющихся на фоне светло-желтой терракоты. Как явствует из надписи, помещенной в этом поясе, минарет был возведен в правление Гияс ад-Дина (1163—1203).

В конце периода XI—XII вв. средневековые зодчие начинают осторожно вводить цвет в наружный архитектурный декор — прием, получивший столь широкое развитие в XIV—XV вв.

Об архитектуре балхской округи мы можем судить по минарету в Давлатабаде, относящемуся к 1108/09 г.⁹⁰ Цилиндрическое тулово этого минарета разделено на несколько горизонтальных поясов, заполненных надписями и геометрическими орнаментами. Четкость основного рисунка подчеркивается измельченной резьбой по штукатурке, образующей второй план. В надписи на минарете упомянуто имя Мухаммеда ибн Али, бывшего при Сельджукиде Санджаре наместником Хорасана.

Эту картину строительного искусства XI—XII вв. дополняют некоторые памятники Систана, к сожалению до сих пор не подвергавшиеся специальному архитектурному исследованию. Здесь обращают на себя внимание два минарета. Один из них расположен среди руин столицы средневекового Систана — Заранджа. У него многогранное основание, над которым высится цилиндрический ствол минарета. Граненая призма основания выложена декоративной кладкой, имитирующей крепостные бойницы. Другой систанский минарет с цилиндрическим туловом, охваченным двумя орнаментальными поясами с надписями, весьма близок минарету из Давлатабада⁹¹.

Эти немногие известные в настоящее время архитектурные памятники дают тем не менее достаточно определенное общее представление об архитектуре Газни, Систана, Герата и Балха XI—XII вв. Как и архитектуру северного Хорасана и Мавераннахра этого времени, ее характеризует предельная четкость конструкции, по отношению к которой декоративное убранство находится в подчиненном положении. Лишенный ярких красок монохромный архитектурный декор (резная терракота, штук, фигурный кирпич) полностью базируется на игре светотени. Обращает на себя внимание распространение резной терракоты, сближающее эти области с «родиной терракоты» — Мавераннахром, в отличие, например, от сель-

⁹⁰ Schroeder, *Preliminary note*; Sourdel-Thomine, *Deux minarets*.

⁹¹ Tate, *Inscriptions*, pp. 172, 173.

джукского Мерва и Западного Ирана, где этот вид декора не получил распространения⁹².

К другой группе выдающихся памятников искусства XI—XII вв. относятся произведения средневековых ремесленников.

Прекрасная коллекция средневековой посуды была найдена в Газни при раскопках дома, видимо принадлежавшего зажиточному горожанину. Весьма характерны поливные сосуды с процарапанным подглазурным орнаментом и пятнами зеленой поливы. Такого типа керамика часто встречается и на городищах Средней Азии. На одном из блюд, найденных в Газни, мы видим изображение слона — одно из свидетельств частичного сохранения зооморфных сюжетов в искусстве XI—XII вв. Весьма показательно и наличие в Газни неполивной керамики с богатой росписью. Такая посуда, как показали раскопки советских археологов в Фергане, характерна и для домонгольского Узгена. Значительное сходство со среднеазиатскими материалами обнаруживает и поливная керамика Систана и Балха.

Но особенно показательны для расцвета художественных ремесел в XI—XII вв. бронзовые сосуды, украшенные с изумительным совершенством. Кувшины для воды с высоким горлом и изящно изогнутой ручкой, нарядные котелки, богато декорированные подносы для фруктов и другие подобного рода изделия раскрывают перед нами тонкое искусство и высокое мастерство создавших их лиц. Таков известный гератский бронзовый котелок, сделанный в 1163 г., как гласит помещенная на нем надпись, гератским рисовальщиком Хаджибом Мас'удом, сыном Ахмеда, и чеканенный Мухаммедом, сыном Абд ал-Вахида (табл. 30)⁹³. Котелок украшен тончайшей инкрустацией и резьбой, а цветовой эффект создается применением инкрустации серебром и красной медью⁹⁴.

Подобного рода прием соединения резьбы с инкрустацией применялся и при изготовлении других сосудов. В качестве примера можно назвать кувшин, сделанный в 1182 г. в Герате искусными руками Махмуда, сына Мухаммеда⁹⁵. Корпус кувшина разбит на 24 вертикальных рельефных ребра, на которых изображены переплетающиеся ленты с птичьими и человеческими головами и вкомпанованы надписи, содержащие стихи и имя мастера. По заключению исследова-

⁹² Пулаченкова, *Древние связи*, стр. 414.

⁹³ Веселовский, *Гератский бронзовый котелок*; Кесати, *Гератский бронзовый котелок*.

⁹⁴ Недавно в коллекциях Государственного Эрмитажа выявлен еще один бронзовый котелок, искусно инкрустированный серебром и красной медью, очевидно также принадлежащий к гератским изделиям рубежа XII—XIII вв. (см. Гюзальян, *Второй гератский котелок*).

⁹⁵ Гюзальян, *Бронзовый кувшин 1182 г.*

вшего эти стихи Л. Т. Гюзальяна, они не принадлежат перу опытного поэта-профессионала, а скорее всего составлены самим Махмудом, сыном Мухаммеда, или кем-либо из его собратьев по ремеслу. Стихи посвящены самому сосуду:

Это кувшины для воды, и делают его в Герате.
В какой иной век могут сделать подобный ему?
Семь небесных светил, как ни горделивы они,
Они покровительствуют тому, кто работает так.

Герат не был единственным центром изготовления художественных изделий из бронзы. В развалинах Газни была найдена большая группа предметов, ныне экспонируемых в Кабульском музее. Возможно, что развернутое исследование этих вещей позволит выделить среди них группу, принадлежащую газнийским ремесленникам⁹⁶.

Таковы памятники XI—XII вв., характеризующие материальную культуру Газни, Герата, Балха и Систана. На ее развитии самым плодотворным образом сказались рост городов и процветание ремесел, отмечаемые в этот период.

Гурцы, халаджи и афганцы в XI—XII вв.

По наиболее распространенному среди историков мнению, большую часть населения Гура в X—XIV вв. составляли горные таджики или этнически близкие к ним иранские горные племена⁹⁷. Вероятно, этнический состав населения Гура был разнородным. Свидетельством этого может служить и уже упоминавшееся сообщение источников о том, что когда Мас'уд во время похода 1020 г. направил к одному из гурских предводителей посла, то вынужден был приставить к нему двух переводчиков. Языки или диалекты ряда племен Гура, по-видимому, были непонятны хорасанцам, говорившим на фарси, хотя слова Истахри о различии между языком Хорасана и языком гурцев *لسانهم غير اهل خراسان* и некоторые средневековые комментаторы и многие современные ученые склонны толковать как указание лишь на диалектальные отличия⁹⁸.

⁹⁶ Kohzad, *Les bronzes Ghaznavide d'Afghanistan*. Нам представляется неудачным объединение всех изделий, в том числе бесспорно гератского происхождения, термином «газневидская бронза».

⁹⁷ О том, что гурцы не были тюрками, можно судить по сообщению Джувейни (II, 193), в котором говорится о том, что гурцы и тюрки в начале XIII в. противопоставляли себя друг другу. Во время ссоры гурского предводителя (поставленного хорезмшахом начальствовать в Газни) Мухаммеда ибн Али Харпуста с тюркским вождем Ямин-маликом последний послал у Харпуста пастбищ для своих людей. «Харпуст и его эмиры отвечали: „мы — гурцы, а вы — тюрки. Мы не можем жить вместе!».

⁹⁸ Худуд ал-Алам, пер. Минорского, 344; Wiet, *Commentaire historique*, p. 46; Истахри, перс. редакция, 220.

Об этнической принадлежности гурцев высказывались различные предположения. В частности, В. В. Бартольд считал, что современные джемшиды и таймени являются потомками гурцев⁹⁹.

В источниках XIII — начала XIV в. гурцы нигде не отождествляются с афганцами. В «Тарих-наме-йе Харат» в нескольких местах о гурцах и об афганцах определенно говорится как о различных народах¹⁰⁰.

Поэтому, хотя и весьма вероятно, что среди различных племен, которые населяли в то время Гур, могли быть отдельные афганские племена или их подразделения, а также афганизированные к тому времени халаджи и т. п., отождествлять средневековых гурцев с афганцами источники оснований не дают. При этом все же возможно, что предания некоторых афганских племен о переселении их предков в давние времена из Гура в Сулеймановы горы отражают какие-то действительные события.

Связи предков афганцев с гурцами весьма вероятны. Они отражены в народных преданиях и генеалогиях, по которым племена гильзаев — лоди и сарвани — входят в генеалогическое древо афганцев (но только по женской линии). Родоначальницей этих племен почитается Мато (или Мати), дочь Батана, время жизни которой относится, по генеалогическим расчетам, к началу XIII в. Супругом Мато предания называют гурского принца Шах-Хусейна Гури. В преданиях первоначальная связь Шах-Хусейна с Мато изображается как незаконная. Отсюда народная этимология имени легендарного предка племени гильзаев, сына Мато — «Гильзай» («сын греха»). В языке афганцев (союз племен хахи в XVI в.) имелось слово «карвах» (کروہ), служившее для обозначения воинского защитного доспеха из бычьих шкур и ваты, своего рода большого щита¹⁰¹. Вариант этого же названия (کاروه) как это отметил впервые Раверти, был известен у гурцев, в XII—XIII вв. применявших такой же доспех¹⁰².

⁹⁹ Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*, стр. 55. По этнографическим сведениям XIX в. таймени представляются племенем смешанного происхождения, причем названия двух основных ветвей этого племени дают основания предполагать связь по происхождению с тюрками у одной из этих ветвей, именуемой «кыбчак», и с афганцами у другой — «дурзаи», так как элемент «заи» («сын») чисто афганский и у других народностей не встречается (см. Мухаммед Хаят-хан, пер. Пристли, 303—304). С афганцами по происхождению связывают в наше время и одно из подразделений таймени, носящее название «какар» (Ferdinand, *Preliminary notes*, p. 8).

¹⁰⁰ Сейфи ал-Харави, 194, 243.

¹⁰¹ Дарвеза, л. 77-б.

¹⁰² Джузджани, изд. Нассау-Лиса, 56; Джузджани, пер. Раверти, 352.

Несомненно длительные связи с гурцами халаджей, занявших примерно с VI в. н. э. соседние с Гуром территории. Происхождение этнического названия гильзаев идет от халаджей, и сейчас уже нельзя отрицать (как это делали некоторые ученые в XIX в.) определенную роль тюркок-халаджей в истории формирования афганского племени гильзаев.

Как уже отмечалось во Введении, на основании письменных источников и этнографического материала можно утверждать, что в этногенезе афганцев, во всяком случае на поздних его этапах, прослеживаются индийские и тюркские элементы.

Тюркские племена (в частности, халаджи и карлуки) с очень давних времен, во всяком случае с начала эпохи феодализма на Среднем Востоке, жили в Тохаристане, Систане и соседних с ними областях¹⁰³. В конце концов некоторые из тюркских племен утратили свой язык, были ассимилированы афганцами и вошли в состав этого народа. Так, в отношении тюркоязычных халаджей (предков современных гильзаев) можно даже приблизительно установить время ассимиляции.

Истахри и другие авторы X в. характеризуют халаджей, которые давно поселились на землях между Индией и Систаном, расположенных за Гуром, как тюркок по виду, одежде и по языку. А в сочинении Мухаммеда ибн Наджиб Бекрана, написанном в начале XIII в., отмечается не только изменение физического облика халаджей, но и их языка, что вряд ли можно рассматривать иначе, как свидетельство об ассимиляции значительной части халаджей афганцами. Так, Бекран пишет: «Халаджи — племя из тюркок, которое из пределов халахских переселилось в Кабулистан. В области Газни есть степь, там они обосновались. Затем от жары цвет [кожи] у них изменился и стал чернеть. Язык также претерпел изменения и превратился в какое-то другое наречие...»¹⁰⁴.

Упоминание об афганцах встречается в источнике XI в. (что отмечено уже в XIX в. Б. А. Дорном и др.) — сочинении «Тарих Ямини», написанном в начале 20-х годов XI в. Утби, придворным историком Махмуда Газнийского. Этот историк сообщает, что Себук-тегин в свое войско набирал халаджей и афганцев. Повествуя о походе Махмуда Газнийского в Тохаристан, Утби называет в составе его войска индийцев (хинду), халаджей, афганцев и газнийцев (газнави). В разделе «Афганцы» Утби кратко рассказывает о походе против них Махмуда, который решил покарать их за нападение на газ-

¹⁰³ См., например, Бичурин, *Собрание сведений*, т. I, 328; МИТТ, I, 167.

¹⁰⁴ Бекран, лл. 17-а, 17-б. Значение этих сведений впервые отмечено В. Ф. Минорским (подробнее о халаджах см.: Minorsky, *The Turkish dialect of the Khalaj*).

невидское войско, возвращавшееся в 1019 г. из Канауджа.

Сопоставляя рассказ Утби об этом походе с сообщениями других, более поздних авторов, Мухаммед Назим находит возможным датировать это событие апрелем 1019 г. Фасих (автор XV в.) сообщает о втором походе Махмуда Газнийского против афганцев, предпринятом будто бы в 1023/24 г.¹⁰⁵ Однако это сообщение, как установил Мухаммед Назим, не подтверждается другими авторами¹⁰⁶.

Следующим по времени источником XI в., в котором упоминаются афганцы, является посвященный Инд и труд Бируни, написанный около 1030 г. Афганцы в нем упоминаются при описании северо-западных границ Индии. Краткое сообщение Бируни весьма ценно в историко-географическом отношении, ибо дополняет сведения других источников о Сулеймановых горах как месте жительства афганцев прямым указанием на то, что они уже тогда населяли и местности, примыкающие к Инду. Переходя после изложения некоторых сведений о Кашмире, Гилгите и других странах и местностях в верхнем течении Инда к горам, служащим границей Индии с запада (т. е. Сулеймановым горам), Бируни писал: «Такова граница земли Хинд со стороны севера... А в горах к западу от нее — различные племена афганцев¹⁰⁷, распространенных до местностей, близких к земле Синд»¹⁰⁸.

В сочинении Гардизи «Зайн ал-Ахбар», оконченном около 1050 г., сообщается, что в 1039/40 г. Мас'уд, посылая своего сына Изад Яра к подножию Газнийских гор, где находились «афганцы и мятежники», сказал ему: «...оберегай этот вилайет, чтобы ущерба не было»¹⁰⁹.

Судя по скудным сведениям об афганцах в источниках XI в., они жили тогда в Сулеймановых горах, между Газни и р. Индом. Когда афганские племена обосновались в Пешаварской долине и в прилегающих к ней горах, достоверно неизвестно. Позднейшая традиция относит появление там дилазаков к XI в., когда эти области вторгся Махмуд Газнийский. Ахунд Дарвеза утверждал, что дилазаки пришли туда первыми из афганцев, не указывая точнее времени, когда это произошло¹¹⁰.

¹⁰⁵ Фасих, л. 241-б.

¹⁰⁶ Nazim, *The life and times*, p. 76.

¹⁰⁷ اصناف الفرق الافغانية. Возможно, что الفرق и в данном

случае употреблено в более общем значении как «различные разновидности, группы (афганцев)».

¹⁰⁸ Бируни, *Индия*, изд. Захау, 102.

¹⁰⁹ Гардизи, изд. Мухаммеда Назима, 109.

¹¹⁰ Дарвеза, л. 76-б.

В то же время афганские племена Сулеймановых гор в труднодоступных теснинах и ущельях сохраняли, вероятно, фактическую независимость (это позволяют предположить приведенные выше сообщения источников о характере военных походов против них, предпринимавшихся Газневидами).

Что касается халаджей и других афганских или ассимилированных впоследствии афганцами племен, которые занимали пастбища между Газни и Кандагаром и к северу от них, то они, по-видимому, подчинялись непосредственно Газневидам. Входя в состав государства газнийских правителей, эти племена подвергались длительному воздействию феодального строя и военной системы Газневидов.

Наиболее вероятно, что термин «хель» (арабского происхождения), которым у афганцев называются и род и подразделение племени (в состав которого входит несколько, а иногда очень много родов), был воспринят афганскими племенами именно в XI—XII вв. под влиянием организации газневидского или гуридского войска. Употребление термина «хель» для обозначения рода отмечено также на Памире и у таджиков Панджшера¹¹¹. Можно предположить, что термин «хель» попал к горным таджикам скорее всего во времена власти Гуридов, привлекавших ополчения племен в свои войска¹¹².

В описаниях событий первой половины XII в., связанных с борьбой между Газневидами и Сельджуками, в исторических сочинениях встречаются упоминания об афганцах и халаджах, находившихся в составе газневидских военных сил. В 1118/19 г. воевавший с Санджаром Газневид Арсланшах собрал войско из арабов, аджамов, афганцев и халаджей. Ауфи сообщает, что Газневид Бахрам (1118—1153) собрал войско из афганцев и халаджей.

Афганцы служили в войсках Шихаб ад-Дина в годы его походов в Индию. По-видимому, уже в то время их предводители играли видную роль в событиях политической истории некоторых областей Индии. В исторических сочинениях более позднего времени имеется сообщение о том, что Али Кирмах, вождь афганцев, был назначен правителем Мультана в 582 г. хиджры (1186/87)¹¹³. В это же время, в самом конце правления Шихаб ад-Дина, против него восстали ти-

---

¹¹¹ В отношении таджиков долины Хуф см. в работе: Андреев, *Таджики долины Хуф*, вып. 1, стр. 25; о таджиках Панджшера см. его же, *Долина Панджшера*, стр. 11, 12.

¹¹² Любопытно, что род называют термином «хель» также и курды, в частности племена группы гуран, предки которых, как гласят сказания курдов, пришли с Востока и влились в состав этого народа.

¹¹³ Бадаони, I, 47.

рахцы¹¹⁴. Судя по этому известию, Шихаб ад-Дин в какой-то мере распространил свою власть и на племена Сулеймановых гор. Население области Тирах в начале XIII в., по всей вероятности, было афганским. Упомянутое восстание произошло в 602 г. х. (1205/06)¹¹⁵.

В описаниях событий XII в. более поздними авторами афганцы и халаджи, находившиеся в составе гуридских военных сил, упоминаются неоднократно. По словам автора «Тарихи Феришта», в войске Шихаб ад-Дина в 1192 г. были тюрки, таджики и афганцы, а конница сражавшегося с ним индийского раджи состояла из раджутов и афганцев.

Это сообщение согласуется с сохранившимися в исторических сочинениях и в устных преданиях афганцев данными о передвижениях афганских племен в сторону Индии уже в XI—XII вв. Начало проникновения племени лоди в Индию относят ко времени походов Шихаб ад-Дина, когда лоди заняли местности Танк, Таквара и северную часть округа Дера-Исмаил-хан на р. Инд. К концу XII в. или к XIII в. относят передвижение хаттаков на левый берег р. Курама.

По распространенным вариантам родословий афганских племен, семей и династий, время жизни родоначальника афганцев Кайса (или Абд ар-Рашида, или Патана) приходится на XI—XII вв.

Несоответствие между содержащимися в афганских преданиях утверждениями, будто легендарный родоначальник афганцев Кайс (Абд ар-Рашид) был современником пророка Мухаммеда, и хронологическими расчетами по генеалогиям, показывающими, что этот родоначальник жил в XI или XII в., побудило некоторых историков крайне скептически оценить афганские родословные как исторический источник. Так, Мухаммед Губар пишет, что поскольку от Кайса до Ахмед-шаха считают двадцать поколений, то между ними лежит период в семь веков и, считая время Ахмед-шаха отправным пунктом, «было бы правильным признать, что Кайс, герой этой легенды, жил приблизительно в V (XI в.). Но в таком случае это искусственное родословное древо со всеми ветвями и листьями, привязанными к нему, немедленно будет вырвано с корнем и повалится от дуновения ветра»¹¹⁶.

Но это не так. В традиционном родословном древе явно не выдерживает критики только вымышленная часть, прежде всего легенда о Кайсе как современнике пророка Мухаммеда. Но именно очевидность расхождения во времени между событиями, связанными с этой легендой, и генеалогиями:

¹¹⁴ То есть жители области Тирах, примыкающей к Хайберскому проходу и населенной ныне афганскими племенами афридиев и оракзаев.

¹¹⁵ Ибн ал-Асир, XII, 38.

¹¹⁶ Губар, *Ахмад-шах*, стр. 109.

**Время жизни легендарного родоначальника афганцев
(Кайс, он же Абд ар-Рашид, он же Патан), вычисленное
по традиционным вариантам генеалогий**

По чьей родословной вычислено *	Число по- ко- ле- ний **	Источник	Приблизи- тельные даты жизни Кайса, век	
			1-й ва- ри- ант***	2-й ва- ри- ант****
Шейх Махманд (жил в кон- це XIII—начале XIV в.)	5	[Dorn], History of the Afghans, p. 43	XII	XII— XIII
Малик Фируз (какарский вождь, жил в XV в.)	9	Ibid., p. VIII	XII	XIII
Малик Ахмед (юсуфзайский вождь, жил в XV—начале XVI в.)	9	Ibid., p. 126, n. 51	XII— XIII	XIII
Каджу-хан (юсуфзайский хан, современник Шер- шаха)	11	Ibid., p. 51	XII— XIII	XIII
Бехлоль Лоди (1450—1488)	11	Ibid.	XII	XII
Шер-шах (1540—1555)	13	Ibid., p. 50	XI— XII	XII
Афзаль-хан Хаттак (жил в XVII—XVIII вв.)	22	Афзаль-хан, извлеч. Appendix II	X—XI	XI— XII
Ахмед-шах (1747—1773)	20	Мухаммед Хаят- хан, пер. Пристли, генеалогические таблицы	XI	XIII

* В скобках указано время жизни или правления лица, генеало-
гия которого взята для вычисления.

** Приводится число поколений (исключая самого родоначальника
и данное лицо), отделяющих согласно использованной генеалогии, данное
лицо от родоначальника.

*** По расчету: 3 поколения за 100 лет.

**** По расчету: 4 поколения за 100 лет.

афганских исторических лиц может служить веским доводом
в пользу признания неподдельности или хотя бы некоторого
соответствия истине афганских родословий в более поздней
их части, которая начинается с XI—XIII вв.

Надо учесть, что в условиях сохранения родового быта
или его сильных пережитков изменять произвольно что-ни-
будь в своей или чужой генеалогии, особенно в отношении
ближайших семи или десяти поколений, было, как правило,
делом нелегким — уже потому, что эти родословные были
когда-то всем известны. А после того как они уже были за-
фиксированы в письменных источниках, что случилось с тра-
диционными афганскими генеалогиями не позднее XVI в.,
ни компиляторы хроник — историки, ни переписчики рукопи-
сей уже не решались их изменить.

Несоответствие в хронологии между фантастическими легендами о древних временах и о времени распространения ислама, приводимыми афганскими средневековыми авторами XVI—XVII вв., и между родословиями афганских племен и генеалогиями семей и династий, хранившимися в памяти народа, а также зафиксированными в письменных источниках, было явное, и многие, конечно, его видели. Но тем не менее они дошли в своей основе неизменными, что исключает возможность категорического отрицания известной степени их хронологической достоверности, во всяком случае для 9, 11 или 14 предков Малика Ахмеда, Бехлоля Лоди или Шершаха ¹¹⁷.

Сопоставление приведенных выше сведений о территориальной близости халаджей и афганцев в XI—XII вв. и об их участии в одних и тех же политических событиях с сообщением Бекрана об изменении языка халаджей и с тем фактом, что афганские родословия восходят к XI—XII вв., дает основание предполагать, что эти века были временем одного из важнейших этапов этногенеза афганского народа.

Кратко изложенные в этой главе политические события, отмеченные изменения социально-экономических отношений и описания памятников материальной культуры рисуют картину феодального общества. Его развитие характеризуется эволюцией форм феодальной земельной собственности, сопровождавшейся образованием феодальной иерархии и распространением феодальной зависимости на все большую часть крестьянства. Несмотря на кровавые войны, возвышение одних и падение других династий, с XI в. до начала XIII в. в областях нынешнего Афганистана в целом имел место рост производительных сил в сельском хозяйстве, успешно развивались ремесленно-торговые городские центры. Высокого для своего времени уровня достигли материальная и духовная культура, зодчество и художественное ремесло, наука и поэзия.

---

¹¹⁷ Еще в 10-х годах XX в. у киргизов считалось, что каждый мальчик и юноша, не говоря уже о людях пожилых и стариках, обязан знать имена семи своих предков. «Кто не знает своих семи предков, — гласила поговорка, — тот «таз сасык» («вонючий плешивец»)». В отношении к людям родовитым предъявлялись более высокие требования: каждый манап обязан был знать имена своих 14 предков. Вряд ли можно допустить, что афганцы XVI в. не знали 10—14 своих действительных предков.

Глава X

МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ И ГОСУДАРСТВО КУРТОВ

К 1217 г. все принадлежавшие в прошлом Гуридам земли до р. Инд на юге вошли в состав государства хорезмшахов. Правитель этого государства Ала ад-Дин Мухаммед II (1200—1220) значительно расширил пределы своих владений, сокрушив господство кара-китаев в Мавераннахре и подчинив многие области Ирана. Ядром государства хорезмшахов был Хорезм, а столицей — Ургенч. Владения Мухаммеда накануне монгольского нашествия простирались от Кипчакских степей за р. Сыр-Дарьей и от западных склонов Тянь-Шаня до пустынь Белуджистана и берегов Инда.

В столичном дворце Мухаммеда II была введена торжественная церемония («науба»¹), символизировавшая его завоевательные успехи и могущество, которой ежедневно отмечалось наступление утра и закат солнца. Наряду с государевыми музыкантами в ней участвовали двадцать семь юных заложников, сыновей покоренных владетелей. Среди заложников, отбивавших дробь на специально изготовленных золотых барабанчиках, были и гуридские царевичи.

Рассказывая об этой церемонии, историк Несеви, современник описываемых событий, утверждал, что она называлась «науба» Зул-карнайна², т. е. была введена хорезмшахом с намерением уподобить себя Александру Македонскому. Хорезмшах Мухаммед почитал себя великим полководцем, привык к восхвалению и подобострастию, любил, когда его лгательно именовали «вторым Искандером», ставя наряду с Александром Македонским, или «вторым Санджаром», уподобляя знаменитому сельджуцкому султану.

¹ Науба — букв. «очередь», «черед»; в данном значении — музыка, регулярно исполняемая оркестром в ознаменование особо почетной церемонии.

² Зул-карнайн (букв. «двурогий») — распространенное на Востоке прозвище Александра Македонского (см. Бертельс, *Роман об Александре*, стр. 14).

Однако внешне столь могущественное государство хорезмшаха подтачивалось внутренними противоречиями, и в час опасности оказалось колоссом на глиняных ногах. Для населения завоеванных стран и областей власть шаха Хорезма была тяжелым бременем, и они неоднократно поднимали против него восстания. Попытка Ала ад-Дина Мухаммеда II свергнуть Аббасидов и сделать халифом своего ставленника восстановила против него многих представителей мусульманского духовенства³.

В государстве хорезмшахов закабаление крестьян усиливалось, было введено много податей, крестьяне выполняли повинности ясно выраженного феодального характера⁴. Задача икта войнам и чиновникам, являвшаяся в этом государстве одной из основ военно-административной системы, широко распространилась в XII — начале XIII в.

Попытки хорезмшахов укрепить центральную власть имели лишь некоторые временные результаты. Политика централизации встречала противодействие со стороны их же родственников и сановников, занявших места низвергнутых государей и крупных феодалов, бывших владельцев завоеванных стран и областей.

В борьбе за укрепление шахской власти Мухаммед пытался опереться на феодально-родовую знать кочевых племен. Он сохранил и усилил созданное его предшественниками войско из ополчения кипчаков, туркменов и других кочевников. Но такая политика таила в себе серьезные опасности. Население государства страдало от грабежей отрядов кипчаков, канглы и других кочевников, состоявших на службе у Ала ад-Дина Мухаммеда. При дворе этого правителя разгоралось соперничество враждующих группировок знати племен.

Наиболее влиятельную придворную группировку составляли кипчакские ханы. Они опасались усиления власти хорезмшаха и поддерживали интриги Туркан-хатун, его властолюбивой матери, происходившей из кипчакского племени. Против Туркан-хатун и кипчакских ханов выступали вожди туркменов. Защитника своих интересов они видели в одном из сыновей хорезмшаха Мухаммеда — царевиче Джалал ад-Дине, матерью которого была туркменка. Несмотря на молодость, Джалал ад-Дин успел снискать себе известность как отважный воин.

В начале XIII в. в государстве хорезмшахов, объединившем, хотя и непрочно, развитые страны и области, происходил определенный подъем сельского хозяйства, ремесел и торгов-

³ Подробнее см. Бартольд, *Туркестан*, стр. 445.

⁴ Якубовский, *Вопросы периодизации*, стр. 40, 41.

ли, сказывавшийся, однако, главным образом в основных областях державы, прежде всего в самом Хорезме. Таких окраин, как только что завоеванные у Гуридов области, подъем, по-видимому, почти не коснулся. Цветущие земледельческие оазисы и крупные ремесленно-торговые и городские центры этих областей были обязаны своим возникновением и ростом предшествовавшему развитию.

Крупными торговыми городами оставались Балх, Кабул, Буст. Были развиты такие основные отрасли средневекового ремесла, как изготовление тканей, выработка металлических изделий, гончарной посуды, а также строительное дело.

Нашествие Чингисхана было катастрофой, сопровождавшейся огромными разрушениями и хищническим уничтожением производительных сил.

Переправившись через Аму-Дарью и вторгнувшись в пределы Балха, а затем наступая оттуда на юг, войска Чингисхана оказались в стране, которая по уровню развития производительных сил, материальной и духовной культуры занимала далеко не последнее место на феодальном Востоке. Основную массу ее земледельческого и городского населения составляли таджики, скотоводством занимались различные иранские и тюркские племена. Горные барьеры — отроги Гиндукуша на севере и Сулеймановы горы на юге — населяли воинственные гурцы и афганцы.

Нашествие Чингисхана отбросило эту страну далеко назад и надолго затормозило ее развитие, как то было и в других странах, завоеванных монголами.

Чингисхан и монгольское государство

По уровню экономического и культурного развития монгольские племена в XII в. принадлежали к числу самых отсталых в Азии, но в значительной мере именно поэтому их конница представляла собой очень большую для того времени военную силу. Развивавшиеся у них феодальные отношения сочетались с сильными патриархально-родовыми пережитками.

Основателем государства был Тэмучин, сын Есугея, одного из вождей монгольских кочевников. Тэмучин (род. около 1150 г.) к началу XIII в. в результате многолетних ожесточенных войн с другими вождями разгромил и подчинил улусы⁵ своих соперников. В 1206 г. на р. Онон в Монголии состоялся «курултай» (съезд знати кочевников), на котором

---

⁵ Улусами назывались в то время крупные и мелкие объединения монгольских кочевых племен, представлявшие собой примитивные государственные объединения, возглавлявшиеся ханами.

Тэмучин был провозглашен великим ханом (кааном) и принял почетный титул «Чингисхан».

Он правил с 1206 до 1227 г. и, проводя внутреннюю и внешнюю политику, отвечавшую интересам знати монгольских племен, оставил о себе память в истории опустошительными походами, приносившими завоевателям неслыханную добычу, а покоренным и поработленным странам и народам — небывалые разрушения и неисчислимы бедствия.

Соответственно военной организации, принятой в государстве Чингисхана, весь монгольский народ рассматривался как войско. Каждая группировка племен должна была выставлять определенное число вооруженных всадников. Самыми крупными из таких военно-административных группировок были тумены. Каждый тумен должен был выставлять отряд в 10 тыс. всадников, также называвшийся туменом. Эти отряды делились на тысячи, которые состояли из сотен и десятков.

Такая военная организация соответствовала старинным установлениям тюрков и монголов. Но теперь она стала основой феодально-иерархического устройства огромного государства и была закреплена законами Чингисхана — «Великой ясой». С помощью этих законов в войске поддерживалась чрезвычайно крепкая и жестокая дисциплина. Нарушение «ясы» каралось смертью или тяжкими телесными наказаниями. Так, за невыполнение приказа начальника в боевой обстановке полагалась, как правило, смертная казнь. Бегство с поля битвы рассматривалось как одно из самых тяжких преступлений. Смерть ожидала не только самого беглеца, но и остальных воинов того десятка, в который входил бежавший⁶.

Особую роль в войске и в государстве Чингисхана играла его личная гвардия («кэшик») из 10 тыс. хорошо вооруженных всадников, преимущественно юношей из аристократических семей. Привилегированное положение этой гвардии выражалось, в частности, в том, что из ее состава Чингисхан обычно выдвигал своих высших военачальников, а также управителей завоеванных стран и областей. Гвардия эта ред-

---

⁶ Военная организация и дисциплина у монголов при Чингисхане в значительной мере напоминают порядки, существовавшие у других кочевников Центральной Азии с древних времен. Незадолго до Чингисхана у чжурчженей, соседей монголов, военная дисциплина характеризовалась в китайском источнике так: «Если погибнет в бою командир пятка, казнят всех четверых оставшихся в живых его солдат. Если погибнет командир десятка, казнят командиров пятков, погибнет командир сотни — казнят всех командиров десятков» (по любезно предоставленному Е. И. Кычановым переводу из китайского источника XI в. «Сань чао бэй мэнь хуэйбянь»).

ко участвовала в сражениях, составляя главный резерв Чингисхана, который посылал ее в бой лишь в случае крайней необходимости. Но она всегда находилась при его ставке и была готова подавить любое восстание.

Войско Чингисхана было конным. Монгольские воины славились искусством стрельбы из лука. Прежде чем начать решительный натиск, они по нескольку раз осыпали вражеские ряды градом стрел. Монгольская конница отличалась подвижностью, неутомимостью в походах и битвах, могла преодолевать огромные расстояния, не теряя своей боеспособности.

Во время завоевательных походов в степях и пустынях Азии Чингисхан истреблял оказывавшие ему сопротивление племена кочевников, а подчинившихся его власти вовлекал в свои войска. Благодаря системе военной организации Чингисхана создавалась возможность использования родо-племенных отрядов кочевников, включенных в войско, спаянное железной дисциплиной и единым руководством.

В те времена, при существовавшем тогда уровне техники и вооружения, конница кочевников обладала многими военными преимуществами перед сравнительно малоподвижными ополчениями и слабо связанными единым руководством феодальными отрядами более цивилизованных государств Азии и Восточной Европы. Ко всему сказанному следует добавить, что, сколь ни грозны были монгольские завоеватели, их успехи в значительной мере объяснялись внутренней слабостью и феодальной раздробленностью в тех государствах, которые они покоряли. История показывает, что там, где на пути монголов встречались более сильные государства, как в Индии и в Египте, эти завоеватели терпели неудачи.

В 1211 г. Чингисхан начал походы в Китай, завершив взятием Пекина в 1215 г. завоевание северной части этой страны, разделенной в тот период на два государства. Монголы, захватив много оружия и уведя в плен мастеров-оружейников, применили китайский военный опыт в своих походах в другие страны, используя при осадах крепостей стенобитные и метательные машины.

Вторжение монголов в государство хорезмшахов

В 1219 г. Чингисхан вступил в Среднюю Азию с войском в 150—200 тыс. всадников⁷. Силы хорезмского государства в общей сложности намного превышали монгольские, но они были распылены и скованы пассивной тактикой, избранной хорезмшахом. Готовясь к войне, он приказал приступить к

⁷ Бартольд, *Туркестан*, стр. 471, 472.

укреплению городов; а свои войска разделил на сравнительно мелкие отряды, которые разослал в разные области в качестве гарнизонов городов и крепостей.

Жители городов, прежде всего ремесленники, оказывали мужественное сопротивление завоевателям. Но администрация хорезмшаха и феодалы боялись вооружать народ и нередко капитулировали перед монголами. Крестьянство было разобщено и не имело оружия.

Чингисхан громил поодиночке оказавшиеся фактически без единого руководства разбросанные по стране отдельные отряды хорезмшаха. Нередко тюркские наемники переходили на сторону монголов. В феврале 1220 г. пала Бухара, в марте — Самарканд, а в мае того же года Чингисхан завоевал весь Мавераннахр.

Устрашенный быстрыми успехами монголов, хорезмшах бежал в Иран. Преследуемый по пятам монголами, он укрылся на одном из пустынных островов Каспийского моря, где и умер в декабре 1220 г.

Борьбу с монголами продолжил его сын Джалал ад-Дин. После смерти отца он прибыл в Хорезм и попытался возглавить сопротивление завоевателям. Однако местная кипчакская знать встретила его враждебно и не пожелала признать султаном. Джалал ад-Дин вынужден был отправиться в Газни, видимо рассчитывая найти там сторонников из числа друзей, приобретенных ранее, в бытность правителем этого удела.

С небольшим отрядом он сумел с боями прорваться через занятую монголами область Нисы, а затем, собирая в свое войско отдельных бойцов и отряды из Герата, Нишапура и других областей Хорасана, прибыл в Газни во главе нескольких десятков тысяч всадников. Именно тогда к Джалал ад-Дину примкнул один из непримиримых борцов против монгольских завоевателей — Тимур-малик, герой обороны Ходженда⁸. Наиболее яркие эпизоды дальнейшей борьбы Джалал ад-Дина против войск Чингисхана связаны с военными действиями, происходившими на территории нынешнего Афганистана.

Заканчивая завоевание Средней Азии, Чингисхан находился в Самарканде. Оттуда он послал значительную часть своих сил для покорения Хорезма, а другое большое войско во главе со своим младшим сыном Тулуем — через Аму-Дарью на Хорасан. Передовые отряды Тулуя овладели Нисой и Сабзаваром, затем он взял штурмом Мерв, захватил и разрушил Нишапур, подчинил Герат и ряд других городов и областей Хорасана.

---

⁸ О нем см. Айни, *Қаҳрамони халқи тоҷик Темурмалик*.

Чингисхан во главе основных сил своего войска в конце 1220 г. направился на Термез, захватил город и истребил его население, а затем переправился через Аму-Дарью и двинулся на Балх.

Когда Чингисхан подошел к Балху, «главные люди» города выступили ему навстречу со всевозможными дарами, выражая покорность. Чингисхан повелел всем жителям Балха выйти на равнину, чтобы подсчитать их, затем приказал все выведенное из города население Балха — детей и взрослых, мужчин и женщин — разделить, согласно обыкновению, на сотни и тысячи, чтобы предать их мечу и уничтожить всех до единого⁹. Монголы подожгли город и, выполняя приказ своего владыки, постарались разрушить здания, дворцы, укрепления и городские стены Балха.

Направившись после взятия Балха в Талькан, войско Чингисхана надолго задержалось у крепости Нусрет-Кух. Эту твердыню Талькана обороняли многочисленные и мужественные защитники. Чингисхан посылал к ним своих гонцов, призывая к сдаче, но защитники крепости оставались непреклонными.

Монголы осадили Нусрет-Кух и пустили в ход множество метательных машин. Однако крепость удалось взять только после прибытия большого войска Тулуя, который пришел на помощь отцу после завершения похода в Хорасан. Захватив Тальканскую крепость, монголы уничтожили все население, а укрепления, стены, дворцы и дома разрушили.

Между тем Джалал ад-Дин, прибыв в Газни с войском, значительно увеличил его численность. К нему присоединился Амин-малик, у которого, как сообщает историк Джувеини, было 50 тыс. воинов, затем Сейф ад-Дин Играк с войском в 40 тыс. человек, а также гурские эмиры¹⁰. Учитывая обычные для средневековых авторов преувеличения, все же можно полагать, что войско Джалал ад-Дина после пополнения его отрядами гурцев, афганцев, халаджей и других воинственных племен насчитывало 60—70 тыс. конных и пеших бойцов. С этим войском Джалал ад-Дин летом 1221 г. выступил навстречу монголам и остановился лагерем у селения Парван, в верхнем течении р. Логар, притока р. Кабул. Заняв позицию у Парвана, Джалал ад-Дин совершил успешный набег в сторону Тохаристана, во время которого наголову разбил монгольский отряд, осаждавший одну из крепостей. Монголы потеряли около тысячи убитыми и, спешно перейдя через р. Панджшер, возвратились к главным силам Чингисхана.

⁹ Джувеини, I, 104.

¹⁰ Там же, II, стр. 137.

Встревоженный успехами Джалал ад-Дина и вестями о многочисленности его отрядов, Чингисхан направил против него сильное войско в 30 или 40 тыс. всадников под предводительством Шики Хутуху-нойона, одного из лучших своих военачальников. Через неделю монголы подошли к Парвану¹¹. Джалал ад-Дин двинулся навстречу монголам и, пройдя со своим войском один парсанг¹², приготовился к бою.

Командовать правым крылом своего войска он поручил Амин ад-Дин-малику, а левым — Сайф ад-Дин-малику Ираку. Сам Джалал ад-Дин остался в центре. По его распоряжению все конные воины спешили и каждый привязал повод своего коня к поясу¹³. Джалал ад-Дин решил сначала вести бой в пешем строю, сберегая силы коней, а по сигналу барабанов велел переходить ко всеобщей конной атаке.

Правое крыло хорезмийского войска значительно превосходило по численности противостоявшие ему силы монголов. На этом участке 10 тыс. отважных всадников успешно атаковали монголов. Оправившись от этого натиска, монголы попытались опрокинуть ряды воинов Джалал ад-Дина, но, хотя ожесточенные схватки продолжались целый день, они не смогли добиться успеха. Наступившая ночь застала оба войска на прежних позициях.

На следующее утро бой возобновился с новой силой. Шики Хутуху-нойон применил военную хитрость, рассчитывая внушить воинам Джалал ад-Дина мысль, что к монголам подошли подкрепления. Изготовив за одну ночь куклы из войлока и посадив их на коней, монголы двинулись на противника, надеясь утратить его своей многочисленностью¹⁴. Увидев за наступающими монголами вторые ряды всадников, воины Джалал ад-Дина вообразили, что к врагам прибыло сильное подкрепление, но их военачальник сумел предотвратить панику, обратившись к войску со словами: «Наше войско многочисленно, мы построим ряды и возьмем врагов в кольцо справа и слева»¹⁵. И хотя в атаку были брошены отборные монгольские отряды, успеха они не добились.

Когда наступление монголов было отбито, Джалал ад-Дин приказал начать решающую конную атаку. Монголы обратились в бегство, воины Джалал ад-Дина преследовали и

¹¹ Там же, I, стр. 135.

¹² Парсанг, фарсах — мера длины (от 6 до 8 км.).

¹³ Д'Оссон, *История монголов*, стр. 175; Рашид ад-Дин, пер. в изд. ИВАН, т. I, кн. 2, 221.

¹⁴ Не только в битве при Парване, но и в других сражениях монголы применяли такую военную хитрость, о чем можно судить по сообщению Плато Карпини (см. Джувейни, пер. Бойла, II, 406).

¹⁵ Рашид ад-Дин, пер. в изд. ИВАН, т. II, кн. 2, 222.

избивали врагов¹⁶. В пылу преследования они попали под яростную контратаку монголов, сбивших с коней около 500 всадников Джалал ад-Дина¹⁷. Но судьба сражения была уже решена. Лишь с незначительными остатками своего разгромленного войска монгольские военачальники добрались до ставки Чингисхана.

Поражение при Парване было единственным за все время походов монгольских завоевателей в 1219—1222 гг. Под знаменами Джалал ад-Дина в числе воинов из многих племен и народов сражались гурцы, туркмены, халаджи и афганцы. Предводителем входивших в состав войска Джалал ад-Дина афганцев был Музаффар-малик¹⁸. В сообщении о нем впервые упоминается (в до сих пор известных источниках) собственное имя афганца.

Известие о победе Джалал ад-Дина над монголами в битве у Парвана всколыхнуло весь Хорасан. В Герате, Серахсе и многих других городах и местностях Хорасана вспыхнули антимонгольские восстания, однако они были жестоко подавлены. Чингисхан опасался, что, разуверившись после успехов Джалал ад-Дина в непобедимости монголов, все многочисленное покоренное население, удерживавшееся в повиновении жестоким террором и страхом, поднимется против завоевателей. Поэтому он немедленно во главе отборного войска лично выступил против Джалал ад-Дина. В Гурзиване монгольские завоеватели встретили упорное сопротивление местных жителей, задержавшее на месяц их дальнейшее продвижение¹⁹. Из Гурзивана Чингисхан двинулся к Бамиану, где также натолкнулся на сильное сопротивление местного населения. С осажденным городом завязалась перестрелка, с обеих сторон вступили в действие метательные машины. Пущенная кем-то из защитников Бамиана стрела насмерть поразила любимого внука Чингисхана — Мутугэна (сына Чагатая).

Гнев повелителя заставил монгольских воинов проявить особое рвение. Когда же монголы овладели городом, Чингисхан приказал истребить не только людей, но и все живое.

Разрушив Бамиан, монголы двинулись на юг. Стремясь покончить с Джалал ад-Дином, Чингисхан спешил и заставлял свое войско двигаться через горы самыми быстрыми переходами.

Между тем сразу же после битвы при Парване в разноплеменном войске Джалал ад-Дина начались разногласия. Как сообщает историк Джувейни, при дележе захваченных

¹⁶ Там же.

¹⁷ Джувейни, II, 138.

¹⁸ Бартольд, *Туркестан*, стр. 508.

¹⁹ Джувейни, I, 105.

у монголов коней «хорезмийцы» поссорились с халаджами, туркменами и гурцами²⁰. Джалал ад-Дин не сумел примирить их, и, как только наступила ночь, Сейф ад-Дин-малик Играк покинул со своими воинами лагерь Джалал ад-Дина и вместе с Азам-маликом и его отрядом направился в сторону Пешавара²¹. Они задержались в районе Нинграхара, и там же вожди отрядов погибли в междоусобной борьбе, а войска впоследствии были разбиты и рассеяны Чингисханом.

Вслед за Сейф ад-Дином-маликом Играком и Азам-маликом многие военачальники тоже покинули Джалал ад-Дина. В результате султан лишился халаджских, гурских, афганских, карлукских, а также части туркменских отрядов. С оставшимися у него «тюркскими и хорезмскими» воинами (в основном кипчаками, кангла и туркменами) он направился в Газни.

Располагая теперь не более чем половиной того войска, которым он командовал в битве при Парване, Джалал ад-Дин счел невозможным противостоять главным силам Чингисхана. Покинув Газни, он с оставшимися отрядами и своей семьей отправился на юг.

Войдя в Газни, монголы, как сообщает Ибн ал-Асир, разорили и сожгли город, перебили его жителей, разграбили их имущество, а женщин захватили в плен. Рассказывая об этом, Ибн ал-Асир добавляет: «Точно так же они поступали в окрестных селениях: грабили, убивали, жгли. Во всех местностях не осталось [ни одной] живой души»²².

Продолжая преследование, монголы настигли Джалал ад-Дина у берега Инда, неподалеку от переправы Нил-Аб. Здесь 24 ноября 1221 г., несмотря на большой численный перевес монголов, завязалось ожесточенное сражение.

В конце концов, оказавшись прижатым к Инду вражескими воинами, Джалал ад-Дин, перекинув за спину щит, ударом плети заставил своего коня броситься в быстрые воды реки и переплыл ее на виду у монгольского войска и самого Чингисхана. Как рассказывают историки, мужество Джалал ад-Дина, его искусство наездника и невероятно смелый прыжок с высокого берега в кипящие волны настолько изумили Чингисхана, что будто бы он, обращаясь к находившимся возле него сыновьям и показывая на Джалал ад-Дина, сказал: «Вот какими должны быть у отца сыновья!»

Вместе с Джалал ад-Дином через реку удалось переправиться нескольким тысячам его воинов. В дальнейшем Джалал ад-Дин вернулся из Индии и долго еще вел борьбу про-

²⁰ Там же, II, 196.

²¹ Азам-малик был предводителем гурских войск (Д'Оссон, *История монголов*, стр. 176).

²² Ибн ал-Асир, XII, 257; СМИЗО, I, 35.

тив монголов в Иране и Азербайджане, но крупных успехов не достиг. Он сам выступил в качестве жестокого завоевателя в Передней Азии и в Закавказье, в конце концов лишился всякой опоры и в 1231 г. был убит в горах Южного Курдистана.

Одержав победу на берегу Инда, Чингисхан потратил несколько месяцев на то, чтобы разбить и рассеять находившиеся в соседних районах отряды тюркских и других племен, отделившихся от главных сил Джалал ад-Дина. После этого он направился через горы на север, в октябре 1222 г. переправил свое войско по плавучему мосту через Аму-Дарью, провел зиму в Самарканде, весной 1223 г. двинулся оттуда далее на север, лето этого года провел в степи Кулан-баши, а затем ушел в Монголию²³.

Большая часть завоеванных в 1221—1222 гг. земель была включена в состав владений Чингисхана, но сопротивление населения монгольским завоевателям во многих районах продолжалось еще очень долго.

Судьбы Гура, Герата и Систана

Находясь на территории современного Афганистана, Чингисхан отправил Угэдея с войском в Гур и Хорасан. Угэдей дошел до местности Пул-и Ахангеран, расположенной между Газни и Гуром (поблизости от Фирузкуха), и стал там лагерем. Зимой 1222/23 г. он направил оттуда отряды войск для подчинения Гура, Хорасана и Систана. Для штурма сильной крепости Ашияр в Гарчистане был послан нойон Абках, личный «манджаники» (специалист по осадным машинам) Чингисхана. Однако монголам не удалось захватить Ашияр штурмом, и они подвергли его блокаде. Крепость пала только через 15 месяцев, после того как почти все защитники ее умерли от голода. В конце концов монголы овладели почти всеми крепостями Гура²⁴. Столицу гуридских султанов Фирузкух они полностью разрушили.

После ухода монгольских войск в 1222—1223 гг. тюркский вождь Сейф ад-Дин Хасан Карлук на некоторое время установил свою власть в Бамиане, Газни и Гуре. Сохранились монеты, чеканенные им в 1225 г. от имени халифа Захира. В 1238 г. Сейф ад-Дин Хасан Карлук, который вначале боролся с монголами, но затем подчинился Угэдею, был оставлен правителем под контролем монгольского наместника («шихна»). Но в дальнейшем монголы все же заставили его уйти, и он отправился через Курамскую долину в Индию.

²³ См. Бартольд, *Туркестан*, стр. 522, 523.

²⁴ См. Джузджани, пер. Раверти, 1047, 1048, 1073, 1074, 1076, 1077.

В Синде Сейф ад-Дин Хасан Карлук и его сын Насир ад-Дин правили затем еще в течение 20 лет.

В первый раз, весной 1221 г., монголы овладели Гератом без боя. Окружив город войсками, Тулуй предложил горожанам сдаться, пообещав пощадить их и не взимать с них больше налогов, чем они уплачивали хорезмшаху. Обещание соблюдать эти условия Тулуй подтвердил торжественной клятвой, после чего ворота города были перед ним открыты. Монголы предали казни 12 тыс. человек, якобы приверженцев Джалал ад-Дина, но остальных жителей не тронули. Правителем города завоеватели назначили малика Абу Бекра Марджаки, а при нем в качестве наместника монгола Мангута.

Однако при первых известиях о победе Джалал ад-Дина у Парвана население Герата восстало против монгольских завоевателей. Поставленный Тулуем правитель города и монгольский наместник были убиты.

Против повстанцев монголы направили сильное войско во главе с Ильчигдай-нойоном. В декабре 1221 г. это войско подошло к Герату и начало осаду. Горожане защищались очень упорно. В течение 6 месяцев и 18 дней монголы не могли добиться сколько-нибудь заметных успехов. В конце концов Ильчигдай бросил свои войска на штурм города и, хотя в ходе штурма погибло 5 тыс. монгольских воинов, город был взят (3 июля 1222 г.). Взбешенные завоеватели уничтожили все население.

Систан был подчинен и сильно опустошен монголами во время второго их вторжения—в 1229 г. По Хорасану и Систану прошли отряды нойона Чормагуна (бывшего оруженосца Чингисхана), отправленного Угэдеем (1227—1241) в поход для борьбы с Джалал ад-Дином, появившимся в Западном Иране²⁵. В Систане, как и в других завоеванных монголами областях и странах, хозяйственная жизнь была надолго подорвана, в результате массовых убийств и увода части жителей в рабство значительно сократилась численность населения.

На всех территориях нынешнего Афганистана, как и в соседних Средней Азии и Иране, к последствиям завоеваний монгольских феодалов относились, с одной стороны убыль населения и упадок оросительной сети, а с другой—также рост кочевого скотоводства.

Одним из последствий монгольского нашествия, сказавшимся не только на политической истории Афганистана, но и на этническом составе населения страны, были переселения кочевых монгольских и тюркских племен.

---

²⁵ См. Spuler, *Die Mongolen in Iran*, S. 35.

Происхождение хазарейцев

Монгольские наместники Хорасана с целью утвердить свою власть над покоренными народами и племенами, а также усилить пограничные районы переселяли кочевников на завоеванные территории. В 1243 г. монгольским эмиром Хорасана был назначен Аргун. Поселив в Бадгисе тюрко-монгольских кочевников, он значительно укрепил свою власть в северном Хорасане. Большинство жителей там составляли не собственно монголы, а смешанные группировки покоренного скотоводческого населения, так называемые карауны²⁶.

Монгольские власти еще неоднократно переселяли монгольские и тюркские племена на территорию современного Афганистана. Это обусловило значительные изменения в этническом составе жителей ряда районов, особенно центральной части страны. Здесь сложилась монголоидная по антропологическим признакам народность хазара (или хазарейцы), говорящая ныне на персидско-таджикских диалектах²⁷. Народность эта монгольского или, точнее, тюрко-монгольского происхождения.

Еще в XVI в., по сообщению Бабура, среди хазарейцев был распространен монгольский язык, а небольшая часть их, по-видимому, и в XIX в. говорила на языке, близком к монгольскому²⁸.

По распространенному в науке мнению, хазарейцы — потомки монгольских или тюрко-монгольских племен, входивших в состав войск Чингисхана, его сыновей и внуков²⁹. Название народности происходит от персидского слова «хазара» — «тысяча». Этот термин был воспринят у иранцев для обозначения крупного подразделения монгольского войска и соответственно родо-племенной группировки, которая должна была выставлять отряд в тысячу воинов.

Уже Б. А. Дорн на основании известных в его время источников отметил, что переселения «тюркских и монгольских полков» на территорию нынешнего Афганистана производились неоднократно: дважды Мункэ-кааном (1246—1258), а

²⁶ Рашид ад-Дин, пер. в изд. ИВАН, т. I, кн. I, 163.

²⁷ Лигети, *О монгольских и тюркских языках и диалектах*, стр. 106, 107.

²⁸ Гафферберг, *Хазара*, стр. 122. О длительности сохранения именно в Афганистане монгольского языка свидетельствует тот факт, что в наши дни венгерскому ученому Л. Лигети удалось обнаружить среди тюркского племени афшаров людей, говорящих на монгольском языке. Все афшары, сохраняющие монгольский язык, — двуязычны. Монгольский диалект афшаров подвергся сильнейшему влиянию персидско-таджикских говоров. Это влияние прослеживается не только в словарном составе, но и в фонетической структуре. (Ligeti, *Sur, la langue des Afghans*, p. 109).

²⁹ Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*, стр. 55; Гафферберг, *Хазара*, стр. 108; Васол, *An inquiry*.

затем Аргун-ханом (1284—1291)³⁰. Впоследствии было высказано мнение, что переселение предков хазарейцев в Афганистан происходило в течение еще гораздо более длительного времени. Утверждают, что Хазараджат заселялся «чагатаями» в период с 1229 до 1447 г.³¹

По-видимому, к хазарейцам в разное время, начиная с XIII в., присоединялись различные монгольские, тюркские и другие группы племен, называвшихся по именам своих предводителей, в частности в XIII в. никудери, составявшие отряды чагатайского царевича Никудера³². Никудер возглавлял крупную группировку монголов, которая откололась от улуса Хулагуидов и обосновалась в областях Кермана и юго-восточного Хорасана, совершая оттуда опустошительные набеги на соседние области Хорасана, Систана, Фарса, а также на Северную Индию. В истории эта группировка известна под названием Никудерской орды.

Некоторые подробности о никудерийцах Кермана сообщает Марко Поло, который побывал у них в плену. О южной части Кермана, где находился г. Джуруфт, в котором жил путешественник (называемый им Камади, по названию предместья, в котором останавливались иностранные купцы и путники), Марко Поло рассказывает следующее: «Городов, крепостей тут много. Города обнесены земляными валами, высокими, толстыми, в защиту от караунов³³, что бродяжничают по здешним местам и грабят всех. Зовут их так, потому что матери у них индианки, а отцы татары. Когда они задумают напасть на страну и разграбить ее... бывает их тут до десяти тысяч, иногда больше, иной раз меньше. А как заберут равнину, что задумали разграбить, ничему там не спастись, ни людям, ни скотине; нет той вещи, которой они не забрали бы. Полонив народ, стариков убивают, а молодых уводят с собой и продают в рабство. Царь их называется Но-годар»³⁴.

Согласно распространенному в исторической литературе мнению, которого придерживается, в частности, И. П. Петрушевский, именно из потомков Никудерийской орды «сложил-

³⁰ [Dorn], *The history of the Afghans*, pp. 67, 68.

³¹ См. Bacon. *An inquiry*, p. 241.

³² Племя «никудери» было зарегистрировано в 1928 г. отрядом Среднеазиатской этнологической экспедиции среди хазарейцев, переселявшихся начиная с 1927 г. на территорию Туркменской ССР (Гафферберг, *Хазара*, стр. 108).

³³ Карауны, или караунасы, — термин, улотреблявшийся монголами для обозначения племен, образовавшихся от смешения монголов с местным населением. Примечательно, что уже в XIII в. монголы-некудерийцы характеризуются очевидцами как племена по происхождению смешанные.

³⁴ Марко Поло, стр. 66, 67, 262 и сл.

ся большой массив монгольского населения Афганистана — хазарейцы³⁵.

Сами хазарейцы часто утверждают, что они «моголы» и происходят от монголов Чингисхана. Однако трудно судить, основаны ли такие утверждения на своих преданиях или отражают почерпнутые из исторической литературы традиции и представления начитанных таджиков и персов. Во всяком случае само название «моголы» укрепилось среди хазарейцев уже давно. Об этом можно судить по отмеченному в этнографической литературе факту: слово «могол» употребляется хазарейцами для обозначения человека, который умеет себя хорошо вести, а «не-могол» («намогол») имеет противоположный смысл.

В материальной культуре северных хазарейцев, отличающихся во многом от основной части этого народа, наблюдается сходство с материальной культурой узбеков Каттагана. Собственные представления и предания северных хазарейцев подтверждают их близость к тюркам. В наши дни хазареец племени шейх али из Горбенда заявил в беседе с датским этнографом Клаусом Фердинандом, что его соплеменники — тюрки. Одно из подразделений хазарейцев («туркмены») также называют себя тюрками³⁶.

С течением времени хазарейские племена, воспринимая язык коренного населения занятых ими земель или соседних территорий, полностью или почти полностью утратили монгольский и тюркский языки, на которых говорили их предки³⁷. Хазарейцы — единственный сейчас ираноязычный народ с ярко выраженными антропологическими монголоидными чертами.

Монголы и афганцы

На протяжении XIII в. монголы, владея Кабулом и Кандагаром, неоднократно совершали походы в Индию и опустошали территории афганских племен.

³⁵ Петрушевский, *Земледелие*, стр. 42.

³⁶ Ferdinand, *Preliminary notes*, p. 38; упоминание о хазарейцах-туркменах встречается у Бабура (см. Ferdinand, *Ethnographical notes*, p. 184).

³⁷ Тот факт, что хазарейцы восприняли именно персидско-таджикские (или близкие к ним) диалекты, является веским доводом в пользу указанного выше мнения о преобладании персидско-таджикских диалектов среди населения средневекового Гура XI—XII вв. На основании этого факта можно сделать также предположение, что граница распространения или преобладания языка пушту в XIII—XV вв. проходила в основном южнее нынешнего Хазараджата. Это подтверждается и упоминавшимися сообщениями об ассимиляции афганцами части халаджей, занимавших земли в районе Газни и в других областях юга, издавна связанных с афганцами.

Базой монгольских походов в Индию была долина Курама, и некоторые афганские племена привлекались на службу в монгольские войска.

Некоторые тюрко-монгольские термины были восприняты и утвердились в языке пушту для обозначения весьма существенных в жизни афганцев учреждений. К таким терминам относятся «джирга» и «улус»³⁸. Сходство слова «джирга» с монгольским термином «джаргу» давно уже обратило на себя внимание исследователей³⁹.

Отличие социального содержания термина «джирга» у большинства афганских племен (даже в XVIII—XIX вв.) от содержания этого термина у монголов в XIII в. является, по-видимому, показателем того, что многие афганские племена еще в течение долгого времени после Чингисхана не дошли до ступени общественного развития, достигнутой монголами в XIII в. У монголов уже в XIII в. термином «джаргу» обозначался феодальный суд, которым лично ведал феодал⁴⁰. В отличие от этого у многих афганских племен джирга еще и в XVIII — начале XIX в. оставалась судебно-примирительным органом самоуправления племен и их подразделений, в котором далеко не везде и не всегда решающее слово принадлежало ханам и другим представителям феодально-родовой знати.

О влиянии монгольской и тюрко-монгольской военно-административной системы на некоторые стороны жизни афганских племен у исследователей имеются весьма отрывочные сведения. Но терминологические заимствования и некоторые указания в источниках⁴¹ все же дают возможность предпола-

---

³⁸ В данном случае речь идет о заимствовании терминов, а не институтов, называемых этими терминами, как, например, джирга. Такого рода институты, как совет старейшин, сходка людей племени или совещание вождей и т. д., возникали, конечно, в ходе общественного развития афганцев, как и у других племен и народностей. В связи с вопросом о заимствовании афганцами термина «джирга» мы также должны оговориться: нет категорической необходимости связывать время его заимствования только с монгольским нашествием. Этот термин мог быть воспринят афганцами и значительно раньше от халаджей или других тюрков (по словарию Радлова среди значений слова «яргу» у тюрков были и такие, как «суд», «наказание» и т. д.).

³⁹ См., например, Beuermann, *Über Afghanistan*.

⁴⁰ См. Владимирцов, *Общественный строй монголов*, стр. 163.

⁴¹ Как видно из слов Ахунда Дарвезы, приводившего примеры из современных ему обычаев и установлений афганцев, у афганских племен еще в XVI в. сохранялась система деления племени на тысячи, сотни и десятки, впоследствии, по-видимому, в основном утраченная, так как в отношении большинства афганских племен сведений о ее наличии в обширной этнографической литературе XIX в. не имеется. Ахунд Дарвеза писал, что если какой-нибудь падишах или эмир предоставит афганским вождям (сардарам) угощение и подарки и они станут ему верными, то «весь улус свой в услужение ему приведут, ибо среди каждых — десятка,

гать, что такое влияние было. Из них на первое место следует поставить прямые и косвенные свидетельства о том, что уже при Чингисхане монгольские феодалы привлекали в свои войсковые отряды афганцев. Это не значит, конечно, что свободолюбивые афганцы безропотно подчинялись монголам. В преданиях гильзаев и других афганских племен сохранились воспоминания о героической борьбе, которую вели их предки против монгольских завоевателей. Вместе с тем уже на следующий год после битвы при Парване, в которой под знаменами Джалал ад-Дина афганцы и халаджи сражались против Шики Хутуху-нойона, источники сообщают об их службе у монголов в качестве вспомогательного ополчения («хашар»), обычно принудительно собиравшегося этими завоевателями⁴². В 1222 г. при подавлении антимонгольского восстания в Мерве разгром города довершил Шики Хутуху-нойон, который подошел со стотысячным войском; халаджи, газнийцы и афганцы, входившие в состав этого войска в качестве «хашари», приняли участие в разрушении города и в истреблении его жителей⁴³.

Из одного любопытного упоминания об афганцах, содержащегося в приведенном в «Тарих-наме-йи Харат» рассказе о каре, постигшей юного монгола по имени Абаджи, можно заключить, что в середине XIII в. афганские отряды (вероятно, ополчения афганских племен) в той или иной форме входили в состав монгольского войска. Содержание рассказа таково. Однажды к лагерю войска Шамс ад-Дина Курта подъехал Абаджи с двумя всадниками. Монгольский юнец, преисполненный презрения к окружавшим воинам из покоренных «таджиков», вел себя не только смело, но и дерзко, начальническим тоном осведомляясь о том, что за войско стоит в лагере и т. п. Шамс ад-Дин велел схватить его, обвинив в нарушении «ясы». Автор «Тарих-наме-йи Харат» вкладывает в уста Шамс ад-Дина такие слова обвинения: «Нахально в наш воинский лагерь ты въехал и условиями ясы и ясаком (запретами) падишаха Чингисхана пренебрег»⁴⁴. Нарушитель с возмущением заявил, что он — сын Қонкурдай-нойона (Қонурдағи)

и сотни, и тысячи их (афганцев) имеется сардар, и всегда, когда [какой-нибудь правитель] сардаров их подчинит, остальной улус свой они ему в услужение приводят» (Дарвеза, л. 75-6).

⁴² Монголы часто при осаде городов сгоняли толпу («хашар») здоровых молодых мужчин, жителей окрестных поселений, заставляя их выполнять тяжелые осадные работы (рыть окопы, заваливать рвы и т. п.) и идти впереди монгольского войска в сражениях (см. Васильев, *История и древности*, стр. 224). С другой стороны, монголы в качестве подкрепления допускали под свои знамена отряды других воинственных кочевых народов (о таких подкреплениях см. д'Оссон, *История монголов*, стр. 225).

⁴³ МИТТ, I, 493; Бартольд, *Туркестан*, стр. 517.

⁴⁴ Сейфи ал-Харави, 193.

نوین), «эмира этой границы», но надежды утратить Шамс ад-Дина именем этого монгольского военачальника не оправдались.

Пытаясь объяснить свое поведение и получить прощение, монгольский знатный юнец рассказал, что вот уже два дня, как он разъехался со своим отцом, охотившимся в этих местах, и заблудился, «когда увидел эти табуны (?) и палатки [лагеря], — говорил он, — подумал я, что это — афганский лашкар»⁴⁵.

Заявляя в свое оправдание, будто он спутал лагерь войск Шамс ад-Дина с лагерем лашкара (отряда, войска, ополчения племени) афганцев, Абаджи, очевидно, хотел подчеркнуть, что он имеет полное право посещать афганские отряды.

Из этого должно следовать, что афганские отряды находились в непосредственном ведении и подчинении монгольских военачальников (в данной области — Конкурдай-нойона), что отличало их в военно-административном отношении от войск владетелей Гура и Герата из гурской династии Куртов⁴⁶. Куртские малики, будучи вассалами монгольских государей, имели свое войско и распоряжались делами внутреннего распорядка в нем. Ядро их войска составляли гурцы. Впоследствии в связи с расширением владений Куртов, в составе их военных сил упоминаются представители ряда других племен и народностей, но гурцы постоянно ставятся на первое место. Перечисляя племена и народности, из которых состояло войско Куртов, автор «Тарих-наме-йи Харат» при описании современных ему событий называет гурцев, гератцев, систанцев (سجری), белуджей и халаджей⁴⁷. В других источниках гурцы также постоянно упоминаются на пер-

---

⁴⁵ Там же, 194, — چون این کله و خیمه بیدیم کمان بردم که لشکر افغانست. «Однако оправдания не помогли, и Шамс ад-Дин приказал дать монголу 18 палочных ударов, что и было исполнено, к большому удовольствию воинов гурского правителя».

⁴⁶ В исторической литературе нет единого мнения о том, как надо читать название этой династии. Чтение «керт» (д'Оссон, впоследствии Н. М. Ханьков) не утвердилось (см. Spuler, *Die Mongolen in Iran*, S. 545, Anm. 1). Чтение «карт» не стало еще общепризнанным (хотя см. Петрушевский, *Земледелие*). В свое время Барбье де Менар принимал огласовку «курт», но только как наиболее распространенную в европейской литературе (Исфизари, пер. Барбье де Менара, t. XVII, 441). Э. Броун обосновывал правильность произношения «курт» ссылкой на то, что оно несколько раз указано в лучшей из имеющихся в Британском Музее рукописей Исфизари (Browne, *A literary history*, vol. III, pp. 173, 174). Следующему этому написанию, учитывая такую же традицию и у среднеазиатских авторов (см. Аваз Мухаммед, л. 558-6).

⁴⁷ Сейфи ал-Харави, 506.

вом месте при характеристике состава военных сил куртских маликов. Так, в одном из продолжений сочинения «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина в составе войска, собранного в 1319/20 г. Гияс ад-Дином Куртом, упомянуты гурцы, никудери, систанцы, халаджи, белуджи и афганцы⁴⁸.

Возникновение княжества Куртов

Местная династия Куртов была гурской по происхождению и пришла к власти сначала в Гуре. Затем столицей Куртов стал Герат и в пределы их владений вошла большая часть территории современного Афганистана.

В Гуре, как и в других областях, монгольское нашествие сопровождалось массовым истреблением жителей. Однако благодаря неприступности ущелий и теснин Гур пострадал несколько меньше, чем соседние оазисы Герата, Балха и Мерва. В числе уцелевших от погрома крепостей была и Хайсарская твердыня⁴⁹.

Крепость Хайсар находилась примерно в 200 км к юго-востоку от Герата⁵⁰. В отличие от ряда других населенных пунктов Гура она уже в ранней арабской географической литературе причислялась к собственно Гератской области⁵¹.

Согласно гератской традиции, сохраненной в сочинении Сейфи, родоначальником династии Куртов был Рукн ад-Дин Абу Бекр ибн Тадж ад-Дин Усман Маргани⁵². Во время мон-

⁴⁸ Продолжатель Рашид ад-Дина, л. 280-а.

⁴⁹ Память о том, что крепость Хайсар так и не была взята войсками Чингисхана, прочно сохранилась в позднейшей гератской исторической традиции (см. Исфизари, рук., л. 98-6).

⁵⁰ Исфизари, пер. Барбье де Менара, 455.

⁵¹ Мукаддаси, 50.

⁵² Малик этот был известен под прозвищем (лакаб) Рукн ад-Даула ва-д-Дин. Его отец и дяди, как сообщает Сейфи, занимали видное положение в государстве Гуридов во времена правления султана Гияс ад-Дина. Глава семьи Изз ад-Дин Умар Маргани по приказу султана Гияс ад-Дина получил в управление Герат и Гератскую область. Изз ад-Дин «каждое место в Хорасане вручил своим сыновьям и братьям». При этом одному из своих братьев, Лусам ад-Дину Али, он поручил управление Гарчистаном, а другому брату, Тадж ад-Дину (отцу Рукн ад-Дина), — крепостью Хайсаром и Гуром (Сейфи ал-Харави, 144). В более поздней гератской исторической традиции считалось, что род Куртов восходит к Усмани Маргани (Фасих, л. 377-а). В современной исторической литературе это принято Б. Шпулером, приводящим имя первого куртского правителя Хайсара и Гура как Rokn od-Din Abū Bakr ibn Tag od-Dīn 'Osmān Margāni (Spuler, *Die Mongolen in Iran*, S. 155, 156). Однако больше оснований признать правильными ранние данные, как это и сделано афганскими историками (см. *افغانستان از نشرات انجمن آريانا دائرة المعارف، كابل، ۱۹۵۵*). Хафиз-и Абру считает Изз ад-Дина Умара Маргани родоначальником Куртов. Причем этот автор пишет, что Умар был везирем Гуридских султанов (Хафиз-и Абру, рук., л. 234-6).

гольского нашествия он согласился признать власть Чингисхана и был утвержден правителем Хайсара и Гура. Историк Джувейни упоминает о ярлыке, выданном Чингисханом Руку ад-Дину Курту, в котором содержалось подробное перечисление побежденных монголами военачальников⁵³.

В памяти потомков добровольное подчинение куртского владетеля Хайсара и Гура Чингисхану осталось как событие политического характера, направленное против хорезмшахов, которые были общими врагами как монгольских завоевателей, так и гуридских султанов и их преемников Куртов. Гератский историк Фасих так описывал это событие: «Когда султан Мухаммед-хорезмшах захватил государство [гуридских султанов], Гурум владел Усман Маргани, [который так и] не подчинился ему [хорезмшаху] вплоть до того времени, когда Чингисхан переправился через реку Аму-Дарью. Отправив [к Чингисхану] посла, [Усман Маргани] выразил ему покорность и повиновение. Чингисхан дал ему ярлык и пай-цу и вручил ему управление Гурум»⁵⁴.

Отвлекаясь от вопросов узкодинастической истории — о собственном имени куртского малика, владевшего Хайсаром и Гурум во время нашествия монголов, можно с доверием отнестись к правильности передачи основного политического содержания событий, сохраненного гератской исторической традицией. Вероятно, Чингисхан, выдавая ярлык сравнительно мелкому владетелю, рассматривал его как естественного союзника в силу определенной преемственности между Куртами и гуридскими султанами, чье обширное государство незадолго до начала войны между правителем монголов и Ала ад-Дином Мухаммедом было покорено этим хорезмшахом. Во всяком случае преемственность своей династии и государства от султанов Гуридов, на чем настаивали Курты, была, по-видимому, с самого начала признана Чингисханом, а впоследствии Менгу-ханом.

Подлинным основателем Гератско-Гурского княжества Куртов был Шамс ад-Дин Мухаммед, наследовавший Руку ад-Дину (ум. в 1245 г.) в управлении Хайсаром и Гурум. Будучи вассалом монголов и нередко прибегая к их поддержке при расширении пределов своих владений, Шамс ад-Дин I (1245—1278) использовал антимонгольские тенденции местного населения, прежде всего таджикского. Его деятельность не была открыто направлена против монгольского владычества, но исподволь он делал все возможное для подрыва их господства в будущем. Его положение и условия, в которых он проводил свою политику, дают возможность провести из-

⁵³ Джувейни, I, 95.

⁵⁴ Фасих, л. 377-а.

вестную аналогию с положением русских князей, вынужденных совершать унижительные и опасные поездки в Орду на поклон и постепенно накапливавших силы в разоренных областях Руси для предстоящей борьбы⁵⁵.

Шамс ад-Дин I с самого начала своего правления настойчиво стремился укрепить свое княжество. Важным шагом на пути к этому было распространение его власти на Герат, который стал впоследствии столицей Куртов. В то же время, выступая как преемник Гуридов, Шамс ад-Дин I предъявил претензии на области, принадлежавшие Гуридам в конце XII в., и добился признания монголами его власти до берегов Инда на юге.

Выступив со своими отрядами в предпринятый монголами поход в Индию, Шамс ад-Дин I в 1246 г. участвовал в нападении на Мультан. Во время дальнейшего продвижения к Лахору монгольские военачальники заподозрили Шамс ад-Дина I в нелояльности и арестовали его, но вскоре освободили.

Во время прихода к власти монгольского великого хана Мункэ-каана Шамс ад-Дин выступил на его стороне. Мункэ-каан выдал Шамс ад-Дину жалованную грамоту на управление городами Гератом, Джамом, Бахарзом, Кусувийе, Харахом, Фушенджем, Азабом, Гуром, Фирузкухом, Гарджистаном, Мургабом, Фарьябом, Маручаком (и землями до р. Амуйа), Исфизаром, Фарахом, Систаном, Текинабадом, Кабулом, Тирахом, Бустистаном и Афганистаном «до берега Синда (Инда) и границы Хинда (Индии)»⁵⁶.

Возвратившись из своей поездки в 1248 г. в ставку Мункэ-каана, Шамс ад-Дин I Курт укрепил свою власть над плодородным оазисом Герируда и занимавшим важное значение

---

⁵⁵ Эта напрашивающаяся аналогия приведена в книге Б. Шпелера. Он выражает также мнение, что «национально-иранское самосознание» проявлялось в то время среди династии Куртов сильнее, чем у всех других мелких владетелей (Kleinfürsten) хулагуидского Ирана (Spuler, *Die Mongolen in Iran*, S. 71, 156).

⁵⁶ Сейфи ал-Харави, 169. По сообщению этого автора, жалованная грамота, содержание которой он приводит, была выдана в месяце рамазане 645 г. х. (январь 1248 г.). И. П. Петрушевский подвергает сомнению если не само содержание грамоты, то ее датировку, отмечая, что Джувейни также упоминает о пожаловании Куртам тем же монгольским великим ханом маликства Герата, Систана, Балха и «всей стороны до границ Хиндустана», но дает другую датировку — 649 г. х. (1251/52) — (Петрушевский, *Труд Сейфи*, стр. 156, 157, со ссылкой на Джувейни, II, 255). Содержание грамоты, вероятно, правильно передано Сейфи ал-Харави, ибо приведенные им названия городов и областей именно те, которые действительно вошли (одни раньше, другие позже) в состав владений Куртов. С другой стороны, маловероятно, что Мункэ-каан действительно пожаловал Шамс ад-Дину I Балх, ибо этот город и область не принадлежали ни первому куртскому малику, ни его преемникам.

на торговых путях г. Гератом, а затем предпринял ряд походов для установления фактической власти над пожалованными ему великим ханом городами и областями.

Герат и Гератский оазис, пострадавшие в годы монгольского нашествия гораздо больше, чем Гур, к середине XIII в. только начинали возрождаться. После массового истребления жителей монгольскими войсками (при вторичном взятии Герата в 1222 г.) из многотысячного населения осталось в живых лишь несколько десятков гератцев.

В течение 14 лет, с 1222 до 1236 г., Герат оставался мертвым пепелищем. Улицы от обвалов разрушенных зданий и разливов кяризов и каналов стали непроходимыми, но среди разоренных пепелищ ютилась горстка людей, не пожелавших несмотря ни на что покинуть родные места. Сейфи ал-Харави, основываясь на рассказах стариков, приводит ряд подробностей, хотя и расцвеченных фантазией, и, по-видимому, верно отражающих ужасы жизни этих людей в мертвом городе и степень разорения Гератского оазиса⁵⁷.

О разрухе, вызванной вторжением монголов в Тохаристан и Хорасан, тот же автор сообщает, ссылаясь на слышанный им устный рассказ: «...от пределов Балха до границы Дамганиа в течение года люди ели человеческое мясо и мясо собак и кошек»⁵⁸. Амбары с зерном были сожжены. Не было ни хлеба, ни семян для посева.

Восстановление Герата началось только после предписания Угэдей-каана, решившего в 1236 г., приняв во внимание советы своих приближенных — таджикских купцов и откупщиков, возродить этот город⁵⁹. В Герат были направлены, чтобы положить начало заселению города, 100 семей гератских шелкоткачей из той тысячи семей искусных ремесленников этой профессии, которых угнали в Монголию при взятии города. После этого население Герата стало довольно быстро увеличиваться за счет переселенцев из различных районов Хорасана. В 1239/40 г. в Герат были посланы из Монголии еще 200 семей шелкоткачей. В этом и следующем году были произведены работы по очистке и восстановлению ряда оросительных каналов. В «Тарих-наме-йи Харат» сообщается,

⁵⁷ Сейфи ал-Харави, 87—90. Содержание этих рассказов см. в работе: Петрушевский, *Труд Сейфи*, стр. 131, 138; до введения в научный обиход сочинения Сейфи ал-Харави рассказы о жизни 40 человек, оставшихся в Герате, были известны только по изложению их в более позднем сочинении Исфизари. На них обратил внимание уже д'Оссон в своей «Истории монголов». А. М. Беленицкий, характеризуя рассказ Исфизари, заметил, что он «является, быть может, одной из наиболее драматических повестей эпохи монгольского завоевания» (Беленицкий, *Историческая топография Герата*, стр. 175, 176).

⁵⁸ Сейфи ал-Харави, 87.

⁵⁹ Петрушевский, *Труд Сейфи*, стр. 160.

что уже в 638 г. х. (1240/41) численность жителей путем переписи была определена в 6900 душ⁶⁰.

С 1236 г. и до установления власти Куртов в 1248 г. в Герате сменилось несколько поставленных монголами наместников из хорасанских феодалов, при которых в качестве представителей монгольских высших властей состояли «шихна». В «Тарих-наме-йи Харат» имеется яркий эпизод, показывающий, какой активный отпор встречали попытки монгольских властей насильно привлекать рабочую силу из горных районов для восстановления города и налаживания хозяйственной жизни долины Герируда.

Первоначально при восстановлении Герата в 1236 г. сельскохозяйственными работами занимались горожане, но для восстановления канала Инджир (Инджил) начальники города решили привлечь на принудительные работы (хашар) райятов всего Гератского вилайета. Шихна Кустай и эмир Изз ад-Дин Мукаддам с 10-ю нукерами прибыли в горное селение Йаздувайя и объявили жителям приказ прибыть в Герат для участия в восстановительных работах и в посевах.

Крестьяне собрали сход и совещались, как ответить на этот приказ. Некоторые предлагали убить шихну и эмира. Но возобладали сторонники другого решения: проучить начальство. На следующий день жители деревни схватили шихну, эмира и десятерых нукеров, разули их, навьючили на каждого по харвару (ослиному вьюку) песка и заставили тащить этот груз до границы своего района⁶¹. Выпровоженные таким способом шихна и эмир вынуждены были проглотить оскорбление, оставив его безнаказанным.

После того как Герат стал столицей быстро усиливавшегося княжества Куртов, рост этого города, восстановление которого началось по инициативе самих монгольских властей, стал серьезно беспокоить Хулагуидов Ирана. С 1269/70 г. Хулагуиды перешли к самым крутым мерам с целью подорвать дальнейшее развитие Герата⁶².

Хулагуиды и Курты

Со времени завоевания Ирана монгольскими войсками под предводительством Хулагу куртские малики, сохраняя

⁶⁰ Сейфи ал-Харави, 127.

⁶¹ Там же, 109—114. Этот пример помогает понять одну из причин, побуждавших монголов удовлетвориться в Гуре вассальным подчинением Куртов. По-видимому, установление непосредственной власти над воинственными жителями укрепленных общинных деревень в труднодоступных горных районах Герата и Гура представлялось завоевателям делом неблагодарным и не оправдывающим затраты необходимых для того усилий и потерь (ср. Петрушевский, *Труд Сейфи*, стр. 139; его же, *Земледелие*, стр. 301, 302).

⁶² См. Петрушевский, *Труд Сейфи*, стр. 142, 143, 160, 161.

свои владения, стали подчиняться в качестве вассалов уже не великим ханам Каракорума, а Хулагу и затем его преемникам. Хулагу был братом Мункэ-каана (1251—1259). Задумав завершить покорение всего Ирана и завоевать Багдад и Малую Азию, Мункэ-каан направил в эти страны войско во главе с Хулагу.

В подчинение Хулагу должны были перейти наместник Хорасана эмир Аргун и монгольские военачальники в Иране и Северо-Западной Индии. Выступив из Каракорума в мае 1253 г. с большим войском, в состав которого вошла пятая часть воинов из всех монгольских улусов, Хулагу двигался очень медленно и только к осени 1255 г. прибыл в Мавераннахр и остановился у Самарканда.

Там он встретился с эмиром Аргуном, а также с многочисленными феодальными правителями покоренных стран и областей Среднего Востока и Закавказья, подчинившихся к тому времени монголам и ставших их вассалами. Эти вассалы, обязанные по повелению Мункэ-каана оказать помощь монголам в их новых завоеваниях, наперебой старались заручиться милостью Хулагу, чтобы сохранить свои владения, а если удастся и увеличить их.

В 1256 г. войска Хулагу подчинили себе владения исмаилитских князей в Иране, в 1257—1258 гг. монголы завоевали Западный Иран, а также Багдад и часть Закавказья и Сирии, но потерпели поражение в борьбе с Египтом. Образовалось обширное государство Хулагу и его преемников, включавшее в свой состав все завоеванные монголами земли к югу и к юго-западу от Средней Азии. Для обозначения пределов этого государства употреблялась формула «от Амуя до Мисра», т. е. от Аму-Дарьи до Египта. В 1261 г. великий хан Хубилай-каан прислал Хулагу инвеституру на все завоеванные территории и на подчиненные уже прежде монголами владения в Иране, а также известие о присвоении ему титула ильхана⁶³.

Шамс ад-Дин I Курт пользовался расположением Хулагу (1256—1265), и после прихода к власти его преемника Абака-хана (1265—1282) жалованная грамота, выданная Мункэ-кааном куртскому малику, была возобновлена⁶⁴. Шамс ад-Дин отправился ко двору Абака-хана и в 1266/67 г. участвовал под его знаменами в войне с Берке-ханом.

Однако через несколько лет взаимоотношения Абака-хана с Шамс ад-Дином I Куртом испортились. Куртский малик с самого начала своего правления стремился к самостоятель-

⁶³ И ль х а н (буквально «хан племени, народа»), здесь в смысле «правитель улуса» (формально подчиненный великому хану монголов).

⁶⁴ Spuler, *Die Mongolen in Iran*, S. 157.

ности. Еще в 1248/49 г., т. е. до прихода Хулагу в Иран, Шамс ад-Дин I Курт арестовал и в присутствии монгольского шихны казнил некоего Шараф ад-Дина, назначенного в Герат в качестве «великого битикчи»⁶⁵. Шамс ад-Дин Курт обвинил этого битикчи в разорении жителей Герата и Гура произвольными поборами, конфискациями и взысканием податей путем истязаний, что вызвало массовые побегі податного населения⁶⁶.

Как и в других вассальных владениях Хулагуидов, куртские князья формально разделяли власть с ильханскими наместниками, в обязанности которых входили контроль над властью малика и сбор дани в пользу ильхана. Однако, как пишет И. П. Петрушевский, «на практике влияние шихны падало по мере роста могущества меликов Куртов, и чаще всего шихна не дерзал вступать в явный конфликт с меликом»⁶⁷.

В XIII в. куртские малики вносили часть налоговых поступлений в казну ильханского наместника Хорасана, а в казну самих ильханов от них регулярных взносов не поступало; в 1270/71 г. эмиры и везиры Абака-хана жаловались ему на то, что из подати Герата в падишахскую казну не поступает ничего⁶⁸.

В 1269 г. стремления Шамс ад-Дина к независимости проявились в поддержке им чагатайского хана Барака, врага Хулагуидов. Усиление куртского малика и его энергичная политика, направленная к достижению фактической независимости, побудили Абака-хана принять суровые репрессивные меры. В 1270 г. по его приказу из г. Герата были выселены все жители⁶⁹. Однако в 1272/73 г. по приказу того же Абака-хана город был вновь заселен и в нем произведена перепись населения⁷⁰.

В конце концов Шамс ад-Дин окончательно впал в немилость и в начале 1278 г. был умерщвлен в ханской ставке. По приказу Абака-хана его накормили отравленным арбузом⁷¹. По сохранным историками рассказам, Абака-хан испытывал такой страх перед Шамс ад-Дином, что распорядился отправить специального доверенного посланца, поручив ему удостовериться в смерти куртского малика и лично осмотреть его тело. Другое предание гласит, что в знак крайней немилости к покойному основателю династии Куртов

⁶⁵ Битикчи — термин, обозначающий в административной системе монголов чиновника, наделенного правами инспектирования (Петрушевский, *Земледелие*, стр. 264).

⁶⁶ Сейфи ал-Харави, 172—180.

⁶⁷ Петрушевский, *Труд Сейфи*, стр. 144.

⁶⁸ Там же, стр. 145.

⁶⁹ Сейфи ал-Харави, 330, 331.

⁷⁰ Петрушевский, *Труд Сейфи*, стр. 140.

⁷¹ Сейфи ал-Харави, 357.

Абака-хан приказал заковать мертвеца в цепи и так положить его в могилу.

При преемниках Шаме ад-Дина I Хулагуиды не оставили попыток ликвидировать династию Куртов или ограничить ее усиление. В конце XIII — начале XIV в. монголы, стремясь задержать хозяйственный подъем Герата, неоднократно разоряли его ⁷².

После убийства Шаме ад-Дина правителем Гератско-Гурского княжества стал его сын Рукн ад-Дин (1278—1294/95), который, придя к власти, стал именоваться так же, как отец, и известен в истории как Шаме ад-Дин Младший или Шаме ад-Дин II. В 1294/95 г. Шаме ад-Дин Младший отошел от дел и маликом стал его сын Фахр ад-Дин (1294/95—1307).

В начале 1300-х годов Фахр ад-Дин оказал открытое неповиновение вступившему на престол ильхану Улджайту, отказавшись принять присягу. Ильхан направил на Герат войско сначала под предводительством Данишменд-Бахадура, а затем эмира Буджая.

Несмотря на тяжелые последствия кратко описанных здесь политических событий, к началу XIV в. сила Гератско-Гурского княжества Куртов значительно возросла, в то время как государство Хулагуидов уже находилось на пороге упадка. В 1314 г. ильхан почел за лучшее примириться с Куртами, после чего нападения Хулагуидов на Герат прекратились.

Общественно-политический строй

При первых четырех ильханах в государстве Хулагуидов господствующее положение занимала монголо-тюркская кочевая знать. Первые Хулагуиды правили, опираясь в основном на многочисленные ополчения монгольских и тюркских кочевых племен. Организационное деление войска на тумены, тысячи, сотни и десятки соответствовало структуре племен и входивших в них подразделений. Сохраняя монгольские традиции, ильханы со своим двором совершали перекочевки. Часть года они жили в Багдаде и Табризе; лето проводили в горах, а зиму — в степях. Излюбленные места кочевий самих ильханов находились в Азербайджане и Ираке, а их наследники обычно отправлялись в Восточный Хорасан, в частности в Серахс и Бадгис ⁷³.

И во владениях куртских князей, в состав которых входил Бадгис, также имелись жившие там постоянно феодальные владетели из монгольской военно-кочевой аристократии. Над кочевым населением Бадгиса, состоявшим в основном, как отмечалось выше, из караунов, были поставлены мон-

⁷² Петрушевский, *Труд Сейфи*, стр. 141—143, 161.

⁷³ Рашид ад-Дин, пер. в изд. ИВАН, III, 61, 114.

гольские эмиры, у которых имелись свои вассалы «мулазимы» (или «нукеры» — «военные слуги»).

До перехода Герата под власть куртских маликов монгольские эмиры Бадгиса регулярно получали от прежних маликов Герата небольшие «дары». Первое время посылал «дары» и Шамс ад-Дин I Курт, но в 1258 г. он отказался от этого. Его отказ вызвал войну с эмирами Бадгиса, которые выступили против Шамс ад-Дина совместно с систанским маликом Али ибн Мас'удом. Однако Шамс ад-Дин I Курт восстановил свою власть над Систаном и обратил в бегство монголов ⁷⁴.

В Гератско-Гурском княжестве Куртов первенствующую роль со времени его основания играла местная, главным образом гурская и таджикская знать. В государстве же Хулагуидов в целом интересы старой иранской землевладельческо-городской знати вплоть до правления Газан-хана (1295—1304) ущемлялись монголо-тюркской кочевой аристократией.

В Иране первое время после монгольского завоевания уцелевшая часть местной феодальной знати хотя и сохраняла некоторое политическое значение, поскольку Хулагуиды нуждались в ее административном опыте, но потеряла значительную часть земли. В государстве Хулагуидов господствующий класс феодалов, по определению И. П. Петрушевского, состоял из четырех социальных групп: военной кочевой знати, гражданской бюрократии (преимущественно из персов), высшего духовенства и местной иранской провинциальной знати, не поддерживавшей связей с центральным государственным аппаратом ⁷⁵.

Положение трудящихся в хулагуидском государстве было чрезвычайно тяжелым. Оседлое население облагалось многочисленными налогами и, кроме того, обязано было выполнять тяжелые повинности. Крестьяне и горожане были обложены подушной податью. Монгольские власти часто взимали с населения и различные чрезвычайные поборы ⁷⁶.

Тяжесть налогового бремени и феодальной эксплуатации увеличилась вследствие бесконтрольности и произвола монгольских чиновников и военачальников, а также в связи с практикой сдачи сбора налогов на откуп. Подати нередко собирались по несколько раз в году, и взыскание их сопровождалось истязаниями и пытками. Нередко за недоимки налогоплательщики и их семьи продавались в рабство.

Спротивление крестьян невыносимому гнету и эксплуатации выражалось в побегах из деревень, в отказе от уплаты

⁷⁴ Петрушевский, *Труд Сейфи*, стр. 148, 149.

⁷⁵ Пингулевская и др., *История Ирана*, стр. 189.

⁷⁶ См. Беленицкий, *К вопросу о социальных отношениях*, стр. 115—118, 127 и сл.

налогов, участвовавших в Хорасане в 90-х годах XIII в., а иногда и в открытых восстаниях против монгольских властей и местных феодалов. В одном из таких восстаний (упомянуто в своде летописей Рашид ад-Дина), охватившем ряд городов и местностей Хорасана, в частности Бушендж, участвовали как крестьяне, так и горожане⁷⁷.

Городское население также облагалось очень тяжелыми налогами. Основным из них был налог «тамга», составлявший один из важнейших источников пополнения казны ильханов. «Тамга» взималась как с оптовой, так и с самой мелкой торговли, с ремесленных мастерских и со всех видов городских промыслов. Весьма разорительным и для ремесленников, и для крестьян, и для торговцев было принудительное установление монгольскими властями пониженных цен против рыночных при покупке товаров для казны и повышенных при продаже казной продуктов, собранных при взимании натуральных податей.

Часть ремесленников во время монгольского завоевания и в период господства Хулагуидов, была обращена в рабство. Многие искусные мастера были угнаны в Монголию, откуда мало кому удавалось вернуться. Оставшиеся в родных местах владели полурабское существование в крупных мастерских («кар-хане»), созданных по приказу хулагуидских властей. В них выделялось оружие и изготовлялись снаряжение и одежда для войска. Эти мастерские принадлежали казне ильханов или царевичей, а занятые в них ремесленники оставались из поколения в поколение на положении полурабов или даже рабов⁷⁸.

Будучи заинтересованными в процветании своей столицы, Курты предоставляли жителям Герата различные льготы. В 1298/99 г. малик Фахр ад-Дин освободил гератцев от уплаты чрезвычайных сборов в пользу ильханского дивана. Куртские малики, стремясь прослыть щедрыми повелителями, практиковали также раздачу беднякам хлеба и денег (из военой добычи)⁷⁹.

Однако в целом классовая сущность политики Куртов в отношении к райятам проявлялась в жестокой феодальной эксплуатации и налоговом гнете. По заключению И. П. Пег-

⁷⁷ Рашид ад-Дин, пер. в изд. ИВАН, III, 117.

⁷⁸ Известно о постройке одной такой государственной мастерской во владениях куртских маликов. По приказу ильхана Абака в 1264/65 г. «кар-хане» была сооружена около Герата. Правивший тогда Шамс ад-Дин I Курт добивался, чтобы мастерскую эту строили внутри Герата, но безуспешно. Монгольский шихна Меркитай воспротивился намерениям Шамс ад-Дина, основываясь на том, что по указам Чынгисхана и его преемников «никакой мелик или шихна не должен возводить построек (общественных?) внутри города Херата» (Петрушевский, *Труд Сейфи*, стр. 157).

⁷⁹ См. Петрушевский, *Труд Сейфи*, стр. 151.

рушевского, в общем система податей и повинностей во владениях Куртов еще при малике Гияс ад-Дине I (1307—1329) оставалась такой же, какой она была во всем государстве Хулагуидов, причем податное население сгонялось из отдаленных округов для строительства укреплений Герата, в городе работали закованные в цепи «мятежники» и т. п.⁸⁰

Княжество Куртов было «феодально-раздробленным владением (сеньорией), как и все государство Хулагуидов»⁸¹. Под непосредственной властью Куртов находились Гур и Герат с его округой. В остальных частях княжества управляли их вассалы, местные владельцы из таджиков, гурцев, афганцев и систанцев.

Эти владельцы титуловались маликами, хакимами и райсами. Малики имелись в Гарчистане, Талькане, Гурзиване, в Кусувийе, Бахерзе, Джаме, Серахсе и т. д. Вассалами этих феодалов были айяны и займы. В целом в феодально-иерархической системе, существовавшей в Куртском княжестве, И. П. Петрушевский установил четыре-пять рядов подчиненных друг другу категорий феодальных владельцев. На нижней ступени иерархической лестницы находились рядовые ленники — сипахи, «воины ополчения и слуги», наделенные земельными владениями (амлак)⁸².

Афганистан и афганцы в XIII—XIV вв.

И среди вождей Афганистана имелись райсы и займы⁸³. Следует оговорить, что термин «Афганистан» употребляется в данном случае в значении, какое он имел в источниках XIV в. применительно и к XIII в. Сопоставление сведений из этих источников позволяет сделать вывод, что в XIII—XIV вв. под Афганистаном подразумевались прежде всего районы Сулеймановых гор и непосредственно примыкающие к ним области до верховьев р. Гильменд на северо-западе и до берегов Инда на юго-востоке⁸⁴. Термин «Афганистан»

⁸⁰ Там же, стр. 151, 154, 155.

⁸¹ Там же, стр. 147.

⁸² Там же, стр. 147, 148.

⁸³ Сейфи ал-Харави, 222.

⁸⁴ О том, что именно р. Инд считалась в XIII в. границей «Афганистана», свидетельствует приведенное выше место из жалованной грамоты, выданной Мункэ-кааном куртскому малику Шамс ад-Дину I, из которого видно, что на юго-западе Афганистан граничил с Бустистаном, а на севере — с областью Тирах. Область Тирах, примыкающая к Хайбарскому проходу и населенная ныне афганскими племенами афридиев и оракзаев, в данном документе выделена и, возможно, в Афганистан не включалась. Причины этого неясны, так как афридиев есть основания считать исконным населением области Тирах или во всяком случае ее весьма давними обитателями. В исторической традиции и преданиях афганцев ничего не говорится о передвижениях афридиев в отличие от рассказов о передвижениях многих других племен.

в то время употреблялся, по-видимому, в этнико-географическом смысле. Под этим названием были известны области, издавна населенные афганскими племенами. Насколько можно судить по изложению в сочинении Сейфи военной истории Куртов, на юго-востоке в пределы «Афганистана» входил район Боланского прохода.

Сведения об Афганистане XIII — начала XIV в., хотя и отрывочные, но наиболее многочисленные и достоверные, сообщаются в сочинении Сейфи ал-Харави при описании походов куртских маликов. В остальных источниках XIV в. имеются отдельные упоминания, позволяющие судить главным образом о проникновении афганцев в Индию, об участии их в военно-политической истории Кермана и других стран и областей за пределами Афганистана того времени.

На покорение Афганистана или той части его, которая вошла в состав владений Куртов, Шамс ад-Дину I потребовалось около десяти лет. В 1252/53 г. он назначил в Афганистан своих должностных лиц: Джуху, Джамал ад-Дина Хасана амалдара, сипахдара Асада, Джамал ад-Дина Хасана Фируза и двадцать человек «из знатных и отважных людей Гура». Отправив с ними копию ярлыка Менгу-каана и алтамгу Аргун-аки, малик Шамс ад-Дин написал «высокий указ», в котором призывал вождей Афганистана, перечисляя их имена и титулы, подчиниться ему во исполнение предписанного в ярлыке и ссылаясь на свои наследственные права на власть над ними. Среди перечисленных в указе были «великие малики» Фахр ад-даула ва-д-Дин малик Шахан-шах, малик Миран-шах, малик Бахрам-шах, малик Тадж ад-Дин Хормуз Тари (تري), Хусам ад-дин Джавул, пахлаван Джалам (چلم), Синдан (سندان), Ахмед Тори (توري) и др.⁸⁵

«Великие малики» Афганистана признали власть Шамс ад-Дина I и обязались вносить ему через его податных чиновников такую дань, какую он укажет. Шахан-шах дал Джуху 30 рабов (برده). Однако через два года Шамс ад-Дину пришлось предпринять поход на г. Мастунг — резиденцию Шахан-шаха, чтобы добиться его повиновения, а затем совершить ряд походов против крепостей афганских вождей⁸⁶.

⁸⁵ Сейфи ал-Харави, 196.

⁸⁶ Мастунг — город, сохранивший свое название до нашего времени, расположен между Келатом и Кветтой в Белуджистане, неподалеку от Боланского горного прохода (ныне на территории Пакистана). Рассказывая о подчинении Шамс ад-Дином I Мастунга в начале 50-х годов XIII в., Сейфи попутно сообщает, что до Шахан-шаха «в этом вилайете в течение скольких-то лет хакимом был малик Вафа, а после него — малик Фахр ад-Дин Каджуран». Шахан-шах и его родственники — Миран-шах и Бахрам-шах — были не афганцами, а курдами (Сейфи ал-Харави, 198, 200, 201).

После успешной осады Мастунга в 1254/55 г. Шамс ад-Дин направился к крепости Тери (تیری) против афганца, по имени Алмар (المار), родственник которого — Хусам ад-Дин Джавул — подчинился куртскому малику. Выйдя из Мастунга, Шамс ад-Дин через пять дней прибыл к Тери⁸⁷. Овладев этой крепостью, куртский малик учинил над ее защитниками жестокую расправу. Алмара он приказал рубить пополам, пятидесяти его родственникам и приближенным выжечь глаза раскаленным железом, у других пятидесяти отрубить руки и ноги; 300 человек наказать палками; а остальных он «отдал» Хусам ад-Дину Джавулу⁸⁸.

Жестоко карая непокорных, Шамс ад-Дин I сохранял власть за теми афганскими вождями, которые признали свою вассальную зависимость и согласились уплачивать дань. Так, в 1260/61 г. куртский малик назначил правителем Мастунга одного из заимов Афганистана, по имени Хобо (هوبو), известного по прозвищу Сипахсалар (?) Гури. Отряд этого правителя состоял из афганцев и гурцев⁸⁹.

Кроме Мастунга и Тери Шамс ад-Дин I захватил и крепости Дуки, Саджи и др. В Афганистан совершали походы и преемники Шамс ад-Дина I.

В 1281/82 г. малик Шамс ад-Дин II взял штурмом Кандагар; в боях за Кандагар шли впереди и отличались гурские воины⁹⁰.

К сожалению, приведенными выше данными в сочинении Сейфи ал-Харави в основном ограничиваются сведения об афганцах в XIII в. Ценность имеющегося материала состоит в том, что он в известной мере характеризует общественные отношения у афганцев. Как уже отмечалось, правитель Мастунга Шахан-шах подарил Джаху, посланному куртским маликом, 30 рабов. Шахан-шах был курдом, а не афганцем. Однако есть все основания полагать, что и малики афганского происхождения в Афганистане того времени имели рабов. В сочинении Сейфи ал-Харави встречаются в описаниях военных событий и прямые указания имен афганских

---

⁸⁷ Сейфи ал-Харави, 205. Если только верно отождествление Мастунга с одноименным населенным пунктом в пакистанском Белуджистане, то крепость Тери, судя по пройденному расстоянию, находилась скорее всего где-то в районе верхнего течения Зхоба. Расстояние от современного Мастунга до Тери в Кохате (не менее 600 км) Шамс ад-Дин не смог бы преодолеть за пять дней. Возможно, что Сейфи неточно указал срок перехода.

⁸⁸ Сейфи ал-Харави, 207.

⁸⁹ Там же, 267. Хобо был вкоре выбит из Мастунга Тадж ад-Динном курдом.

⁹⁰ Сейфи ал-Харави, 370.

предводителей, имевших своих гуламов, райятов и слуг⁹¹. Афганские вожди титулуются этим автором как малики, мехтары, пахлаваны; в «Тарих-наме-йи Харат» говорится о знатных людях Афганистана — райсах, займах и т. д. Содержащиеся в сочинении Сейфи ал-Харави данные о социальных отношениях у афганцев вряд ли могут быть истолкованы иначе, чем серьезный довод в пользу предположения о том, что какая-то часть афганских племен уже к середине XIII в. была в довольно значительной степени феодализована⁹².

К сожалению, названия отдельных афганских племен упоминаются в сочинении Сейфи ал-Харави крайне редко, и по этому источнику невозможно, хотя бы в самых общих чертах, наметить районы расселения афганских племен и составить представление о родо-племенном составе афганцев или установить, какие именно племена были подчинены куртскими маликами. Одно из немногочисленных в сочинении Сейфи упоминаний отдельных афганских племен приводится в связи с рассказом о карательной экспедиции, посланной в 1257 г. Шамс ад-Дином I против «таифа» («толпа», «племя») афганских «разбойников». Экспедиция эта была предпринята по просьбе «райсов и займов» Афганистана. В их просьбе говорилось, что «в 70 фарсангах к югу от крепости Дуки⁹³ имеет-

⁹¹ В 1256 г. Шамс ад-Дин Курт осадил и взял крепость Дуки, которую оборонял афганец Синдан (*سندان*), собравший тысячу храбрых людей из своих «райятов, слуг и гуламов».

К защитникам крепости Дуки присоединилось также около тысячи «других людей из укрывающихся (*متواریان*) и разбойников с большой дороги» (Сейфи ал-Харави, 214, 215). И. П. Петрушевский, (*Труд Сейфи*, стр. 159) высказывает весьма правдоподобное предположение о том, что среди указанных в источнике «других людей» под «укрывающимися», или «беглыми», следует понимать беглых крестьян, каких было много в хулагуидских владениях.

⁹² Конечно, к сообщениям Сейфи об афганцах следует относиться критически, учитывая, в частности, условность титулатуры вождей (ибо такими терминами как «малик» у афганцев впоследствии обозначали лишь родовых вождей и деревенских старшин), а также то обстоятельство, что находившийся при дворе куртских феодалов Герата автор мыслил категориями его общества и, подобно средневековому испанским конкистадорам, называвшим Монтецуму императором, мог назвать «великим маликом» руководителя ополчений союза весьма архаических племен. Но Сейфи хорошо знал, что такое «райяты», и вряд ли можно сомневаться, что он употреблял этот термин, говоря и о людях афганских предводителей, для обозначения какой-то категории зависимого населения (может быть, подобной известным впоследствии у афганцев под названием «хамсая»).

⁹³ Сейфи ал-Харави, 222. Район Дуки, через который проходил затем в начале XVI в. Бабур (см. Бабур-наме, изд. Беверидж, лл. 150-а, 152-а и др.), судя по его маршруту, находился к западу от южных склонов Тахти Сулейман — на пути к озеру Аби Истада (район Дуки локализируют в округе Лоралаи Северного Белуджистана). Если только расстояние, указанное Сейфи ал-Харави, сколько-нибудь соответствует действитель-

ся группа разбойников, которых называют гинган (?) и нахаран⁹⁴. Вот уже сто лет эта группа держит под ударом дорожку и грабит купцов, послов и путешественников, которые из краев и стран Запада проезжают в Хиндустан»⁹⁵.

Место обитания племен афганских «разбойников», о которых сообщает Сейфи ал-Харави, можно лишь ориентировочно поместить на территории нынешнего пакистанского Белуджистана⁹⁶.

В исторической литературе высказывается предположение о том, что опустошение монголами земледельческих оазисов и городов способствовало расселению афганцев из Сулеймановых гор в обезлюдившие местности, в частности в район Кабула. При этом исходят также из соображений, что афганцы — кочевники и горцы — пострадали от монгольского нашествия все же меньше, чем жители оазисов и городов.

Не отрицая вероятности подобных рассуждений, следует, однако, подчеркнуть, что подтверждающие их факты весьма немногочисленны и отрывочны⁹⁷. Сведений о жизни афганцев в период, предшествовавший монгольскому нашествию, настолько мало, что на вопрос о том, совершались ли до XIII—

ности, эти афганцы находились где-то на путях от Сиби к Инду или к югу от района Нушки-Калат-Харан, т. е. в нынешнем пакистанском Белуджистане.

⁹⁴ Для названий гинган (گنگان) и нахаран (نهاران) вряд ли можно найти соответствия среди известных по более поздним данным наименований афганских племен и хелей. Вероятно, что гинган и нахаран были племенами пришлыми и именовались «афганскими разбойниками» либо в силу того, что ассимилировались афганцами, либо потому, что обитали на их землях. Если признать сколько-нибудь реальным указанный в источнике срок (около 100 лет), время прихода их определится 50-ми годами XII в., когда происходили значительные передвижения тюркских племен из области Балха в сторону Индии. Не исключено, что гинган — одно из тюркских племен Балха, известное в арабских источниках под именем كنجيه, переселившихся с давних времен в Тохаристан, и связанное с халаджами (см. *Тарих-и Систан*, 215, прим. Бехара к слову «халадж»). Племя نهران могло быть одним из тюркских племен или каким-то образом по своему названию связанным с именем одного из родоначальников племени (и династии) шансабани نهاران, как звали отца гурокого эмира Банджи (см. Джузджани, изд. Нассау-Лиса, 35).

⁹⁵ Сейфи ал-Харави, 222.

⁹⁶ Во многих других случаях походы Шамс ад-Дина I в Афганистан, описываемые Сейфи ал-Харави, были направлены против населения районов, прилегающих к Боланскому проходу, а также, по-видимому, и находящихся к югу и к юго-востоку от него.

⁹⁷ Одно из сообщений Сейфи ал-Харави, отмеченное И. П. Петрушевским, показывает, что даже земледельческие районы Афганистана были разорены все же меньше Гератского оазиса или во всяком случае в них раньше восстановилось хозяйство. При восстановлении Гератского оазиса в обмен за хлопок гератцы получили из Афганистана быков и земледельческие орудия (см. Петрушевский, *Земледелие*, стр. 69).

XIV вв. передвижения афганских племен, невозможно дать сколько-нибудь достаточно обоснованный ответ⁹⁸.

В отношении Кабула XIV в. имеется свидетельство арабского путешественника Ибн Баттуты, побывавшего там в начале 30-х годов этого века на пути в Индию. Он писал о деревне, находившейся на месте некогда большого города — Кабула. В ней, сообщал путешественник, живет ныне одно «аджамское»⁹⁹ племя, которое называют афганцами; это — сильное племя, занимающееся разбоем и обитающее в горах, из которых самая большая называется горой Сулеймана¹⁰⁰.

Вероятно, именно в XIV в. если не на месте самого г. Кабула, то в его окрестностях поселились юсуфзай и родственные и союзные им племена из объединения хахи¹⁰¹. Переселение их в этот район афганский автор XIX в. Мухаммед Хаят-хан датирует приблизительно началом XIV в.¹⁰²

В XIII—XIV вв. в довольно значительных масштабах происходило проникновение афганцев в Индию¹⁰³. В источниках отмечается наличие афганских отрядов в войсках правителей Индии¹⁰⁴.

В «Табакат-и Насири», как отметил Раверти, афганцы упоминаются только один раз, и именно в связи с Индией. В этом источнике сообщается, что в войске Улуг-хана, военачальника делийского султана Насир ад-Дина Махмуда (1241—1265), имелся отряд афганцев численностью в 3 тыс. всадников и пехотинцев. Храбрость и боевые качества этих воинов автор «Табакат-и Насири» восхваляет в самых пышных выражениях¹⁰⁵. Султан Гияс ад-Дин Балбан (1265—

⁹⁸ Поэтому нельзя признать обоснованным и высказанное И. М. Рейснером положение о том, что афганцы «лишь в сравнительно недавнее время (начиная примерно с XI в.) стали расселяться по всем занимаемым ими ныне территориям» (Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 30).

⁹⁹ Термином «аджам» у арабских авторов обозначались неарабы: персы, сирийцы, персы, индийцы (см. Крачковский, *Арабская географическая литература*, стр. 240).

¹⁰⁰ Ибн Баттута, III, 89.

¹⁰¹ Дарвеза, л. 73-б.

¹⁰² Мухаммед Хаят-хан, пер. Пристли, 101.

¹⁰³ О проникновении афганцев в Индию уже к началу XIV в. свидетельствуют, в частности, некоторые данные топонимии. Как отмечено К. З. Ашрафян, в числе упомянутых историком Барани городов и областей Индии, включенных по приказу Ала ад-Дина (1296—1316) в состав земель казны, был населенный пункт Афганпур (Ашрафян, *Тарих-и Фирӯз-шахи*, стр. 419).

¹⁰⁴ Индийские авторы обычно не различали, из каких племен происходили те или иные афганские военачальники и их отряды, и для обозначения афганцев употребляли выражение «халаджи и афганцы». Начиная с походов Гуридов, халаджи (или хильджи) ипрали все большую роль в военных и политических событиях, происходивших в Индии.

¹⁰⁵ Дожуджани, пер. Раверти, 315.

1287) разместил афганские гарнизоны (выдвинутые против восставших индийцев Доаба) в трех важных укрепленных пунктах: Бходжпуре, Кампиле и Паттали¹⁰⁶.

Во время правления династии Хильджи (1290—1321) роль афганских военных контингентов в войсках Индии возросла. В источниках появляются сообщения об участии афганских эмиров в некоторых важных военно-политических событиях, происходивших в Индии.

В годы правления Мухаммеда Туглака (1325—1351) афганцы под предводительством своего вождя малика Шаху Лоди восстали в Мультане и убили тамошнего правителя Бехзада. Это восстание произошло, согласно Бадаони, около 1340/41 г.¹⁰⁷

В восстаниях, которые произошли в 1345 г. в Гуджарате и Девагири (Давлатабад), активную роль играли «эмиры сотен», среди которых были и афганцы. В Девагири, как пишет Барани, восставшие эмиры расправились с султанскими чиновниками, захватили казну, сделали Исмаила Мых Афгана, брата малика Йил Афгана, который был одним из эмиров сотен войска Девагири, своим вождем и посадили его на престол. Имущество и казна были разделены между всадниками и пехотинцами, а вилайет маратхский мятежники разделили между всеми эмирами сотен. Далее сообщается, что после подавления восстания в Девагири братья Мых Афгана бежали «в свои вилайеты»¹⁰⁸.

На основании некоторых сведений из справочной литературы XIX в.¹⁰⁹ и преданий афганских племен можно с известной степенью хронологической достоверности отметить перемещения местного характера, происходившие на правобережье Инда в XIII—XIV вв. Так, племена группы лоди, по-видимому, начали с конца XII и в XIII в. переселяться в центральный Дераджат, на равнину Дамана по правому берегу Инда. Согласно этим данным, лодийские племена пранги, сур и сарвани, по-видимому спускаясь с Сулеймановых гор, уже с конца XII в. поселялись в северной части области Дера Исмаил-хан на правобережье Инда. Вероятно, не позже XIII в. в бассейне Курама и в долине Банну поселились племена мангаль и хани. В XIV—XV вв. эти два маленьких племени были вытеснены баннучами. Примерно в то же время бангаши овладели землями верхнего Курама. Вероятно, в XIV в. были оттеснены хаттаки из болотистых, но плодо-

¹⁰⁶ Imatuddin, *The nature of Afghan monarchy*, p. 268.

¹⁰⁷ Бадаони, 101.

¹⁰⁸ Ашрафян, *Тарих-и Фируз-шахи*, стр. 118.

¹⁰⁹ Прежде всего в «газеттирах» — официальных справочных изданиях по афганским районам северо-западной Индии (о них см. «Обзор источников и литературы», наст. изд., т. II).

родных районов, прилегающих к р. Кураму, в занимаемые ими до настоящего времени местности Коката.

В XIII—XIV вв. отряды афганцев принимали участие в событиях, происходивших в Кермане. Появление в этой области афганцев связывается с мероприятиями Абака-хана по укреплению ее границ. «Эти афганцы и джерманы суть племена, которые во времена отца султана Джалал ад-Дина Суйюргутмыша, деда шаха Шуджи по материнской линии, были затребованы Абака-ханом, чтобы поселить их в вилайете Керман для защиты этого отдаленного от царской резиденции края»¹¹⁰.

В «Матла ас-Саадайн» об афганцах Кермана говорится следующее: «Они монголы. У них есть жрец, которому поклоняются как идолу. Мусульманские улемы издали фетву, объявляющую их кафирами, а их жизни и имущество — вне закона»¹¹¹. В «Тарих-и гузиде» сообщается, что верования афганцев Кермана похожи на монгольские, причем упоминается либо жрец, которому поклонялись, как богу, либо идол, называвшийся джалиг¹¹².

В сообщениях источников афганцы Кермана часто сблизаются с тюрками и монголами и упоминаются в тесной связи с хазарейцами, а иногда даже прямо причисляются по своему происхождению к монголам. Пытаясь объяснить причины такого, явно неправильного объяснения происхождения афганцев, Б. А. Дорн предположил, что в данном случае речь идет о хазарейцах, основным местом обитания которых стали земли афганцев. Впоследствии же этих хазарейских пришельцев начали называть «афганскими» или «афганцами»¹¹³. Предположение это весьма правдоподобно. Но не исключено, что в Кермане были и настоящие афганцы (вместе с монгольскими и тюркскими племенами), однако афганцы уже в XIII в. (по Сейфи ал-Харави) были мусульманами¹¹⁴.

¹¹⁰ Хафиз-и Абру, рук., л. 134-б.

¹¹¹ [Dorn], *A history of the Afghans*, p. 66. Словом «жрец» Б. А. Дорн перевел термин جالغ, читая его как جالغی. Возможно, что у некоторых афганских племен в XIII—XIV вв. сохранялась власть вождей-жрецов, имевшая сакральный характер; глухие пережитки этого явления применительно к хан-хелю гильзаев отмечены в XIX в. (см. Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 60 и прим. 4).

¹¹² Хамдаллах Казвини, *Тарих-и гузиде*, II, 644.

¹¹³ [Dorn], *A history of the Afghans*, pp. 66—68.

¹¹⁴ В сообщениях об афганцах Кермана встречается термин «хель», употреблявшийся для обозначения либо рода афганцев, либо отряда или военного лагеря (см. Хамдаллах Казвини, *Тарих-и гузиде*, 643). Имена афганских военачальников, встречающиеся в этом источнике — монгольские и тюркские: امیر شیخ علی اولاغ، امیر تقطای اوغانی علی قرچی. Может быть اوغانیان в Кермане были тюрками; название اوغان включалось в список 92 «узбекских племен» XVI в.

Хафиз-и Абру, описывая события в Кермане, в которых принимали участие афганцы, часто упоминает о них в связи с джерманами и хазарейцами. Сообщая о том, что Маулана Шамс ад-Дин Джермани, разорив берега Хормуза, наплавился в Сардсир Кермана, Хафиз-и Абру пишет, что этот Маулана, «приведя с собой хазара, афганцев и джерманов, вознамерился покорить Керман»¹¹⁵. Далее он рассказывает о выступлении шаха Шуджа «для истребления афганцев и джерманов», об эмире Баку, который был эмиром пятисот афганцев, о походе шаха Шуджа «в сторону Афган и других границ Кермана» и т. д. Керман в этих описаниях изображается как область, соседняя с районами обитания афганцев. Однако имеющиеся в источниках упоминания об афганцах в Кермане заслуживают внимания историков, и их изучение в сопоставлении с другими данными может помочь осветить некоторые пока неясные вопросы средневековой истории афганцев и белуджей (джерман)¹¹⁶.

Реформы Газан-хана

К концу XIII в. жестокая эксплуатация оседлого населения и феодальные войны привели к запустению ряда областей хулагуидского государства. По свидетельству Рашид ад-Дина, посевные площади резко сократились и во многих областях обрабатывалась только десятая часть пригодных земель¹¹⁷. Разрушение производительных оил в сельском хозяйстве и упадок городов и ремесел особенно усилились к 90-м годам XIII в., к этому же времени расстроилось и денежное обращение.

Создавшаяся обстановка вынудила часть монголо-тюркской знати пойти на сближение с местными феодалами и принять меры к упорядочению административной системы, укреплению государства и восстановлению хозяйства. Попытку выполнить эти задачи предпринял ильхан Газан (1295—1304)¹¹⁸. Видную роль в подготовке и проведении реформ сыграл его ближайший советник и один из везиров Рашид ад-Дин — ученый, врач и знаменитый историк.

В результате реформ был укреплен административный аппарат, упорядочено налогообложение и взимание податей, введены единые для всего государства монетная система и меры веса и длины. По указу Газан-хана всех райятов, бежавших в течение предшествовавших тридцати лет, предпри-

¹¹⁵ Хафиз-и Абру, рук., л. 132-а.

¹¹⁶ Там же, лл. 134-б и сл., 137-б, 139-а и сл.; ср. также Му'ин ад-Дин Натанзи, изд. Обена, 177—179.

¹¹⁷ Рашид ад-Дин, пер. в изд. ИВАН, III, 150—152.

¹¹⁸ Характеристику социальной политики Газан-хана и сущности его реформ см. в кн.: Петрушевский, *Земледелие*, стр. 55—60.

сывалось возвратить обратно, у кого бы они ни находились. Прикрепление к земле всех райятов и предписание возвратить беглых свидетельствуют о феодальной сущности реформ Газан-хана. При этом с целью восстановления хозяйства и увеличения налоговых поступлений в казну были отменены некоторые разорительные подати и повинности, проводились меры, направленные к фиксации размера податей и устранению произвола при их взыскании.

Была отменена прежняя система содержания войска, при которой военачальники и воины получали деньги и продукты, собиравшиеся с оседлого населения государственными чиновниками, что сопровождалось множеством злоупотреблений. Взамен этого Газан-хан издал в 1303 г. указ о наделении землей всех монгольских воинов, включенных в списки (дафтар) феодального ополчения (черик). Получившие наделы (икта) были обязаны нести военную службу и платить небольшой сбор в пользу государства. Монгольские военачальники и воины получали земли в наследственное владение с правом взимать с жителей пожалованных земель налоги и подати, вносившиеся прежде в казну.

При осуществлении указа большие массивы земель, иногда целые вилайеты, отдавались в икта эмирам тысяч, т. е. вождам ветвей монгольских племен. Каждый эмир делил полученный им округ на десять частей между сотниками, которые распределяли свои части между начальниками десятков, а те — между рядовыми воинами. Все это распределение сверху донизу проводилось по жребию¹¹⁹.

Земли икта продолжали считаться государственными. Продавать их было нельзя. Они переходили от отца к сыну или к другому родственнику по наследству, но могли быть отняты за плохую службу. Условные земельные владения в государстве Хулагуидов имели не только военные, но и гражданские лица — чиновники и духовенство¹²⁰.

Земли, находившиеся в распоряжении мусульманских духовных лиц на правах вакфа, при Газан-хане значительно увеличились¹²¹.

---

¹¹⁹ Петрушевский, *Земледелие*, стр. 264. Такой способ раздела пожалованной земли по жребию имеет некоторое сходство с известными по более поздним данным разделами завоеванных земель между ветвями и подразделениями афганских племен, с последующими их регулярными переделами (обычай «веш»). Однако нет оснований предполагать заимствование этого института афганцами у монголов. Вероятно, что у монголов раздел земли по жребию, как и у афганцев, ведет свое происхождение от древних обычаев племен, сходных в силу общности социально-экономических отношений родового строя.

¹²⁰ См. Петрушевский, *Феодальные институты*, стр. 203.

¹²¹ Газан-хан принял ислам, что обеспечило ему поддержку со стороны оседлой иранской и кочевой тюркской знати.

Реформы Газан-хана укрепили государство Хулагуидов только на время и ненадолго задержали его распад.

Государство Куртов в XIV в.

Еще в период, когда государство Хулагуидов было сравнительно сильным, куртским маликам удалось укрепить свое княжество, расширить его пределы и ослабить степень своей вассальной зависимости. В начале XIV в. по мере ослабления Хулагуидов Куртское княжество обретало все большую политическую независимость. Фактической самостоятельности Гератско-Гурского княжества удалось добиться к концу своего правления Гияс ад-Дин I (1307—1329).

В 1312/13 г. Гияс ад-Дин Курт был обвинен в измене и вызван в ставку ильхана. После примирения с Улджайту куртский малик снова вернулся в Герат. Однако к нему был приставлен монгольский шихна по имени Аюб¹²². В 1319/20 г. ильхан освободил население Гератской области на три года от уплаты податей «калан» и «кубчур» и чрезвычайных сборов для дивана Хорасана¹²³.

Гияс ад-Дин I Курт значительно усилил свои позиции в результате борьбы с чагатайским царевичем Ясавуром Никудери. Этот царевич был изгнан из Средней Азии и нашел убежище в Хорасане, где в 1317 г. поднял восстание против ильхана. Гияс ад-Дин I по приказу хулагуидских властей начал борьбу с мятежниками. Куртскому малику удалось разбить отложившихся от него и перешедших на сторону Ясавура вассальных владетелей Бахерза, Фараха и Исфизара. В 1320/21 г. Ясавур Никудери был убит в сражении с войском куртского малика, поддержанного чагатаями, пришедшими из-за Аму-Дарьи.

Оставаясь формально вассалом Хулагуидов и поддерживая хорошие отношения с ильханом Абу Саидом (1318—1335), Гияс ад-Дин I пользовался все в большей мере фактической независимостью¹²⁴. Вскоре после смерти Абу Саида государство Хулагуидов распалось¹²⁵.

Государство Куртов, получившее полную независимость после распада державы Хулагуидов, просуществовало еще около полувека. После малика Гияс ад-Дина I Курта в течение короткого времени правил сын его Шамс ад-Дин III Мухаммед, умерший через несколько месяцев после прихода к власти. Не-

¹²² Петрушевский, *Труд Сейфи*, стр. 142.

¹²³ Там же, стр. 146.

¹²⁴ Афганский историк Гарджистани считает, что уже малик Фахр ад-Дин, отец Гияс ад-Дина, освободился от власти ильханов и основал независимое царство (ص ۲۲، ملوک کرت، غرہستانی).

¹²⁵ В 1353 г. ставка последнего ильхана Туга Тимур-хана была разгромлена восставшими сарбадарами и сам он был убит.

долгим было и правление другого сына Гияс ад-Дина I — малика Хафиз Мухаммеда, вступившего на трон совсем юным¹²⁶. По словам гератских историков, Хазиф Мухаммед, наделенный удивительной красотой и способностями к искусству, не обладал данными, необходимыми для правителя. Во всяком случае он не сумел обеспечить повиновения гурского гарнизона в столице и был убит гурцами в 1331 г. в гератской цитадели. После этого убийства гурцы «посадили на царство» малика Хусейна, которому тогда было не более 14 лет¹²⁷. При вступлении на престол малик Муызз ад-Дин Хусейн (1331—1370), сын Гияс ад-Дина I, признавал еще свою вассальную зависимость от Хулагуидов и получил от ильхана Абу Саида халат и ярлык¹²⁸. Однако вскоре, по-видимому после смерти Абу Саида (1335 г.), малик Муызз ад-Дин Хусейн Курт стал не только фактически, но и формально независимым государем. В 40-х годах XIV в. он распространил свою власть на ряд горных районов и добился успехов в войнах с соседями. Стремясь показать, что он обладает всеми правами суверенного государя, Муызз ад-Дин ввел при своем дворе «наубу», торжественную церемонию, которая совершалась пятью разами в год (в пятничной молитве («хутбе»)), и он чеканил в Герате свою монету (табл. 27)¹²⁹.

По данным Казвини, относящимся примерно к 1340 г., в состав гератских владений куртского малика входило девять туменов: вилайеты Исфизар, Фушендж, Бахерз, Бадгис, Джем, Чишт, Хаф, Гур и Гарча (т. е. Гарчистан), Зава. Но уже к концу XIII в. кроме этих вилайетов власть Куртов в той или иной мере распространялась также на Серахс, Фарах, Систан, Афганистан¹³⁰.

В середине XIV в., по данным Хафиз-и Абру, в состав владений Муызз ад-Дина Хусейна входили Бадгис и территории по среднему течению Мургаба «до Серахса и Мерва»¹³¹.

Это большое государство, как и другие феодальные государства того времени, не было централизованным, и власть

¹²⁶ Фасих, л. 356-6.

¹²⁷ Хафиз-и Абру, рук., л. 266-а.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Куртские монеты довольно редки, однако уже в XIX в. они имелись в нумизматических собраниях. Серебряная монета Муызз ад-Дина Хусейна Курта, выпущенная в Герате в 1351/52 г., была издана Стэнли Лен-Пулем (*Catalogue of oriental coins in the British museum*, vol. VI, p. 203, pl. VIII, № 592). О находке нескольких куртских монет в Средней Азии см. Маусон М., *Исторический этюд*.

¹³⁰ Петрушевский, *Труд Сейфи*, стр. 143, 144.

¹³¹ МИТТ, I, стр. 529. Балхом, Тальканом, Андхудом, Шибирганом и далее до пределов Бамиана и Бадахшана управляли в то время эмиры Мавераннахра.

Куртов над своими многочисленными вассалами (как, например, над владетелями Систана) была часто лишь номинальной. Под непосредственным управлением Куртов находились Гур и Герат.

Последствия монгольского нашествия. Герат при Куртах

История государства Куртов в XIII—XIV вв. охватывает период постепенного преодоления разрушений, причиненных монгольским завоеванием и последовавшим за ним гнетом монголо-тюркской кочевой аристократии. К 40-м годам XIV в. тяжелые последствия этих разрушений во многих частях территории современного Афганистана еще далеко не полностью были преодолены. Так, по свидетельству Ибн Баттуты, на месте Кабула (в прошлом большого города) находилось сравнительно незначительное селение; от Газни сохранилась только меньшая часть, Балх был полностью разрушен. Ибн Баттута пишет, что по пути от Термеза к Балху он полтора дня ехал по безлюдной и пустынной местности. Панджшер с его некогда знаменитыми серебряными рудниками Ибн Баттута нашел также опустошенным и разоренным¹³².

Вероятно, «известное возрождение сельского хозяйства», наблюдавшееся в XIV в., по сообщениям источников, в ряде районов хулагуидского государства, почти не коснулось этих обезлюдивших городов и местностей.

Правда, по данным «Нузхат ал-Кулуб» Хамдаллаха Казвини, сведенным в таблицы и проанализированным И. П. Петрушевским, в Кабулистане для орошения использовались не только ручьи и горные источники, но также и речные каналы¹³³. Талькан упоминался среди районов разведения лучших сортов винограда, сообщалось о возделывании сахарного тростника в Кабуле (по-видимому, в районе Нинграхара—Джалалабада). О Шибиргане еще Марко Поло писал, что там было «всего вдоволь». Он особенно хвалил шибирганские дыни, утверждая, что там они «лучшие в мире» и что сушеные дыни вывозят из Шибиргана «во все окрестные страны» и т. д.¹³⁴.

О Кандагаре Хамдаллах Казвини сообщал как об области, в которой много городов и возделываемых местностей, где производится зерно, однако сбор фруктов незначителен¹³⁵.

Свидетельства Ибн Баттуты в сопоставлении с материалом других источников дают основание полагать, что в западной

¹³² Ибн Баттута, III, 58—60, 85, 86.

¹³³ Петрушевский, *Земледелие*, стр. 134, 204, 231.

¹³⁴ Там же, стр. 223; Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-Кулуб*, изд. Ле Стрэнджа, II, 254; Марко Поло, 72, 73.

¹³⁵ Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-Кулуб*, изд. Ле Стрэнджа, II, 254.

части территории современного Афганистана — Систане и в особенности в Гератской области — в рассматриваемое время сельское хозяйство и города были восстановлены в большей степени, чем в Кабуле и Газни, а также чем в таких районах левобережья Аму-Дарьи, как Балх. В разделе о «больших реках» Хамдаллах Казвини при перечислении 35 крупнейших рек хулагуидского государства, воды которых использовались для орошения, упоминал Гильменд, Фарахруд, Герируд и Мургаб. При этом он указывал, что водами Фарахруда орошалось «много вилайетов», из Гильменда было выведено девять больших каналов, которые орошали посевы во многих вилайетах, в частности в Фушендже, и т. д.¹³⁶ Казвини, сообщая о значительных поселениях и изобилующих садами местах в округе Фушендж, писал: «...говорят, есть там сто с лишним сортов винограда, а мельницы там все ветряные»¹³⁷. В источниках сообщается также о земледелии в Бадгисе и в других районах, соседних с долиной Герируда.

Хозяйство Герата и непосредственно прилегающих к этому городу районов в начале XIV в. уже достаточно окрепло и в дальнейшем развивалось довольно успешно, хотя, как и в большей части хулагуидского государства, не достигло еще уровня домонгольского времени¹³⁸. В период господства Хулагуидов монголы неоднократно осаждали и грабили Герат, однако город быстро восстанавливался.

В. В. Бартольд связывал рост Герата после монгольского нашествия с упадком Мерва, также разрушенного монголами, но восстановленного гораздо позже, лишь в начале XV в.¹³⁹

Развивая эту гипотезу, М. Е. Массон указывает в качестве причины экономического роста Герата на положение этого города на пересечении торговых путей между Западной Азией, Туркестаном, Китаем и Индией при отсутствии конкуренции со стороны находившихся тогда в страшном разорении Мерва и Балха¹⁴⁰. И. П. Петрушевский, присоединяясь к этому тезису, упоминает также об усилении политического могущества династии Куртов и о восстановлении ими городских укреплений Герата в XIII в., однако в контексте, из которого видно, что этим двум последним обстоятельствам придается лишь очень небольшое значение¹⁴¹.

Сами по себе укрепления Герата в XIII — начале XIV в. сколько-нибудь решающей роли в событиях действительно не

¹³⁶ См. Петрушевский, *Земледелие*, стр. 118, 119, 135, 136.

¹³⁷ Там же, стр. 91.

¹³⁸ Там же, стр. 92, 93.

¹³⁹ Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*, стр. 32, 38.

¹⁴⁰ Массон М., *К исторической топографии Герата*, стр. 124.

¹⁴¹ См. Петрушевский, *Труд Сейфи*, стр. 154, 155, 161.

играли, ибо, как на основании извлеченных из сочинения Сейфи сведений показал И. П. Петрушевский, гератские стены не спасали город от хулагуидских монголов. Что же касается политического фактора, то его в данном случае вряд ли можно недооценивать. Одним из определяющих моментов конкретной исторической обстановки, в которой происходило развитие Герата с середины XIII в. до начала 80-х годов XIV в., было то, что этот город в течение всего данного периода оставался стольным городом Куртов и близко соседствовал с ядром их государства — труднодоступным для врага Гуром. Эти обстоятельства несомненно способствовали сравнительно быстрому восстановлению города после неоднократных погромов, учинявшихся хулагуидскими монголами.

Таких условий в рассматриваемое время не было ни у Мерва, ни у Балха, так же как и Герат очень выгодно географически расположенных и в былые времена славившихся как крупнейшие торговые центры. Если отвлечься от фактов политической истории и ограничиться констатацией географических предпосылок, вряд ли удастся сколько-нибудь удовлетворительно объяснить, почему Мерв и Балх так долго лежали в развалинах, а Герат, восстановленный, правда, по почину монгольских властей, но потом монголами же много раз разрушавшийся, вновь и вновь возрождался и восстанавливался.

Дальнейшее изучение пока еще малоизученного государства Куртов XIII—XIV вв. во многих отношениях важно для истории афганцев и Афганистана этого времени. Большой интерес исследование данного периода представляет, в частности, для более глубокого понимания предыстории расцвета Герата в XV в. при Тимуридах, когда он стал крупнейшим городом Среднего Востока и прославленным центром культуры и искусства.

Монгольское нашествие нанесло тяжелый удар хозяйству и культуре стран, завоеванных конными полчищами Чингисхана и его преемников. Изложенные выше события показывают, как тяжело нашествие Чингисхана и хулагуидское владычество сказались на судьбе Герата и Гератской области. Однако не смотря на это XIII и XIV вв. отнюдь не были временем полного культурного застоя Герата, сменившегося затем будто бы неожиданным взлетом во всех областях культурной жизни при Тимуридах.

Конечно, во времена господства Куртов Герат еще далеко не достиг той степени процветания, которую принес ему XV в. Но в городе и при Куртах велись довольно крупные строительные работы: реставрировалась гератская соборная мечеть, воздвигались новые здания, были созданы мощные укрепления. Известного развития достигла поэзия, существовала своя исто-

риография. Некоторые куртские малики покровительствовали развитию литературы. При дворе Фахр ад-Дина Курта находились сорок стихотворцев, одним из которых был и неоднократно упоминавшийся выше историк Сейф ад-Дин ибн Якуб ал-Харави. В его летописи приведены многочисленные отрывки из произведений местных гератских поэтов, творчество которых еще ждет литературоведческого исследования.

К сожалению, пока еще нет достаточных данных для сколько-нибудь полной характеристики памятников материальной культуры Герата времени Куртов; имеющиеся в нашем распоряжении сведения об этих памятниках ограничиваются отрывочными сообщениями письменных источников. Некоторые из этих сообщений мы приведем в следующей главе, в очерке культуры и искусства тимуридского Герата. Здесь отметим только, что знаменитая гератская цитадель «Ихтияр ад-Дин» была построена куртским маликом Фахр ад-Дином, а малик Муызз ад-Дин Хусейн значительно усилил городские укрепления, возведя защищавшую Герат с востока и севера стену, протяженность которой составляла один фарсах (около 7 км)¹⁴². При Куртах в Гератском оазисе были проведены два новых канала, построен мост Пул-и Мияна на 44 арках и возведен ряд городских зданий¹⁴³.

О классовой сущности внутренней политики Куртов, выражавшейся в тяжелой феодальной эксплуатации крестьян и налоговом гнете, в использовании принудительного труда поданных на строительных работах и в жестоком подавлении народных движений, уже говорилось выше. В религиозной политике Куртов классовая ее сущность проявлялась в жестоких преследованиях исмаилитов и других «еретиков», в содействии укреплению в Герате духа официального, во многом ханжеского, благочестия.

Последние Курты вели ожесточенную борьбу с государством сарбадаров, возникшим в Южном Хорасане в 1336 г.¹⁴⁴. В движении сарбадаров главную роль играли ремесленники и крестьяне, но к ним примкнула также часть мелких феодалов и городской знати. Характеризуя классовую сущность государства сарбадаров Южного Хорасана, И. П. Петрушевский определяет его как «государство мелких феодальных землевладельцев, которое, однако, могло существовать лишь благодаря значительным уступкам, сделанным крестьянству»¹⁴⁵.

¹⁴² См. *Хафиз-и Аbru*, рук., л. 153-6; *Исфизари*, рук., лл. 27-6, 128-а, 162-а.

¹⁴³ См. Беленицкий, *Историческая топография Герата*, стр. 184—186, 191, 192.

¹⁴⁴ Об этом государстве см. Петрушевский, *Земледелие*, стр. 424—466.

¹⁴⁵ Такими уступками были снижение хараджа до 30% валового урожая и отмена всех других, «не основанных на шариате» податей и повинностей (там же, стр. 464—466).

В идеологии крайнего крыла сарбадаров Южного Хорасана проявлялись такие черты, свойственные идеологии народных движений XIV—XV вв. на Ближнем и Среднем Востоке, как проповедь равенства всех людей, требование одинаковой для всех одежды, стремление установить обычай общих трапез¹⁴⁶.

Сарбадарам принадлежит историческая заслуга освобождения уже в 30-х годах XIV в. Южного Хорасана от монгольского ига. Разгромив 13 декабря 1353 г. ставку последнего ильхана Туга Тимур-хана, они нанесли окончательный удар господству Хулагуидов¹⁴⁷.

Сарбадарские проповедники выступали и во владениях Куртов, в частности в самом Герате. Вряд ли можно сомневаться в том, что среди причин, побуждавших Куртов к войнам с государством сарбадаров, определенную роль играли классовые противоречия, выступавшие в религиозно-идеологической форме.

В первой крупной войне против сарбадаров куртский малик Муызз ад-Дин Хусейн выступал союзником ильхана Туга Тимур-хана. В 1341/42 или в 1342/43 г. сарбадары разбили феодальное ополчение кочевников этого ильхана, после чего попытались распространить свою власть на весь Хорасан и выступили в поход против малика Муызз ад-Дина Хусейна. Куртский малик, собрав большое войско, в состав которого входили воины Хайсара, таджики, гурцы, турки, халаджи, никудери, санджари и белуджи, двинулся навстречу сарбадарам. В решающем сражении, происшедшем 18 июля 1342 г. в двух фарсах (около 14 км) от Заве, сарбадары были разбиты. Упорную борьбу с сарбадарским государством Южного Хорасана вел последний куртский малик Гияс ад-Дин II Пир Али (1370—1381). Он овладел богатыми и плодородными восточными районами этого государства и в 1375/76 г. захватил г. Нишапур¹⁴⁸. Наконец в 1381 г., когда на Хорасан двинулся Тимур, со страшной жестокостью подавивший народное движение сарбадаров, а также сокрушивший и независимое государство Куртов, малика Гияс ад-Дина II Пир Али не было в Герате. Он увел как раз к этому времени свои лучшие войска из столицы в поход против сарбадаров.

Описанные в этой главе события относятся к числу самых тяжелых в истории народов Афганистана. С начала XIV в. стали создаваться более или менее благоприятные условия для постепенного преодоления страшных последствий монгольского нашествия. Однако всего через несколько десятилетий после освобождения от хулагуидских монголов в Хорасан и Си-

¹⁴⁶ Там же, стр. 423, 424.

¹⁴⁷ Там же, стр. 453—455.

¹⁴⁸ Там же, стр. 443, 444, 461, 462.

стан вторгся Тимур. К этому времени Герат, уже в конце XIII—начале XIV в. окрепший и усилившийся несмотря на частые нападения хулагуидских монголов, стал крупным городом; возрастало его значение как ремесленно-торгового центра и увеличилась политическая роль как столицы правителей из гурской династии Куртов, выступавших в качестве преемников Гуридов. Ядром государства куртских маликов были Гератская область и Гур, находившиеся непосредственно под их управлением. В Гератской области и в Систане в известной мере была восстановлена ирригационная сеть и развивалось основанное на орошении земледелие.

Имеющиеся в источниках упоминания об афганцах дают основания полагать, что афганские племена населяли в XIII—XIV вв. Сулеймановы гора и некоторые из прилегающих к ним местностей до р. Инд, а также жили в Кандагарской области и в горах и пустынях современного пакистанского Северного Белуджистана, возможно распространяясь на юг до пределов Кермана. Свидетельство Ибн Батуты об афганцах в Кабуле согласуется с относящимися к XV в. рассказами об участии хахи и родственных им афганских племен в политических событиях, происходивших в Кабульской области при Тимуридах. Из этого можно заключить, что афганцы входили в состав населения Кабульской области не позднее чем с XIV в.

Сообщения об афганских вождях и наличии у них зависимых или подданных, встречающиеся в «Тарих-наме-йи Харат» при описании событий середины XIII в., позволяют предполагать, что к тому времени какая-то часть афганских племен была феодализована.

Упоминания об участии афганских отрядов в событиях, происходивших в соседних с основными местами расселения афганцев странах и областях, дают основания считать, что во второй половине XIII—первой половине XIV в. отдельные афганские племена или их подразделения находились в Индии (прежде всего в ближайшем к афганским землям Мультане), а, возможно, и в Иране (Керман и Шираз).

Глава XI

ТИМУР И ТИМУРИДЫ

В 60-х годах XIV в. в Мавераннахре к власти пришел Тимур (род. в 1336 г.), сын Тарагая, бека тюркизованного монгольского племени барлас. К концу столетия Тимур значительно расширил границы своего государства, включив в него, в частности, и территории современного Афганистана. В молодости он участвовал во многих набегах и войнах в Средней Азии и в соседних с нею странах¹. Так, еще в 1356 г. Тимур, поступив на службу к эмиру Казагану, который правил в то время в Мавераннахре (1346—1358), участвовал в его походе в Хорасан.

Еще до захвата власти в Мавераннахре Тимур стал самостоятельным правителем небольшого, но богатого владения в бассейне Кашка-Дарьи. Он сблизился с правителем Балха эмиром Хусейном, внуком Казагана, и стал его союзником и родственником (взяв в жены его сестру).

В 1362 г. Тимур и Хусейн потерпели поражение в борьбе с моголами, вынуждены были бежать и попали в плен к туркменам Мургаба. Через два месяца, освободившись из плена, Тимур и Хусейн направились на юг, к Кандагару. Город этот находился тогда под властью Куртов. Тимур хотел захватить его, но обстановка оказалась неблагоприятной, и он, отказавшись от своих намерений, отправился с Хусейном в Систан². Там в это время происходили междоусобия, и Тимур с Хусейном приняли в них активное участие. В одной из битв Тимур был серьезно ранен, в результате чего остался хромым на всю жизнь³.

Едва избежав гибели в Систане, он возвратился с Хусейном в Мавераннахр. В дальнейшем Тимур и Хусейну удалось распространить свое влияние на значительную часть Мавераннахра. В последующие годы Тимур и Хусейн действовали совместно, но отношения между ними постепенно ухудшались

¹ О жизненном пути Тимура см.: Якубовский, *Тимур*.

² Бартольд, *Улугбек*, стр. 16.

³ Хромоте своей Тимур был обязан прозвищем «Тимур-и ланг» («Хромой Тимур»), в передаче европейских авторов: «Тамерлан».

и особенно обострились после взятия в 1366 г. Самарканда. В 1368 г. Хусейн, невзирая на возражения Тимура, решил укрепить Балх⁴.

Заново были отстроены городские стены, обновлена и значительно усилена балхская цитадель — Хиндуван. Хусейн, готовясь, очевидно, к большой войне, главным соперником в которой для него мог быть скорее всего Тимур, свез в цитадель много оружия и свое имущество.

Приход Тимура к власти и крушение государства Куртов

Начавшаяся между соперниками война закончилась быстро благодаря энергичным действиям Тимура. В 1370 г. он с сильным войском подошел к Балху, осадил город и овладел им штурмом. Хусейн был убит. Заняв Балх, Тимур приказал разрушить цитадель, отдал население города, обвиненное в оказании помощи Хусейну, на разграбление своему войску и роздал войнам часть захваченной казны.

Еще до взятия Балха Тимур, будучи уверенным в прочности своей фактической власти над большей частью Мавераннахра, провозгласил ханом этой области Суюргатмышу (1370—1388), происходившего из чагатайской ветви Чингизидов. В дальнейшем, располагая всей полнотой власти в государстве, Тимур правил формально от имени возводившихся им на престол ханов чингизидского происхождения, а сам довольствовался титулом эмира.

В 1370 г. Тимур перенес свою столицу в Самарканд. К этому времени ему удалось преодолеть феодальную раздробленность, создать сильное, послушное его воле войско. Уже ко времени победы над Хусейном Тимур успел снаскать себе известность как выдающийся полководец. И теперь, став правителем большого государства, он начал в крупных масштабах вести завоевательную политику, обеспечив этим прочную поддержку своей власти феодальной знатью, заинтересованной в богатой добыче и в новых земельных владениях. В 70-х годах XIV в. Тимур совершил несколько походов на Хорезм, покорил его и разрушил Ургенч. Затем, наметив большой грабительский поход на запад — в Иран, Закавказье и Малую Азию, он обрушил первый удар на государство Куртов.

В Герате тогда правил малик Гияс ад-Дин II Пир Али Курт, пришедший к власти, как и Тимур, в 1370 г. В прошлом взаимоотношения между Тимуром и Куртами были отнюдь не враждебными, а с Гияс ад-Дином II Пир Али Тимур даже породнился, выдав за него в 1376 г. свою племянницу. Однако, начав завоевания соседних стран, Тимур потребовал, чтобы куртский

⁴ Бартольд, *Улугбек*, стр. 112.

малик подчинился ему. Тот отказался, и в конце 1380/81 г. Тимур с крупными силами переправился через Аму-Дарью и двинулся на Герат.

Гияс ад-Дин II Пир Али в это время сражался в Нишапуре против сарбадаров. Когда Тимур подошел к Серахсу, правивший там малик Мухаммед, брат малика Гияс ад-Дина II Пир Али, присоединился к самаркандскому правителю. Тимур не пошел сразу на Герат, а направился в Джам и Кох-Сиях с целью воспрепятствовать соединению отрядов воинов из районов Гура с главными силами гератского правителя. Затем, прежде чем начать решающее наступление на столицу Куртов, он двинулся к крепости Фушендж и взял ее.

Подойдя после этого к Герату, Тимур осадил город. Правда, к тому времени куртский малик уже возвратился в столицу, но подкрепления гурских воинов не смогли пробиться к городу. Войска Тимура, обезопасив свой фланг захватом Фушенджа, сосредоточили все свои усилия на осаде Герата.

Герат был сильно укреплен, цитадель «Ихтияр ад-Дин» считалась неприступной. Войскам Тимура пришлось довольно долго простоять перед внешней городской стеной, возведенной при малике Муызз ад-Дине. В конце концов одному отряду тимуровского войска удалось проникнуть за стену внешних укреплений. Куртский малик со своими войсками отошел за следующее кольцо городских стен и засел в цитадели. Горожане не приняли сколько-нибудь активного участия в обороне Герата. Стойкость жителей города и гарнизона была сильнейшим образом поколеблена обещанием Тимура сохранить жизнь и имущество всем, кто прекратит сопротивление. Гератцы поверили этим посулам, и малик Гияс ад-Дин был вынужден сдаться и явиться в ставку Тимура. Так в марте — апреле 1381 г. окончилась осада Герата⁵.

Однако Тимур не выполнил своих обещаний. На жителей Герата была наложена очень тяжелая контрибуция (выплаченная ими в течение четырех дней), хотя и кроме нее в руки завоевателя попала большая добыча: сокровища казны Куртов и принадлежавшие им склады, а также конюшни породистых лошадей, служившие предметом особых забот и гордости нескольких поколений куртских маликов. Многим именитым горожанам Герата Тимур приказал переселиться в Шахрисяб.

После покорения Герата Тимур отправил авангард своих войск под командованием эмира Джахан-шаха в Сабзавар, а сам с главными силами выступил к Келату. В пути к Тимуру прибыли и выразили покорность уstraшенные его успехами Али-бек (правивший Келатом, Мервом и Нисой) и правитель

⁵ Описание похода Тимура на Герат см.: Низам ад-Дин Шами, изд. Тауэра, стр. 82—84.

сарбадарского государства в Южном Хорасане — Али Муайяд. «Выказал свое послушание и повиновение» Тимуру и пообещал обязательно прибыть «для целования ковра» и правитель Мазандерана и Хорасана эмир Вали (1353—1384) ⁶. Однако он не выполнил своего обещания, а когда Тимур отвел войска в сторону Самарканда, эмир Вали подступил к Сабзавару (столице сарбадарского государства) и осадил город. Получив от Али Муайяда просьбу о помощи, Тимур охотно воспользовался удобным случаем для уничтожения сарбадарского государства, двинул свое войско в Хорасан, прогнал эмира Вали и торжественно вступил в Сабзавар. Али Муайяд отправился навстречу завоевателю и приветствовал его как покорный вассал. Но расчеты Али Муайяда, по сути дела предавшего государство сарбадаров, чтобы удержаться у власти хотя бы в качестве вассала Тимура, не оправдались. Тимур, признавая номинально Али Муайяда правителем, держал его при своем дворе, где ему оказывались соответствующие почести, однако не отпускал его в Сабзавар ⁷.

Жители Сабзавара не примирились с владычеством Тимура и в 1383 г. подняли против него восстание. Несколько ранее, в 1382/83 г., произошло другое крупное восстание в Герате. В вооруженной борьбе гератцев против владычества завоевателя активное участие приняли гурцы. Горожанами руководил гурец по имени Абу Са'ид-и Испахбад, известный под прозвищем Гурибача. Из Гура прибыл сильный отряд воинов во главе с маликом Мухаммедом. Назначенные Тимуром для управления Гератом должностные лица были изгнаны из цитадели «Ихтияр ад-Дин», а оставленный завоевателем гарнизон полностью уничтожен.

Подавление гератского восстания Тимур поручил своему сыну Миран-шаху ⁸. Миран-шах направил против восставших отряды под командованием Сейф ад-Дина и эмира Ак-Буга, а вслед за ними выступил и сам с остальными войсками. В ожесточенных сражениях под Гератом отряды гурцев были полностью разгромлены. Многие из них после этого бежали в Герат но, так как противодействовать взятию его войсками Миран-шаха не представлялось возможным, ночью выбрались оттуда и рассеялись по стране. Вступив в Герат, Миран-шах разослал в разных направлениях отряды, которые повсюду ловили гурцев и убивали их.

При подавлении гератского восстания 1383 г., а также и впоследствии удары войск Тимура, а затем его преемников

---

⁶ Низам ад-Дин Шами, изд. Тауэра, стр. 84 (ср. Петрушевский, *Земледелие*, стр. 458).

⁷ Через несколько лет, в 1386 г. Али Муайяд, ненужный уже больше Тимуру, был убит (см. Петрушевский, *Земледелие*, стр. 463).

⁸ Баргольд, *Улугбек*, стр. 29.

Тимуридов обрушивались на гурцев и на Гур⁹. Тимур избрал Герат центром для управления Хорасаном, а при его преемниках этот город стал столицей большей части их владений. Но развитие Герата происходило в новых политических условиях и не было, как прежде, связано с Гуром. Именно в период правления в Герате Тимуридов Гурцы были нанесены наиболее сокрушительные удары, от которых эта страна уже не смогла оправиться¹⁰. Гурцы, видимо, даже не сохранились как самостоятельная этническая группа. Часть их земель заняли хазарейские племена тюрко-монгольского происхождения, а часть (с какого времени, точно неизвестно) — иранские племена джемшидов и таймени. В. В. Бартольд, впрочем, как уже отмечалось выше, считал джемшидов и таймени потомками гурцев¹¹.

Последних представителей династии Куртов Тимур держал при своем дворе в Самарканде. В 1389 г. они были убиты сыном Тимура Миран-шахом, отличавшимся жестокостью и коварством¹².

Под пятой Тимура

В 1383/84 г. Тимур предпринял поход на Мазандеран, но, дойдя до Мургаба, получил известия о восстании сарбадаров, возглавленном шейхом Давудом Сабзавари, а также о волнениях среди никудерийцев. Изменив первоначальный маршрут, Тимур повернул свои полки на юг. Задержавшись на некоторое время «для наведения порядка» в Герате, Тимур направился к Сабзавару и осадил его. Восставшие сражались отважно, но силы были слишком неравны, и в конце октября 1383 г. Тимур захватил город. Началась жестокая расправа с восставшими. Тимур велел соорудить башни и в их стены замуровать живыми около 2 тыс. повстанцев. Выполняя его приказ, людей связывали и клали рядами, покрывая сверху строительным материалом — кирпичом, глиной и известью. При подавлении народных движений в других местах Тимур действовал с неменьшей жестокостью. Разгромив восстание ремесленников и городской бедноты в Исфахане в 1387 г., он приказал каждому своему воину умертвить определенное число горожан и доставить

⁹ О походах в Гур при Тимуридах см., например, «Матла ас-садайн», лл. 276-а — 276-б.

¹⁰ Возможно, что войска Тимура и Тимуридов, какими велики были произведенные ими опустошения в Гуре, все же не сыграли решающей роли в разгроме гурцев и в упадке их страны. Исфизари (л. 52-б) прямо указывал на нападение хазарейцев и никудери, ранее грабивших в Кермане и Ширазе, как на причину запустения Гура, Гармсира, Кандагара «и даже Фараха и Исфизара» в период между смертью Шахруха и приходом к власти султана Хусейна, т. е. в 1447—1469 гг.

¹¹ Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*, стр. 55.

¹² Бартольд, *Улукбек*, стр. 29.

головы убитых; из 70 тыс. отрубленных голов были сложены пирамиды. Этот завоеватель не останавливался перед массовыми убийствами пленных. Совершая поход в Индию, Тимур накануне решающей битвы за Дели отдал приказ о поголовном истреблении всех индийских пленников, находившихся в его лагере. По словам историков, воины Тимура уничтожили 100 тыс. индийских пленников. Завоевания в Иране, Закавказье и Малой Азии, разгром золотоордынского хана Тохтамыша и турецкого султана Баязета, походы в Индию и на Волгу, в горы Тянь-Шаня и далее на север, до берегов Иртыша, создали Тимуру славу непобедимого полководца, сумевшего развить и усовершенствовать военное искусство тюрков и монголов. В памяти покоренных народов имя Тимура осталось как символ полководца-завоевателя и жестокого властителя.

Массовый террор был основным орудием Тимура в его политике укрепления и упрочения власти. К. Маркс писал: «...политика Тимура заключалась в том, чтобы тысячами истязать, вырезывать, истреблять женщин, детей, мужчин, юношей и таким образом всюду наводить ужас»¹³.

Возвращаясь к походам Тимура в области, входящие частично или целиком в пределы нынешнего Афганистана, отметим, что, даже по сдержанной характеристике В. В. Бартольда, завоевание Тимуром Хорасана было совершено «с обычной жестокостью». Характеристику эту В. В. Бартольд сопровождает замечанием, что уже при взятии Бушенга (Фушенджа) были истреблены все его защитники¹⁴. После разгрома хорасанских сарбадаров Тимур направился в Систан. Он назначил Ак Тимур-бахадур командовать передовыми отрядами и поручил ему опустошать страну. Вслед за ним эмир Тимур двинул свои главные силы и, вступив в Систан, принялся осаждать и захватывать крепости и города, уничтожая их защитников. Развалины разрушенного тогда главного города Систана отождествляют с руинами, известными впоследствии среди местного населения под названием Захидан¹⁵. В числе городов Систана, разоренных войсками Тимура и потерявших после этого свое былое значение, был Буст. Роль его как узла на караванном пути в Индию перешла затем к Кандагару. Покорив Систан, Тимур овладел тогда же Кандагаром и Кабулом, опустошил и эти области, воздвигая на своем пути пирамиды из отрубленных голов.

Часть населения покоренных стран и областей, прежде всего искусных ремесленников, Тимур уводил в центр своего государства — Мавераннахр.

¹³ К. Маркс, *Хронологические выписки*, — «Архив Маркса и Энгельса», т. VI, М., 1939, стр. 185.

¹⁴ Бартольд, *Узбек*, стр. 19.

¹⁵ Tate, *Seistan*, pp. 55—60.

В Средней Азии и некоторых местностях Хорасана и Кабулистана, в частности в бассейне р. Кабула, в годы правления Тимура велись ирригационные работы.

Хорасан испытал во время завоевания Тимура не меньшие бедствия, чем остальные покоренные им страны и области. Однако в дальнейшем в силу экономических связей с соседними центрами империи положение Хорасана в целом было несколько лучше, чем отдаленных областей Западного Ирана.

Объективные результаты походов Тимура в Хорезм и против Золотой Орды способствовали значительному перемещению торговых путей, с которым в Средней Азии и Хорасане было связано, с одной стороны, резкое уменьшение роли дороги из Гургана в Хорезм и запустение Дехистана, а с другой — повышение торгового значения Герата, расположенного на снова ставшем оживленным пути, что было одним из существенных условий расцвета Герата при Тимуридах¹⁶.

Значение Герата как административного центра было довольно велико еще при жизни Тимура, так как этот город стал резиденцией его сыновей — Миран-шаха, а затем Шахруха, которого Тимур в 1397 г. назначил правителем Хорасана, Систана, Гургана и Мазандерана. С тех пор и до смерти своего отца Шахрух оставался наместником этих областей¹⁷.

Герат при Шахрухе

Тимур умер 18 февраля 1405 г. в Отраре, во время похода в Китай. Сразу же после смерти завоевателя между его сыновьями и внуками началась междоусобная борьба, которая продолжалась до 1409 г. В конце концов верховным главой Тимуридов был признан Шахрух. Однако к этому времени часть завоеванных Тимуром стран и областей уже отошла от владений его потомков.

Признание Шахруха старшим в роде Тимуридов отнюдь не означало действительного восстановления единства стран и областей, входивших в состав государств потомков Тимура. Государство фактически оставалось раздробленным на феодальные владения, во главе которых стояли потомки завоевателя; подчинение их Шахруху, как правило, в лучшем случае ограничивалось соблюдением обязанностей вассалов по отношению к своему сюзерену. Шахрух надеялся укрепить свою власть назначениями в крупнейшие владения своих сыновей и внуков в качестве наместников. Центрами подвластных Тимуридам территорий стали Герат и Самарканд. В 1409 г. Шахрух назначил своего сына Улуг-бека наместником Самаркан-

¹⁶ См. «История Узбекской ССР», т. I, кн. 1, стр. 322, 324; «История Туркменской ССР», т. I, кн. 1, стр. 336.

¹⁷ Бартольд, *Улугбек*, стр. 32.

да, но тот вскоре стал фактически независимым правителем. И хотя к началу 20-х годов XV в. важнейшие части тимуридских владений управлялись членами семьи Шахруха, это не укрепило его центральной власти. Родственные связи, даже самые близкие, не мешали Тимуридам вести нескончаемые интриги и войны друг против друга, а иногда и поднимать мятежи против главы государства.

Несмотря на феодальные междоусобицы, почти столетний период правления Тимуридов был временем блестящего расцвета в различных областях культуры и искусства. Благоприятные условия для этого создались в годы длительного и относительно спокойного правления Шахруха. Сам он не отличался особыми талантами и не был столь выдающимся государственным деятелем, каким его изображали придворные гератские историки, рисовавшие идеализированный образ мудрого, справедливого и победоносного мусульманского государя¹⁸.

В отличие от Тимура Шахрух проводил политику, удобную не монголо-тюркской кочевой знати, а оседлым таджикским и персидским феодалам. Он не совершал новых крупных завоеваний, но принимал меры к развитию земледелия, покровительствовал торговле, уделял большое внимание расширению международных связей. Классовый характер его политики выразился в жестоком подавлении народных движений, в преследованиях «еретических» сект.

Основным ядром владений, находившихся под непосредственной властью Шахруха, был Хорасан, а столицей всего обширного государства Тимуридов при нем неизменно оставался Герат. Именно в годы правления Шахруха Герат стал одним из наиболее населенных и крупных городов Ближнего и Среднего Востока. Площадь основной его части (без пригородов) составляла не менее 2,5 кв. км¹⁹. Город был окружен мощными стенами с башнями и рвом, через который к пяти воротам вели подъемные мосты. Среди жилых строений было немало двухэтажных домов с застекленными окнами. Город славился крытыми базарами.

Высокого для своего времени уровня развития достигли многие отрасли гератского ремесленного производства, такие как изготовление бронзовой посуды и керамики, ткачество, а также ювелирное искусство и другие художественные ремесла.

Шахрух стремился придать своей столице особую пышность и блеск, превратить ее в культурный центр своего обширного государства. И это ему удалось в полной мере. В годы правления Шахруха в городе сооружались величественные здания, созванные ко двору правителя знаменитые писатели и истори-

---

¹⁸ См. Пигулевская и др., *История Ирана*, стр. 233.

¹⁹ Беленицкий, *Историческая топография Герата*, стр. 180, 181.

ки создавали свои произведения, в специальных мастерских искусные мастера каллиграфии переписывали, а художники украшали миниатюрами великолепные рукописи.

Политика Шахруха несомненно способствовала процветанию Герата, но нельзя только это объяснять культурный подъем этого города в XV в. Одну из важных причин на первый взгляд внезапного расцвета культуры и искусства Герата следует искать в местных культурных традициях.

К сожалению, имеющиеся данные не позволяют на конкретном материале систематически проследить последовательность развития культуры и искусства Герата, Балха, Систана и Кандагара на всем протяжении средних веков. Исследователям известны только фрагменты далеко еще не восстановленной полностью общей картины этого развития. И даже на основании скудных данных отдельные периоды расцвета культуры поражают богатством памятников, как, например, XI—XII вв.

Монгольское нашествие нанесло ощутимый удар хозяйству и культуре и надолго затормозило их развитие, но все же не привело к очень длительному застою.

Как уже отмечалось, в письменных источниках неоднократно отмечается определенный подъем культуры и искусства в XIV в. в государстве Куртов, но вещественных памятников XIII—XIV вв. пока еще не обнаружено. Особенно много монументальных сооружений было возведено в Герате при Гияс ад-Дине I Хусейне (1307—1328), который, согласно Исфизари, построил медресе, названное по имени этого правителя — Гиясийя, а также великолепную баню и два каравансарая. При нем же был проведен капитальный ремонт соборной мечети Герата, причем она была украшена орнаментом с удивительными надписями.

Особого внимания заслуживает описание дворца Баргах, также построенного Гияс ад-Дином. Он был возведен, как можно судить на основании сообщения Исфизари, по очень своеобразному плану и отличался необычностью пропорций. На стенах его были изображены написанные знаменитыми художниками картины из военной жизни. Так, на западной стене было изображено победоносное войско Абу Саида, а на противоположной — поверженный царевич Ясавур²⁰. Таким образом монументальная живопись, представленная в XII в. росписью Лашкаргаха, получила в XIV в. свое дальнейшее развитие, и несомненно правы исследователи, указывающие на роспись гератского дворца Гияс ад-Дина как на возможную предшественницу стеной росписи тимуридских дворцов²¹.

В письменных источниках упоминаются постройки и других

²⁰ Исфизари, л. 152-а; Беленицкий, *Историческая топография Герата*, стр. 184.

²¹ Беленицкий, *Историческая топография Герата*, стр. 184.

куртских правителей²². Несмотря на то, что ни одна из них не сохранилась до нашего времени, нельзя сбрасывать их со счетов, говоря о культурных традициях дотимуридского Герата.

Хотя именно Тимур разрушил городские укрепления Герата, а самих жителей обложил тяжелой данью, уже в годы его правления город начал быстро восстанавливать свое былое значение крупного культурного центра.

Культура и искусство Герата при Шахрухе

В годы правления Шахруха Герат становится не только одним из самых больших, но также и одним из наиболее блестящих городов средневекового Востока. Сам Шахрух, его жена Гаухаршад и его сын царевич Байсункар покровительствовали ученым и поэтам, музыкантам и художникам, певцам и архитекторам.

Со всех сторон стекались в Герат выдающиеся мастера, привлекаемые щедростью наследника Тимура и его окружения. Все это способствовало расцвету культуры и искусства в государстве Шахруха, и прежде всего в его столице.

Даулат-шах писал, что четыре человека придавали особенный блеск двору Шахруха: музыкант Абдул Кадыр, певец Юсуф, архитектор Кавам ад-Дин Ширази и художник Маулана Халил²³. Творения архитектора и художника сохранились до наших дней, и по ним можно судить, насколько заслуженными были восторженные похвалы этим мастерам, расточаемые их современниками²⁴.

При дворе Шахруха также находилось много выдающихся ученых и поэтов. Особо следует отметить замечательного историка и географа Хафиз-и Абру. В правление Шахруха в Герате жил и другой крупный историк — Абд ар-Раззак Самарканди.

Под покровительством Байсункара группа ученых осуществила сводную редакцию знаменитой поэмы Фирдоуси «Шах-наме». Большой труд по составлению сводного текста с учетом многочисленных рукописей был завершён в 1426 г., и в распоряжении современных исследователей имеется ряд списков: этого сводного текста со специальным предисловием, правда не имеющих сейчас серьезного значения для текстологической работы над «Шах-наме», но замечательных как памятники

²² Так, в XV в. в Герате еще существовали купольная гробница Гияс ад-Дина и ханака, возведенная Муызз ад-Дином Хусейном. Ханака в Герате, согласно Сейфи, была построена Фахр ад-Дином (см. Массон М., *К исторической топографии Герата*, стр. 125).

²³ Browne, *A literary history*, p. 384.

²⁴ В одной из рукописей «Шах-наме», хранящихся в Каире, есть миниатюра с подписью: «Работа Мир Халила» (см. Stehoukine, *Les peintures*, p. 14).

культуры своей эпохи и интересных для истории филологической науки.

Особенно крупное строительство велось в Герате в первой половине XV в. Сам Шахрух, его властолюбивая жена Гаухаршад и многочисленные вельможи возводили дворцы, мечети, медресе и другие сооружения, зачастую обстоятельно охарактеризованные в письменных источниках, но, как правило, не сохранившиеся до наших дней.

Сразу после утверждения на престоле Шахрух занялся ремонтом городских стен. Затем проводились крупные работы по укреплению цитадели. Стены цитадели были возведены из камня и жженого кирпича, а башни украшены надписями, vyplненными поливной мозаикой²⁵. В начале правления Шахруха была проведена частичная перепланировка города. Прямые улицы базарных построек пересекались в центре города и делили его на четыре части. В месте пересечения улиц было возведено большое купольное сооружение — чарсу. Своды из жженого кирпича были устроены и над основными торговыми рядами, образовав таким образом крытые базары.

Ряд монументальных сооружений был возведен как в черте города, так и за его пределами. Архитекторы Кавам ад-Дин и Хаджи Али-Хафиз к югу от цитадели построили медресе и ханака с двумя стройными минаретами. В этом медресе в конце XV в. слушал лекции известный поэт Васафи²⁶. Этот комплекс сооружений не сохранился, и судить о его величии и красоте можно только по письменным источникам.

К северу от города, в саду Баг-и Сафид, при Шахрухе был построен дворец, также не сохранившийся до наших дней и известный лишь по панегирическому описанию у Хафиз-и Аbru. Особенный интерес в этом описании представляет указание, что в одной из комнат художники изобразили в нишах картины, подобные «китайской картинной галерее»²⁷. Это лишь одно из многочисленных указаний источников на развитие в эпоху Тимуридов стенной живописи, и можно лишь пожалеть, что ни один образчик этого вида искусства не дошел до нашего времени.

Также вне городских пределов находился обширный некрополь, сложившийся у могилы Ходжа Абдаллаха Ансари, считавшегося покровителем Герата²⁸. Здесь, в местности Газургах, находились многочисленные могилы знати, а место захоронения Абдаллаха Ансари служило предметом поклонения. Реставрация всего комплекса была проведена Шахрухом в 1428 г.

²⁵ Беленицкий, *Историческая топография Герата*, стр. 178, 179.

²⁶ Болдырев, *Очерки*, стр. 339.

²⁷ Беленицкий, *Историческая топография Герата*, стр. 194.

²⁸ Khanikoff, *Lettre*, p. 538.

Воздвигнутое здесь здание отличается своими богато декорированными порталом и главным айваном во дворе, на фоне которого живописно выделяются многочисленные надмогильники, среди которых в середине XIX в. было пять с именами тимуридских царевичей. Величественный айван фланкирован двумя башнями, возможно являвшимися лишь нижней частью минаретов. По верху портала идет сквозной ряд небольших арок, служащих для украшения стен. Стены айванов покрыты богатейшей декоративной облицовкой, образованной фигурной кладкой из поливных кирпичиков, и изящной мозаикой, набравшейся из тонких плиток, покрытых разноцветной поливой²⁹. Эпиграфические фризы с ажурным переплетением букв изящного почерка, небольшие панно с растительным орнаментом, выложенные разноцветными кирпичиками квадраты с куфическими надписями придают архитектурному сооружению особенную пышность и блеск.

Мы видим здесь дальнейшее развитие приемов архитектурного декора по сравнению с зодчеством XI—XII вв. Если памятники эпохи Газневидов и Гуридов, как правило, несут монохромный декор, рассчитанный в первую очередь на игру светотени (резная терракота, резной штук, кладка фигурного кирпича), то его теперь сменяет яркое многоцветное убранство с широким использованием поливного кирпича и мозаики. Ослепительно искрящиеся под южным солнцем памятники, украшенные подобным образом, блеском и яркостью красок усиливали впечатление царственного великолепия.

Ансамбль Мусалла

Одним из наиболее замечательных памятников архитектуры первой половины XV в. является ансамбль Мусалла, возведенный к северу от Герата, на берегу канала Инджил. Он был сооружен по распоряжению царицы Гаухаршад, а строил его тот самый архитектор Кавам ад-Дин, о котором упоминает Даулат-шах. В настоящее время здания ансамбля большей частью разрушены. Сохранились лишь два минарета (два других разрушены землетрясением 1932 г.) и мавзолей, в котором похоронены сама Гаухаршад и ее сын — известный меценат царевич Байсункар. Руины построек и зарисовки ансамбля, сделанные в 1885 г., позволяют составить общее впечатление об этом выдающемся архитектурном памятнике.

Само здание, получившее название Мусалла, представляло собой крупную дворцовую мечеть и занимало площадь около 106×84 м. По ее углам стояли четыре минарета, два из кото-

²⁹ Byron, *Timurid architecture*, p. 1126; idem. *Timurid monuments in Afghanistan*, p. 35; Dietz, *Die buddhistischen und islamischen Baudenkmäler Afghanistans*, S. 61—62.

рых, как отмечалось выше, сохранились до настоящего времени.

Эти трехзвенные минареты покрыты мозаичной облицовкой. В основании минаретов идет мраморная панель с куфической надписью. Во двор выходил главный айван, фланкированный двумя меньшими айванами. Постройка грандиозного сооружения длилась около 20 лет (1417—1437), причем портал, возможно, так и не был закончен³⁰.

К северу от этого сооружения находилось медресе Гаухаршад, также имевшее четыре минарета. Оба здания, видимо, дополняли друг друга соотношением архитектурного объема, образуя в целом ансамбль, во многом определявший общий облик тимуридского Герата. Даже в настоящее время, когда от всего комплекса величественных построек остались только минареты, они составляют характерную особенность городского пейзажа, выделяясь стройными силуэтами на фоне гор³¹.

В одном из углов медресе Гаухаршад до наших дней сохранилась купольная постройка — мавзолей самой царицы (табл. 31). Строительство, по-видимому, было окончено в 1432 г., поскольку уже в следующем году в нем был погребен царевич Байсункар. Соединение в одной постройке мавзолея и медресе известно и по некоторым самаркандским памятникам эпохи Тимуридов³², и сам мавзолей с его ребристым куполом на высоком барабане напоминает знаменитый самаркандский мавзолей Тимуридов — «Гур-и мир».

Кавам ад-Дин, строитель мавзолея Гаухаршад, применил совершенно новую для того времени систему перекрытия. Купол мавзолея покоится на четырех пересекающихся арках, называемых подружными. Переход от арск к куполу образован системой щитовидных парусов. Такая конструкция значительно уменьшает вес купола, не сокращая площади перекрываемого помещения³³. С середины XV в. этот прием широко используется архитекторами Мавераннахра и Хорасана³⁴. Мавзолей Гаухаршад богато декорирован мозаичными наборами

³⁰ Вугон, *Timurid architecture*, p. 1125. На сохранившихся минаретах имеются даты 820 (1417/18) и 841 (1437/38) г. х.

³¹ Niedermayer, *Afghanistan*, Abb. 143.

³² Пугаченкова, *Древние связи*, стр. 414.

³³ Вугон, *Timurid architecture*, p. 1128; Пугаченкова, *Памятники архитектуры*, стр. 78—80.

³⁴ В Средней Азии наиболее ранним памятником с подобной системой перекрытия является мавзолей Чопан-ата в Самарканде, не имеющий точной датировки и относимый на основании сопоставления с некоторыми другими постройками к 30—40-м годам XV в., что, однако, не может считаться полностью доказанным. Вместе с тем есть две точно датированные постройки Кавам ад-Дина с применением подружных арок. Первая — это мавзолей Гаухаршад (1432 г.), а вторая — медресе в Харджирде (1444 г.). Возможно, мавзолей Чопан-ата был построен уже после широкого освоения этого нового приема.

с использованием белого, голубого, ржаво-красного и коричневого цветов. Современники с восторгом отзывались о богатстве убранства медресе Гаухаршад. Так, Навои в одном из своих сочинений писал: «...от изразцовой облицовки этого медресе приходит в изумление ум архитектора, а от блеска позолоты пронизательный строитель теряет голову»³⁵.

Раннегератская миниатюра

Большое развитие в Герате в период правления Шахруха получило и искусство миниатюры. В XV в. этот город стал центром замечательной школы миниатюристов, получившей название гератской. Расцвет деятельности представителей этой школы относится ко второй половине XV в., но уже в период правления Шахруха в городе работало много талантливых художников, чье высокое мастерство положило основу создания школы и последующего расцвета искусства миниатюры.

Сосредоточению в Герате выдающихся художников немало способствовало основание Байсункаром специальной библиотеки, в состав персонала которой входило около 40 различных мастеров: каллиграфов, живописцев, орнаменталистов и переплетчиков. Во главе этого учреждения стоял знаменитый каллиграф маулана Джафар родом из Табриза. Известен целый ряд превосходных рукописей, вышедших из этой своеобразной мастерской³⁶.

Сам Шахрух также имел прекрасную библиотеку; до наших дней дошло несколько рукописей, изготовленных специально для этого собрания³⁷. Несомненно, что многие вельможи и приближенные Шахруха и его сына стремились в меру своих сил и средств подражать меценатствующим правителям.

---

³⁵ Беленицкий, *Историческая топография Герата*, стр. 199.

³⁶ Таков «Гулистан» Саади, датированный 1426 г. и переписанный в Герате Джафаром Табризи. Он же был переписчиком и великолепной рукописи «Шах-наме» 1430 г., ныне хранящейся в Тегеране. Две другие рукописи («Хумай и Хумаюн» 1427 г. и «Калила и Димна» 1430 г.) были переписаны в Герате Мухаммедом ибн Хумаюном Шамс ад-Дином, носившим прозвище Байсункари, видимо по принадлежности к знаменитой мастерской этого принца.

³⁷ Помимо одного списка исторического сочинения, хранящегося в Стамбуле, и одной рукописи, не названной упоминавшим ее исследователем, специально для библиотеки Шахруха было переписано «Хамсе» Низами, ныне хранящееся в Государственном Эрмитаже. Работа над рукописью была закончена в Герате в 1431 г. переписчиком Махмудом, т. е., видимо, известным Махмудом ал-Хусейни, выполнившим в 1420 г. в Ширазе «Антологию» для библиотеки Байсункара (см. Дьяконов, *Рукопись «Хамсе» Низами 1431 г.*, стр. 277—284). Этот великолепный экземпляр пропущен в сводке И. Щукина. Две миниатюры из хранящегося в Государственном Эрмитаже списка «Хамсе» Низами воспроизведены в данной книге (табл. 32, 33).

Создание высококачественной рукописи было длительным и сложным делом. Художник-каллиграф, переписывающий текст, должен был работать очень осторожно и тщательно, чтобы достигнуть соразмерности всех букв (отдельные части букв выписывались абсолютно одинаково с начала до конца данного списка).

В литературе приводится такой рассказ, относящийся к Бухаре середины XVII в. Бухарский хан Абдул Азиз обратился однажды к своему придворному каллиграфу с вопросом, сколько тот может переписать за день стихов Хафиза: Каллиграф ответил, что если постарается, то перепишет десять двойных стихов. Ответ вызвал недовольство Абдул Азиза. «Если за день будет переписано десять двойных стихов, — сказал он, — то какое изящество может быть в таком почерке? Если хватит терпения, пиши только два двойных стиха, а если нет, то один»³⁸. Манускрипты, изготовлявшиеся опытными и талантливыми мастерами столь тщательно, представляют собой подлинные шедевры каллиграфии.

Ценность изготовляемых рукописей определялась многими признаками: качеством чернил и бумаги, ее форматом, а также размером и качеством переплета, соотношением текста и полей на листе, гармонией цвета и пропорцией рамок, в которые заключался текст, типом и размером почерка, способом выделения подзаголовков (применение разноцветных красок), орнаментальными украшениями и иллюстрациями, создававшимися лучшими художниками. Роскошные рукописи стоили очень дорого, и приобретать их могли только очень состоятельные люди. Наряду с дорогостоящими списками, представлявшими собой произведения искусства, выпускались и рукописи попроще, изготовлявшиеся в мелких мастерских и отдельными переписчиками в гораздо большем числе экземпляров. Спрос на рукописную книгу в Герате XV в. был довольно значителен. На базарах имелись специальные книжные лавки.

Украшение рукописей миниатюрами породило особый вид искусства, доведенный восточными художниками до высокой степени совершенства. Плеяда замечательных художников-миниатюристов работала в Герате уже в первой половине XV в. Далеко не все они были уроженцами этого города. Многие из них были привлечены в Герат Шахрухом и Байсункаром из различных мест их обширной державы, в частности из Шираза, где в конце XIV—начале XV в. сложилась выдающаяся школа миниатюристов. Для произведений мастеров ширазской школы этого времени характерны известная экспрессия и динамичность, крупный план в композиции³⁹.

³⁸ Семенов, *Гератская художественная рукопись эпохи Навои*, стр. 154.

³⁹ Дениже, *Живопись Ирана*, стр. 66; Stchoukin, *Les peintures*, pp. 107, 113—115, 145, 146.

Одним из самых блестящих образцов творчества гератских миниатюристов являются иллюстрации к списку «Шах-наме», изготовленному в 1430 г. для библиотеки Байсункара. Это миниатюры большого формата, отличающиеся высоким совершенством композиции. О большом композиционном мастерстве создавших их художников свидетельствуют и гармонически построенные многофигурные батальные сцены («Рустем сбрасывает со слона китайского хакана») и ритмично скомпонованные рисунки на интимные сюжеты («Заль и Рудабег», «Гульнар и Ардашир»). Иллюстрации к этому списку «Шах-наме» отличает также броская парадность, достигнутая прежде всего ярчайшим колоритом. Тонко подобранное сочетание красок вместе с тем нисколько не нарушает единства композиции. Тщательно и любовно выписаны мельчайшие детали, в частности украшения на одежде⁴⁰.

Однако этим и другим раннегератским миниатюрам свойственны известная статичность, отсутствие экспрессии, живой струей пробивающейся в произведениях ширазских мастеров того же времени. Весьма характерны для раннегератской школы миниатюристов иллюстрации к списку «Хамсе» Низами, выполненному в 1431 г. для библиотеки Шахруха. Хотя в рукописи нет подписных миниатюр, по стилю выполнения можно заключить, что над их созданием работали по крайней мере три художника. В работах одного из них как будто обнаруживаются значительные связи с ширазской школой. Для его миниатюр характерны крупные фигуры людей и стремление передать динамику жестов, чего в известной степени ему удалось достигнуть. При композиционной четкости рисунка цветовая гамма не всегда гармонична; в ряде случаев неоправданные контрасты красок нарушают стройность композиции⁴¹.

Миниатюры второго художника, иллюстрировавшего поэму «Лейли и Меджнун», отличаются мягкой лиричностью, очень хорошо соответствующей общему духу этой превосходной поэмы. Цветовая гамма его миниатюр мягкая и уравновешенная, в основном преобладают нежные, притушенные сероголубоватые тона.

Наконец, произведения третьего художника весьма типичны именно для раннегератской школы. Композиционное ма-

⁴⁰ Многочисленные воспроизведения миниатюр из этой рукописи см. Vinuol-Wilkinson-Gray, *Persian miniature painting*.

⁴¹ Кисти этого художника принадлежат, по-видимому, большинство иллюстраций к поэмам «Хосров и Ширин», «Семь красавиц» и «Искандер-наме» (см. Дьяконов, *Рукопись «Хамсе» Низами 1431 г.*, табл. IV, VI). Для творчества этого художника весьма показательна миниатюра «Хосров у замка Ширин» (там же, табл. IV). Четкость тщательно соразмеренной композиции нарушают яркие пятна красок, и прежде всего ярко-красная одежда Хосрова.

стерство рисунка, достигшее подлинного совершенства, сочетается с продуманной, уравновешенной гаммой красок. Фигуры людей невелики по масштабам, лишены экспрессии, несколько манерные положения рук повторяют условные каноны. Разрабатываются мотивы с изображением интерьеров архитектурных построек, достигшие в дальнейшем своего наивысшего расцвета в творчестве Бехзада и его современников.

Характерным образцом творчества третьего художника может служить миниатюра, изображающая Ширин в саду с портретом Хосрова в руках (табл. 32). В центре рисунка помещена сама царевна в пышном одеянии. Зеленые трава и деревья, зеленоватые горы и голубое небо образуют мягкий фон, на котором выделяются одежды самой Ширин и девушки ее свиты. На другом рисунке того же художника изображены Лейли и Меджнун в школе (табл. 33). Композиция отличается предельной четкостью, хотя и кажется несколько упрощенной. Ученики свободно размещены в пространстве, образуя полукольцо вокруг возвышающейся фигуры учителя. Тщательно выписанная архитектурная орнаментация документально точно передает убранство тимуридских построек.

Истоки и пути формирования раннегератской школы миниатюристов еще совсем мало изучены. Не приходится сомневаться в переезде в Герат художников из других городов, и в частности из Шираза. Действительно, дух ширазской школы миниатюристов чувствуется в некоторых произведениях гератских мастеров, но в целом они достаточно самобытны и своеобразны. Как отмечал известный советский искусствовед Б. П. Денике, раннегератская школа «придает своим изображениям более академический, несколько суховатый характер»⁴².

К сожалению, в распоряжении исследователей пока нет данных о наличии и состоянии миниатюрной живописи в Герате и соседних областях в дотимуридский период. Сведения из письменных источников, свидетельствующие о наличии здесь стеновых фресок, приводились выше. Скорее всего художественные традиции, ранее развивавшиеся в Герате и соседних областях, также сказались на особенностях раннегератской школы миниатюры, и вероятность существования этих традиций во всяком случае следует учитывать при ее изучении. Вопрос о степени и характере воздействия на раннегератскую школу местных традиций, разумеется, может быть решен только после открытия соответствующих памятников.

⁴² Денике, *Живопись Ирана*, стр. 66.

Приход к власти Хусейна. Культура и искусство Герата

В начале 1447 г. умер Шахрух и время относительного благополучия в Хорасане сменилось более чем двадцатилетним периодом почти непрерывных междоусобий и кровавых войн между Тимуридами. Эти смуты сопровождались постоянными набегами и грабежами хазарейцев и никудерийцев, а также вторжениями других кочевников. Главой Тимуридов на короткий срок (1447—1449) стал правивший в Самарканде Улуг-бек, сын Шахруха, знаменитый своей ученостью и заслугами в развитии астрономии. Улуг-беку сразу же после смерти его отца пришлось вступить в ожесточенную борьбу с несколькими другими тимуридскими царевичами. В Хорасане с согласия Гаухаршад, вдовы Шахруха, во главе войска был поставлен Абд ал-Латиф, один из сыновей Улуг-бека.

Однако это не предотвратило междоусобной войны между Тимуридами за гератский престол, на который в качестве законного наследника Шахруха претендовал Улуг-бек. Против него выступили одновременно два его племянника, сыновья Байсункара: Абу-л-Касим Бабур и Ала ад-даула. Абу-л-Касим Бабур захватил Мазандеран, а Ала ад-даула, любимец своей бабки Гаухаршад, мечтавшей видеть его на гератском престоле, овладел районом Мешхеда. Весной 1447 г. Ала ад-даула одержал победу над войском Абд ал-Латифа, взял его в плен и заточил в гератскую цитадель «Ихтияр ад-Дин». Улуг-бек, чтобы вызволить своего сына из плена, пошел на временное примирение и отказался от претензий на власть над Гератом, за что Ала ад-даула освободил его сына и разрешил ему выехать в Самарканд.

Однако уже в следующем, 1448 г. Улуг-бек и Абд ал-Латиф с большим войском двинулись в Хорасан, одержали победу у Тарнаба, в 14 фарсах (около 100 км) от Герата, и вступили в столицу Хорасана. Завоевать Хорасан и сколько-нибудь прочно закрепить его за собой Улуг-беку не удалось, так как вскоре он со своим войском должен был вернуться в Мавераннахр. В Герате в качестве наместника он оставил своего сына Абд ал-Латифа. Абу-л-Касим Бабур не подчинился Улуг-беку и продолжал вести борьбу за Хорасан, ставя своей целью захват Герата. Военные действия между Тимуридами за обладание Хорасаном привели к сильным разрушениям и опустошениям этой области, следы которых сохранялись еще в конце XV в.⁴³

Улуг-бек находился у власти в качестве главы Тимуридов всего лишь два года и восемь месяцев. 27 октября 1449 г. он

---

⁴³ Бартольд, *Улугбек*, стр. 126.

был убит своим сыном Абд ал-Латифом, начавшим борьбу за трон при поддержке высшего мусульманского духовенства и руководителей дервишеских братств, которые ненавидели Улуг-бека за покровительство светским наукам. Однако через шесть месяцев Абд ал-Латиф был убит в результате заговора, после чего междоусобная борьба во владениях Тимуридов достигла еще большего ожесточения.

Гератом в середине XV в. овладел Абу-л-Касим Бабур. Он правил Хорасаном до самой своей смерти (1457). Ему удалось подчинить многих мелких хорасанских феодалов, но до конца преодолеть феодальную раздробленность Хорасана он не смог. В 1458 г. Хорасаном овладел тимурид Абу Саид, правитель Мавераннахра (1451—1469). Государство Тимуридов вновь оказалось объединенным под верховной властью одного государя. Однако это объединение во многом было лишь номинальным, так как новому правителю не удалось преодолеть сепаратизм крупных феодалов. В Хорасане почти не прекращались усобицы, мятежи и грабительские набеги хазарейцев и никудерийцев на оседлое население. Несомненно, однако, что в это время жители городов, в особенности таких крупных как Герат, обладавший мощными укреплениями, находились все же в несколько более благоприятном положении сравнительно с населением сельских районов. Безопасность от нападений внешних врагов была теперь обеспечена, а от мелких грабителей и набегов кочевников жителей защищали городские укрепления.

Очевидно, прежде всего ущерб, нанесенный земледельческому хозяйству постоянными набегами хазарейцев и никудерийцев, имел в виду Исфизари, когда сообщал, как в результате их нападений в период от смерти Шахруха (1447) до прихода к власти султана Хусейна (1469) пострадали Гур, Гармсир, Кандагар «и даже Фарах и Исфизар». Особо он подчеркивал, что местности Гура и Гармсира были совершенно опустошены⁴⁴.

На фоне такой разрухи, далеко не во всех районах Хорасана преодоленной и в годы власти Абу Саида, особо выгодным было положение Герата как столицы обширного государства.

Длительную борьбу против Абу Саида в Хорасане вел тимуридский царевич Хусейн Байкара. В юные годы он входил в группировку военной знати, поддерживавшую Абу-л-Касима Бабура, а после его смерти принял активное участие в усобицах Тимуридов в качестве одного из многих феодалов, стремившихся захватить самостоятельные владения. Хусейн Байкара долгие годы вел жизнь феодального авантюриста,

⁴⁴ Исфизари, л. 52-б.

предпринимая походы «с небольшим числом войск, но с большими надеждами» (как писал Мирхонд, сообщая о завоевании этим царевичем Астрабада в 1460/61 г.). Приходилось ему служить и в качестве наемника в Хорезме, в войсках золотоордынских ханов и т. д.⁴⁵

В 1468 г. Абу Саид предпринял поход в Западный Иран, потерял там свое войско и погиб. После его смерти государство Тимуридов вновь распалось, в Мавераннахре наступила пора политической раздробленности, а Хусейн Байкара добился успехов в Хорасане. Он сумел разбить отряды наследников Абу Саида, в результате чего они отказались от дальнейшей борьбы за гератский престол. 24 марта 1469 г. Хусейн Байкара торжественно въехал в Герат, вскоре захватил весь Хорасан и до самой смерти оставался султаном этой важной области, получив признание старшего в роде Тимуридов. В укреплении власти Хусейна Байкары немалую роль сыграл его выдающийся сподвижник Алишер Навои, крупный государственный деятель и великий поэт.

В годы длительного правления султана Хусейна Байкары (1469—1506) еще более возросла роль Герата как одного из самых крупных городов и культурных центров Среднего и Ближнего Востока. Рассказывая о своей поездке в этот город, Захир ад-Дин Бабур писал: «В обитаемой части земли нет такого города как Герат. Во время султана Хусейн-мирзы вследствие его умелого управления и стараний Герат стал еще в десять и даже в двадцать раз красивей и прекрасней». В другом месте своих «Записок» Захир ад-Дин Бабур характеризовал эту эпоху в жизни Герата и Хорасана так: «Время султана Хусейн-мирзы — удивительное время. Хорасан и в особенности Герат были при нем полны ученых и бесподобных людей. Каждый, кто занимался каким-либо делом, имел цель и желание довести это дело до совершенства»⁴⁶.

При характеристике культуры не только Афганистана, но и соседних с ним стран во второй половине XV в. прежде всего приходится обращаться к столице Абу Саида и султана Хусейна. После убийства Улуг-бека и последовавшего засилья мусульманской схоластики в Мавераннахре, где все большее влияние приобретали крупные землевладельцы — шейхи духовных орденов во главе с Ходжа Ахраром, Самарканд стал терять значение культурного центра Средней Азии. Обсерватория, созданная Улуг-беком в 1428/29 г., во второй половине XV в. пришла в запустение, видные ученые, поэты и художники постепенно покидали Самарканд.

---

⁴⁵ О жизненном пути султана Хусейна Байкары см. Бартольд, *Мир-Али-Шир*.

⁴⁶ «Бабур-наме», 206, 220.

На этом фоне в период относительного политического благополучия в Хорасане при султане Хусейне особенно ярко выступают блеск и процветание Герата, поражавшие современников и оставившие глубокий след в памяти потомков⁴⁷. В Герат, ставший крупнейшим культурным центром Среднего Востока, съехались со всех концов тимуридских владений лучшие поэты и музыканты, архитекторы, художники и каллиграфы. Султан Хусейн и его придворные способствовали культурному подъему Герата, расходуя на строительство и покровительство искусствам значительную долю огромных средств, выкачиваемых из обширных владений.

С другой стороны, примечательно, что круг лиц, получавших образование в Герате и принимавших в XV в. деятельное участие в его культурной жизни, был сравнительно широк. Исследования недавнего времени показали, что этот круг отнюдь не ограничивался связанной со двором верхушкой аристократии. Как видно из результатов изучения А. Н. Болдыревым мемуаров гератского уроженца Васифи, поэта и прозаика, к образованию в Герате прибегали более или менее состоятельные горожане, занимавшиеся торговлей и ремеслом, а также служилый люд среднего достатка⁴⁸.

Примером может служить один из персонажей этих мемуаров — некий поэт Амани. Он был владельцем небольшой лавки, в которой изготовляли и продавали жареный горох. Хозяин лавки не только писал стихи, но и организовывал в своем доме «сборища поэтов и просвещенных людей»⁴⁹.

Приблизительно можно представить себе уровень образования средней интеллигенции Герата времени Васифи. Знания в основном получали в медресе, но в какой-то мере пополняли их за его стенами. Образованный горожанин должен был знать арабский язык, хадисы и Коран, обладать навыками профессионального чтеца этой священной книги мусульман, а также ориентироваться в современных и старых литературных текстах. В качестве украшавших образованного человека познаний и навыков ценились знакомство с логикой, искусством каллиграфии, красноречия, музыки и пения.

В поэзии особое внимание уделялось технике стихосложения, тонкой игре слов и способности придать скрытый смысл всем поэтическим высказываниям. Материалом для суждения о характерных чертах поэзии гератского периода служит творчество самого Васифи. Его перу принадлежат

---

⁴⁷ Показательно, что в Бухарском ханстве вплоть до 1920 г. принятый в придворных канцеляриях почерк назывался «гератским» (см. Семенов, *Гератская художественная рукопись эпохи Навои*).

⁴⁸ Болдырев, *Мемуары Зайн-ад-Дина Васифи*; его же, *Очерки*.

⁴⁹ Болдырев, *Очерки*, стр. 323.

главным образом произведения, совершенные по форме, но по содержанию обычно не выходящие за рамки подражания более старым образцам персидско-таджикской литературы.

Популярной фигурой в гератском обществе был образованный, изящный молодой человек, легко идущий на всякого рода проделки, зачастую весьма фривольного характера, и умеющий выйти из любого затруднительного положения благодаря своему остроумию и изобретательности. Тонко выраженная мысль, находчивая фраза и остроумная речь высоко ценились и в компании, собиравшейся на втором этаже мелкой лавчонки, и в собраниях людей, стоявших на самых высоких ступенях социальной лестницы. Выдающиеся поэты и художники, танцоры и музыканты выступали при дворе султана Хусейна и в домах его ближайших приближенных.

Особенную известность получили подобного рода вечера, происходившие в доме Алишера Навои, высокая образованность и широкая меценатская деятельность которого ставили его в центр культурной жизни Герата.

Для характеристики обстановки на собраниях, происходивших в доме Алишера Навои, можно привести один из многочисленных рассказов, которыми пестрят записки современников. Талантливый поэт и музыкант Бенаи испытывал неприязнь к Алишеру Навои. Неприязнь была взаимной. Алишер Навои придерживался обычая одаривать по праздникам своих собеседников и сотралезников богатыми халатами. В один из праздников всем участникам собрания были поднесены роскошные халаты, а перед Бенаи положили сверток, обмотанный прекрасной парчовой тканью. Развернув сверток, Бенаи обнаружил в нем... ослиный потник! Поэт встал и, обратившись с выражением «великого счастья» на своем лице к кыбле, начал молиться. Когда он кончил, присутствовавшие спросили его: «Что это за молитва?» Он ответил: «Это благодарственная молитва за ту помощь и то счастье, которое на меня внезапно свалилось. Весь народ говорит, что Алишер питает самые скверные чувства к Бенаи. Слава Аллаху, творцу миров, сейчас выяснилось, что это не так и что он проявляет ко мне наилучшую милость. Разве не видите вы, что всем остальным дал он почетные одежды, а мне пожаловал халат с собственного плеча»⁵⁰.

Современники блестящей эпохи султана Хусейна неоднократно называют имена прославленных композиторов, популярных певцов и замечательных танцоров, об искусстве которых мы, к сожалению, можем судить только по этим упо-

---

⁵⁰ Болдырев, *Алишер Навои*, стр. 146.

минаниям. Но над ними, как подлинные гиганты, возвышаются крупнейшие деятели культуры, чьи творения надолго пережили свою эпоху. К таким деятелям культуры относятся прежде всего Нур ад-Дин Абд ар-Рахман Джами (1414—1492) и Алишер Навои (1441—1501), чье поэтическое творчество оставило неизгладимый след в литературе многих народов Средней Азии, Афганистана и Ирана.

В истории литературы имя Джами ставится в ряду великих мастеров средневековой таджикской и персидской поэзии, который начинается именами Рудаки, Дакики и Фирдоуси. Творчество Джами отличается глубиной содержания и большим разнообразием формы и жанров. Велико оставленное им наследие в области лирической поэзии. Сохранились три дивана его лирических стихов. Крупнейшее из его творений — цикл из семи больших поэм, объединенных общим названием «Хафт авранг» («Семь престолов»). Перу Джами также принадлежит и несколько прозаических произведений. Его «Бехаристан» («Весенний сад») считается лучшим образцом таджикской и персидской художественной прозы XV в.

По содержанию творчество Джами сложно и противоречиво⁵¹. Значительное место в нем занимают религиозно-философские идеи суфизма. В то же время во многих произведениях поэт выражал мысли и чувства, созвучные людям последующих поколений. Любовь к человеку он славил как высшее достоинство. Свободолюбие воспевал в таких образах, как вольный эскол, не желающий свою трудную, но свободную жизнь в пустыне сменить на прозябание охотничьей птицы в неволе, хотя бы и в ханских чертогах. Джами обличал несправедливость, в его творчестве встречаются мотивы осуждения произвола и насилия, причем поэт указывал, что власть имущие не имеют права предаваться усладам жизни, когда народ гибнет от нищеты и притеснений. В одной из своих поэм, сурово порицая стоящего у власти человека, на столе у которого плоды и куры, отнятые у вдов и сирот, а в поварской — дрова, выхваченные из вязанки согбенного старца, Джами писал, обращаясь к этому властителю:

Целые города разграбляет твое притеснение
Только для того, чтобы построить тебе один дворец⁵².

Джами был также крупным ученым и славился глубокими познаниями в грамматике, логике, философии, математике, астрономии и т. д. Он написал сочинения, посвященные арабской грамматике и богословию, трактаты по теории музыки, о рифме и т. п. Поэтический дар и разносторонняя образован-

⁵¹ См. Занд, *Шесть веков славы*, стр. 213—215, 218, 219, 221, 222.

⁵² Бертельс, *Навои*, стр. 174.

ность Джами создали ему величайший авторитет среди культурного общества Герата его времени. В вопросах поэзии он считался высшим судьей.

Одной из самых ярких фигур не только среди мастеров искусства и людей науки, непосредственно связанных с Гератом в XV в., но и во всемирной истории культуры был Алишер Навои—поэт, ученый, государственный деятель и меценат. Он писал главным образом на литературном языке тюрков Средней Азии, называвшемся «чагатайским» (староузбекский), но также и на персидском языке.

Прямая линия преемственности и величайшее значение для истории узбекской литературы его поэтических произведений, написанных на языке, из которого развился новоузбекский литературный язык, послужили основанием для признания узбеками Алишера Навои основоположником своей литературы. В 1948 г. не только узбекский народ, но вместе с ним и все народы Советского Союза торжественно отмечали 500-летие со дня рождения Алишера Навои. В праздновании юбилея великого поэта узбекского народа, которое состоялось в 1948 г. в Ташкенте, приняла участие и афганская делегация.

Личность и творчество государственного деятеля и великого поэта оставили неизгладимую память и среди туркменского народа. Стихотворные произведения Алишера Навои получили самую широкую популярность среди туркмен, являясь обязательной частью репертуара народных певцов («бахши»). О Мир Али (Алишер Навои) и Солтан-Союне (султани Хусейне) были созданы многочисленные туркменские народные рассказы, в некоторых из них Мир Али представлен в образе защитника обездоленного люда от самоуправства феодалов⁵³. Очень большое воздействие поэтическое творчество Алишера Навои оказало и на литературы многих других тюркоязычных народов — от Турции до Синьцзяна.

Лирические стихотворения Алишера Навои, переложенные на музыку садром Марваруди, распевались, по свидетельству Васифи, чуть ли не в каждом доме Герата. Будучи широко образованным человеком, Навои всячески покровительствовал ученым, артистам и художникам. Крепкая дружба связывала Алишера Навои с его старшим современником Джами, которого он поддерживал и очень уважал. Ему Навои посвятил пять своих знаменитых поэм «Хамсе» («Пятерица»). «Неизвестно, — пишет Захир ад-Дин Бабур, — существовал ли когда-нибудь другой такой покровитель людей науки и искусства, как Алишер-бек. Устад Кул Мухаммед Шейх Найн и Хусейн Уди, великие мастера в игре на инструментах, сни-

---

⁵³ См. там же, стр. 262—264.

скали столь большую славу и успех благодаря помощи и поддержке бека. Устад Бехзад и Шах Музаффар (миниатюристы гератской школы. — В. Р. и В. М.) тоже стали столь славны и известны вследствие забот и стараний бека»⁵⁴.

С именем Алишера Навои связана деятельность и двух известных историков: Мирхонда, умершего в Герате в 1498 г., и его внука Хондемира, писавшего в конце XV — первой половине XVI в.

Архитектура, которой уделялось большое внимание еще в правление Шахруха, продолжала развиваться и при султানে Хусейне. К сожалению, зодчество Герата второй половины XV в. больше известно по описаниям современников, чем по сохранившимся памятникам. Разрушительная рука времени в одних случаях и многочисленные поздние переделки в других привели к тому, что до нашего времени почти не сохранилось гератских строений эпохи султана Хусейна и его знаменитого везира.

Судя по описаниям, архитекторы второй половины XV в. разрабатывали принципы объединения нескольких монументальных сооружений в единый ансамбль, подобно тому как это было сделано при возведении комплекса Мусалла. Недалеко от него при султани Хусейне было построено медресе.

Подобно медресе Гаухаршад, это — крупное архитектурное сооружение, занимавшее площадь 50×45 м. По четырем его углам расположены минареты, которые являются единственной частью всей постройки, дошедшей до наших дней. Их цилиндрическое тулово покрыто богатейшей мозаичной облицовкой, превосходящей по пышности даже соседнее медресе Гаухаршад. Облицовка выполнена в светло-голубых тонах и представляет собой ряд панно, разделенных бордюром из переплетающихся линий белого цвета⁵⁵. Минареты медресе султана Хусейна наряду с минаретами Мусалла и в настоящее время в известной мере определяют общий архитектурный облик Герата.

Из многочисленных построек, сооруженных по повелению Алишера Навои, следует упомянуть медресе и ханаку (называемые соответственно Халасия и Ихласия), дворец Алишера (известный под именем Унсия), баню и больницу. В этих медресе и ханаке занимался и историк Мирхонд.

Особенно широкую известность получили работы по ремонту соборной мечети Герата, проведенные под руководством Алишера Навои. По справедливому замечанию исследо-

⁵⁴ «Бабур-наме», пер. Салье, 199.

⁵⁵ Вугон, *Timurid monuments in Afghanistan*, p. 37; idem, *Timurid architecture*, p. 1130.

вателей, перестройки этой мечети как бы отразили все периоды подъема городской жизни в Герате. Время султана Хусейна связано с крупными строительными работами, проводившимися в конце жизни Алишера Навои. Они были начаты в 1498 г. и закончены в 1500 г.⁵⁶ Наряду с перестройкой стен мечеть была богато декорирована изразцовой мозаикой, которая частично сохранилась наряду с более поздними облицовками. Чистые синие, голубые и белые тона составляют ее характерную гамму.

Несколько парадоксальным является тот факт, что один из наиболее ярких памятников рассматриваемого времени сохранился не в Герате, где строительная деятельность приобрела буквально грандиозные масштабы, а далеко за пределами этого блестящего города и его окружи. Это великолепный мавзолей Ходжа Абу Наср Парса в Балхе. Покрытый богатейшей изразцовой декорацией портал мавзолея обрамлен по краям полуколоннами в виде витого жгута, динамично устремленного ввысь (табл. 34). Верх портала образован сквозной аркатурой (ревак) — прием, возникший еще при Шахрухе. Ребристый купол также напоминает мавзолей Гаухаршад. Четкий по соотношению архитектурных объемов, броско и эффектно декорированный, этот мавзолей свидетельствует о великолепном мастерстве зодчих эпохи султана Хусейна⁵⁷.

Значительно хуже, чем мавзолей Ходжа Абу Наср Парса, сохранилась мечеть Ходжа Ага-шаха, находящаяся в окрестностях Балха.

В соседнем с Балхом городе Мазари-Шарифе, который постепенно затмил старую столицу Бактрии, при султানে Хусейне начал складываться большой архитектурный комплекс у так называемой гробницы Али. Однако ввиду обилия позднейших реставраций и перестроек без специального исследования трудно выделить части, относящиеся к тимуридскому периоду. Неподалеку от этого комплекса сохранились остатки купольной постройки, которую можно датировать, судя по остаткам мозаичной облицовки, XV в.

Бехзад и гератская школа миниатюры

Другой областью искусства, сохранившиеся памятники которой позволяют непосредственно ощутить биение творческого пульса эпохи, являются миниатюры. Выше уже упоминалось, что под покровительством Шахруха и Байсункара начала складываться вполне самостоятельная гератская шко-

⁵⁶ Массон М., *К исторической топографии Герата*, стр. 130, 131.

⁵⁷ Byron, *Timurid monuments in Afghanistan*, p. 36.

ла миниатюристов. Своего высшего расцвета искусство художников Герата достигло во второй половине XV — начале XVI в.

Несмотря на специфический характер миниатюры как особого вида живописи, в ней в полной мере проявились основные особенности исторического развития изобразительного искусства восточного средневековья. Из изложенного выше видно, как жизненное, реалистическое искусство Гандхары сменяется в VII в. живописью, в которой человеческая индивидуальность отступает на второй план перед условными канонами, манерной традиционностью и вычурным украшательством (фрески Фундукистана). Как свидетельствуют остатки живописи, обнаруженные в Лашкаргахе (видимо, XI—XII вв.), эти черты с течением времени усиливаются. Художника, изобразившего воинов газневидской гвардии, насколько не интересует индивидуальная характеристика персонажей. Все фигуры выполнены по нескольким общим схемам, условно абстрактны и лица гвардейцев. Но зато их одежда стала предметом пристального внимания живописца, передающего с особой тщательностью и любованием сложные узоры пестрых тканей.

Если обратиться к миниатюрам раннегератской школы, то без труда можно найти эти же принципы, общие для искусства феодальной эпохи многих стран. Человеческие фигуры условно статичны, их позы и повороты канонизированы. Вместе с тем миниатюры выполнены с профессиональным мастерством и художественным вкусом. Гармоничная композиция рисунка, точно подобранная цветовая гамма, пластичность линий — все это создает впечатление изящного камерного искусства. В нем не видно ни попыток философского обобщения, ни отражения волнующих эмоциональных идей, ни стремления к глубокому раскрытию сущности изображенного. Это искусство, совершенное по форме, во многом декоративно, что, очевидно, отвечало эстетическим запросам господствующих общественных слоев той эпохи.

Во второй половине XV в. гератские мастера, с одной стороны, продолжили традиции своих предшественников, с другой — пытались несколько изменить подход к принципам и задачам искусства. Имена выдающихся художников этого времени известны как по сведениям, сохранившимся в записях современников, так и по подписям мастеров под своими произведениями. Первым среди них несомненно должен быть назван Камаль ад-Дин Бехзад. «Чудом нашего века» называл его Хондемир, прибавляя следующее двустишие:

Волос его кисти благодаря его мастерству
Дал жизнь неодушевленным предметам.

Бехзад родился в Герате около 1455 г. Его воспитателем и учителем был Ага Мирек, выдающийся миниатюрист и придворный библиотекарь султана Хусейна. Для библиотеки султана работал и Бехзад, хотя отдельные его произведения выполнялись и для других заказчиков, в частности для Алишера Навои. После распада государства султана Хусейна художник по повелению шаха Исмаила переехал в Табриз, где, видимо, и умер в 30-х годах XVI в. По свидетельству одного из источников, Бехзад был похоронен в Герате⁵⁸.

Двумя другими художниками, также заслужившими большую известность, были Шах Музаффар и Касем Али. Упоминая о Шах Музаффаре как об одном из самых знаменитых художников и ставя его рядом с Бехзадом, Бабур отметил, что Шах Музаффар «рисовал очень тонко»⁵⁹.

Касем Али был как будто учеником Бехзада и, как и его учитель, работал для библиотеки султана Хусейна. Считалось, однако, что его рисунки грубее произведений самого Бехзада и, в частности, менее симметричны. Конец жизни Касем Али провел в Систане, но о его творчестве этого периода ничего не известно⁶⁰.

Художники-миниатюристы не только иллюстрировали рукописи. Так, известно, что Ага Мирекон написано большинство надписей, выкладывавшихся в мозаике на многочисленных постройках в Герате⁶¹. Сохранялась и традиция монументальной живописи. В середине XV в. было построено дворцовое здание Тараб-хане, в котором в пору правления Тимурида Абу Саида поместили картины, изображающие битвы и сражения⁶².

Несмотря на наличие миниатюр с подлинными подписями Бехзада и Касема Али, среди специалистов имеются значительные разногласия по поводу определения авторства неподписанных миниатюр, которых подавляющее большинство. Не вдаваясь в детали искусствоведческого анализа, следует сказать, что в целом гератские миниатюры второй половины XV — начала XVI в. настолько близки между собой, отражая общее «бехзадовское» направление, что конкретная их атрибуция не всегда возможна, а в ряде случаев и не так существенна.

Из произведений Бехзада наиболее известны миниатюры к двум спискам «Бустана» Саади (один датируется 1478 г., другой — 1488 г.), иллюстрации к «Хамсе» Низами и к исто-

⁵⁸ О биографии Бехзада см. Данике, *Живопись Ирана*, стр. 82—90.

⁵⁹ «Бабур-наме», пер. Салье, 211.

⁶⁰ Binyon-Wilkinson-Gray, *Persian miniature painting*, pp. 189, 190; Денжиге, *Живопись Ирана*, стр. 108—110.

⁶¹ Stchoukine, *Les peintures*, p. 21.

⁶² «Бабур-наме», пер. Салье, 221.

рическому сочинению «Зафар-наме». Две последние рукописи относятся к относительно раннему времени, но исследователи единодушно сходятся во мнении, что миниатюры в эти манускрипты были добавлены позднее.

Бехзад, в совершенстве владея всеми достижениями и лучшими традициями предшествующей эпохи, сумел сказать новое слово в искусстве. Прежде всего изумительно композиционное мастерство Бехзада. Его миниатюры уравновешенны и предельно ритмичны, но вместе с тем, например, батальные сцены полны движения и драматизма. Чтобы достичь совершенства в композиции, Бехзад писал ряд эскизов, прежде чем принять окончательный вариант.

Его миниатюры отличаются блеском колорита, обилием ярких контрастирующих тонов. Так, Бехзад любил вводить в число персонажей своих произведений негра или негрятянку, умело используя контрасты цвета для колористических эффектов⁶³. Вместе с тем свойственные Бехзаду богатство палитры и смелость в применении контрастирующих красок отнюдь не приводят к распадению единства композиции, рисунка и цвета. Художник настолько хорошо владел искусством колорита, что даже при самых резких цветовых контрастах в деталях ему, как правило, удавалось полностью решать задачу общей гармонии цветовой гаммы в каждом произведении. О разносторонности дарования Бехзада как живописца свидетельствует его умение находить светлые, нежные, порой глубоко лирические тона для таких деталей пейзажа, как кустарники и деревья в весеннем цветении или спокойная поверхность бассейна в саду на фоне голубого неба.

Особенно знаменательны для творчества Бехзада и его круга реалистические тенденции, проявившиеся в форме традиционного искусства — восточной миниатюры, а также обращения художника к человеческой индивидуальности. Весьма реалистичны у Бехзада изображения животных, которых он любил писать в обрамлении пейзажа. Их движения, позы и повороты не подчинены канонам, сковывавшим художников раннегератской школы. Бехзад отличался большим искусством в передаче движения, выделяя и подчеркивая найденную им основную, самую характерную линию рисунка.

Обращаясь к повседневной жизни, Бехзад в некоторых своих произведениях далеко выходит за пределы традиционной тематики миниатюристов. Таковы его знаменитые миниатюры, изображающие постройку мечети в Самарканде.

---

⁶³ Подобного рода приемом пользовались также известные контрастов мастера колорита, как Тинторетто, Рубенс, а позднее Брюллов и некоторые другие художники.

Он сумел показать совместный труд многих людей, и вместо абстрактных персонажей произведений раннегератских мастеров перед нами живые люди, испытывающие и радость творчества, и тяжесть подневольного труда.

Бехзад делает и следующий шаг к глубокому раскрытию человеческой психологии средствами изобразительного искусства — он обращается к портрету. Известен ряд портретов, созданных рукой Бехзада. Один из самых замечательных среди них — портрет султана Хусейна (табл. 35). Перед нами несколько идеализированный, но в то же время вполне конкретный и жизненный образ мужчины большой физической силы. Это крупный, широкий в плечах человек атлетического телосложения (вспомним, что Бабур, описывая султана Хусейна, отмечает, что он лучше всех рубил саблей)⁶⁴. За внешней холодностью лица чувствуется коварный, а иногда и беспощадный восточный деспот.

Поразительной правдивостью отличается портрет Гариб Мирзы, одного из сыновей султана Хусейна, написанный художником, чье имя осталось неизвестным. Весьма своеобразные черты лица царевича с очень большим носом, нависающим над несоразмерно маленьким ртом, переданы немногими линиями с убедительной простотой, свойственной только самым выдающимся мастерам рисунка и заставляющей зрителя видеть так, как видел художник, веря в полное соответствие жизненной правде созданного им образа.

Отнюдь не следует преувеличивать степень развития реалистических тенденций в творчестве гератских художников. Возможности мастеров изобразительного искусства ограничивались отсутствием научного изучения перспективы, анатомии и т. д., что сказывалось отрицательно даже в таких отмеченных печатью гения произведениях, как работы Бехзада и лучшие миниатюры его учеников. Дальнейшему развитию реалистических тенденций в творчестве гератских художников препятствовало сохранение канонической и традиционной формы миниатюры. Но и в этих рамках свежей струей пробивалось новое веяние, свидетельствуя о возникновении нового направления в художественном творчестве. Обращаясь к причинам, его породившим, вполне правомерно связывать его возникновение с тем фактом, уже отмеченным выше, что в Герате в XV в. искусство переставало быть достоянием только замкнутого и узкого круга придворной аристократии. К нему приобщались и средние слои городского населения.

⁶⁴ Бабур, характеризуя султана Хусейна, писал: «Он был человек с раскосыми глазами, коренастый, сложенный как лев, ниже пояса он был тонкий... Среди потомков Тимурбека не знают никого, кто бы так рубил клинком, как султан Хусейн Мирза» («Бабур-наме», пер. Салье, 190, 191).

Было бы неправильным переоценивать значение этого факта, а тем более думать, будто достижениями культуры и искусства в эпоху Тимуридов могли сколько-нибудь широко пользоваться массы трудящегося городского населения. То была классовая культура феодального общества, и она оставалась в основном привилегией сравнительно немногочисленной его верхушки. В особенности это следует подчеркнуть в отношении таких видов искусства, как письменная художественная литература, главным жанром которой тогда была поэзия.

В литературной жизни, как правило, могли принимать участие лишь материально обеспеченные люди, которые имели возможность уделить значительную часть своего досуга на приобретение познаний, необходимых для литератора или квалифицированного ценителя поэзии того времени. «Упоминание в числе поэтов ремесленников, отмечал Е. Э. Бертельс, — конечно, не значит, что всякий гератский булочник или каменотес был или мог быть поэтом. Приобщиться к поэзии в этих кругах могли лишь немногие, зачастую ценой невероятнейших жертв»⁶⁵.

Обращаясь к социально-экономическим и политическим условиям, в которых происходило развитие культуры тимуридского Герата, следует отметить, что в XV в. в Хорасане имел место некоторый экономический подъем, особенно в первой половине этого столетия. К числу наиболее значительных и наиболее известных фактов относится восстановление ирригационной системы Мерва, начатое по приказу Шахруха в 1410 г.

В результате произведенных работ был возрожден Мервский оазис, находившийся в запустении со времени нашествия Чингисхана. Руководили этими работами видные сановники. Шахрух приказал, чтобы в них приняли участие «со всех сторон и концов государства турки и таджики, низкие и знатные»; делу было придано важное значение, отстроен город, значительно пополнилось переселенцами земледельческое население оазиса⁶⁶.

Во времена Тимуридов было частично восстановлено значение торгового пути в Китай, проходившего из Ирана и Индии через Герат и далее через Мерв или Балх на Самарканд, а затем через Тараз. О восстановлении в XV в. торговых связей Средней Азии и Хорасана с Китаем свидетельствуют об-

⁶⁵ Бертельс, *Навои*, стр. 27.

⁶⁶ Хафиз-и Аbru, л. 160-а — 160-б; Абд ар-Раззак, лл. 290-б, 291-а; Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 62—68; МИТТ, I, стр. 525, 526, 530.

наруженные советскими археологами при раскопках горюдища Новой Нисы этого времени многочисленные фрагменты китайского фарфора с марками императоров династии Мин. Установлено, что в конце XIV — начале XV в. возродилась жизнь на расположенных между Мервом и Серахсом станциях торгового пути⁶⁷.

Одной из главных станций на этой трассе был г. Данданакан⁶⁸ (памятный по происшедшей неподалеку от него в мае 1040 г. исторической битве, в которой туркмены-сельджуки разбили войско Газнеvida Мас'уда I). Интересный материал дало исследование развалин, известных ныне под именем Хоуз-Хан-Кала, отождествляемых с упоминавшимся средневековыми авторами крупным поселением — Тильситана⁶⁹. В XIII — XIV вв. караван-сарай в этом месте были заброшены, а в конце XIV — начале XV в. в 200 м южнее были построены новый караван-сарай и жилые помещения, в дальнейшем же (XVI—XVII вв.) вновь обжитая площадь станции опять оказалась заброшенной⁷⁰.

Оживление хозяйственной жизни в Хорасане при Тимуридах, несомненно имевшее место в первой половине XV в., отнюдь не ограничивалось развитием торговли с дальними странами или даже возрождением таких пришедших в прошлом в запустение отдельных очагов земледельческой культуры, как Мервский оазис.

Известный подъем, оказавшийся, правда, кратковременным, происходил в основной отрасли экономики — в земледелии Хорасана в целом. И. П. Петрушевский характеризует именно первую половину XV в. как период очередного временного подъема сельского хозяйства Ирана, связывая его, применительно к владениям Тимуридов, с проводившейся при

---

⁶⁷ Адыков, *Главные станции*, стр. 216, 220, 226.

⁶⁸ Там же, стр. 222—224.

⁶⁹ Историко-археологическое изучение Хоуз-Хан-Калы дало материал, позволяющий судить о многих существенных сторонах жизни поселения, о которых в письменных источниках сведений нет. Археологические исследования помогли понять, как решались на станциях торгового пути такие жизненно важные для Хорасана и Средней Азии вопросы, как водоснабжение и ирригация, каков был характер и уровень ремесленного производства в поселении, расположенных на этом пути, и т. п. Было бы весьма интересно дополнить этот археологический материал раскопками на отрезке пути, проходившем на территории Афганистана. Поселение Хоуз-Хан-Кала представляло собой одну из крупных остановок «с укреплениями, караван-сараями, колодцами, сардобой, арыком, керамическими, кирпичеобжигательными и стеклодувными печами, массивными строениями, возведенными из сырового и жженого кирпича» (Адыков, *Главные станции*, стр. 220).

⁷⁰ Адыков, *Главные станции*, стр. 220.

Шахрухе политической фиксации феодальной ренты и некоторым снижением податей⁷¹.

Во времена смут после смерти Шахруха хозяйство в Хорасане, как уже отмечалось выше, значительно пострадало. Но в годы относительного благополучия при султানে Хусейне, особенно в первый период его правления, когда на руководство политической сильнейшее влияние оказывал Алишер Навои, хозяйственная жизнь в государстве находилась на более высоком уровне, чем в Мавераннахре⁷².

Но, несмотря на некоторый экономический подъем в Хорасане в XV в., хозяйство его в это время не достигло уровня X—XII вв. Сравнение данных географа X в. Ибн Русте о количестве селений в Гератской области со сведениями географа XV в. Хафиз-и Абру показывает, что при Тимуридах селений в этой области было примерно в два раза меньше⁷³. Как установлено советскими археологами, тимуридский Мерв оставался сравнительно небольшим городом площадью всего в 0,4 кв. км, значительно уступая домонгольскому Мерву, и не восстановил своего бывшего значения крупнейшего ремесленно-торгового центра⁷⁴.

При Тимуре и Тимуридах происходило дальнейшее развитие крупной феодальной земельной собственности. В этот период феодальная система и организация общества в целом в Хорасане и других тимуридских владениях в Иране и в Средней Азии приобрела вполне оформленный вид. Крестьянство подвергалось жестокой эксплуатации и в большинстве своем находилось в непосредственной зависимости от феодалов. Формы земельной собственности, феодальная иерархия, военная система, феодальные права иммунитета и т. д. достигли полного развития.

Широко была распространена такая типично феодальная форма земельной собственности, как «суюргал» (по-монгольски «пожалование»). Государь жаловал в суюргал своим вассалам территории различного размера, иногда очень большие, причем царевичи получали в уделы целые области, но бывали и случаи пожалования лишь одной-двух деревень. Суюргал в отличие от прежних форм условного феодального держания земли представлял собой наследственное земельное владение с правом полного иммунитета — не только налогового, но и судебно-административного. Все должностные лица на территории суюргала назначались его владетелем, а чиновникам центрального государственного аппарата въезд на эту территорию был запрещен. Владельцы суюргалов име-

⁷¹ Петрушевский, *Земледелие*, стр. 101, 113, 354, 357.

⁷² «История Узбекской ССР», т. I, кн. I, стр. 359.

⁷³ Петрушевский, *Земледелие*, стр. 93.

⁷⁴ «История Туркменской ССР», т. I, кн. I, стр. 332, 333.

ли свои военные отряды и были связаны с более крупными феодалами и с центральной властью только вассальными отношениями. Владельцы крупных суюргалов распоряжались сами земельным фондом и от себя давали земли в суюргал своим вассалам ⁷⁵.

Значительная часть других категорий феодальной земельной собственности, так же как и суюргал, имела привилегированный характер. Многие мульковые земли полностью освобождались от податей в казну или облагались только «ушром» (десятина). Полностью были освобождены от налогов все вакуфные земли ⁷⁶.

В государстве Тимуридов продолжалась концентрация земель в руках крупнейших феодалов. Духовные лица также получали суюргалы. Так, на территории нынешнего Северного Афганистана еще Тимур пожаловал г. Андхой в удел своему духовному покровителю сейиду Береке. В XV в. этим городом продолжали владеть потомки Береке ⁷⁷.

Многие феодалы, крупные и мелкие, пользовались разнообразными личными привилегиями на основе выданных им тарханных грамот. Они освобождались от податей и от суда и наказания за первые девять проступков, приобретали права на преимущество при разделе военной добычи и т. д. ⁷⁸.

Раздача земельных пожалований и увеличение количества привилегированных земель привели во второй половине XV в. к ослаблению власти государей Герата. Налоговые поступления в казну сокращались, вассалы государей, имея право вершить суд и располагая военными силами, приобретали все большую фактическую самостоятельность и все чаще выходили из повиновения центральной власти.

В последней четверти XV в. во владениях султана Хусейна Байкары государственные налоги с крестьян были значительно увеличены. В тимуридский период положение крестьян ухудшалось в результате введения нового правила, по которому размер основного поземельного налога — «хараджа» — стал определяться и частично взиматься до уборки урожая ⁷⁹. Кроме этого главного налога, поступавшего в государственную казну или в пользу отдельных феодалов, крестьяне платили подушную подать («сар-шумар») и различные сборы, облагались всевозможными чрезвычайными нало-

---

⁷⁵ О суюргале см. Беленицкий, *К истории феодального земледелия; Якубовский, Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои; Пигулевская и др., История Ирана*, стр. 240; Петрушевский, *Земледелие*, стр. 63, 272—274.

⁷⁶ Молчанов, *К характеристике налоговой системы*, стр. 162—165.

⁷⁷ Бартольд, *Улугбек*, стр. 17.

⁷⁸ Пигулевская и др., *История Ирана*, стр. 241.

⁷⁹ Арунова, *К истории народных выступлений*, стр. 95.

гами и должны были выполнять ряд повинностей⁸⁰. Власти в государстве султана Хусейна понижали против обычных цены на поставленные крестьянами в счет налога продукты, что фактически увеличивало размер установленных податей. Тяжесть налогов, которыми были задавлены крестьяне, увеличивалась злоупотреблениями и произволом при их сборе. Так, налог на фруктовые деревья, установленный в Хорасане, взимался и с нефруктовых деревьев⁸¹. Увеличение феодальной эксплуатации во времена Тимуридов было связано с развитием ленной системы и ростом привилегированной феодальной земельной собственности.

Обострение социальных противоречий в государстве Тимуридов, обусловленное развитием феодализма, вызывало народные волнения, неоднократно выливавшиеся в вооруженные восстания. В области идеологии классовая борьба проявлялась в форме «еретических» религиозных учений, распространенных в XV в. в странах Среднего и Ближнего Востока. Правда, в феодальной историографии содержатся, как правило, лишь краткие и глухие упоминания о народных восстаниях.

Несмотря на самый жестокий террор, Тимур не удалось положить конец движению сарбадаров в Южном Хорасане. В 1405 г., сразу же после его смерти, в Сабзаваре произошло сарбадарское восстание, подавление которого оказалось для войск Шахруха весьма нелегким делом. Отмечая, что в первой половине XV в. Иран пережил новую полосу народных восстаний, И. П. Петрушевский указывает, что именно в Хорасане еще в конце XIV в. из крайних шиитских сект выделилась секта хуруфитов, распространившая затем свое учение среди ремесленников и городской интеллигенции ряда стран Среднего и Ближнего Востока, включая Сирию и Османскую Турцию⁸². Основоположником этой секты был азербайджанец Фазлаллах, по прозвищу Хуруфи⁸³. Он был сослан Тимуром в Азербайджан, где его убили в 1401 г. по приказу Миран-шаха. Среди выдающихся приверженцев секты хуруфитов был талантливый поэт Касими Анвар, долго живший в Герате (ум. в 1434 г.). Ему приписывали учение об общности имущества⁸⁴. 21 февраля 1427 г. Ахмед Лур, ученик Фазлаллаха Хуруфи, совершил покушение на жизнь сул-

⁸⁰ Молчанов, *К характеристике налоговой системы*, стр. 166—168.

⁸¹ Абунова, *К истории народных выступлений*, стр. 35.

⁸² Пигулевская и др., *История Ирана*, стр. 234, 235.

⁸³ Там же. Прозвище его и название секты «хуруфиты» происходят от арабского слова «хуруф» («буквы» — мн. ч. от «харф») и возникли в связи с тем, что в созданном основоположником секты своеобразном учении о развитии человечества буквы арабского алфавита служили для мистического обозначения циклов этого развития.

⁸⁴ Там же, стр. 235.

тана Шахруха в гератской соборной мечети и нанес ему опасную рану в живот. Шахрух остался жив, Ахмеда Лура изрубили султанские слуги, а по найденному у него в кармане ключу был обнаружен дом, в котором происходили собрания тайного хуруфитского кружка, организовавшего покушение. Кружок этот возглавлял известный каллиграф маулана Маруф. В причастности к покушению был заподозрен и поэт Касими Анвар; он избежал казни, может быть, благодаря своей славе поэта, однако его выслали из Хорасана⁸⁵.

Во второй половине XV в. в Герате неоднократно происходили народные волнения, не раз выливавшиеся и в вооруженные восстания. Об одном из восстаний, вспыхнувшем во время смут, наступивших в Герате после смерти Абу-л-Касима Бабура (1452—1457), сообщает историк Исфизари. Один из феодальных военачальников, эмир Абу Саид, объявил себя правителем Герата и назначил своих ставленников на высокие должности. Они присвоили себе урожай с некоторых вакуфных земель, увеличили в несколько раз размер подушной подати и собрали, прибегая к насилиям и убийствам, за короткий срок большие суммы. Народ поднялся против этих притеснений, причем к восстанию присоединились некоторые эмиры, недовольные Абу Саидом. Тимуридский царевич Махмуд-мирза, к резиденции которого в Баги-Заган направились громадные толпы народа, требовавшие справедливости, объявил, что деньги, собранные с налогоплательщиков, должны быть возвращены. Эмир Абу Саид бежал из города, но был настигнут гератцами и убит в завязавшемся сражении, а тело его было повешено на городских воротах⁸⁶.

Исфизари кратко сообщает также о народном выступлении в Гератской области, в ходе которого восставшие во главе с неким Берке, человеком из простого народа, захватили крепость Нарату⁸⁷. Известно также о восстании городских низов в Герате, происшедшем в 1470 г., в самом начале правления султана Хусейна Байкары. Восстание это было направлено против непосильных налогов, введенных финансовыми чиновниками. Султану Хусейну удалось ликвидировать восстание путем переговоров и некоторых уступок налогоплательщикам. Главную роль в этом сыграл Алишер Навои, которому султан поручил поехать в город, выяснить все обстоятельства и успокоить народ. Алишер Навои приказал прочесть в соборной мечети указ об отмене незаконных податей, распорядился арестовать и предать суду некоторых финансовых чиновни-

---

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ См. Арунова, *К истории народных выступлений*, стр. 35, 36.

⁸⁷ Там же, стр. 36.

ков. В связи с этим восстанием власти были вынуждены освободить на два года ремесленников и крестьян округа Герата от чрезвычайных налогов и сборов на содержание войска.

Таковы были в самых общих чертах социально-экономические и политические условия, в которых происходило развитие культуры Герата в XV в. Городская культура Герата XV в. развивалась в условиях зрелого феодального общества, и ее достижения можно считать одной из высших точек подъема культуры средневекового Востока.

Во всяком случае для полного представления о социально-экономических и политических условиях, в которых развивалась культура Герата в XV в., еще недостаточно общей характеристики тимуридского государства и социальных отношений в нем, в главных чертах исследованных и определенных советскими историками Средней Азии и Ирана. Необходимо учитывать особенности положения Герата и внутренней жизни города. К сожалению, имеющиеся в литературе сведения социально-экономического характера очень скудны.

К упоминавшимся выше ценным историко-культурным данным о средних слоях населения Герата, извлеченным А. Н. Болдыревым при исследовании мемуаров Васафи, следует добавить приведенное А. М. Беленицким весьма интересное место из исторического сочинения Хондемира, ярко отражающее интенсивность торгово-ремесленной жизни города и косвенно показывающее значительное развитие цеховой организации ремесленного производства. Здесь говорится об участии ремесленников в одном из пышных праздников и увеселений, которые часто устраивались тимуридскими правителями Герата в пригородных садах. «Ремесленники заняли правую сторону дороги, начиная от входа до центрального хауза. Они построили удивительные дуканы и киоски, по своим украшениям [подобные] китайским картинным галереям и способные вызвать зависть у звезд зодиака. Были показаны разного рода удивительные зрелища и занимательные выдумки»⁸⁸. Далее сообщается самое примечательное: «каждый цех в соответствии со своим ремеслом» подготовил «редкостную забаву» и какие-то «невиданные фигуры».

В связи с приведенным кратким рассказом Хондемира А. М. Беленицкий замечает, что в празднествах, устраивавшихся Тимуридами в Герате, зачастую принимало участие множество городских ремесленников и торговцев, «которые придавали этим празднествам характер производственно-це-

⁸⁸ Беленицкий, *Историческая топография Герата*, стр. 193.

ховых карнавалов»⁸⁹. Весьма интенсивная торгово-ремесленная жизнь столичного города, расположенного в древней культурной области Хорасана, на перекрестке путей, соединявших наиболее развитые для своего времени города и области Мавераннахра и Ирана, создавала исключительно благоприятные условия для расцвета искусств и художественных ремесел в Герате.

Широкие международные связи хорасанской столицы Тимуридов развивались не только со странами Востока, но и с отдаленными государствами Европы. О восстановлении при Тимуридах торговли с Китаем уже говорилось выше. При Шахрухе обмен посольствами с Китаем происходил часто. С 1407 по 1421 г. он совершался почти ежегодно, причем приезжавших в государство Тимуридов китайских послов встречали с большой торжественностью в Самарканде и в Герате. Шахрух установил дипломатические отношения с Османской Турцией, а в 1441/42 г. отправил посольство в Индию, знаменитое благодаря тому, что в нем принимал участие историк Абд ар-Раззак Самарканди, оставивший его описание.

Этот же историк в своем сочинении «Матла ас-Садайн» кратко сообщает о прибытии в Герат русского посольства. В 1464/65 г., когда Абу Саид находился в Герате, «падишах вилайета Урусского», говорится в сообщении, прислал ко двору гератского правителя своих послов. Абу Саид с большим почетом встретил послов⁹⁰. При султানে Хусейне в 1490 или 1491 г. из Герата было отправлено посольство к Ивану III. Возглавлял его «Урус-бахадур», а цель его поездки, по выражению русской летописи, состояла в заключении договора «о любви и о дружбе»⁹¹.

Со странами Западной Европы в годы правления султана Хусейна существовали довольно значительные торговые связи, причем в доставке товаров и изделий из Европы в государство Тимуридов принимали в какой-то мере участие и непосредственно «франкские» купцы⁹². Как известно, тимуридский царевич Захир ад-Дин Бабур, применивший при завоевании Индии артиллерию, которой еще не было у его против-

---

⁸⁹ Там же. Дополнительный и сравнительный историко-этнографический материал об этом см. в работе: Беленицкий, *Из истории*, стр. 189—201.

⁹⁰ Тизентаузен, *Первое русское посольство в Херате*, стр. 30, 31.

⁹¹ См. Семенов, *Некоторые данные*, стр. 81.

⁹² Одно из упоминаний в источниках о приходивших в Герат «франкских» караванах приводится В. В. Бартольдом в связи с рассказом о конце карьеры сановника Меджд ад-Дина (противника Алишера Навои), который бежал из Герата в Керман с «караваном франков» (Бартольд, *Мир-Али-Шир*, стр. 150).

ников, был знаком с «румским» огнестрельным оружием и военным искусством, а также упоминал в своих «Записках» и об имевшихся у него «франкских» пушках.

Не приходится сомневаться в том, что гератским живописцам и мастерам художественного ремесла были в какой-то мере известны образцы художественных изделий и изобразительного искусства не только Китая, но и Европы⁹³. Однако гератское искусство XV в. было столь оригинальным, а художественное ремесло находилось на таком высоком уровне, что у мастеров изобразительного искусства и художественного ремесла Герата того времени можно искать лишь творчески претворенные влияния, но никак не заимствования, сводящиеся к копированию чужих образцов и к бледной подражательности. Судя по интересному примеру из сочинения «Хабиб ас-Сияр» Хондемира, приведенному В. В. Бартольдом, в Герате были весьма талантливые и искусные мастера-художники, способные создавать произведения, не уступавшие или мало в чем уступавшие лучшим привозным изделиям. Таким мастером был живописец Хаджи Мухаммед, находившийся на службе у Алишера Навои в качестве библиотекаря. Этот живописец «достиг большого совершенства в выделке фигур и в позолоте; некоторое время он занимался приготовлением фарфора и после долгих опытов стал изготовлять сосуды, очень похожие на китайские, хотя все-таки несколько менее чистого цвета...; он... поставил в библиотеке часы в виде ящика (*صندوق*), в котором была фигура с палкой в руке, дававшая знать по числу ударов, который час (в два часа раздавалось два удара и т. п.)»⁹⁴.

Таких людей привлекала к себе столица Тимуридов. С поправкой на панегиричность и преувеличение в похвалах своему городу надо признать, что в значительной мере все же правы были гератские историки, основываясь на сообщениях которых А. А. Семенов писал, что в Герат свозились всевозможные редкостные изделия и продукты, «какие только есть на свете», и что «самые высококвалифицированные мастера искусств и ремесел «и вообще одаренные люди, которых в других местах нельзя было найти и одиночками, в Герате были многочисленны»⁹⁵.

В город поступали самые лучшие изделия и продукты, привлекались талантливые люди, наиболее удачливые из которых творили при дворе правителей и в дворцах вельмож-

---

⁹³ Бехзаду приписывается исполнение копии с превосходного «Портрета художника», принадлежащего кисти итальянского живописца Джентиле Беллини (работавшего при дворе султанов Османской Турции).

⁹⁴ Бартольд, *Мир-Али-Шир*, стр. 160.

⁹⁵ Семенов, *Некоторые данные*, стр. 71.

мещенатов, а также многочисленные искусные мастера-ремесленники, населявшие по профессиональному признаку улицы и кварталы со специальными базарчиками⁹⁶. Так создавалась основа для процветания города как торгово-ремесленного центра и та среда, от которой во многом зависел расцвет культуры Герата.

Падение власти Тимуридов в Хорасане

Последние годы жизни султана Хусейна Байкары прошли в борьбе с его сыновьями и с непокорными вассалами. В 1497 г. против отца восстал Бади аз-Заман, находившийся в Балхе, а осенью 1498 г. против султана выступили два других его сына: в Мерве и Абиверде⁹⁷. В 1499 г. поднял мятеж Хусрау-шах, один из сильнейших вассалов султана Хусейна. В этом году война с сыновьями стала принимать опасный для султана Хусейна оборот, и ему удалось более или менее удовлетворительно выйти из затруднений лишь благодаря уступкам Бади аз-Заману, сделанным по совету Алишера Навои⁹⁸.

Кроме того, власть султана Хусейна над значительной частью его владений ослабла в результате возвышения вассальной династии Аргунов. Основателем этой династии был Зу-н-Нун-бек Аргун, потомок монгольских ильханов. Вначале султан Хусейн дал Зу-н-Нуну Аргуну фирман на управление Гурум и Систаном⁹⁹. Вскоре этому правителю удалось усмирить племена хазара и никудери, после чего он получил также районы Забулистана и, избрав своей столицей Кандагар, стал фактически самостоятельным владельцем обширных территорий. С помощью своего сына Шах-бека Зу-н-Нун Аргун распространил свою власть на юг, на Боланский проход и Сивистан¹⁰⁰. В 1498/99 г., набрав войско из жителей Гура, Заминдавара и Кандагара (вероятно, из таджиков и афганцев), Аргун вторгнулся в Гератскую область¹⁰¹.

В 1500 г. султан Хусейн совершил поход в Астрабад против своего мятежного сына Мухаммед Хусейна, закончившийся примирением¹⁰². В это время Мухаммед Шейбани, хан кочевых узбеков, вел решительную борьбу с тимуридскими владельцами Средней Азии за Самарканд. Захватив Самарканд и Бухару, Мухаммед Шейбани прочно утвердился в Ма-

⁹⁶ Об этих базарах и базарчиках Герата и его пригородов см.: Беленицкий, *Историческая топография Герата*, стр. 183, 192, 193.

⁹⁷ См. Бартольд, *Мир-Али-Шир*, стр. 151, 154, 155.

⁹⁸ Там же, стр. 156, 157.

⁹⁹ Исфахани, л. 52-б.

¹⁰⁰ См. Dames with others, *Afghanistan*.

¹⁰¹ Ibid.

¹⁰² Бартольд, *Мир-Али-Шир*, стр. 157.

гераннахре и стал готовиться к завоеванию обширных владений султана Хусейна.

Глава Тимуридов был серьезно обеспокоен успехами Мухаммеда Шейбани, но не оказал никакой помощи правителям Самарканда и Бухары. Даже когда эта борьба закончилась победой узбекского завоевателя, султан Хусейн не выступил против него сам, поручив сделать это своему сыну Бади аз-Заману, правившему в качестве наместника Балхом. В начале весны 1503 г. Бади аз-Заман с двенадцатитысячным войском переправился через Аму-Дарью у Термеза, но, не получив ни обещанных ему Хусрау-шахом (вассальным владельцем Хисара) подкреплений, ни вспомогательного отряда от султана Хусейна, отказался от продолжения похода и вернулся в Балх. Эта неудача вызвала замешательство среди Тимуридов и укрепила позиции Мухаммеда Шейбани¹⁰³.

Предпринятый в том же 1503 г. поход узбеков на Балх не привел к сколько-нибудь решающим результатам, так как они не смогли взять город штурмом; Мухаммед Шейбани отвел войска за Аму-Дарью. Но этот поход показал разложение хорасанского государства Тимуридов и продажность их эмиров¹⁰⁴. В 1504 г. Тимуриды пытались объединить свои силы для борьбы с Мухаммедом Шейбани, но попытка эта провалилась. В 1505 г. Мухаммед Шейбани завоевал самую северную часть оставшихся под властью Тимуридов владений—Хорезм, где правил наместник султана Хусейна. Осенью того же года узбеки совершили успешный набег на левобережье Аму-Дарьи; их отряды доходили до Меймене и Фарьяба. Престарелый султан Хусейн и его ближайшие родственники и приближенные отдавали себе отчет в серьезности надвигающейся опасности. Однако взаимное недоверие и подозрительность по-прежнему мешали Тимуридам объединиться.

Только в начале 1506 г. султану Хусейну удалось, помирившись с сыновьями, собрать крупные силы и выступить в решительный поход против Мухаммеда Шейбани. С главными силами, включавшими подкрепления, прибывшие из разных частей его обширного государства, выступил сам султан Хусейн, решивший, несмотря на плохое состояние здоровья и старческую слабость, принять на себя руководство войной, но в пути ему стало совсем плохо, и 5 мая 1506 г. престарелый глава Тимуридов скончался.

Эмиры, собравшись в ставке умершего султана, решили возвести на гератский престол одновременно двух его сыновей: Бади аз-Замана и Музаффара Хусейна. Государи-сопра-

¹⁰³ См. Семенов, *Шейбани-хан*, стр. 57, 58.

¹⁰⁴ Там же, стр. 59.

вители клятвой на Коране скрепили обязательство сохранять до конца своих дней согласие и единение. Однако отсутствие единства среди Тимуридов губительно сказалось уже на ближайших военных событиях.

Вскоре после смерти султана Хусейна узбекские войска совершили набег в сторону Мургаба и разграбили все лежавшие на их пути местности, а отдельные их отряды, переправившись через Мерверуд, опустошили часть Бадгиса. Нападение это вызвало сильную тревогу в столице Тимуридов, где думали, что сам Мухаммед Шейбани во главе большого войска уже выступил в поход на Герат через Мургаб¹⁰⁵. Правда, на сей раз опасения оказались преувеличенными, но вскоре Мухаммед Шейбани сам известил гератских правителей о своих намерениях, направив к ним посла с письмом, в котором требовал повиновения¹⁰⁶. Бади аз-Заман и Музаффар Хусейн задержали посла и стали собирать войска, готовясь к отражению узбекского завоевателя. Пока они готовились, Мухаммед Шейбани осадил Балх. Осажденные нуждались в безотлагательной помощи, так как запасы продовольствия у них были очень невелики.

Но гератским правителям лишь к осени 1506 г. удалось стянуть силы, собрав тимуридских царевичей, заместников и военачальников с их отрядами. Они направились к Балху с многочисленным войском, к которому по пути присоединились хорасанские вассалы и прибывший из Кабула Захир ад-Дин Бабур. Однако, хотя соотношение сил складывалось благоприятно для Тимуридов и в их лагере многие верили в победу, единства мнений о плане ближайших военных действий не было. Пока Тимуриды рассуждали и спорили о том, как воевать с узбеками, голод заставил защитников Балха сдаться Мухаммеду Шейбани.

Узбеки разграбили город, а их осторожный и опытный вождь посчитал благоразумным уклониться от встречи с объединенными силами Тимуридов и отвел свои войска в Мавераннахр под предлогом ухода на зимовку.

Разногласия между Тимуридами помешали им использовать свои возможности. Вместо предложения Зу-н-Нуна Аргуна немедленно начать поход в Мавераннахр было решено ввиду трудностей зимнего времени отложить военные действия до весны, а пока заняться борьбой с непокорными вассалами¹⁰⁷.

Мухаммед Шейбани не стал дожидаться, пока Тимуриды вновь соберут свои силы, и в начале мая 1507 г. переправил-

---

¹⁰⁵ МИТТ, II, стр. 41.

¹⁰⁶ Семенов, *Шейбани-хан*, стр. 62.

¹⁰⁷ Там же, стр. 63.

ся у Керки через Аму-Дарью, овладел крепостью Андхуд, а затем, двигаясь быстрыми переходами, подвел свое войско к Мургабу и вступил в Бадгис. Тимуридских царевичей и их эмиров охватило смятение. Они не подготовились к борьбе и совсем растерялись, когда 17 мая узбекские передовые отряды появились около Герата.

Войск в столице было очень мало. Против узбеков с многочисленным отрядом выступил только Зу-н-Нун Аргун. В завязавшемся бою он погиб. Когда затем подошли главные силы Мухаммеда Шейбани, гератские эмиры разбежались из столицы. Последние тимуридские государи Герата остались совсем без войска. Музаффар Хусейн бежал в Астрабад, куда впоследствии прибыл и Бади аз-Заман, вначале искавший убежища в Кандагаре.

Покинутая правителями и войсками столица по решению состоявшегося 20 мая совещания духовенства и сановников была сдана завоевателю без боя. Мухаммед Шейбани обложил жителей города большой контрибуцией и в течение нескольких дней разрешал своим воинам грабить город. Через некоторое время сдались защитники гератской цитадели «Ихтияр ад-Дин», выговорив себе право беспрепятственно уйти и взять с собой свое имущество. Завладев Гератом, Мухаммед Шейбани послал свои отряды завоевать остальные города и районы Хорасана. Узбекские военачальники нанесли ряд поражений тимуридским царевичам, захватили Джам, Мешхед, Кандагар и все хорасанские владения потомков Тимура и их вассалов.

К зиме Мухаммед Шейбани возвратился в Мавераннахр, а весной 1508 г. предпринял успешный поход в Астрабадскую область, где укрывались последние тимуридские правители Герата¹⁰⁸.

Так в течение двух лет кочевые узбекские племена захватили области, принадлежавшие Тимуридам. Главной причиной, объясняющей успех войск Мухаммеда Шейбани, было то обстоятельство, что народ не принимал участия в этой борьбе. Крестьяне и ремесленники активно не поддержали династию, под властью которой жизнь их была тяжелой. Со своей стороны тимуридские правители даже не пытались обратиться непосредственно к народу с призывом к борьбе. Историки сохранили лишь сведения о том, что перед своим бегством из столицы один из двух последних тимуридских государей Герата — Музаффар Хусейн — стал просить высших представителей духовенства и гератского верховного судью

¹⁰⁸ Музаффар Хусейн умер еще до прихода Мухаммеда Шейбани, а Бади аз-Заман при приближении узбекских войск бежал в Азербайджан, откуда перебрался в Турцию, где жил и умер в Стамбуле (см. Семенов, *Шейбани-хан*, стр. 67).

принять на себя охрану города¹⁰⁹. Но они отказались, говоря, что это дело не их, а «военного сословия»¹¹⁰.

Самим тимуридским царевичам и их эмирам, по-видимому, также представлялось само собой разумющимся, что участие в обороне от внешних врагов — дело только людей военных. Во время завоевания Хорасана войсками Мухаммеда Шейбани тимуридские феодалы выступили против них из своих владений — «суюргалов» во главе небольших отрядов, иногда пополнявшихся воинами других местных тимуридских владетелей. Эти сравнительно слабые отряды сражались храбро, но неизменно терпели поражения уже в схватках с передовыми частями узбеков. Разрозненное сопротивление не могло остановить лавины многочисленного войска кочевников, предводительствуемого опытными военачальниками. Не желавшие подчиниться Мухаммеду Шейбани Тимуриды либо погибали в бою, либо вынуждены были, спасая свою жизнь бегством, искать убежища на чужбине¹¹¹.

Для крестьян и горожан Хорасана завоевание Мухаммеда Шейбани, как и всякое феодальное завоевание, сопровождавшееся грабежами и насилиями, принесло много бедствий. Но худшее было впереди.

Из-за распределения между собой завоеванных областей между Мухаммедом и его родственниками возникли разногласия, что было одной из причин временного ослабления сил узбекских феодальных завоевателей и их военных неудач. В 1510 г. Мухаммеду Шейбани пришлось столкнуться с опасным соперником — иранским шахом Исмаилом I (1502—1524), основателем династии Сефевидов. В битве с войском этого шаха осенью 1510 г. под Мервом Мухаммед Шейбани потерпел поражение и был убит.

Хорасан с Гератом и левобережье Аму-Дарьи, включая Балх, оказались во власти Исмаила. В дальнейшем Хорасан стал ареной длительных кровопролитных войн между узбекскими феодалами Средней Азии, возглавленными династией Шейбанидов, и кызылбашскими феодалами Ирана, выдвинувшими династию Сефевидов. За Хорасан вели борьбу два феодальных государства, в которых господствующее положение занимала кочевая знать. В ходе борьбы перевес оказался на стороне Сефевидов, и в конце концов они утвердили свою власть над большей частью Хорасана.

¹⁰⁹ Семенов, *Шейбани-хан*, стр. 64.

¹¹⁰ Там же. Музаффар Хусейн в ответ заявил им, что в его распоряжении осталось только трое солдат, простился затем со своей семьей и, оставив своих жен и детей добычей завоевателям, бежал в Астрабад.

¹¹¹ Подробную характеристику военных действий в Хорасане и политики Мухаммеда Шейбани в отношении подчинившихся ему Тимуридов см. Семенов, *Шейбани-хан*, стр. 66—67, 80.

Не только сами по себе спустошительные войны между узбекскими и кызылбашскими феодалами, но и превращение Хорасана в окраинную провинцию сефевидского государства привели к экономическому и культурному упадку этой области. В результате этого ученые, историки, поэты, художники и другие деятели культуры и искусства покидали Герат и другие разоренные города Хорасана и перебирались в городские центры Средней Азии и Западного Ирана ¹¹².

Особенно пагубно на дальнейших судьбах Хорасана сказалось то обстоятельство, что войны между Сефевидами (провозгласившими в своем государстве шиитское направление в исламе господствующим вероисповеданием) и Шейбанидами (строго придерживавшимися ортодоксального суннитского направления) стали облекаться в идеологическую форму религиозной борьбы. В результате этого Хорасан превратился не только в арену истребительных военных столкновений, но и в барьер, разделивший в идеологическом и культурном отношении Среднюю Азию и Иран.

В результате всего этого произошло резкое падение прежней экономической и культурной роли Хорасана и его столицы: — Герата.

Расселение афганских племен во времена Тимура и тимуридских правителей

Судьбы афганских племен во времена Тимура и тимуридских правителей Герата были связаны прежде всего с Кабулом, Газни, Пешаварской долиной и Кандагаром. История афганцев в этот период мало изучена, что объясняется как ограниченностью сведений о них в письменных источниках, так и тем, что даже ход политических событий в Кабуле, Газни и других местностях, с которыми в ту пору были непосредственно связаны афганские племена, исследован гораздо меньше, чем политическая история тимуридских правителей Герата.

В описаниях похода Тимура в Индию 1398—1399 гг. упоминаются названия нескольких афганских племен (обитавших в Сулеймановых горах и прилегающих к ним районах): шинвари, лоди, шерани, пани (парни) ¹¹³.

---

¹¹² См. Миклухо-Маклай, *К истории политических взаимоотношений*, стр. 16, 18.

¹¹³ В средневековых источниках начиная с X в., как правило, упоминаются только афганцы в целом. В сочинении Сейфи ал-Харави встречаются преимущественно в собственных именах афганцев родо-племенные названия, которые можно отождествить с подразделениями известных впоследствии афганских племен (например, тари — впоследствии ветвь хаттаков) наряду с названиями (как, например, гинган (?) и нахаран), не под-

Военные действия в Сулеймановых горах и в Мультане были начаты внуком Тимура Пир Мухаммедом (правившим с 1392 г. Кабулом, Газни и Кандагаром). Получив приказ Тимура выступить в Индию, Пир Мухаммед направился через Сулеймановы горы, где подверг ограблению афганское население, а затем осадил Учи Мультан. Весной 1398 г. Тимур провел подготовку к большому походу в Индию, после чего двинул свои главные силы из Самарканда на Кабул, куда прибыл 15 августа 1398 г.¹¹⁴ В конце августа он остановился у крепости Ирийаб, разрушенной набегами афганского племени вазказни (?), повелел восстановить разрушения, а афганцев этого племени, попавших ему в руки и не пожелавших смириться, сурово покарал¹¹⁵. 31 августа Тимур вышел из Ирийаба и вступил в страну афганского племени шинвари¹¹⁶.

2 сентября Тимур со своим войском подошел к крепости Нагар (расположенной, очевидно, в Курамской долине, где населенный пункт с таким названием существовал и в новое время). Эта крепость была заблаговременно построена по приказу Тимура для защиты от набегов афганцев.

Предпринимая поход в Индию, Тимур посылал письменные приказы афганским племенам присоединиться к его войску. Такие племена, как лоди и шерани, согласились на это. Но племя пани (парни) отказалось выполнить повеление Тимура¹¹⁷, и он лично возглавил экспедицию против непокорного племени, причем цели его военных действий в афганских горах изложены автором дневника похода в Индию так: Тимур признал за благо «остановиться в этих горах, дабы с божьей помощью и с господним покровительством весь этот мятежный народ захватить в плен, изгладив их зло со страницы времени, освободить [все] пути в той области от страха

дающимися отождествлению с известными позднее афганскими родо-племенными наименованиями (см. гл. X).

¹¹⁴ Гияс ад-Дин Али, *Дневник похода Тимура в Индию*, стр. 61. Проходя через территорию нынешнего Афганистана, Тимур совершил экспедицию в земли кафиров Гиндукуша, в описаниях которой истории упоминают местность Катор (название, сохранившееся в Кафиристане и в новое время).

¹¹⁵ Там же, стр. 72—74. Название племени вазказни (по лондонской рукописи «Зафар-наме» Шами — *وزکونی*), вероятно, сильно искажено переписчиками, и его трудно увязать с позднейшими афганскими родоплеменными названиями. Может быть, это были вардаки, и *وزکونی* является искажением от *وردکزی* или *وردکزی* Ирийаб (Хариаб) — населенный пункт, расположенный между Газни и Курамом.

¹¹⁶ Там же, стр. 74, 75. Чтение шинвари (*شنوران*) принято А. А. Семеновым по рукописи «Дневника похода Тимура в Индию».

¹¹⁷ Там же, стр. 75.

и опасностей, причиняемых разбойниками и бунтовщиками, охранить переправы и дороги от вреда, наносимого предприимчивыми грабителями, и освободить купцов и караваны путешественников из оков бедствий и тенет изнурения»¹¹⁸.

Экспедиция закончилась разгромом поселений племени пани. «Жены, дети, имущество, и вся утварь, и запасы пищи этих разбойников были отданы на расхищение и разграбление, их дома были сожжены»¹¹⁹. В то же время вождь (михтар) племени пани, явившийся с просьбой о прощении в лагерь Тимура, был не только помилован, но обласкан и щедро награжден¹²⁰.

13 сентября 1398 г. Тимур вернулся в окрестности крепости Нагар¹²¹. Судя по времени, затраченному Тимуром для похода в земли пани, это племя, обитающее в наши дни в районе Сиби и Санга, в конце XIV в. занимало земли значительно севернее, чем сейчас, так как для того, чтобы попасть из долины Курама в Сиби и вернуться обратно за 10 дней, Тимур надо было бы совершать ежедневные переходы более чем на 100 км по трудным горным дорогам.

Имеющиеся в исторической литературе данные о расселении и передвижениях афганских племен в XIV—XV вв. основаны преимущественно на местном материале, собранном в XIX в. и использованном составителями английских официальных справочников — газеттиров — по таким населенным афганцами округам, как Банну, Дера-Исмаил-Хан и т. д. Этот местный материал, главным образом исторические предания самих афганских племен, в немалой степени достоверен, но, конечно, в целом (без сопоставления с данными других письменных источников) не может быть принят окончательно установленную истину. Такая проверка особенно необходима для установления более или менее точной хронологии, так как локальная историческая традиция афганских племен, сохраняя в течение многих веков сведения о войнах и переселениях своих предков, обычно не удерживает в памяти хронологических дат.

Согласно «Хаяти афгани», хаттаки, потесненные вазирами с плато Шаваль в середине XIII в., заняли в XIV в. горную страну, разделяющую долины Кабула и Курама, а вазиры, первоначальной родиной которых была гора Бирмаль (южные склоны Сулеймановых гор), вытеснив хаттаков, потеснили затем бангашей, бхитани и дауров, заняв территорию до Гомала. Основываясь на местных преданиях и генеалогических расчетах, полагают, что предки баннуджей (племя

¹¹⁸ Там же, стр. 76.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же, стр. 76. 77.

¹²¹ Там же, стр. 78.

штак) появились в населенной ныне баннуджами области в середине XV в.; ссылаясь на газеттир округа Зхоб, появившиеся южноафганских племен (какаров, таринов и пани) в Белуджистане, главным образом в Зхобе, Лоралаи и Кветто-Пишинском нагорье, относят примерно к началу XV в.¹²²

Большинство этих сведений согласуется с известными письменными источниками или по меньшей мере не противоречит им. Хаттаки в середине XIII в. занимали не только местность Шаваль, но, возможно, вместе с тури обитали и южнее — в районе Дуки — Лоралаи. Пани, насколько можно судить из описания похода Тимура в их земли, жили в конце XIV в. севернее Сиби. Поэтому не исключено, что именно в начале XV в. они продвинулись в район Сиби¹²³.

Кроме таких передвижений афганских племен на сравнительно небольшие расстояния в XV в. имел место уход довольно значительной их части в Индию и произошло переселение крупной группы юсуфзаев и родственников им (а также союзных с ними) племен из района Кабула в Пешаварскую область. Однако факт довольно многочисленных передвижений (сопровождавшихся острой взаимной борьбой союзов племен и подчинением местного, неафганского населения) не дает еще оснований переоценивать их роль в жизни афганцев в рассматриваемое время. В действительности, как показывают источники, в тот период ряд крупных афганских племен прочно населял свои земли, занятые, по всей вероятности, с очень давних времен и продолжавшие затем вплоть до наших дней оставаться за ними. К таким племенам относятся шинвари, которых Тимур, как уже отмечалось выше, застал на землях между Хайбарским проходом и верховьями Курама. Шинвари занимают эти места и сейчас. Далее, к таким племенам принадлежат афридии и гильзаи, которых Бабур в начале XVI в. застал в основном на тех же территориях, где они живут и сейчас и где они до Бабура находились в течение многих столетий (гильзаи) или даже, по всей вероятности, с весьма древних времен (афридии)¹²⁴.

---

¹²² Рейснер, *Развитие феодализма*, стр. 90, 91, 94—96; Шамансурова, *Афганские племена*, стр. 204; Гордон, *Социально-экономический и общественный строй афганских племен Индии*.

¹²³ Однако точность утверждения составителей окружного газеттира Зхоба о том, будто ко времени «первого появления» афганцев (какаров, таринов, пани) — примерно в начале XV в. — в районах Зхоба, Лоралаи, Кветты и Пишина эти районы занимали только джаты, раджпуты, брагуи и другие неафганские племена, следует подвергнуть сомнению, так как в «Тарихи-наме-и Харат» в сообщениях, относящихся еще к середине XIII в., в этих районах упоминаются главным образом афганцы, в частности крепость Дуки была афганской и т. д.

¹²⁴ О расселении афганских племен при Бабуре см. ниже, в гл. I второго тома.

В тимуридских источниках под понятием «Афганистан», как и прежде, подразумевались населенные афганскими племенами Сулеймановы горы и земли, расположенные между р. Индом и Кандагаром, а также какие-то районы самой Кандагарской области. Географическое положение Афганистана в общих чертах определялось как страна, находившаяся к югу от Кабула, между Кандагаром и Индом.

Описывая Кабульский вилайет, Бабур при определении его географического положения указывал, что к югу от него находятся Фармул, Нагз (Нагар — район Курама), Банну и Афганистан¹²⁵. В другом месте, рассказывая о своем походе в горы между Кохатом и Хангу, Бабур совершенно определенно относит также и этот район к Афганистану, из чего видно, что «весь Афганистан» был для него совокупностью районов, населенных афганцами, включая Банну, Курам и т. д.¹²⁶. Для сопоставления можно привести более ранние определения историка Абд ар-Раззака Самарканди, который как автор, писавший во владениях тимуридских правителей Герата, исходил из положения населенных афганцами земель по отношению к гератским владениям. Сообщая о пожаловании Шахрухом вилайетов Кандагар и Кабул в суюргал своему сыну Кайду, Абд ар-Раззак Самарканди писал: «Переправившись через Джейхун, счастливый хакан (т. е. Шахрух) пожаловал своему драгоценному сыну мирзе Кайду-бахадру вилайеты Кандахар, Кабул и Газни до берега реки Синд (Инд), и Афганистан, которые во времена его величества сахиб кирана (Тимура) были вручены мирзе Пир Мухаммеду, сыну мирзы Джехангира»¹²⁷. В другом месте сочинения Абд ад-Раззака Самарканди говорится о вилайетах Кандагар и Афганистан¹²⁸. Из дальнейшего текста видно, что афганцы жили в районах Кандагара и до р. Инда¹²⁹. Об афганском населении районов Кандагарской области упоминается также в сочинении Исфизари¹³⁰. Согласно сведениям, сохранившимся афганской традицией, но дошедшим до наших дней только в сочинении позднего времени («Тазкират ал-мулук»), афганцы (только абдали) заняли «Кандагарскую сторону» будто бы

¹²⁵ «Бабур-наме», пер. Салье, 152.

¹²⁶ Там же, 171.

¹²⁷ Абд ар-Раззак, л. 289-а. Речь идет об областях, расположенных к юго-западу от Гиндукуша до Инда, пожалованных Тимуром в 1392 г. своему внуку Пир Мухаммеду, а затем переданных Кайду в суюргал Шахрухом при возвращении этого главы Тимуридов из похода в Среднюю Азию. 24 декабря 1409 г. Шахрух отдал весь Мавераннахр Улуг-беку, а вилайет Тохаристан с принадлежащими ему землями — Мухаммеду Джехангиру (Хафиз-и Абру, Д-290, л. 313-б).

¹²⁸ Абд ар-Раззак, л. 323-б.

¹²⁹ Там же, л. 325-а.

¹³⁰ См. Семенов, *Некоторые данные*, стр. 76.

именно при Тимуридах Герата с разрешения Шах-руха¹³¹.

В конце XV — начале XVI в. в результате передвижений и завоеваний юсуфзаев и других племен группы хахи и их союзников пределы населенных афганцами земель расширились на север от Пешаварской долины — на горные области Бунер, Сват и Панджжору. Как уже упоминалось выше, согласно преданиям самих юсуфзаев, их предки жили когда-то на берегах Аргесана в Кандагарской области. Потесненные со своих земель, они нашли приют на землях племени горяхель, которое предоставило им в пользование свои пастбища. Однако Кандагарскую область постигла сильная засуха, и племени горяхель самому понадобились эти пастбища. Юсуфзаи вынуждены были передвинуться в пустыню, где они обосновались в районе Гарра и Нушки¹³².

После того как и из этого района они были вытеснены и изгнаны, юсуфзаи с присоединившимися к ним другими племенами двинулись к Кабулу. В числе присоединившихся тогда к юсуфзаям племен два близко родственных им племени (тарклани и гагани) относились к группе хахи, но, кроме того, было племя утман-хель из карларнийской ветви и мухаммедзаи из числа потомков Джаманда (Заманда), которые поссэрились с остальными подразделениями племени замандов и отделились от них¹³³.

Когда племена хахи с присоединившимися к ним утман-хелем и мухаммедзаями прибыли в Кабульскую область, они осели там (по-видимому, неподалеку от г. Кабула). Вероятно, это произошло в XIV в.

К тому времени в хозяйственной жизни этой области, по-видимому, уже в значительной степени были преодолены разрушительные последствия монгольского нашествия, значительного развития достигла торговля, а сам г. Кабул превратился в крупный центр.

Характеризуя торговлю Кабульской области в самом начале XVI в., Бабур подчеркивал значение Кабула (наряду с Кандагаром) как узлового пункта караванной торговли на пути в Индию. В Кабул, писал он, приходят караваны из Ферганы, Туркестана, Самарканда, Бухары, Балха, Хисара и Бадахшана. «Каждый год в Кабул пригоняют семь, восемь или десять тысяч голов коней; из нижнего Хиндустана при-

¹³¹ См. Риттер-Григорьев, *Кабулистан и Кафиристан*, стр. 850.

¹³² Гарра и Нушки отождествляются с районом Нушки в нынешнем Пакистанском Белуджистане, где такое географическое название сохранилось до наших дней, но в исторической литературе неоднократно указывалось на возможность отождествить это место временного обитания юсуфзаев с одноименным районом Газнийской области.

¹³³ Дарвеза, л. 74-а.

водят караваны десять, пятнадцать или двадцать тысяч торговцев. Из Хиндустана доставляют рабов, белые ткани, сласти, очищенный и неочищенный сахар, лекарственные зелья и пряности. Многие купцы не довольствуются при торговле прибылью в тридцать на десять или сорок на десять. В Кабуле можно найти товары из Хорасана, Ирака, Рума и Чина; это как бы торговая гавань Хиндустана»¹³⁴.

С 1392 г. Кабульской областью владел Пир Мухаммед, внук Тимура. С конца 1409 — начала 1410 г. область перешла в управление Кайду, сыну Шахруха. Кайду владел Кабулом, Кандагаром и остальными землями государства Тимуридов, расположенными к востоку и юго-востоку от этих городов, до 1417/18 г. После Кайду власть над Кабулом переходила от одного тимуридского царевича к другому, но в 1460/61 г. правителем Кабула и Газни стал Улуг-бек (сын Абу Саида), удержавший за собой это владение вплоть до самой своей смерти (1501/02).

При Улуг-беке были проведены некоторые мероприятия благоустройству города и его окрестностей. У подножия горы Пагман был разбит сад Баги-Наурузи, по горе Шахи-Кабул был проведен арык, оросивший сады на ее склонах, и т. д.¹³⁵

Во время борьбы за власть между Улуг-беком и его соперниками юсуфзай оказали помощь Улуг-беку. В начале своего правления он относился к своим афганским союзникам благосклонно и милостиво. Племена хахи окрепли и усилились, возросло их благосостояние и увеличилась численность, в особенности юсуфзаев и манданов¹³⁶. Они начали, как рассказывается в их же преданиях, выходить из повиновения правителю и стали грабить мусульман — кабульских подданных¹³⁷. Юсуфзай стали вести себя дерзко и по отношению к Улуг-беку, и дело дошло до того, что, прибыв в его диван-хане, старейшины (кедхуда) этого племени говорили там речи «неподобающие и неприемлемые»¹³⁸. Улуг-бек решил «вступить на путь вражды и ссоры» с этим племенем. Ему удалось использовать разногласия между гагианями и юсуфзаями и вызвать ссору между этими племенами. Соединив свои силы с гагианями, Улуг-бек напал на юсуфзаев и нанес им поражение. Многие юсуфзай были убиты, а оставшиеся в живых бежали в горы. Там они довольно быстро восстановили свои силы, объединившись под руководством трех именитых

¹³⁴ «Бабур-наме», пер. Салье, 153.

¹³⁵ Там же, стр. 152, 182.

¹³⁶ Дарвеза, л. 74-а.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же.

шейхов: Усмана из подразделения мализаев, Мада и Мадо из подразделения исазаев¹³⁹. Юсуфзаи разбили соединенные силы Улуг-бека и гагианей, а затем снова спустились с гор, и правитель Кабула почел за лучшее сменить недавнюю вражду на мир. Юсуфзаем и их союзникам (прежде всего, надо полагать, вождям племен и подразделений) вновь удалось попользоваться милостями и щедротами Улуг-бека¹⁴⁰.

Но, как вскоре оказалось, у правителя Кабула были тайные замыслы, направленные против юсуфзаев. После того как они уверились в хорошем отношении к ним Улуг-бека, чего как раз и добивался этот правитель, он пригласил к себе на пир 900 юсуфзайских маликов¹⁴¹. Они пришли безоружными; по совету афганца, по имени Чанг (из племени гагиани), заклятого врага юсуфзаев, Улуг-бек распорядился схватить и умертвить всех вождей, прибывших на пир, за исключением одного, совсем еще юного малика Ахмеда. Исключение это было сделано, как рассказывается в преданиях, по просьбе Султан Шаха — одного из самых почтенных юсуфзайских вождей из «великих маликов». Он попросил Улуг-бека пощадить своего племянника, малика Ахмеда, и не трогать женщин и детей юсуфзайского улуса¹⁴². Улуг-бек согласился выполнить предсмертную просьбу Султан Шаха, и юсуфзайский улус избежал полного уничтожения. Тем не менее ослабленные и деморализованные неожиданным и страшным ударом юсуфзаи покинули Кабульскую область. Не только они, но и остальные племена группы хахи испытали всяческие беды и лишения, были согнаны со своих мест и оказались вынужденными уйти от Кабула на восток. Вначале хахи и союзные с ними племена направились в Нингхар (Нинграхар) и на время там обосновались. Только тарклани отделались тогда от остальных хахи и поселились в Лагмане¹⁴³.

По-видимому, в землях Нинграхара племена хахи пробыли недолго. Оттуда они продвинулись далее на восток по течению р. Кабул — в сторону Пешавара¹⁴⁴. В то время над

---

¹³⁹ Там же, л. 74-б. Мализаи и исазаи — подразделения юсуфзаев. Впоследствии они стали большими, фактически самостоятельными племенами.

¹⁴⁰ Там же, л. 75-а.

¹⁴¹ Там же, л. 75-б. Термином «малик» у юсуфзаев и у других афганцев во времена Ахунда Дарвезы, так же как и позднее, обозначались главы родов (впоследствии деревенские старшины).

¹⁴² Там же, лл. 75-б, 76-а.

¹⁴³ Там же, л. 76-а.

¹⁴⁴ По заключению Мухаммеда Хаят-хана, афганского автора XIX в., изгнание юсуфзаев и родственных им племен группы хахи из подвластных Улуг-беку земель Кабулистана произошло в 1500/01 г., т. е. в конце правления этого Тимурида (см. Мухаммед Хаят-хан, пер. Пристли, 29). Однако на самом деле эти события произошли на несколько десятилетий

Пешаварской долиной господствовали дилазаки. Им принадлежали также часть Баджаура, Чач, Хазара (на левобережье р. Инда) и некоторые другие районы.

Юсуфзай попытались сначала проникнуть в Баджаур и занять часть этой области, но попытка эта не удалась. Тогда юсуфзайские вожди отправились к дилазакам и встретились с их вождями. Юсуфзайские вожди просили разрешить своему племени поселиться где-нибудь на землях дилазаков. Эта встреча закончилась ссорой и вооруженным столкновением, в ходе которого погибли многие юсуфзайские вожди. Но через некоторое время дилазаки все же согласились оказать юсуфзаем гостеприимство и выделили им одну из своих территорий для поселения. После этого юсуфзайский улус, двигаясь через Хайбарский проход, прибыл в Пешаварскую область¹⁴⁵.

Сначала юсуфзай поселились в местности Дуаба. Там у них начались столкновения с племенем шильмани, которое в то время занимало Хаштнагар. В решительной битве, в которой погиб их вождь, по имени Джоло (جولو), шильмани потерпели полное поражение¹⁴⁶.

Захватив у шильмани Хаштнагар, юсуфзай заняли также часть земель Баджаура, принадлежавших дилазакам. Усиление юсуфзаев и их захваты привели к трениям между ними и дилазаками.

Упорное нежелание дилазаков поддерживать добрососедские отношения показало малику Ахмеду, что столкновение с ними неизбежно. Он проявил большую предусмотрительность и настойчивость в подготовке к предстоявшей трудной борьбе. Ему удалось организовать союз племен хахи против дилазаков и привлечь на свою сторону и не входящие в группу хахи племена гагианей и утман-хель.

Закончив подготовку, малик Ахмед начал военные действия против дилазаков. Решающая битва началась для воинов объединенных сил хахи и их союзников неблагоприятно. Они оказались под губительным градом стрел лучников дилазаков. Но затем, в рукопашном бою, преимущество стало переходить на сторону воинов малика Ахмеда¹⁴⁷. В разгар сражения был убит сын Занги — вождя дилазаков. Сопротивле-

---

раньше, так как в 1519 г. Бабур, направляясь из Баджаура к Инду, отметил, что проживавший там 30 или 40 лет тому назад «еретик», по имени Шахбаз-каландар, могила которого была расположена в районе горы Макам, склонил к ереси часть юсуфзаев и некоторых дилазаков («Бабур-наме», пер. Салье, 258). Из этого можно заключить, что уже в 80-х или 90-х годах XV в. юсуфзай находились в Пешаварской долине.

¹⁴⁵ Дарвеза, л. 76-б.

¹⁴⁶ Там же, л. 77-а.

¹⁴⁷ Там же, л. 77-б.

ние их вскоре ослабло, и они обратились в бегство. После этой битвы юсуфзаи вытеснили из Пешаварской долины значительную часть дилазаков, которые направились в Хазара (на левобережье р. Инда).

Воодушевленные успехами юсуфзаи стали помышлять о новых завоевательных походах под руководством малика Ахмеда. Следующим крупным военным предприятием этого малика был поход в Сват. В исторических повествованиях о сватском походе юсуфзаев содержатся любопытные подробности, позволяющие представить некоторые характерные черты жизни афганских племен XV — начала XVI в. Жители Свата, узнав о готовящемся вторжении афганцев в их земли, заняли перевал Шахкот, ведущий из Пешаварской долины в Сват. Юсуфзаи, дойдя до этого перевала и обнаружив, что он уже занят войсками сватцев, остановились. Для того чтобы овладеть перевалом, нападающие, разведав обстановку, применили военную хитрость. Оставив в лагере одних только женщин и стариков, юсуфзайские воины глубокой ночью обошли перевал Шахкот, пробираясь по трудным тропам через другие горные проходы, на которых сватцы не оставили заслонов. Между тем в юсуфзайском лагере всю ночь инсценировалось большое оживление. Женщины пели военные песни, выкликивали воинственные кличи, громко рассказывали о славных деяниях предков. Все это было сделано для того, чтобы обмануть сватцев и заставить их думать, будто юсуфзайское войско находится перед перевалом Шахкот и готовится к его штурму. Хитрость полностью удалась. Ничего не подозревавшие сватские воины были атакованы с тыла и потерпели полное поражение¹⁴⁸. Этот эпизод рисует походы афганских племен того времени так, как они, по-видимому, обычно проводились в действительности: афганцы двигались всем племенем, с женщинами и детьми, причем иногда женщинам приходилось в той или иной форме участвовать в военных действиях.

После победы в битве за перевал Шахкот юсуфзаи вступили в долину Свата и заняли нижнюю часть ее. Однако, для того чтобы окончательно закрепить за собой завоеванные земли и захватить остальную часть долины Свата, потребовались еще многие годы упорной борьбы (согласно юсуфзайской исторической традиции, эта борьба продолжалась в течение 12 лет). Местное население, состоявшее в основном из гуджаров, оказывало завоевателям ожесточенное сопротивление. Долгое время против завоевателей вел борьбу Увайс, султан Свата из местной династии.

Когда Бабур в 1519 г. совершал поход в Баджаур и подо-

---

¹⁴⁸ Там же, л. 78-а.

шел к Свату, юсуфзаи уже жили там. Но тогда еще, по-видимому, их борьба с султаном Увайсом была далека от завершения. Бабур сообщает, что этот сватский султан (Вайс) признавал себя его вассалом и посетил лагерь Бабура в Баджауре, получив подарки, почетный халат и жалованную грамоту¹⁴⁹.

История переселения хахи в Пешаварскую область показывает, как складывались взаимоотношения между Тимуридами и афганскими племенами, как тимуридские правители втягивали афганские племена в свои междоусобные войны, используя их поддержку, а затем стремились ослабить бывших союзников, разжигая родовую вражду между ними. История афганских племен Пешаварской области показывает, что над афганским населением этой области Тимуриды сколько-нибудь прочной власти не имели.

После вторжения Тимура государство Туглаков пришло в полный упадок. Последний правитель этой династии Насир ад-Дин Махмуд умер в 1413 г. В следующем году Хизр-хан занял делийский престол. Он признавал зависимость от Тимурида Шахруха и правил в качестве его наместника. Основанная Хизр-ханом династия сейидов была слабой, и на протяжении правления ее в Индии не прекращались смуты и междоусобные войны. В 1451 г. афганец Бехлол Лоди, наместник Лахора и Сирхинда, возвысившийся и усилившийся в ходе междоусобий, сверг династию сейидов и захватил Дели.

В годы правления Бехлола Лоди (1451—1489) обширное государство делийских султанов далеко не было восстановлено в прежних размерах, но власть этого афганского правителя прочно распространялась на большую часть Пенджаба. Бехлол Лоди опирался на силу воинственных афганских племен и защищал интересы афганской знати, занявшей господствующее положение в его государстве.

С афганскими вельможами он вел себя не как деспотический правитель, а лишь как «первый среди равных». С внешней стороны это выражалось в отступлениях от обычных при дворах восточных правителей условностей церемониала. Во время приемов, даже на публичных аудиенциях, Бехлол Лоди сидел не на троне, а на ковре и не разрешал стоять своим вельможам. В обращении не только с афганскими военачальниками, но и с рядовыми воинами он был очень прост, стремясь быть или казаться патриархальным вождем, а не самодержавным монархом.

На фирман Бехлола Лоди, призывавший афганцев пере-

---

¹⁴⁹ «Бабур-наме», пер. Салье, 256. Вассалом Бабура признавал себя и противник Увайса — другой сватский султан Ала ад-Дин (там же, стр. 255, 256).

селяться в Индию для поддержки правительства против его врагов, за что султан обещал своим соплеменникам земельные пожалования, откликнулись многие племена, родственные гильзаям: лоди, лохани, ниазаи, марваты, битани, а также некоторые племена групп сарбани и карларни¹⁵⁰. При этом в Индию двинулась большая часть лоди; от этого племени в коренных афганских землях остались лишь небольшие группы, и впоследствии даже название «лоди» было здесь забыто; память о них сохранилась только в исторических преданиях и в генеалогиях афганских племен. Такая же судьба постигла племена пранги и сур.

В годы правления Бехлола Лоди, а затем (в меньшей степени) при его преемниках, занимавших делийский трон с 1526 г., довольно значительная часть афганских племен ушла в Индию, где некоторые из них остались навсегда. В то время афганские отряды могли рассчитывать на выгодную военную службу в Индии как соплеменники правителей, а афганские вожди получали крупные земельные пожалования.

* * *

Заканчивая главу краткими сведениями о некоторых афганских племенах и эпизодами из их истории во времена Тимура и тимуридских правителей Герата, следует отметить, что в рассматриваемый период афганские племена в большинстве своем сохраняли независимость в горных областях и играли значительную роль в событиях, происходивших в Кабульской области, господствовали в Пешаварской долине и начали завоевание расположенных к северу от нее горных местностей, в связи с занятием делийского престола правителями династии Лоди оказывали большое влияние на политическую жизнь в Индии. В XV в. происходили передвижения ряда афганских племен, объединявшихся во время войн в союзы, как правило быстро распадавшиеся.

Хорасан, оставшийся в руках Тимуридов до 1507 г., пережил за сто лет период восстановления хозяйства и подъема культурной жизни, хотя тяжелые последствия монгольского нашествия полностью еще не были преодолены, а феодальные междоусобия и набеги кочевников в ряде случаев вновь приводили к опустошению крупных районов. В XV в. окончательно пришел в упадок Гур, тяжелый удар которому был нанесен уже Тимуром при разгроме государства Куртов. В начале XVI в. Хорасан, опустошенный войной между уз-

---

¹⁵⁰ Текст фирмана и названия афганских племен, откликнувшихся на призыв Бехлола Лоди, приведены в «Истории Шер-шаха», написанной Аббасом Сарвани во времена Акбара (см. Ниаматулла, *История афганцев*, пер. Роя, 67—69).

бекскими и кызылбашскими феодалами, утратил свое прежнее значение, став окраинной провинцией сефевидской державы.

Все это создавало предпосылки для выдвижения на первое место в дальнейшей политической истории Кабулистана, Восточного Хорасана и Систана афганских племен, настолько усилившихся к началу XVI в., что они сумели затем отстоять свою независимость против такой сильной державы, как государство Великих Моголов, во время его наибольшего могущества, а впоследствии (в связи с ослаблением этого государства и сефевидского Ирана) смогли создать в XVIII в. афганское государство, почва для образования которого была подготовлена развитием феодализма у афганских племен, их длительной борьбой за независимость против Моголов и Сефевидов, возникновением афганских княжеств в XVI — начале XVIII в.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Абаев, *Надпись Дария I*. — В. И. Абаев, *Надпись Дария I о сооружении Эворца в Сузе*, — сб. «Иранские языки», т. I, М.—Л., 1945, стр. 127—133.
- Абаев, *Скифский быт*. — В. И. Абаев, *Скифский быт и реформа Зороастра*, — АО, 1956, XXIV, стр. 23—56.
- Абд ар-Раззак. — Абд ар-Раззак Самарканди, *Маълаъ ас-саъ дайн ва, маджмаъ ал-бахрайн*, рук. ИНА С 443.
- Аваз Мухаммед. — Мулла Аваз Мухаммед Атгар, *Та'риҳ-и Джаҳан-нумаи*, рук. ИНА С 349.
- Адыков, *Главные станции*. — К. А. Адыков, *Главные станции на средневековом торговом пути из Серакса в Мерв (по археологическим данным)*, — СА, 1959, № 4, стр. 212—227.
- Айни, *Қаҳрамони халқи Темурмалик*. — С. Айни, *Қаҳрамони халқи тоҷик Темурмалик. Очерки адаби-таъриҳӣ*, Сталинобод, 1944.
- Альбаум, *Балалык-тепе*. — Л. И. Альбаум, *Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана*, Ташкент, 1960.
- Андреев, *Долина Панджшира*. — М. С. Андреев, *По этнологии Афганистана. Долина Панджшира*, Ташкент, 1926.
- Андреев, *Таджикские долины Хуф*. — М. С. Андреев, *Таджикские долины Хуф (верховья Аму-Дарьи)*, вып. 1—2, Сталинабад, 1953—1958 (ТИИАЭ АН ТаджССР, т. 7. Материалы к изучению культуры и быта таджиков).
- Аристов, *Об Афганистане и его населении*. — Н. А. Аристов, *Об Афганистане и его населении*, — «Живая старина», 1898, вып. III—IV, стр. 247—319.
- Аристов, *Этнические отношения*. — Н. А. Аристов, *Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах*, — «Русский антропологический журнал», 1900, № 3, стр. 1—74.
- Арунова, *К истории народных выступлений*. — М. Р. Арунова, *К истории народных выступлений в государстве Тимуридов в XV в.* — КСИБ, 1960, вып. XXXVII, стр. 34—36.
- Арунова, *О некоторых общих результатах*. — М. Р. Арунова, *О некоторых общих результатах археологических раскопок в Лашкаргах*, — КСИБ, 1959, вып. XXXIII, стр. 87—94.
- «Архитектурные памятники Туркмении». — Архитектурные памятники Туркмении. Вып. I. Сост. Н. М. Бачинский, Москва—Ашхабад, 1939 [текст паралл. на русском языке].
- Афзаль-хан, извлеч. — Афзаль-хан Хаттак, *Та'риҳ-и Мурасса*, — извлеч. в: «Kalid i Afghani», transl. by Plowden, pp. 167—208, Appendices I—IV.
- Ахунд Дарвеза — см. Дарвеза.
- Ашрафян, *«Тарих-и Фируз-шахи»*. — К. З. Ашрафян, *«Тарих-и Фируз-шахи» Барани как источник по истории Индии второй половины XIII—середины XIV века*, — КСИБ, 1957, вып. XXIII, стр. 114—129.

- Бабу́р-наме*. — *The Bábar-nāma*, being the autobiography of the Emperor Bábar, the founder of the Moghul dynasty in India, written in Chaghatáy Turkish; now reproduced in facsimile from a manuscript belonging to the late Sir Sálar Jang of Haydarábád, and ed. with a preface and indices by A. C. Beveridge, Leyden—London, 1905 (GMS, 1).
- Бабу́р-наме*, изд. Ильминского. — *Бабер-намэ или Записки Султана Бабера*. Изданы в подлинном тексте Н. Ильминским, Казань, 1857.
- «Бабу́р-наме», пер. Салье. — *Бабу́р-наме. Записки Бабура*. Пер. М. Салье, Ташкент, 1958.
- Бадаони. — *The Muntakhab al-Tawárikh of Abd al-Qádir Bin-I-Maluk Sháh Badáoni*, Calcutta, vol. I—III, 1865—1869 [I—1865; II—1868; III—1869].
- Балазури. — *Liber expugnationis regionum*, auctore Imámo Ahmed ibn Iahja ibn Djábir al-Beládsori, quem e codice Leidensi et codice Musei Britannici, ed. M. I. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1866.
- Бал'ами пер. Зотенберга. — *Chronique de Abou-Djafar-Mo'hammed-ben-Djarir-ben-Iszid Tabari*, traduite sur la version persane d'Abou-'Ali Mo'hammed Bel'ami, d'après les manuscrits de Paris, de Gotha, de Londres et de Canterbury par H. Zotenberg, t. I—IV, Paris, 1867—1874 [I—1867, II—1869, III—1871, IV—1874].
- Бартольд, *Греко-бактрийское государство*. — В. В. Бартольд, *Греко-бактрийское государство и его распространение на северо-восток*, — ИАН, сер. VI, 1916, № 10, стр. 823—828.
- Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*. — В. В. Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*, СПб., 1903.
- Бартольд, *К истории персидского эпоса*. — В. В. Бартольд, *К истории персидского эпоса*, — ЗВОРАО, т. XXII, 1915, стр. 257—282.
- Бартольд, *Мир-Али-Шир*. — В. В. Бартольд, *Мир-Али-Шир и политическая жизнь*, — «Мир-Али-Шир. Сборник к пятисотлетию со дня рождения», Л., 1928, стр. 100—164.
- Бартольд, *Очерк истории Семиречья*. — В. В. Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, — В. В. Бартольд, *Сочинения*, т. II, ч. I, М., 1963, стр. 23—106.
- Бартольд, *Туркестан*. — В. В. Бартольд, *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*, — В. В. Бартольд, *Сочинения*, т. I, М., 1963.
- Бартольд, *Улугбек*. — В. В. Бартольд, *Улугбек и его время*, Пг., 1918 (ЗРАН, ОИФ, т. XIII, № 5).
- Бейхаки. تاریخ بیهقی تصنیف خواجہ ابو الفضل محمد بن حسین
بیهقی دبیر باہتمام دکتر غنی و دکتر فیاض (متن مصحح و کامل با
حواشی و تعلیقات و فہرستہا)، تہران، ۱۳۲۴ [1945]
- Бейхаки, пер. Арендса. — Абу-л-Фазл Бейхаки, *История Мас'уда. 1030—1041*. Вступительная статья, перевод и примечания А. К. Арендса, Ташкент, 1962.
- Бекран. — Мухаммад ибн Наджйб Бақрāн, *Джаҳāн-наме (Книга о мире)*. Издание текста, введение и указатели Ю. Е. Борщевского, М., 1960 (ПЛНВ, Тексты, Большая серия, X).
- Беленицкий. *Из истории*. — А. М. Беленицкий, *Из истории участия ремесленников в городских празднествах в Средней Азии в XIV—XV вв.*, — ТОВЭ, 1940, т. 2, стр. 189—201.
- Беленицкий, *Историческая топография Герата*. — А. М. Беленицкий, *Историческая топография Герата XV в.*, — «Алишер Навои». Сб. статей под ред. А. К. Боровкова, М.—Л., 1946, стр. 175—202.
- Беленицкий, *К вопросу о социальных отношениях*. — А. М. Беленицкий, *К вопросу о социальных отношениях в Иране в хулагуидскую эпоху*, — СВ, т. V, 1948, стр. 111—128.

- Беленицкий, *К истории феодального землевладения*. — А. Беленицкий, *К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране в Тимуридскую эпоху (XIV—XV вв.)* (Образование института «сюргал»), — «Историк-марксист», 1941, № 4, стр. 43—58.
- Беленицкий, *Краткий очерк*. — А. М. Беленицкий, *Краткий очерк жизни и трудов Бируни*, — [в кн.:] Бируни, *Минералогия*, стр. 271—291.
- Бернштам, *Историко-археологические очерки*. — А. Н. Бернштам, *Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая*, М.—Л., 1952 (МИА, № 26).
- Бернштам, *Некоторые данные*. — А. Н. Бернштам, *Некоторые данные к этногенезу туркмен*, — СЭ, 1951, № 4, стр. 199—201.
- Бертельс, *История персидско-таджикской литературы*. — Е. Э. Бертельс, *История персидско-таджикской литературы*, — Е. Э. Бертельс, *Избранные труды*, т. 1, М., 1960.
- Бертельс, *Навои*. — Е. Э. Бертельс, *Навои. Опыт творческой биографии*, М.—Л., 1948.
- Бертельс, *Роман об Александре*. — Е. Э. Бертельс, *Роман об Александре*, М.—Л., 1948.
- Бертельс А., *Насир-и Хосров и исмаилизм*. — А. Е. Бертельс, *Насир-и Хосров и исмаилизм*, М., 1959.
- Бируни, *Индия*, изд. Захау. — Alberunni's India. An account of the religion, philosophy, literature, chronology, astronomy, customs, laws and astrology of India about A. D. 1036. Ed. in the Arabic original by E. Sachau, London, 1887.
- Бируни, *Индия*, пер. Халидова — Заваловского. — Бируни, *Индия*, — Абу-рейхан Бируни (973—1048), *Избранные произведения*, т. II, пер. А. Б. Халидова и Ю. Н. Заваловского, комм. [и предисловие] В. Г. Эрмана и А. Б. Халидова, Ташкент, 1963.
- Бируни, *Минералогия*. — Абу-р-Райхан Муххамед ибн Ахмед ал-Бируни, *Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия)*, пер. А. М. Беленицкого, ред. Г. Г. Леммлейна, Х. К. Баранова, А. А. Долгиной, статьи и примечания А. М. Беленицкого и Г. Г. Леммлейна, [Л.], 1963 (Серия «Классики науки»).
- Бичурин, *Собрание сведений*. — Н. Я. Бичурин (Иакинф), *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Редакция текста, вступит. статьи, комментарий А. Н. Бернштама и Н. В. Кюнера, т. I—III, М.—Л., 1950—1953.
- Болдырев, *Алишер Навои*. — А. Н. Болдырев, *Алишер Навои в рассказах современников*, — «Алишер Навои». Сб. статей под ред. А. К. Боровкова, М.—Л., 1946, стр. 121—152.
- Болдырев, *Из истории персидского языка*. — А. Н. Болдырев, *Из истории развития персидского литературного языка*, — «Вопросы языкознания», 1955, № 5, стр. 78—92.
- Болдырев, *Мемуары Зайн-ад-дина Васифи*. — А. Н. Болдырев, *Мемуары Зайн-ад-дина Васифи как источник для изучения культурной жизни Средней Азии и Хорасана на рубеже XV—XVI вв.*, — ТОВЭ, т. II, 1940, стр. 203—274.
- Болдырев, *Очерки*. — А. Н. Болдырев, *Очерки из жизни гератского общества на рубеже XV—XVI вв.*, — ТОВЭ, т. IV, 1947, стр. 313—422.
- Болдырев, *Предисловие*. — А. Н. Болдырев, *Предисловие*, — [в кн.:] Низами Арузи, *Чахар махла*, пер. Баевского — Ворожейкиной, стр. 3—22.
- Вавилов, *Центры происхождения культурных растений*, — «Труды по прикладной ботанике и селекции», 1926, т. XVI, вып. 2.
- Вавилов — Букиннич, *Земледельческий Афганистан*. — Н. И. Вавилов и Д. Д. Букиннич, *Земледельческий Афганистан*, Л., 1929.
- Васильев, *История и древности*. — В. П. Васильев, *История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века*, с приложением пе-

- ревода китайских сочинений о Киданях, Джурджитах и Монголо-Татарах, — ТВОРАО, 1859, ч. IV, стр. 1—235.
- Васильев Л., *Бань Чао в западном крае*. — Л. С. Васильев, *Бань Чао в западном крае*, — ВДИ, 1955, № 1, стр. 108—125.
- Веселовский, *Гератский бронзовый котелок*. — Н. И. Веселовский, *Гератский бронзовый котелок 559 г. гиджры*, СПб., 1910 (МАР, № 33).
- Владимирцов, *Общественный строй монголов*. — Б. Я. Владимирцов, *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм*, Л., 1934.
- Воробьев-Десятовский, *О роли субстрата*. — В. С. Воробьев-Десятовский, *К вопросу о роли субстрата в развитии индоарийских языков*, — СВ, 1956, № 1, стр. 99—110.
- Вязигин, *Стена Антиоха Сотера*. — С. А. Вязигин, *Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы*, — «Труды ЮТАКЭ», т. I, Ашхабад, 1949, стр. 260—275.
- Гардези, — *Kitab Zainu'l-Akhbar*. Composed by Abu Sa'id 'Abdu'l-Hayy b. ad-Ḥahhak b. Mahmud Gardizi about 440 A. H., ed. by Muhammad Nazim, London, 1928.
- Гафуров, *История*. — Б. Г. Гафуров, *История таджикского народа в кратком изложении*, т. I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., М., изд. 2, 1952, изд. 3. 1955.
- Гафферберг, *Хазара*. — Э. Г. Гафферберг, *Хазара*, — в кн.: «Народы Передней Азии», М., 1957, стр. 107—124.
- Гиршман, *Раскопки в Беграме*. — Р. Гиршман, *Раскопки французской археологической делегации в Беграме*, — КСИИМЖ, 1946, вып. XIII, стр. 10—16.
- Гияс ад-Дин Али, *Дневник похода Тимура в Индию*. — Гийасаддин Али, *Дневник похода Тимура в Индию*, пер. с персидского, предисловие и примечания А. А. Семенова, М., 1958.
- Гордон, *Социально-экономический и общественный строй афганских племен Индии*. — Л. Р. Гордон, *Социально-экономический и общественный строй афганских племен Индии во второй половине XIX века*, — ВИ, 1950, № 3.
- Грантовский, *Из истории восточноиранских племен*. — Э. А. Грантовский, *Из истории восточноиранских племен на границах Индии*, — КСИИМЖ, 1963, № 61, стр. 8—30.
- Грантовский, *Племенное объединение*. — Э. А. Грантовский, *Племенное объединение рагси-рагсав у Панини*, — в кн.: «История и культура древней Индии», М., 1963, стр. 68—100.
- Григорьев, *Греко-бактрийское царство*. — В. В. Григорьев, *Греко-бактрийское царство*, — ЖМНП, 1867, ч. СXXXVI, стр. 321—359.
- Григорьев, *Поход Александра*. — В. В. Григорьев, *Поход Александра Великого в Западный Туркестан*, — ЖМНП, 1881, ч. ССXVII, стр. 24—67.
- Губар, *Ахмад-шах*. — Мир Гулам Мухаммед Губар, *Ахмад-шах — основатель Афганского государства*, пер с перс. И. М. Рейснера и Э. М. Рикса, Вступит. статья И. М. Рейснера, М., 1959.
- Гумилев, *Бахрам Чубин*. — Л. Н. Гумилев, *Бахрам Чубин (Опыт критики источников)*, — ПВ, 1960, № 3, стр. 228—241.
- Гумилев, *Эфталиты и их соседи*. — Л. Н. Гумилев, *Эфталиты и их соседи IV в.* — ВДИ, 1959, № 1.
- Гюзальян, *Бронзовый кубшин 1182 г.* — Л. Гюзальян, *Бронзовый кубшин 1182 г.*, — «Памятники эпохи Руставели», Л., 1938, стр. 227—236.
- Гюзальян, *Второй гератский котелок*. — Л. Т. Гюзальян, *Второй гератский котелок*, — «Тезисы докладов сессии, посвященной итогам научной работы Государственного Эрмитажа за 1963 год», Л., 1964, стр. 19—21.
- Дандамаев, *Восстание Вахъяздаты*. — М. А. Дандамаев, *Восстание Вахъяздаты*, — ВДИ, 1960, № 1, стр. 11—20.
- Дандамаев, *Иран*. — М. А. Дандамаев, *Иран при первых Ахеменидах*, М., 1963.

- Дандамаев, *Социальная сущность переворота Гауматы*. — М. А. Дандамаев, *Социальная сущность переворота Гауматы*, — ВДИ, 1958, № 4, стр. 36—50.
- Дарвеза. — Ахунд Дарвеза Нинграхарн, *Тазкират ал-абрар ва-л-ашрар*, рук. ИНА, С 1560.
- Дебед, *Заселение*. — Г. Ф. Дебед, *Заселение южной и передней Азии по данным антропологии*, — ТИЭ, нов. серия, 1951, т. XVI, стр. 355—370.
- Денике, *Живопись Ирана*. — Б. П. Денике, *Живопись Ирана*, М., 1938.
- Джувейни. — *The Ta'rikh-i-Jahān-gushā* of Alā'u d — Din Atā Malik-i-Juwaynī (composed in A. H. 658 — A. D. 1260). Ed. with an introduction, notes and indices from several old MSS. by Mirzā Muḥammad ibn 'Abdu'l-Wahhāb-i Qazwīnī, pt. I, containing the history of the history of Khwārazmshāh dynasty, Leyden—London, 1912; pt. II, containing the history of Khwārazmshāh dynasty, Leyden—London, 1916, pt. III, containing the history of Mangū Qā'an Hūlāgū and the Ismā'ilīs, Leyden—London, 1937 (GMS, XVI, 1—3).
- Джувейни, пер. Бойла. — *The history of the world-conqueror* by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini. Transl. from the text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, vol. I—II, Manchester, 1958 (UNESCO Collection of representative works. Persian series).
- Джуджани, изд. Нассау-Лиса. — *The Tabaqāt-i Nāsiri* of Aboo Omat Minhāj al-din 'Othmān, ibn Sirāj al-din al-Jawzjani. Ed. by W. Nassau Lees and Mawlawis Khadim Hosain and 'Abd al-Hai, Calcutta, 1864.
- Джуджани, пер. Раверти. — *Tabaqāt-i-Nāsiri: A general history of the Muhammadan dynasties of Asia including Hindūstān [from A. H. 194 [810 A. D.], to A. H. 658 [1260 A. D.], and the irruption of the infidel Mughals into Islam*. By the Maulānā, Minhāj-ud-Din Abū-'Umar-i-'Usmān. Transl. from original Persian manuscripts by H. G. Raverty, vol. I—II, London, 1881; Index, Calcutta, 1897 (BI, NS, vol. 272—273).
- Дройзен, *История эллинизма*. — И. Г. Дройзен, *История эллинизма*, т. I, М., 1890; т. II, М., 1893.
- Дьяконов, *Археологические работы*. — М. М. Дьяконов, *Археологические работы в нижнем течении р. Кафирнигана (Кобадан)*, — МИА, № 37, 1953, стр. 253—293.
- Дьяконов, *История*. — М. М. Дьяконов, *История древнего Ирана*, — ВИ, 1946, № 1, стр. 130—139.
- Дьяконов, *Очерк истории*. — М. М. Дьяконов, *Очерк истории древнего Ирана*, М., 1961.
- Дьяконов, *Работы Кафирниганского отряда*. — М. М. Дьяконов, *Работы Кафирниганского отряда*, — «Труды СТАЭ», т. I, 1946—1947 (МИА, № 15), 1950, стр. 147—186.
- Дьяконов, *Росписи Пянджикента*. — М. М. Дьяконов, *Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии*, — в кн.: «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954, стр. 83—158.
- Дьяконов, *Рукопись «Хамсе» Низами 1431 г.* — М. М. Дьяконов, *Рукопись «Хамсе» Низами 1431 г.*, — ТОВЭ, 1940, т. III, стр. 276—285.
- Дьяконов, *Сложение классового общества*. — М. М. Дьяконов, *Сложение классового общества в Северной Бактрии*, — СА, 1954, т. XIX, стр. 121—140.
- Дьяконов И. — Дьяконов М. — Лившиц, *Парфянский архив*. — И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, *Парфянский архив из древней Нисы*, — ВДИ, 1953, № 4, стр. 114—129.
- Дьяконов И., *Ассиро-вавилонские источники*. — И. М. Дьяконов, *Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту*, — ВДИ, 1951, № 2, стр. 255—356; № 3, стр. 205—252.
- Дьяконов И., *История Мидии*. — И. М. Дьяконов, *История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э.*, М.—Л., 1956.

- Дьяконов И., *Развитие земельных отношений в Ассирии*. — И. М. Дьяконов, *Развитие земельных отношений в Ассирии*, Л., 1949.
- Дьяконов — Лившиц, *Документы из Нисы*. — И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, *Документы из Нисы, I в. до н. э. Предварительные итоги работы*, М., 1960.
- Дьяконовы, *Мидия и образование Эржавы Ахеменидов*. — М. М. Дьяконов и И. М. Дьяконов, *Мидия и образование державы Ахеменидов*, — в кн.: «История СССР», макет, М.—Л., 1939, стр. 179—182.
- Египше Вардапет, *История*. — *История Египше Вардапета*. Пер. П. Шаншиева, Тифлис, 1853.
- Жуковский, *Развалины Старого Мерва*. — В. А. Жуковский, *Развалины Старого Мерва. Древности Закаспийского Края*, СПб., 1894.
- Занд, *Шесть веков славы*. — М. И. Занд, *Шесть веков славы. Очерки персидско-таджикской литературы*, М., 1964.
- Заходер, *Иран при Сасанидах*. — Б. Н. Заходер, *Иран при Сасанидах*, — ИЖ, 1933, № 12, стр. 84—96.
- Заходер, *Хорасан*. — Б. Н. Заходер, *Хорасан и образование государства сельджуков*, — ВИ, 1945, № 5—6, стр. 119—142.
- Зограф, *Монеты «Герая»*. — А. Н. Зограф, *Монеты «Герая»*, Ташкент, 1937.
- Ибн ал-Асир. — *Ibn-el-Athiri. Chronicon quod perfectissimum inscribitur*, ed. C. I. Tornberg, vol. I—XIV, Upsalæ et Lugduni Batavorum, 1851—1876.
- Ибн Баттута. — *Voyages d'Ibn Batoutah, texte arabe, accompagné d'une traduction par C. Deifrémery et B. R. Sanguinetti*, t. I—IV, Paris, 1853—1858 [I — 1853, II — 1854, III — 1855, IV — 1858] (Collection d'ouvrages orientaux publiée par la Société Asiatique).
- Ибн Хаукал. — *Viae et regna. Descriptio dittonis moslemicae auctore Abu'l-Kāsim Ibn Haukal*. Ed. M. J. de Goeje, Lugduni-Batavorum, 1873 (BGA II).
- Ибн Хаукал, изд. Крамера. — *Opus geographicum auctore Ibn Haukal (Abu'l-Kāsim Ibn Haukal al-Našībī). Secundum textum et imagines codicis constantinopolitani conservati in Bibliotheca Antiqui Palatii № 3346 cui titulus est «Liber imaginis terrae», edidit colatio textu primae editionis aliisque fontibus adhibitis I. H. Kramers, fasc. 1—2, Lugduni Batavorum—Lipsiae, 1938 (BGA² I—II).*
- Ибн Хордадбех. — *Kitāb al-Masālik wa'l-Mamālik (Liber viarum et regnorum)* auctore Abu'l-Kāsim Obaidallah Ibn Abdallah Ibn Khordādben et *Excerpta e Kitāb al-Kharādj* auctore Kodāma ibn Dja'far quae cum versione gallica edidit indicibus et glossario instruxit M. J. de Goeje, Lugduni-Batavorum, 1889 (BGA, VI).
- Ильин, *Особенности рабства в древней Индии*. — Г. Ф. Ильин, *Особенности рабства в древней Индии*, — ВДИ, 1951, № 1, стр. 33—52.
- Ильин, *Таксила*. — Г. Ф. Ильин, *Древний индийский город Таксила*, М., 1958.
- Истахри. — *Viae regnorum. Descriptio dittonis moslemicae auctore Abu Ishāk al-Fārisī al-Istakhri*. Ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1870 (BGA, I).
- Истахри. египетск. изд. — *المسالك و الممالك تأليف ابى اسحق ابراهيم بن محمد الفارسي الاصطخرى (المعروف بالكرخي) المتوفى في الصنف الاول من القرن الرابع الهجرى تحقيق الدكتور محمد جابر عبد العال الحسينى مراجعة محمد شفيق غربال [s. I.] 1381 هـ — 1961 م*
- Истахри, перс. редакция. — *Masālik va Mamālik* by Abū Ishāq Ibrahim Istakhri. Anonymous Persian translation from V/VI century A. H. Edited by Iraj Afshar, Tehran, 1961 (PTS, № 9).

- «История таджикского народа», I. — «История таджикского народа», т. I. С древнейших времен до V в. н. э., М., 1963.
- История Туркменской ССР. — История Туркменской ССР, т. I, кн. I. С древнейших времен до конца XVIII века, Ашхабад, 1957.
- История Узбекской ССР, т. I, кн. I. — История Узбекской ССР, т. I, кн. I, Ташкент, 1955.
- Исфизари, рук. — Му'ин ад-дин Исфизари, *Kitāb rauzat al-djannāt fī auṣāf mādinat Ḥarāt*, рук. ИНА С 472, С 474, В 690.
- Исфизари, пер. Барбье де Менара. — *Extraits de la Chronique persan d'Herat*, traduits et annotés par Barbier de Meynard, — JA, sér. 5, 1860, t. XVI, pp. 461—520; 1861, t. XVII, pp. 438—457, 473—522; 1862, t. XX, pp. 263—318.
- Иезди, Гияс ад-Дин. — см. Гияс ад-Дин Алти.
- Кабанов, Археологические данные. — С. К. Кабанов, Археологические данные по истории Нахшеба в III—IV веках, — ВДИ, 1956, № 2, стр. 163—174.
- Кабанов, К вопросу о столице. — С. К. Кабанов, К вопросу о столице кидаритов, — ВДИ, 1953, № 2, стр. 201—206.
- Кабус-наме, пер. Бертельса. — *Кабус-намэ*, перевод, статья и примечания Е. Э. Бертельса, изд. 2, М., 1958.
- Казвини, Хамдаллах — см. Хамдаллах Казвини.
- Кастальский, Тетрадрахма — медаль Антимаха I. — Б. Н. Кастальский, Неизданная греко-бактрийская тетрадрахма — медаль Антимаха I, — ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 339—347.
- Кесати, Гератский бронзовый котелок. — Р. Кесати, Гератский бронзовый котелок 1163 г., — в кн.: «Памятники эпохи Руставели», Л., 1938, стр. 237—246.
- Кляшторный, Памятники. — С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники как источник для истории Средней Азии, М., 1964.
- Ковалев, Александр, Филота и Парменион. — С. И. Ковалев, Александр, Филота и Парменион, — УЗЛГУ, СИИ, вып. 14, 1949, стр. 280—308.
- Коляко, Организация статистики в Афганистане. — Д. Коляко, Организация статистики в Афганистане, — «Вестник статистики», М., 1963, № 2, стр. 57—60.
- Крачковский, Арабская географическая литература. — И. Ю. Крачковский, Арабская географическая литература, — И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. IV, М.—Л., 1957.
- Крачковский, Бируни. — И. Ю. Крачковский, Бируни и его роль в истории восточной географии, — «Бируни. Сб. статей под ред. С. П. Толстова», М.—Л., 1950, стр. 55—73.
- Кузьмина — Певзнер, Оборонительные сооружения. — Е. Е. Кузьмина и С. Б. Певзнер, Оборонительные сооружения городища Кейкобад-шах, — КСИИМК, 1956, вып. 64, стр. 77—84.
- Лигети, О монгольских и тюркских языках и диалектах. — Л. Лигети, О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана, — АО Vid., IV, 1955, стр. 93—117, Résumé, pp. 114—117.
- Лэн-Пуль, Мусульманские династии. — С. Лэн-Пуль, Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями. Перевел с английского с примечаниями и дополнениями В. Бартольд, СПб., 1899.
- Макдиси, см. Мукаддаси.
- Мандельштам, Материалы. — А. М. Мандельштам, Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. С древнейших времен до X в. н. э., Сталинабад, 1957 (ГИИАЭ АН ТаджССР, т. I.III).
- Мандельштам, О некоторых вопросах. — А. М. Мандельштам, О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском междуречье, — СА, 1954, XX, стр. 115—129.

- Мандельштам, *О некоторых результатах*. — А. М. Мандельштам, *О некоторых результатах работ французской археологической миссии в Афганистане*, — СА, 1954, XIX, стр. 415—429.
- Мандельштам, *О работах*. — А. М. Мандельштам, *О работах Кобадиянского отряда в 1955 г.*, — в кн.: «Археологические работы в Таджикистане в 1955 г.», Сталинабад, 1956, стр. 63—72.
- Мандельштам — Певзнер, *Работы в 1952—1953 гг.* — А. М. Мандельштам, С. Б. Певзнер, *Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг.*, М.—Л., 1958 (МИА, № 66), стр. 290—324.
- Марко Поло. — *Книга Марко Поло*. Перевод старо-французского текста И. П. Минаева, [изд. 2]. Редакция и вступит. статья И. П. Магидовича, М., 1956.
- Марков, *Арсакидские монеты*. — А. К. Марков, *Неизданные арсакидские монеты*, СПб., 1892, — ЗВОРАО, 1892, т. VI, стр. 265—304; то же, отд. оттиск.
- Массон, ВДИ, 1959, № 4 [стр. 184—190]. — В. М. Массон, [реп. на:] A. Nara-in, *The Indo-Greeks*, Oxford, 1957, — ВДИ, 1959, № 4, стр. 184—190.
- Массон, *Деметрий Бактрийский и завоевание Индии*. — В. М. Массон, *Деметрий Бактрийский и завоевание Индии*, — ВДИ, 1961, № 2, стр. 39—45.
- Массон, *Денежное хозяйство*. — В. М. Массон, *Денежное хозяйство Средней Азии по нумизматическим данным*, — ВДИ, 1955, № 2, стр. 37—47.
- Массон, *Древнебактрийские монеты*. — В. М. Массон, *Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла*, — ЭВ, 1956, XI, стр. 63—75.
- Массон, *Древнеземледельческая культура Маргианы*. — В. М. Массон, *Древнеземледельческая культура Маргианы*. М.—Л., 1959 (МИА, № 73).
- Массон, *Древнейший Афганистан*. — В. М. Массон, *Древнейший Афганистан*, — СА, 1962, № 2, стр. 253—260.
- Массон, *Памятники культуры архайического Дахистана*. — В. М. Массон, *Памятники культуры архайического Дахистана в юго-западной Туркмении*, — «Труды ЮТАКЭ», VII, Ашхабад, 1956, стр. 385—453.
- Массон, *Проблема древней Бактрии*. — В. М. Массон, *Проблема древней Бактрии и новый археологический материал*, — СА, 1958, № 2, стр. 49—65.
- Массон, *Поселение бронзового века*. — В. М. Массон, *Поселение бронзового века в Южном Афганистане*, — СА, 1957, № 2, стр. 269—270.
- Массон, *Правитель Санабар*. — В. М. Массон, *Восточно-парфянский правитель Санабар*, — «Труды ГИМ», 1957, вып. XXVI («Нумизматический сборник», ч. 2), стр. 34—42.
- Массон, *Редкая среднеазиатская монета*. — В. М. Массон, *Редкая среднеазиатская монета из собрания Государственного Эрмитажа*. — ВДИ, 1953, № 3, стр. 167—169.
- Массон, СА, 1960, № 3 [стр. 348—352]. — В. М. Массон, [реп. на:] W. A. Fairgervis, *Excavations in the Quetta Valley*, New York, 1956, — СА, 1960, № 3, стр. 348—352.
- Массон М., *Исторический этюд*. — М. Е. Массон, *Исторический этюд по нумизматике джагатаидов (По поводу Таласского клади монет XIV в.)*, — «Труды САГУ», н. с., вып. CXI, исторические науки, кн. 25 (Археология Средней Азии, IV), Ташкент, 1957, стр. 41—103.
- Массон М., *К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии*, — М. Е. Массон, *К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики*, — «Труды САГУ», н. с., вып. XXIII, 1951, стр. 91—102.
- Массон М., *К истории горной промышленности*. — М. Е. Массон, *К истории горной промышленности Карамазара*, — «Труды Тадж. Базы АН СССР», т. IV, 1935.

- Массон М., *К исторической топографии Герата*, — М. Е. Массон, *К исторической топографии Герата XV века*, — «Великий узбекский поэт», Сб. статей под ред. М. Т. Айбека, Ташкент, 1948, стр. 120—145.
- Массон М., *Монетные находки 1917—1927 гг.*, — М. Е. Массон, *Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1917—1927 гг.*, — «Изв. Средазкомстариса», вып. III, Ташкент, 1928, стр. 280—293.
- Массон М., *Монетные находки 1930 и 1931 гг.*, — М. Е. Массон, *Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за 1930 и 1931 гг.*, Ташкент, 1933 («Материалы Узкомстариса», вып. 5).
- Массон М., *Народы и области*. — М. Е. Массон, *Народы и области южной части Туркменистана в составе парфянского государства*, — «Труды ЮТАКЭ», т. V, Ашхабад — Москва, 1955, стр. 7—70.
- Массон М., *Находка фрагмента скульптурного карниза*. — М. Е. Массон, *Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э.*, Ташкент, 1933.
- Массон М., *Находки греко-бактрийских монет*. — М. Е. Массон, *Неопубликованные находки греко-бактрийских монет, зарегистрированные на территории Таджикской ССР до 1947 года*, — «Сообщ. Тадж. ФАН», 1948, вып. VII, стр. 42—44.
- Массон М., *Новые археологические данные*. — М. Е. Массон, *Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана*, — ВДИ, 1953, № 1, стр. 143—159.
- Массон М., *Об охотничьих парках*. — М. Е. Массон, *О былых охотничьих парках в Средней Азии*, — «Труды АН ТаджССР», 1953, т. XVII, стр. 145—150.
- Массон М., *О северо-восточных пределах парфянского государства*. — М. Е. Массон, *О северо-восточных пределах парфянского государства*, — КСИИМК, 1951, вып. XXXVIII, стр. 145—151.
- Массон М., *Происхождение*. — М. Е. Массон, *Происхождение безымянного «царя царей — великого спасителя»*, — «Труды САГУ», н. с., 1950, вып. XI, стр. 11—49.
- Массон М., *Скульптура Айртама*. — М. Е. Массон, *Скульптура Айртама*, — «Искусство», 1935, № 2, стр. 129—134.
- Массон М., *Термезская экспедиция*. — М. Е. Массон, *Термезская археологическая комплексная экспедиция (ТАКЭ)* — КСИИМК, 1940, вып. VIII, стр. 113—116.
- Масуди, *Танбих*. — *Kitāb at-tanbīh wa'l-ischrāf auctore al-Masūdī...* [ed. M. J. de Goeje], Lugduni — Batavorum, 1894 (BGA, VIII).
- Матла' ас-са'дайн* — см. Абд ар-Раззак.
- Миклухо-Маклай, *К истории политических взаимоотношений*. — Н. Д. Миклухо-Маклай, *К истории политических взаимоотношений Ирана со Средней Азией в XVI веке*, — КСИИМК, 1952, вып. IV, стр. 11—18.
- Михайлова, *Новые эпиграфические данные*. — А. И. Михайлова, *Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в.* — ЭВ, 1951, V, стр. 10—20.
- Молчанов, *К характеристике налоговой системы*. — А. А. Молчанов, *К характеристике налоговой системы в Герате эпохи Алишера Навои*, — сб. «Родоначалник узбекской литературы», Ташкент, 1940, стр. 153—169.
- Муджмал-и Фасихи* — см. Фасих.
- Муин ад-Дин Натанзи, изд. Обена. — منتخب التواريخ معينى (تأليف ۸۱۶ و ۸۱۷ هجرى قمرى) منسوب به معين الدين نطنزى و معروف به «انوليم اسكندر» بتصحيح ژان اوين، تهران، ۱۳۳۶ خورشيدى [=1957]
- Мукаддаси. — *Descriptio imperii mostemici auctore Schamso'd-din Abū Abdollāh Mohammed ibn Ahmed ibn abī Bekr al-Bannā al-Bannā al-Bas-*

- schâri al-Mokaddasi. Ed. M. J. Goeje, Lugduni-Batavorum, 1877; ed. 2, 1906 (BGA, III).
- Мухаммед Али, *Афганистан*. — Мухаммед Али, *Афганистан*. Новый путеводитель. Предисловие И. М. Рейснера. Сокращенный пер. и примечания Р. Т. Ахрамовича и Л. А. Еровченко. М., 1957.
- Мухаммед Хаят-хан, пер. Пристли. — *Afghanistan and its inhabitants*. Transl. from the Hayat-i-Afghan [так! однако, верно: Afghānī] of Muhammad Hayat Khan by Henry Priestley, Lahore, 1874.
- Наршахи, пер. Лыжожина. — Мухаммад Наршахи, *История Бухария*. Перевел с персидского Н. Лыжожин под ред. В. В. Бартольда, Ташкент, 1897.
- Наршахи, пер. Фрая. — *The history of Bukhara*. Transl. from a Persian abridgement of the Arabic original by Narshakhi R. N. Frye, Cambridge (Mass.), 1954.
- Ниаматулла. *История афганцев*, пер. Роя — *Niamatullah's history of the Afghans*, Pt I — Lodi period. Translated with various notes by Nirodhusan Roy, Santinikatan, 1958.
- Низам ад-дин Шами, изд. Тауэра. — *Histoire des conquêtes de Tamerlan intitulée Zaḡarnāma* par Nizāmuddin Sāmi avec des additions empruntées au *Zubdatu-t-tawārih-i Bāysunguri* de Hafiz-i Abrū. Ed. critique par F. Tauer, t. I, Praha, 1937.
- Низам ал-Мульк, пер. Заходера. — *Сиасет-намэ, Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-мулька*. Перевод, введение в изучение памятника и примечания Б. Н. Заходера, М.—Л., 1949 (Литературные памятники).
- Низами Арузи, *Чахар макала*, пер. Баевского — Ворожейкиной. — *Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей, или Четыре беседы*, пер. с перс. С. И. Баевского и З. Н. Ворожейкиной. Под ред. [и с предисловием] А. Н. Болдырева, М., 1963.
- Оранский, *Введение*. — И. М. Оранский, *Введение в иранскую филологию*, М., 1960.
- Османов, *Из истории литературы*. — М.-Н. Османов, *Из истории литературы народов Хорасана и Мавераннахра VIII—IX вв.*, — СВ, 1956, № 2, стр. 105—118.
- Османов, *Фирдоуси*. — М.-Н. Османов, *Фирдоуси. Жизнь и творчество*, М., 1959.
- Осипов, *Краткий очерк*. — А. Осипов, *Краткий очерк истории Индии до X века*, М., 1948.
- д'Оссон, *История монголов*. — К. Д'Оссон, *История монголов от Чингисхана до Тамерлана*, т. I, Иркутск, 1937.
- Периханян, *К вопросу о рабовладении и землевладении*. — А. Г. Периханян, *К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени*, — ВДИ, 1952, № 4, стр. 13—27.
- Петрушевский, *Земледелие*. — И. П. Петрушевский, *Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков*, М.—Л., 1960.
- Петрушевский, *Труд Сейфи*. — И. П. Петрушевский, *Труды Сейфи как источник по истории Восточного Хорасана*, — «Труды ЮТАКЭ», т. V, 1955, стр. 130—162; то же, отд. оттиск.
- Петрушевский, *Феодальные институты* — И. П. Петрушевский, *Феодальные институты идрар и мукассэ в Иране в XIII—XIV вв.* — «Сб. статей в честь акад. И. Ю. Крачковского», Л., 1958, стр. 202—205.
- Пигулевская, *Византия и Иран*. — Н. В. Пигулевская, *Византия и Иран на рубеже VI и VII веков*, М.—Л., 1946.
- Пигулевская, *Города Ирана*. — Н. В. Пигулевская, *Города Ирана в раннем средневековье*, М.—Л., 1956.
- Пигулевская и др., *История Ирана* — Н. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский, Л. В. Спирова, А. М. Беленицкий, *История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века*, Л., 1958.

- Пигулевская, *Сирийские источники*. — Н. В. Пигулевская, *Сирийские источники по истории народов СССР*, М.—Л., 1941.
- Поло, Марко — см. Марко Поло.
- Продолжатель Рашид ад-Дина. — [Хафиз-и Аbru?] Дополнение к рук. ИНА Д 66, лл. 425а—509б.
- Пугаченкова, *Древние связи*. — Г. А. Пугаченкова, *Древние связи в искусстве Средней Азии и Афганистана*, — МПВНКВ, стр. 118—120.
- Пугаченкова, *Памятники архитектуры*. — Г. А. Пугаченкова, *Памятники архитектуры Средней Азии эпохи Навои*, Ташкент, 1957.
- Пугаченкова, *Памятник гандхарской скульптуры*. — Г. Пугаченкова, *Памятник гандхарской скульптуры из Беграма*, — «Искусство», 1953, № 11, стр. 67—70.
- Пугаченкова, *Сосуд из Термеза*. — Г. А. Пугаченкова, *Сосуд из Термеза с вакхической сценой*, — ВДИ, 1951, № 1, стр. 118—136.
- Пугаченкова — Елькович, *Очерки*. — Г. А. Пугаченкова и Л. Я. Елькович, *Очерки по истории искусства Туркменистана*, Ашхабад, 1956.
- Рапов, *Раскопки*. — В. А. Рапов, *Раскопки палеолитической пещерной стоянки в Афганистане*, — «Изв. ООН АН ТаджССР», 1960, вып. 1(22), стр. 145—150.
- Рапович, *Эллинизм*. — А. Б. Рапович, *Эллинизм и его историческая роль*, М.—Л., 1950.
- Рашид ад-Дин, пер. в изд. ИВАН. — Рашид ад-дин, *Сборник летописей*, т. 1, кн. 1, перевод с персидского Л. А. Хетагурова, редакция и примечания А. А. Семенова, М.—Л., 1952; т. 1, кн. 2, перевод с персидского О. И. Смирновой, примечания Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой, редакция А. А. Семенова, М.—Л., 1952; т. 11, перевод с персидского И. П. Верховского, примечания Ю. П. Верховского и П. И. Панкратова, редакция И. П. Петрушевского, М.—Л., 1960; т. III, перевод с персидского А. К. Арендса, под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса и А. Ю. Якубовского, М.—Л., 1946.
- Рашид ад-Дин, рук. — Рашид ад-Дин, *Джами'ат-тавâriх*, рук. ИНА Д 66.
- Рейснер, *Развитие феодализма*. — И. М. Рейснер, *Развитие феодализма и образование государства у афганцев*, М., 1954.
- Риттер — Григорьев, *Кабулистан и Кафиристан*. — К. Риттер, *Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Кабулистан и Кафиристан*. Перевел с присовокуплением критических замечаний и дополнил источниками, изданными в течение последних тридцати лет, В. В. Григорьев, ординарный профессор С.-Петербургского университета по кафедре истории Востока, СПб., 1867.
- Рутковская, *Парфянская керамика*. — Л. М. Рутковская, *Парфянская керамика древнего Мерва*, — СА, 1958, № 3, стр. 120—133.
- Саалиби, *Латаиф*. — *Latâ'if-i-m'ârif*, auctore Abu Mañşur Abdolmalik ibn Moħammad ibn Ismâ'il at-Tha'âlibi, quem librum e codd. Leyd. et Goth. edidit P. de Jong, Lugduni-Batavorum, 1867.
- Сараниди, *Керамические печи*. — В. И. Сараниди, *Керамические печи древней Маргианы*, — КСИИМК, 1957, вып. 69, стр. 72—77.
- Сараниди, *К стратиграфии Анау*. — В. И. Сараниди, *К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау*, — СА, 1960, № 3, стр. 141—152.
- Саркисян, *Самоуправляющийся город*. — Г. Х. Саркисян, *Самоуправляющийся город селевкидской Вавилонии*, — ВДИ, 1952, № 1, стр. 68—83.
- Саркисян, *Тигранокерт*. — Г. Х. Саркисян, *Тигранокерт*, М., 1960.
- Себеос, *История*. — Себеос, *История императора Иракла*. Пер. К. Патканьяна, СПб., 1867.
- Сейфи ал-Харави. — *The Ta'rikh Nâma-i-Harât (The History of Harât) of Sauf ibn Muħammad ibn Ja'qub al-Harawi*. Ed. with introduction by Moħammad Zûbayr aş Şiddiqi, Calcutta 1944.
- Семенов, *Гератская художественная рукопись эпохи Навои*. — А. А. Семенов,

- нов, *Гератская художественная рукопись эпохи Навои и ее творцы*, — «Алишер Навои». Сб. статей под ред. А. К. Боровкова, М.—Л., 1946, стр. 153—174.
- Семенов, *К вопросу о происхождении Саманидов*. — А. А. Семенов, *К вопросу о происхождении Саманидов*, — ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XXVII, «Сборник статей, посвященных истории и культуре периода формирования гаджикского народа и его государственности (IX—X вв. н. э.)», Сталинабад, 1954, стр. 3—11.
- Семенов, *Некоторые данные*. — А. А. Семенов, *Некоторые данные по экономике империи Султана Хусейн-мирзы (1469—1506)*, — «Изв. ООИ АН ТаджССР», 1953, вып. IV, стр. 69—82.
- Семенов, *Шейбани-хан*. — А. А. Семенов, *Шейбани-хан и завоевание империи Тимуридов*, — МИТУСА, вып. I, Сталинабад, 1954 (ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XII), стр. 39—83.
- Ставиский, *Средняя Азия, Индия, Рим*. — Б. Я. Ставиский, *Средняя Азия, Индия, Рим (к вопросу о международных связях в кушанский период)*, — Сб. «Индия в древности», М., 1964, стр. 169—189.
- Ставиский, *О северных границах*. — Б. Я. Ставиский, *О северных границах кушанского государства*, — ВДИ, 1961, № 1, стр. 108—114.
- Струве, *Восстание в Маргиане*. — В. В. Струве, *Восстание в Маргиане при Дария I*, — ВДИ, 1949, № 2, стр. 10—29.
- Струве, *Поход Дария I на саков-массагетов*. — В. В. Струве, *Поход Дария I на саков-массагетов*, — ИАН СССР, СИФ, т. III, № 3, 1946, стр. 231—250.
- Струве, *Родина зороастризма*. — В. В. Струве, *Родина зороастризма*, — СВ, 1948, т. V, стр. 5—34.
- Сюань Цзан, пер. Била. — Si-Yu-Ki, *Buddhist records of the Western world*. Transl. from the Chinese of Hiuen Tsiang (A. D. 629) by S. Beal, vol. I—II, London, 1906 (Trübner's Oriental series).
- Сюань Цзан, пер. Била. — *Mémoires sur les contrées occidentales, traduits du sanscrit en chinois, en l'an 648, par Hiouen-thsang, et du chinois en français, par S. Julien, t. I—II*. Paris, 1857—1858 (Voyages des pèlerins bouddhistes, I—III).
- Табакат-и Насири* — см. Джузджани.
- Табари. — *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabaricum aliis*, ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, series I, t. I—VI, 1879—1890; series II, t. I—III, 1881—1889; series III, t. I—IV, 1879—1890; *Introductio, glossarium, addenda et emendanda*, 1901; *Indices*, 1901.
- Табари, пер. Нельдеке. — *Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden*. Aus der arabischen Chronik des Tabari übersetzt und mit ausführlichen Erläuterungen und Ergänzungen versehen von Th. Nöldeke, Leyden, 1879.
- Тазкират ал-абрар ва-л-ашрар* — см. Дарвеза.
- Тарих-и Систан*. — تاریخ سیستان تألیف در حدود ۷۲۵—۴۴۵ تصحیح ملک الشعراء بهار ۰۰۰ در طهران بسال ۱۳۱۲ شمسی طبع کردیده
- Тарн, *Эллинистическая цивилизация*. — В. Тарн, *Эллинистическая цивилизация*, М., 1949.
- Тереножкин, *Согд и Чач*. — А. И. Тереножкин, *Согд и Чач*, — ҚСИМК, вып. XXXIII, М.—Л., 1950, стр. 152—169.
- «Тешик-таш. Палеолитический человек». Сборник статей. Отв. ред. М. А. Гремяцкий, М., 1949.
- Тизенгаузен, *Первое русское посольство в Херате*. — В. Тизенгаузен, *Первое русское посольство в Херате*, — ЗВОРАО, 1887, т. I, стр. 30—31.
- Толстов, *Древний Хорезм*. — С. П. Толстов, *Древний Хорезм*, М., 1948.
- Толстов, *Основные вопросы*. — С. П. Толстов, *Основные вопросы древней истории Средней Азии*, — ВДИ, 1938, № 1, стр. 72—81.

- Толстов, *Подъем и крушение*. — С. П. Толстов, *Подъем и крушение империи эллинистического Дальнего Востока*, — ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 194—208.
- Толстов, *По следам*. — С. П. Толстов, *По следам древнехорезмийской цивилизации*, М.—Л., 1948.
- Толстов, *Работы ХАЭ 1949—1953*. — С. П. Толстов, *Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.*, — «Труды ХАЭ», т. II, М., 1953.
- Толстов, *Тиранья Абрюя*. — С. П. Толстов, *Тиранья Абрюя*, — ИЗ, 1938, III, стр. 3—53.
- Тревер, *Александр в Согде*. — К. В. Тревер, *Александр Македонский в Согде*, — ВИ, 1947, № 5, стр. 112—122.
- Тревер, *Золотая статуэтка*. — К. В. Тревер, *Золотая статуэтка из селения Хаит (Таджикистан). К вопросу о кушанском пантеоне*, — «Труды Гос. Эрмитажа», т. II, вып. 1, Л., 1958, стр. 130—146.
- Тревер, *Кушанская империя*. — К. В. Тревер, *Кушанская империя (I—IV вв.)*, — в кн.: «История Узбекской ССР», т. I, кн. I, стр. 94—102.
- Тревер, *Кушаны, хиониты и эфталиты*. — К. В. Тревер, *Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV—VII вв.*, — СА, 1954, XXI, стр. 131—146.
- Тревер, *Памятники греко-бактрийского искусства*. — К. В. Тревер, *Памятники греко-бактрийского искусства*, М.—Л., 1940 (Памятники культуры и искусства в собраниях Эрмитажа. I).
- Тревер, *Эфталитское государство*. — К. В. Тревер, *Эфталитское государство*, — «История Узбекской ССР», т. I, кн. I, Ташкент, 1955, стр. 103—113.
- Тураев, *История Древнего Востока*. — Б. А. Тураев, *История Древнего Востока*, I—II, Л., 1935.
- Тюрин, *Социальное положение кур-тас*. — В. О. Тюрин, *Социальное положение кур-тас по документам из «сокровищницы» Персеполя*, — ВДИ, 1951, № 3, стр. 21—39.
- Тюрин, *Социально-экономические термины*. — В. О. Тюрин, *К установлению значения социально-экономических терминов Бехистунской надписи*, — ТИЯ, 1956, т. VI, стр. 499—525.
- Фавстос Бузанд, *История Армении*. — *История Армении Фавстоса Бузанда*. Памятники древнеармянской литературы. Пер. с древнеармянского и комментарии М. А. Геворгяна. Под ред. С. Т. Еремяна. Вступит. статья Л. С. Хачикяна, Ереван, 1953.
- Фасих. — *Муджмал-и Фасихӣ*, рук. ИНА В 709.
- Федосеев — Францев, *О разработке методологических вопросов истории*. — П. Федосеев, Ю. Францев, *О разработке методологических вопросов истории*, М., 1963.
- Фрейман, *Диалектологические отношения*. — А. А. Фрейман, *Согдо-хорезмийские диалектологические отношения*, — СВ, 1947, IV, стр. 157—170.
- Халидов — Эрман, Предисловие. — А. Б. Халидов и В. Г. Эрман, Предисловие, — в кн.: Бируни, *Индия*, — Абурейхан и Бируни (973—1048), Избранные произведения, т. II, пер. А. Б. Халидова и Ю. Н. Завадовского, коммент. В. Г. Эрмана и А. Б. Халидова, Ташкент, 1963, стр. 7—53.
- Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-Кулуб*, изд. Ле Стрэнджа, I, II — *The geographical part of the Nuzhat-al-Qulub* composed by Hamd-Allah Mustawfi of Qazwin in 740 (1340). Ed. by G. Le Strange, Leyden—London, 1915; transl. by G. Le Strange, Leyden—London, 1919 (GMS, XXIII, 1—2).
- Хамдаллах Казвини, *Тарих-и гузиде*, изд. Броуна. — *The Tarikh-i-Guzida* or «Select History» of Hamdu'llah Mustawfi-i-Qazwini compiled in A. H. 730 (A. D. 1330), and now reproduced in fac-simile from a manuscript dated A. H. 857 (A. D. 1453) with an introduction by E. G. Brown. Vol. I, containing the text, Leyden—London, 1910 (GMS, XIV, I).
- Хафиз-и Абру, рук. — Хафиз-и Абру, рук. ГЛБ, Дорн 290.

- Хаят-хан. — См. Мухаммед Хаят-хан пер. Пристли.
- Хвостов, *История восточной торговли*. — М. Хвостов, *История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р. X. — 284 г. по Р. X.)*, Казань, 1907 (Исследования по истории обмена в эпоху эллинистических монархий и Римской империи).
- Хой Чао, извлеч. в изд. Фукса. — W. Fuchs, *Huei — ch'ao's Pilgerreise durch Northwest-Indien und Zentral-Asien um 726*, — SPAO, 1938, XXX.
- Худуд ал-алам. — *Худūd al-ālam*. Рукопись Туманского. С введением и указателями В. Бартольда, Л., 1930.
- Худуд ал-алам, пер. Минорского. — *Hūdūd al'Ālam. The regions of the world. A Persian geography circa 372 A. H. — 982 A. D.* Transl. and explained by V. Minorsky. With the preface by V. V. Barthold (1930), transl. from the Russian, London, 1937 (GMS NS, XI).
- Чайковская, *Гандхарская скульптура*. — М. Чайковская, *Гандхарская скульптура музея искусств Узбекистана*, — «Сборник студенческих работ САГУ», вып. VI. Ташкент, 1954, стр. 57—72.
- Чайлд, *Древнейший Восток*. — Гордон Чайлд, *Древнейший Восток в свете новых раскопок*, М., 1956.
- Шамансурова, *Афганские племена*, — А. Т. Шамансурова, *Афганские племена Пакистанского Белуджистана*. — «Сборник работ аспирантов» АН УзССР, ООН, вып. II. Ташкент, 1958, стр. 203—221.
- Шаши. — См. Низам ад-Дин Шаши, изд. Тауэра.
- Якубовский, *Вопросы периодизации*. — А. Ю. Якубовский, *Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.)*. — КСИИМК, 1949, вып. XXVIII, стр. 30—43.
- Якубовский, *Махмуд Газневи*. — А. Ю. Якубовский, *Махмуд Газневи. К вопросу о происхождении и характере Газневидского государства*, — сб. «Фердовси. 934—1934 г.», Л., 1934, стр. 51—96.
- Якубовский, *Тимур*. — А. Якубовский, *Тимур (Опыт краткой характеристики)*, — ВИ, 1946, № 8—9, стр. 42—74.
- Якубовский, *Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои*. — А. Ю. Якубовский, *Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои*, — «Алишер Навои». Сб. статей под ред. А. К. Боровкова, М.—Л., 1946, стр. 5—30.
- Якуничков, *Древнегреческие монеты*. — Б. М. Якуничков, *Неизданные и редкие древнегреческие монеты*, — ЗНОРАО. т. I, 1909, вып. II—III, стр. 7—59.

* * *

- Afghanistan and its inhabitants*, — см. Мухаммед Хаят-хан, пер. Пристли.
- Agrawala, *India*. — V. S. Agrawala, *India as known to Pāṇini* (a study of the cultural material in the *Ashṭādhyāyī*), Lucknow, 1953.
- Allan, *Catalogue*. — J. Allan, *Catalogue of the coins of Ancient India*, London, 1936.
- Allan, *Indian coins*. — J. Allan, *Indian coins acquired by the British Museum*, — NC, 1934, pp. 229—243.
- Allchin, *The cultural sequence*. — F. R. Allchin, *The cultural sequence of Bactria*, — «Antiquity», 1957, № 123, pp. 131—141.
- Allchin, *A flake-tool*. — F. R. Allchin, *A flake-tool from the Oxus*, — «Proceedings of the Prehistoric society for 1953», vol. XIX, 1954, № 5, p. 227.
- Altheim, *Weltgeschichte Asiens*. — F. Altheim, *Weltgeschichte Asiens im Griechischen Zeitalter*, Bd. I, Halle, 1947.
- Altheim, *Zarathustra und Alexander der Grosse*. — F. Altheim, *Zarathustra und Alexander der Grosse*. — «La Parola del Passato», f. XX, Napoli, 1951.
- d'Ancona, *An Indian statuette*. — Mirella Levi d'Ancona, *An Indian statuette from Pompeii*, — «Artibus Asiae», 1950, t. XIII, pp. 166—180.

- Andrews, *Pottery*. — F. Andrews. *Painted Neolithic pottery in Sistan*. — «Birlington magazine», 1925, December, № CCLXXIII, pp. 304—310.
- Arnold, *The preaching of Islam*. — T. W. Arnold, *The preaching of Islam. A history of the propagation of the Muslim faith*. By T. W. Arnold, with an introduction by Reynold A. Nicholson, London, 1935 [3-d ed.].
- Athar-e Iran*. — *Athar-e Iran. Annales du service archéologique de l'Iran*, t. I, Paris, 1936, t. II, Paris, 1937.
- Bachhofer, *On Greeks and Sakas*. — L. Bachhofer, *On Greeks and Sakas in India*. — JAOS, 1941, № 61, pp. 223—250.
- Bacon, *An inquiry*. — E. E. Bacon, *An inquiry into the history of the Hazara Mongols of Afghanistan*. — «Southwestern journal of anthropology», vol. 7, Albuquerque, 1951, № 3, pp. 230—247.
- Bagchi, *India and Central Asia*. — P. Ch. Bagchi, *India and Central Asia*, Calcutta, 1955.
- Bailey, *Ariaca*. — H. W. Bailey, *Ariaca*. — BSOAS, 1953, vol. XV, pp. 531—540.
- Barger, *Explorations*. — E. Barger, *Explorations of ancient sites in Northern Afghanistan*. — «Geographical journal», vol. XCIII, 1939, № 5, pp. 377—391.
- Bartoux, *Les fouilles, IV*. — J. Bartoux, *Les fouilles de Hadda, stupas et sites*. — MDFAA, t. IV.
- Bartoux, *Les fouilles, VI*. — J. Bartoux, *Les fouilles de Hadda, figures et figurines*. — MDFAA, t. VI.
- Basham, *A new study*. — A. L. Basham, *A new study of the Saka-Kušāna period*. — BSOAS, vol. XV, 1953, № 1, pp. 80—97.
- Benveniste, *Les classes sociales*. — E. Benveniste, *Les classes sociales dans la tradition avestique*. — JA, vol. CCXXI, 1932, № 1, pp. 117—134.
- Benveniste, *Inscriptions de Bactriane*. — E. Benveniste, *Inscriptions de Bactriane*. — JA, 1961, t. CCXLIX, pp. 113—152.
- Beuermann, *Ueber Afghanistan*. — Ed. Beuermann, *Ueber Afghanistan*, Leipzig, 1844.
- Bhandarkar, *Lectures*. — D. K. Bhandarkar, *Lectures on Ancient India numismatics*, Calcutta, 1931.
- Bikerman, *Institutions des Séleucides*. — E. B. Bikerman, *Institutions des Séleucides*, Paris, 1938.
- Binyon — Wilkinson — Gray, *Persian miniature painting*. — L. Binyon, J. V. S. Wilkinson, B. Gray, *Persian miniature painting*, London, 1933.
- Bivar, *The Chaman Huzuri Hoard*. — A. D. H. Bivar, *The Chaman Huzuri Hoard. Counter-marked Greek coins as the prototypes of the Indian punch-marked coinage*. — NC, 1954, pp. 163—172.
- Bivar, *The inscription of Uruzgan*. — A. Bivar, *The inscription of Uruzgan*. — JRAS, 1954, pp. 112—118.
- Bombaci, *Summary report, I*. — A. Bombaci, *Summary report on the Italian archaeological mission in Afghanistan, I. Introduction to the excavations at Ghazni*. — «East and West», n. s. X, 1959, № 1—2, pp. 3—22.
- Bosworth, *The Ghaznavids*. — C. E. Bosworth, *The Ghaznavids. Their Empire in Afghanistan and Eastern Iran 994—1040*, Edinburgh, 1963.
- Bosworth, *The early Islamic history of Ghur*. — C. E. Bosworth, *The early Islamic history of Ghur*. — «Central Asiatic journals», vol. VI, 1961, № 2, pp. 116—133.
- Browne, *A literary history*. — E. G. Browne. *A literary history of Persia*, vol. I. *From the earliest times until Firdawsī*, Cambridge, 1902; vol. II. *From Firdawsī to Sa'dī*, Cambridge, 1906; vol. III. *A history of Persian literature under Tartar dominion (A. D. 1265—1502)*, Cambridge, 1920; vol. IV. *A history of Persian literature in modern times (A. D. 1500—1924)*, Cambridge, 1924.
- Buddhaprakash, *The Northern itinerary of Raghū*. — Buddhaprakash, *The*

- geographical and cultural aspects of the Northern itinerary of Raghu as described by Kālidāsa, — JAS, Letters, vol. XXII, 1957, № 2, pp. 245—260.
- Byron, *Timurid architecture*. — R. Byron, *Timurid architecture*, — SPA, vol. II, London—New York, 1939, pp. 1119—1143.
- Cameron, *History of early Iran*. — G. Cameron, *History of early Iran*, Chicago, 1936.
- Caroe, *The Pathans*. — O. Caroe, *The Pathans 500 B. C. — A. D. 1957*, London, 1958.
- Carre, *Une ville morte*. — H. Carre, *Une ville morte de la Perse Orientale*, — «L'Illustration», 27 juin 1908, pp. 434—438.
- Casal, *Fouilles de Mundigak*. — J. M. Casal, *Fouilles de Mundigak*, — MDAFA, 1961, t. XVII, vol. I—II.
- Casal, *Fouilles de Viramptnam — Arikamedu*. — J. M. Casal, *Fouilles de Viramptnam — Arikamedu*, Paris, 1949.
- Charpentier, *The Indian travels of Apollonius*. — I. Charpentier, *The Indian travels of Apollonius of Tyana*, Uppsala — Leipzig, 1934.
- Chavannes, *Documents*. — *Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux*, Recueillis et commentés par Ed. Chavannes, St.-Pbg., 1903 (Сб. трудов Орхонской экспедиции, VI).
- Chavannes — Levy, *L'itinéraire d'Ou-K'ong*. — E. Chavannes, S. Levy, *L'itinéraire d'Ou-K'ong (751—790)*, — JA, sér. 10, 1895, t. VI, pp. 341—408.
- Christensen, *L'Iran*. — A. Christensen, *L'Iran sous les Sassanides. Le peuple, l'Etat, la cour*, 2-me ed., Copenhagen, 1944.
- Coomaraswamy, *History of art*. — A. K. Coomaraswamy, *History of Indian and Indonesian art*, London, 1927.
- Coon, *Cave explorations*. — C. S. Coon, *Cave explorations in Iran*, 1949, Philadelphia, 1951.
- Coon, *Seven caves*. — C. S. Coon, *Seven caves*, London, 1957.
- Coon — Coutler, *Excavation*. — C. S. Coon, H. W. Coutler, *Excavation of the Kamar Rock Shelter*, — «Afghanistan», 1955, № 1, pp. 12—15.
- Coon — Ralph, *Radiocarbon dates*. — C. Coon, E. Ralph, *Radiocarbon dates from Kara-Kamar*, — «Science», 1955, № 3176, pp. 921—922.
- Cunningham, *Coins of the Indo-Scythians*. — A. Cunningham, *Coins of the Indo-Scythians*, — NC, 1888, pp. 199—248.
- Cunningham, *Coins of the Kushans*. — A. Cunningham, *Coins of the Kushans or Great Yue-ti*, — NC, 1892, pp. 40—82, 98—159.
- Cunningham, *Coins of Sakas*. — A. Cunningham, *Coins of Sakas*, — NC, 1890, pp. 103—172.
- Cunningham, *Coins of Tochari*. — A. Cunningham, *Coins of Tochari, Kushans or Yue-ti*, — NC, 1889, pp. 268—311.
- Cunningham, *Later Indo-Scythians*. — A. Cunningham, *Later Indo-Scythians* — NC, 1894, pp. 243—293.
- Curiel, *Inscriptions de Surkh Kotal*. — R. Curiel, *Inscriptions de Surkh Kotal* — JA, 1954, t. CCXLII, pp. 189—205.
- Curiel, *Le trésor du tépé Marenjan*. — R. Curiel, *Le trésor du tépé Marenjan. Une travaille de monnaies cuşano-sassanide*, — MDAFA, 1953, t. XIV, pp. 101—131, planches IX—XVI.
- Curiel — Schlumberger, *Le trésor de Mir Zakah*. — R. Curiel, D. Schlumberger, *Le trésor de Mir Zakah près de Gardez*, — MDAFA, 1953, t. XIV, pp. 65—100, planches VI—VIII.
- Czeglédy, *Bahrām Cōbin*. — K. Czeglédy, *Bahrām Cōbin and the Persian apocalyptic literature*, — «Acta orientalia academiae scientiarum hungaricae», t. VIII, Budapest, 1958, pp. 21—43.
- Dalton, *The treasure*. — T. Dalton, *The treasure of Oxus*, London, 1926.
- Dames with others, *Afghanistan*. — M. Longworth Dames, G. Morgenstierne, R. Ghirshman, H. A. R. Gibb, *Afghanistan*, — EI² I, pp. 221—233.
- Deyder, *L'art du Gandhara*. — H. Deyder, *Contribution à l'étude de l'art du Gandhara*, Paris, 1950.

- Debevoise, *The origin of decorative stucco*. — N. C. Debevoise, *The origin of decorative stucco*, — AJA, 1941, № 1, pp. 45—61.
- Dietz, *Die buddistischen und islamischen Baudenkmäler Afghanistans*. — E. Dietz, *Die buddistischen und islamischen Baudenkmäler Afghanistans*, — в кн.: O. Niedermayer, *Afghanistan*, Leipzig, 1924.
- [Dorn], *The history of the Afghans*. — *The history of the Afghans by Neamet Ullah khan*, transl. by B. A. Dorn, vol. II, London, 1929.
- Drain, *Mémoire sur les Huns Ephthalites*. — E. Drain, *Mémoire sur les Huns Ephthalites dans leurs rapports avec les rois Perses Sassanides*. — «Le Muséon», 1895, vol. XIV, pp. 73—84, 141—161, 232—247, 277—288.
- Dupree — Howe, *Results*. — L. Dupree, B. Howe, *Results of an archaeological survey for Stone Age sites in North Afghanistan*, — «Afghanistan», 1963, № 2, pp. 1—15.
- Elisée, *Histoire de Vartan*. — Elisée, *Histoire de Vartan et de la guerre des Arméniens*, — V. Langlois, *Collection historiens anciens et modernes de l'Arménie*, Paris, 1869, vol. II, pp. 183—251.
- Enoki, *On the nationality of the Ephthalites*. — K. Enoki, *On the nationality of the Ephthalites*, — «Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko», Tokyo, 1959, № 18, pp. 1—58.
- Fairservis, *Excavations*. — W. A. Fairservis, *Excavations in the Quetta Valley, West Pakistan*, New York, 1956 («Anthropological papers of the American museum of natural history», vol. 45, pt 2).
- Fairservis, *Exploring the «Desert of Death»*. — W. A. Fairservis, *Exploring the «Desert of Death»*, — «Natural history», 1950, № 6, pp. 246—253.
- Fairservis, *Future research*. — W. A. Fairservis, *Future archaeological research in Afghanistan*, — «Southwestern journal of anthropology», vol. 9, 1953, № 2, pp. 139—146.
- Fairservis, *Preliminary report*. — W. A. Fairservis, *Preliminary report on the prehistoric archaeology of the Afghan — Baluchi areas*, — «American Museum Novitates», 1952, № 1587.
- Fairservis, *Research*. — W. A. Fairservis, *Archaeological research in Afghanistan*. — «Transactions of the New York Academy of Sciences», ser. II, vol. 12, 1950, № 5, pp. 31—34.
- Fairservis, *Studies*. — W. A. Fairservis, *Archaeological studies in the Seistan Basin of South-Western Afghanistan and Eastern Iran*, New York, 1961 («Anthropological papers of the American museum of natural history», vol. 48, pt 1).
- Ferdinand, *Ethnographical notes*. — K. Ferdinand, *Ethnographical notes on Chahâr Aimâg, Hazâra and Moghâl. A review of and some comments on*: H. F. Schurmann: *The Mongols of Afghanistan*, — AO, XXVIII, 1—2, 1964, pp. 175—203, fig. 1—11.
- Ferdinand, *Windmills*. — K. Ferdinand, *The horizontal windmills of Western Afghânistân*, — «Folk», vol. 5, Kobenhavn, 1963, pp. 71—89 (Essays presented to Kaj Birket-Smith on his 70th birthday January 20th 1963).
- Ferdinand, *Preliminary notes*. — K. Ferdinand, *Preliminary notes on Hazâra culture (The Danish scientific mission to Afghanistan 1953—1955)*, København, 1959 (Historisk-filosofiske Meddelelser udgivet af Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, Bind 37, nr. 5).
- Figulla, *A «Coin» of Cyrus*. — H. H. Figulla, *A «Coin» of Cyrus*, — NC, 1954, pp. 172. 173.
- Fischer, *Gandhâran sculpture*. — K. F. Fischer, *Gandhâran sculpture from Kunduz and environs*, — «Artibus Asiae», 1958, vol. XXI, pp. 231—253.
- Fischer, *Preliminary notes*. — K. Fischer, *Preliminary notes on some ancient remains at Kunduz*, — «Afghanistan», 1961, № 1, pp. 12—26.
- Franke, *Zur Kenntniss*. — O. Franke, *Beiträge aus chinesischen Quellen zur Kenntniss der Türkvölker und Skythen Zentralasiens*, — APAW, 1904.
- Frye, *An epigraphical journey*. — R. N. Frye, *An epigraphical journey in Afghanistan*, — «Archaeology», 1954, № 7, pp. 114—118.

- Foucher, *L'art gréco-bouddhique*. — A. Foucher, *L'art gréco-bouddhique du Gandhara*, t. I, Paris, 1905; t. II, Paris, 1918.
- Foucher, *La civilisation iraniennne*. — A. Foucher, *La civilisation iraniennne*, Paris, 1952.
- Furon, *Géologie*. — R. Furon, *Géologie du plateau Iranien*, — «Mémoires du muséum national d'histoire naturelle», Nouv. sér., t. VII, fasc. 2, Paris, 1941.
- de la Fuye, *Monnaies incertaines*. — A. de la Fuye, *Monnaies incertaines de la Sogdiane et des contrées voisines*, — RN, 1926, pp. 29—40, 141—151.
- Gardin, *Céramiques*. — J. C. Gardin, *Céramiques de Bactres*, — MDAFA, 1957, t. XV.
- Gardner, *Coins from Central Asia*. — P. Gardner, *Coins from Central Asia*, — NC, 1881, pp. 8—12.
- Gardner, *The coins of the Greek and Scythic kings*. — P. Gardner, *The coins of the Greek and Scythic kings of Bactria and India*, London, 1886.
- Gardner, *New coins of Bactria*. — P. Gardner, *New coins of Bactria*, — NC, 1879, pp. 1—12.
- Gardner, *On some coins*. — P. Gardner, *On some coins of Syria and Bactria*, — NC, 1880, pp. 181—191.
- Geiger, *Ostiranische Kultur*. — W. Geiger, *Ostiranische Kultur in Altertum*, Erlangen, 1882.
- Gershevitch, *The Avestian hymn*. — I. Gershevitch, *The Avestian hymn to Mithra*, Cambridge, 1959.
- Gershevitch, BSOAS, XXVI, 1963 [pp. 194—195]. — I. Gershevitch [реп. на:] Helmut Humbach, *Die Kaniško-Inschrift von Surkh-Kotal*, — BSOAS, 1963, vol. XXVI, pp. 194—195.
- Ghirshman, *Begram*. — R. Ghirshman, *Bégram. Recherches archéologiques et historiques sur les Kouchans*, — MDAFA, t. XXI, Le Caire, 1940.
- Ghirshman, *Les Chionites-Hephthalites*. — R. Ghirshman, *Les Chionites-Hephthalites*, — MDAFA, t. XIII, Le Caire, 1948.
- Ghirshman, *Fouilles de Nad-i-Ali*. — R. Ghirshman, *Fouilles de Nad-i-Ali dans le Seistan Afghan*, — «Revue des arts asiatiques», 1939, № 1, pp. 10—22.
- Ghirshman, *L'Iran*. — R. Ghirshman, *L'Iran dès origines à l'Islam*, Paris, 1951.
- Ghirshman, *Le problème de la chronologie*. — R. Ghirshman, *Le problème de la chronologie des Kouchans*, — «Cahiers de l'histoire monétaire», vol. 3, Neuchâtel, 1957, № 3, pp. 689—722.
- Gibb, *The Arab conquests*. — H. A. R. Gibb, *The Arab conquests in Central Asia*, London, 1923 (James G. Forlong Fund, vol. II).
- Göbl, *Die Münzprägung der Kušan*. — R. Göbl, *Die Münzprägung der Kušan von Vima Kadphises bis Bahram IV.* — в кн.: F. Altheim, R. Stiehl, *Finanzgeschichte der Spätantike*, Frankfurt am Main, 1957, S. 173—256.
- Godard A. — Godard Y. — Hackin, *Les antiquités*. — A. Godard, Y. Godard, J. Hackin, *Les antiquités bouddhiques de Bamiyan*, — MDAFA, t. II, Paris, 1928.
- Gutschmid, *Geschichte*. — A. von Gutschmid, *Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden...*, Mit einem Vorwort Th. Nöldeke, Tübingen, 1888.
- Grousset, *L'empire des steppes*. — R. Grousset, *L'empire des steppes*, Paris, 1938.
- Grousset, *L'empire mongol*. — R. Grousset, *L'empire mongol*, Paris, 1941.
- Hackin, *L'art bouddhique*. — J. Hackin, *L'art bouddhique de la Bactriane et les origines de l'art gréco-bouddhique*. — «Afghanistan», 1950, № 1, pp. 1—9.
- Hackin, *La monastère bouddhique de Foundukistan (1937)*, — MDAFA, 1959, t. VIII, pp. 49—58.

- Hackin, *Récherches archéologiques*. — J. Hackin, *Recherches archéologiques dans la partie afghan du Seistan*, — MDAFA, 1959, t. VIII, pp. 23—28.
- Hackin, *Répartition des monnaies*. — J. Hackin, *Répartition des monnaies anciennes en Afghanistan*, — JA, 1935, t. 226, pp. 287—292.
- Hackin, *Les travaux*. — J. Hackin, *Les travaux de la Délégation archéologique française en Afghanistan*, — «Revue des arts asiatiques», t. XII, 1938, № 1, pp. 2—11.
- Hackin — Carl, *Nouvelles recherches*. — J. Hackin, J. Carl, *Nouvelles recherches archéologiques à Bamïyan*, — MDAFA, 1933, t. III, 1933.
- Hackin J — Hackin R., *Recherches*. — J. Hackin, R. Hackin, *Recherches archéologiques à Bégram*, — MDAFA, t. IX, vol. 1—2, 1939.
- Hackin J. — Hackin R. et autres, *Nouvelles recherches*. — J. Hackin, R. Hackin, J. Carl, P. Hamelin, *Nouvelles recherches archéologiques à Bégram (ancienne Kapici) (1938—1940)*, — MDAFA, 1954, t. XI.
- Haloun, *Zur Ue-tsi Frage*. — G. Haloun, *Zur Ue-tsi Frage*, — ZDMG, 1937, Bd 91.
- Hansen, *Ein neues Hephthaliten-Fragmente*. — O. Hansen, *Ein neues Hephthaliten-Fragmente*, — «La Parola del Passato», XX, Napoli.
- Hansen, *Die Berliner Hephthaliten-Fragmente*. — O. Hansen, *Die Berliner Hephthaliten-Fragmente*, — «La Nouvelle Clio», 1951.
- Harmatta, *Cusanica*. — J. Harmatta, *Cusanica*, — AO Bud., 1960, t. XI, pp. 191—220.
- Hayat-i Afghani*. — См. Мухаммед Хаят-хан, пер. Пристли.
- Head, *The earliest coins*. — B. Head, *The earliest Graeco-Bactrian and Graeco-Indian coins*, — NC, 1906, pp. 1—16.
- Henning, *The Bactrian inscription*. — W. B. Henning, *The Bactrian inscription*, — BSOAS, vol. XXIII, 1960, pt I, pp. 47—55.
- Henning, *The «Coin»*. — W. Henning, *The «Coin» with cuneiform inscription*, — NC, 1956, pp. 327—328.
- Henning, *The inscriptions of Tang-i Azao*. — W. B. Henning, *The inscriptions of Tang-i Azao*, — BSOAS, 1957, vol. XX, pp. 335—342.
- Henning, «*Surkh Kotal*». — W. B. Henning, «*Surkh Kotal*», — BSOAS, 1956, vol. XVII, pp. 366—367.
- Henning, *Zoroaster*. — W. B. Henning, *Zoroaster: politician or witch-doctor?* Oxford, 1951.
- Hermann, *Sakai*. — A. Hermann, *Sakai*, — PW HB 12 (1920), Sp. 1770—1806.
- Herzfeld, *Iran*. — E. Herzfeld, *Iran in the Ancient East, archaeological studies presented in the Lowell lectures at Boston*, London—New York, 1941.
- Herzfeld, *Kushano-Sasanian coins*. — E. Herzfeld, *Kushano-Sasanian coins*, — MASI, 1930, № 38.
- Herzfeld, *Sakastan*. — E. Herzfeld, *Sakastan*, — AMI, Bd IV, H. 1, Berlin, 1932.
- Herzfeld, *Zoroaster*. — E. Herzfeld, *Zoroaster and his world*, vol. 1—II, Princeton, 1947.
- Hill, *Catalogue*. — G. F. Hill, *Catalogue of the Greek coins of Arabia, Mesopotamia and Persia*, London, 1922.
- Hoffman, *Auszüge*. — G. Hoffman, *Auszüge aus syrischen Akten*. Persischen Märtyrer übersetzt und durch untersuchungen zur historischen Topographie erlüttert von Georg Hoffmann, — «Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes», Bd VII, Leipzig, 1880.
- Howorth, *The Eastern capital*. — H. Howorth, *The Eastern capital of the Seleucidæ*. — NC, 1888, pp. 293—299.
- Humlum, *La géographie*. — J. Humlum, *La géographie de l'Afghanistan. Etude d'un pays aride*. Avec des chapitres de M. Kjøie et K. Ferdinand, Copenhagen, 1959.
- Huntington, *Eastern Persia and Seistan*. — C. Huntington, *The Basin of East-*

- tern Persia and Seistan, — [в кн.:] H. Pumpelly, *Explorations in Turkestan*, Washington, 1905, pp. 219—315.
- Imamuddin, *The nature of Afghan monarchy. — The nature of Afghan monarchy in India* by S. M. Imamuddin, — «Islamic culture», vol. XXXII, 1958, № 4, pp. 268—275.
- Ingholt, *Gandarian art. — H. Ingholt, Gandarian art in Pakistan*, New York, 1957.
- Jettmar, *Zum Heiligtum von Surkh-Kotal. — K. Jettmar, Zum Heiligtum von Surkh-Kotal. — Central Asiatic journal*, vol. V, 1960, № 3, pp. 198—205.
- Junker, *Die heptalitischen Münzenschriften. — H. Junker, Die heptalitischen Münzenschriften. — SBAO Preuss.*, 1930, XXV.
- «Kalid-i Afghāni», transl. by Plowden. — Translation of the Kalid-i-Afghāni the text-book for the pakkhto examination, with notes, historical, geographical, grammatical and explanatory, by T. Ch. Plowden, Lahore, MDCCCLXXV.
- Kent, *Old Persian. — R. G. Kent, Old Persian. Grammar, text, lexicon*, New Haven (Conn), 1952, [2ed. 1953].
- Khanikoff, *Lettre. — N. Khanikoff, Lettre à M. Reinaud. — JA*, 1860, t. XV, pp. 537—543.
- Kohzad, *Les bronzes Ghaznaïde d'Afghanistan. — A. A. Kohzad, Les bronzes Ghaznaïde d'Afghanistan. — «Afghanistan»*, 1957, № 2, pp. 7—9.
- Kohzad, *Les Rathils Shahs de Kaboul. — Ahmad Ali Kohzad, Les Rathils Shahs de Kaboul. — «Afghanistan»*, 1950, № 2, pp. 1—18.
- Kohzad, *Uniformes et armes des gardes. — Ahmad Ali Kohzad, Uniformes et armes des gardes des sultans de Ghazna. — «Afghanistan»*, 1951, № 6, pp. 48—53.
- Klaproth, *Tableaux historique. — J. Klaproth, Tableaux historique de l'Asie*, Paris, 1824.
- Kramer, *Enmerkar. — S. Kramer. Enmerkar and the Lord of Aratta*, Philadelphia, 1952.
- Lal Dey Nundo, *The geographical dictionary. — Lal Dey Nundo, The geographical dictionary of ancient and mediaeval India*, Calcutta, 1927.
- Lazar de Pharbe, *Histoire d'Arménie. — Lazar de Pharbe, Histoire d'Arménie. — V. Langlois, Collection des historiens anciens et modernes*, Paris, 1869, vol. II, pp. 260—367.
- Ligeti, *Sur la langue des Afchars. — L. Ligeti, Sur la langue des Afchars d'Afghanistan. — AO Bud.*, VII, 1957, № 2—3, pp. 109—156.
- van Lohuizen de Leeuw, *The «Scythian» period. — J. E. van Lohuizen de Leeuw, The «Scythian» period. An approach to the history, art, epigraphy and palaeography of North India from the 1-st century B. C. to the 3-rd century A. D.*, Leiden, 1949.
- Maricq, *Bactrien ou étéo-tokharien. — A. Maricq, Bactrien ou étéo-tokharien. — JA*, 1960, t. CCXLVIII, pp. 161—166.
- Maricq, *Res Gestae divi Saporis. — A. Maricq, Res Gestae divi Saporis. — «Syria»*, 1958, t. XXXV, pp. 265—360.
- Maricq, *Le grande inscription de Kaniska. — A. Maricq, Le grande inscription de Kaniska et l'étéo-tokharien l'ancienne langue de la Bactriane. — JA*, vol. CCXLVI, 1958, f. 4, pp. 345—446.
- Maricq — Wiet, *Le minaret de Djam. — A. Maricq, G. Wiet, Le minaret de Djam. — MDAFA*, 1959, t. XVI.
- Markwart, *A Catalogue. — J. Markwart, A Catalogue of the provincial capitals of Eranshahr. — Analecta Orientalia*, № 3, Roma, 1931.
- Markwart, *Wehrot und Arang. — J. Markwart, Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran*, Leiden, 1938.
- Marquart, *Eranšahr. — J. Marquart, Erānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i*, Berlin, 1901 (AKGWG, N. F., Bd III, № 2).
- Marshall, *Taxila. — J. Marshall, Taxila*, Oxford, 1951, vol. I—III.

- Martin, *Coins of Kidara*. — M. F. C. Martin, *Coins of Kidara and the Little Kushans*, — JASB, 1937, vol. III, pp. 23—50.
- McGovern, *The Early Empires*. — W. McGovern, *The Early Empires of Central Asia*. A study of the Scythians and the Huns and the part they played in world history, with special reference to the Chinese sources, Chapel Hill (N. C.), 1939.
- Menchen-Helfen, *The ethnic name Hun*. — O. I. Menchen-Helfen, *The ethnic name Hun*. *Studia serica. Bernhard Karlgren dedicata*, Copenhagen, 1959, pp. 223—298.
- Meunie, *Shotarak*. — J. Meunie, *Shotarak*, — MDFA, 1942, t. X.
- Mez, *Die Renaissance*. — A. Mez, *Die Renaissance des Islams*, Heidelberg, 1922.
- Minorsky, *Some early documents*. — V. Minorsky, *Some early documents in Persian*. — JRAS, 1942, pp. 181—194; 1943, pp. 86—99.
- Minorsky, *The Turkish dialect of the Khalaj*. — V. Minorsky, *The Turkish dialect of the Khalaj*, — BSOAS, 1940—1942, vol. X, pp. 417—437.
- de Morgan, *Manuel de numismatique orientale*. — J. de Morgan, *Manuel de numismatique orientale*. t. I. Paris, 1923—1936.
- Morgenstierne, *Afghan*. — G. Morgenstierne, *Afghān*, — EI², I, pp. 216—221.
- Morgenstierne, *Indo-Iranian frontier languages*. — G. Morgenstierne, *Indo-Iranian frontier languages*, vol. II. *Iranian Pamir languages (Jidgha—Mundji, Sanglechi — Ishkashmi and Wakhi)*, Oslo, 1938.
- Morgenstierne, *Vocabulary of Pashto*. — G. Morgenstierne, *An etymological vocabulary of Pashto*, Oslo, 1927.
- Naimi, *Les mausolées de Ghazni*. — A. A. Naimi, *Les mausolées de Ghazni*, — «Afghanistan», 1952, № 2.
- Narain, *The Indo-Greeks*. — A. K. Narain, *The Indo-Greeks*, Oxford, 1957.
- Nazim, *The life and times*. — Muhammad Nāzīm, *The life and times of Sultān Maḥmūd of Ghazna*. With a foreword by... Th. Arnold, Cambridge, 1931.
- Newell, *The coinage*. — E. T. Newell, *The coinage of the Eastern Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III*, — «Numismatic studies», 1938, № 1.
- Newell, *The coinage of the Parthians*. — E. T. Newell, *The coinage of the Parthians*, — SPA, 1933, vol. I, pp. 475—492.
- Niedermayer, *Afghanistan*. — O. Niedermayer, *Afghanistan*, Leipzig, 1924.
- Nock, *The problem*. — A. D. Nock, *The problem of Zoroastr*, — AJA, 1949, № 3, pp. 272—285.
- Olmstead, *History*. — A. T. Olmstead, *History of the Persian Empire*, Chicago, 1948.
- Perkins, *Comparative archaeology*. — A. L. Perkins, *Comparative archaeology of Early Mesopotamia*, Chicago, 1957.
- Phillips, *The connections*. — W. R. Phillips, *The connections of St. Thomas the Apostle with India*, — «Indian antiquary», 1903, vol. XXXII, pp. 1—15, 145—160.
- Piggott, *Ceramic*. — S. Piggott, *A new prehistoric ceramic from Baluchistan*, — «Ancient India», 1947, № 3, pp. 131—142.
- Piggott, *Prehistoric India*. — S. Piggott, *Prehistoric India*, London, 1952.
- Prašek, *Geschichte*. — J. D. Prašek, *Geschichte der Meder und Perser*, Bd I—II, Gotha, 1906.
- Puglisi, *Italian archaeological mission*. — Salvatore M. Puglisi, *Italian archaeological mission in Afghanistan. Preliminary report on the researches at Hazūr Sum (Samangan)*, — «East and West», 1963, № 1—2, pp. 3—12.
- Rapson, *Ancient silver coins*. — E. J. Rapson, *Ancient silver coins from Baluchistan*, — NC, 1904, pp. 311—325.
- Rapson, *Note on ancient coins*. — E. J. Rapson, *Note on ancient coins collected in Seistan*, — JRAS, 1904, pp. 673—680.

- Rapson, *Notes*. — E. I. Rapson, *Notes on Indian coins and seals*, — JRS, 1905, pp. 783—814.
- Rawlinson, *Bactria*. — H. G. Rawlinson, *Bactria. The history of forgotten empire*, London, 1912.
- Rawlinson, *India and the Western world*. — H. G. Rawlinson, *Intercourse between India and the Western world*, Cambridge, 1926.
- Rawlinson G., *The sixth great Oriental monarchy*. — G. Rawlinson, *The sixth great Oriental monarchy, or the géographie, history and antiquities of Parthia*, collected and illustrated from ancient and modern sources, London, 1873.
- Reuther, *Parthian architecture*. — O. Reuther, *Parthian architecture*, — SPA, 1938, vol. I, pp. 411—444.
- Rhys Davids, *The questions of King Milinda*. — T. W. Rhys Davids, *The questions of King Milinda*, — SBE, 1890, vol. XXXV.
- Saha, *Different methods*. — M. H. Saha, *Different methods of date-recording in Ancient and Medieval India and the origin of the Saka Era*, — Repr. from JAS, vol. XIX, № 1, Bombay, 1953, pp. 1—18.
- Sallet, *Die Nachfolger Alexanders des Grossen*. — A. Sallet, *Die Nachfolger Alexanders des Grossen in Baktrien und Indien*, Berlin, 1879.
- Sarton, *Introduction*. — G. Sarton, *Introduction to the history of science*, vol. I, Baltimore, 1927.
- Scerrato, *On a silver coin*. — U. Scerrato, *On a silver coin of Traianus Decius from Afghanistan*, — «East and West», 1962, № 1, pp. 17—23.
- Scerrato, *A probable achaemenid zone*. — U. Scerrato, *A probable achaemenid zone in Persian Sistan*, — «East and West», 1962, № 2—3, pp. 187—201.
- Scerrato, *Summary report, II*. — U. Scerrato, *Summary report on the Italian archaeological mission in Afghanistan, II. The first two excavation campaigns at Ghazni*, — «East and West», n. s. X, 1959, № 1—2, pp. 23—55.
- Schlumberger, *L'argent grec*. — D. Schlumberger, *L'argent grec dans l'empire achéménide*, — MDAFA, 1953, t. XIV, pp. 3—64; Planches I—V.
- Schlumberger, *Descendants non-méditerranéens de l'art grec*. — D. Schlumberger, *Descendants non-méditerranéens de l'art grec*, — «Syria», 1960, t. XXXVII, pp. 131—166, 251—319.
- Schlumberger, *The excavations at Surkh Kotal*. — D. Schlumberger, *The excavations at Surkh Kotal and the problem of Hellenism in Bactria and India*, — «Proceedings of the British Academy», vol. XLVII, 1961, Oxford, 1962, pp. 77—95.
- Schlumberger, *Les fouilles*. — D. Schlumberger, *Les fouilles de Lashkari Bazar, recherches archéologiques sur l'époque ghaznévide*, — «Afghanistan», 1949, № 2, pp. 34—44.
- Schlumberger, *La grande mosquée*. — D. Schlumberger, *La grande mosquée de Lashkari Bazar*, — «Afghanistan», 1952, № 1, pp. 1—4.
- Schlumberger, *Le palais ghaznévide*. — D. Schlumberger, *Le palais ghaznévide de Lashkari Bazar*, — «Syria», 1952, t. XXIX, pp. 251—270.
- Schlumberger, *La prospection archéologique*. — D. Schlumberger, *La prospection archéologique de Bactres*, — «Syria», 1949, t. XXVI, pp. 173—190.
- Schlumberger, *Note sur la troisième campagne des fouilles*. — D. Schlumberger, *Note sur la troisième campagne des fouilles de Surkh Kotal en Bactriane*, — «Comptes-rendus Académie des inscriptions et belles-lettres», 1955, janv. — mars, pp. 64—70.
- Schlumberger — Robert et autres, *Une bilingue*. — D. Schlumberger, L. Robert, A. Dupont-Sommer, E. Benveniste, *Une bilingue gréco-araméenne d'Asoka*, — JA, t. 246, 1958, pp. 1—48.
- Schmidt, *Excavations*. — E. F. Schmidt, *Excavations at Tepe Hissar, Damghan*, Philadelphia, 1937 (Publications of the Iranian section of the University museum).
- Schroeder, *Preliminary note*. — E. Schroeder, *Preliminary note on work in*

- Persia and Afghanistan*. — «Bulletin of American institute for Persian art and archaeology», 1936, vol. IV, pp. 134—135.
- Schurmann, *The Mongols of Afghanistan*. — H. F. Schurmann, *The Mongols of Afghanistan: An ethnography of the Moghòls and related peoples of Afghanistan*, The Hague, 1962.
- Smith, *Catalogue*. — V. A. Smith, *Catalogue of the coins in the Indian museum Calcutta*, Oxford, 1906.
- Smith, *The Indo-Parthian dynasties*. — V. Smith, *The Indo-Parthian dynasties*, — ZDMG, 1906, Bd 60, Ss. 49—72.
- Smith, *Invasion*. — V. Smith, *Invasion of the Panjab by Ardashir Papakan*, — JRAS. 1920.
- Sourdel-Thomine; *Deux minarets*. — J. Sourdel-Thomine, *Deux minarets d'époque Seljoucide en Afghanistan*, — «Syria», XXX, 1953, fasc. 1—2, pp. 122—129.
- Spuler, *Die Mongolen in Iran*. — B. Spuler, *Die Mongolen in Iran, Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit. 1220—1350*. 2. erweit. Aufl., Berlin, 1955.
- Stchoukin, *Les peintures des manuscrits Timurides*. — I. Stchoukin, *Les peintures des manuscrits Timurides*, Paris, 1954 (Institut Français d'archéologie de Beyrouth, Bibl. archéol. et historique, t. IX).
- Steel — Crowtler, *A journal of the journey*. — A journal of the journey of Richard Steel and John Crowtler from Azmere in India, the place of the Great Mogols residence, to Spahan the Royal Seat of the King of Persia, in the Affairs of the East-Indian Society. Anno 1615—1616, — «Purchas», IV.
- Stein, *Innermost Asia*. — A. Stein, *Innermost Asia*, vol. I—III, Oxford.
- Stein, *On Alexanders track*. — A. Stein, *On Alexanders track to the Indus. Personal narrative of explorations on the North-West Frontier of India*, London, 1929.
- Stein, *White Huns*. — A. Stein, *White Huns and Kindred Tribes in the history of the Indian North-West Frontier*. — «Indian antiquary», 1905, vol. XXXIV, pp. 73—87.
- Stein, *Zoroastrian deities*. — A. Stein, *Zoroastrian deities on Indo-Scythian coins*, — «Indian antiquary», 1888, vol. XVII, pp. 89—98.
- Sykes, *A history of Afghanistan*. — P. Sykes, *A history of Afghanistan*, vol. I—II, London, 1940.
- Tarn, *Alexander the Great*. — W. W. Tarn, *Alexander the Great*, vol. I—II, Cambridge, 1951.
- Tarn, *The Greeks*. — W. W. Tarn, *The Greeks in Bactria and India*, Cambridge, 1951.
- Tarn, *Two Seleucid studies: II. Tarmita*. — W. W. Tarn, *Two Seleucid studies: II. Tarmita*, — JHS, 1940, LX, pp. 89—94.
- Tarn, *Seleucid-Parthian studies*. — W. W. Tarn, *Seleucid-Parthian studies*, — «Proceedings of the British Academy», 1930, vol. XVI, pp. 126—134.
- Tate, *Inscriptions*. — G. P. Tate, *Inscriptions from Sistan*, — JRAS, 1904, pp. 171—173.
- Tate, *Seistan*. — G. P. Tate, *Seistan. A memoir on the history, topography, ruins, and people of the country*. Pts I—III, Calcutta, 1910.
- Tedesco, *Dialektologie*. — P. Tedesco, *Dialektologie der westiranischen Turfan-texte*, — MO, 1921, vol. XV, S. 184—258.
- de Terra — Paterson, *Studies*. — H. de Terra and T. T. Paterson, *Studies on the Ice Age in India and associated human cultures*, Washington, 1939.
- Thomas, *Sakastana*. — F. W. Thomas, *Sakastana*, — JRAS, 1906, pp. 181—216.
- Thomas, *A Tokhari (?)*. — F. W. Thomas, *A Tokhari (?)*, — MS — JAOS, vol. 64, 1944, pp. 1—3.
- Tobler, *Excavations*. — A. I. Tobler, *Excavations at Tepe Gawra*, vol. II, Philadelphia, 1950.

- Tomaschek, *Derbikes*. — Tomaschek, *Derbikes*, — «Paulus Real Encyclopaedia», Hb. 9^e (1903), S. 237—238.
- Unvala, *Some rare coins*. — J. M. Unvala, *Some rare Sassanian and Arab-Sassanian coins*, — NC, 1957, pp. 147—150.
- Vivien de St.-Martin, *Les Huns Blancs*. — Vivien de St.-Martin, *Les Huns Blancs ou Ephthalites des historiens byzantins*, Paris, 1849.
- Wadia, *Geology of India*. — D. N. Wadia, *Geology of India*, London, 1963.
- Watters, *On Juan Chwang's travels*. — Th. Watters, *On Juan Chwang's travels in India 629—645 A. D.*, London, 1904 (O'F, n. s. vol. XIV).
- Weissbach, *Die Keilinschriften*. — F. H. Weissbach, *Die Keilinschriften der Achämeniden*, Leipzig, 1911.
- Wesendonk, *Kusan, Chioniten und Hephtaliten*. — O. G. Wesendonk, *Kusan, Chioniten und Hephtaliten*, — «Klio», Bd. u. H. 2—3, Leipzig, 1933.
- Wheeler, *An old problem*. — M. Wheeler, *An old problem restated*, — «Antiquity», 1949, vol. XXIII, pp. 4—19.
- Wheeler, *Rome*. — R. Wheeler, *Rome beyond the imperial frontiers*, London, 1955.
- Whitehead, *Catalogue*. — R. B. Whitehead, *Catalogue of coins the Panjab Museum*, vol. I, Lahore, Oxford, 1914.
- Whitehead, *Dynasty of the General Aspavarma*. — R. B. Whitehead, *The Dynasty of the General Aspavarma*, — NC, 1944, p. 99.
- Whitehead, *Notes*. — R. B. Whitehead, *Notes on the Indo-Greeks*, — NC, 1923, pp. 293—343.
- Whitehead, *Rare and unique coins*. — R. B. Whitehead, *Rare and unique coins*, — [в кн.] J. Marshall, *Taxila*, Oxford, 1951, vol. II, pp. 830—842.
- Wiet, *Commentaire historique*. — G. Wiet, *Commentaire historique*, — MDFAFA, 1959, t. XVI, pp. 31—54.
- Wiet, *Les coupoles de Tshisht*. — G. Wiet, *Les coupoles de Tshisht*, — MDFAFA, 1959, t. XVI, pp. 69—70.
- Wilson, *Ariana Antiqua*. — H. Wilson, *Ariana Antiqua*, London, 1841.
- Young, *Afghanistan reconnaissance*. — R. C. Young, *Afghanistan reconnaissance*, — «Archaeology», 1954, № 1, pp. 51—52.
- Young, *The south wall of Balkh-Bactra*. — R. S. Young, *The South Wall of Balkh-Bactra*, — AJA, vol. 59, 1955, № 4, pp. 267—276.
- Zambaur, *Manuel*. — E. de Zambaur, *Manuel de généalogie et de chronologie pour l'histoire de l'Islam*, Hanovre, 1927.
- Zestovsky, *Esquisses d'architecture Afghane*. — P. I. Zestovsky, *Esquisses d'architecture Afghane*, — «Afghanistan», 1949, № 3, pp. 1—25.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ (ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ, СЕРИИ, СБОРНИКИ, НАЗВАНИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ)

- Брит. муз. — The British Museum, London.
ВДИ — «Вестник древней истории», М.
ВИ — «Вопросы истории», М.
ВЛУ — «Вестник Ленинградского университета», Л.
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный Исторический музей, М.
ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград.
ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения», СПб.
ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества», СПб., Пг.
ЗИВАН — «Записки Института востоковедения АН СССР», Л.
ЗИРГО — «Записки Имп. Русского географического общества», СПб.
ЗКВ — «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук (Академии наук СССР)», Л.
ЗНОРАО — «Записки Нумизматического отделения (Имп.) Русского археологического общества», СПб.
ИАН — «Известия Императорской Академии наук», СПб.
ИАН СССР — «Известия Академии наук СССР», М.—Л.
ИАН ТаджССР — «Известия Академии наук Таджикской ССР».
ИАН УзССР — «Известия Академии наук Узбекской ССР», Ташкент.
ИВАН — Институт востоковедения АН СССР.
ИГАИМК — «Известия Государственной Академии истории материальной культуры», М.—Л.
ИЖ — «Исторический журнал», М.
ИЗ — «Исторические записки», М.
ИИРГО — «Известия Имп. Русского географического общества», СПб.
ИМ — «Историк-марксист», М.
ИНА — Институт народов Азии АН СССР, М.
ИЯАН — Институт языкознания Академии наук СССР.
ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории.
КСИВ — «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», М.
КСИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР», М.—Л., М.
КСИНА — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», М.
КСИЭ — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», М.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
ЛОИВАН — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.
ЛОИНА — Ленинградское отделение Института народов Азии Академии наук СССР.
МГУ — Московский Государственный университет.
МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР», М.—Л., М.
МИТТ, I—II — «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I. VII—XV вв. Арабские и персидские источники. Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского, М.—Л., 1939; т. II. XVI—

- XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники. Под ред. В. В. Струве, А. К. Боровкова, А. А. Ромаскевича и П. П. Иванова, М.—Л., 1938.
- МИТУСА — «Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии», Сталинабад.
- МПОНКВ — «Материалы первой объединенной научной конференции востоковедов в г. Ташкенте 4—11 июля 1957 г.», Ташкент, 1958.
- Нац. б-ка — Bibliothèque Nationale, Paris.
- ОИТН — А. Қаррыев, В. Г. Мошкова, Л. Н. Насонов, А. Ю. Якубовский, Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. Под ред. А. Ю. Якубовского, Ашхабад, 1954. (На правах рукописи. Материалы для обсуждения).
- ОИФ — Отделение истории и философии.
- ООН — Отделение общественных наук.
- ПВ — «Проблемы востоковедения», М.
- ПЛНВ — «Памятники литературы народов Востока», М.
- РАО — (Имп.) Русское археологическое общество.
- СА — «Советская археология», М.
- САГУ — Среднеазиатский государственный университет, Ташкент.
- СВ — «Советское востоковедение», М.—Л., I—VI (1940—1949); М. (1956—1959).
- СВР — «Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР» (Каталог). Под ред. и при участии А. А. Семенова, т. I—V, Ташкент, 1952—1960.
- СИН — Серия исторических наук.
- СИФ — Серия истории и философии.
- СОН — Серия общественных наук.
- Средазкомстарис — Средне-Азиатский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы.
- СЭ — «Советская этнография», М.—Л., М.
- Тадж ФАН — Таджикский Филиал Академии наук СССР.
- ТАКЭ — Термезская археологическая комплексная экспедиция.
- ТВОРАО — Труды Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества, СПб.
- ТИЯЛ — «Труды Института языка и литературы».
- ТОВЭ — «Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа», Л.
- УЗИВАН — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», М.—Л., М.
- УЗЛГУ — «Ученые записки Ленинградского государственного университета», Л.
- ФАН — Филиал Академии наук СССР.
- ЭВ — «Эпиграфика Востока», М.—Л.
- ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
- AI — «Ars Islamica».
- AJA — American journal of the archaeology.
- AKGWG — «Abhandlungen der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen».
- AMI — Archäologische Mitteilungen aus Iran (herausg. von E. Herzfeld), Berlin.
- AO — «Acta orientalia». Ediderunt societates orientales Batava, Danica, Norvegica, (Svecica), Leiden.
- AO — Bud. — «Acta orientalia Academiae scientiarum hungaricae», Budapest.
- AOg — «Archiv Orientalní», Praha.
- APAW — «Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften». Philosophisch-historische Klasse, Berlin.

- BGA — Bibliotheca geographorum arabicorum. Edidit M. J. de Goeje, pars I—VIII, Lugduni Batavorum.
- BGA² — Bibliotheca geographorum arabicorum. Primum edidit M. J. de Goeje nunc continuata consultantibus R. Blachère, H. A. R. Gibb, P. Kahle, F. H. Kramers, H. von Mžik, C. A. Nallino, A. J. Wensinck, Lugduni Batavorum—Lipsiae.
- BI — Bibliotheca Indica: a collection of Oriental works, published by the Asiatic society of Bengal.
- BSO(A)S — «Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies (University of London)».
- CAH — Cambridge ancient history.
- CAJ — «Central Asiatic journal», The Hague — Wiesbaden.
- CHI — Cambridge history of India.
- CII — Corpus inscriptionum indicarum, vol. II, pt I, Calcutta, 1929.
- DI — «Der Islam», Strassburg—Berlin.
- EI — «The Encyclopaedia of Islam», vol. I—IV, Leiden—Leipzig (1908), 1913—1934.
- EI² — «The Encyclopaedia of Islam. New ed. vol. I—...», Leiden—London, 1960—...
- GMS — «E. Y. W. Gibb Memorial» Series.
- GMS — NS — «E. Y. W. Gibb Memorial» Series. New Series.
- HCIP — History and culture of Indian people.
- IHQ — «Indian historical quarterly», Delhi.
- JA — «Journal asiatique», Paris.
- JAOS — «Journal of the American Oriental Society», New Haven (Conn.).
- JASE — «Journal of the Asiatic Society of Bengal», Calcutta.
- JHS — «Journal of Hellenic study».
- JNES — «Journal of the Near Eastern studies» (Chicago).
- JNSI — «Journal of Numismatic Society of India».
- JPHS — «Journal of the Pakistan historical Society», Karachi.
- JRAS — «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», London.
- JRCAS — «The journal of the Royal Central Asian society», London.
- MASI — «Memoires of the archaeological survey of India».
- MDAFA — «Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan». Paris. — Le Caire
- NC — «Numismatic chronicle».
- Notices et extraits — Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du roi (impériale, nationale) et autres bibliothèques, Paris.
- OTF — Oriental translation fund.
- PÉLOV — Publications de l'École des langues orientales vivantes.
- Pet. Mitt. — «Petermanns geographische Mitteilungen», Gotha.
- PHT — Persian historical texts.
- PTS — Persian texts series.
- Purchas — Hakluytus Posthumus or Purchas His Pilgrimes. Containing a history of the world in sea voyages and lande travells by Englishmen and others. By S. Purchas, new. ed., Glasgow.
- PW — «Paulys Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa...», Stuttgart.
- RAS — Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland.
- RN — Revue numismatique.
- RO — «Rocznik Orientalistyczny», Lwów (Kraków).
- SBAW — «Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin».
- SBE — Sacred Books of the East.
- SPA — Survey of Persian Art, London — New York.
- ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft», Leipzig — (Wiesbaden).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

- Абаджи 293, 294
 Абака-хан 300—302, 304*, 312
 Аббас, гурский малик 260, 261
 Аббас, предок Аббасидов 224
 Аббас Сарвани 378*
 Аббасиды 224, 225
 Абган 212*
 Абд ал-Кадыр 332
 Абд ал-Латиф 340, 341
 Абд ал-Малик 242
 Абд ар-Раззак Самарканди 332, 360, 371
 Абд ар-Рахман 220, 221
 Абд ар-Рахман Джами см. Джами
 Абд ар-Рашид см. Кайс
 Абдагас 149, 181
 Абдаллах Ансари 333
 Абдул Азиз 337
 Абках 287
 Абу-л-Аббас Абдаллах ибн Тахир 225
 Абу Абдаллах Мухаммед ибн Ахмед ал-Мукаддаси см. Мукаддаси
 Абу Али, правитель Гура 260
 Абу Али, сын Мухаммеда 258
 Абу Али Чагани 228
 Абу Ахмед Сами Харави 238
 Абу Бекр, халиф 219
 Абу Бекр Ахавайни Бухари 240
 Абу Бекр Марджаки 288
 Абу-л-Валид Мухаммед ал-Азраки 222
 Абу-Давудида 226
 Абу Исхак Ибрахим ибн Мухаммед ал-Фарси ал-Истахри см. Истахри
 Абу-л-Касим Бабур 340, 341, 358
 Абу-л-Касим ибн Хаукал см. Ибн Хаукал
 Абу-л-Касим Исхак ибн Мухаммед Самарканди 240
 Абу-л-Касим Махмуд см. Махмуд Газневид
 Абу-л-Касим Фирдоуси см. Фирдоуси
 Абу-л-Касим Хасан ибн Ахмед Унсури см. Унсури
 Абу Мансур Муваффақ ал-Харави 240
 Абу Муслим 224
 Абу-н-Наджм ибн Каус ибн Ахмед Минучехри см. Минучехри
 Абу Наср ибн Ахмед Систанец 227
 Абу Наср Мухаммед ибн Абд ал-Джаббар ал-Утби см. Утби
 Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни см. Бируни
 Абу Саид, ильхан 315, 316, 331
 Абу Саид, Тимурид 341, 342, 350, 360
 Абу Саид, военачальник 358
 Абу Саид-и Испахбад (Гурибача) 326
 Абу Саид Абд ал-Хай ибн Заххак Гардези см. Гардези
 Абу-л-Фазл Мухаммед ибн Хусейн Бейхаки см. Бейхаки
 Абу-л-Фатх Бусти 240
 Абу-л-Хасан Али ибн Джулуг Фаррухи см. Фаррухи
 Абу-л-Хасан Али ибн Хусейн ал-Мас'уди см. Мас'уди
 Абу-л-Хасан ал-Хайшами 258*
 Абу Шукур Балхи 240
 Август 160*, 178*
 Ага Мирек 350
 Агафокл 111*, 117, 121, 159*
 Агафокля 144
 Ададирари 50
 Аз I 138*, 139, 143*, 145, 146, 148, 443

¹ Во всех указателях звездочкой отмечены номера страниц, на которых данное слово встречается только в сносках.

- Аз II 145*, 146, 181, 443
 Азам-малик 286
 Азан 70*
 Азилис 146*, 146, 181, 443
 Азра 247*
 Азраки см. Абу-л-Валид Мухаммед ал-Азраки
 Айбек, Кутб ад-Дин 263, 264
 Ак-Буга 326
 Ак-Тимур, бахадур 328
 Акбар 378*
 Акэн, Ж. (Haskin J.) 149*, 215
 Ала ад-даула 340
 Ала ад-Дин Хильджи 310*
 Ала ад-Дин Мухаммед II 263, 277, 278, 296
 Ала ад-Дин Хусейн Джухансуз 261, 265
 Александр Македонский 49, 68*, 73, 78, 79, 82—85, 86—94, 96—98, 100*, 109, 117, 118, 121*, 126, 136, 164, 177, 277, 438
 Али ибн Мас'уд 303
 Али-бек 325
 Али Муайяд 326
 Алишер см. Навои, Алишер
 Алишер Навои см. Навои, Алишер
 Алишер-бек см. Навои, Алишер
 Аллан Дж. (Allan J.) 76*
 Аллот де ля Фюй (Allot de la Fuye) 150*
 Алмарк 307
 Алп-тегин 228, 242
 Амаии 343
 Амерг 58
 Амин ад-Дин, малик 283, 284
 Аминта 88, 144*, 151*
 Амхраман 132
 Аммиан Марцеллин 167
 Амр ибн Лейс 225
 Амур 174
 Анахита 52, 80, 129, 163, 164*
 Андрагор 103, 104
 Андробаз 93*
 Андрха 182*
 Ангро-Манью (Ахримаи) см. Ариман
 Антиалкид 117, 126*, 142
 Антигон 93
 Антимах Теос (Антимах I) 116, 117, 120, 127
 Антимах II Никефор 116*, 117, 142, 159*
 Антиох I 95—97, 100—102, 121*, 439
 Антиох II 102, 105*
 Антиох III 95*, 105—110, 120*
 Антиох IV Эпифан 120
 Ануз 242
 Аллиан 93, 94*, 96, 97
 Аполлодот Артемиден 109, 118, 132
 Аполлодот Сотер 117, 118, 126*, 142
 Аполлон 96, 127
 Аполлоний Тианский 149, 150
 Аргун, Зу-н-Нун см. Зу-н-Нун Аргун
 Аргуи, монгольский наместник в Хорасане 289, 300
 Аргуи-ака 306
 Аргун-хан 290
 Аргуны, династия 362
 Ардашир 338
 Ардашир I 165, 194*
 Аренде А. К. 25
 Ариамей 70
 Аримаз 78
 Ариман (Ахримаи, Аигро-Манью) 52
 Аристов Н. А. 152
 Ариольд Т. (Arnold T. W.) 219*
 Арриан 47, 68*, 71*, 84*—86, 89, 94
 Арсак 150
 Арсам 85, 87
 Арслаи-шах 273
 Артабаз 86
 Артабан 106, 132
 Артабаи II 135*
 Артабаи III 148
 Артаксеркс I 71
 Артаксеркс II 50
 Артаксеркс, тронное имя Бесса 84
 Артемида 128
 Арунова М. Р. 25
 Архебий 117, 126
 Аршак (Арсак) 103, 205*
 Аршакиды 103, 104, 137, 146—148, 160
 Асад, сипахдар 306
 Асад ибн ал-Абдаллах 222
 Асад ибн Абдаллах 239
 Асланов М. Г. 15, 25
 Аспаварма 146, 148
 Астриг 56, 57
 Астилганциг 193
 Аурамазда см. Ахура-Мазда
 Ауфи 273
 Афзаль-хан Хаттак 275 (табл.)
 Афина 99, 118
 Ахемениды 48, 50, 56, 57, 59, 60, 62*, 64—67, 71, 72, 74, 75, 78—83, 91, 94, 96, 109, 166, 177, 191
 Ахмед Лур 357, 358
 Ахмед Тори (Тури?) 306
 Ахмед, юсуфзайский малик 275 (табл.), 276, 374—376

Ахмед-шах 13, 274, 275 (табл.)
Ахриман (Ангро-Манью) см. Ари-
ман
Ахунд Дарвеза 23, 272, 292*, 374*
Ахурд-Мазда 52, 53, 70
Ахшунвар 203, 205*, 267*
Ашока 95, 98, 108, 109
Ашрафян К. З. 310*
Аюб 315

Бабур, Абу-л-Касим см. Абу-л-Ка-
сим Бабур
Бабур, Захир ад-Дин 9, 23, 289,
291*, 308*, 342, 346, 350, 360,
364, 370, 371, 372, 375*, 376, 377
Бадаони 311
Бади аз-Заман 362—365
Байкара, Хусейн см. Хусейн Бай-
кара
Байсункар 332, 334—338, 340, 348
Байсункари см. Мухаммед ибн
Хумаюн Шамс ад-Дин
Баку, эмир 313
Балазури 221
Балаш 204
Банджи 309*
Бань Чао 162, 163, 180
Барак 301
Барани 311
Барбье де Менар 294*
Бардия 60, 61
Барзасит 84, 85
Барзан 87
Бармакиды 222
Бартольд В. В. 19*, 22, 50, 222,
270, 318, 327, 328, 361
Бахрам 207*
Бахрам-шах (Газневид) 265, 266
Бахрам-шах, один из «великих ма-
ликов» Афганистана 306
Бахрам Газневид 261, 273
Бахрам Гур см. Варахран V
Бахрам Чубин 208, 209
Бахтияр 261
Баязет (Баязид) 328
Бейхакр, Абу-л-Фазл 249, 251*, 258
Бекрат, Мухаммед 271, 276
Бел 96
Беленицкий А. М. 298*, 359, 360
Беллини, Джентиле 361*
Бенаи 344
Бенвенист Е. (Benveniste E.)
193*
Береке, сейид 356
Берке [вождь восстания] 358
Берке-хан 300
Бернштам А. Н. 206*
Берос 59, 95
Бертельс А. Е. 234, 248*

Бертельс Д. Е. 25
Бертельс Е. Э. 248, 353
Бесс 65, 71, 83—87
Бехар, малик аш-шуара 309*
Бехзад, правитель Мультана 311
Бехзад, Камал ат-Дин 339, 347—
352, 361*, 462
Бехлал Лоди 275 (табл.) 276, 377,
378
Бивар А. (Bivar A.) 211*
Биндусара 108
Бируни 23, 272
Бичурин Н. Я. 154
Болдырев А. Н. 343, 359
Большаков О. Г. 25
Брахмагупта 246
Броун Э. Г. (Brown E. G.) 294*
Брюллов К. 351*
Бу Биал 257*
Бу-л-Хасан Халаф 259, 260
Будда 143*, 163, 186, 188, 189,
214—216
Буджай 302
Бурзмихр 193
Бурзмихр-пухр 193

Вавилов Н. И. 31
Вайс см. Увайс
Вали, эмир 326
Валид 220
Вамик 247*
Варахран V 200*, 201, 202
Вардан 148, 159*
Васифи 333, 343, 359
Васишка 164
Васудева 165, 192
Вафа, малик 306*
Вахъяздата 61—63
Веретрагна 140, 150, 163
Вивана 62*, 63, 64, 66
Вивен де С. Мартен (Vivien de St.
Martin) 200*
Виштаспа 51, 52, 66
Вологез II 149
Вонон 138, 139
Вонон I Аршахид 139*
Воробьев М. В. 25, 210*
Вэнь Чжун 144

Гад 149
Газан-хан 303, 313—315
Газневиды 228, 246—249, 251, 252,
254, 258, 260, 261, 265, 273, 334
Ганковский Ю. В. 15
Гарлези 23, 243, 272
Гарджистани 315*
Гарднер П. (Gardner P.) 96* 99*
100, 105*, 112*, 129*, 141, 154*,
183*

- Гариб Мирза 352
 Гарини 173
 Гаумата (Љже-Бардия) 60, 64
 Гаухаршад 332—336, 340, 347
 Гекатей 58, 67, 68
 Гелнокл 112*, 115, 128, 129, 132,
 134*, 138*, 153, 154, 182*, 443
 Гелиос 163, 164*
 Герай 153, 154, 158—160, 164, 182*,
 388
 Геракл 100, 106, 127, 158, 173
 Герман А. (Hermann A.) 144*
 Гермей 126*, 144*, 151, 158, 159
 Геродот 47, 48, 50, 56—60, 64—68,
 70, 72, 75
 Гершевич И. (Gershevitch I.)
 193*
 Гефест 163, 164
 Гефестион 88, 90
 Гибб (Gibb H. A. R.) 221*
 Гильзай 270
 Гиппократ 173
 Гиппострат 126
 Гиршман Р. (Ghirshman R.) 154*
 160, 162* 171*, 172, 175, 199*,
 204*, 206*
 Гистасп 70*, 71
 Гияс ад-Дин Балбан 310
 Гияс ад-Дин Мухаммед Гүрид
 262, 265—267, 296*
 Гияс ад-Дин I Курт 295, 305, 315,
 316, 331
 Гияс ад-Дин II Курт (Гияс ад-
 Дин Пир Али) 321, 324, 325
 Гондофар 145*, 147—150, 155, 159,
 181, 444
 Гордон-Полонская Л. Р. 15
 Готарз I 119*, 135*, 159*
 Грантовский Э. А. 68, 134*
 Григорьев В. В. 62*, 84*, 85*, 88*,
 116*
 Грumbат 168, 207*
 Губар, Мухаммед 274
 Гупта 166, 204, 205
 Гуревич Н. М. 25
 Гури, синахсалар см. Хобо
 Гурибача см. Абу Саид-и Испах-
 бад
 Гуриды 242*, 251, 255, 256, 261—
 264, 265*, 266*, 273, 277, 279,
 296, 297, 310*, 322, 334
 Гутшмид А. (Gutschmid A.)
 144*, 167*
 Гюзальян А. Т. 269
 Гюльнар 338
 Давуд Сабзавари 327
 Дадаршиш 60, 61, 66
 Дай 144
 Дакики 345
 Данишменд-Бахадур 302
 Дарвеза см. Ахунд Дарвеза
 Дарий I 48*, 50*, 56, 59, 62, 63*,
 64—67, 70, 71, 75*, 79, 83
 Дарий II 71, 83—85
 Дармишпат 259
 Даулат-шах 332, 334
 Джалал ад-Дин (Мангуберти)
 278, 282—288, 293
 Джалал ад-Дин Суюргатмыш 312
 Джалал ад-Дин Али Гурид 263
 Джамал ад-Дин Хасан, амалдар
 306
 Джамал ад-Дин Хасан Фируз 306
 Джаманд (Заманд) 372
 Джами, Нур ад-Дин Абд ар-Рах-
 ман 345, 346
 Джафар Табризи 336
 Джахан-шах 325
 Джаху 306, 307
 Джентиле Беллини см. Беллини,
 Джентиле
 Джермани см. Шамс ад-Дин
 Джермани
 Джехангир, Мухаммед 371
 Дждоло 375
 Джувейни 23, 269*, 296, 297*
 Джузджани 23, 256, 260, 265
 Деметрий 107—112, 114, 115*, 118,
 119*, 120, 121*, 126, 128, 143,
 444
 Деметрий II 110, 111
 Демодам 96
 Денике Б. П. 339
 Динавери 201, 209
 Диодор 48, 49, 91*, 93, 94
 Диодот 101, 102—107, 117, 120,
 121, 125, 126*, 444
 Диоскуры 100, 113*, 127
 Дорн Б. А. 271, 289, 312
 Дройзен 84*
 Друэн Э. (Droin E.) 202
 Дьяконов И. М. 47, 48
 Дьяконов М. М. 74*, 216
 Евдам 94
 Евкратид 106*, 111, 112, 114—117,
 118*, 120, 121, 124, 126, 127,
 151*, 153, 181*, 440, 443, 444
 Евман 193
 Евсебий 103
 Евтидем 104—111, 114*, 116, 117,
 120, 121, 125, 126*, 127, 129, 439,
 444
 Египше 202
 Еноки К. (Enoki K.) 121*, 200*
 Есугей 279

Заль 338
Заманд см. Джаманд
Занги 375
Зарина 53
Зевс 99, 100, 125*, 127, 138*, 149*,
150*, 153
Зенгиды 261
Зограф А. Н. 155*
Зороастр (Заратуштра) 45*, 48,
51—53, 56
Зу-н-Нун Аргуи 362, 364, 365

Ибн ал-Асир 286
Ибн Баттута 310, 317, 322
Ибн Русте 355
Ибн Хаукаль 237
Ибн Хордадбех 210*, 211*, 225
Ибрахим 260, 261
Иван III 360
Изад Яр 272
Изз ад-Дин [правитель Гура] 261
Изз ад-Дин Мукаддям 299
Изз ад-Дин Умар Маргани 295*
Ильин Г. Ф. 108*
Ильчигдай-нойон 288
Индраварма 146
Иньмофу 144
Исидор Харакский 74, 91*, 121,
135—138, 177
Искандер см. Александр Маке-
донский
Исмаил Мых Афган 311
Исмаил Саманид 226, 257
Исмаил I Сефевид 350, 366
Истахри 237*, 269, 271
Исфазари 298, 327*, 331, 341, 358,
371
Иездигерд II 202, 203
Иездигерд III 220
Йил Афган 311

Кабанов С. К. 167
Кабул-шах 222, 223
Кавад 203, 204, 207
Кавам ад-Дин Ширази 332—335
Каджу-хан 275 (табл.)
Каджуран см. Фахр ад-Дин Ка-
джуран
Кадфиз I (Кудзула Кадфиз) 158,
159, 160*, 161, 162*, 168, 182,
183, 191, 195
Кадфиз II (Вима Кадфиз) 159*,
161, 165, 182, 183
Казаган 322
Казвини, Хамдаллах 23, 316—318
Кай Аттилий 103
Кайду 371, 373
Кайс (Абд-ар-Рашид, Патан) 274,
275 (табл.)

Камал ад-Дин Бехзад см. Бехзад.
Камал ад-Дин
Камбис 48, 56, 59, 60, 64
Канишка 118*, 145, 162—164, 185,
187, 191—195, 204*, 444
Каннинггам А. (Cunningham A.)
115*, 138*, 147*, 158*, 211
Караханиды 242
Каруе О. (Caroe O.) 212*
Касаль Ж. М. 39*, 40, 43*
Касим Али 350
Касим-и Анвар 358
Кэтан 78
Квинт Курний 68*, 78, 85*, 91*
Кент Р. (Kent R. G.) 63*
Керн Г. (Kern H.) 212*
Кнасар 47
Килара (Цидоло) 166—168
Киодзюкю 154, 158
Кир 48, 49, 56—59, 61, 64, 67, 79
Кирмах, Али 273
Кирмах (Кармах), Хусам ад-Дин
Али 264
Клапрот 206*
Кляшторный С. Г. 25
Кодафес 158
Коммод 178*
Конкурдай-нойон 293
Қонов С. (Kopov S.) 145*
Кратер 89
Ксенофонт 49, 60
Ксеркс 66, 67, 70, 71
Ктесий Книдский 48—50, 57—60,
70, 71, 74*, 107
Кувабара 134*
Кудзула Кадфиз см. Кадфиз I
Кузгашка-пухр 192
Кул Мухаммед Шейх Найн 346
Кунал 108
Курты 294—297, 299, 301—306, 315,
317—325, 327, 331, 378
Кустай 299
Кутб ад-Дин Айбек см. Айбек,
Кутб ад-Дин
Кутейба Ибн Муслим 221
Кычанов Е. И. 25, 280*

Лавик 242
Лазарь Парбский 202
Лаодика 112*, 113
Лейли 338, 339, 460
Лже-Бардия см. Гаумата
Лиак Козула 146
Лившиц В. А. 25, 55, 192, 203*,
204*
Лигети Л. (Ligeti L.) 289*
Лисий 126*
Лисипп 113*, 127
Лоди 378

- Луций Манилий Вульсон 103
 Лухайзен де Лев Дж. Э. (Lo-huizen de Leew J. E.) 162
 Лэн-Пулль, С. (Lane-Pole, S.) 316
 316
- Мавак** см. Мауэс
 Мада 374
 Майтрейя 216
 Макдональд Г. (Macdonald G.) 94 *
 Маккоун Д. (MacCoun D.) 41 *
 Мамун 222
 Мангутаи 288
 Мандельштам А. М. 65*, 152*
 Мансур, халиф 222
 Мансур ибн Нух 240
 Марваруди, садр 346
 Марваруди (Марваруди), Муба-рак-шах 265
 Маргани см. Рукн ад-Дин Абу Бекр ибн Тадж ад-Дин Умар Маргани
 Марк Аврелий 178*
 Марк Аттилий Регул 103
 Маркварт И. (Marquart I.) 50 *, 66 *, 134 *, 152, 167 *, 202 *, 204 * 207 *
 Марко Поло 290, 317
 Марков А. К. 119*, 135*, 147*, 149*
 Маркс К. 328
 Маруф, маулана 358
 Маршалл Д. (Marshall D.) 114*, 161 *, 167 *, 204 *
 Масиста 70
 Массон В. М. 103*
 Массон М. Е. 318
 Мас'уд I 244, 249, 254, 258—261, 265, 269, 272, 354
 Мас'уд III 261, 265, 266
 Мас'уди 230, 235
 Мато (Мати) 270
 Маудуд 254
 Маулана Джафари см. Джафари Табризи
 Маулана Шамс ад-Дин Джермани см. Шамс ад-Дин Джермани
 Маулана Халил (Мир Халил) 332
 Маурья 94, 108, 109, 118
 Мауэс (Мога, Мавак) 118*, 138*, 141, 143—146, 443
 Махшвара 161
 Махманд, шейх 275 (табл.)
 Махмуд Газневид (Махмуд Газ-нийский) 242—249, 252, 253, 258, 260, 261, 265, 271, 272
 Махмуд, переписчик (Махмуд ал-Хусейни?) 336*
- Махмуд, сын Мухаммеда 268, 269
 Махмуд-Мирза Тимурид 358
 Мегасфен 94*
 Меджд ад-Дин 361*
 Меджнун 338, 339
 Мейе А. (Meue A.) 51
 Менандр 109, 117, 118, 119*, 124, 126*, 128, 129, 178*, 181*, 205
 Менгу-хан 296, 306
 Меркитай 304*
 Минерва 173
 Минорский В. Ф. 235, 236, 263, 271*
 Минучехри 248
 Мир-Али см. Навои, Алишер
 Мир Халил см. Маулана Халил
 Миран-шах, сын Тимура 326, 327
 Миран-шах, один из «великих ма-ликов» Афганистана 306
 Мирхонд 342, 347
 Митра 51, 163
 Митридат I 111, 112, 115, 136*
 Митридат II 132, 135, 137, 143, 145*, 181
 Михиракула 205
 Михраман 193
 Мога см. Мауэс
 Моголы (Великие Моголы) 379
 Модэ 133
 Моисей Хоренский 103
 Морган Ж. (de Morgan J.) 135 *
 Муавия 220
 Мубариз ад-Дин Мухаммед Али Атсыз 264
 Музаффар-малик 285
 Музаффар Хусейн 364, 365
 Мукаддаси 228, 230, 232*, 233, 249, 255
 Мункэ-каан 289, 297, 300, 305*
 Мутамид 226
 Мутугэн 285
 Мухаммед, брат Гияс ад-Дина II Курта 325, 326
 Мухаммед, Газневид 254
 Мухаммед, гурский эмир 261
 Мухаммед, гурский малик 260*
 Мухаммед, пророк 224, 274
 Мухаммед, сын Абд ал-Вахида 268
 Мухаммед, сын Сури 258
 Мухаммед, хорезмшах (Мухам-мед II) см. Ала ад-Дин Мухам-мед
 Мухаммед ибн Али, наместник Хорасана 267
 Мухаммед ибн Али Харпуст 269*
 Мухаммед ибн Васиф 239
 Мухаммед ибн Мухаллад 239
 Мухаммед ибн Наджиб Бекран см. Бекран

- Мухаммед ибн Хумаюн Шамс ад-Дин (Байсунқари) 336*
 Мухаммед Губар см. Губар
 Мухаммед Гури см. Шихаб ад-Дин Мухаммед
 Мухаммед Назим 272
 Мухаммед Туглак 311
 Мухаммед Хаят-хан 310, 375*
 Мухаммед Хусейн 362
 Мухаммед Шейбани 363—366
 Муъыз ад-Дин см. Шихаб ад-Дин Мухаммед
 Муъыз ад-Дин Хусейн Курт 316, 320, 321, 325, 332*, 399
 Мых Афган см. Исмаил Мых Афган

Наббан 149
 Навои, Алишер 336, 342, 344—348, 350, 355, 358, 361, 362
 Нагасена 118, 178*
 Нанди 161
 Наияя 163, 164*
 Нарайн А. (Narain A.) 105*, 106*, 110*, 111*, 113*, 114*, 118*, 119*, 126*, 133*, 134*
 Нарсе 202
 Насир ад-Дин, сын Сейф ад-Дина Хасана Карлука 288
 Насир ад-Дин Али Гази 264
 Насир ад-Дин Махмуд 310
 Насир ад-Дин Махмуд [Туглак] 377
 Наср ибн Ахмед (Наср II Саманид) 228
 Непарх 89
 Несеви 277
 Нельдеке Т. (Nöldeke Th.) 50, 167*
 Низак Гархан 221
 Низам ал-Мульк 257
 Низами 336*, 350
 Ника 149*, 150*, 155
 Никудер (Ногодар) 290
 Нок А. (Nock A. D.) 80*
 Нокозок 193
 Нур ад-Дин Абд ар-Рахман Джами см. Джами
 Нух II 228
 Ньюэлл Э. (Newell E.) 100, 102*, 135*

Окладников А. П. 25
 Оксарт 48, 78, 88, 92, 98
 Омар Хайям 239
 Омейяды 223*, 224
 Ород I 137, 148*, 180
 Ортаги 150, 181*, 444
 Д'Оссон (d'Ohsson) 294*, 298*

Пакор 149, 150*, 181*, 444
 Паламед 194*
 Панкратов Б. И. 25, 211*
 Парватака 94
 Парменион 86
 Палап см. Кайс
 Пердикка 88, 89
 Пероз 166, 199, 203, 204, 205*
 Петрушевский И. П. 290, 297*, 301, 303—305, 308*, 309*, 317—320, 354, 357
 Пигготт С. (Piggott S.) 37*, 41*
 Плано Карпини 284*
 Платон 117
 Плиний 96, 97*, 179*
 Плутарх 89, 137
 Полибий 72, 107, 109
 Поло, Марко см. Марко Поло
 Помпей Трог 49, 117, 132, 134*, 155*
 Пор 89, 93, 94
 Посейдон 127
 Прашек Ю. (Pražek J.) 57, 65*
 Приск Панийский 166
 Психера 173
 Птолеми, династия 105, 108
 Птоломей, Клавдий 65*, 121, 122*, 169, 170, 181
 Птоломей [соратник Александра] 193
 Пушкаравати 125*

Раверти Г. (Raverty G.) 270, 310
 Ралсон Э. (Rapson E.) 125*, 136*, 145*
 Рашид ад-Дин 295, 304, 313
 Рейснер И. М. 14, 15, 310*
 Роксана 88, 92*
 Рубенс 351*
 Рудаба 338
 Рудаки 345
 Руки ад-даула ва-д-Дин см. Руки ад-Дин Абу Бекр
 Руки ад-Дин (шамс ад-Дин Младший) см. Шамс ад-Дин II
 Руки ад-Дин Абу Бекр ибн Тадж ад-Дин Умар Маргани 295, 296
 Рустем 338

Саади 336*, 350
 Саалиби 231, 233
 Сайкс П. (Sykes P.) 236
 Саллет А. (Sallet A.) 147*
 Саманиды 224, 226—228, 232, 238—240
 Саммурамат см. Семирамида
 Санаб 154*
 Санабар 150
 Санджар 251, 255, 261, 265, 267, 273, 277

Сандракотта (Чандрагупта) 95
Сападбиз (?) 151
Сасаниды 165—167, 196, 200, 201,
203, 204
Сатибарзан 84—86
Саффариды 224—226, 238, 239
Саффариды Систана 227
Себеос 209
Себук-тегин 228, 242, 258, 271
Сейф ад-Дин, военачальник Тиму-
ра 326
Сейф ад-Дин, сын Изз ад-Дина
261
Сейф ад-Дин ибн Якуб ал-Харави
см. Сефи ал-Харави
Сейф ад-Дин Играк 283, 284, 286
Сейф ад-Дин Мухаммед 261
Сейф ад-Дин Хасан Карлук 287,
288
Сейфи ал-Харави (сейф ад-Дин
ибн Якуб ал-Харави) 23, 295,
296*, 298, 306—309, 332*
Селевк I 93—96, 99, 106, 437, 439
Селевк H 104
Селевкиды 77*, 92—101, 103, 105,
106, 108, 112, 113, 120, 130, 132
Селена 163, 164*
Сельджукиды 254, 255, 261, 265,
273
Семенов А. А. 361, 368*
Семирамида (Саммурамат) 47—50
Сефевиды 366, 379
Сибиртий 92*, 94
Синдан 306, 308*
Скилак 64*, 67, 68*
Смбат Багратуни 209
Смит В. (Smith V.) 138*
Солтан Союн 346; см. Хусейн Бай-
кара
Софит (Софейт) 75*, 94
Софагасен 108, 109
Спалагодам 138, 139*, 144*
Спалахор 138, 139, 144*
Спитамен 65*, 78, 87
Стасандр 93*
Стасанор 89, 92*
Стейн А. (Stein A.) 79*
Страбон 58, 94—96, 97*, 103, 104*,
106*, 109—111, 114, 115, 118,
119*, 121, 122, 125, 132, 134*, 135,
155*, 176
Струве В. В. 60, 61
Султан-шах, брат хорезмшаха Те-
кеша 263
Султан-Шах, юсуфзайский малик
374
Сурена 137
Сурн 256, 260
Суюргатмыш 324

Сыма Цянь 134*

Сэ 162

Сюань Цзан 204*, 209—211

Табари 199, 207*, 238*, 239, 240

Тадж ад-Дин, курд (кирд?) 307

Тадж ад-Дин, отец Рукн ад-Дина

Курга 295

Тадж ад-Дин Харб Систанский
262, 264

Тадж ад-Дин Хормуз Тари 306

Тадж ад-Дин Юлдуз 263, 264

Таксил 93, 94

Тамерлан см. Тимур [Тамерлан]

Тан, династия 218

Тарду-шад 209, 218

Тари см. Тадж ад-Дин Хормуз
Тари

Тарн В. (Tarn W. W.) 85*, 91*,
96—98, 102*, 104*, 106*, 110,
111*, 113, 115*, 118, 120, 134*,
136*, 144*, 145*, 158*, 159*

Тахириды 224—226, 232

Ташит 148*, 159*

Телей 107

Теофил 126*

Тимур [Тамерлан] 321—323, 325—
330, 332, 352*, 355—357, 368—
370, 377, 378

Тимур-малик 282

Тимурбек см. Тимур [Тамерлан]

Тимуриды 319, 322—324, 327, 329,
330, 333, 335, 340—342, 353—
357, 360—366, 371*, 372, 377, 378

Тинторетто 351*

Тиридат (Арсак) 104

Тиштрия 52

Толстов С. П. 57, 113*, 153*, 200*

Томас Ф. (Thomas F. W.) 58*, 69*

Тон-ябгу 218

Торамана 205

Тохтамыш 328

Тревр К. В. 25, 44*, 127, 168*, 209

Туга Тимур-хан 315*, 321

Туглак, династия 377

Тулуй 282, 283, 288

Туркан-хатун 278

Тэмучин см. Чингисхан

Тэт Г. (Tate G.) 240

Уайтхэд Р. (Whitehead R.) 111*
116*

Уаайс (Вайс) 377

Угэдэй (Угэдэй-каан) 287, 288, 298

Уилер М. (Wheeler M.) 190*

Уилсон (Wilson H.) 68, 186*

Улджайту 302, 315

Улуг-бек, сын Абу Саида 373, 374,
375*

- Улуг-бек, сын Шахруха 329, 340—342
 Улуг-хан 310
 Унсури 247, 248
 Урус-бахадур 360
 Усман Маргани 295, 296
 Усман (Мализан) 374
 Утбн 24, 242, 258, 271, 272
 Утолао 144
- Фавстас Бузанд 168
 Фазлаллах Хуруфи 357
 Фань Е 152
 Фарасман 87
 Фаррухи 248
 Фасих 272, 296
 Фахр ад-даула ва-д-Дин 306
 Фахр ад-Дин Гурнд 262
 Фахр ад-Дин Қаджуран 306*
 Фахр ад-Дин Курт 302, 304, 315*, 320 332*
 Феофилакт Симокатта 205*
 Фердинанд, Клаус (Ferdinand, Klaus) 291
 Феригунды 227
 Фетий 49
 Филипп, отец Александра Македонского 86
 Филипп, правитель Согда и Бактрии 92
 Филжсен 126*
 Филострат 149
 Филога 86
 Фирдоуси 248, 332
 Фируз 275 (табл.)
 Фишер К. (Fischer K. F.) 186*
 Фома 147*, 148, 149
 Фраат I 137
 Фраат II 132, 135*, 145*
 Фраат IV 137
 Фраат (Фраот) 149
 Фраварти 52
 Фрада 61, 62, 64
 Фратаферн 86
 Фудзита 134*
 Фуше А. (Foucher A.) 127*
 Фэрсервис В. (Fairservis W.) 32*
- Ҳаджи Али Хафиз 333
 Ҳаджи Мухаммед 361
 Ҳаджиб Мас'уд, сын Ахмеда 268
 Халиф ибн Ахмед 243
 Халил. Амаулзна см. Мир Халил
 Хамдаллах Қазвини см. Қазвини
 Хамза ибн Атрак 224, 238
 Ханьков Н. В. 294*
 Хань, династия 180
 Харлуст см. Мухаммед ибн Али Харлуст
- Хафиз 337
 Хафиз Мухаммед, малик 316
 Хафиз-и Абру 296, 313, 332, 333, 355
 Хаят-хан см. Мухаммед Хаят-хан
 Хеннинг В. (Helling W. M.) 50, 51, 192*, 194*, 203*, 207*
 Херцфельд Э. (Herzfeld E.) 45*, 68*, 137, 138*, 139*, 145*, 147*, 149
 Хизр-хан 377
 Хильджи, династия 311
 Хиргоман 193
 Хобо 307
 Ходжа Абдаллах Ансари см. Абдаллах Ансари
 Ходжа Ахрар 340
 Хой Чао 219
 Хондемир 347, 349, 359, 360
 Хориен 78, 88
 Хормизд IV 208
 Хосров 338*, 339, 459
 Хосров I 204, 208, 209
 Хосров II 209
 Хозрко см. Хувишка
 Хубилай-каан 300
 Хувишка (Хозрко) 164, 187, 191, 192
 Хулагу 299—301
 Хулагунды 290, 301—303, 305, 314, 315, 318, 321
 Хумлум Ю. (Humlum J.) 6*
 Хуруфи, Фазлаллах см. Фазлаллах Хуруфи
 Хусам ад-Дин Али Қирмах см. Қирмах (Кармах)
 Хусам ад-Дин Курт 296*
 Хусам ад-Дин Джавул 306, 307
 Хусейн Байкара 327*, 340—344, 346—348, 350, 352, 355—358, 360, 362, 363, 462
 Хусейн, внук Қазагана 323, 324
 Хусейн [Курт] 316
 Хусейн Уди 346
 Хусейн-Мирза, султан см. Хусейн Байкара
 Ал-Хусейн см. Махмуд, переписчик
 Хусрау-малик 262
 Хусрау-шах 362, 363
 Хушхаль-хан Хаттак 23
 Хэд Б. (Head B.) 99
- Цегледи К. (Czeglédy K.) 209*
 Цидоло см. Кидара
- Чагатай 285
 Чайлд Г. (Child G.) 41*
 Чанг 374

Чандрагупта 94, 95, 108; см. также Сандракотта
Чжан Цянь 121, 124*, 133, 134*, 150, 169*, 177
Чингисхан 279—289, 291—293, 296, 304*, 319, 353
Чормагун 288

Шава 208
Шаванн Эд. (Chavannes Ed.) 208, 218
Шамс ад-Дин I (Шамс ад-Дин Мухаммед Курт) 293, 294, 296, 297, 300—303, 304*, 305*, 306—308, 309*
Шамс ад-Дин II 307
Шамс ад-Дин III (Шамс ад-Дин Мухаммед Курт) 315
Шамс ад-Дин Байсункари см. Мухаммед Ибн Хумаюн Шамс ад-Дин (Байсункари)
Шамши-Адад V 48
Шапур I 165—175, 212*
Шапур II 166—168
Шараф ад-Дин 301
Шах Вахшский 264
Шах Музаффар 347, 350
Шах Хусейн Гури 270
Шахан-шах 306, 307
Шах-бек 362
Шахбаз, Калэндар 375*
Шахид Балхи 240
Шахрух 327*, 329—334, 336—338, 340, 341, 347, 348, 353, 357, 358, 360, 371, 372, 377

Шаху Лоди 311
Шейбани см. Мухаммед Шейбани
Шейбаниды 366
Шива 161, 165
Шики Хутуху-нойон 284, 293
Ширатори 134
Ширван 259, 260
Ширин 338*, 339, 405
Шис 260
Шихаб ад-Дин Мухаммед 262—264, 273, 274
Шлюмберже Д. (Schlumberger D.) 76*, 187*, 190*, 194, 251*
Шпюлер Б. (Spuler B.) 296*, 297*
Шуджа 312, 313

Щукин И. (Stchoukin I.) 336*

Энгельс Ф. 256
Эратосфен 58
Эрман В. Г. 25, 212*
Эрот 141, 191

Юнг Р. (Joung R. S.) 123*
Юнг-киу 144*
Юнкер Г. (Junker G.) 199*
Юстин 48, 93, 103—105, 111, 113—115, 121, 132, 133, 135*
Юсуф 332

Якуб ибн Лейс 225, 226, 239
Якубовский А. Ю. 216, 253*
Ямин-малик 269*
Яньгаочжень 161, 162
Ясавур Никудери 315, 331

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- А-бу-цзянь 211, 262
Аби Истада, оз. 308*
Абверд 362
Абу Наср Парса, мечеть: см. Мечеть Абу Наср Парса
Азаб 297
Азербайджан 287, 302, 357, 365*
Азия 27, 71*, 84, 87, 93, 279, 281
Азия Западная 318
Азия Малая см. Малая Азия
Азия Передняя см. Передняя Азия
Азия Центральная см. Центральная Азия
Азия Юго-западная 31
Азия, центральные районы 128
Айртам 186
Ак, р. 50*, 72
Алай 180
Александрия Арахосийская 86, 91*, 176*
Александрия в Арее 91*, 176
Александрия в Дрангиане 91*
Александрия Египетская 177, 178
Александрия Кавказская (в Паропамисадах) 87, 88, 91*, 118, 144
Александрия в Маргиане 97
Александрия Опiana 58*, 87*
Александрия в Согде 91*
Александрополь 91*, 138, 176*
Америка 27
Амида 166
Амир-Памир 28
Аму-Дарья, р. 6—8, 59, 87, 129, 133, 150, 201, 202, 208, 210, 226, 242, 243, 263, 279, 282, 283, 287, 296, 300, 315, 325, 363, 365; см. также Амуйа, Джейхун
Аму-Дарья, левобережье 8, 9, 318, 363, 366
Амуйа (Аму-Дарья) 297, 300
Анабон 119, 136
Анбир 231
Англия 10
Андак 88
Андараб 227
Андхой, Андхуд 316*, 356, 365
Антиохия 96
Антиохия Маргианская 73
Аньси 147*, 152*, 158, 159*
Аорн 73, 87
Апага 211
Аповарктикена 96*
Аравийское море 177
Аравия 179
Аракс, р. 59
Аральское море 200
Арахосия 11, 13, 17, 21, 22, 46, 47, 51, 55, 57, 62—64, 66, 69, 71, 73, 78, 79, 81, 82, 85, 86, 89, 92*, 93, 94, 98, 108, 110, 114, 116—119, 121—123, 128, 129, 131, 135, 136*, 137—139, 141, 146, 147, 149, 150, 155, 156, 158, 160, 169, 177, 183, 195, 210—212
Арахосия, город 136*
Аргандаб 39
Аргесан, р. 372
Асея 13, 16, 17, 46, 47, 51, 52, 57, 65, 66, 69, 73, 78, 79, 81, 82, 84—87, 89—91, 92*, 93, 95, 97, 100, 104, 119, 121, 135, 136, 148*, 149*, 155, 156, 169
Ариана 102, 109
Аригей 88
Арикамеду 178
Армения 60, 93, 185
Артакавана 69, 85, 97
Артемита 109
Ал-Аскар 249
Аспион 106*, 115, 119
Ассирия 48—50, 99
Аставена 96*
Астрабад 342, 362, 365*, 366
Астрабадская область 365
Атрек, р. 202

- Атток 8, 68*
 «Афган». сторона 313
 Афганистан 5—23, 27—32, 34, 35, 37, 41—46, 53, 58, 66, 68, 69, 72, 91*, 99, 102, 106*, 131*, 137*, 155, 157, 161, 200, 207, 210, 211, 212*, 214, 218, 234, 235, 237, 238, 240, 243, 263, 266, 282, 287—291, 297, 305—307, 308*, 309, 316—319, 321, 323, 328, 342, 345*, 354*, 368, 371
 Афганистан Северный 153*, 356
 Афганистан Северо-Восточный 228
 Афганистан, центральные области 21
 Афганистан Южный; Южные области Афганистана 12, 20, 21, 34
 Афганистан Юго-Западный 8, 11
 Афганпур 310*
 Афганские районы Северо-Западной Индии 311
 Афины 75
 Ахангеран 258
 Ахая в Арее 97*; см. Ахеида
 Ахеида (Ахая в Арее) 97
 Ашада 63
 Ашияр 287
 Ашхабад 127

 Багдад 226, 245, 300, 302
 Баги-Заган 358
 Баглан, р. (Кундуз) 8
 Баглан (Багалан) 194, 210
 Бадахшан 8, 9, 34, 35, 65*, 152, 200, 203, 205, 232, 234, 316*, 372
 Бадгис (Бадгиз) 7, 208, 221, 231, 289, 302, 303, 316, 318, 364, 365
 Баджаур 6, 375—377
 Бадиянь (Бадиян) 205, 207*
 Бактрия (Бактриана) 6*, 12, 13, 16, 17, 18, 20—23, 44*, 46—51, 53, 55—57, 59—62, 64, 65, 66, 69—75, 77, 88, 90, 91, 92*, 93, 95—97, 98—103, 106—110, 112—116, 119, 121, 122*, 123—133, 134*, 135, 136, 142, 145*, 150, 151, 153, 155, 158, 159*, 160, 165—170, 177—179, 180—187, 190, 195, 200, 201, 203, 205, 206, 208, 209*, 213, 348, 439
 Бактрия Северная 20, 151*, 155*, 186—188, 195*
 Бактры 48, 49, 69, 70, 73, 74, 80, 87, 91*, 95, 99, 107, 158, 169, 170, 177, 180
 Бала-Мургаб 8
 Бала-Хнсар 74, 122, 123, 169
 Балалык-Тепе 185, 195
 Балканы 34
 Балут (Бал-от) 235, 236
 Балх (Балх) 6, 18, 29, 79, 165—167, 169, 202, 208—210, 220—223, 225—227, 229, 230, 232, 237, 239*, 240, 242, 247, 254, 255, 261, 263, 265—269, 279, 283, 295, 297*, 298, 316*, 317—319, 323, 324, 348, 353, 362—364, 366, 372, 461
 Балх, р. (Балх-аб) 8
 Балханы 168
 Бамиан 8, 88, 186, 210, 215, 216, 222, 223, 255, 258, 263, 264, 285, 287, 316*, 451
 Бамиан, пер. 6
 Бамианская долина 214
 Бампур 41
 Банди-Амир, р. 8 см. Балх, р., Балх-аб
 Банхар (Нинхар) 235, 236
 Банну 236, 311, 369, 371
 Барбарикон 177, 179
 Баригази 117, 177, 178
 Бартар (?) 259
 Басра 220
 Бахарз (Бахарз) 297, 305, 315, 316
 Беграм 58, 62*, 110*, 123*, 138*, 156, 170—176, 185, 186, 188, 213, 446, 447
 Белуджистан 34, 41—43, 48, 49, 62*, 66, 89, 95, 118*, 277, 306*, 307*, 308*, 309*, 322, 370, 372
 Бенарес 161, 262
 Бирмаль 369
 Бируза 235, 236
 Бисутун 28
 Бихр-Маунд 74, 124
 Ближний Восток 43, 184, 229, 237, 321, 330, 342, 357
 Боланский проход 7, 42, 306*, 309, 362
 Боло 167
 Бомбей 126*
 Бо-хэла (Балх) 210
 Британская Индия 10, 13
 Броах 177
 Бунер 372
 Буст 208, 229, 232, 242, 249, 258, 265, 266, 279, 297, 328
 Бустистан 297, 305*
 Бухара 110*, 226—228, 232, 282, 337, 362, 363, 372
 Бухарский оазис 114, 208
 Бухарское ханство 343*
 Бушенг (Бушендж) 224, 226, 304; см. также Фушендж
 Бходжпур 311
 Вавилон 56, 57, 59, 60, 79, 81, 83, 92—94, 95

- Вавилония 34, 60, 61, 89, 93, 99, 108
 Вазиристан 236
 Варахша 216
 Вахан 152, 228, 262
 Вахш 87, 234
 Везувий 175
 Византия 207, 219
 Волга, р. 328
 Гавгамелы 65*, 66*, 71*, 83, 84
 Газневидское государство 13, 242, 249, 252—254
 Газна 252 см. Газни
 Газни 6, 9, 86, 91*, 138*, 210, 220, 226—229, 242, 245, 251, 252, 254, 260—265, 267—269, 271—273, 282, 283, 286, 287, 317, 318, 367, 368, 371, 373
 Газнийские горы 272
 Газнийское княжество 242
 Газни-Кандагарское нагорье 7, 21
 Газургах 333
 Гандугава 62
 Ганджара 18, 50, 57, 66—69, 71, 74, 75, 77, 79, 84, 91, 108, 109, 111, 114, 117—119, 124—129, 131, 135, 138, 141—144, 146—150, 155, 156, 159—161, 165—167, 169, 177, 181—183, 195, 204, 205, 207, 213, 219, 349, 381
 Ганзак 201
 Гантоло 166
 Гаофу 144*, 147, 151, 152, 158
 Гардез 116*, 235, 236
 Гарджистан 227, 297; см. также Гарчистан
 Гари-Мар 30, 31
 Гармсир 327*, 341
 Гарра 372
 Гарч аш-Шар 229
 Гарча, вилайет 316
 Гарчистан 231, 232, 242, 257, 305, 316; см. также Гарджистан
 Гвалинор 262
 Гедросия 58, 86, 95
 Гераклея 97
 Герат 7, 31, 42, 46, 50, 85*, 91*, 207*, 208*, 220, 226, 229—231, 233—238, 244, 255, 259, 262, 263, 265, 267—269, 282, 285, 287, 288, 294, 295, 297—299, 301—305, 315—322, 324—327, 329—337, 339—344, 346—350, 352, 353, 356—362, 364—367, 378, 455, 457, 458
 Гератская область 224—226, 229—230, 233, 237, 266, 287, 295, 299*, 315, 318, 319, 322, 355, 358, 362
 Гератская провинция 11
 Гератские горы 257
 Гератский оазис 8, 9, 46, 84*, 85*, 202, 298, 309*, 320
 Гератский вилайет 299
 Гератский округ, округа Герата 257, 305, 359
 Геряруд, р. 7, 8, 72, 106, 199, 219, 220, 229—231, 233, 255, 266, 297; см. также Теджен, р.
 Гибинь 133, 142, 144, 147*, 151, 158, 161, 180, 218, 219
 Гидасп, р. (Джелам) 89
 Гидгит 272
 Гильменд (Хайтумап), р. 6—8, 34, 35, 38, 39, 41, 46, 125, 230, 249, 305, 318
 Гималан 212*
 Гиндукуш 6, 8, 10, 27—29, 34, 50, 86, 88, 108, 110, 114, 117, 124, 128, 167, 169, 170, 205, 210, 218, 220, 222, 255, 262, 263, 266, 279
 Гипанис, р. 110
 Гиркания 47, 54, 93, 104
 Гиришк 7, 72
 Гомал, р. 211, 369
 Гомальский проход 6
 Горбанд 222, 291
 Греко-Бактрия, Греко-бактрийское царство 13, 17, 102—106, 108—110, 113, 114, 116*, 119—121, 125, 127—134, 155, 181, 200, 214
 Греция 67, 77*, 83, 87, 91, 93
 Гуджарат 262, 311
 Гузган (Гузганан) 226, 227, 231, 234, 259
 Горы Гузгана 232
 Гуйшунань 151, 152, 154, 155*, 158
 Гуйшун, р. 129, 133
 Гур 18, 220, 231, 232, 234, 237, 254—265, 269—271, 287*, 291, 294—297, 298*, 299, 301, 305, 306, 317, 319, 322, 325—327, 341, 362, 378
 Гур, вилайет 316
 Гурган 329
 Гурзиван 285, 305
 Давань 128, 133, 134*, 180
 Давар 220
 Давлатабад 267
 Давлатабад (Девагири) 311
 Даман, равнина 311
 Дамган 298
 Дандан-Шикан, пер. 6
 Данданакан 254, 354
 Дахя см. Бактрия (Бактриана)
 Дацинь 178, 179
 Дашти-Марго 6
 Дашт-и Ланган 249

Дворец Баргах 331
Дворец Унсия 347
Двуречье южное [Тигра и Евфрата] 40
Девагири 311
Дели 254, 262, 328, 377
Деметрия 110, 123
Дера Исмаил-хан, округ 236, 369
Дераджат 311
Дехистан 202, 329
Джалалабад 8, 9, 88, 178, 186, 189
Джалалабадская низменность 8
Джалалабадская область, район 8, 236, 317
Джалалабадский оазис 9
Джалут 235, 236
Джам 266, 297, 305, 325, 365, 456
Джам, вилайет 316
Джамно-Гангская долина 205
Джелам см. Гидасп
Джейхун (Аму-Дарья) 371
Джемдет-Наср 36*
Джеты-Асар 200*
Джирм 228
Джируфт 290
Джузджан 229
Джурвас 259
Дионисополис 99
Пир 6
Доаб 311
Дрангиана 11, 13, 17, 21, 22, 46—49, 51, 54, 56—58, 64, 66, 69, 78, 79, 84—86, 89, 91*, 92*, 93*, 95, 96*, 98, 100, 117, 119, 121, 125, 131, 134—137, 142, 155, 169, 177
Дуаба 375
Дуки, крепость 307, 308*, 370
Дуки, район 308*
Дуки-Лоралаи, район 370
Думи 151
Дунь-хуан 133
Евкратидия 113, 123
Европа 27, 360, 361
Европа Восточная 281
Европа Западная 19, 360
Евфрат 34, 95, 96, 180
Египет 35, 48, 57, 59, 60, 81, 93, 101, 104, 173, 245, 281, 300
Елькен-Тепе 54
Ер-Курган 167*
Забул 221
Забулистан 362
Зава, вилайет 366
Зава, город 321
Закавказье 25, 34, 201, 287, 300, 324, 328

Заминдавар 8, 258, 263, 362
Западно-Тюркский каганат 218
Зарандж 220, 267
Зарнаспа 69, 78, 122*
Захидан 328
Зеравшан 87
Золотая Орда 329
Зхоб 20, 35, 370
Зхоб, р. 307*

Имай 109
Инд, р. 6—8, 22, 34, 40, 41, 42, 47, 58, 64, 67, 68, 86, 88, 89, 93, 94, 109, 110, 118, 119, 141, 142, 149, 161, 177, 236, 272, 274, 277, 286, 297, 305*, 309, 311, 322, 371, 375, 376
Индийский океан 7, 8, 9
Индия 8, 11, 13, 18, 24, 29*, 40, 42, 44*, 45, 49, 64, 67, 74, 93, 94, 108—110, 115, 118, 129, 136*, 141, 147*, 148, 149, 157, 159*, 160, 161, 162, 165, 166, 175, 177—179, 190, 204, 205, 211, 212, 232, 235, 237, 243, 244, 247, 253, 254, 261—263, 271—274, 281, 287, 291, 292, 297, 306*, 309—311, 318, 322, 328, 353, 360, 367, 368, 370, 372, 378
Индия Северная 12, 243—254, 290
Индия Северо-западная 13, 20, 29, 31, 32, 43, 235, 272, 300
Индо-Китай 181
Индостан 8, 262
Ирак 31, 34, 263, 302, 373
Иран 6, 11—13, 23, 24, 28, 32, 34, 35, 41, 42, 44, 45, 47, 50, 58, 66, 80, 81, 83, 89, 91, 132, 168, 199, 201—205, 207—209, 213, 214, 218, 219, 226, 230, 233, 243, 277, 282, 287, 288*, 297, 299, 300, 303, 322, 324, 328, 345, 353—355, 357, 359, 360, 366, 367, 379
Иран Западный 268, 288, 300, 329, 342, 387
Иран Северный 45
Иранское плато 31
Ирийаб 368
Иртыш, р. 328
Исфahan 243, 327
Исфизар 297, 315*, 327, 341
Исфизар, вилайет 316
Итакаган 202
Италия 178
Ихтияр ад-Дин, цитадель Герата 320, 325, 326, 340, 365

Издуйи, сел. 299

- Кааба** 222
Кабул (Кофен) 6, 8, 9, 47, 88, 134*, 136*, 137*, 138*, 144*, 152, 170, 173, 178, 187, 206*, 210*, 213, 215, 220—222, 224, 226, 228, 232, 237, 242, 265, 279, 291, 297, 310, 317, 322, 328, 364, 367, 368, 372—374
Кабул, р. (Кабул-Дарья) 6, 7, 8, 58, 68, 89, 220, 228, 283, 329, 369, 374
Кабулистан 21, 100, 108, 109, 110, 111*, 159, 165, 186, 206, 208, 222, 271, 322, 372—374, 378
Кабульская область, район Кабула 218*, 219, 222—224, 226, 228, 309, 317, 318, 322, 370, 372—374, 378
Кабульский вилайет 9, 11, 371
Кабульское царство 222
Кавказ 19, 68*
Кавказский хр. 86
Кадисия 219
Кадусия 60
Калаи-Мир 123
Калати-Гирд 36
Камади 290 см. **Джируфт**
Кампила 311
Канаудж 272
Кангюй 128
Кандагар 7, 24, 31, 32, 38, 39, 42, 45, 46, 75*, 86*, 91*, 95, 108, 138*, 147*, 149*, 223, 273, 291, 307, 323*, 327, 328, 341, 362, 365, 367, 368, 371—373
Кандагарская область, районы Кандагара 222, 317, 322, 371, 372
Кандагарская провинция 136
Кандагарский вилайет 371
Кандагарский оазис 9
Кандагар, область 223; см. **Кандагарская область**
Кансу 61*, 134
Каписа 58, 62*, 72, 74, 77, 124, 170, 173, 175, 177, 210, 211, 219
Капишканиш 62, 63*
Каппадокия см. также **Селевкида** 93
Кара-Камар 29—31
Қара-Теле 170
Каракорум 300
Каратегин 180
Карашар 205
Кариата 87
Кармания 89, 119*
Карры 137
Карши 167
Каспатур (Каспапур) 67, 68
Каспийское море 199, 282
Катван 255
Катор 368*
Каттаган 291
Катхивар 109, 141
Каунчи 153*
Кафрристан (Нуристан) 11, 43: 368*
Кафринган, р. 80, 170
Кашан 54
Кашка-Дарья, р. 87, 152
Кашмир 27, 28, 68*, 133, 141, 142, 161, 204*, 219*, 272
Кветта 7, 31, 32, 36, 37, 38, 42, 45, 211, 306*, 370*
Кветто-Пишинское нагорье 6, 21, 370
Кей-Кобад-шах 123, 156, 170, 171, 172*, 175, 185, 213
Келат 43*, 306*, 325
Керки 365
Керман 226, 306, 312, 313, 322*, 327*, 360*
Сардсир Кермана 313
Кили-Гхул-Мохаммед 31
Кипчакские степи 277
Киргизия 133, 142
Кирополь 58
Китай 134*, 144, 162, 163, 173, 179—181, 195, 211, 219, 232, 281, 318, 329, 353, 354, 360, 361
Китай Северный 255
Кобадан 79
Кокча, р. 8
Кофен см. **Кабул**
Кох-Снях 325
Кох-и Снях-Пашт, хр. 24
Кохат 307*, 312, 371
Красное море 177
Ктесифон 220
Кулан-баши, степь 287
Кунар, долина 6, 18
Кунар, р. 88
Кундуз 186, 187, 190, 209—210
Кундуз, р. 8: см. также **Баглан**
Курам, Курамская долина 287, 292, 368—371
Курам, р. 274, 311, 312*, 368, 371
Курдистан Южный 287
Кусувийе 305
Куч-Гандава 62*
Кухи-Ходжа 139, 140, 250, 441, 442
Кушмехан 201
Лагман 221, 374
Лагманская долина (Лампака) 8
Ланьши 121, 158, 169*
Лахор 254, 261, 262, 264, 297, 377

- Лашкар-и Базар 249, 251, 252
 Лашкаргах 249—251, 331, 349
 Лидия 56
 Логар, р. 283
 Лоралаи 308*, 370
- Мавзолей Гаухаршад 335, 336, 348, 403
 Мавзолей Гур-и мир 335
 Мавзолей султана Санджара 251*
 Мавзолей Ходжа Наср Парса 348
 Мавзолей Чопан-ата 335*
 Мавераннахр 202, 221*. 225, 226, 228, 229, 238, 239, 242, 263, 267, 277, 282, 300, 316*, 323, 324, 328, 335, 340, 342, 355, 360, 362, 364, 365, 371
 Магнесия 107, 110
 Мадрас 178
 Мазандаран 326, 327, 329, 340
 Мазари-Шариф 30, 190, 348
 Макам, гора 375*
 Македония 90, 91, 93
 Макран (Мекран) 66
 Малля Азия 34, 56
 Мандеш (Хазар-чашма) 256
 Мараканда 73, 97
 Маргиана 46, 49, 51—54, 60, 61, 63, 64, 66, 72, 79, 91*, 97, 98, 104, 116*, 119*, 121*, 135, 136, 150, 180
 Маручак 297
 Марыйский (Мервский) оазис 8, 53
 Массага 89
 Мастунг 306, 307
 Мачай 28
 Медресе Гаухаршад 335—337
 Медресе Гиясия 331
 Медресе Халасия 347
 Медресе в Харджирде 335*
 Медресе султана Хусейна 347
 Междуречье 34
 Меймене 363
 Мекка 222
 Мекран 41, 165
 Мерв 50, 165, 200*, 201, 220, 221, 226, 251*, 254, 255, 257, 268, 295, 316, 318, 319, 325, 353—355, 362, 366
 Мервская область 220
 Мервский оазис 8, 353, 354; см. также Марыйский оазис
 Мерверуд, р. 201*, 230, 364
 Месопотамия 34, 35, 78, 83, 93, 99, 115, 132, 139*, 140
 Месопотамия, Северная 36
- Мечеть Абу Наср Парса 406
 Мечеть Балха, соборная 222
 Мечеть Буста 266
 Мечеть Герата, соборная 266, 331, 347, 348, 358
 Мечеть Мусалла 334
 Мечеть Ходжа Ага-шаха 348
 Мешхед 42, 84*, 365
 Район Мешхеда 340
 Мидия 44, 47—49, 54, 56, 57, 60, 64
 Минарет «башня Махмуда» 265
 Минарет «башня Мас'уда» 265
 Мир-Заках 116, 118, 126*, 138, 145, 146*, 147*
 Миср (Египет) 300
 Монголия 279, 287, 298, 304
 Москва 450
 Мост Пул-и Мияна 320
 Мохенджо-Даро 34
 Муг, гора 17*, 221
 Мультан 220, 235, 236, 245, 262, 273, 297, 311, 322, 368
 Мунгак-тепе 195*, 213
 Мундигаг 32, 39—43, 79
 Мургаб, р. 7, 8, 43, 46, 53, 72, 199, 221, 263, 318, 327, 364, 365
 Мургаб, область (район) 219, 297, 316, 323
- Навикат 221*
 Нагар, крепость 368, 369, 371
 Нагз (Нагар) 371
 Нади-Али 49, 54, 55, 79, 80, 85*
 Наль 35
 Нарату, крепость 358
 Нарбада, р. 177
 Нахшеб 168*
 Непал 141
 Нижнее Поволжье 174
 Нил, р. 34
 Нил-аб, переправа (через р. Инд) 286
 Нинграхар 236, 286, 317, 374
 Нингхар 22*, 374
 Нинхар (Банитар?) 236
 Ниса 17, 99, 121*, 127, 184, 191, 282, 325
 Нишапур 203, 209, 225, 226, 243, 254, 282, 321, 325
 Новая Ниса, городище 354
 Новый Балх 74, 123, 169
 Нусрет-Кух, крепость 283
 Нушки 372
 Нушки-Калат-Харан, район 309*
- Оба 265
 Онон, р. 279
 Оман-Кутан 28
 Орда 297

- Ортоспана 176
Отрар 329
- Пагман, гора 373
Пайкенд 208
Пакистан 6, 8, 10, 12, 13, 21, 306*
Палестина 31
Памир 69, 89*, 162*, 262, 273
Панджшер (Панджхир) 222, 232, 273, 283, 317
Парван 222, 232, 283—287
Париж 126*
Паропамиз 6, 7
Паропамисады 50, 58, 68*, 69, 88, 92*, 93, 99, 114, 124, 129, 134*, 135, 151, 156, 159, 160, 169—171, 186, 213
Парфиена 96*, 177, 184
Парфия 47, 51, 53, 54, 57, 65, 66, 79, 84, 93, 96*, 102—104, 106, 108, 111, 113, 115, 120, 132, 134, 135, 142, 147*, 148, 155, 159*, 164*, 165, 181, 182, 184, 195
Паталена 109
Паталипутра 108
Патиали 311
Пенджаб 41, 43, 44, 159, 161, 165, 262 377
Передний Восток 81, 140
Персеполь 81, 83, 381
Персида 61, 63*, 83
Персидский залив 112, 226
Персия 47, 60, 64, 65, 70, 93
Пешавар 8, 68*, 167, 262, 286, 374
Пешаварская долина 8, 272, 367, 372, 375, 376, 378
Пешаварская область 22, 370, 375, 377
Пишин 211, 370*
Помпея 175, 382
Пондишери 178
Прикаспий 166, 204
Причерноморье 173
Профтасия 87*, 91*, 177
Пуду 158
Пул-и Ахангаран 287
Пули-Хумри 29, 190
Пянджикент 216
- Рабат Баг-и Вазир-Бирун 259
Рабат Бадахшана 235
Рага-Рагмана 47
Рага-Рей 47
Раджастан 205
Разан 259
Рамруд 36
Рана Гхундай 42*
Регистан, пустыня 6
Рей 209, 243
- Рим 110*, 157, 179, 182, 190
Римская империя 174, 177—179, 183
Рум 373
Рвсь 373
Руххадж 211*
Рушан 89*
- Сабазавар 282, 325—327, 357
Савал (Шавал?) 235, 236
Сагала (Сналкот) 118, 124*, 205
Сад Баг-и Наурузи 373
Сад Баг-и Сафид 333
Садж, крепость 307
Саид-Кала 32
Сакастан (Сахастена) 12*, 13, 69*, 135—139, 141, 147, 148*, 149, 150, 155, 156, 203, 211*, 213, 250
Самарканд 28, 185*, 282, 287, 300, 324, 326, 327, 329*, 335, 340, 342, 351, 353, 360, 362, 363, 368, 372
Санга 369
Сараван 234
Сараостр и Сигердида, царство 109
Саттагидия 62*, 66*
Сват 89, 372, 376, 377
Долина Свата 376
Селюкида см. также Каппадокия 93
Семиречье 218, 221
Серахс 72*, 285, 302, 305, 316, 325, 354
Серй 179
Седж-Абад 206*
Сналкот 262; см. также Сагала
Сибн 309*, 368, 370
Сивистан 362
Сигал 137
Сигердида (Сараостр и Сигердида) 109
Сиджистан 211*, 229, 255; см. также Систан
Синд, 41, 205, 220, 288
Синд, р. (Инд, р.) 297, 371
Синьдзян 346
Сирикс 98
Сирия 178, 300, 357
Сиркап, городище 111*, 124
Сирсехух 185
Сирхинд 377
Систан 6, 8, 12, 13, 18, 20, 21, 28, 34—37, 39, 41, 42, 46, 49, 51, 52, 54, 79*, 80, 110*, 112, 136, 137, 138*, 140, 145*, 149*, 155, 165, 220, 221, 223—227, 229, 230, 232, 237—241, 243, 255, 262, 267—269, 271, 287, 288, 290, 297, 303, 316—318, 321—323, 328, 329,

- 350, 362, 379, 400; см. также Сиджистан
- Систана, оазисы 18, 229—231, 233
- Систанская котловина 6
- Ситуль 151, 152
- Советский Союз 9, 346
- Согд (Согдиана) 23, 44*, 51, 52, 57, 65—67, 70*, 73, 79, 84, 87, 88, 90, 91, 92*, 93, 97, 99, 103, 104, 106, 114, 116, 128, 132, 136, 151, 162*, 164*, 179, 180, 185, 200, 213, 232
- Сомнат 247
- Средиземное море 93
- Средиземноморье 126, 180, 229, 232
- Средиземноморье Восточное 101, 110*, 124, 177
- Среднеазиатское междуречье 20, 208; см. также Мавераннахр
- Средний Восток 28, 37, 223, 224, 229, 233, 237, 271, 300, 319, 321, 330, 332, 342, 343, 357
- Средняя Азия 7, 8, 11, 12, 17, 20, 23, 28, 32, 34, 35, 41, 42, 44, 45, 50, 53, 97, 99, 114*, 161, 162*, 167, 168, 185, 186, 204, 213, 218, 221, 230, 232, 233, 255, 257, 262, 268, 281, 282, 288, 300, 315*, 316, 323, 328, 329, 335*, 342, 345, 346, 353, 355, 359, 362, 366, 367, 371
- Стамбул 336*, 365*
- Сузиана 96*
- Сузы 35*, 36, 66, 81
- Сулеймановы горы 6—8, 12, 18, 21, 24, 136, 211, 212*, 220, 226, 234, 237, 270, 272, 279, 305, 309—311, 322, 367—370
- Сурагона 69
- Сурх-Котал 21, 164, 184, 190, 194, 396
- Сурхан-Дарья, р. 87
- Сусия 84
- Сыр-Дарья, р. 58, 65*, 132, 200*, 226
- Табаристан 243
- Табриз 302, 336, 350
- Таджикистан Южный 123
- Таджикская ССР 46
- Так, крепость 243
- Таквар 274
- Таксила 74, 77, 80, 88, 108, 109, 110*, 111, 114*, 117, 124, 125*, 145, 146, 149, 150, 155*, 156, 161, 173, 179, 183, 185, 205, 213, 214
- Тал-от 236
- Тали-Бакун 36
- Тали-Барзу 185*
- Талькан 201, 202*, 203, 209, 233, 283, 316*, 317
- Танг-и Азао 238
- Танк 274
- Тапурия 115*
- Тараб-хане 350
- Тараз 353
- Тарнаб 340
- Тахти-бахи 147*
- Тахти Сулейман 308*
- Таш-Курган 29, 87, 101
- Ташкент 69, 200, 340, 447
- Тегеран 47, 336*
- Теджен 50
- Теджен, р. 8*, 72; см. также Герруд
- Текнабад 297
- Тепе-Гавра 35^c
- Тепе-Гисар 41
- Тепе-Заргарон 123*, 169
- Тепе-Сиалк 54
- Термез 91*, 97, 169, 170, 173, 185, 186, 209, 225*, 283, 317, 363
- Тери, крепость 307
- Тешик-Гаш 28, 29
- Тибет 27, 212*, 228, 232
- Тигр, р. 34
- Тильситана 354
- Тирах 274, 297, 305*
- Топи-Рустам 169
- Топрак-Кала 17
- Тохаристан 13, 134*, 200, 203, 204*, 208—210, 213, 218, 220—224, 231, 232, 241, 258, 262, 271, 283, 298, 309*
- Тохаристан, вилайет 371*
- Тохаристана, оазисы 233
- Тоци, горный проход 6
- Тоци, р. 236
- Траксиана 119
- Трипарадиайс 93, 94
- Тулак, крепость 258
- Туран 165
- Турива 106*, 115, 119
- Туркестан 12*, 31, 181, 318, 372
- Туркестан Афганский 46
- Туркестан Восточный 162, 163, 181, 200, 204, 205, 207*
- Туркмения 54
- Туркмения Южная 42, 45
- Туркменская ССР 7, 8, 53, 290*
- Туркменско-Хорасанские горы 31
- Турфан 200, 205
- Турция 346, 357, 360, 361*, 365*
- Тус 84*, 254, 263
- Тюркский каганат 209, 213
- Тянь-Шань 218, 226, 277, 328

- Узбекистан (Узбекская ССР) 28,
 29, 46
 Узген 268
 Ур 36
 Ургенч 277, 324
 Урук 36, 41
 Урусский вилайет [Московское го-
 сударство] 360
 Уч, крепость 262, 368

 Фа-ла-на 211, 212
 Фазелис 77*
 Фань-янь-на 210
 Фарах 7, 34, 72, 85*, 297, 315*, 327,
 341
 Фарахруд, р. 318
 Ферахский вилайет 316
 Фарияб 297, 363
 Фармул 236, 371
 Фарс 44, 226, 290
 Фергана 43, 44*, 106, 129, 133, 180,
 200, 268, 372
 Ферганская долина 106
 Фирузкух 262, 265, 287, 297
 Фо-цзя-лан 210
 Фундукстан 215, 349, 452, 453
 Фушендж 207, 325, 328 см. также
 Бушенг
 Фушендж, вилайет 316, 318

 Хадда 187, 189, 216, 435, 448, 449
 Хазар-Сум 29, 34
 Хазара (на левобережье Инда)
 375, 376
 Хазараджат 136, 290*, 291
 Хайбак 190
 Хайбарский проход 8, 274*, 305*,
 370, 375
 Хайбарское ущелье 6
 Хайсар, крепость 258, 295, 297,
 321
 Хайтумант, р. см. Гильменд
 Хамадан 220
 Ханак Ихласия 347
 Ханака Муызз ад-Дина Хусейна
 332*
 Хангу 371
 Харак, пер. 87
 Хараппа 34, 35, 40, 43
 Харах 297
 Хариаб (Ирийаб) 308*
 Харран 207
 Хаф, вилайет 316
 Хаштнагар 375
 Хайбек 29, 191
 Хиван 235, 236
 Хинд 272, 297
 Хиндуван [цитадель Балха] 324
 Хиндурадж, хр. 6

 Хиндустан 235, 297*, 309, 372, 373;
 см. также Индия
 Хисар 363, 372
 Хисийе 151, 152
 Хо 210
 Ходжаки, ущелье 7
 Ходженд 282
 Хорасан 28, 45, 97*, 200, 202, 204*,
 209, 219—226, 228, 230—234,
 237—239, 241—243, 253—255, 257,
 259, 262, 267, 269, 282, 283, 304,
 315, 321, 323, 326—330, 335,
 340—343, 353—355, 357, 358,
 360, 362, 365—367, 373, 379
 Хорасан Восточный 234, 302, 378,
 379
 Хорасан Северный 231, 267, 289
 Хорасан Северо-Восточный 234
 Хорасан Южный 13, 254, 320, 321,
 326, 357
 Хорасан Юго-Восточный 290
 Хорезм 44*, 50, 51, 57, 65, 66, 71,
 79, 87, 153*, 165, 185, 229, 243,
 262, 263, 277—279, 282, 324, 329,
 342, 363
 Хормуз 313
 Хост 9*, 10
 Хотан 205
 Хоуз-Хан-Кала, развалины 354
 Хо цзо 154*
 Ху-линь 210
 Хульм 170, 210
 Хуник 28
 Хусейнан 235
 Хуттал 229, 234
 Хутталан 239
 Хуф, долина 273*
 Хэ-са-на 210
 Хэ-си-на 210
 Хюми 152

 Цао-цзюй-чжа 211
 Центральная Азия 133, 208, 280*
 Центральные районы Азии 128
 Цибань (Гибинь) 219* см. Ги-
 бинь
 Ци-цзян-на 212
 Цилян-шань 134
 Цитадель Балха см. Хиндуван
 Цитадель Герата 316, 333; см. так-
 же Ихтияр ад-Дин

 Чаганиан 203
 Чаман 7
 Чарджуу 180
 Чарикар 58*, 87*, 178
 Чач 375
 Чикаго 40*
 Чан 373; см. Китай

Чингиз-тепе 170
Читрал 152
Чишт 316

Шавал (Шаваль) 236, 370
Шах-и Кабул, гора 373
Шахкот, пер. 376
Шахри-Бану 170
Шахри-Сохте 36, 37
Шахрисябз 325
Шибирган 316, 317
Шираз 322* 327*, 336*, 337, 339
Шотарак 187
Шотландия 19

Шуанми 151, 154*
Шугнан 228, 262
Шумер 34, 35, 40

Элесса 207, 208
Экбатаны 56, 79, 86
Элам 34—36, 40, 83
Эфес 74

Яз-Тепе 43*, 54, 55
Яксарт. р. см. также Сыр-Дарья
58, 96, 132
Яркенд 69

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- абган** 235
абдал 20
аодаи 21, 371
аваганы 212
авган 24
агваны 24
аджам 239, 273, 310
али-хель 10
алькозаи 10
андар 10
аньсийцы (парфяне) 180
апаган 235
арабы 11, 23, 93 219—223, 231, 273
арабы Гузгана 231
арахоты (арахоты) 66*, 86, 95, 112, 177
ареи 58, 66, 86, 112, 149*
ариаспы-эвергеты 58*, 69
ари 44, 45
асии (асианы) 132, 134* 155*
асласии 69, 73, 78, 88, 90
ассакены 73, 78, 88
ассирийцы 48—50, 107
авгасии 65
афганская народность (народ) 12, 19, 20, 23, 67, 276
афганские племена 10, 12, 14, 15, 17, 20—22, 220*, 234, 270 272—274, 291—293, 306 308 312 314*, 322, 367, 368—371, 376—379
южные афганские племена 20, 370
афганцы 5, 10—13, 18—24, 68, 211, 212, 234—237, 240, 264, 270—276, 279, 285, 291—295, 305—307, 308*, 309—313, 314*, 319, 322, 362, 367—369, 370*, 371, 372, 376, 378
африди, африди 10, 274*, 305*, 370
афшары 289*
ацакзаи 10
бактрийцы 22, 48, 49, 57, 60, 68*, 70, 71, 84, 94, 98, 112, 150
бангаши 311, 369
баннучи, баннуджи 311, 369, 370
баракзаи 10
бараки 11
барлас 323
белые гунны 212
белуджи 11, 43*, 294, 295, 313, 321
битани 378
брагун 43*, 370*
буран (ибрахим-хель) 10
бхитани 369
вазиры 10, 370
вазказни (?) 368
варлаки 10, 368*
гагиани (гигиани) 372—375
гедросии 95
геланы 167
гибиньцы 167
гильзаи 10, 20, 270, 271, 293, 312*, 370, 378
гинган (?) 309, 368*
гирканцы 49, 58
гория-хель 372
греки 310*
гуджары 22, 376
гузы 225, 258, 261, 265
гузы балхские 261
гунны (хунны) 133, 134*, 135, 154*, 200, 204, 206
гунны-кидариты 166
гуран 10 273*
гурей 73, 78, 88, 90
гурпы 18, 234 259*, 270, 271, 279, 285, 294, 295, 305, 307, 309*, 316, 321, 326, 327
даи (дахи) 59, 148*
дауры 369
дациньцы 181
дербеки 49 58, 60
дех-и зейнат см. также хазара 11
джаты 370*

джемшиды 11, 270, 327
дзадзи 10
дзадран 10
дилазаки 272; 375, 376
дрангианцы 49, 85, 181
дурани 10, 21

евсены 167
египтяне 57

жужани 166, 167

зирак 10
зирани 22*

ибрахим-хель см. буран
израильяне 23
индийские племена 22
индийцы (инды) 59, 64*, 66*, 68*,
71, 84—86, 95, 109, 112, 290,
310*, 311
индогерманцы 45
индоевропейцы 45
индоиранцы 45
иранские племена 269, 279
исазаи 374
исхакзаи 10

кадусии 49
казахи 11
какары 10, 20, 275, 370
канглы 278
каракалпаки 10
кара-китаи 255, 263
карауны 289, 290, 302
карларчи (карларнийская ветвь)
372, 378
карлуки 221*, 271, 287, 288
кармании 49, 60
кафиры 11, 368*; см. также нури-
станцы
кидариты 166
кирорале см. хиониты
кипчаки 278, 282
киргизы 11, 276*
китайцы 212
курды 273, 306*, 307
кушаны 157, 158, 160—169, 173,
181, 195, 196, 202, 209

лоди 270, 274, 311, 367, 368, 378
лодийские племена 311
лохани 378

македонцы 88
маку 10
мализаи 374
мангаль 10 311
манданы 373

марваты 378
маргианцы 61
массагеты 59
мидяне 45, 49, 53, 57
моголы 291
монголы 206, 279—293, 296—300,
301*, 302, 309, 312, 314*, 318,
319, 322, 328
монгольские племена 279, 280,
288—296, 302, 314
мухаммедзаи 372

нахаран 309, 368*
ниазаи 378
никудери, никудерийцы 11, 290,
295, 321, 327, 340, 341, 362
никудерийцы Кермана 290
никдери (никудери) 290
нурзаи 10
чуристанцы 11, 19; см. также ка-
фиры

опии 58
оракзан 274*, 305*

лактии 24, 67, 68
панджлао 10
пани (парни) 367—370
парачи 11
паропамисады 95
парсии 134*
парсиэты 134*
парфяне 49, 60, 66, 103, 104, 106,
111, 112, 135—137, 141*, 148*,
179, 180
пасианы 132 134*
патаны 24, 25, 134*
пахлавы (парфяне) 141
пашаи 11
паштуны (пахтуны) 23—25, 67,
68, 134*
персы 45 47, 57—59, 62, 65, 83,
291, 310
пехлевицы 212
попользай 10
пранги 378
протомонголы 206
пу-ду (пу-ту) 24, 25

раджпуты 274, 370*
рохила 24
русские 297

сакараваки (сякараулы, сарауки)
132 134* 155*
саки 22, 56, 57, 68—71, 84 94, 132,
134 136, 137 141, 142, 145*
саки-амюргии 59
сакские племена 21

санджари 321
сарауки см. сакараваки
сарбани 378
сарвани 270
сарты 11
саттагидни 66*
сафи 10
сватцы [доафганское население
Свата] 376
сельджуки 254, 265
сирийцы 310*
сисанцы 239, 294, 295, 305
скифы 68, 132, 133, 135, 136
согдийцы 65*, 71*, 84, 98, 112, 114,
132
спартанцы 257
сулейман-хель 10
сур 378
сэ (саки) 133, 134, 141, 142
таджики 10—12, 20, 22, 269, 273,
274, 279, 291, 296, 305, 321, 353,
362
таджики горные 269
таджики Нингхара 22*
таджики Пандшера 273*
таджики долины Хуф 273*
гаймени 11, 270, 327
тапиры 58, 93
тари 367*
тарины 20, 370
тарклани 372, 374
татары 290
теймури 11
тирахцы 273, 274
тохары 132, 134*, 155*
тохи 10

тура (кочевые племена) 53
туркмены-сельджуки 254.

фирузкухи 11

хазара 11
хаттаки 369

чагатаи 290
чамкани 22*
чараймаки 11
чины 212
чолы 212
чжурчжэни 280*

шаки см. саки
шансабани 256, 309*
шейх аля 291
шерани 367, 368
шилъмани 375
шинвари 367, 368, 370
шисани 256
шитак 370

эглы 65, 76*
эллины 96 106* 109 132
эфталиты 21, 22, 161, 199—201,
202*, 203—209
эфталитские племена 21, 221

юечжи (лаюечжи) 128, 131, 133,
134*, 135, 142, 145*, 147*, 150—
152, 154*, 160, 161, 164, 166, 167,
169, 200
юсуфзан 10, 275, 310, 370, 372—
377

яваны (греки) 94, 109, 141

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Табл. 1 Голова Будды из Хадды. Подарок афганского правительства
Советской правительственной делегации.
Собрание Государственного Эрмитажа (Ленинград)

Табл. 2. Жители Гандхары. Рельеф из Персеполя

Табл. 3. Золотые и серебряные изделия из Аму-Дарьинского клада

Табл. 4. Золотая маска из
Аму Дарьинского кладе

Табл. 5. Селевк I

Табл. 6 Александр Македонский. Мозаичная копия в Помпее (картина Филексена (IV в. до н. э.)). Деталь.

Табл. 7. Селевкидский чекан Бактрии (1, 3—7) и соседних стран.
Селевк I (2—3), Селевк I и Антиох I (4—7)

Табл. 8. Скульптурный портрет Ситидея. Мрамор

Табл. 9 Золотая монета Евкратида в 20 статеров

Табл. 10. Серебряный фалар с изображением боевого слона

Табл. 11. Кухи-Ходжа. Штуковая орнаментация

Табл. 12. Кухи-Ходжа. Стенная роспись

Табл. 13. Монеты Маэса (1—2), Аза (3—4), Азисиса (5), Аза II (6) и Герая (10). Подражания чекану Гелиокла (7, 9) и Евкратиды (8—10).
Собрание Государственного Эрмитажа

Табл. 14. Монеты Гондофара (1-2), Пакора (3), Ортагна (4), Диоклета (5), Евгилетиа (6), Деметрия (7), Антимаха (8), Елкратчда (9-10). Собрание Государственного Эрмитажа

Табл. 15. Статуя Кавишви. Каменная скульптура махурской школы

Табл. 16. Беграм Танцовщица Слоновая кость.

Табл. 17. Терракотный рельеф из Беграма. Собрание Музея искусства Узбекистана (Ташкент)

Табл. 18. Халдя. Голова бодисатвы и головы «варваров».

Табл. 20. Хадда. Статуя воина

Табл. 19. Хадда. «Голова аскета»

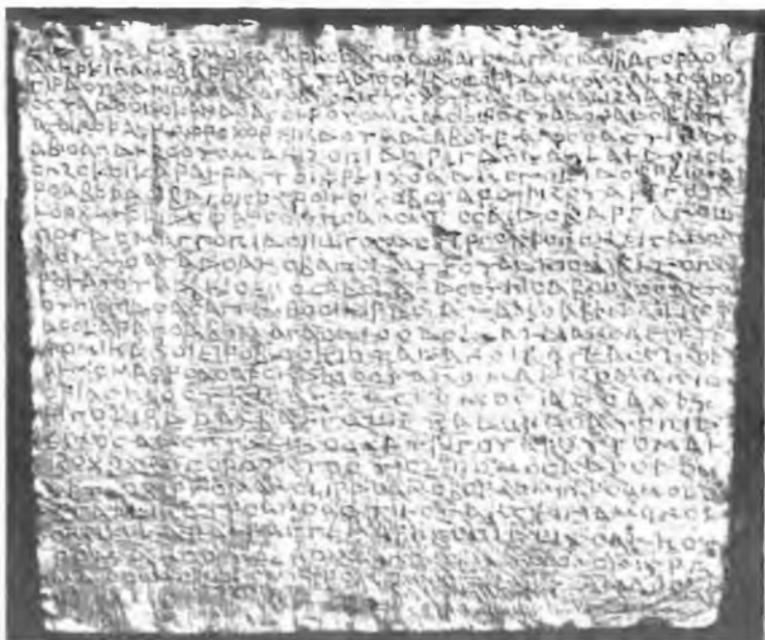

Табл. 21. Сурх-Котал Большая строительная надпись

Табл. 22. Монеты эфганских (1—5) и тюркских (6—7) правителей
Собрание Государственного исторического музея в Москве

Табл. 23. Бамнан, Ростись в нише около статуи «Большого Будды»

Табл. 24. Фундукистая. Солнечное и лунное божества

Табл. 25. Фундукистан. Глиняная скульптура

Табл. 26 Систеран Руины замка X—XI вв.

Табл. 27. Монеты Мушз ад-Дини Курта.
Собрание Государственного Эрмитажа

Табл. 28. Хо жа в Чингг. Руины мечети XI-XII вв. близ Герата.
Устой порталга.

Табл. 29 Минарет в Джаме

Табл. 30. Бронзовый котелок, изготовленный в Герате в 1163 г.
Собрание Государственного Эрмитажа

Табл. 31. Герат. Комплекс Мӯъалла Мави-олей Гаухаршад и минарет

Табл. 32. Ширин с портретом Хосрова. Гератский список «Хамсе» Низами (1431 г.). Собрание Государственного Эрмитажа

Табл. 23. Лейли и Меджнун в школе. Гератский список «Хамсе» Низами (1431 г.). Собрание Государственного Эрмитажа

Табл. 34. Балх. Мечеть Абу Наср Парса

Табл. 35. Портрет султана Хусейна работы Бехзата

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
<i>Часть первая</i>	
ДРЕВНОСТЬ	
Глава I. Древнейший Афганистан	27
Палеолитические охотники. Переход к земледелию и скотоводству. Земледельческая культура Систана. Культура Кветты. Культура Кандагара. Связи со Средней Азией и Ираном и расселение индоиранских племен.	
Глава II. Развитие раннеклассового общества	46
Мидийская держава и проблема древней Бактрии. Возникновение зороастризма. Общественный строй в VIII—VI вв. до н. э. Империя Ахеменидов и поход Кира на восток. Правление Дария и народные восстания. Административная структура империи Ахеменидов. Вопрос о пактиях Геродота. Рост самостоятельности восточных сатрапий. Хозяйство восточных сатрапий. Общественный строй в V—IV вв. до н. э. Культура и искусство VI—IV вв. до н. э.	
Глава III. Под властью греко-македонских завоевателей	83
Поход Александра Македонского. Завоевание Драугианы, Арахосии и Бактрии. Покорение горных племен и Индийский поход Александра. Значение похода Александра Македонского. «Борьба за наследство». Образование державы Селевкидов. Подъем хозяйства в восточных сатрапиях Селевкидов.	
Глава IV. Расцвет и падение Греко-бактрийского царства	102
Отпадение Бактрии и Парфии от Селевкидов. Евтидем и восточный поход Антиоха. Деметрий и «завоевание Индии». «Великий царь Евкратид». Организация Греко-бактрийского царства. Страна тысячи городов. Экономика и общественный строй. Проблема греко-бактрийского искусства. Падение Греко-бактрийских правителей. Юечжийская Бактрия.	
Глава V. Смутный период	131
Юечжи-завоеватели. Парфянское проникновение в Сакастени и Арахосию. Индо-сакская держава Мауэса. Индо-парфянские правители. Юечжийская Бактрия.	
Глава VI. Кушанская империя	157
Образование государства Кушан. Канишка и его наследники. Государство поздних кушан и кидариты. Расцвет городов.	

Развитие торговли. Реформа денежного обращения. Общественный строй. Культура кушанского периода. Святилища Сурх-Котала.

Часть вторая

СРЕДНИЕ ВЕКА

Глава VII. Эфталитское объединение и период политической раздробленности	199
Сложение эфталитского объединения. Борьба с сасанидским Ираном. Вторжение в Индию и подчинение Восточного Туркестана. Распад Эфталитского объединения. Владение Абу-цзянь. Общественные отношения в VI—VII вв. Памятники искусства.	
Глава VIII. Под властью халифата и местных династий	218
Завоевания арабов в VII—VIII вв. Походы арабов в Кабулистан в конце VIII — начале IX в. Народные движения VIII—IX вв. Тахириды, Саффариды, Саманиды. Основные черты социально-экономического развития. Первые упоминания об афганцах в арабских и персидских источниках. Культура.	
Глава IX. Газневидское государство и возвышение Гуридов	242
Военная и административная система. Наука и литература. Дворцы Лашкаргаха. Ослабление и упадок государства Газневидов. Племена Гура и возвышение Гуридов. Государство Гуридов во второй половине XII — начале XIII в. Памятники материальной культуры XI—XII вв. Гурцы, халаджи и афганцы в XI—XII вв.	
Глава X. Монгольское нашествие и государство Куртов	277
Чингисхан и монгольское государство. Вторжение монголов в государство Хорезмшахов. Судьбы Гура, Герата и Систана. Происхождение хазарейцев. Монголы и афганцы. Возникновение княжества Куртов. Хулагуиды и Курты. Общественно-политический строй. Афганистан и афганцы в XIII—XIV вв. Реформы Газан-хана. Государство Куртов в XIV в. Последствия монгольского нашествия. Герат при Куртах.	
Глава XI. Тимур и Тимуриды	323
Приход Тимура к власти и крушение государства Куртов. Под пятой Тимура. Герат при Шахрухе. Культура и искусство Герата при Шахрухе. Ансамбль Мусалла. Раннегератская миниатюра. Приход к власти султана Хусейна. Культура и искусство Герата. Бехзад и гератская школа миниатюры. Культура и общество. Падение власти Тимуридов в Хорасане. Расселение афганских племен во времена Тимура и тимуридских правителей.	

ПРИЛОЖЕНИЯ

Цитированная литература	383
Список сокращений (периодические издания, серии, сборники, названия учреждений)	407
Указатель имен	410
Указатель географических и топографических названий	420
Указатель этнических названий	430
Иллюстрации	433

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
65	9 снизу	᾽Αιγδων	᾽Αιγλων
73	12 сверху	χομα	χωμη
88	16 сверху	35 тыс.	3,5 тыс.
154	7. сверху	ἵραυνος	τυραννος
229	24 сверху	(дикханов)	(дикханов)
259	11 сверху	с многочисленным конным и пешим войском с пятью быстр-	ско достигло рабата Баг-и Вазир-Бирун, там к нему присо-
293	14 снизу	(نقوردای)	(قونقوردای)
294	29 сверху	(سجری)	(سجزی)
378	13—14 сверху	с 1526 г.	до 1526 г.
387	12—13 сверху	the Khwárazmsháh dynasty,	Chingiz Khán and his successors,
409	26 сверху	JASE	JASB
420	11 снизу	Амир-Памир	Амир-Темир
443	2 снизу	(8—10)	(8)
463	8 снизу	правители. Юечжийская Бактрия	рийского царства